

ISSN 2409-0824

Санкт-Петербургский государственный университет

XLIII Международная филологическая конференция

11–16 марта 2014 года

Избранные труды

Санкт-Петербургский государственный университет
2015

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

Информация о конференции представлена
на сайте <http://conference-spbu.ru/conference/13/layout/>

Печатается по решению Ученого совета филологического факультета СПбГУ

Редакционный комитет:

к. ф. н. А. В. Бабанов, д. ф. н. Н. В. Богданова-Бегларян, д. ф. н. Л. Д. Бугаева,
д. ф. н. М. Н. Виролайнен, к. ф. н. В. П. Захаров, д. ф. н. Н. Г. Мёд,
к. ф. н. Ю. В. Меньшикова, к. ф. н. С. И. Монахов, д. ф. н. А. Н. Соболев,
к. ф. н. Е. А. Шамина, к. ф. н. М. В. Хохлова (секретарь)

XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2014 г.: Избранные труды. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. — 479 с.

ISBN 978-5-8465-1395-2

ISSN 2409-0824

В сборнике представлено содержание основных докладов XLIII Международной филологической конференции, которая прошла на Филологическом факультете СПбГУ в марте 2014 года. Одной из традиций конференции является выделение в ее структуре ведущих научных направлений и организация для каждого из них пленарных заседаний. Содержание большинства пленарных докладов отражено в статьях сборника. Также в сборник вошли избранные секционные доклады.

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

ISBN 978-5-8465-1395-2
ISSN 2409-0824

© Авторы, 2015
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2015

ISSN 2409-0824

St. Petersburg State University

43rd International Philological Conference

11–16 March 2014

Selected articles

St. Petersburg State University
2015

UDC 81-22
LBC 81.2, 83.3

Information about the conference presents
on the website <http://conference-spbu.ru/conference/13/layout/>

*These proceedings are published by decision of the Academic Council
of the SPbU Faculty of Philology*

Editorial board:

Andrey Babanov, PhD in Philology (kandidat nauk); Natalya Bogdanova-Beglaryan, PhD in Philology (doktor nauk); Lyubov Bugaeva, PhD in Philology (doktor nauk); Mariya Virolaynen, PhD in Philology (doktor nauk); Viktor Zakharov, PhD in Philology (kandidat nauk); Natalya Med, PhD in Philology (doktor nauk); Yuliya Menshikova, PhD in Philology (kandidat nauk); Sergey Monakhov, PhD in Philology (kandidat nauk); Andrey Sobolev, PhD in Philology (doktor nauk); Elena Shamina, PhD in Philology (kandidat nauk); Mariya Khokhlova, PhD in Philology (kandidat nauk) (secretary)

43rd International Philological Conference, St. Petersburg, 11–16 March 2014: Selected articles. — SPb.: St. Petersburg State University, 2015. — 479 pages.

ISBN 978-5-8465-1395-2
ISSN 2409-0824

This collection of papers includes the contents of the main reports made at the 43rd International Philological Conference which was held at the SPbU Faculty of Philology in March 2014. One of the traditions of this conference is the allocation of particular major research subjects in its structure and organisation of a plenary session for each of them. Most of the plenary reports are featured in this book. It also includes selected reports made at the conference sections.

UDC 81-22
LBC 81.2, 83.3

ISBN 978-5-8465-1395-2
ISSN 2409-0824

© Authors 2015
© St. Petersburg State University 2015

А. А. Алексеев

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ ТЕКСТ И АРХЕОЛОГИЯ

Ключевые слова: археология и интерпретация текста, Исход, Объединенная монархия Давида и Соломона, строительство и население после пленного Иерусалима, письмо в Палестине и библейский текст.

Результаты археологической работы в XX в. делают необходимым пересмотр некоторых важных тем ветхозаветного текста Библии. Рассмотрены четыре эпизода: 1) историчность Исхода, 2) существование объединенной монархии, 3) после пленный Иерусалим, 4) развитие письменности и библейский текст.

Anatoliy Alexeev

St. Petersburg State University, Russia

THE OLD TESTAMENT TEXTS AND ARCHAEOLOGY

Keywords: Biblical interpretation, Exod, the United Monarchy, Jerusalem building and population, literacy and Biblical text.

The essay deals with results of the 20th century's archaeological excavations that make necessary correction of views of 1) Exod, 2) the United Monarchy of David and Solomon, 3) population of after-Exile Jerusalem; 4) literacy in Palestine and formation of the Old Testament texts.

В исторической науке археологии принадлежит исключительно важное место. Всякое исследование прошлого, основанное на письменных документах, будучи подтверждено археологическими свидетельствами, приобретает достоверный характер. В последние два столетия археология приобрела особую значимость для понимания Библии. Достижения в изучении Нового Завета обусловлены находками новозаветных папирусов в Египте и ветхозаветных свитков в Кумране: и те, и другие укрепили историческую достоверность новозаветных документов и привели к отказу от завышенной оценки эллинизма как источника формирования христианства. В то же время некоторые из открытий, связанных с ветхозаветной эпохой, породили чувство горечи и утраты в сознании верующих. Это обстоятельство требует особой тщательности, деликатности и исторической компетентности в деле интерпретации археологических данных. Некоторые из таких драматических эпизодов в истории библейской археологии рассматриваются в настоящей статье. Их особое значение заключается в том, что прямое согласование археологических данных и библейского текста бывает редко возможно, возникающие расхождения заставляют искать новое

понимание не только конкретных эпизодов, но всей истории библейской эпохи, а в библейском тексте видеть не простую фиксацию событий, но целенаправленную интерпретацию действительности.

Становление археологии как науки

Археологическая наука родилась в Неаполе в XVIII в., где счастливо совместились три обстоятельства: наличие уникальных археологических объектов — Помпеи и Геркуланума, значительные финансовые возможности, обеспеченные торговлей сицилийской пшеницей, и мудрость просвещенного короля Карла VII Бурбона (1734–1759). В 1738 г. начались раскопки в Геркулануме, десятилетием позже в Помпеях. Теоретические выводы из результатов были закреплены в новаторском труде Иоганна Винкельмана (1717–1768) «История античного искусства» [Winkelmann, 1764], создавшего первую историко-типологическую классификацию культур на базе достижений археологии [Albright, 1940. Pp. 1–2]. Следующим большим шагом стала работа французских историков и археологов в Египте во время военной экспедиции Бонапарта (1798–1802). В составе воинского корпуса находилось 175 ученых, результаты опубликованных трудов составили 21 том серии «Description de l'Égypte» (Paris, 1809–1828). Именно тогда был в частности обнаружен Розеттский камень (с 1802 г. находится в Британском музее), на поверхности которого египетский текст сопровождается греческим переводом, что в 1822 г. позволило Шампольону (Jean-François Champollion, 1790–1832) определить фонетическое значение тех иероглифов и демотических знаков, которые употреблялись как буквы алфавита [Champollion, 1822, см. также Ray, 2007].

Археологическое исследование Месопотамии началось в 1808 г., когда Клавдий Рич (Claudius James Rich, 1787–1821), талантливый полиглот-самоучка, по поручению британской Ост-Индской компании совершил два больших путешествия в поисках Вавилона и Ниневии; его записки были опубликованы посмертно в 1836 и 1839 гг.

В 1842 г. Поль-Эмиль Ботта (Paul-Émile Botta, 1802–1870), французский консул в Мосуле, начал раскопки древней Ниневии. В 1844 г. к нему присоединился английский археолог Генри Лейард (Austen Henry Layard, 1817–1894). В ходе раскопок была открыта громадная библиотека во дворце Ашшурбанипала (669–627). В 1835 г. английский офицер Генри Роулинсон (Sir Henry Creswicke Rawlinson, 1810–1895) впервые осуществил расшифровку клинописи; материалом послужили персидские документы эпохи Дария I. А в Лондоне, куда были перевезены клинописные таблички, талантливый дилетант Джордж Смит (George A. Smith, 1840–1876) выделил несколько табличек с эпосом «Энума элиш» и в 1872 г. опубликовал перевод рассказа о всемирном потопе [Smith, 1876], который прежде был известен лишь по еврейскому тексту книги Бытия.

Историческое значение этой публикации крайне велико и обусловлено тем, что до начала научной археологии Библия была единствен-

ным источником по истории Ближнего Востока. И далеко не случайно, что успехи в исследовании Ассирии и Вавилона привели к первому кризису библеистики, обусловленному археологическими находками. Один из крупных ассириологов эпохи Фридрих Делич (Friedrich Delitzsch, 1850–1922)¹ выдвинул тезис о том, что в культурном и религиозном отношении Библия представляет собою всего лишь малограмотный провинциальный отзвук великой культуры Междуречья. В своей брошюре «Вавилон и Библия»² он дал уничтожающую характеристику всему Ветхому Завету как порождению отсталого семитского духа и позже связал истоки христианства с шумерами, имевшими неизвестное, но определенно не семитское происхождение, а кончил тем, что предложил заменить Ветхий Завет в «германской Библии» эпосом о Нибелунгах. В Германии начала XX в. такого рода утверждения играли в пользу националистического радикализма³, но в научной среде приняты не были. Возбужденная Деличем дискуссия получила название *Babel-Bibel Streit* или *Tafeln-Täfelchen Krieg*, т. е. «спор между Вавилоном и Библией» и «война таблиц с табличками», где под таблицами имелись в виду скрижали Моисея, которым оказались противопоставлены клинописные вавилонские таблички. С опровержением идей Делича выступил среди прочих Герман Гункель (Hermann Gunkel, 1862–1932), который указал, что богословская мысль Израиля имеет самостоятельный характер и представляет собою подлинное содержание Ветхого Завета. Откровение образует центральный элемент иудаизма, который чужд Вавилону и прочим религиям Востока [Gunkel, 1903]. Своими исследованиями библейского богословия Гункель открыл новые пути науке в XX в., указав при этом, что Библия не может быть понята в изоляции от широкого культурно-исторического контекста, в котором она возникла и существовала⁴.

Начало библейской археологии

Что касается собственно палестинской археологии, то ее начало положил американский библеист Эдуард Робинсон (Edward Robinson, 1794–1863). В ходе своих странствий по Палестине в 1838 и 1852 гг. в сопровождении протестантского миссионера и знатока семитских диа-

¹ Автор серьезного научного труда по ассирийской (аккадской) лексикографии «*Assyrisches Handwörterbuch*» (Leipzig, 1896). Его отец Франц Делич (1813–1890) был крупный библеист-экзегет, исследователь еврейской поэзии и переводчик Нового Завета на древнееврейский язык (1877). Большой знаток раввинской письменности, он неоднократно выступал защитником немецких евреев от обвинений в «кровавом навете».

² Немецкое название первого издания весьма выразительно: «*Babel und Bibel*» (Berlin, 1902). Русский перевод А. А. Нольде: [Делич, 1906] (вышло несколько изданий). Отчет о первых выступлениях Делича см.: [Дьяконов, 1903]. Полное двухтомное изложение этих идей своим названием «великий обман» решительно порывало с наукой, следуя путем атеистической критики [Delitzsch, 1920–1921].

³ См.: [Arnold & Weisberg, 2002. Pp. 441–457]. О расизме в истолковании Нового Завета см.: [Heschel, 2008; Gerdmar, 2009].

⁴ Историю порожденной Деличем полемики см.: [Shavit & Eran, 2007].

лектов Эли Смита (Eli Smith, 1801–1857) он отождествил большую часть географических объектов, упомянутых в Библии. В науке он известен как «отец библейской географии». В конце столетия лондонский археолог Флиндерс Питри (Sir William Matthew Flinders Petrie, 1853–1942) заложил основы полноценной профессиональной археологической работы в Палестине. Они заключаются в так называемой стратиграфии, т. е. разделении на хронологические слои всего объема исторических отложений, и установлении хронологии на основе керамики, характерной для каждого слоя. Питри осознал, что важным следствием археологических раскопок является то, что ими навсегда разрушается исторический облик местности и скрытых под землей артефактов, поэтому он призвал к самой тщательной фиксации всех этапов работы и полному описанию результатов всякой экспедиции. Ведь многие обнаруженные факты лишь со временем могут открыть свою подлинную значимость.

Питри проводил успешные раскопки и в Египте, где в 1896 г. в Фивах близ Луксора обнаружил первое упоминание о еврейском населении Палестины. находка называется в науке «Израильская стела» или «Стела побед фараона Мернептаха», она датируется пятым годом правления названного фараона, что приходится на 1207 г. до н. э. В списке народов, покоренных фараоном в Палестине, в частности находятся такие строки:

Ханаан разорен, ущерб во всем,
Ашкелон завоеван, Гезер захвачен,
Ианоам обращен в ничто,
Израиль опустошен, нет семени его,
Хуру овдовел ради Египта.
Все земли вместе умиротворены,
всякий, кто двигался, стал покорен⁵.

При наличии различных возможностей в толковании надписи и двусмысленности некоторых выражений, непреложным признается факт, что ранее 1200 г. Израиль, скорее всего как народ [Hasel, 1994; Dever, 2009], а не государство, был известен в Палестине [Grabbe, 2007. Pp. 77–78, с литературой вопроса].

Согласно библейскому повествованию, время жизни Моисея приходится на XV в. до н. э., это следует из указания на то, что «в 480-м году по исшествии из Египта в 4-й год царствования <Соломона> (в месяц зиф) началась постройка храма» (3 Царств 6.1). Сорокалетнее царствование Соломона датируется 970–930 гг., таким образом, исход из Египта относится к 1446 г., согласно расчетам [Thiele, 1951]. Однако цифра в 480 лет связана с какой-то символикой⁶ и, возможно, объясняется обычным для ветхозаветного текста представлением, что жизнь одного поколения длится 40 лет, см. Суд 3.1, 5.31, 1 Царств 4.18, Пс 94.10

⁵ Перевод с английского по изданию: [ANET. P. 378].

⁶ Имея это в виду, Ю. Вельгаузен [Wellhausen, 1927. S. 270–271] предположил, что библейский автор оперировал «священными» цифрами, поэтому от постройки Храма до его восстановления в 516 г. также положил 480 лет. По внутрибиблейской хронологии, которая без пропусков дана в книгах Царств, первый храм простоял 400 лет [Galil, 2010. P. 429].

и многие другие. Проверка расчетов на основании родословий (толедот) и прочих хронологических указаний, включенных в библейский текст, не дает однозначного ответа, поскольку, в частности, нет никакой ясности относительно времени, отделяющего события книги Судей от эпохи первого царя Саула. В науке предлагаются цифры в 515, 553, 593 или 663 года от Исхода до основания Храма, но середина XV и начала XVI в. до н. э. представляются слишком ранним временем для Исхода, с какой бы точки зрения его ни рассматривать [Kitchen, 1992. P. 702; Hawkins, 2008]. Между тем сама Библия, как кажется, согласна с датировкой, которую предлагает стела Мернептаха: в Исх 12.37 указано, что началом пути из Египта был Раамсес, бывший местом поселения Иакова и его сыновей (Быт 47.11), где евреи подвергались при фараонах эксплуатации (Исх 1.11). Город, называемый Пи-Рамес, был построен при фараоне Рамзесе II (1279–1213) на востоке нильской дельты [Noth, 1962. P. 22]⁷. В результате археологическая находка стелы привела к установлению более поздней датировки Исхода, которая сегодня стала общепринятой, хотя достоверность самого события вызывает теперь большие сомнения, о чем будет сказано ниже.

Следующий этап библейской археологии связан с именем американца Вильяма Олбрайта (William F. Albright, 1891–1971). В течение многих лет он вел раскопки по всему Ближнему Востоку — Палестине, Аравии, а также в Египте, был одним из главных участников открытия Угарита и Кумрана, опубликовал более тысячи работ по истории и археологии Ближнего Востока. С талантом археолога он соединял исключительные лингвистические способности работать со всеми семито-хамитскими языками региона. Ему принадлежит введение в археологическую практику трехчастной хронологической шкалы, предложенной в свое время датским археологом Кристианом Томсенном (Christian J. Thomsen, 1788–1865), — каменный век, бронзовый век (3400–1300) и железный век (1300–520 г. до н. э.) с делением каждого большого периода на ряд меньших. Олбрайт был библейский археолог в том смысле, что разъяснял археологические находки через библейский текст; ему стоило большого труда отказаться от убеждения, что Исход произошел в XIII, а не в XV в.

Исход в археологии

В 1952–1958 гг. при раскопках библейского Иерихона англичанка Кэтрин Кеньон (Kathleen Mary Kenyon, 1906–1978)⁸ установила, что стены города пали в XV в. до н. э., т. е. раньше прихода израильтян,

⁷ Впрочем, по каждому из свидетельств такого рода высказывается немало противоречивых соображений. Например, сведения, на которые опирается Мартин Нот, могли быть заимствованы редакторами Пятикнижия из трудов египетского историка эллинистической эпохи Манефона [Gmirkin, 2006. P. 211].

⁸ Дочь Фредерика Кеньона (Sir Frederic Kenyon, 1863–1952), автора многих книг по истории Библии, хранителя рукописей Британского музея, при котором в музей поступил из СССР Синайский кодекс.

и что в XIII–XII вв. до н. э. их просто не существовало [Kenyon, 1959]; восстановлены они были, согласно 3 Царств 16.34, в VIII в. до н. э. израильтянином Ахиилом. Затем в ходе других археологических раскопок стало ясно, что из почти двух десятков ханаанейских городов, которые, согласно книгам Иисуса Навина и Судей, были взяты израильтянами штурмом⁹, лишь два, Вефиль и Асор¹⁰, хранят следы военных событий, имевших место в XIII–XII вв. до н. э., но даже и эти два нельзя уверенно связать с действиями израильтян, а не кого-нибудь другого [Dever, 1992a].

Эти археологические открытия породили по крайней мере три серьезных следствия.

Во-первых, возникло понимание того, что «библейская археология» как наука, ориентированная на подтверждение и разъяснение археологическими методами того, о чем говорит Библия, имеет серьезные методологические недостатки. Для согласования с тем или иным пассажем библейского повествования она вырывает археологические феномены из той исторической и культурной системы, которой они органически принадлежат. Как следствие нового понимания вопроса главный периодический орган, посвященный данной проблеме, журнал *The Biblical Archaeologist*, основанный под этим названием в 1938 г.¹¹, в 1997 г. получил новое имя *Near Eastern Archaeology*. Так был подведен формальный итог крайне плодотворному периоду работы, связанному более всего с именем Вильяма Олбрайта, в ходе которого археология приобрела значимость первостепенного источника по истории древнего Израиля и, тем самым, по истории Библии.

Во-вторых, возникли серьезные сомнения в том, что исход из Египта союза двенадцати семитских племен когда-либо действительно имел место. Присутствие израильтян в Палестине в начале XIII в. до н. э., согласно надписи стелы Мернептаха, еще не значит, что эта этническая или социальная группа прибыла сюда из Египта. На фоне полного отсутствия исторических и археологических подтверждений Исхода¹² некоторые детали библейского рассказа кажутся не вполне

⁹ А именно: Иерихон (Нав 6.1–21), Цефаф или Хорма (Числ 21.1–3, Суд 1.17), Гай (Нав 8.24–28), Вефиль (Нав 8.17, Суд 1.22–25), Иерусалим (Нав 10.1–27, Суд 1.8), Ливна (Нав 10.29–30), Лахис (Нав 10.31–32, Суд 18.27), Давир (Нав 10.38–39), Макед (Нав 10.28), Еглон (Нав 10.34–35), Асор (Нав 11.10–13), Газа (Суд 1.18), Аскалон (Суд 1.18), Екрон (Суд 1.18), Есевон (Числ 21.25–30), Дивон (Числ 21.30), Медева (Числ 21.30); в Септуагинте добавлен Азот (Суд 1.18), что исторически недостоверно, поскольку Азот (Ашдот) был населен филистимлянами. Хеврон также был захвачен израильтянами, но о его разрушении или уничтожении не говорится (Нав 14.13–15, 15.13–14, Суд 1.10).

¹⁰ Этот же город в 3 Царств 9.15 назван в русском Синодальном переводе Гацор.

¹¹ Основатель журнала Эрнст Райт (Ernest Wright, 1909–1974) был учеником и сотрудником Олбрайта, кроме археологии занимался богословием Ветхого и Нового Заветов.

¹² Раз в египетских источниках Исход не находит отражения, Дж. Вилер предлагает думать, что египтяне не хотели фиксировать неблагоприятное для них событие, опасаясь магического влияния написанного слова [Wheeler, 2002].

достоверными. При шестистах тысячах вооруженных пеших мужчин, которые вышли из Египта (Исх 12.37), должно было находиться не менее двух-трех миллионов детей и женщин, громадное количество скота, так что кочевой караван мог растянуться на десятки километров. Едва ли армия фараона была страшна столь многочисленному народу. Длительная остановка беглецов в месте Кадеш-Барнеа (в русском переводе Кадес-Варни), отмечена многими событиями (Числ 13.27–20.21, Втор 1.19–46). Здесь, на севере Синайской пустыни, расположен самый большой оазис, что создавало благоприятные условия для длительного нахождения. Однако археологические раскопки обнаруживают здесь следы поселений лишь X–VII вв. до н. э., обитаний более раннего времени не выявлено [Beit-Arieh & Gophna, 1987; Manor, 1992; Finkelstein & Silberman, 2001. Pp. 62–64]. В целом археология не дает никаких свидетельств в поддержку библейского Исхода [Meeyers, 2005. P. 5]. Более того, высказываются взгляды, что историческая картина, запечатленная в Библии, обусловлена более поздними историческими обстоятельствами VIII–VII вв. до н. э. [MacDonald, 2000, Pp. 63–100; Dever, 2003. Pp. 18–20], или же ближе соответствует эпохе VI в. до н. э., когда в Вавилоне была осуществлена большая редакция Пятикнижия [Van Seters, 2001], или же, наконец, отражает ситуацию эллинистической эпохи [Gmirkin, 2006. P. 239]¹³. И все же было бы крайним легкомыслием объявить выдумкой библейское повествование. Возможно, в Исходе участвовала лишь небольшая семитская группа, исторический миф¹⁴ которой разделили примкнувшие к ней родственные племена; возможно также, что библейское повествование навеяно историей гиксосов¹⁵, также семитов, изгнанных из Египта в XVI в. до н. э. [Grabbe, 2007. P. 88]. Моисей происходит из левитов, некоторые из них, как и он сам, носят египетские имена, это Офни и Финеес (1 Царств 1.3), Пасхор (Иер 21.1)¹⁶. Не значит ли это, что именно левиты обитали в Египте, почему им не нашлось собственного надела в Ханаане при распределении земель (Числ 18.24 и 35.2–8, Нав 21), а когда они там

¹³ Через остроумное отождествление картины казней египетских, сопровождавших Исход, с описанием извержения вулкана на острове Санторино (Фера) в середине II тысячелетия до н. э. В. В. Ребрик высказывается в поддержку внутрибиблейской хронологии [Ребрик, 2012]. Однако это предложение доказывает только то, что описание Исхода было сделано *после* извержения вулкана.

¹⁴ Употребляем слово в том смысле, какой придал ему американский этнолог Джозеф Кэмпбелл (1904–1987). Миф — это рассказ об устройстве мира, который существует в данном обществе в данный момент и воспринимается как истинный и актуальный; миф является одним из созидательных элементов организации и существования разного рода социальных групп [Campbell, 1991]. На русский язык переведены его книги «Мифический образ» (2002), «Герой с тысячью лиц» (1997).

¹⁵ Гиксосы — племенное сообщество семитского происхождения, которое вторглось из Сирии в Египет в конце XVIII в., создало государство со столицей в Аварисе, но около 1530 г. было изгнано и бесследно исчезло.

¹⁶ Мошеh из *egip.* msy «рожать», то же в египетских именах Тутмос, Рамсес; Hophni из *egip.* hfn(r) «головастик», Phinehas из *egip.* nhsj «южанин», Pašhur из *egip.* «сын (бога) Гора». См.: [ABD, vol. 3. P. 285–286; vol. 4. P. 911; vol. 5. P. 172, 346].

появились, то оказались рассеяны среди местных обитателей [Meyers, 2005. P. 15]?¹⁷ Безусловно, для включения темы Исхода в основу «исторического символа веры» иудаизма (Втор 6.21–25 и 26.5–9)¹⁸ должны были существовать серьезные причины, равным образом ни один из пророков не обошел ее вниманием.

Иначе говоря, Исход ставит перед современной наукой два вопроса: 1) какие исторические события лежат в основе рассказа о библейском Исходе? 2) почему Исход приобрел такую значимость в традиции? В настоящее время на второй вопрос дано больше ответов, чем на первый, и один из предложенных ответов заслуживает упоминания в контексте нашей темы. Допленный Израиль неоднозначно оценивал Египет, многие израильтяне смотрели на него как на союзника в борьбе с ассиро-вавилонской угрозой. Это прекрасно видно из истории пророка Иеремии, который претерпел гонения и тюремное заключение за антиегипетские памфлеты (Иер 20.1–2, 26.12–24, 37.11–38.13). В 525 г. Египет был завоеван Камбизом I и вошел в состав Персидской империи. Он находился в большей или меньшей зависимости от нее до падения империи в результате похода Александра в 331 г. Библейская историография, продолжая свою традицию в Персии V–IV вв. до н. э., отразила это новое положение Египта как низвергнутого властелина, чем, с одной стороны, выразила свою солидарность с позициями персидской власти, а с другой, придала актуальность теме нового Исхода, на этот раз из Вавилона, которая рассматривалась как задача этнического и этического возрождения¹⁹.

В поисках компромисса были выдвинуты довольно увлекательные теории. В частности такая, что история Исхода может быть представлена двумя этапами: выход из Египта и приход в Трансиорданию под руководством Моисея в XV в. до н. э. (Числ 20.21–22.1) и вторжение в Палестину двумя-тремя столетиями позже под руководством Иисуса Навина (Нав 1–12) [Waltke, 1990. P. 189]. Или же гипотеза, согласно которой в первой волне переселенцев XIII в. двигалось колено Иосифа, вместе с которым прибыл Аарон, оно на новом месте основало амфикионию, спустя столетие-два к ним прибавилось племя левитов во главе с Моисеем [Rowton, 1953].

От Исхода к социальной истории Израиля

На смену исторической модели «завоевания» пришли новые концепции: инфильтрации и социальной революции.

Мысль об инфильтрации или иммиграции, т. е. постепенном и последовательном мирном проникновении израильских племен в Ха-

¹⁷ Имя Левии среди двенадцати сыновей патриарха Иакова дано в списках Быт 29.34 и 49.5, но отсутствует в списке Числ 26.5–48.

¹⁸ В обоих случаях говорится о том, что Господь вывел народ из Египта. Как символ веры определил эти пассажи Г. фон Рад [Rad, 1938]. Всестороннее рассмотрение мысли фон Рада предлагает [Nyatt, 1970].

¹⁹ Изложение этой концепции см.: [Fantalkin & Tal, 2012].

наан, впервые высказал в своих работах библеист из Лейпцига Альбрехт Альт (Albrecht Alt, 1883–1956) [Alt, 1925–1939], а затем развил его ученик Мартин Нот (Martin Noth, 1902–1968) [Not, 1930; Нот, 2014. С. 69–161]. Прозвучав еще до раскопок К. Кенъон в Иерихоне, эта догадка была обусловлена тем общим недоверием к исторической части библейского повествования, которое стало результатом успешной разработки в XIX в. «документальной гипотезы», или «гипотезы Графа-Велльгаузена» [van Bekkum, 2011. P. 7]. В недавние годы взгляды Альта и Нота разделяли многие археологи, работающие в Палестине [Hermann, 1985; Kochavi, 1985; Finkelstein, 1988]. Свои выводы Альт сделал, обратив внимание на то, что система укрепленных городов-государств (полисов), отраженная в списке фараона Тутмоса III на стенах храма Амона в Карнаке, где описаны результаты его похода в Ханаан в 1479 г. до н. э.²⁰, позднее, накануне эпохи монархии, сменяется в книге Иисуса Навина списком регионов, названия которых даны по населяющим их племенам; при этом города располагались вдоль линии побережья, а племенные земли — в горах Иудеи и Самарии. Следовательно, основные городские центры Ханаана не были затронуты пришельцами.

Историческое свидетельство о подобном положении дел содержат письма локальных правителей Ханаана, в их числе царя Абди-Хебы из Иерусалима фараону Эхнатону (около 1350–1330) в Ахет-Атон (ныне городище Эль Амарна в Египте)²¹. Письма написаны аккадской клинописью на глиняных табличках. Цари нередко жалуются на набеги соседствующих с ними кочевых отрядов, которые именуются *апиру* или *хапиру* / *хабиру*. Нередко выдвигается предположение о возможности сближения этого социального обозначения с термином 'ibrî / 'ibrîm Ветхого Завета (см. Быт 14.13, Исх 21.2, Втор 15.12, Иер 34.9), который, возможно, служит обозначением ветхозаветных евреев. В прямом смысле аккадское именование значит «беглецы, беженцы»²², оно отражено в широком круге источников от Вавилона до Египта и чаще всего в Палестине в течение длительного периода XIX–XII вв. до н. э. [Lemche, 1992]²³. Позже М. Нот предположил, что на новом месте своего оседлого обитания бывшие скотоводы-кочевники образовали *амфиктионию*. Под этим греческим термином, который может быть истолкован как «общечитие», известен союз двенадцати греческих государств Аттики, направленный на охрану святилищ в Фермопилах и Дельфах, совместное отправление культа и урегулирование спорных вопросов; такого рода союзы не основаны на племенном родстве.

²⁰ См. раздел «Toponym's Lists and City Destruction» в работе [Redford, 2003. Pp. 43–54].

²¹ Амарнский архив был обнаружен в 1880-е гг., раскопан и полностью опубликован к 1915 г. с дополнениями в 1970. Всего содержит 382 документа. См.: [Na'aman, 1992].

²² Ср. «בְּרִי» «еврей» (Исх. 21.2) и «בָּרַב» «проходить, уходить».

²³ Что обозначение социально отверженных групп, беглецов, может стать этническим именем, видно из истории слов казак и казах: и то, и другое в тюркских языках первоначально обозначало отколовшиеся социальные группы. См.: [Кляшторный и Султанов, 2009. С. 296–303].

Союз израильских племен формировался вокруг культа Яхве в Силоме (Нав 19.51, Суд 18.31, 21.19), их совместное участие в нем выражалось, в частности, перемещением ковчега завета, главного сакрального объекта, по племенным территориям израильских племен²⁴. Союз преследовал политические и военные цели; города с местным ханаанским населением также могли быть участниками амфикинии. Против модели инфильтрации выдвигаются два возражения: кочевники не бывают столь многочисленны, чтобы в процессе заселения земель вытеснять оседлых жителей [Chaney, 1983], к тому же они и не стремятся к тому, чтобы менять свой привычный образ жизни [Lemche, 1985. Рр. 136–147]. Кроме того, в самом изложении концепции амфикинии Нотом остаются неясности. Союз двенадцати племен полностью сформировался в условиях оседлого пребывания на новом месте обитания, но что служило объединяющим моментом в истории этого союза на предшествующем этапе его существования? В целом Нот допускает для племен этого союза общее происхождение и общую судьбу. В эпоху сорокалетнего блуждания в пустыне признаки племенной организации отсутствовали²⁵, да и причин для нее не видно. Едва ли многие из израильских племен имели предками кочевников.

Концепция социальной революции была разработана современными американскими библеистами Джорджем Менденхоллом [Mendenhall, 1973] и Норманом Готтвальдом [Gottwald, 1979] и сегодня кажется более приемлемой, чем другие; см. ее критический разбор [Lemche, 1985. Рр. 4–34]. В ней придается серьезное внимание всей совокупности антропологических, социальных и экономических фактов, которые могут быть собраны методом сравнительно-исторического исследования для решения вопросов этногенеза. Представление о раздельном и независимом существовании оседлых земледельцев и кочующих скотоводов представляется крайним упрощением реальной картины²⁶,

²⁴ Вначале ковчег находился в Галгале (Нав 4.18–22), затем был перенесен в Бохим (Суд 2.1, на это указывают слова, что Ангел Господень пришел в Бохим из Галгала), долгое время он оставался в Силоме (Нав 18.1, Суд 21.19, 1 Царств 1.3), Вефиле (Суд 20.27) и Кириаф-Иариме (1 Царств 6.21–7.2). Его торжественное перенесение Давидом в Иерусалим (2 Царств 6) означало конец союзной государственности и установление монархии. О связи ковчега завета с племенной структурой говорит то, что после этого он теряет свое значение, в дальнейшем его лишь однажды упоминает пророк Иеремия (3.16) и намекает на него Пс 131.8. Совпадение числа 12 аттических государств и 12 израильских племен может быть обусловлено тем, что обслуживание общих святилищ выполнялось ежемесячно каждым из участников амфикинии.

²⁵ Весьма характерно, что первичное структурирование вышедшей из Египта бесформенной этнической группы осуществляет тесть Моисея, мадиамский священник Иофор. О двенадцати коленах речи при этом нет (Исх 18.13–26).

²⁶ Греческий философ-перипатетик Дикеарх около 300 г. до н. э. выдвинул историко-софскую концепцию последовательного развития человечества через три стадии — охоты, скотоводства и земледелия, которая заняла прочное место в сознании следующих поколений. В действительности, земледелие предшествует скотоводству. Великие переселения народов, на что походит в некоторой степени исход из Египта, имеют другую природу и в эту концепцию не вписываются.

в действительности те и другие существуют бок о бок и могут принадлежать к одному племени. Сельское население, скрывавшееся до времени в горах от тяготы налогов и поборов (вышеназванные *апиру*), со временем образовало достаточно прочные земледельческие общины и проникло в города. Урбанизация в свою очередь послужила разрушению племенных связей. Со своей стороны и религия Яхве вела к ликвидации социальных и этнических перегородок, в чем заключалось ее отличие от прочих религиозных систем Ближнего Востока; на этом же была основана ее популярность. Замечательно, что соображения о несовместимости модели завоевания с историческими наблюдениями, высказаны в этой концепции вне зависимости от археологических данных. Со временем археология подтвердила их, установив в частности, что между поздним бронзовым веком и ранним железным, т. е. в период XIII–XII вв. до н. э., в Ханаане не произошло заметных перемен ни в структуре жилища и хозяйственных построек, ни в формах керамики [Dever, 1992a. Pp. 550–552]. Однако для исторической социологии Библия не является объектом изучения, оставаясь сочинением по политической истории с присущими этому жанру достоинствами и недостатками, тогда как сама методология такого исследования не имеет и не может иметь опоры в археологии.

Пытаясь снять расхождение между социологией (или шире, — антропологией и этнографией), археологией и библейским богословием, американский исследователь Вильям Девер, археолог и богослов, обращает внимание на результаты раскопок, произведенных в Израиле в 70–90-е гг. прошедшего столетия, в ходе которых в разных частях страны было выявлено около 300 сельских поселений с домами тождественной архитектуры (внутренний двор и четыре комнаты), с керамикой традиционного ханаанского типа, заметным количеством железных орудий труда, эпиграфикой, исполненной ханаанским алфавитным письмом²⁷. Все они датируются XIII–XII вв. до н. э. и могут рассматриваться как антропологическая новация, основанная, впрочем, на некоторых традиционных приемах и навыках жизни и ведения хозяйства; их значимость особо показательна на фоне того, что к предшествующему периоду поздней бронзы может быть отнесено лишь 25–30 поселений [Finkelstein, 1988. P. 39]. Эти материалы, полагает Девер, могут быть связаны с первыми израильянами, которые представляли собою сложный этнический конгломерат из местных жителей разного социального и этнического происхождения и пришельцев. Исторические и религиозные воззрения двух центральных племен Израиля — Манассии и Ефрема, потомков Иосифа и выходцев из Египта (в местах их расселения эти новации особенно заметны) — могли отражать их опыт жизни в изгнании и возвращения на старые места обитания и стать со временем общим культурным достоянием

²⁷ Результаты этих раскопок отражены в публикациях: [Finkelstein, 1988; Finkelstein & Na'aman, 1994].

новой этнической группы, сложившейся в Палестине [Dever, 1997a]²⁸. Названные факты могут свидетельствовать только в пользу поздней датировки Исхода.

Вопрос об объединенной монархии

В 1923–1925 гг. при раскопках на Храмовой горе в Иерусалиме ирландский археолог Макалистер (Robert Alexander Stewart MacAlister, 1870–1950) обнаружил каменные ступенчатые сооружения непонятного назначения. В 1961–1968 гг. уже названная К. Кеньон также провела здесь большие раскопки, в 1978–1985 они были продолжены Игалем Шило (Ygal Shiloh, 1937–1987) из Иерусалимского университета. Эти раскопки вызвали возникновение новых представлений об истории древнего города. В эпоху средней бронзы, XVIII–XV вв. до н. э., город был укреплен мощной крепостной стеной с башней у Водяных ворот и принадлежал ханаанскому племени иевусеев. Из-за крутизны склонов для постройки укреплений были созданы террасы. Возможно, это они названы *milloa* (מלוא) «полные» в 2 Царств 5.9 и 3 Царств 9.15, 24 (в LXX акра и без перевода *mello*, в слав. *краеградие* и *мелонъ*, в рус. *Мелло* и *Милло*). На этих террасах и были возведены ступенчатые каменные сооружения (the stepped stone structures), тоже имевшие, вероятно, оборонительное назначение, однако время их постройки с точностью определить не удастся. Их можно датировать XII, X и IX вв. до н. э. Высказано мнение, что это остатки иевусейской «крепости Сион», которая после взятия стала «городом Давида» (2 Царств 5.7–9) [Mazar, 2007. Р. 153], с чем, вероятно, следует согласиться. В любом случае масштаб и изолированное положение этих построек²⁹ не дают оснований говорить о больших строительных работах в рассматриваемую эпоху царей Давида и Соломона: новые городские стены в X в. до н. э. построены не были [Cahill, 2003]. Но этим ставится под сомнение столичный ранг Иерусалима и само существование объединенной монархии, сплотившей северный Израиль с южной Иудеей под руководством двух названных царей³⁰. Четверть столетия раскопок на

²⁸ Подробно и в расчете на широкого читателя эти взгляды изложены в книге [Dever, 2003]. Наиболее детализированный обзор разнообразных взглядов на вопрос о появлении в Иудейских горах предков евреев дает [Waltke, 1990].

²⁹ По мнению израильского археолога Эйлат Мазар [Mazar, 2006], эти ступенчатые конструкции служили основанием дворца Давида.

³⁰ Обзор итогов археологической работы в Иерусалиме и их соответствие историческим воззрениям дан также в статье [Killebrew, 2003]. Сборник, в котором опубликована эта работа, целиком посвящен разным аспектам археологии Иерусалима. Понимая, что Иерусалиму не хватает блеска столичного города, М. Нот рассматривал империю Давида как соединение трех элементов. Вот что он говорит по этому поводу: Давид «захватил со своими воинами иевуситский Иерусалим (2 Царств 5.6–9) и как 'город Давида' сделал его своей резиденцией. Город не относился ни к Иудее, ни к Израилю, а оставался городом-государством, и Давид теперь также был царем города Иерусалима как преемник прежнего иевуситского царя» [Нот, 2014. С. 217]. Но Иудея без Иерусалима не может равняться со своим северным партнером — Израилем.

Храмовой горе дали лишь небольшое количество черепков для периода от XV до VIII в. до н. э., что говорит о малочисленности населения. Богатые археологические сведения, раскрытые К. Кеньон, были систематизированы и получили в конце XX в. следующее истолкование: после перехода города в руки Давида в нем появилось несколько общественных строений и он стал локальным административным центром вроде Меггидо, Газера, Асора / Гацора, но лишь в VIII в. до н. э. его архитектура приобретает признаки столичного города в виде больших общественных сооружений и богатых частных домов [Steiner, 2001]. Следует добавить, что внимательное чтение 2 и 3 Царств, посвященных правлениям Давида и Соломона, открывает множество свидетельств о противоречиях между севером и югом на протяжении всего этого периода (см. их обзор: [Cundall, 1973]).

В описании царства Соломона кроме Иерусалима упоминаются другие города, расположенные большей частью на севере, в которых производились строительные работы. Во-первых, это Меггиддо у подножия горы Кармель (3 Царств 4.12, 9.15). Раскопки выявили здесь крупные постройки X в. до н. э. — складские помещения, конюшни для размещения боевых колесниц, общественные сооружения [Ussishkin, 1992]. Затем город Газер (3 Царств 9.15–17), где в X в. до н. э. были построены городские ворота и казематы [Dever, 1992b]. В городах Асор / Гацор (3 Царств 9.15) и Беф-Сане (3 Царств 4.12, современное название Бет-Шан и Скифополь) также выявлены городские ворота X в. до н. э. сходной архитектуры [McGovern, 1992; Hamilton, 1992; Mazor, 2007. Pp. 155–157]. Арад, город на юге Негева, не назван в истории Соломона (упоминается в Числ 21.1, 33.40, Нав 12.14, Суд 1.16); он замечателен тем, что раскопки открыли здесь храм Яхве, построенный в X в. до н. э. и в своем плане сходный с описанием иерусалимского храма [Manor & Herion, 1992].

На месте храма в Иерусалиме раскопки не проводились: религиозная святость места закрывает для археологии доступ сюда. К тому же после масштабных строительных работ, начатых Иродом в 20 г. до н. э. и едва законченных к началу антиримского восстания в 66 г., как об этом сообщает Иосиф Флавий (Древности иудейские 20.219), нет надежды на сохранность более древних слоев; храм же был деревянной постройки. Не исключено, что выбор места для храма был обусловлен предшествующей традицией, ибо Соломон предпочел не самую высокую точку в этой местности — гору Сион высотой 773 метров над уровнем моря, но храмовую гору — Мория, которая на 30 метров ниже [Ussishkin, 2009]. Согласно религиозной традиции, эта та самая гора Мория, на которой Авраам намеревался совершить свое жертвоприношение (Быт 22.2), и где мог находиться храм иевуссеев, жрецом которого был Мелхиседек (Быт 14.17–20)³¹.

³¹ Отождествление двух гор не является надежным, впервые в 2 Пар 3.1 [Kessler, 2004. Pp. 82–83, 87–91]. Для жертвоприношения Авраам совершил трехдневный путь из Бершевы (см. Быт 21.33–34). Идущая по вершинам гор дорога из Хеврона к Иерусалиму до сих пор называется «дорогой отцов» (*дерех авод*). Позже по ней прошел Давид с ковчегом завета (2 Царств 6.1–19). См. также: [Davila, 1992].

Скудость свидетельств о строительных работах в Иерусалиме X в. до н. э. не дает достаточных оснований, чтобы опровергнуть существование в это время объединенной монархии [Fritz, 1996], но ставит вопрос, который нуждается в дальнейшем исследовании и осмыслении в свете археологии. В IX–VIII вв. до н. э. северное царство демонстрировало гораздо большее экономическое и политическое благосостояние, чем Иудея. Особенно заметным оно было в эпоху царя Амврия (Omri) и его потомков, которая приблизительно датируется 886–842 гг. до н. э. (3 Царств 16.21–34, 18.1–19, 20.1–22.40, 51–53, 4 Царств 1.1–18, 3.1–27, 5.1–5, 6.8–7.20, 9.1–10.36). Израиль занимал обширные плодородные пространства долины Изреель и Галилеи, в его владения входили Иерихон (3 Царств 16.34) вместе с долиной Иордана и Трансиордания (4 Царств 10.32–33), Моав платил ему дань (4 Царств 3.4). Он имел выход к Средиземному морю, находился в дипломатических сношениях с Сирией и даже успешно воевал с нею (в одной из операций его союзником была Иудея, см. 4 Царств 8.28–29). Была построена новая столица государства Самария, укреплены города Мегиддо, Асор / Гацор, Дан. Надпись царя Салманасара III сообщает о том, что в 853 г. царь Израиля Ахав вывел против ассирийского войска две тысячи колесниц [ANET. P. 279; Thiel, 1992. P. 103]. Напротив, маленькая Иудея занимала гористые места, малопригодные для земледелия, от моря была отделена филистимлянами³², с юга и востока окружена пустыней. Ее расцвет в VIII в. до н. э. при царе Езекии (715–687) стал следствием падения северного царства в 722 г. до н. э., когда ассирийские войска полностью разрушили Самарию, и поток беженцев устремился на юг. В короткое время значительно выросло население не только Иерусалима, но всей Иудеи, особенно в предгорьях³³ к западу от Иудейских гор, в частности, и в расположенном там укрепленном городе Лахисе / Лахише, который, впрочем, был в свою очередь разрушен Ассирией в 701 г. до н. э. Насколько археология позволяет сделать оценки уровня населенности, можно считать, что при Езекии оно удвоилось за счет беженцев [Finkelstein & Silberman, 2006. Pp. 129–140]. Благодаря росту населения в это время удалось возвести вокруг всего города стены толщиной 5–7 метров, что, вероятно, и предотвратило штурм города ассирийцами в 701 г. (4 Царств 19.35–36). Масштабные строительные работы по возведению крепостных стен в конце VIII в. до н. э. при царе Езекии³⁴ обнаружены и описаны археологами³⁵ так, что не остается места каким-либо сомнениям в достоверности библейского рассказа.

³² Разрушение филистимских укреплений на равнине датируется не X, но IX в. Стоит обратить внимание на то, что Соломон использует гавань лишь на Красном море (3 Царств 9.26).

³³ *Евр.* shephelah, что переведено на русский «низкие / низменные места» (Втор 1.7, Нав 10.40, 11.16, 12.8 и др.).

³⁴ Ср. Ис 22.10 «Отмечаете дома в Иерусалиме, разрушаете дома, чтобы построить стену». Действительно, при раскопках обнаружено, что частью стена прошла по старым застройкам.

³⁵ Эту работу выполнил Нахман Авигад (1905–1992) в 1968–1978 гг.

Послепленная Иудея

Совершенствование методики и увеличение объема раскопок позволило археологии в последние десятилетия описывать с позиций истории материальной культуры не только отдельные исторически значимые точки на поверхности земли, но и целые регионы в отношении плотности населения и условий его проживания, о чем только что было сказано. На этом новом этапе оказалось возможно дать новую оценку послепленного развития Иудеи. Археология не находит подтверждения тому, что после падения Вавилона было две волны переселения из плена в Иерусалим (Езра 2, 7–8, Неем 7) [Becking, 2006]. После штурма города и до эпохи Хасмонеев, т. е. между 587 и 167 г. до н. э., городское население было сосредоточено в двух кварталах — городе Давида, площадью около 30 дунамов³⁶, и на примыкающем к нему участке Храмовой горы, называемом Офел, площадью 20 дунамов. При принятом расчете 20–25 жителей на один дунам городской застройки это составляет от 1000 до 1250 жителей [Lipschits, 2009]³⁷. Между тем Неем 11.3–19 одним только взрослых мужчин насчитывает 3044, что предполагает общее количество населения в 12–15 тысяч человек, а населенную площадь в 600 дунамов и соответствует размерам Иерусалима в эпоху его расцвета при Езекии [Finkelstein, 2008. P. 510]. При малочисленности городского населения, как и всей провинции после 587 г., нет достаточных оснований, чтобы доверять сообщению о возведении крепостных стен и многочисленных ворот. Осторожнее было бы говорить о том, что стены Неемии были сравнительно скромным опытом восстановления стен Езекии (вся реконструкция была осуществлена за 52 дня, см. Неем 6.15, и проведена методом народной стройки, см. Неем 3, когда каждый строил свой собственный участок вблизи своего дома), так что при новых строительных работах в эпоху Хасмонеев следы реставрации V в. оказались уничтожены³⁸. Как известно, после разгрома города в 587 г. до н. э. административное управление было перенесено в Массифу / Мицпу (4 Царств 25.23, 25; Иер 41.4–18), оттуда оно вернулось в Иерусалим в середине V в. после восстановления храма. Но храм был не только религиозным центром: он играл, как всегда в древности на востоке, роль банка и места для сбора и хранения налогов [Lipschits, 2006]. Эти сведения о послепленном Иерусалиме позволяют оценить масштаб новаций и темпы развития, которые имели место в городе в эпоху Хасмонеев (167–37) и Ирода Великого (37–4). Эллинизация города, сопровождавшая эти процессы,

³⁶ В ближневосточной археологии употребляется турецкий по происхождению термин, обозначающий меру площади в 900–1000 кв. метров.

³⁷ Ранее этот же автор определял население города в 1500 человек [Lipschits, 2006. P. 32]. Первоначальная цифра была снижена под влиянием возражений И. Финкельштейна, который оценил заселенную площадь Иерусалима в 30 дунамов, а его население в 600 человек [Finkelstein, 2008].

³⁸ См.: [Ussishkin, 2006]. Автор полагает, что хотя стены были восстановлены, заселены были лишь город Давида и Офел. С этим выводом согласен [Bahat, 1997].

обусловила его бурное и экономически благоприятное развитие. Понятной и убедительной становится та историческая картина, которую рисует в своих лекциях историк Чериковер [Чериковер, 2010].

Позитивный вклад археологии

В XIX в. главный вызов традиционным представлениям о Библии был брошен документальной гипотезой Графа-Вельгаузена и вообще источниковедческим и текстологическим изучением Библии, о чем уже сказано выше. Библейская традиция подверглась тогда строго объективному анализу, который не принимал никаких положений на веру. Ненадежность критических выводов объясняется, однако, тем, что сложный по своей природе материал не поддавался однозначной оценке, а никакой иной фактологической базой, кроме той, что давала Библия, наука не располагала. При начале становления археологических исследований методы археологии воспринимались как альтернатива текстологическому анализу. Так, ассириолог Сейс (Archibald Henry Sayce, 1846–1933), издавший английский перевод сочинений Генриха Шлимана в 1884 г., был уверен, что археология подтвердит историческую достоверность Библии с той же убедительностью, с какой Шлиман доказал своими раскопками историческую основательность «Илиады». Вильям Олбрайт полагал, что именно археология докажет древность библейской письменной традиции и опровергнет тезис Вельгаузена о том, что ранний слой Пятикнижия принадлежит эпохе Соломона [Davis, 2004. P. 23, 85]³⁹. Преимуществом археологии является то, что она предоставляет известный способ видеть события и религиозную практику независимо от текста, который не свободен от многих внешних влияний и вторичных элементов, продуктов долгого редактирования [Pritchard, 1965. P. 323].

И действительно, текстологическая критика имела свой научный метод, но не имела своего материала. Археология в XX в. приобрела и то, и другое. Ее собственные исторические источники — это керамика, тесаные камни и древние руины, открываемые в глубине курганов. Ее метод совершенствуется от десятилетия к десятилетию. Однако окончательная интерпретация результатов археологического исследования невозможна без соотнесения их с библейским текстом. Ведь только он представляет собою связный рассказ, как отметил в свое время М. Нот [Нот, 2014. С. 59].

Внушает оптимизм то, что археология не только ставит неудобные для ответа вопросы, но вовсе не редко оказывается в гармоническом согласии с Библией. Так, отмечается, что местонахождение почти трехсот упомянутых выше поселений эпохи железа согласуется с картиной книг Иисуса Навина и Судей и по времени относится к XII–XI вв. до н. э.; что археологические сведения о филистимлянах совпадают с библейским рассказом о них; что становление государственности

³⁹ Имеются в виду работы [Sayce, 1904; Albright, 1932].

в эпоху Соломона в X в. до н. э. определенным образом отражается в памятниках археологии на территории страны; что описание Соломонова храма в 3 Царств 6–9 точно соответствует устройству раскопанных храмов эпохи бронзы и железа, которые все старше конца VIII в. до н. э. и, следовательно, это описание не могло быть придумано в более позднее время [Mazar, 2007. P. 154]⁴⁰; что, наконец, эпоха разделенной монархии в Библии описана точно [Dever, 1997b. Pp. 301–302]. Именно археология дает возможность правильно понять и признать достоверными библейские свидетельства. С другой стороны, рассмотренные случаи расхождения данных археологии и библейского повествования не следует воспринимать как свидетельства непримиримого противоречия между двумя методами извлечения исторических свидетельств. Выходцы из Египта были немногочисленной, но влиятельной и привлекательной группой, поэтому в Ханаане они встретили не только политических союзников, но идейных и религиозных соратников, которые разделили их исторические предания. Легендарная идеализация объединенной монархии в эпоху царя Езекии позволила Иудее выступить наследницей Израиля вплоть до усвоения имени северного царства, а пророку Исаие открыла широкий простор для создания мессианской концепции⁴¹, которую он и его наследники вывели на смену синайской сотериологии. Открытая археологией скудость людских и материальных ресурсов в после пленном Иерусалиме подтверждается пророком (Зах 2.4, 11–12, 7.7, 14) и объясняет те трудности с восстановлением храма, о которых свидетельствуют пророки (Аггей 1.2, 4, 9, Зах 5.3–4), и тот пафос, с каким они призывают сограждан к делу (Аггей 1.12–13, Зах 1.16–17, 4.9–10, 6.13, 8.3–5, 9).

Есть и другой род археологических свидетельств, которые, не сея сомнений, дают убедительное подтверждение и разъяснение библейского текста. Среди них, например, следует признать достоверным странное на первый взгляд упоминание о железной кровати царя Ога Васанского (Втор 3.11), которая представляла собою высокое достижение технологии в эпоху поздней бронзы и раннего железа [Millard, 1990]. Выше уже были упомянуты стела Мернептаха, городские ворота Мегиддо, Гезера и Асора / Гацора тождественной архитектуры. К ним нужно прибавить водопровод царя Езекии от источника Гион (2 Пар 33.14), открытый в 1867 г. Чарльзом Варреном (1840–1927) [Warren, 1876], следы дворца в Самарии, построенного между 770–750 гг. царем Ахавом с применением инкрустаций из слоновой кости (3 Царств 22.39, ср. критику этой роскоши Амосом 3.15, 6.4) [Crowfoot & Growfoot, 1938]; стелу из Тель Дана с упоминанием дома Давида, обнаруженную в 1993 г. [Biran & Naveh, 1993]⁴². Из старых находок XIX в. свое значение на-

⁴⁰ Перечень главных вопросов, которые библейская филология ставит сегодня перед археологией, дан в работе: [Laughlin, 2004].

⁴¹ В основе ее лежит непрерывность династии Давида, сохраненная в Иудее и потерянная в Израиле.

⁴² Другие работы по этой важной находке: [Kitchen, 1997; Lemaire, 1998].

всегда сохраняют знаменитый черный обелиск царя Сальманасара III, найденный в Нимруде в 1846 г., на котором, в частности, изображены израильтяне, приносящие дань, среди них находится израильский царь Ииуй, из рода Амврия [ANET. P. 280]; цилиндр Сенахериба (призма Тэйлора), найденный в Ниневии в 1830 г., с описанием походов ассирийского царя, причем упомянуто его желание наказать царя Езекию [ANET. P. 287], что, очевидно, относится к событиям 701 г.; цилиндр персидского царя Набонида (555–539), найденный в 1854 г. в зиккурате в Уре с упоминанием его сына, принца по имени Белшацар, что объясняет имя и фигуру Валтасара (Дан 5) и причину, по которой Даниил назван третьим в царстве (Дан 5.29); найденный в 1867 г. цилиндр Кира с сообщением о завоевании Вавилона, пленении Набонида и объявлением политики религиозной терпимости [ANET. Pp. 315–316; Lalleman, 2008].

При сравнении результатов археологической работы с библейским рассказом складывается впечатление, что историческая непогрешимость не является неперенным свойством Священного Писания, однако археологический аспект не столько обличает Библию в ошибках, сколько открывает то обстоятельство, что неверно само понимание текста нами.

Старинная историография не стремилась фиксировать исторические факты для поучения потомков, ее задачей было объяснить настоящее из истории, устанавливая причинно-следственные отношения между прошедшими событиями и создавая миф, т. е. рассказ, объясняющий сложившееся в итоге положение дел⁴³. На этом пути встречались богословие и историография, историк и пророк объединялись в одном лице.

Археология и библейская письменность

Археология позволяет оценивать достоверность традиции еще в одном аспекте. За два столетия раскопок стало очевидно, что древний Израиль находился между двух крупных очагов цивилизации и письменности, какими являлись Междуречье и Египет. От представления о том, что библейский текст является древнейшим в истории человечества, а еврейский язык — праязыком, из которого берут начало остальные⁴⁴, в XIX в. пришлось навсегда отказаться. Задолго

⁴³ Вопрос о целях и методах этой древней историографии с предельной остротой поставлен в кн.: [Seibert, 2006]. Автор приходит к выводу, что для оценки отдельных фактов в интерпретации древнего историографа нужно понимать весь его замысел и цели, которые он ставил перед собою в ходе создания своего труда.

⁴⁴ Теория праязыка является следствием изложения вопроса в главах 1, 2 и 11 книги Бытия. Из раввинской традиции представление о еврейском языке как первичном перешло к отцам Церкви и держалось до нового времени. См.: [Эдельштейн, 1985. С. 196–199]. Современные методы сравнительно-исторического языкознания также построены на признании существования праязыка, но не одного, а многих, своего для каждой языковой семьи.

до появления на исторической сцене Авраама и его потомков сложилась могучая цивилизация шумеров и вавилонян [Крамер, 1965]. Шумерское пиктографическое письмо появилось в Уруке более пяти тысяч лет назад. В XIV в. до н. э. на глиняных табличках аккадской клинописью на так называемом «ханаанео-аккадском», или, возможно, точнее, на местном древнеханаанейском языке⁴⁵ были написаны письма из Ханаана в Амарну, на этом же материале, но в основном алфавитным письмом написаны все документы угаритского архива XIII–XII в. до н. э. Финикийский вариант западносемитского алфавитного письма сложился в XI в. до н. э.⁴⁶ и приобрел в течение столетия международное распространение: именно к нему восходят арамейское и древнееврейское письмо, а затем греческий алфавит с последовательным обозначением не только согласных, но и гласных. Археология не нашла эпиграфических документов⁴⁷, которые были бы написаны в X в. до н. э. еврейским письмом. Единственный еврейский документ, относящийся к этому времени, календарь из Гезера, написан финикийским письмом [Naveh, 1982. P. 76; Pardee, 1997]. На одном из ханаанейских языков, так называемом моавитском, близкородственном древнееврейскому, также финикийским письмом написан документ из Моава — самый пространный памятник ханаанской эпиграфики этой эпохи, называемый стела царя Месы/Мешы, или Моавитский камень (IX в. до н. э.). Обнаруженная в 1868 г. в Трансиордании (находится в Лувре), стела содержит рассказ о борьбе Месы/Мешы с Израилем, подтверждая историческое сообщение о нем в 4 Царств 3 [Smelik, 1992]. В VIII в. до н. э. эпиграфические памятники древнееврейского письма многочисленны [Mazar, 2007. P. 164].

Использование глиняных дощечек для письма в Израиле не обнаружено. Если писали, то материалом служил египетский папирус, извест-

⁴⁵ См.: [Коган, 2009. С. 244–245]. Адель Владимировна Немировская дала мне полезные разъяснения по вопросу сравнительно-исторической диалектологии семитских языков и указала нужную литературу.

⁴⁶ Общий обзор истории развития алфавитного письма дан в книге [Naveh, 1982]. В отечественной научной литературе финикийское письмо нередко называют квази-алфавитным по той причине, что в нем обозначены только согласные звуки, тогда как гласные опущены. См.: [Дьяконов, 1998]. Эта терминология не кажется удачной, потому что снимает принципиальное противопоставление пиктографического письма, которое также называют логографией, т. е. «письмо словами», различным другим системам письма, обозначающим не понятие или слово целиком, а звуковой состав соответствующего слова. В финикийском и других системах семитского алфавитного письма отдельная графема всегда обозначает фонему, как этому и следует быть в алфавитном письме, даже если не все фонемы фиксируются в тексте. Точно так алфавитное письмо современных европейских языков во многих случаях не передает полностью или точно звуковой состав слова. В пиктографии, кроме того, применяются приемы силлабического письма, когда обозначается согласный звук и следующий за ним гласный, а также детерминативы — знаки, указывающие на семантическую группу, к которой относится данное слово. Это такие группы, как «божество», «личность», «металл», «государство» и др.

⁴⁷ *Эпиграфика* — надписи на камне, штукатурке, керамике.

ный в таком употреблении с XX в. до н. э. и являвшийся предметом египетского экспорта. Раскопки в слоях IX в. до н. э. открывают вырезанные из камня печати и глиняные буллы, т. е. оттиски, которые привешивались к написанному и скрученному в трубочку документу, однако многочисленны они становятся лишь в VII в. до н. э. Похоже, что именно к этому времени относится несколько десятков печатей, найденных в городе Давида археологом Игалем Шило [Rollston, 2010. Pp. 77–78]⁴⁸.

Из-за сравнительно поздней фиксации следов письменности в древнем Израиле многие историки склоняются к мысли о том, что эпоха Давида и Соломона отражена в 1–3 Царств по памяти в согласии с устными сказаниями и легендами. Однако в этих рассказах появляются такие фигуры государственных деятелей, которые окружали двух царей. Это военачальник Иоав сын Саруи, историк Иосафат сын Ахилуда, священники Садок сын Ахитува и Ахимелех сын Авиафара, писец Сераия (2 Царств 8.16–17), сборщик податей Адорам⁴⁹ (2 Царств 20.24), писец Суса⁵⁰ (20.25), священники Авиафар и Ира Иратянин (20.25–26), писцы Епихорейф и Ахия сыновья Сивы (3 Царств 4.3), визирь Азария и сановник Завуф, сыновья священника Натана, дворецкий Ахисар (3 Царств 4.5). Чтобы осуществлять свою деятельность, эти лица должны были быть грамотны; следовательно, они могли вести и хронологические записи. В научной литературе неоднократно отмечалось, что некоторые имена из этого списка имеют египетское происхождение. Таковы Сераия / Sherayah, Суса / Shisha' и Shavsha', Сива / Sheva', которые восходят в египетскому sšš.t «царский писец» [Carr, 2005. P. 87, с обширной библиографией по данному вопросу]. Чиновник с титулом «царский писец» участвует в сцене подсчета доходов Храма в 4 Царств 12.10–11 при царе Иоасе (837–800). В ханаанской эпиграфике египетские иероглифы встречаются в слое XIII–XII вв. до н. э., который не имеет отношения к Израилю, а затем появляется в VII в. до н. э. Поскольку в это время не было заметного влияния Египта на еврейскую культуру, высказывается предположение, что старая традиция использования иероглифов сохранялась в узком слое придворных книжников и по мере распространения грамотности и письма возобновила свое существование в эпиграфике [Na'aman, 1996. P. 177]. Мнение о том, что израильская государственность возникла в ходе усвоения наследия Ханаана и Египта, разделяется широким кругом специалистов, см.: [Jamieson-Drake, 1991. Pp. 22–23].

⁴⁸ В 2011 г. Надав Нааман, профессор Тель-Авивского университета, сообщил о важной находке двух израильских археологов Ронни Райха и Эли Шукрона, которые в слое, датируемом концом IX в., нашли около 170 булл и большое количество рыбьих костей из средиземноморского бассейна; в целом это должно говорить о серьезном торговом значении Иерусалима в это время. Другие публикации об этой находке отсутствуют. См.: [Na'aman, 2011. Pp. 169–170].

⁴⁹ Возможно, он же назван Адонирам сын Авды в 3 Царств 4.6.

⁵⁰ Так же это имя передано в Синаодальном переводе в стихе 1 Пар 18.16. Между тем еврейский текст дает два разных написания: šia (שׂיָא) 2 Царств 20.25 и šwša (שׂוּשָׂא) 1 Пар 18.16.

Некоторые эпиграфические документы эпохи первого Храма все-таки позволяют найти в ней отраженные следы библейского текста. Так, остракон (обломок керамического сосуда), найденный в 1960 г. близ Явне-Ям (современное Хашав-Яху) и датируемый 639–609 гг. до н. э., содержит жалобу жнеца по поводу отнятого у него в залог платья. Жалобщик явно имеет в виду установление Исх 22.26 о возвращении такого залога до захождения солнца, когда просит правителя обеспечить возвращение [Rollston, 2010. Рр. 69–70]. Два серебряных амулета, найденные в 1979 г. в одной из пещер, служивших для захоронений в долине Гинном (Геенна) в Иерусалиме, датируются 650–600 гг. до н. э.: на одном из них читается надпись «(принадлежит) Исаие», затем написано священническое благословение (Числ 6.24–26) и формула завета (Втор 7.9); на другом только благословение. Каких-либо серьезных отличий от текста, известного нам по кумранским рукописям и масоретской традиции, в этих цитатах нет [Waalder, 2002]. Это ставит серьезный вопрос о надежности едва ли не общепринятого сегодня мнения о том, что текст Второзакония стал известен только в 622 г. до н. э., когда «свиток закона» был найден в Храме во время ремонта (4 Царств 22.8)⁵¹, а полный текст Пятикнижия сформирован в Вавилоне во время плена.

Несомненно, что существовал какой-то богослужебный ритуал, а вместе с ним магическое применение письма для определенных религиозных нужд. Однако ни наличие царских писцов и применение налобообложения, ни эпиграфика не дают доказательств того, что Священное Писание в допленный период приобрело форму известного нам сегодня Пятикнижия и вышло за пределы узкого круга лиц, принадлежавших царскому дворцу и храму. Это произошло только в послевоенный период, как это видно из рассказа о прибытии книжника Эзры из Вавилона в Иерусалим с готовым текстом Торы (1 Ездра 7.6, 12, 21; Неем 8.2–8). Текст был написан арамейским письмом, что подтверждается кумранскими свитками и последующей масоретской традицией, следовательно, и написан в Вавилоне. Лишь появление и развитие синагоги вначале в диаспоре, а затем и в самой Палестине привело к копированию Писания и сделало его чтение важной и подчас основной формой религиозной практики.

ЛИТЕРАТУРА

- Делич Ф. Библия и Вавилон. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. 77 с.
- Дьяконов А. П. Библейский спор в Германии (Лекция Ф. Делича 13 янв. 1903 г. Письмо германского императора. Статья А. Гарнака) // Церковный вестник. 1903.
- Дьяконов И. М. Квази-алфавитное письмо // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 217.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей от древности к новому времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 433 с.

⁵¹ Впервые отмечено де Ветте [De Wette, 1806–1807].

- Коган Л. Е. Ханаанейские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северо-западное семитские языки / Институт языкознания РАН. Ред. колл.: А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 244–245.
- Крамер С. Н. История начинается в Шумере / пер. М. Ф. Мендельсона. М.: Наука, 1965. 257 с.
- Нот М. История древнего Израиля / пер. с нем. Ю. П. Варганова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 496 с.
- Рибрик В. В. «Стела бури» Яхмоса и ее значение для датировки извержения вулкана на о. Фера и Исхода // Иудаика и востоковедение. Материалы научной конференции по иудаике, гебраистике и востоковедению 22 декабря 2011 г. СПб., 2012. С. 142–148.
- Чериковер В. Эллинистическая цивилизация и евреи / пер. с англ. В. Л. Вихновича. СПб.: Гуманитарная Академия, 2010. 640 с.
- Эдельштейн Ю. М. Проблемы языка в памятниках патристики // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л.: Наука, 1985. С. 157–207.
- ABD — The Anchor Bible Dictionary. Vol. 1–6. Ed. by D. N. Freedman. New York et al. Doubleday, 1992.
- Albright W. F. Archaeology of Palestine and the Bible. New York: Fleming H. Revell, 1932. 233 p.
- Albright W. F. From the Stone Age to Christianity. Monotheism and the Historical Process. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1940. P. 1–2.
- Alt A. Die Landnahme der Israeliten in Palästina (1925), Erwägungen über die Landnahme der Israeliten in Palästina (1939). Reprinted in: Alt A. Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. München. Bd. 1. Berlin: C. H. Beck, 1953. S. 89–175.
- Amarna Letters // Anchor Bible Dictionary. 1992. Vol. 1. Pp. 174–181.
- ANET — The Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament / Ed. by J. B. Pritchard. 3^d ed. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1969. VIII, 274 p.
- Arnold B. T., Weisberg D. B. A Centennial Review of Friedrich Delitzsch's "Babel und Bibel" Lectures // Journal of Biblical Literature. Vol. 121. 2002. Pp. 441–457.
- Bahat D. Jerusalem // The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. Vol. 3. 1997. Pp. 224–238.
- Becking B. "We All Returned as One!": Critical Notes on the Myth of the Mass Return // Judah and the Judeans in the Persian Period / Ed. by O. Lipschits and M. Oeming. Winona Lake, 2006. Pp. 3–18.
- Beit-Arieh I., Gophna R. Kadesh-Barnea. Jerusalem, 1987.
- Biran A., Naveh J. An Aramaic Stele Fragment from Tel Dan // Israel Exploration Journal. Vol. 43. 1993. Pp. 81–98.
- Cahill J. M. Jerusalem at the Time of the United Monarchy: The Archaeological Evidence // Jerusalem in Bible and Archaeology. The First Temple Period / Ed. by A. G. Vaughn and A. E. Killebrew. Leiden: Brill, 2003. Pp. 13–80.
- Campbell J. The Power of the Myth. New York, Toronto: Anchor Books, 1991. X, 291 p.
- Carr D. M. Writing on the Tablet of the Heart: Origins of Scripture and Literature. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005. XIV, 330 p.
- Champollion M. Lettre à M. Dacier relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques. Paris: Firmin-Didot père et fils, 1822. 52 p.
- Chaney M. L. Ancient Palestinian Peasant Movements and the Formation of Premonarchic Israel // Palestine in Transition: The Emergence of Ancient Israel / Ed. by D. N. Freedman and D. F. Graf. Sheffield, 1983. Pp. 39–90.

- Crowfoot J. W., Growfoot G. M.* Early Ivories from Samaria. London: Palestine Exploration Fund, 1938. XV, 62 p.
- Cundall A. E.* The United Monarchy: Fact or Fiction? // *Vox Evangelica*. Vol. 8. 1973. Pp. 33–39.
- Davila J. R.* Moriah // *Anchor Bible Dictionary*. Vol. 4. P. 905.
- Davis T. W.* *Shifting Sands: The Rise and Fall of Biblical Archaeology*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. X, 174 p.
- De Wette W. M. L.* *Beiträge zur Einleitung in das Alte Testament*. 1–2 Bd. Halle, 1806–1807.
- Delitzsch F.* *Die grosse Täuschung*. Bd. 1. Kritische Betrachtungen zu den alttestamentlichen Berichten über Israels Eindringen in Kanaan, die Gottesoffenbarung vom Sinai und die Wirksamkeit der Propheten. Bd. 2. Fortgesetzte kritische Betrachtungen zum Alten Testament, vornehmlich den Prophetenschriften und Psalmen, nebst Schlussfolgerungen. Berlin, 1920–1921.
- Dever W. G.* Archaeology and the Emergence of Early Israel // *Archaeology and Biblical Interpretation*. Ed. by J. R. Bartlett. London; New York, 1997a. Pp. 20–50.
- Dever W. G.* Archaeology and the Israelite “Conquest” // *Anchor Bible Dictionary*. 1992a. Vol. 3. Pp. 545–558.
- Dever W. C.* Gezer // *Anchor Bible Dictionary*. 1992b. Vol. 2. Pp. 1001–1002.
- Dever W. G.* Merneptah’s “Israel,” the Bible’s, and Ours // *Exploring the Longue Duree*. Essays in Honor of L. E. Stager. Eisenbrauns, 2009. Pp. 89–96.
- Dever W. G.* Philology, Theology, and Archaeology: What Kind of History of Israel Do We Want, and What Is Possible? // *The Archaeology of Israel. Constructing the Past, Interpreting the Present* / Ed. by N. A. Silberman & D. Small. Sheffield, 1997b. Pp. 290–310.
- Dever W. G.* Who Were the Early Israelites and Where Did They Come From? Grand Rapids, Mich., William B. Eerdmans Pub. Co., 2003. XI, 268 p.
- Fantalkin A., Tal O.* The Canonisation of the Pentateuch: When and Why? *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft*. Bd. 124. 2012. S. 1–18, 201–212.
- Finkelstein I.* Jerusalem in the Persian (and Early Hellenistic) Period and the Wall of Nehemiah // *Journal for the Study of the Old Testament*. Vol. 32. 2008. Pp. 501–520.
- Finkelstein I.* *The Archaeology of the Israelite Settlement*. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1988. 380 p.
- Finkelstein I., N. Na’aman*, eds. *From Nomadism to Monarchy: Archaeological and Historical Aspects of Early Israel*. Jerusalem, Israel Exploration Society; Washington: Biblical Archaeology Society, 1994. 399 p.
- Finkelstein I., Silberman N. A.* *David and Solomon: In Search of the Bible’s Sacred Kings and the Roots of Western Tradition*. New York: Free Press, 2006. 342 p.
- Finkelstein I., Silberman N. A.* *The Bible Unearthed: Archaeology’s New Vision of Ancient Israel and the Origin of its Sacred Texts*. New York: Free Press, 2001. X, 385 p.
- Fritz V.* Monarchy and Re-Urbanization: A New Look at Solomon’s Kingdom // *The Origins of the Ancient Israelite States* / Ed. by V. Fritz and P. R. Davies. Sheffield, 1996. Pp. 187–195.
- Galil G.* Dates and Calendars in Kings // *The Books of Kings: Sources, Composition, Historiography and Reception* / Ed. by A. Lemaire and B. Halpern. Leiden; Boston: Brill, 2010. Pp. 427–444.

- Gerdmar A.* Roots of Theological Anti-Semitism: German Biblical Interpretation and the Jews, from Herder and Semler to Kittel and Bultmann. Leiden: Brill, 2009. XVIII, 675 p.
- Gmirkin R. E.* Berossus and Genesis, Manetho and Exodus. Hellenistic Histories and the Date of the Pentateuch. New York; London, T & T Clark, 2006. XII, 332 p.
- Gottwald N. K.* The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel, 1250–1050 B.C.E. New York: Orbis Books, 1979 (2nd ed. Sheffield, 1999). XXV, 916 p.
- Grabbe L. L.* Ancient Israel: What Do We Know and How Do We Know It? London: T & T Clark. XX, 306 p.
- Gunkel H.* Israel und Babylonien. Berlin: Vandenhoeck und Ruprecht, 1903. 48 p.
- Hamilton J. M.* Hazor // Anchor Bible Dictionary. Vol. 3. P. 87.
- Hasel M.G.* Israel in the Merneptah Stela // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. N 296, 1994. Pp. 45–61.
- Hawkins R. K.* The date of the Exodus-Conquest is still an open question: A response to R. Young and B. Wood // Journal of the Evangelical Theological Society. Vol. 51/2. 2008. Pp. 245–266.
- Hermann S.* Basic Factors of Israelite Settlement in Canaan // Biblical Archaeology Today: Proceedings of the International Congress on Biblical Archaeology, Jerusalem, April 1984. Jerusalem, 1985. Pp. 47–53.
- Heschel S.* The Aryan Jesus: Christian Theologians and the Bible in Nazi Germany. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2008. XVII, 339 p.
- Hyatt J. P.* Were there an ancient historical credo in Israel and an independent Sinai tradition // Translating and Understanding the Old Testament. Essays in Honor of H. G. May / Ed. by H. T. Frank and W. L. Reed. Nashville: Abingdon Press, 1970. Pp. 152–170.
- Jamieson-Drake D. W.* Scribes and Schools in Monarchic Judah. A Socio-Archaeological Approach. Sheffield: Almond Press, 1991. 240 p.
- Kenyon K. M.* Digging up Jericho. London: Benn, 1959. 272 p.
- Kessler E.* Bound by the Bible. Jews, Christians and the Sacrifice of Isaac. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2004. XII, 222 p.
- Killebrew A. E.* Biblical Jerusalem: An Archaeological Assessment // Jerusalem in Bible and Archaeology. The First Temple Period / Ed. by A. G. Vaughn, A. E. Killebrew. Leiden, 2003. Pp. 329–345.
- Kitchen K. A.* A Possible Mention of David in the late tenth Century BCE, and the Deity *Dod as Dead as the Dodo? // Journal for the Study of the Old Testament. Vol. 76. 1997. Pp. 29–44.
- Kitchen K. A.* Exodus // Anchor Bible Dictionary. 1992. Vol. 2. Pp. 700–708.
- Kochavi M.* The Israelite Settlement in Canaan in the light of Archaeological Surveys // Biblical Archaeology Today. Jerusalem, 1985. Pp. 54–60.
- Lallemann P. J.* The Old Testament and Archaeology. With a personal top ten of discoveries // The British Evangelical Review. Vol. 26/3. 2008. Pp. 83–88.
- Laughlin J. C. H.* On the Convergence Texts and Artifacts: Using Achaeanology to Teach the Hebrew Bible // Between Text and Artifact: Integrating Archaeology in Biblical Studies Teaching / Ed. by M. C. Moreland. Leiden; Boston, 2004. Pp. 115–132.
- Lemaire A.* The Tel Dan Stela as a Piece of Royal Historiography // Journal for the Study of the Old Testament. Vol. 81. 1998. Pp. 3–14.

- Lemche N. P.* Early Israel: Anthropological and Historical Studies on the Israelite Society before the Monarchy. Leiden, 1985.
- Lemche N. P.* Habiru, hapiru // Anchor Bible Dictionary. Vol. 3. Pp. 6–10.
- Lipschits O.* Achaemenid Imperial Policy, Settlement Processes in Palestine, and the Status of Jerusalem in the Middle of the Fifth Century B.C.E. // Judah and the Judeans in the Persian Period / Ed. by O. Lipschits and M. Oeming. Winona Lake, 2006. Pp. 19–52.
- Lipschits O.* Persian Period Finds from Jerusalem: Facts and Interpretations // The Journal of Hebrew Scriptures. Vol. 9, Article 20. 2009. ISSN 1203-1542. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jhsonline.org>.
- MacDonald B.* East of the Jordan: Territories and Sites of the Hebrew Scriptures. Boston, MA: American Schools of Oriental Research, 2000. VI, 287 p.
- Manor D. W.* Kadesh-Barnea // Anchor Bible Dictionary. 1992. Vol. 4. Pp. 1–3.
- Manor D. W., G. A. Herion.* Arad // Anchor Bible Dictionary. 1992. Vol. 1. Pp. 332–333.
- Mazar A.* The Spade and the Text: The Interaction between Archaeology and Israelite History Relating to the Tenth–Ninth Centuries BCE // Understanding the History of Ancient Israel / Ed. by H. G. M. Williamson. London, 2007. Pp. 143–171.
- Mazar E.* Did I Find King David’s Palace? // Biblical Archaeology Review. Vol. 32/1. 2006. Pp. 16–27.
- McGovern P. E.* Beth-Shan. Anchor Bible Dictionary. 1992. Vol. 1. Pp. 695–696.
- Mendenhall G. E.* The Tenth Generation. The Origins of the Biblical Tradition. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1973. XVIII, 248 p.
- Meyers C.* Exodus. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005. XXIII, 311 p.
- Millard A. R.* King Og’s Iron Bed: Fact or Fancy? // Bible Review. Vol. 6/2. 1990. Pp. 16–21.
- Na’aman N.* Does Archaeology Really Deserve the Status of a ‘High Court’ in Biblical Historical Research? // Between Evidence and Ideology. Essays on the History of Ancient Israel read at the Joint Meeting of the Society for Old Testament Study and the Oud Testamentisch Werkgezelschap. Lincoln, July 2009. Ed. by B. Becking & L. L. Grabbe. Leiden; Boston, 2011. Pp. 165–184.
- Na’aman N.* Sources and Composition in the History of David // The Origins of the Ancient Israelite States / Ed. by V. Fritz and P. R. Davies. Sheffield, 1996. Pp. 170–186.
- Naveh J.* Early History of the Alphabet: An Introduction to West Semitic Epigraphy and Palaeography. Leiden: Brill, 1982. IX, 211 p.
- Noth M.* Das System der zwölf Stämme Israels. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1930. 174 S.
- Noth M.* Exodus: a commentary. Philadelphia: Westminster Press, 1962. 283 p.
- Pardee D.* Gezer Calendar // The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. Vol. 2. 1997. Pp. 400–401.
- Pritchard J. B.* Archaeology and the Future of Biblical Studies: Culture and History // The Bible in Modern Scholarship / Ed. by J. P. Hyatt. Nashville & NY, 1965. Pp. 313–324.
- Rad G., von.* Das formgeschichtliche Problem des Hexateuchs. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1938. 72 S.
- Ray J.* The Rosetta Stone and the Rebirth of Ancient Egypt. London: Profile Books, 2007. 199 p.

- Redford D. B.* The Wars in Syria and Palestine of Thutmose III. Leiden; Boston: Brill, 2003. XIV, 272 p.
- Rollston C. A.* Writing and Literacy in the World of Ancient Israel: Epigraphic Evidence from the Iron Age. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2010. XIX, 171 p.
- Rowton M. B.* The Problem of the Exodus // *Palestine Exploration Quarterly*. Vol. 85. 1953. Pp. 46–60.
- Sayce A. H.* Monument Facts and “Higher Critical” Fancies. London: The Religious tract society, 1904. 128 p.
- Seibert E. A.* Subversive Scribes and the Solomonic Narrative. A Rereading of 1 Kings 1-11. New York; London: T & T Clark, 2006. XIV, 209 p.
- Shavit J., Eran M.* The Hebrew Bible Reborn: From Holy Scripture to the Book of Books. A History of Biblical Culture and the Battles over the Bible in Modern Judaism. Berlin: W. de Gruyter, 2007. X, 566 p.
- Smelik K. A. D.* King’s Meshah Inscription: Between History and Fiction // *Oudtestamentische Studiën*. Vol. 28. 1992. Pp. 59–92.
- Smith G.* The Chaldean Account of Genesis. London: Thomas Scott, 1876.
- Steiner M.* Jerusalem in the Tenth and Seventh Centuries BCE: From Administrative Town to Commercial City // *Studies in the Archaeology of the Iron Age in Israel and Jordan* / Ed. by A. Mazar. Sheffield: Sheffield Academic Press, 2001. Pp. 280–288.
- Thiel W.* Ahab // *Anchor Bible Dictionary*. 1992. Vol. 1. Pp. 100–104.
- Thiele E. R.* The Mysterious Numbers of the Hebrew Kings. Chicago: The University of Chicago Press, 1951. XIX, 298 p.
- Ussishkin D.* Megiddo // *Anchor Bible Dictionary*. 1992. Vol. 4. Pp. 673–677.
- Ussishkin D.* The Borders and de facto Size of Jerusalem in the Persian Period // *Judah and the Judeans in the Persian Period* / Ed. by O. Lipschits and M. Oeming. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2006. Pp. 147–166.
- Ussishkin D.* The Temple Mount in Jerusalem during the First Temple Period: An Archaeologist’s View // *Exploring the Longue Duree. Essays in Honor of L. E. Stager* / Ed. by J. D. Schloen. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2009. Pp. 473–483.
- Van Bekkum K.* From Conquest to Coexistence. Ideology and Antiquarian Intent in the Historiography of Israel’s Settlement in Canaan. Leiden; Boston: Brill, 2011. XXI, 691 p.
- Van Seters J.* The Geography of the Exodus // *The Land that I Will Show You. Essays on the History and Archaeology of the Ancient Near East in Honour of J. M. Miller* / Ed. by J. A. Dearman and M. P. Graham. Sheffield: Sheffield Academic Press, 2001. Pp. 255–276.
- Waalder E.* A Revised Date for Pentateuchal Texts? Evidence from Ketef Hinnom // *Tyndale Bulletin*. Vol. 53/1. 2002. Pp. 29–55.
- Waltke B. K.* The Date of the Conquest // *Westminster Theological Journal*. Vol. 52. 1990. Pp. 181–200.
- Warren C.* Underground Jerusalem. London: Richard Bentley & Son, 1876. 352 p.
- Wellhausen J.* Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin: W. de Gruyter, 1927. VIII, 424 S.
- Wheeler G.* Ancient Egypt’s Silence about the Exodus // *Andrews University Seminar Studies*. Vol. 40. 2002. Pp. 257–264.
- Winkelmann J. J.* Geschichte der Kunst des Alterthums. 2 Teil. Dresden: In der Walterschen Hof-Buchhandlung, 1764.

REFERENCES

- Delich F. *Bibliya i Vavilon* [The Bible and Babilon]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publisher, 1906, 77 s.
- Dyakov A.P. Bibleiskiy spor v Germanii (Lektsiya F. Delicha 13 yan. 1903. Pismo Germanskogo Imperatora. Statya A. Garnaka) [The Bible dispute in Germany: Lecture of F. Delich. Jan. 13, 1903. The letter of the german Emperor. The article of A. Garnak]. *Tserkovny Vestnik*, 1903.
- Dyakov I.M. *Kvazi-alfavitnoe pismo* [Quasi-alphabetical script]. *Yazykoznanie. Bolshoy entsiklopedichesky slovar. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ.*, 1998, s. 217.
- Klyzshturny S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody Evroaziyskikh stepey ot drevnosti k novomu vremeni* [The states and people of Eurasian steppes from ancient time to modern time]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2009, 433 s.
- Kogan L.E. *Khanaaneyskie yazyki* [The Canaanite languages]. *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severo-zapadnosemitskie yazyki. Institut yazykoznaniiya RAN, red. koll. [eds.]: A.G. Belova, L.E. Kogan, S.V. Lezov, O.I. Romanova. Moscow, Academia Publ.*, 2009, s. 244–245.
- Kramer S.Kh. *Istoriya nachinaetsya v Shumere* [The history begins in Sumer], per. M.F. Mendelsona [transl. by M.F. Mendelson]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 257 s.
- Not M. *Istoriya drevnego Israilya* [The hisotry of ancient Isreal], perevod s nem. Yu.P. Vartanova [transl. by Yu.P Vartanov]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, 496 s.
- Rebrik V.V. «Stela buri» *Yakhmosa i ee znachenie dlya datirovki izverzheniya vulkana na o. Fera i Iskhoda* [“Storm Stele” by Ahmose and dating of volcano eruption on the islands Thera and Exodus]. *Iudaika i vostokovedenie. Materialy nauchnoy konferentsii po iudaike, gebrastike i vostokovedeniu 22 dekabrya 2011. Saint Petersburg, 2012, s. 142–148.*
- Chirikover V. *Ellinisticheskaya tsivilizatsiya i evrei* [Hellenistic Civilization and the Jews], per. s angl. V.L. Vikhnovicha [transl. by V.L. Vikhnovich]. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2010, 640 s.
- Edelshtein Yu.M. *Problemy yazyka v pamyatnikah patristiki* [Language in the monuments in the writings of the early Fathers]. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovaya Evropa. Leningrad, Nauka Publ.*, 1985, s. 157–207.
- ABD — *The Anchor Bible Dictionary*, vol. 1–6, ed. by D.N. Freedman. New York et al., Doubleday, 1992.
- Albright W.F. *Archaeology of Palestine and the Bible*. New York, Fleming H. Revell, 1932, 233 p.
- Albright W.F. *From the Stone Age to Christianity: Monotheism and the Historical Process*. Baltimore, Johns Hopkins Press, 1940, pp. 1–2.
- Alt A. *Die Landnahme der Israeliten in Palästina (1925)* [The conquest or the Israelites in Palestine (1925)], *Erwägungen über die Landnahme der Israeliten in Palästina (1939)* [Considerations relating to the conquest of the Israelites in Palestine (1939)]. Reprinted in: Alt A. *Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel*. München. Bd. 1. Berlin, C.H. Beck, 1953, S. 89–175.
- Amarna Letters*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 1, pp. 174–181.
- ANET — *The Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*, ed. by J.B. Pritchard. 3^d ed. Princeton, N. J., Princeton University Press, 1969, VIII, 274 p.
- Arnold B.T. and D.B. Weisberg. A Centennial Review of Friedrich Delitzsch's “Babel und Bibel” Lectures. *Journal of Biblical Literature*, vol. 121, 2002, pp. 441–457.

- Bahat D. *Jerusalem*. The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East, vol. 3, 1997, pp. 224–238.
- Becking B. “*We All Returned as One!*”: *Critical Notes on the Myth of the Mass Return*. Judah and the Judeans in the Persian Period, ed. by O. Lipschits and M. Oeming. Winona Lake, 2006, pp. 3–18.
- Beit-Arieh I., Gophna R. *Kadesh-Barnea*. Jerusalem, 1987.
- Biran A., Naveh J. An Aramaic Stele Fragment from Tel Dan. *Israel Exploration Journal*, vol. 43, 1993, pp. 81–98.
- Cahill J.M. *Jerusalem at the Time of the United Monarchy: The Archaeological Evidence*. Jerusalem in Bible and Archaeology. The First Temple Period, ed. by A.G. Vaughn and A.E. Killebrew. Leiden, Brill, 2003, pp. 13–80.
- Campbell J. *The Power of the Myth*. New York; Toronto, Anchor Books, 1991, X, 291 p.
- Carr D.M. *Writing on the Tablet of the Heart: Origins of Scripture and Literature*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2005, XIV, 330 p.
- Champollion M. *Lettre à M. Dacier relative à l’alphabet des hiéroglyphes phonétiques*. Paris, Firmin-Didot père et fils, 1822, 52 p.
- Chaney M.L. *Ancient Palestinian Peasant Movements and the Formation of Premonarchic Israel*. Palestine in Transition: The Emergence of Ancient Israel, ed. by D.N. Freedman and D.F. Graf. Sheffield, 1983, pp. 39–90.
- Crowfoot J.W., Growfoot G.M. *Early Ivories from Samaria*. London, Palestine Exploration Fund, 1938, XV, 62 p.
- Cundall A.E. The United Monarchy: Fact or Fiction? *Vox Evangelica*, vol. 8, 1973, pp. 33–39.
- Davila J.R. *Moriah*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 4, p. 905.
- Davis T.W. *Shifting Sands: The Rise and Fall of Biblical Archaeology*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2004, X, 174 p.
- De Wette W.M.L. *Beiträge zur Einleitung in das Alte Testament* [Contributions to the Introduction to the Old Testament]. 1–2 Bd. Halle, 1806–1807.
- Delitzsch F. *Die grosse Täuschung* [The Great Deception]. Bd. 1, Kritische Betrachtungen zu den alttestamentlichen Berichten über Israels Eindringen in Kanaan, die Gottesoffenbarung vom Sinai und die Wirksamkeit der Propheten. Bd. 2, Fortgesetzte kritische Betrachtungen zum Alten Testament, vornehmlich den Prophe- tenschriften und Psalmen, nebst Schlussfolgerungen. Berlin, 1920–1921.
- Dever W.G. *Archaeology and the Emergence of Early Israel*. Archaeology and Biblical Interpretation, ed. by J.R. Bartlett. London; New York, 1997a, pp. 20–50.
- Dever W.G. *Archaeology and the Israelite “Conquest”*. Anchor Bible Dictionary, 1992a, vol. 3, pp. 545–558.
- Dever W.C. *Gezer*. Anchor Bible Dictionary, 1992b, vol. 2, pp. 1001–1002.
- Dever W.G. *Merneptah’s “Israel,” the Bible’s, and Ours*. Exploring the Longue Duree. Essays in Honor of L.E. Stager. Eisenbrauns, 2009, pp. 89–96.
- Dever W.G. *Philology, Theology, and Archaeology: What Kind of History of Israel Do We Want, and What Is Possible?* The Archaeology of Israel. Constructing the Past, Interpreting the Present, ed. by N.A. Silberman & D. Small. Sheffield, 1997, pp. 290–310.
- Dever W.G. *Who Were the Early Israelites and Where Did They Come From?* Grand Rapids, Mich., William B. Eerdmans Pub. Co., 2003, XI, 268 p.
- Fantalkin A., Tal O. The Canonisation of the Pentateuch: When and Why? *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft*, Bd. 124, 2012, S. 1–18, 201–212.

- Finkelstein I. Jerusalem in the Persian (and Early Hellenistic) Period and the Wall of Nehemiah. *Journal for the Study of the Old Testament*, vol. 32, 2008, pp. 501–520.
- Finkelstein I. *The Archaeology of the Israelite Settlement*. Jerusalem, Israel Exploration Society, 1988, 380 p.
- Finkelstein I., N. Na'aman, eds. *From Nomadism to Monarchy: Archaeological and Historical Aspects of Early Israel*. Jerusalem, Israel Exploration Society; Washington, Biblical Archaeology Society, 1994, 399 p.
- Finkelstein I., Silberman N.A. *David and Solomon: In Search of the Bible's Sacred Kings and the Roots of Western Tradition*. New York, Free Press, 2006, 342 p.
- Finkelstein I., Silberman N.A. *The Bible Unearthed: Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of its Sacred Texts*. New York, Free Press, 2001, X, 385 p.
- Fritz V. *Monarchy and Re-Urbanization: A New Look at Solomon's Kingdom*. The Origins of the Ancient Israelite States, ed. by V. Fritz and P.R. Davies. Sheffield, 1996, pp. 187–195.
- Galil G. *Dates and Calendars in Kings*. The Books of Kings: Sources, Composition, Historiography and Reception, ed. by A. Lemaire and B. Halpern. Leiden; Boston, Brill, 2010, pp. 427–444.
- Gerdmar A. *Roots of Theological Anti-Semitism: German Biblical Interpretation and the Jews, from Herder and Semler to Kittel and Bultmann*. Leiden, Brill, 2009, XVIII, 675 p.
- Gmirkin R.E. *Berosus and Genesis, Manetho and Exodus. Hellenistic Histories and the Date of the Pentateuch*. New York; London, T & T Clark, 2006, XII, 332 p.
- Gottwald N.K. *The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel, 1250–1050 B.C.E.* New York, Orbis Books, 1979 (2nd ed. Sheffield, 1999), XXV, 916 p.
- Grabbe L.L. *Ancient Israel: What Do We Know and How Do We Know It?* London: T & T Clark, XX, 306 p.
- Gunkel H. *Israel und Babylonien*. Berlin, Vandenhoeck und Ruprecht, 1903, 48 p.
- Hamilton J.M. *Hazor*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 3, p. 87.
- Hasel M.G. Israel in the Merneptah Stela. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, № 296, 1994, pp. 45–61.
- Hawkins R.K. The date of the Exodus-Conquest is still an open question: A response to R. Young and B. Wood. *Journal of the Evangelical Theological Society*, vol. 51/2, 2008, pp. 245–266.
- Hermann S. *Basic Factors of Israelite Settlement in Canaan*. Biblical Archaeology Today: Proceedings of the International Congress on Biblical Archaeology, Jerusalem, April 1984. Jerusalem, 1985, pp. 47–53.
- Heschel S. *The Aryan Jesus: Christian Theologians and the Bible in Nazi Germany*. Princeton; Oxford, Princeton University Press, 2008, XVII, 339 p.
- Hyatt J.P. *Were there an ancient historical credo in Israel and an independent Sinai tradition*. Translating and Understanding the Old Testament. Essays in Honor of H.G. May, ed. by H.T. Frank and W.L. Reed. Nashville, Abingdon Press, 1970, pp. 152–170.
- Jamieson-Drake D.W. *Scribes and Schools in Monarchic Judah: A Socio-Archaeological Approach*. Sheffield, Almond Press, 1991, 240 p.
- Kenyon K.M. *Digging up Jericho*. London, Benn, 1959, 272 p.
- Kessler E. *Bound by the Bible: Jews, Christians and the Sacrifice of Isaac*. Cambridge, UK; New York, Cambridge University Press, 2004, XII, 222 p.

- Killebrew A.E. *Biblical Jerusalem: An Archaeological Assessment*. Jerusalem in Bible and Archaeology. The First Temple Period, ed. by A.G. Vaughn and A.E. Killebrew. Leiden, 2003, pp. 329–345.
- Kitchen K.A. A Possible Mention of David in the late tenth Century BCE, and the Deity *Dod as Dead as the Dodo? *Journal for the Study of the Old Testament*, vol. 76, 1997, pp. 29–44.
- Kitchen K.A. *Exodus*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 2, pp. 700–708.
- Kochavi M. The Israelite Settlement in Canaan in the light of Archaeological Surveys. *Biblical Archaeology Today*. Jerusalem, 1985, pp. 54–60.
- Lalleman P.J. The Old Testament and Archaeology. With a personal top ten of discoveries. *The British Evangelical Review*, vol. 26/3, 2008, pp. 83–88.
- Laughlin J.C.H. *On the Convergence Texts and Artifacts: Using Archaeology to Teach the Hebrew Bible*. Between Text and Artifact: Integrating Archaeology in Biblical Studies Teaching, ed. by M.C. Moreland. Leiden; Boston, 2004, pp. 115–132.
- Lemaire A. The Tel Dan Stela as a Piece of Royal Historiography. *Journal for the Study of the Old Testament*, vol. 81, 1998, pp. 3–14.
- Lemche N.P. *Early Israel: Anthropological and Historical Studies on the Israelite Society before the Monarchy*. Leiden, Brill, 1985, XV, 496 p.
- Lemche N.P. *Habiru, hapiru*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 3, pp. 6–10.
- Lipschits O. *Achaemenid Imperial Policy, Settlement Processes in Palestine, and the Status of Jerusalem in the Middle of the Fifth Century B.C.E.* Judah and the Judeans in the Persian Period, ed. by O. Lipschits and M. Oeming. Winona Lake, 2006, pp. 19–52.
- Lipschits O. Persian Period Finds from Jerusalem: Facts and Interpretations. *The Journal of Hebrew Scriptures*, vol. 9, Article 20, 2009, ISSN 1203-1542. URL: www.jhsonline.org.
- MacDonald B. *East of the Jordan: Territories and Sites of the Hebrew Scriptures*. Boston, MA, American Schools of Oriental Research, 2000, VI, 287 p.
- Manor D.W. *Kadesh-Barnea*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 4, pp. 1–5.
- Manor D.W., Herion G.A. *Arad*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 1, pp. 332–333.
- Mazar A. *The Spade and the Text: The Interaction between Archaeology and Israelite History Relating to the Tenth–Ninth Centuries BCE*. Understanding the History of Ancient Israel, ed. by H.G.M. Williamson. London, 2007, pp. 143–171.
- Mazar E. Did I Find King David's Palace? *Biblical Archaeology Review*, vol. 32/1, 2006, pp. 16–27.
- McGovern P.E. *Beth-Shan*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 1, pp. 695–696.
- Mendenhall G.E. *The Tenth Generation: The Origins of the Biblical Tradition*. Baltimore; London, Johns Hopkins University Press, 1973, XVIII, 248 p.
- Meyers C. *Exodus*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2005, XXIII, 311 p.
- Millard A.R. King Og's Iron Bed: Fact or Fancy? *Bible Review*, vol. 6/2, 1990, pp. 16–21.
- Na'aman N. *Does Archaeology Really Deserve the Status of a 'High Court' in Biblical Historical Research?* Between Evidence and Ideology. Essays on the History of Ancient Israel read at the Joint Meeting of the Society for Old Testament Study and the Oud Testamentisch Werkgezelschap. Lincoln, July 2009, ed. by B. Becking & L.L. Grabbe. Leiden; Boston, 2011, pp. 165–184.
- Na'aman N. *Sources and Composition in the History of David*. The Origins of the Ancient Israelite States, ed. by V. Fritz and P.R. Davies. Sheffield, 1996, pp. 170–186.
- Naveh J. *Early History of the Alphabet: An Introduction to West Semitic Epigraphy and Palaeography*. Leiden, Brill, 1982, IX, 211 p.

- Noth M. *Das System der zwölf Stämme Israels*. Stuttgart, W. Kohlhammer, 1930, 174 S.
- Noth M. *Exodus: a commentary*. Philadelphia, Westminster Press, 1962, 283 p.
- Pardee D. *Gezer Calendar*. The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East, vol. 2, 1997, pp. 400–401.
- Pritchard J.B. *Archaeology and the Future of Biblical Studies: Culture and History*. The Bible in Modern Scholarship, ed. by J.P. Hyatt. Nashville & NY, 1965, pp. 313–324.
- Rad G., von. *Das formgeschichtliche Problem des Hexateuchs* [The form-critical problem of Hexateuch]. Stuttgart, W. Kohlhammer, 1938, 72 S.
- Ray J. *The Rosetta Stone and the Rebirth of Ancient Egypt*. London, Profile Books, 2007, 199 p.
- Redford D.B. *The Wars in Syria and Palestine of Thutmose III*. Leiden; Boston: Brill, 2003, XIV, 272 p.
- Rollston C.A. *Writing and Literacy in the World of Ancient Israel: Epigraphic Evidence from the Iron Age*. Atlanta, Society of Biblical Literature, 2010, XIX, 171 p.
- Rowton M.B. *The Problem of the Exodus*. Palestine Exploration Quarterly, vol. 85, 1953, pp. 46–60.
- Sayce A.H. *Monument Facts and "Higher Critical" Fancies*. London, The Religious tract society, 1904, 128 p.
- Seibert E.A. *Subversive Scribes and the Solomonic Narrative. A Rereading of 1 Kings 1-11*. New York; London, T & T Clark, 2006, XIV, 209 p.
- Shavit J., Eran M. *The Hebrew Bible Reborn: From Holy Scripture to the Book of Books. A History of Biblical Culture and the Battles over the Bible in Modern Judaism*. Berlin, W. de Gruyter, 2007, X, 566 p.
- Smelik K.A.D. King's Mesha Inscription: Between History and Fiction. *Oudtestamentische Studiën*, vol. 28, 1992, pp. 59–92.
- Smith G. *The Chaldean Account of Genesis*. London, Thomas Scott, 1876.
- Steiner M. *Jerusalem in the Tenth and Seventh Centuries BCE: From Administrative Town to Commercial City*. Studies in the Archaeology of the Iron Age in Israel and Jordan, ed. By A. Mazar. Sheffield, Sheffield Academic Press, 2001, pp. 280–288.
- Thiel W. *Ahab*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 1, pp. 100–104.
- Thiele E.R. *The Mysterious Numbers of the Hebrew Kings*. Chicago, The University of Chicago Press, 1951, XIX, 298 p.
- Ussishkin D. *Megiddo*. Anchor Bible Dictionary, 1992, vol. 4, pp. 673–677.
- Ussishkin D. *The Borders and de facto Size of Jerusalem in the Persian Period*. Judah and the Judeans in the Persian Period, ed. by O. Lipschits and M. Oeming. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2006, pp. 147–166.
- Ussishkin D. *The Temple Mount in Jerusalem during the First Temple Period: An Archaeologist's View*. Exploring the Longue Duree. Essays in Honor of L.E. Stager, ed. by J.D. Schloen. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2009, pp. 473–483.
- Van Bekkum K. *From Conquest to Coexistence: Ideology and Antiquarian Intent in the Historiography of Israel's Settlement in Canaan*. Leden; Boston, Brill, 2011, XXI, 691 p.
- Van Seters J. *The Geography of the Exodus*. The Land that I Will Show You. Essays on the History and Archaeology of the Ancient Near East in Honour of J.M. Miller, ed. by J.A. Dearman and M.P. Graham. Sheffield, Sheffield Academic Press, 2001, pp. 255–276.
- Waalder E. A Revised Date for Pentateuchal Texts? Evidence from Ketef Hinnom. *Tyn-dale Bulletin*, vol. 53/1, 2002, pp. 29–55.

- Waltke B.K. The Date of the Conquest. *Westminster Theological Journal*, vol. 52, 1990, pp. 181–200.
- Warren C. *Underground Jerusalem*. London, Richard Bentley & Son, 1876, 352 p.
- Wellhausen J. *Prolegomena zur Geschichte Israels*. Berlin, W. de Gruyter, 1927, VIII, 424 S.
- Wheeler G. *Ancient Egypt's Silence about the Exodus*. Andrews University Seminar Studies, vol. 40, 2002, pp. 257–264.
- Winkelmann J.J. *Geschichte der Kunst des Alterthums* [History of Ancient Art]. 2 Teil. Dresden, In der Waltherischen Hof-Buchhandlung, 1764.

Анатолий Алексеевич Алексеев

Доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Anatoliy Alexeev

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: a.alexeev@spbu.ru

*Сари Ахола,
Маргарита Пиетариен,
Рийкка Уллаконоя*

Университет Ювяскюля, Финляндия

УСПЕХ НА ЯЗЫКОВОМ ЭКЗАМЕНЕ И ГРАЖДАНСТВО (некоторые результаты экзаменов на знание финского языка русскоязычных тестируемых в Финляндии)

Ключевые слова: экзамен по финскому языку, языковые требования и гражданство Финляндии, знание финского языка русскоязычных тестируемых.

Финский общий языковой экзамен, Finnish National Certificates of Language Proficiency (NCLP) examination, предназначенный для взрослых, проверяет, насколько хорошо человек справляется с жизненными ситуациями, в которых он должен говорить, слушать, писать и читать на чужом языке. В состав языкового экзамена входят три теста по шести уровням: начальный уровень (уровни 1–2), средний (уровни 3–4) и высший (уровни 5–6). Уровни общего языкового экзамена связаны с шестиступенчатой системой оценки (A1–C2), используемой в Общеввропейских Компетенциях Владения Иностранном Языком (CEFR). Все тесты языкового экзамена включают в себе четыре вида проверки речевых умений: понимание текста, понимание речи, письмо и говорение.

Лицам, которые хотят получить гражданство Финляндии, требуется продемонстрировать достаточное знание финского или шведского языка в ходе данного языкового экзамена. Кандидату необходимо сдать экзамен как минимум на уровне 3 (~ уровень B1) в устной части экзамена (аудирование и говорение) и в письменной части испытания (понимание текста и письмо).

В статье рассматриваются результаты, которые показали русскоязычные кандидаты в данных разделах экзамена, а также соответствие их навыков требованиям, необходимым для получения финского гражданства. Представленные данные состоят из обобщенных результатов экзаменов и данных опроса участников экзамена в 2012 (общее число кандидатов 5097) и 2013 г. (5996). Из общего числа сдававших экзамены число говорящих на русском языке как на родном составило около 30 %.

Кроме того, авторы статьи попытались выяснить, какое влияние на результаты оказывают переменные факторы, такие как пол, образование, предшествующее языковое обучение и использование языков в различных контекстах.

*Sari Ahola,
Margarita Pietarién,
Riikka Ullakonoja*
University of Jyväskylä, Finland

SUCCESS IN THE LANGUAGE TEST AND CITIZENSHIP (Some results of the Russian test takers in the Finnish language test in Finland)

Keywords: the Finnish Language Test, language requirements and Finnish citizenship, knowledge of the Finnish language of the Russian test takers.

Finnish National Certificates of Language Proficiency examination is intended for adults and assesses language skills in practical situations where adults may generally need to speak, listen, write and read in the foreign language. It comprises three subtests at six levels: Basic (1–2 levels), Intermediate (3–4 levels) and Advanced (5–6 levels). The proficiency level scale of the Finnish National Certificates of Language Proficiency is linked to the scale of the Common European Framework (CEFR). Finnish National Certificates of Language Proficiency examination tests all four language skills – reading comprehension, listening comprehension, writing and speaking.

Applicants for Finnish citizenship have to demonstrate the required level of proficiency in Finnish or Swedish. A successful applicant is required to pass the 3^d level (~ level B1) both in oral (listening and speaking) and written (reading comprehension and writing) parts of the test.

The article discusses the test results gained by the Russian test takers in all these parts of the test and reveals correspondence of their language skills to the requirements for acquiring Finnish citizenship. The article represents a summary of the test results and survey data conducted among the test takers in 2012 (a total number of the test takers, $n = 5097$) and 2013 ($n = 5996$). From the total number of the test takers, the number of the test takers who have Russian as a native language amounts to 30 %.

Moreover, the article reveals how variable factors can influence the test results, namely gender, education, language preparation courses and use of language in various contexts.

В настоящее время владение языками считается одной из составных частей профессионализма. В то же время знание языка страны проживания является необходимым требованием для получения гражданства. Чем лучше владение языками, тем больше возможностей у личности справиться как с профессиональной жизнью, так и с окружающим миром в период глобализации. Саяваара, Луукка и Пёухонен [Sajavaara, Luukka, Pöyhönen, 2007. Рр. 34–35] также утверждают, что владение языками является уже не отличительной чертой интеллектуала, а важным средством, рабочим инструментом, при помощи которого владеющий языком может общаться с окружающей средой. Владение языком — это ключ к умению, позволяющему личности создать значимое целое своего будущего.

Значение *владения языками* стало более важным, и поэтому различные тесты и экзамены занимают центральное место в обществе. В 1994 г. в Финляндии была создана своя стандартизированная система тестирования, целью которой является выявление достоверной

и единой информации об уровне владения языком и его специфике [Tarnanen, Huhta, Pohjala, 2007]. После вступления Финляндии в Европейский союз приток иностранцев в страну значительно возрос, что привело к необходимости разработать систему не только для обучения, но и для тестирования владения новыми жителями государственными (финским и шведским) языками.

Объектом внимания статьи являются русскоязычные кандидаты, принявшие участие в экзамене по финскому языку в 2012–2013 гг. В настоящее время экзамен общественно важен, т. к. для получения финского гражданства нужен определенный результат в данном экзамене. В данной статье также рассматриваются результаты русскоязычных кандидатов в субтестах, а также соответствие их навыков требованиям, необходимым для получения финского гражданства.

Финский экзамен на владение языком — это государственный языковой тест, предназначенный для взрослых. Первые экзамены были проведены в 1994 г., когда вышел закон об экзамене. Тогда экзамен был организован на семи языках на трех уровнях владения. Шкала уровней была поначалу девятиступенчатая, но с 2001 г. экзамен был переведен на шестиступенчатую шкалу [Leblay, 2014]. Эти шесть ступеней языкового экзамена связаны с шестиступенчатой системой оценки (A1–C2), используемой в *Общеввропейских Компетенциях Владения Иностранным Языком* (CEFR) [Yleisten kielitutkintojen perusteet, 2011].

В течение 20 лет с внесением разных изменений законы и указы по экзамену менялись, поскольку он связан с финским законодательством. Текущий экзамен основан на законе 2004 г. Осуществление на практике и изучение результатов происходит в Центре прикладной лингвистики Университета Ювяскюля, но осуществляет общее руководство экзаменом и 60 тестовыми центрами по всей стране Национальное управление образования Финляндии. За качеством экзамена ведется наблюдение по качественным и количественным критериям с привлечением Ассоциации языковых тесторов Европы (ALTE), поскольку Финский экзамен на владение языком является также ее членом.

Сегодня на экзамене можно доказать свое владение девятью языками: английским, испанским, итальянским, саамским, французским, шведским, немецким, финским и русским. В будущем (в 2016 г.) тестовая система увеличится еще на один язык, на финский язык жестов [Sivunen, Tossavainen & Ahola, 2014]. В экзамене может принять участие любой человек, независимо от того, как и когда он приобрел свои знания. Во время подачи заявки на участие в экзамене тестируемый сам определяет, какой уровень будет сдавать. Участие в экзамене не требует формального изучения языков или завершения какого-то курса [Yleisten kielitutkintojen perusteet, 2011].

Экзамен на владение иностранным языком состоит из трех уровней (начальный, средний и высший). Каждый уровень охватывает два уровня подготовленности, которых всего шесть (ступени 1–6). Вы-

полненные работы тестируемых не сравниваются друг с другом, результаты определяются для квалификации на основе определенных критериев. Каждый экзамен состоит из четырех субтестов. Все экзамены включают в себя четыре вида проверки речевых умений: чтение, аудирование, письмо и говорение (см. табл. 1) [Yleisten kielitutkintojen perusteet, 2011].

Таблица 1

Уровни и субтесты экзамена

Шесть ступеней (YKI-CEFR)	Три уровня	Четыре субтеста
1 ~ A1 } 2 ~ A2 }	Начальный уровень	Чтение Аудирование Письмо Говорение
3 ~ B1 } 4 ~ B2 }	Средний уровень	
5 ~ C1 } 6 ~ C2 }	Высший уровень	

Начальный уровень (ступени 1–2) предназначен для тех, кто лишь изредка общается с носителями языка в самых простых бытовых ситуациях. Экзамен среднего уровня (ступени 3–4) адресован тем, кто в какой-то мере использует язык не только в свободное время, но и на работе. Они, однако, еще не в состоянии справиться с общением в сложных коммуникативных ситуациях, в частности, на профессиональном уровне, хотя знание языка уже довольно хорошее и многогранное. Высший уровень (ступени 5–6) предлагается тем, кто может довольно свободно пользоваться языком и в профессиональных целях: на встречах с коллегами, на конгрессах и в деловых поездках и т. д. Они умеют выражать свои мысли в зависимости от коммуникативной ситуации как на письме, так и в устной речи, а также способны передавать информацию на иностранном языке вплоть до мельчайших нюансов.

Кандидаты получают сертификат, в котором имеется отдельная оценка по каждому субтесту экзамена. Например, на среднем уровне кандидат может получить оценки <3, 3 и 4. Оценка <3 (меньше 3) означает, что знание кандидата еще не соответствуют требованиям этого уровня, и эта часть экзамена не завершена успешно. На начальном уровне кандидаты получают оценки <1, 1 и 2, а на высшем уровне оценки <5, 5 и 6.

Экзамен по финскому языку является одноязычным экзаменом, что означает, что все задания (тексты, вопросы) и инструкции представлены на тестируемом языке. Это продиктовано многоязычием кандидатов (более 200 языков) и тем, что финский язык является для них

единственным общим языком [Yleisten kielitutkintojen laadintaohjeet, 2012; Ahola, 2014].

Языковой экзамен измеряет функциональное и коммуникативное владение языком, см. подробнее: [Halliday, 1973; Halliday, 1978; Butler, 2003; Mehrgan, 2012]. На экзамене проверяется владение языком на практике, т. е. в языковых ситуациях, касающихся личной и общественной жизни, учебы или работы, когда взрослому человеку приходится говорить, слушать, писать или читать на втором/иностранном языке. В основе экзамена, с одной стороны, лежит понимание языка как части коммуникативной компетенции, по Кэнэлу и Свейну [Canale, Swain, 1980], и, с другой стороны, учитывается важность доменов в использовании языка (*language use domains*), по Бахману и Палмеру [Bachman, Palmer, 1996]. Исходя из этого коммуникативная компетенция означает, что владение языком состоит из грамматической компетенции (лексика и грамматические правила), социолингвистической компетенции (употребление языка в функциональных целях, т. е. способность понимать и продуцировать язык в такой форме и с таким значением, которые соответствуют определенному социолингвистическому контексту коммуникации), дискурсивной компетенции (способность объединять отдельные предложения в связное устное или письменное сообщение, связана с когезией, когерентностью и конвенциями дискурса) и стратегической компетенции (способность эффективно участвовать в общении и адекватное использование коммуникативных стратегий). Понятие доменов, в свою очередь, подчеркивает, что языковые навыки состоят из разных коммуникативных ситуаций и связанных с ними конвенций, см. также: [Hymes, 1972; Huhta & Takala, 1999].

Языковой экзамен, так называемый *highstakes-test*, имеет большое значение для жизни кандидата. В 2003 г. свидетельство о знании языка стало обязательным при подаче документов на гражданство. Однако в то время в экзамен входил субтест «Лексика и грамматика», и общая оценка владения языком выводилась как среднее из пяти субтестов [Leblay, 2014]. Для получения гражданства требовалось, чтобы общая оценка в сертификате была минимум 3. В 2011 г. был принят новый закон о гражданстве, и он изменил состав экзамена. Из него был исключен субтест «Лексика и грамматика», который не входит в функциональный тест, где оценивается использование языка, а не знание о нем. По новому закону кандидату необходимо сдать экзамен как минимум на уровне 3 (~ уровень B1) в устной части экзамена (аудирование и говорение) и в письменной части испытания (понимание текста и письмо), другими словами, кандидату необходимо показать наличие устойчивых навыков в одной из следующих трех комбинаций тестируемых видов речевой деятельности: говорение и письмо, аудирование и письмо, а также понимание текста и говорение [Maahanmuuttovirasto, 2014].

Русскоязычные являются в Финляндии значительной группой иммигрантов. В конце 2013 г. в стране проживало более 66 тысяч человек, считающих своим родным языком русский. Группа состоит

главным образом из русских, эмигрировавших из бывшего Советского Союза. В 2013 г. их доля от всех иммигрантов в Финляндии составила 26% [Tilastokeskus, 2014].

Высокая доля русскоязычных в стране отражается также в количестве участников экзамена по финскому языку, т. к. примерно 30% всех кандидатов заявляет своим родным языком русский. Это значит, что ежегодно примерно около 2000 носителей русского языка принимают участие в экзамене YKI. Причины для участия в экзамене разные, например, кандидаты хотят доказать свое знание языка работодателю, для учебы, для поиска работы или они просто заинтересованы в том, чтобы узнать свой уровень владения финским языком. Тем не менее главной причиной участия в экзамене является получение гражданства Финляндии. Так, 81% русскоязычных участников настоящего исследования сообщили, что они нуждаются в свидетельстве (сертификате) для получения гражданства. Согласно статистике [Tilastokeskus, 2014], в 2013 году из 9292 человек, получивших гражданство Финляндии, больше всего было россиян (2058), затем идут сомалийцы (789), выходцы из Ирака (505) и Афганистана (467).

Особое внимание в настоящем исследовании уделяется русскоязычным тестируемым на экзамене по финскому языку в 2012–2013 гг., и особенно принявшим участие в экзамене для подтверждения знания финского для получения гражданства. Кандидаты имели возможность сдать экзамен среднего уровня по финскому языку в разных частях Финляндии четыре раза в год: в январе, апреле, августе и октябре/ноябре. Данные этого исследования собраны по результатам всех тестов за 2012–2013 гг. В нем используются результаты каждого субтеста экзамена по финскому языку и данные о кандидатах. Представленные данные состоят из обобщенных результатов экзаменов и данных опроса участников экзамена в 2012 г. (общее число кандидатов 5097) и 2013 г. (5996 кандидатов), всего 10 157 кандидатов. Из общего числа сдававших экзамены число говорящих на русском языке как на родном составило 2828 кандидатов, или около 28%. Перед экзаменом участники заполняют анкету, в которой кандидаты отвечают на вопросы о себе, например, возраст, пол, образование, родной язык, образование, сфера деятельности, продолжительность изучения языка, цель участия в экзамене. С помощью этих материалов получены ответы на следующие вопросы.

- Каких результатов русскоязычные тестируемые достигли в знании финского языка?
- Как им удалось продемонстрировать достаточное знание финского языка для получения гражданства Финляндии?
- Какое влияние на результаты оказывают переменные факторы (пол, образование, предшествующее языковое обучение)?

Анализ указанных данных материалов указывает на то, что русскоязычные кандидаты во многих отношениях гомогенны. Возраст большинства из них составил от 25 до 44 лет. Представителей женско-

го пола (68%) было больше, чем мужчин (32%). Уровень образования кандидатов в общем высокий: около 42% русскоязычных, принявших участие в экзамене, имеет высшее образование. В качестве своего образования профессиональную школу отметило 24% и политехнический институт — 15% кандидатов. Несмотря на высокий уровень образования, многие из них были без работы (24%). Треть (34%) имели работу, студенты составили 15%, а учащиеся на курсах по трудоустройству — 16%.

Экзамен по финскому языку на гражданство сдало 2269 человек из 2828 русскоязычных тестируемых. В таблице 2 представлены результаты. Если сравнивать их с результатами других участников экзамена (назовем их «Группа „остальные“»¹), владение финским языком у русскоязычных тестируемых отличное. По результатам надо отметить, что носители русского языка хорошо понимают и письменную и устную речь. «Говорение» было самым трудным субтестом. Если рассматривать группу «остальные», то очевидно, что они сдали экзамен намного хуже, но для них самым трудным был субтест «Письмо». Русскоязычные тестируемые, в свою очередь, умеют лучше писать, чем говорить. Способность говорить и понимать связана с более высоким уровнем образования по сравнению с другими участниками экзамена. Группа «остальные» включает в себя таких тестируемых, которые или вообще не учились в школе, или имеют только начальное образование.

Таблица 2

Результаты экзаменов среднего уровня в 2012–2013 гг.

	<3 (<B1)		3 (B2)		4 (B2)	
	русс., %	ост., %	русс., %	ост., %	русс., %	ост., %
Чтение	2,7	12,4	64,4	65,2	32,8	22,1
Аудирование	5,2	18,0	76,9	66,4	17,7	15,1
Письмо	16,1	37,9	66,8	49,7	16,8	11,8
Говорение	18,6	34,6	62,4	47,7	18,6	16,7

Как показывает таблица 3, примерно 20% из русскоязычных тестируемых не демонстрирует умений, нужных для доказательства удовлетворительного владения финским языком, необходимого для получения гражданства. Важно отметить, что при расчете общих результатов теста учитываются показатели всех субтестов, и поэтому если кандидат получил по всем субтестам экзамена оценку 3, он включен во все градации таблицы.

¹ Участники имели в общей сложности гражданства 142 стран, владели 200 родных языков.

Таблица 3

Результаты в свете языковых требований для гражданства

	Русскоязычные, %	Остальные, %
Говорение и письмо	74	48
Аудирование и письмо	81	53
Чтение и говорение	80	59

Рассмотрим подробнее характеристику тех русскоязычных кандидатов, которые успешно сдали экзамен. В обеих группах тестируемых больше женщин, чем мужчин. 83 % русскоязычных женщин и 70 % русскоязычных мужчин получили на экзамене необходимую комбинацию оценок. Из кандидатов — носителей других языков только 73 % женщин и 61 % мужчин сдали экзамен.

Можно предположить, что между образованием тестируемых и результатами на экзамене имеется связь. С этой точки зрения результаты экзамена не удивляют. Тестируемые, имеющие высшее образование, справились с экзаменом хорошо. 93 % удалось достичь требуемого уровня владения языком. Надо отметить, что результаты были хорошие, несмотря на то, какое именно образование было получено. Даже из окончивших среднюю школу 80 % справились с экзаменом. Результаты группы «остальные» схожи с результатами, полученными для русскоязычных тестируемых: 81 % имеющих высшее образование получили одну из необходимых для получения гражданства комбинаций оценок. Слабее справились те, которые окончили только среднюю или неполную среднюю школу, поскольку 51 % из них не удалось подняться до требуемого уровня владения языком.

В группе «остальные» факторами, которые способствовали успеху на экзамене, явились работа или учеба. Для русскоязычных же участников они не были значимыми, поскольку в процентном отношении тип занятости не влиял на результаты экзамена. Более значимым для русскоязычных было высокий уровень образования, которого у других участников экзамена часто не отмечалось.

Формальное изучение финского языка помогало сдаче экзамена. Самых лучших результатов среди русскоязычных участников получили те, кто изучал финский язык (на курсах или самостоятельно) 7–9 лет. Такой же результат и у группы «остальные». Надо все-таки отметить, что даже изучение финского языка больше года позволило многим справиться с тестом, т. к. 90 % тестируемых удалось достичь по крайней мере 3 уровня в комбинациях оценок, необходимых для получения гражданства. Все же необходимо помнить, что многие из участников исследования живут в финскоязычном окружении (пользуются финским языком в семье, с друзьями или на работе), а используемый ежедневно язык усваивается существенно быстрее, чем иностранный, часто не имеющий соприкосновения с ежедневной жизнью.

В заключение следует отметить, что русскоязычные тестируемые справляются с тестом среднего уровня по финскому языку лучше по сравнению с другими участниками теста. Они являются довольно гомогенной группой, поскольку их переменные факторы (возраст, образование) часто являются схожими, тогда как в группе «остальные» эти переменные сильно колеблются. Навыки производства устной и письменной речи русскоязычных участников чуть слабее навыков понимания, но в целом их профиль владения языком хороший.

На основе ответов на вопросы анкет, заполняемых участниками, можно сделать вывод, что носители русского языка обычно немного изучают финский язык, прежде чем прийти на экзамен, и хорошо готовятся к тесту, поскольку обычно они получают результаты, необходимые для гражданства, с первого раза. В группе «остальные» примерно 10 % участников принимают участие в тесте несколько раз, обычно 2–4 раза.

На успех в языковом тесте влияет многое, но для говорящих на русском языке как на родном большим преимуществом является образование. Благодаря высшему образованию, полученному в своей стране, они также имеют опыт в изучении иностранных языков и участии в тестах.

Кроме того, в отношении культуры они ближе к финскому обществу, чем, например, участники теста, приехавшие из Африки и Азии. Хотя экзамен не тестирует знание культуры, язык все же связан с ней, и ее знание облегчает понимание языка и владение им. Хорошее знание языка всегда предполагает понимание и знание общества и культуры изучаемого языка [Ahola & Lammervo, 2013].

Понятно также, что занятость помогает изучению языка, т. к. трудовая деятельность и взаимодействие с другими членами общества предполагает хорошее знание языка. Чем лучше владение языком, тем быстрее и легче происходит интеграция в новую страну. Мотивация и необходимость использовать язык являются важнейшими факторами в изучении нового языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Ahola S. Tehtävien elinkaari yleisissä kielitutkinnoissa. Yleiset kielitutkinnot 20 vuotta. Raportit ja selvitykset 2014: 16. Juvenes Print — Suomen Yliopistopaino Oy, Tampere, 2014. S. 63–71.
- Ahola S., Lammervo T. Venäjää äidinkielenään puhuvien maahanmuuttajien suomen kielen taito yleisten kielitutkintojen valossa // Siirtolaisuus–Migration. № 1. 2013. S. 31–39.
- Bachman L. F., Palmer A. S. Language Teaching in Practice. Oxford University Press: Oxford, 1996. 377 p.
- Butler C. S. Structure and Function: A Guide to Three Major Structural-Functional Theories. Part 1: Approaches to the simplex clause. Amsterdam: John Benjamins, 2003. 570 p.
- Canale M., Swain M. Theoretical Bases of Communicative Applied Linguistics 1. Oxford University Press: Oxford, 1980.
- Halliday M. Explorations in the Functions of Language. New York: Elsevier North-Holland, 1973.

- Halliday M. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
- Huhta A., Takala S. *Kielitaidon arviointi // Sajavaara, K. & Marsh-Piirainen, A. (toim.) Kielenoppimisen kysymyksiä. Jyväskylän yliopistopaino: Jyväskylä, 1999. S. 179–228.*
- Hymes D. *On communicative competence // Bride, J.B. & Holmes, J. (ed.), Sociolinguistics, Harmondsworth: Penguin, 1972. Pp. 269–293.*
- Leblay T. *Yleiset kielitutkinnot 2010-luvulla: mietteitä lainsäädännöstä, haasteista ja kehittämiskohteista. Yleiset kielitutkinnot 20 vuotta. Raportit ja selvitykset 2014: 16. Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino Oy, Tampere, 2014. S. 26–31.*
- Maahanmuuttovirasto 2014. [Электронный ресурс] URL: www.migri.fi.
- Mehrgan K. *On the Plausibility of Functionalist Approach to Second Language Acquisition // Advances in English Linguistics (AEL). Vol. 1, № 2, 2012. Pp. 37–42.*
- Sajavaara K., Luukka M., Pöyhönen S. *Kielikoulutuspolitiikka Suomessa: lähtökohtia, ongelmia ja tulevaisuuden haasteita. Kohti tulevaisuuden kielikoulutusta. Kielikoulutuspoliittisen projektin loppuraportti / Pöyhönen S. & Luukka M-R. (toim.) Jyväskylän yliopisto, Soveltavan kielentutkimuksen keskus, 2007. S. 13–42.*
- Sivunen N., Tossavainen H., Ahola S. *Suomalaisen viittomakielen liittäminen Yleisiin kielitutkintoihin. Yleiset kielitutkinnot 20 vuotta. Raportit ja selvitykset 2014: 16. Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino Oy, Tampere, 2014. S. 90–99.*
- Tarnanen M., Huhta A., Pohjala K. *Mitä on osaaminen? Kielitaidon arviointi vastaajana. // Pöyhönen, S. ja Luukka, M-R. (toim.) Kohti tulevaisuuden kielikoulutusta. Kielikoulutuspoliittisen projektin loppuraportti. Jyväskylä: Soveltavan kielentutkimuksen keskus, 2007. S. 381–412.*
- Tilastokeskus. *Tilastokeskuksen PX-Web-tietokannat. Väestö, väestörakenne. Helsinki: Tilastokeskus. 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tilastokeskus.fi>*
- Yleisten kielitutkintojen laadintaohjeet 2012 / Lammervo T., Tarnanen M., Ahola S., Hirvelä T., Neittaanmäki R., Ohranen S., Tossavainen H. (toim.) // *Soveltavan kielentutkimuksen keskus ja Opetushallitus. Jyväskylä, 2012. S. 1–175.*
- Yleisten kielitutkintojen perusteet. Määräys 24/011/2011. Opetushallitus.

Законы и указы

- Asetus yleisistä kielitutkinnoista 1163/2004 ja 1109/2011.
Kansalaisuuslaki 359/2003.
Laki yleisistä kielitutkinnoista 12.11.2004/964.

REFERENCES

- Ahola S. *Tehtävien elinkaari yleisissä kielitutkinnoissa* [Task life cycle of public language qualifications]. *Yleiset kielitutkinnot 20 vuotta. Raportit ja selvitykset 2014: 16. Tampere, Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino Oy, 2014, s. 63–71.*
- Ahola S., Lammervo T. *Venäjää äidinkielenään puhuvien maahanmuuttajien suomen kielen taito yleisten kielitutkintojen valossa* [Native Russian-speaking immigrants in the Finnish language in the light of the general language exams]. *Siirtolaisuus–Migration, № 1, 2013, s. 31–39.*
- Bachman L.F., Palmer A.S. *Language Teaching in Practice*. Oxford, Oxford University Press, 1996, 377 p.
- Butler C.S. *Structure and Function: A Guide to Three Major Structural-Functional Theories. Part 1: Approaches to the simplex clause*. Amsterdam, John Benjamins, 2003, 570 p.

- Canale M., Swain M. *Theoretical Bases of Communicative Applied Linguistics 1*. Oxford, Oxford University Press, 1980.
- Halliday M. *Explorations in the Functions of Language*. New York, Elsevier North-Holland, 1973.
- Halliday M. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. London, Edward Arnold, 1978, 256 p.
- Huhta A., Takala S. *Kielitaidon arviointi* [The evaluation of Knowledge and Skills], Sajavaara K., Marsh-Piirainen A. (toim.) [ed.]. Kielenoppimisen kysymyksiä. Jyväskylän yliopistopaino: Jyväskylä, 1999, s. 179–228.
- Hymes D. *On communicative competence*. Bride J.B., Holmes J. (ed.), Sociolinguistics. Harmondsworth, Penguin, 1972, pp. 269–293.
- Leblay T. *Yleiset kielitutkinnot 2010-luvulla: mietteitä lainsäädännöstä, haasteista ja kehittämiskohteista* [General Language Proficiency 2010s: thoughts about the legislation, challenges and development targets]. Yleiset kielitutkinnot 20 vuotta. Raportit ja selvitykset 2014: 16. Tampere, Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino Oy, 2014, s. 26–31.
- Maahanmuuttovirasto 2014 [The Finnish Immigration Service 2014]. Available at: www.migri.fi.
- Mehrgan K. *On the Plausibility of Functionalist Approach to Second Language Acquisition*. Advances in English Linguistics (AEL), vol. 1, № 2, 2012, pp. 37–42.
- Sajavaara K., Luukka M., Pöyhönen S. *Kielikoulutuspolitiikka Suomessa: lähtökohtia, ongelmia ja tulevaisuuden haasteita* [Language Education Policy in Finland: starting points, problems and future challenges]. *Kohti tulevaisuuden kielikoulutusta. Kielikoulutuspoliittisen projektin loppuraportti*, Pöyhönen S., Luukka M-R. (toim.) [ed.]. Jyväskylän yliopisto, Soveltavan kielentutkimuksen keskus, 2007, s. 13–42.
- Sivunen N., Tossavainen H., Ahola S. *Suomalaisen viittomakielen liittäminen Yleisiin kielitutkintoihin* [Connecting the Finnish Sign Language, for general language examinations]. Yleiset kielitutkinnot 20 vuotta. Raportit ja selvitykset 2014: 16. Tampere. Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino Oy, 2014, s. 90–99.
- Tarnanen M., Huhta A., Pohjala K. *Mitä on osaaminen? Kielitaidon arviointi vastaajana* [What is knowledge? Language Assessment defendant], Pöyhönen S., Luukka M-R. (toim.) [ed.]. *Kohti tulevaisuuden kielikoulutusta. Kielikoulutuspoliittisen projektin loppuraportti*. Jyväskylä, Soveltavan kielentutkimuksen keskus, 2007, s. 381–412.
- Tilastokeskus. *Tilastokeskuksen PX-Web-tietokannat. Väestö, väestörakenne* [Statistics Finland. Statistics Finland's PX-Web databases. Population, population structure]. Helsinki, Tilastokeskus, 2014. Available at: <http://www.tilastokeskus.fi>.
- Yleisten kielitutkintojen laadintaohjeet 2012* [General Language Exams Guidance 2012], Lammervo, T., Tarnanen, M., Ahola, S., Hirvelä, T., Neittaanmäki, R., Ohranen, S., Tossavainen, H. (toim.) [ed.]. Soveltavan kielentutkimuksen keskus ja Opetushallitus. Jyväskylä, 2012, s. 1–175.
- Yleisten kielitutkintojen perusteet* [Criteria for general language exams]. Määräys. 24/011/2011. Opetushallitus.

Laws and decrees

- Asetus yleisistä kielitutkinnoista 1163/2004 ja 1109/2011 [Setting general language exams 1163/2004 and 1109/2011].
- Kansalaisuuslaki 359/2003 [Nationality Act 359/2003].
- Laki yleisistä kielitutkinnoista [Act on Public Language Examinations]. 12.11.2004/964.

Сари Ахола

Лицензиат философии, координатор исследования Финского экзамена на владение языком
Университет Ювяскюля (Финляндия), Центр прикладной лингвистики

Sari Ahola

Licentiate of Philosophy, Research Coordinator
Finnish National Certificates of Language Proficiency, University of Jyväskylä, Finland

E-mail: sari.ahola@jyu.fi

Маргарита Пиетариен

Магистр филологических наук, старший преподаватель
Университет Ювяскюля (Финляндия), Языковой центр

Margarita Pietarien

Master of Philosophy, Lecturer
Language Centre, University of Jyväskylä, Finland

E-mail: margarita.r.pietarinen@jyu.fi

Рийкка Уллаконоя

Доктор философии, научный сотрудник
Университет Ювяскюля (Финляндия), Центр прикладной лингвистики

Riikka Ullakonoja

PhD, Post Doctoral Researcher
Centre for Applied Language Studies, University of Jyväskylä, Finland

E-mail: riikka.ullakonoja@jyu.fi

В. Б. Браун

Санкт-Петербургский государственный университет

«ИСТОРИЗМ» ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА: ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ ВО «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ»

Ключевые слова: Дж. Р. Р. Толкин, Властелин колец, история, память, знание, забвение истории, прошлое.

В статье осуществляется попытка рассмотреть «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина в контексте других текстов автора о вымышленном им мире. «Властелин колец» предстает как произведение, описывающее завершающий этап исторического развития мира Средиземья. Сложная система отсылок связывает книгу с другими текстами о вымышленном мире, создавая эффект временной перспективы. Идея возвращения забытого и утраченного предстает как центральный элемент всего повествования и важный организующий принцип. В статье рассматриваются различные способы актуализации материала прошлого внутри данного текста.

Vera Braun

St. Petersburg State University, Russia

“HISTORISM” OF J. R. R. TOLKIEN: HISTORY AND MEMORY IN “THE LORD OF THE RINGS”

Keywords: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, history, memory, knowledge, oblivion of history, the past.

The article attempts to assess “The Lord of the Rings” by J. R. R. Tolkien in the context of his other works about the imaginary world. “The Lord of the Rings” is regarded as a work that describes the final stage of the development of the Middle Earth. Complex system of references fosters a link with other texts about the imaginary world, thus creating the effect of the time perspective. The idea of restoring the forgotten and lost appears to be a central concept and major organising principle of the overall narrative. The article describes various means of regaining the past within the text.

Центральное произведение Дж. Р. Р. Толкина — «Властелин колец» — было принято первыми читателями неоднозначно. Невероятная популярность с одной стороны, категорическое неприятие — с другой. Первые же отклики на книгу были, по замечанию позднейших исследователей, «полны восторгов и восхищения, но не менее полны противоречий и вопросов» [Isaacs, 1972, p. 1]. Неоднозначность откликов во многом объяснялась уникальностью книги Толкина, т. к. она была не похожа на то, что в момент ее появления лежало на книжных прилавках.

Во «Властелине колец» перед читателями предстала не просто масштабная фантазия, но вымышленный мир невиданной до той поры проработки. Уникальный эффект книги Толкина заключался в создании особого ощущения, что мир Средиземья существует где-то сам по себе, независимо от текста, и лишь малая его часть приоткрывается в процессе чтения. Такое ощущение было дополнительно подкреплено в 1977 г. посмертной публикацией тома, получившего название «Сильмариллион». Под его обложкой были собраны тексты, описывающие легендарное прошлое толкиновского мира — от сотворения вплоть до начала так называемой Третьей эпохи, когда происходит действие «Хоббита» и «Властелина колец».

Безусловно, в деле творения вторичных миров у Толкина было много предшественников. Не он первый снабдил свой мир каким-то подобием истории, но именно он сделал новый шаг в давно обозначенном направлении — география его вымышленного мира не приблизительна, а история расписана иногда вплоть до событий отдельных дней. И, самое главное, этот массив древней истории служит не просто для создания дополнительного эффекта таинственной старины, но активно работает в толкиновских текстах. Именно к тому, как материал вымышленной истории включается в текст произведения на различных уровнях, отсылает слово «историзм» в названии данной статьи. Это, в некотором смысле, фиктивный историзм, но он, тем не менее, является ключевым элементом при конструировании всего корпуса текстов Толкина о Средиземье.

История Средиземья насчитывает тысячи лет. Эта история может быть представлена в виде длинной временной шкалы, начало которой приходится на момент собственно сотворения мира, конец — на начало так называемой Четвертой эпохи (изображение хронологии толкиновского мира в виде шкалы можно найти, к примеру, в иллюстрированной энциклопедии Д. Дэй [Дэй, 2003. С. 14–17]).

Известно, что Толкин работал над своей «мифологией» не в хронологическом порядке, а создавал разрозненные тексты, описывающие его мир на разных стадиях исторического развития. Все эти тексты, черновики, а также неоконченные фрагменты могут быть расположены друг относительно друга на общей временной шкале истории Средиземья. В этом смысле «Хоббит» и «Властелин колец» занимают среди других текстов о Средиземье особое место, находясь в самом конце этой воображаемой временной шкалы. «Хоббит» и являющийся его продолжением «Властелин колец» хронологически завершают собой череду текстов о Средиземье. Более того, эти два наиболее известных произведения о Средиземье отделены от всех остальных значительным временным разрывом: к моменту, когда происходят события «Хоббита», почти вся созданная Толкином история относится уже к глубокой древности. Создается своего рода вымышленный временной континуум, внутри которого можно перемещаться в обоих направлениях. Сын Толкина Кристофер говорит о разных уровнях погружения в прошлое:

«„Глубина“ в этом смысле понимается как отношение между различными временными уровнями либо слоями внутри одного и того же мира. При условии, что читатель находится в определенной точке внутри воображаемого времени, из которой он способен оглянуться назад, глубокая древность старины может стать не только очевидной, но и ощутимой в ее протяженности» [Tolkien С., 2002. Р. 4].

Начиная работу над «Хоббитом» в 1930-х гг., Толкин не предполагал, что действие этой сказочной повести происходит в том же самом мире, о котором он уже много лет писал в тайне от широкой публики. По мере того, как персонажи приближались к цели своего путешествия — Одинокой горе, повествование становилось все более серьезным, выяснялось, что общая цель путешествия — охота за сокровищами дракона — связана с темными событиями глубокой старины.

«Властелин колец» создавался в иных условиях. Толкин знал, что читатели и издатели ждут от него именно продолжения «Хоббита», а не «Сильмариллион» (который, в одном из вариантов, Толкин безуспешно пытался предложить для печати). Но в то же время знал и то, что мир «Хоббита» и мир «Сильмариллиона» — это один и тот же мир в разное время. Толкин сознательно решил соединить эти во многом непохожие миры и прочно связал центральный конфликт произведения с древнейшей историей Средиземья.

Говоря о центральной теме «Властелина колец», читатели и исследователи в большинстве случаев обращают внимание на проблему разрушительной природы власти — одним из ранних примеров такого прочтения может служить эссе писателя К. С. Льюиса «Развенчание власти» [Lewis, 2004. Рр. 11–15]. Тем не менее сам Толкин в личных письмах отмечал, что проблема власти интересовала его меньше, чем куда более неоднозначный вопрос смерти и бессмертия, которые, по Толкину, суть «свобода от Времени — и цепляние за Время» [Толкин, 2004. С. 297]. В свою очередь, исследователь Мартин Симонсон утверждает, что произведение имеет не одну, но две центральные темы: «...можно сказать, что двумя основными темами „Властелина колец“ являются: моральное разложение вызванное жаждой власти, а также влияние течения времени на смертных и бессмертных» [Simonson, 2008. Р. 115].

Действительно, время во «Властелине колец» (как и во многих других текстах Толкина) играет огромную роль, и роль эта, что особенно важно, постоянно осознается и персонажами, и читателем. Американская исследовательница творчества Толкина Верлин Флигер отмечает в одной из работ, что автор постоянно «напоминает читателю о течении времени» [Flieger, 2001. Р. 21] — как в широком историческом, так и локальном смысле. Успех всего предприятия по уничтожению Кольца полностью зависит от времени — необходимо успеть до того, как Темный властелин соберет свои силы, иначе сопротивление будет бесполезным. Когда же содружество Кольца распадается, а его участники теряют связь между собой, они все равно продолжают

помогать друг другу, и лишь совпадение их усилий дает в конечном счете необходимый результат. Взаиморасположению описываемых событий во времени Толкин уделял значительное внимание, составив, в конечном счете, четкую хронологию, представленную в приложениях к «Властелину колец» таблицах. Время, вместе с проработанной географией вымышленного мира, дает своего рода координатную сетку, внутри которой все компоненты истории взаимодействуют друг с другом.

Нас, однако, интересует не столько хронология событий во «Властелине колец», но тот факт, что эта история сама по себе вписана в более масштабную сеть координат — в историю всего вымышленного мира в целом. Как уже говорилось, Средиземье, описанное в «Хоббите» и «Властелине колец», — это достаточно старый мир, переживший множество войн и потрясений. Дни юности этого мира теряются в тумане легендарного прошлого. Кроме того, Средиземье во «Властелине колец» — это мир, который стремительно теряет память о собственной истории, забывая сам себя.

В тексте «Властелина колец» встречается множество указаний на этот печальный факт забвения истории. Мир Средиземья населяют самые разные народы, находящиеся на различных стадиях развития, различны и «симптомы» утраты памяти в каждом отдельном случае.

В толкиновском мире два королевства людей — Гондор и Рохан. Гондор является наиболее развитым: жители Гондора образованы, учтивы, в их культуре заметны черты куртуазности. Не случайно столица Гондора Минас-Тирит является также и центром знания, где в архивах хранятся свитки и летописи, повествующие о делах прошлых столетий. Но бесценные источники знания покрыты пылью, и даже те из них, которые еще можно прочесть, не привлекают ничьего внимания. Наследник гондорского наместника Фарамир говорит: «В роду Денетора передается из поколения в поколение множество преданий; еще больше их хранится в наших сокровищницах: книги и таблички <...> многие из которых уже никто не может прочесть; что же касается остальных, немногие в них заглядывают» [Tolkien J., 2002. P. 554].

Другое королевство людей — Рохан — намного моложе и пребывает еще, можно сказать, на стадии раннего средневековья. Письменные источники здесь заменяют сказания и сюжетные гобелены. Но и эта память утрачивается. Заходя в золотой чертог правителя Рохана, персонажи видят, что стены там скрыты за огромными полотнами, на которых вытканы изображения древних героев и их подвигов, но «некоторые с годами потемнели, другие скрывала тень» [Tolkien J., 2002. P. 517]. Утрачивается и устная традиция: король Рохана признается, что когда-то его народ знал много песен о мире, но «песни забываются, теперь их поют лишь детям, не задумываясь о смысле» [Tolkien J., 2002. P. 554].

Эльфы, бессмертные жители Средиземья, являются великими хранителями знаний, многие хранят в своей памяти события самых первых дней мира. Места, где они живут — Ривенделл и Лориэн, — пред-

ставляют собой особые пространства. Когда Фродо попадает в Лориэн, ему кажется, что он «шагнул через мост времени в далекое прошлое и ступал теперь по земле мира, которого больше нет. В Ривенделе жила только память о минувшем, в то время как в Лориэне была жива сама древность» [Tolkien J., 2002. P. 350].

Но эльфов становится все меньше, один за другим они уходят за море, а те, кто остались, укрываются в своих обителях, и их знание не передается другим, являясь по существу мертвым.

Наконец, хоббиты — самый юный народ Средиземья, впервые представленные собственно в «Хоббите». Из материалов пролога к «Властелину колец» нам известно, что хоббиты не всегда жили в Шире, но собственного великого переселения они уже почти не помнят. Не интересны им и новости об окружающем мире. На момент, когда начинаются события, хоббиты счастливы в своем небольшом мирке и будто бы застыли в одном и том же моменте благоденствия.

Итак, история постепенно сливается с мифом и забывается, и это естественный процесс. Тем не менее возможно ли обратное движение — из глубин мифа в живую историю? По версии Толкина — вполне возможно, и даже необходимо, т. к. утрата истории грозит большими бедами.

Во «Властелине колец» неоднократно подчеркивается, как опасно забывать уроки прошлого. Значительная часть трудностей, с которыми персонажи сталкиваются в пути, так или иначе связана с утратой некоторого важного знания. Более того, возникающий вследствие этого вакуум заполняется знанием ложным, еще более опасным. И лишь восстановление знания о прошлом позволяет героям продвинуться дальше.

Наиболее ярким примером, безусловно, является история самого Кольца. К началу основных событий «Властелина колец» Кольцо хранится у хоббитов уже более семидесяти лет, но план по его уничтожению претворяется в реальность едва ли не в последний момент. Все потому, что истинная природа Кольца долгое время оставалась скрытой. Бильбо считал свое кольцо всего лишь полезной мелочью, а волшебник Гэндальф не смог отличить его от множества других волшебных колец, изготовленных в древности. Для выяснения правды Гэндальфу приходится предпринять своего рода исследование, в ходе которого он обнаруживает в архивах Минас-Тирита свиток, написанный одним из людских королей, Исилдуром. Расшифровав этот свиток, Гэндальф узнает о судьбе Кольца Всевластия и, в конечном счете, приходит к выводу, что именно это кольцо нашел когда-то Бильбо.

Далее, когда природа Кольца раскрывается, его опасность все равно продолжают недооценивать. На совете Элронда, где решается судьба Кольца, сын гондорского наместника Боромир рассуждает: «Если Кольцо и правда обладает такой силой, пусть станет нашим оружием. Используем его и победим врага!» [Tolkien J., 2002. P. 268]. Он заблуждается, думая, что люди смогут контролировать действие Кольца, но

его заблуждение основывается на незнании, и только присутствующие на совете Элронд и Гэндальф останавливают его, объясняя, что «нам нельзя использовать Кольцо Власти. Этот урок мы усвоили хорошо» [Tolkien J., 2002. P. 268].

Уже после того, как отряд хранителей Кольца отправляется в путь, невежество еще не раз создает им проблемы.

Например, будучи вынуждены идти через древнее подземное царство гномов Морию, герои обнаруживают, что не могут пройти внутрь, т. к. секрет каменных врат потерян во тьме веков. Врата открывает тайное слово, но слова этого «летописи не сохранили. Нарви и все его родичи исчезли, а с ними и все секреты их ремесла» [Tolkien J., 2002. P. 307]. Никакие заклятия не помогают героям открыть двери, пока счастливое озарение не помогает Гэндальфу разгадать смысл подсказки на вратах.

Подобных примеров в книге множество. Среди людей столетиями ходят жуткие истории о Тропе Мертвых, пока не появляется Арагорн, которому известна истинная история этого места: обитающие там призраки когда-то нарушили клятву, данную его далекому предку, за что и были прокляты. Вооруженный этим знанием, Арагорн призывает призраков к ответу и заставляет их помочь героям в борьбе против сил зла.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что почти любой предмет или место во «Властелине колец» обладают богатой историей, и история эта очень часто оказывается неполной. Игнорирование прошлого чревато опасностями, восстановление знаний о нем может быть вознаграждено — эта логика прослеживается в произведении на многих уровнях. Даже структура персонажей при ближайшем рассмотрении оказывается основана во многом именно на отношении героев к знанию и истории.

Тема героических персонажей Толкина неоднократно поднималась исследователями. В качестве положительных сил, помогающих героям, назывались «героическая удача, отвага» [Shippey, 2001. P. 143], а также такая важная для христианства добродетель, как надежда [Birzer, 2003. P. 137]. С другой стороны, ученость и любознательность не кажутся на первый взгляд героическими качествами, но могут иметь особую ценность в художественном мире Толкина. Так, в плане отношения к истории и историям всех персонажей «Властелина колец» можно разделить на четыре группы: те, кто владеет знанием и распространяет его; те, кто не владеет знанием, но стремится к нему; те, кто владеет знанием, но скрывает его; те, кто не владеет знанием и не стремится к нему. В толкиновской истории представители первых двух групп всегда помогают делу добра, те же, кто относится к прошлому с пренебрежением или скрывает свои знания от других, в конечном счете помогают стороне зла, даже если сами того не желают.

В некоторых случаях можно выделить пары очень сходных персонажей, различие между которыми состоит во многом и в их отношении к истории и памяти о прошлом. Так, к числу самых древних

обитателей Средиземья относятся двое волшебников — Гэндальф и Саруман. Саруман, как неоднократно говорится в тексте, мудр и сведущ в древних знаниях, Гэндальф говорит о нем так: «Его знания обширны, но велика и его гордыня; он не терпит, когда вмешиваются в его дела. Эльфийские кольца, большие и малые, — та область Предания, которую он считает своей» [Tolkien J., 2002. P. 270]. Как выясняется позже, Саруман знал о том, какая судьба постигла Кольцо Власти, задолго до описанных в книге событий, но не торопился делиться этими сведениями. Убаюкивая своими речами бдительность других мудрецов, он сам тайно желал завладеть Кольцом.

Его прямой противоположностью является Гэндальф. Начиная подозревать неладное, Гэндальф тотчас же отправляется в путь, чтобы выяснить подлинную историю Кольца, которую он расскажет потом на совете Элронда. Именно прозорливость Гэндальфа, его внимание к событиям прошлого и одновременно с этим готовность делиться этими сведениями в конечном счете дают содружеству возможность предпринять свой поход.

Другую подобного рода пару составляют два мудрых правителя — Элронд Полуэльф и наместник Гондора Дэнетор. Элронд — один из величайших в Средиземье хранителей Предания, именно в его доме происходит совет, на котором решается судьба Кольца, а читатель получает большое количество информации об истоках описываемого конфликта. На этом совете Элронд неоднократно говорит о том, что история учит не доверяться Кольцу и не пытаться использовать его, т. к. у него есть только один хозяин. Дэнетор, пусть не столь мудрый, как эльфы, все же обладает обширными для смертного знаниями. Но его свитки и артефакты заперты в архивах и сокровищницах, он не делится ими, размышляя о прошлом в одиночестве. В конечном счете его знания оказываются губительными, долгие часы размышлений и изучения древних свитков приводят его к выводу, что сопротивляться врагу бесполезно. «Все напрасно!» — говорит он Гэндальфу. — «Ненадолго можно одержать верх на поле боя, на день, на час. Но ту силу, что восстает против нас, победить нельзя» [Tolkien J., 2002. P. 864]. В отчаянии Дэнетор убивает себя и пытается также убить своего сына Фарамира, которого спасают лишь чудом.

Сыновья Дэнетора — другая интересная пара, еще более наглядная, т. к. ее составляют два брата. Боромир и Фарамир воспитывались вместе, но характерами они были различны. Боромира «мало заботили предания древности, кроме разве что историй о сражениях» [Tolkien J., 2002. P. 1068]. Боромир в книге представлен читателям как доблестный и гордый воин, но выдержать испытание Кольцом ему не удастся, и он пытается отобрать его у Фродо. Изначальным его мотивом является стремление помочь своей родине, о чем позже догадывается его брат. В разговоре с Фродо Фарамир замечает: «Если эта вещь помогла бы нам в войне, я склонен поверить, что Боромир — гордый и бесстрашный, зачастую поспешный в действиях, готовый на все ради победы Минас-Тирита (а значит и своей славы) — мог бы пожелать ее и со-

блазниться ею» [Tolkien J., 2002. P. 678]. Все положительные качества Боромира не смогли спасти его от Кольца, в то время как его брат ближе к концу произведения это испытание выдерживает. Про Фарамира говорится, что он «был по характеру мягким человеком, любил музыку и старинные предания» [Tolkien J., 2002. P. 1068]. Возможно, именно эта любовь к преданиям в конечном счете спасла его. Фармир отказывается посягать на Кольцо, утверждая: «Я знаю достаточно, чтобы понимать: есть в мире опасности, от которых смертный должен бежать» [Tolkien J., 2002. P. 688].

Наконец, хоббиты занимают особое положение. В начале истории они обладают крайне скудными знаниями об окружающем мире, как и о древней истории. Но четверых хоббитов, отправляющихся в итоге в поход, отделяет от их собратьев важная черта — интерес к знанию. В тексте упоминается, что все они с интересом слушали стихи и истории Бильбо, а также не были равнодушны к миру за границей их родины.

Подобного рода невежество, совмещенное с готовностью узнавать новое, делает хоббитов идеальными героями-фокализаторами, вместе с которыми читатель, незнакомый с миром Средиземья, может постепенно открывать для себя все новые детали. Но в рамках истории вымышленного мира все то, что хоббиты выясняют впервые, на самом деле является позабытым старым. Путешествие хоббитов, а затем и всего отряда Кольца постоянно сопряжено с одним и тем же процессом актуализации прошлого Средиземья. Фрагменты этого прошлого, успевшие прочно забыться и перешедшие частично в область преданий, снова обретают важность и решающее значение в конфликте, разворачивающемся непосредственно в данный момент.

Прошлое возвращается — возвращается в мир потерянное столетия назад Кольцо, возвращается Темный Властелин, в которого многие перестали уже верить, возвращается наследник королевского рода Арагорн, в мир возвращаются затворившиеся от него эльфы — возможно, в последний раз, прежде чем уйти из него навсегда. Этот процесс «оживания» истории остается своего рода лейтмотивом произведения, частично осознаваемым и его персонажами. Всадники Рохана встречаются на своих полях небольшой отряд Арагорна и вынуждают его своим недоверием громко заявить о себе как о наследнике древних королей Гондора. На слова Арагорна их предводитель отвечает так: «Воистину, удивительные настали времена. Сны оживают и легенды вырастают прямо из травы» [Tolkien J., 2002. P. 435]. Еще в одной главе стражник видит своими глазами древний клинок, принадлежащий Арагорну, и говорит: «Кажется, будто вы прибыли на крыльях песни из забытых дней» [Tolkien J., 2002. P. 516]. Для людей Средиземья даже сами хоббиты оказываются неожиданно ожившими персонажами детских сказок. Узнав об их существовании, один из воинов задает вопрос: «Где же мы — среди легенд или стоим под солнцем на зеленой траве?» На что Арагорн отвечает: «В силах человека и то и другое» [Tolkien J., 2002. P. 437].

Действительно, на какое-то время описываемое во «Властелине колец» Средиземье становится особой реальностью, где прошлое и настоящее вымышленного мира существуют одновременно. История оказывается тесно вплетена в жизнь героев, которые, в свою очередь, становятся частью истории. Сам текст книги при этом оказывается плотно связан с другими текстами Толкина о вымышленном им же мире, существующем в рамках особого нарративного пространства авторского вымысла.

Большинство других текстов о Средиземье Толкин так никогда и не закончил, но их актуальность сохраняется благодаря «Властелину колец», откуда, словно со смотровой площадки, внимательному читателю открывается вся многовековая история Средиземья, сходящаяся множеством потоков к единому финалу — войне Кольца и концу Третьей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Дэй Д.* Миры Толкиена: Большая иллюстрированная энциклопедия. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2003. 288 с.
- Толкин Дж. Р. Р.* Письма. М.: Эксмо, 2004. 576 с.
- Толкин Дж. Р. Р.* Хоббит, или Туда и обратно. М.: АСТ, 2014. 256 с.
- Basney L.* Myth, History, and Time in The Lord of the Rings // *Understanding The Lord of the Rings: The Best of Tolkien Criticism* / Ed. by A. Zimbardo, Neil D. Isaacs. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 2004. Pp. 183–194.
- Birzer Bradley J. J. R. R. Tolkien's Sanctifying Myth: Understanding Middle-Earth.* ISI Books, 2003. 245 p.
- Flieger V. A Question of Time: J. R. R. Tolkien's Road to Faerie.* Kent and London: The Kent State University Press, 2001. 276 p.
- Isaacs Neil D.* On the possibilities of writing Tolkien Criticism // *Tolkien and the Critics* / Ed. by N. D. Isaacs, R. S. Zimbardo. Milwaukee: NAPCO Graphic Arts, 1972. Pp. 1–11.
- James E.* Tolkien, Lewis and the explosion of genre fantasy // *The Cambridge Companion to Fantasy Literature* / Ed. by E. James, F. Mendelsohn. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. Pp. 62–78.
- Johnson K.* Tolkien's Mythopoeisis // *Tree of Tales: Tolkien, Literature and Theology* / Ed. by T. Hart, I. Khovacs. Waco: Baylor University Press, 2007. Pp. 13–25.
- Lewis C. S.* The Dethronement of Power // *Understanding The Lord of the Rings: The Best of Tolkien Criticism* / Ed. by A. Zimbardo, Neil D. Isaacs. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 2004. Pp. 11–15.
- Shippey T. J. R. R. Tolkien Author of the Century.* Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 2001. 247 p.
- Simonson M.* The Lord of the Rings and the Western Narrative Tradition. Zurich; Jena: Walking Tree Publishing, 2008. 250 p.
- Tolkien C.* Foreword // *The Book of Lost Tales part one* / Tolkien J. R. R., ed. by Tolkien C. London: Harper Collins, 2002. 297 p.
- Tolkien J. R. R.* The Fellowship of the Ring. London: Harper Collins, 2002. 410 p.
- Tolkien J. R. R.* The Return of the King. London: Harper Collins, 2002. 1170 p.
- Tolkien J. R. R.* The Silmarillion. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 2004. 386 p.
- Tolkien J. R. R.* The Two Towers. London: Harper Collins, 2002. 750 p.

REFERENCES

- Day D. *Miry Tolkiena: Bol'shaja illjustrirovannaja jenciklopedija* [Tolkien: The Illustrated Encyclopedia]. Moscow, Egmont Russia Ltd. Publ., 2003, 288 s.
- Tolkien J.R.R. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 576 s.
- Tolkien J.R.R. *Hobbit, ili Tuda i obratno* [The Hobbit or There and Back again]. Moscow, AST Publ., 2014, 256 s.
- Basney L. *Myth, History, and Time in The Lord of the Rings*. Understanding The Lord of the Rings: The Best of Tolkien Criticism, ed. by A. Zimbardo, Neil D. Isaacs. Boston and New York, Houghton Mifflin Company, 2004, pp. 183–194.
- Birzer Bradley J. *J.R.R. Tolkien's Sanctifying Myth: Understanding Middle-Earth*. ISI Books, 2003, 245 p.
- Flieger V. *A Question of Time: J.R.R. Tolkien's Road to Faerie*. Kent; London, The Kent State University Press, 2001, 276 p.
- Isaacs Neil D. *On the possibilities of writing Tolkien Criticism*. Tolkien and the Critics, ed. by N.D. Isaacs, R.S. Zimbardo. Milwaukee, NAPCO Graphic Arts, 1972, pp. 1–11.
- James E. *Tolkien, Lewis and the explosion of genre fantasy*. The Cambridge Companion to Fantasy Literature, ed. by E. James, F. Mendelsohn. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 62–78.
- Johnson K. *Tolkien's Mythopoesis*. Tree of Tales: Tolkien, Literature and Theology, ed. by T. Hart, I. Khovacs. Waco, Baylor University Press, 2007, pp. 13–25.
- Lewis C.S. *The Dethronement of Power*. Understanding The Lord of the Rings: The Best of Tolkien Criticism, ed. by A. Zimbardo, Neil D. Isaacs. Boston; New York, Houghton Mifflin Company, 2004, pp. 11–15.
- Shippey T. *J.R.R. Tolkien Author of the Century*. Boston; New York, Houghton Mifflin Company, 2001, 247 p.
- Simonson M. *The Lord of the Rings and the Western Narrative Tradition*. Zurich and Jena, Walking Tree Publishing, 2008, 250 p.
- Tolkien C. *Foreword*. The Book of Lost Tales part one. Tolkien J.R.R., ed. by Tolkien C. London, Harper Collins, 2002, 297 p.
- Tolkien J.R.R. *The Fellowship of the Ring*. London, Harper Collins, 2002, 410 p.
- Tolkien J.R.R. *The Return of the King*. London, Harper Collins, 2002, 1170 p.
- Tolkien J.R.R. *The Silmarillion*. Boston; New York, Houghton Mifflin Company, 2004, 386 p.
- Tolkien J.R.R. *The Two Towers*. London, Harper Collins, 2002, 750 p.

Вера Борисовна Браун

Магистр филологических наук, аспирант кафедры истории зарубежных литератур
Санкт-Петербургский государственный университет

Vera Braun

Master of Philology, post-graduate student
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: vbbraun@yandex.ru

Харри Вальтер

Университет им. Эрнста Морица Арндта, Грайфсвальд, Германия

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ В НИДЕРЛАНДСКИХ ПОСЛОВИЦАХ ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ

Ключевые слова: пословица, поговорка, паремия, «Нидерландские пословицы Брейгеля», лексикография, паремиография.

В статье анализируется опыт составления словаря нидерландских пословиц, изображенных на знаменитой картине Питера Брейгеля (1559). Пословицы распределены по номерам их расположения на картине. К каждой из 110 пословиц дается детальный историко-этимологический комментарий. Пословицы сопоставляются с европейскими паремиями, в том числе и славянскими. Тем самым демонстрируется общеевропейский фон пословиц и поговорок Питера Брейгеля. Большинство пословиц XIV в. до сих пор остаются актуальными, некоторые из них даже развивают варианты.

Harry Walter

University of Greifswald, Germany

NATIONAL AND PAN-EUROPEAN BACKGROUND OF THE NETHERLAND PROVERBS BY P. BRUEGEL

Keywords: proverbs, sayings, "Netherland proverbs in P. Bruegel's picture", lexicography, paremiography.

The paper describes the experience of compiling the dictionary of Dutch proverbs depicted in the famous painting by Pieter Bruegel (1559). Proverbs are distributed by the numbers of their location in the picture. To each of the 110 proverbs is given a detailed historical and etymological comment. Proverbs are compared with European paroemias, including Slavic. This demonstrates a pan-European background of Pieter Bruegel's proverbs. Most of the proverbs of the XVI century are still relevant today, some of them even develop variants.

Массированное системное воссоздание языковой картины мира и все возрастающий интерес к когнитивным аспектам языка стали в последние два десятилетия доминантными направлениями славистики (особенно русистики, украинистики, белорусистики и полонистики). Реконструкция языковой картины мира возвращает исследователей к вечному вопросу классического языкознания и культурологии — к проблеме соотношения языка и окружающей действительности, «Слова и Вещи».

В прагматическом плане большинство таких исследований, отталкивающих от идеи В. Гумбольдта об «индивидуальных образах, в которых отражается индивидуальный характер народа», направлены в конечном итоге на поиски национальной специфики языка как культурологического феномена. В русистике, например, эти поиски часто устремлены к реконструкции «собственно русской» картины мира, что в какой-то мере соответствовало центробежным политическим и национальным тенденциям послеперестроечного времени, поэтому, как нам кажется, они и стали столь привлекательными для лингвистов.

Как нередко бывает с глобальными, «вечными» идеями, идея языковой картины мира, бумерангом вернувшаяся в современность, отнюдь не полностью воспроизвела свою первоначальную траекторию.

Сам термин *картина мира* восходит еще к догумбольдтовскому времени — к дидактической системе Яна Амоса Коменского, книга которого (изданная в 1658 г.) так и называется — «*Svět v obrazech*» («Мир в картинах»). При этом нельзя не заметить, что термин *языковая картина* у Амоса Коменского и его последователей был маркирован двумя важными характеристиками, которые почти отсутствуют в новейших интерпретациях данного направления. Во-первых, исходный «языковой мир в картинах» был европоцентричным, т. е. предполагавшим постоянную переключку близких культур и языков Европы. Во-вторых, межъязыковое сопоставление поддерживалось в традиционных поисках языковой картины мира последовательным историзмом.

Фразеология и паремиология традиционно считаются сокровищницей национальной специфики любого литературного языка. Весьма часто эту констатацию сопровождают фразой «по праву считается». Тем не менее именно «право» на такую констатацию во многих случаях все-таки далеко не бесспорно. Лишь после скрупулезного, опирающегося на большой массив проверенного материала и объективную методику лингвистического анализа можно, как нам кажется, отделить собственно национальные идиомы от интернациональных.

Коллекционирование пословиц было одним из энциклопедических увлечений XVI в. Питер Брейгель предложил нечто больше, чем простое описание содержания: он окунул нас в мир, где все наоборот, «шиворот навыворот», а в центре изобразил дьявола, который в рясе священника выслушивает исповедь.

Картина «Нидерландские пословицы» Питера Брейгеля ныне находится в собрании Берлинских Государственных музеев. На сравнительно небольшом живописном пространстве (размеры полотна 117×163 см) художник поместил более ста иллюстраций к народным пословицам, басням, поговоркам и прибауткам.

Оригинальное название картины не сохранилось. В альбомах это удивительное произведение П. Брейгеля часто называют «Мир вверх тормашками» (англ. *The Topsy Turvy World*), подчеркивая парадоксальность поведения изображенных персонажей. На такое название указывает и перевернутый глобус, укрепленный на стене дома. Этот яркий образ в картине символизирует «перевернутый мир», который

и становится главной темой картины. «Нидерландские пословицы» стали настолько популярны, что сын мастера, Питер Брейгель Младший, поднаторевший в копировании картин своего талантливой отца, выполнил двенадцать копий этой картины.

Работая над книгой комментариев [Walter u.a., 2013] к знаменитой картине Питера Брейгеля Старшего «Нидерландские пословицы» (Piter Bruegel, 1559), к которой постоянно обращаются европейские и американские паремиологи, мы обратили внимание, что ни один из них не включает в орбиту своих сопоставлений славянский материал. Можно, конечно, спросить: а какое отношение имеют «Нидерландские пословицы» П. Брейгеля к проблеме «Национальное и интернациональное в славянской фразеологии и паремиологии?» Как ни странно — самое прямое. Ведь его картина, написанная в середине XVI в., запечатлела немало таких пословиц и поговорок, которые некоторые историки славянской паремиологии до сих пор считают своими собственными, исконно русскими, польскими, чешскими и т. д., не зная (или не принимая) их европейской подоплеки. Здесь паремиологам и приходит на помощь Питер Брейгель.

Анализ значений нидерландских пословиц и устойчивых выражений XVI в. осуществлялся с учетом культурно-исторических, общественных, политических и религиозных условий жизни общества того периода. Очевидно, что картина П. Брейгеля является не только иллюстрацией народной мудрости, но и отражением «картины мира» своего времени, тех перемен, свидетелем которых был художник.

На холсте П. Брейгеля можно наблюдать много примеров неправильного, аморального поведения. Автор не изображает величественную красоту (исключением является красивая фигура молодой девушки, которая надевает на своего мужчину голубую накидку), а, в отличие от живописи XV столетия, рисует толпу людей, кажущихся ничтожными, как муравьи. Как справедливо отмечает М. Фридлиндер, П. Брейгель повествует не о чистом, естественном, физически совершенном и (тем более) не об идеализированном образе человека, а о новом влиянии действительности на человеческий облик. Этого художник достигает, изображая жизнь широких масс, и, находя в ней гротеск, выводит на первый план людей со всеми их недостатками и пороками. Он разыгрывает жизнь народа как трагикомедию и предоставляет зрителю возможность извлечь из всего этого мораль. Но, возможно, перед зрителем нечто большее, чем простая инсценировка? Возможно, это на самом деле универсальные стремления, пристрастия, при-

Рис. 1. Перевернутый мир; перевернуть с ног на голову

Рис. 2. Стену лбом
не прошибешь;
биться головой о стену

вычки, которые овладевают нами, людьми? И универсальность фразеологии?

Вот лишь несколько примеров, демонстрирующих подобный паремиологический параллелизм.

Смысл некоторых нидерландских пословиц и поговорок понятен европейскому (в том числе и славянскому) зрителю без объяснений: персонажи П. Брейгеля *ведут друг друга за нос, садятся между двух стульев, бьются головами об стену, висят между небом и землей; плывут против течения*. Другие же мотивы лишь отдаленно напоминают немецкий и русский фольклор, но содержание их, тем не менее, понятно. Например, нидерландская поговорка *И в крыше есть щели* близка по смыслу к немецкому *einen Dachschaden haben* ('быть не совсем

нормальным'); *Бросать деньги в воду* означает то же, что и *Сорить деньгами, Пускать деньги на ветер* и т. п.

Пословица-поговорка *Mit dem Kopf durch die Wand wollen (gehen, rennen)* полностью соответствует русской *Стену лбом не пробьешь*, на основе которой образована и поговорка *Биться головой о стену*. Она зафиксирована у В. И. Даля и известна с конца XVIII в., что свидетельствует о ее европейском происхождении. Характерно, что словарь чешских пословиц В. Флайшганса фиксирует ее гораздо раньше — с середины XVI в. [Flajšhans, 2013, 1. S. 99], что подтверждает общеевропейский характер данной пословицы. Любопытно при этом, что чешский паремиолог, как и некоторые русские собиратели фольклора, приводя немецкую параллель, все равно не отрицает мифа о ее исконности, маркируя ее вопросом «z českého?».

Следующий пример. Популярная пословица *Die großen Fische fressen die kleinen* (досл. «Крупные рыбы пожирают мелких») в значении 'власть

Рис. 3. Большая рыба маленькую целиком глотает

имущие, богатые живут за счет угнетенных и бедных' (ср. рус. *Большая рыба маленькую целиком глотает*) едва ли нуждается в подтверждении своей актуальности, она часто употребляется в связи с современной глобализацией и концентрацией производства и нередко представляется также образно. Ее используют, когда речь идет о любой форме соперничества, конкуренции, борьбы за власть, войнах, и попросту о несправедливости процессов в мире, эгоизме «важных» людей и т. д. — во всех этих случаях политической карикатурой служит языковой образ противопоставления крупных рыб и мелких рыбешек. Почти всегда речь идет об иллюстрации неравных сил, выражаемых значением *'тот, у кого есть власть, имеет право'*. В этих случаях находят свое отражение такие негативные аспекты, как неравное соотношение цен и зарплат или инфляции и девальвации [Simrock, 2003; Wander, 1, S. 1033; Röhrich, 2001, 2. S. 449; Walter, 2013. С. 67–69; ДП I, 110; Разумов, 1957. С. 65; Спирин, 1985, С. 81].

Вольфганг Мидер [Mieder, 2003] подчеркивает, что пословица используется во многих языках уже с античности. Кроме того, она встречается во многих также неевропейских языках, например, в японском, китайском, арабском языках и в санскрите [Paczolay, 2002. Рр. 420–424].

В еврейском Ветхом Завете похожая пословица была использована пророком Аввакумом уже в 600 г. до н. э. (!). В вавилонском Талмуде эта языковая картина зафиксирована примерно в 450 г. до н. э. [Paczolay, 2002. Р. 423]. В вышеприведенной формулировке немецкоязычная история этой интернациональной пословицы прослеживается, тем не менее, лишь начиная с 1604 г., однако существуют латинские тексты, которые встречаются уже ранее как кальки с других языков, например, в английском языке с 1200-го, в испанском — с 1250-го, во французском языке с 1568-го, в польском с 1581-го, в русском языке с 1862-го [Paczolay, 2002. Р. 423]. Таким образом, можно предположить, что П. Брейгель хорошо знал эту пословицу. В пользу этого говорит и обширная иконографическая традиция, которая включает картины с изображением страстей Христовых, иллюстрации Иеронима Босха, а также барочные эмблемы, современные карикатуры и ироничные рисунки [Mieder, 2003].

Одна из картин из «*Emblemata Politica*» Питера Иссельбурга от 1617 г. содержит латинский девиз: *Minor esca maioris* (досл. «Меньший — это корм большего»). Позже Иероним Босх и Питер Брейгель подхватили эту тему. На их картине представляется актуальная политическая ситуация Нидерландов того времени. В отличие от современных иллюстраций, на которых всегда провозглашается право более сильного, подпись на иллюстрации П. Брейгеля гласит, что право может сопротивляться силе. Кроме того, крупная рыба изображается с «ножом справедливости» [Röhrich, 2001, 2, S. 452].

В современном немецком словоупотреблении этот мотив можно отнести к, например, предприятиям, фирмам (большие фирмы скупают маленькие или вытесняют их с рынка) — в значении *'крупные глотают мелких'*; из-за дискаунтеров (магазинов уцененных товаров)

исчезает мелкая розничная торговля, более сильная валюта ломает более слабую. А также и любая форма промышленной конкуренции может быть рассмотрена в том же ключе. В отношении человеческого общества она трактуется как «могущественные вредят беззащитным». Случаи употребления пословицы в прессе подтверждают все вышесказанное: «Это могло бы отдаленно напоминать свободный демократический процесс, если бы П. Брейгель пощадил бы противоположную сторону, изобразил бы жертв властителей, бедных поглотителей, фермеров хотя бы на йоту дружелюбнее, более человеколюбиво, пощадив их от своей насмешки. Крупные рыбы пожирают мелких, но мелкие рыбешки тоже не лучше. Фермеры П. Брейгеля — это не требующие сочувствия люди и тем более не герои труда; апеллировать к мужчине, который их нарисовал, „Bauernbrueghel“, социалистический реализм определенно не может» [Die Zeit, 24.10.1975, Nr. 44].

В публицистике пословица тем временем трансформируется и/или наделяется иным смыслом: «Крупные рыбы пожирают мелких. В этой простой формуле, кажется, исчерпывается логика капиталистической конкуренции. Как марксизм, так и либерализм рассматривали концентрацию капитала как неминуемый имманентный процесс в развитии рынков»; «Не крупные пожирают мелких... Быстрые уничтожают медленных! Организуйте маркетинг между коровником и гостиницей — по возможности, используя высокие технологии»; «Вчера: Крупные пожирают мелких! Сегодня: Быстрые пожирают медленных! Завтра: Знающие уничтожают некомпетентных?» [Redensarten-Index]. Похожее употребление мы находим и в русском языке [Walter, 2013. S. 68–69].

В литературных произведениях пословица играет и сегодня значительную роль, особенно отчетливо в произведениях Бертольда Брехта, а также в социально-критических стихотворениях модерна. Сам мотив — более сильные побеждают более слабых — на примере поведения рыб более распространен, однако в карикатурах и рекламах средств массовой информации. Такой подход переносится на человеческую манеру поведения. Корыстолюбие и стремление к власти царят повсеместно и во все времена, и хотя большие преступники принимают часто новые образы, метафорическая пословица *Крупные рыбы пожирают мелких* подходит наилучшим образом для описания этого, по-видимому, неопровержимого закона природы [Там же].

Современные зарисовки пытаются предложить выходы из спирали власти, которые вполне доступны в рамках современных политических возможностей. Например, иллюстрация швейцарского карикатуриста, который указывает, что именно в состоянии вызывать солидарность «мелких»: единство, согласие настолько наделяют силами, что крупная рыба больше не может раскрыть жабры и держит пасть закрытой. Причинную связь также можно направить в обратную сторону: *Много мелких рыбешек пожирают крупную*, что является олицетворением идеи — согласие (солидарность) делает людей сильными.

У К. Ф. В. Вандера мы находим пословицу, которая, как нам кажется, доказывает безнадежность такого процесса: *Die kleinen Fische können*

nicht die großen fressen (досл. «Мелкие рыбы не могут питаться крупными» [Wander, 1. S. 1030]. Наша же современная действительность доказывает, что солидарность слабых может привести к действенному противостоянию против кого-то «великого».

Итак, в варианте *Die großen Fische fressen die kleinen* (досл. «Крупные рыбы пожирают мелких») речь идет об интернациональном варианте пословицы, которая представлена во многих европейских языках. G. Raczolay подтверждает это, приводя эквиваленты на 35 языках различных языковых групп [Raczolay, 2002. Pp. 424–426]. Ср. русск. *Большая рыба проглатывает маленькую, Большая рыба маленькую целиком проглатывает (глотаем)*; укр. *Велика риба їсть маленьку*; англ. *Big fish eat little fish. The great fish eat up the [all] small. The great fish swallows the small*; франц. *Les gros poissons mangent les petits*; нидерл. *Groote visschen eten de kleine*; ит. *I Pesci grossi mangiano i piccini. Il pesce grosso mangia il minuto*; в говорящей по-итальянски Швейцарии: *Il pes grant al maja al piscian*; исп. *Los peces mayores se tragan los menores*; рум. *Peștii mari mănâncă peștii mici*; лат. *Pisces vorat major minorem. Piscis minutos magnus comest*.

Еще один пример. *Er wirft sein Geld ins Wasser* (реже *in den Fluss*) (досл. Он бросает деньги в воду (реже в реку)); *Das Geld [mit vollen Händen] zum Fenster (aus dem Fenster) [raus]werfen* (досл. «Деньги (двумя руками) выбрасывать из окна») (разг.): в значении ‘тратить деньги на бессмысленные (ненужные) вещи’; ‘растратывать деньги впустую (бесмысленно)’; ‘проматывать (разбазаривать) деньги’.

Питер Брейгель изображает в правой верхней части своей картины пожилого мужчину, который обеими руками бросает деньги в воду, стоя на ступенях. Его одежда (красная накидка и берет с пером, тонкие чулки синего и белого цвета) указывает на то, что это состоятельный мужчина. Выражение *Бросать деньги на ветер* — ‘растратывать деньги впустую, бесполезно тратить деньги’ используется в немецком языке примерно с 1800 г. [Kürper, 1993. S. 282], языковая картина же существенно старше. Малораспространенный вариант *Geld ins Wasser werfen* (досл. «Бросать деньги в воду») зафиксирован К. Ф. В. Вандером: *Wer Kaffee trinkt, der wirft sein Geld ins Wasser* (досл. «Кто пьет кофе, тот бросает деньги в воду»); *Wer Taback raucht, der bläst es in die Luft* (досл. «Кто курит табак, тот дует в воздух») [Wander, 2. S. 1089]; с этим же мотивом соотносится выражение *Ich höre es plumpsen* (досл. «Я слышу, как что-то

Рис. 4. Он бросает свои деньги в воду; выбрасывать (бросать) деньги на ветер

плюхнулось») — ‘я замечаю, как неуверенно обстоит дело, насколько рискованна денежная спекуляция’ как сокращенная форма от *Ich höre das Geld ins Wasser plumpsen* (досл. «Я слышу, как деньги упали (плюхнулись) в воду») [Körper, 1993. S. 620]. Р. Гроссханс также видит в действии мужчины глупое поведение и полагает, что деньги глупцу, в конечном счете, не приносят пользу [Grosshans, 2003, 112]. Уже в Библии можно прочесть в изречениях Соломона: «К чему сокровище в руках глупца? Для приобретения мудрости у него нет разума» (Изречения Соломона. 17, 16). У К. Ф. В. Вандера мы также находим наряду с вышеуказанным: «К чему сокровище в руках глупца? (Шутка!) Англ.: A fool and his money are soon parted. — A fool's bolt is soon shot» [Wander, 3, S.935].

Двн. слово *firswenten* (XI в.) означает ‘растрчивать’ и срвн. *verswenden* — ‘израсходовать’, ‘уничтожать’ в побудительном наклонении (собств. ‘потратить, израсходовать, промотать’). Из этого образовалось в XV в. значение ‘легкомысленно и бесполезно тратить’, в высоком стиле также — ‘очень щедро подавать, делать щедрые пожертвования’ (XVII в.) [Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm].

Вышеназванное выражение возникло согласно легенде в Средневековье в Регенсбурге. В тамошнем старом ратхаусе находится окно, из которого император Леопольд I (1290–1326) «являлся» народу, прославлявшему его. Покровительственно император бросал из окна монеты собираемому люду. А поскольку это были поступления от налогов самих граждан, они говорили: «Он выбрасывает наши деньги из окна» [Redensarten-Index]. Несколько модифицированная версия свидетельствует, что члены муниципалитета рассматривали «милосердие» императора лишь как пустую трату налоговых доходов [3863 Volksweisheiten...].

Значение выражения *Geld ins Wasser werfen* (досл. «Бросать деньги в воду») необходимо не путать с обычаем бросать монеты в воду (фонтан). Так, путешественники часто бросают монеты в фонтан в надежде, что это принесет им счастье в жизни, славяне видят в этом примету — возвращаться в определенное место. Устаревшее сегодня выражение встречается, однако, и в современных средствах массовой информации. Так, шеф страховой компании «Gothaer», Ron van het Hof, высказался в газете «Вельт» о бессмысленности спонсировать водный спорт. Заголовок статьи звучал иронично, с использованием языковой игры: «Почему мы бросаем деньги в воду» [Warum wir Geld ins Wasser werfen]. Гораздо чаще, однако, выражение используется в разговорной речи, прежде всего, в отношении нерациональных инвестиций политиками или также бессмысленных трат в повседневной жизни: *Sein (auch: das) Geld [mit beiden (oder: vollen) Händen] auf die Straße werfen (oder: zum Fenster hinauswerfen; rauschschmeißen; zum Schornstein hinausjagen)* — (досл. «(также: Свои) деньги [обеими руками] на улицу бросать» (или: из окна выбрасывать; вышвыривать; в дымовую трубу вышвыривать) — ‘тратить деньги необдуманно’, ‘быть расточительным’.

Мотив — тратить деньги на бесполезное дело, не приносящее результатов — широко распространен в европейских языках, и, вероятно, появился на основании более старого фразеологизма — *in den Wind reden; Worte in den Wind streuen* (рус. *Пускать слова на ветер*). Тем самым, неслучайно, что вторая часть выражения варьируется, в то время как первая остается относительно стабильной. При всей дисперсии *Aus-dem-Fenster-Werfen* (досл. «Бросать из окна») — это, тем не менее, самый распространенный образ. Ср. рус. *Он бросает свои деньги в воду* — расточительность; *Выбрасывать (Бросать) деньги на ветер* — ‘спускать деньги, транжирить деньги’; укр. *Сипати (розкидатися) грішми (грошима); тринькати (розтринькувати) гроші*; пол. *Rzucić pieniądze w wodę; Wyrzucić pieniądze w błoto*; чеш. *Vyhodit peníze oknem*. *Vyhazovat peníze oknem*; словен. *Metati denar skozi okno*; бол. *Рилая напу*; хор. *Istjerati iz kuće*; англ. *To throw money out of the window. To throw money away. To pour money down the drain (BE) / rathole (AE). To pay for a dead horse*; нидерл. *Geld in het water smijten (gooien). Het is geld in het water geworpen. Hij gooit zijn geld in het water*; швед. *Kasta pengar i sjön*; дат. *Han er vred paa sine egne penge; Jager dem fra sig med hænder og fødder*; франц. *Il vaut sont pesant d'or. Brûler la chandelle lar les deux bouts. Jeter son bien par les fenêtres. Jeter de l'argent par les fenêtres*; исп. *Tirar la casa por la ventana*.

Следующая пословица отличается от описанных выше своим еще более широким, поистине общечеловеческим ареалом. Не случайно составитель словаря европейских пословиц на 55 языках Д. Пачолай не только называет ее «universal proverb», но и именно с нее начинает свое уникальное собрание. И действительно, она известна латинскому и греческому, албанскому и армянскому, баскскому и белорусскому, каталанскому и эстонскому, финскому и лапландскому, румынскому и провансальскому, водскому и уйгурскому и т. д. языкам. Более того — в разных вариантах она зафиксирована и в таких восточных языках, как арабский, персидский, китайский и японский [Paczolay, 2002. Рр. 33–37]. Разумеется, представлена эта пословица и во всех славянских языках, что отмечается многими паремиологическими собраниями, включая и словарь В. Флайшганса [Flajšhans, 2013, 1. S. 202] и Д. Пачолая.

Der eine schert [die] Schafe, der andere [die] Schweine (Ferkel) (досл. «Один стрижет овец, другой — свиней (поросят)»).

На картине, как мы видим, изображены два человека. Один, вероятно, овцевод, а другой — свинопас. Они сидят и, беседуя, стригут каждый свое животное. От овцы уже получилось много шерсти, в то время как от свиньи на полу лежат лишь несколько щетин. Первый, судя по добротной крестьянской одежде, богат, другой — очень беден.

Интересно, что этот голландский сюжет 1559 г. имеет прямое отношение к славянской фразеологии. И не только потому, что она известна уже с XVI в. в чешском языке: *mnoho vřesku (vřesu), málo vlny (získu)* — ‘много визга, мало шерсти (дохода)’ или в хорватском: *vnogo kriča, malo vune* — ‘много крику, мало шерсти’. В. И. Даль зафиксировал данную

Рис. 5. Один стрижет овес, другой — свиней (поросят); много визга (шума), мало шерсти

пословицу также и в русском: *От свины визгу (визга) много, а шерсти нет* [Даль, 2. С. 22; Даль, 1. С. 203]. Русская поговорка была практически забыта, однако 29 июня 2013 г. президент России В. В. Путин актуализировал ее, используя для характеристики ситуации, сложившейся после разоблачений Эдвардом Сноуденом незаконных действий американской разведки, которая, как оказалось, прослушивает и просматривает самые высокие эшелоны власти стран-союзников США.

Вот краткая информация, опубликованная в этот день в прессе и распространенная по большинству каналов средств массовой информации: «Новые подробности по главной новости этого часа. Российский президент Владимир Путин заявил, что беглый разоблачитель Агентства национальной безопасности США Эдвард Сноуден не просто приземлился в России, но и находится все еще в транзитной зоне аэропорта Шереметьево. Это означает, что он не пересекал российскую границу официально и ему не нужно проходить паспортный контроль.

Путин отреагировал на требования США и заявил, что Россия не может никого экстрадировать в страну, с которой у нее нет соглашения об экстрадиции. Он также сравнил дело Сноудена с аналогичным случаем Джулиана Ассанжа и подчеркнул тщетность погони за разоблачителями.

„ВЛАДИМИР ПУТИН, президент России: *Случай со Сноуденом похож на еще один — случай с Ассанжем. Они оба считают себя правозащитниками и заявляют, что борются за распространение информации. Задайте себе вопрос: нужно ли выдавать таких людей для посадки в тюрьму? В любом случае я бы предпочитал не заниматься такими вопросами, потому что это все равно, что поросенка стричь, — визга много, а шерсти мало*“.

Фраза «визга много, а шерсти мало» сразу же была подхвачена средствами массовой информации и комментировалась на все лады. Тем более, что понимать ее, действительно, можно по-разному: и в смысле нецелесообразности содержания на шереметьевских хлебах бывшего сотрудника спецслужб США, и в смысле того, что информация, которую он распространил в мире, давно известна отечественным спецслужбам, и в смысле иронического отношения к той шумихе, которую подняли американские власти по столь незначительному поводу.

Актуализированная российским президентом поговорка — типичный интернационализм. Причем интернационализм немецкого происхождения. Ведь немецкая поговорка *Viel Geschrei und wenig Wolle, sagte der Teufel, da schor er ein Schwein* (или в усеченном варианте *Viel Geschrei und wenig Wolle*) уже в Средние века вошла во многие европейские языки — напр., англ. *Great cry and little wool (quoth the devil, when he sheared his hogs)*; голл. *Veel geschreeuw maar weinig wol, zei de drommel, en hij schoor zijne varkens* (досл. «Много крика и мало шерсти, — сказал черт, подстригая поросенка») и шотл. *Muckle din and little woo', said de devil and shore a sow* (досл. «„Много крика и мало шерсти“, — сказал дьявол и подстриг свинью»); фр. *Grand bruit et petit toison (dit celui qui tond le cochon)*; итал. *Assai romore e poca lana (disse colui che tosava la porca)*; исп. *Más es el ruido que las nueces* (досл. «Больше шума, чем шерсти»); лат. *Multum clamoris, parum lanae* (досл. «Много шума, мало шерсти») и др.

Каково же происхождение поговорки о стрижке свиньи, если исходным считать, что ее стрижет сам дьявол? Исходный образ пословицы не связан со стрижкой овец, как считают многие историки немецкого языка. По-видимому, как доказательно утверждает Лютц Рерих, она является свернутым сюжетом популярного средневекового рассказа (шванка) об обманутом черте: «От свиньи поднялся большой шум и получилось мало шерсти, когда ее стриг черт. А тот, разгневанный этим, содрал с нее всю кожу». Концовка этого шванка связана с пословицей *Man soll die Schafe scheren und nicht schinden* — «Овец нужно стричь, а не сдирать с них кожу».

Этот рассказ позднее распространился в Северной Европе и на Балтийском побережье, обрастая подробностями. Войдя в некоторые славянские языки, эта поговорка обогатила их образный фонд. Русское выражение, судя по всему, — наследие европейской языковой культуры, полученное Россией в послепетровское время. Вероятно, оно проникло в русский язык из речи немецких колонистов и стало частью городского просторечия с XVIII в. Подспудно сохраняясь в запасниках русской народной речи, выражение о стриженном поросенке ждало своего часа. И дождалось 29 июня 2013 г. накануне XV конгресса славистов в Минске благодаря полумесячному пребыванию американского диссидента Эдварда Сноудена в транзитной зоне аэропорта Шереметьево и высказавшегося по этому поводу президента России.

Интересным представляется вопрос: употребил ли В. В. Путин эту поговорку потому, что знал ее из отечественных фольклорных источников, или, что не менее вероятно, просто дословно воспроизвел

полюбившееся ему выражение из немецкого языка, которым, как известно, он в совершенстве владеет. Но на этот вопрос может ответить лишь сам президент России.

Рассмотрение проблемы соотношения национального и интернационального во фразеологии славянских языков невозможно без последовательного, детализированного и лингвистически обоснованного сопоставления с фразеологическими фактами неславянских европейских языков. Как и в процедуре реконструкции праславянской фразеологии, предложенной на Краковском конгрессе славистов Н. И. Толстым (1973), для диагностики собственно славянского, исконного, национально специфического необходимо скрупулезное изучение таких параметров фразеологии, как хронология фразеологических единиц в отдельных языках, их точная ареальная характеристика и учет максимально полного количества вариантов. Лишь комплексный анализ каждой фразеологической единицы в таком «трехъярусном» ключе позволит не только разграничить «свое» и «чужое», но и показать взаимодействие разных языков и культур Европы во фразеологическом зеркале.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2-х т. Изд. 3-е. Т. 1. М.: Художественная литература, 1984. 382 с.
- Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2-х т.. Изд. 3-е. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. 399 с.
- Мокиенко В. М. Славянская паремиялогия сегодня (аспекты исследования) // Słowo. Tekst. Czas — XI. Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Pod redakcją Mirosławy Hordy, Tomasza Szutkowskiego, Walerego Mokijenki i Harrego Waltera. Szczecin; Greifswald: Przedsiębiorstwo Produkcyjno-Handlowe Zapol Dmochowski, Sobczyk, 2012. S. 78–100.
- Разумов А. А. Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. М.: Детгиз, 1957. 240 с.
- Спирин А. С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1985. 208 с.
- Altmann S., Brette M., Walter H. u.a. Lebt denn der alte Bruegel noch? Pieter Bruegels *Die niederländischen Sprichwörter (1559)* im heutigen Europa. Neubrandenburg: Mecklenburger Buchverlag, 2013. 428 S.
- Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. URL: woerterbuchnetz.de/DWB/ (дата доступа 25.8.2015).
- Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1912. Neuausgabe v. V. Mokienko und L. Stěpanova. Olomouc: Universita Palackého v Olomouci, 2013.
- Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a ve Slezsku. Vybral a uspořádal Václav Flajšhans ve dvou svazcích A–N, O–Ž. 2. doplněné vydání., Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.

- Grosshans R. Pieter Bruegel d.Ä.: die niederländischen Sprichwörter. Berlin: Gemäldegalerie, 2003. 161 S.
- Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. Stuttgart; Dresden: Ernst Klett Verlag, 1993.
- Mieder W. «Die großen Fische fressen die kleinen». Ein Sprichwort über die menschliche Natur in Literatur, Medien und Karikaturen. Wien: Ed. Praesens, 2003. 232 S.
- Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. USA: DeProverbio.com, 2002. 528 p.
- Redensarten-Index [Электронный ресурс]. URL: www.redensarten-index.de (дата доступа 30.5.2011).
- Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 5 Bd. Herder/Spektrum. Bd. 4800. Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder, 2001. 1910 S.
- Simrock K. Die deutschen Sprichwörter. Einleitung von Wolfgang Mieder. Düsseldorf: Albatros, 2003. 631 S.
- Walter H. Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013. 284 S.
- Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Vol. 1–V. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867–1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.
- Warum wir Geld ins Wasser werfen [Электронный ресурс] // Die Welt. 20.01.07. URL: <http://www.welt.de/print-welt/article715349/Warum-wir-Geld-ins-Wasser-werfen.html>
- 3863 Volksweisheiten, Sprichwörter, Redewendungen, Sentenzen, Aphorismen, Idiome, geflügelte Worte, Idiotikon, Thesaurus, Paremiographie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymologie.tantalosz.de/g.php>.

REFERENCES

- Dal V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [The proverbs of Russian people]: v dvukh tomakh [In 2 Vol.]. Izd. 3-e. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, t. 1, 382 s.
- Dal V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [The proverbs of Russian people]: v dvukh tomakh [In 2 Vol.]. Izd. 3-e. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, t. 2, 399 s.
- Mokienko V.M. *Slavyanskaya paremiologiya segodnya (aspekty issledovaniya)* [The Slavonic paremiology today]. Słowo. Tekst. Czas — XI. Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Pod redakcją Mirosławy Hordy, Tomasza Szutkowskiego, Walerego Mokijenki i Harrego Waltera. Szczecin, Greifswald, Przedsiębiorstwo Produkcyjno-Handlowe Zapol Dmochowski, Sobczyk, 2012, s. 78–100.
- Razumov A.A. *Mudroe slovo: russkie poslovitsy i pogovorki* [The wise word: Russian proverbs and idioms]. Moscow, Detgiz Publ., 1957, 240 s.
- Spirin A.S. *Russkie poslovitsy. Sbornik russkikh narodnykh poslovits i pogovorok, prislovits, molvushek, prigovorok, proskazok, krylatykh vyrazheniy literaturnogo proiskhozhdeniya* [The Russian proverbs. The collection of Russian folk proverbs and other folklore sayings]. Rostov-na-Donu, Rostov Univ. Publ., 1985, 208 s.
- Altmann S., Brette M., Walter H. u.a. *Lebt denn der alte Bruegel noch? Pieter Bruegels Die niederländischen Sprichwörter (1559) im heutigen Europa* [Lives of the old Bruegel yet? Pieter Bruegel The Dutch Proverbs (1559) in Europe today]. Neubrandenburg, Mecklenburger Buchverlag, 2013, 428 S.

- Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm* [German Dictionary by Jacob Grimm and Wilhelm Grimm]. Available at: woerterbuchnetz.de/DWB/ (accessed 25.8.2015).
- Flajšhans V. *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a ve Slezsku* [Czech proverb. Collection of proverbs and sayings of the Czech people in Bohemia, Moravia and Silesia]. Vybral a uspořádal Václav Flajšhans ve dvou svazcích A–N, O–Ž. 2. doplněné vydání., Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.
- Grosshans R. *Pieter Bruegel d.Ä.: die niederländischen Sprichwörter* [Pieter Bruegel the Elder. The Dutch proverbs]. Berlin, Gemäldegalerie, 2003, 161 S.
- Küpper H. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache* [Dictionary of German slang]. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. Stuttgart; Dresden, Ernst Klett Verlag, 1993.
- Mieder W. «Die großen Fische fressen die kleinen». *Ein Sprichwort über die menschliche Natur in Literatur, Medien und Karikaturen* [“The big fish eat the little”. A saying about human nature in literature, media and cartoons]. Wien, Ed. Praesens, 2003, 232 S.
- Paczolay G. *European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese*. USA, DeProverbio.com, 2002, 528 p.
- Redensarten-Index [Phrases Index]. Available at: www.redensarten-index.de (accessed 30.5.2011).
- Röhrich L. *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten* [Encyclopedia of proverbial phrases]. 5 Bd. Herder/Spektrum. Bd. 4800. Freiburg; Basel; Wien, Verlag Herder, 2001, 1910 S.
- Simrock K. *Die deutschen Sprichwörter* [The German proverbs]. Einleitung von Wolfgang Mieder. Düsseldorf, Albatros, 2003, 631 S.
- Walter H. *Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen* [German-Russian proverbs. Historical and etymological dictionary with European parallels]. Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013, 284 S.
- Wander K.F.W. *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk* [German proverbs lexicon for the German people]. Vol. I–V. Leipzig, F.A. Brockhaus, 1867–1889; Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.
- Warum wir Geld ins Wasser werfen [Why do we throw money into the water]. *Die Welt*. 20.01.07. Available at: <http://www.welt.de/print-welt/article715349/Warum-wir-Geld-ins-Wasser-werfen.html>.
- 3863 Volkswisheiten, Sprichwörter, Redewendungen, Sentenzen, Aphorismen, Idiome, geflügelte Worte, Idiotikon, Thesaurus, Paremiographie [3863 folk sayings, Proverbs, Idioms, Maxims, Aphorisms, Idioms, Household Words, Idiotikon, Thesaurus, Paremiographie]. Available at: <http://www.etymologie.tantaloosz.de/g.php>.

Харри Вальтер

Доктор филологических наук

Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия

Harry Walter

PhD

University of Greifswald, Germany

E-mail: walter@uni-greifswald.de

Е. В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ. (к вопросу о возможности реконструкции разговорного языка по письменным источникам)¹

Ключевые слова: народно-разговорный язык, обиходный язык XVI–XVII вв., лексика, семантика, просторечие.

В статье обсуждается дискуссионность термина, лингвистической базы и возможности реконструкции по письменным источникам народно-разговорного русского языка XVI–XVII вв.; на материале «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и его картотеки предпринимается попытка выделения в диахронии лексико-семантических характеристик системы народно-разговорного языка. В качестве таких характеристик описываются обилие конкретной, и в частности предметно-бытовой, лексики, номинативный строй словника, использование базовых слов среди глаголов и качественных прилагательных, наличие просторечной лексики и разговорных синонимов, наличие диалектизмов, особенности процесса заимствования, избыточность языковых средств, моносемантичность лексики, характерная диффузность значения, использование слов с широкой семантикой. Важными процессами, происходящими в этот период в лексико-семантической системе, являются обновление словарного состава языка, появление новых контекстов и новой, «обиходной», семантики книжных лексем, перестройка парадигматических связей. Впоследствии многие черты народно-разговорного языка XVI–XVII вв. становятся достоянием и основой русского литературного языка.

Elena Generalova

St. Petersburg State University, Russia

LEXICAL AND SEMANTIC SYSTEM OF THE COLLOQUIAL RUSSIAN LANGUAGE IN XVI–XVII CENTURIES: on reconstruction of the colloquial language on the base of written sources

Keywords: colloquial language, everyday language in 16–17 c.c., vocabulary, semantics, the vernacular.

The article sheds light on controversial nature of the term, linguistic bases and possibility to reconstruct the colloquial language of the XVI–XVII c.c. on the base of the written sources; it attempts to reveal lexical and semantic features of the colloquial language in diachrony on “The dictionary

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11-04-00423а.

of the everyday language in Moskovskaya Rus in 16–17 cc.” and its card index. These features are as following: abundance of words denoting concrete everyday domestic objects, nominative nature of the vocabulary, use of the basic words as verbs and qualitative adjectives, everyday words and colloquial synonyms, dialectal words, peculiarities of the borrowing process, redundancy of language means, monosemantic words, deffusive nature of the meaning, use of the words with broad semantics. Among the crucial changes in lexical and semantic system of the period in question we can name the following: renewal of the vocabulary, new contexts and new, “everyday”, semantics of the bookish words, reconstruction of the paradigmatic relationships. In the long run, many features of the colloquial language of the 16–17 c.c. became a common property and provided the basis for the Russian literary language.

1. Дискуссионность термина, лингвистической базы и возможности реконструкции народно-разговорного языка

В истории русского языка этап XVI–XVII вв. характеризуется сложными взаимоотношениями письменного и разговорного языка: на фоне устной разновидности выделяется несколько типов письменного языка, обслуживающих разные сферы. С течением времени возникает все большее количество памятников, в которых наблюдается чередование и воздействие друг на друга контекстов, характерных для того или иного типа языка, т. е. идет образование нового языка: «литературный язык Москвы середины и второй половины XVI в. формируется на основе сложного сочетания старого и нового книжных стилей с включением разговорных элементов» [Ларин, 1993. С. 6]. Складывается как система и разговорный язык, и впоследствии многие его черты становятся достоянием и основой русского литературного языка.

Для обозначения устной разновидности русского языка XVI–XVII вв. в отечественной лингвистической традиции известно несколько терминов, акцентирующих внимание на разных аспектах явления: *Московское просторечие* [Черных, 1952], наиболее популярный в настоящее время термин *народно-разговорный язык* (см., например: [Котков, 1964; Виноградов, 1967; Словарь, 2001; Полякова, 2002]), *собственно разговорный язык* и *разговорная речь* (см., например: [Ларин, 1961, 1993, Кожин, 1984, Успенский, 1994]) (следует отметить, что при исследовании устной языковой разновидности в диахронии эти термины используются фактически как синонимы), *обиходный язык* (понятие, введенное Б. А. Лариным [Ларин, 1993] и характеризующее в первую очередь сферу общения, а именно, бытовую коммуникацию), *обиходно-разговорный язык* (комбинированный термин, обозначающий устную форму бытования обиходного языка) [Ларин, 1961].

Встает вопрос о корректности изучения разговорного языка исключительно по письменным источникам. Б. А. Ларин подчеркивал, что «отражение разговорного языка в письменности XV–XVII вв. всегда обобщено, обеднено, лишено конкретных деталей, подведено под нормы письменного языка» [Ларин, 1993. С. 5–6], т. е. обобщение при реконструкции разговорного языка в диахронии неизбежно и оправданно. Едва ли народно-разговорный язык может быть восстановлен как

целостная система, однако это не значит, что не является возможным и продуктивным выделение представленных в памятниках элементов и характеристик складывающегося языка повседневного общения, причем исследование разных языковых уровней обладает в этом отношении разной информативностью и результативностью.

В настоящей статье — на материале «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (далее СОРЯ) [СОРЯ] (пять выпусков вышли под редакцией О. С. Мжельской) и находящейся в Межкафедральном Словарном кабинете СПбГУ картотеки СОРЯ (КСОРЯ) — предпринята попытка выделения лексико-семантических характеристик народно-разговорного языка XVI–XVII вв.

Важный дискуссионный вопрос — лингвистическая база изучения устной разновидности языка. Ее обычно обозначают как письменные памятники, созданные на народно-разговорной основе, но сам круг этих памятников четко не определен. С. И. Котков подчеркивал, что наиболее информативным является исследование частной переписки [Котков, 1964. С. 4]. СОРЯ, соответственно проекту Б. А. Ларина, опирается на большой круг памятников центра и периферии Московского государства: деловую письменность, демократическую светскую литературу, частную переписку, посадскую литературу, фольклорные произведения, русско-иностранное руководство для изучения русского языка того времени («разговорники») и др. [СОРЯ, вып. 1, 2004. С. 5–6].

С одной стороны, несомненно функциональное своеобразие каждого типа памятников (можно говорить о лексико-семантических особенностях семейной и дружеской переписки, памятников демократической сатиры и т. д.). С другой стороны, именно на широком фоне памятников, язык которых состоит не в избирании исключительно словаря бытового общения, а как раз в сложном взаимодействии разных лексических пластов, представляется возможным выявить элементы народно-разговорной речи и показать лексику и фразеологию складывающегося обиходного общерусского языка.

Поскольку в письменных памятниках XVI–XVII вв. народно-разговорная речь получает только опосредованное (хотя и достаточно широкое) отражение, необходимо наметить границы этого отражения. Для этого выделяются слова и выражения, характерные для собственно письменной формы языка (свойственные стилю и формуляру деловых документов, характерные для официально-государственного общения, выступающие в качестве этикетных средств частных писем, вошедшие в обиходную речь из церковно-книжного языка, традиционные фольклорные средства). Изучение семантических закономерностей, характерных для разных типов документов, созданных на народно-разговорной основе, позволяет сделать предположение о семантических особенностях народно-разговорного языка.

Привлечение большого количества памятников, созданных на народно-разговорной основе, правомерно и потому, что позволяет применить статистические методы. В этом смысле плодотворной пред-

ставляется идея А. С. Герда об эталонной модели разновидности языка — системном ядре языка, включающем в себя сильные, статистически доминирующие, единицы языка [Герд, 2008. С. 6].

2. Лексические особенности народно-разговорного языка

Обновление словарного состава

В период XVI–XVII вв. отмечается стремительное пополнение словарного состава русского языка, язык существенно обогащается лексикой, и во многом это лексика разговорного языка, в том числе и предметно-бытовая. Несмотря на то что документирована первая письменная фиксация слова, а не его фактическое появление в языке, памятники письменности этого времени свидетельствуют, что возникает значительное множество новых слов, неизвестных языку более раннего периода (разные исследователи приводят такие лексемы, как *крестьянин*, *пашня*, *платье*, *бархат*, *деревня*, *пуговица*, *бумага*, *щука*, *лекарь*, *стужа* и др.). Можно видеть, что эти лексемы входят в ядро современного русского литературного языка, являясь общеупотребительными и высокочастотными.

Сам перечень разнообразных тематических групп, количество элементов которых увеличивается в старорусском языке за счет народного словаря, убедительно доказывает этот тезис. Многие исследователи языка XVI–XVII вв. (см.: [Черных, 1952; Ларин, 1961; Иссерлин, 1961, Мжельская, 2003; Судаков, 2010] и др.) приходят к выводу, что складывающиеся и активно пополняющиеся тематические группы слов в памятниках этого периода содержат слова, обозначающие домашнюю утварь (*высытка*, *достокан*, *бадейка*), предметы обихода (*ароматник*), одежду и обувь (*рубашонка*, *армяк*), украшения (*двоенцы*, *голубцы*), кушания (*буза*, *буженина*, *горох битый*), постройки и их части (*житница*, *замет*), ткани (*камка*, *адамашка*, *брюкиш*, *лундыш*), драгоценные камни (*вареник*, *диамант*), травы (*анис*, *шавран*, *багульник*), снадобья (*малхан*, *наждак*, *нашатырь*) и т. д. Существенно, что все эти группы выделяются прежде всего на основе народно-разговорного языка. Е. М. Иссерлин подчеркивает, что основной путь обогащения языка конкретной лексикой во второй половине XVII в. выражался именно в широком усвоении народного словаря [Иссерлин, 1961. С. 24].

Обилие конкретной, в частности предметно-бытовой, лексики — существенная особенность народно-разговорного языка.

Конкретная лексика может занимать значительное место и в памятниках книжного характера, но важно процентное соотношение, и анализ семантики имен существительных в КСОПЯ показывает, что предметно-бытовая лексика составляет не менее 15–20% их общего состава (цифра приближительна из-за сложности отделения специальной и терминологической лексики, однако достаточно высока). Г. В. Судаков на основе изучения целого ряда лексических групп предметно-бытовой лексики приходит к выводу, что «количественное увеличение

предметно-бытового словаря в языке Московской Руси — реальное явление истории языка, даже если делать скидку на разный объем и неодинаковые информативные качества текстов, написанных до XV в., с одной стороны, и источников XVI–XVII вв., с другой» [Судаков, 2010. С. 301].

Появление новых контекстов и новой, «обиходной», семантики книжных лексем

Что касается книжной лексики, то таких слов не так мало в памятниках, созданных на народно-разговорной основе, однако они занимают определенное место и используются с конкретной функцией.

На основе анализа лексики разговорников О. С. Мжельская приходит к заключению, что в обиходном языке книжные слова не теряли своего прямого значения, но понятия, стоящие за этими словами, оказывались соотношенными с повседневными делами, заботами, потребностями людей (см., например, устойчивые словосочетания со словом *Бог*, в большинстве своем известные и современному языку: *дай Бог* — выражение настойчивой просьбы, *что даст Бог, что Бог зашлет* — 'нечто произойдет по желанию, воле Бога', *поди с Богом* — прощальная формула и т. д.) [Мжельская, 2003. С. 93–104]. Обычность таких выражений в повседневном обиходе способствовала их «обмирщению» и удалению от обозначения собственно понятий христианской религии.

Языковой анализ показывает, что в результате такого «обмирщения» создается необычное, обиходное, окружение слов, принадлежащих к церковно-религиозной лексике: *великоденные яйца, Господин день*. В новых контекстах возникает и новая обиходная семантика лексем, обозначающих религиозные понятия: например, в обиходном языке прилагательные, производные от обозначений объектов, лиц, событий, почитаемых в христианской религии, повсеместно определяют лексем, называющие служителей церкви, и приобретают, таким образом, значение 'служащий в церкви, посвященной...': *архангильской дьякон, георгиевской попъ, троицкий ключарь*.

Особенности процесса заимствования

Заимствования не играли в старорусском языке такой роли, какая принадлежит им в последующий период развития русского языка, что связано с меньшей интенсивностью внешних контактов России. Мало случаев, когда слово заимствуется вместе с реалией. В памятниках XVI–XVII вв. реалии иностранного быта чаще трактуются описательно, с помощью средств собственного языка: например, *воды взводные (взведенные)* — 'фонтаны', *воды прокопные* — 'каналы' и т. п.

Большинство заимствований, вошедших в русский язык в этот период, — слова восточного происхождения, что объяснимо ориентацией политики Московского государства XVI–XVII вв., многие — бытовой

семантики. В этот период в русский язык входят, например, лексемы *аргамак*, *сундук*, *алтын*, *бакча* и др., и ориентализмы составляли «значительный пласт русской лексики XV–XVII вв.» [Гилязетдинова, 2013. С. 147]. Заимствований из европейских языков меньше. Ведущая роль здесь принадлежит лексемам польского происхождения (см. *кухня*, *вахта*, *галун*) или вошедшим в русский язык через польский как через язык-посредник, и этот факт тоже закономерен. Количество заимствований из западноевропейских языков сильно различается в зависимости от типа памятника и принадлежности лексемы к той или иной тематической группе.

Номинативный строй словника

Статистический анализ лексики продемонстрировал номинативный строй языка памятников, созданных на народно-разговорной основе.

О. С. Мжельская, характеризуя лексический состав иностранных разговорников для изучения русского языка, приводит следующие цифры: 52% лексики составляют имена существительные, 15% — имена прилагательные, 18% — глаголы, 7% — наречия [Мжельская, 2003. С. 41]. Тот факт, что более половины словника составляют существительные, как пишет О. С. Мжельская, «вполне объясним, поскольку именно с предметной лексики начинается изучение иностранного языка» [Там же].

Но аналогичные выводы позволяет сделать и общий анализ словника КСОРЯ: так, из уже обработанной первой трети этого словника по опубликованным и составленным шести выпускам СОРЯ описано 8430 слов, из них 3833 единицы, т. е. 45,5%, — это имена существительные, 1799 слов, т. е. 21,3%, — имена прилагательные. Таким образом, 66,8% (2/3 словника) составляют имена существительные и прилагательные.

Номинативный строй словника не следует отождествлять с частотностью употребления соответствующих частей речи; исследователи современной разговорной речи отмечают, что для нее характерно, напротив, малое количество прилагательных по лингвистическим и экстралингвистическим причинам (наличие предмета, опора на ситуацию) [Сиротинина, 1974. С. 79–80; Земская, 1979. С. 84–85]. Сам инвентарь прилагательных и существительных, по данным памятников делового и обиходного языка, больше, чем набор глаголов, наречий и др., что связано прежде всего с прагматической направленностью многих памятников: стремление точно описать и инвентаризировать набор реалий. Однако многие лексемы обладают единичной фиксацией, и вопрос узуальности каждой такой лексемы требует отдельного исследования. В данном случае номинативность словника, хотя и выделяется как объективная характеристика, вероятно, обусловлена именно письменной формой фиксации и опосредованностью отражения разговорной речи.

Использование базовых слов среди глаголов и качественных прилагательных

С подобным частеречным распределением словника связана следующая языковая особенность памятников народно-разговорного языка: в них обнаруживается сравнительно небольшое количество прилагательных качественной оценки и глаголов. Используются базовые слова, входящие в основной словарный фонд, доминанты синонимических рядов (*бить, держать, идти, большой, прямой, глубокий, горячий* и др.), но немногочисленность компенсируется высокой частотностью и широтой семантики таких слов за счет использования в самых разных типах контекстов.

Наличие просторечной лексики

Понятие просторечия в лингвистической литературе неоднозначно, оно используется в функциональном и в социальном смысле, для характеристики языковых фактов разного характера. Б. А. Ларин подчеркивал, что в диахронии термин «просторечие» «означал не сниженную, а общую разговорную речь в противоположность книжному письменному языку» [Ларин, 1993. С. 5–6]. Ю. С. Сорокиным была выявлена неоднородность и историческая изменчивость содержания категории просторечия [Сорокин, 1949]. Ряд исследователей связывает понятие просторечия именно с лексикой.

Согласно выводам Г. П. Князьковой, исследовавшей просторечную лексику в памятниках XVIII в., просторечие как система существует с XVIII в. [Князькова, 1974]. Однако памятники XVI–XVII вв. демонстрируют сложение этой системы: в языке XVI–XVII вв. выделяется ряд элементов, составляющих основу будущего просторечия. Вслед за Г. П. Князьковой [Там же. С. 152, 182], выделяем разные группы просторечных слов. В памятниках народно-разговорного языка XVI–XVII вв. обнаруживается ряд неэкспрессивных лексем просторечного характера:

- *Бабенцо* заскорбело и щисшек сварит некому (ИНРЯ, 236, XVII — н. XVIII вв.);
- Он [Маркушка] про тѣ животы мужа моево [А. Протопоповой] *вподлинна* вѣдает (МДБП, 202, 1659 г.).

Характерно образование тяготеющих к просторечию производных женского рода от существительных мужского рода:

- *И в то де время увидела доктуриха* что она [Марфа] соль украла (МДБП, 286, 1671 г.) (семантика ‘жена доктора’);
- *Во дворе вдова Федосьца... во дворе Ефимко Горохов да бобылиха* непашенная (А. Солов. м., 201, 1583 г.) (ж. род к бобыль).

Среди экспрессивных лексем просторечного характера есть единицы, экспрессивная окраска которых входит в их лексическое значение (см. *вгосудариться* — ‘воцариться, стать правителем’, *втереться* — ‘про-

никнуть в какую-либо среду с помощью уловок', *брызнуть* — 'ударить'), и группа ситуативно использующихся экспрессивных лексем и устойчивых сочетаний — например, обладающих тенденцией преимущественно бранного употребления (*дурак, черт, шишимора деревенский*) и, напротив, использующихся в функции ласкательных обращений (*голубчик, голубушка, дитяtko*).

Наличие лексем просторечного характера в памятниках XVI–XVII вв. — яркий показатель самобытности фиксируемой памятниками устной разновидности языка.

Разговорные синонимы

Использование синонимов к нейтральным словам с суффиксами *-к-, -ик-, -ок-, -ушк-, -еньк-* и др. — характерная примета разговорной речи, ср.:

- *Под новою кельею двери дѣлал да на улицу заборец* (Сл. Промысл. I, 207, 1587 г.),
- *Седло: **деревяшка**, подушка* (Сл. Сибир., 34, 1717 г.),
- *Чаю уже, **великоньки детушки** у тебя, светы мои! Да что же делать?* (Авв. Письма, 214, 1673 г.).

Таким образом, этот активный процесс появления псевдоуменьшительных образований, типичный и для современной разговорной речи, можно наблюдать уже в народно-разговорном языке XVI–XVII вв.

Наиболее затруднительной при исследовании этой черты по памятникам письменности XVI–XVII вв. является дифференциация таких лексем с уменьшительно-уничижительными образованиями, выступающими в качестве характерных средств деловой письменности, для которой самоуничижение просящего являлось социальной нормой и получало соответствующее языковое выражение: см., например, спорность в этом отношении контекста:

- *Милосердый государь ... пожалуй холопа своего, вели дать на кормъ **денежекъ**, какъ тебѣ государю Богъ извѣстит* (Ст. печ. пр., 14, 1613 г.).

Наличие диалектизмов

Исследователи солидарны в констатации территориальной неоднородности народно-разговорного языка Московской Руси: «как показывает анализ памятников письменности, средством повседневного общения русских в XVI–XVII вв. был русский разговорно-бытовой язык диалектного характера, в котором имелось значительное число общерусских средств» [Судаков, 2010. С. 68]. Выделение регионализмов в исторических текстах — сложная задача — реализация которой возможна при последовательном сопоставлении материала памятников, созданных на разных территориях, в совокупности с анализом современного диалектного материала.

Очевидно, значительный лексический пласт народно-разговорного языка этого периода составляли диалектизмы. См. лишь некоторые примеры:

- *сев. р. дертье* — ‘тонкие дощечки для обивки, dranka’ (Сл. Промысл. 1, 164, 1634 г.), *ср. Дертьё*. Drinka. Арх. [СРНГ, вып. 8: 26],
- *ср. р. должик* — ‘длинное, тонкое бревно’: (ИНРЯ, 114, XVII — н. XVIII вв.), *ср. Дóлжик*. Длинное тонкое дерево, употребляемое на слуги. Калуж., курск., орл. [СРНГ, вып. 8: 110],
- *сиб. гунак* — ‘трехгодовалый бычок’ (Сл. Нерч. I, 154, 1688 г.), *ср. Гунáк...* Теленок на третьем году жизни. Вост.-Сиб. [СРНГ, вып. 7. С. 231].

Избыточность языковых средств

Памятники народно-разговорного языка обнаруживают тенденцию к избыточности языковых средств, которую можно расценивать как примету разговорного языка.

Одним из проявлений этой тенденции является широко развитая словообразовательная синонимия: см. *алмазик* — *алмазец*, *бычий* — *быковинный* — *быковский* и т. д. и т. п.

В качестве проявления тенденции к избыточности может быть названа и такая особенность языка памятников делового и обиходного содержания XVI–XVII вв., как обилие расчленено-описательных сочетаний, которые могут быть заменены однословным синонимом, однокоренным с одним из компонентов: см. *середной день* — *среда*, *блюдо дискосное* — *дискос*, *водяной ключ* — *ключ*, *завязочный мастер* — *завязочник*.

3. Семантические особенности памятников народно-разговорного языка

Моносемантичность лексики

Исследование материалов КСОРЯ показывает, что в народно-разговорном языке большинство слов однозначные — 74,4%. Значительную массу их составляли существительные (во многом это конкретные названия предметов), но большое количество прилагательных, глаголов, наречий также однозначны.

Диффузность значения

Частое явление для лексем обиходно-разговорного языка — еще формирующаяся полисемия и диффузность значения, принцип которой, по определению Д. Н. Шмелева, заключается в одновременном синкретичном выражении нескольких значений многозначного слова [Шмелев, 1973]. В памятниках XVI–XVII вв., созданных на народно-разговорной основе, наглядно наблюдается так называемое «скольжение» значения, неявные изменения семантики. Тексты фиксируют живые процессы, происходящие в языке, можно наблюдать самый процесс

формирования значения. Например, в контексте *А с жеребцов послы ссели на королевском дворе у королевских хором на лестницу, а встречи посла от короля не было* (Ст. сп. Воронцова, 1586 г.) в лексеме *встреча* можно наблюдать еще нечеткое отделение значения ‘подготовленный прием у места прибытия’ и метонимической семантики ‘люди, посланные встречать кого-л.’; в контексте *Собою добр и службу будет, только беден* (Сл. Том., 58, 1681 г.) — совмещение значений *добрый* — ‘добропорядочный, почтенный’ и ‘здоровый, полный сил’ при общей положительной оценке; и т. п.

Преобладание метонимических переносов наименования

Для семантической системы обиходного языка в первую очередь характерна метонимия как тип переноса наименований. Это связано и с менее абстрактными отношениями между понятиями в обиходном языке, и с характером лексики обиходного языка. В народно-разговорном языке XVI–XVII вв. в целом известны все наиболее существенные виды метонимических переносов, наиболее часты они среди конкретных существительных, обозначающих ткани, емкости, названия животных, из абстрактных существительных — среди обозначений мест: ср., например: *шуба под бѣльками камчатъная* (МДБП, 1688 г.), *В ночи придет мелникъ Кирила сказал рубет де нѣкто болото* (ИНРЯ, 1696 г.) и др.

Метафорических переносов в семантической системе обиходного языка немного; более часты они среди глаголов (см. например: *вдаться* ‘войти, вклиниться куда-либо’ и ‘предаться какому-либо занятию’). Мало метафор в семантике прилагательных; в обиходном языке практически отсутствуют случаи перехода относительных прилагательных в качественные, за исключением регулярного образования новых цветообозначений на базе относительных прилагательных от названий предметов характерного цвета (ср.: *дымчатый, васильковый, гвоздичный, жемчужный, мясной, песочный* и др.). Новые качественные значения образуются, как правило, за счет развития значений базовых прилагательных качественной оценки, ср.:

- *гладкий* — ‘имеющий ровную, без выступов поверхность’ → ‘о речах, словах — ласковый, льстивый’;
- *глухой* — ‘лишенный слуха’ → ‘непроходимый’.

И. М. Некипелова, рассмотрев функционирование метафор в текстах деловой письменности, приходит к выводу, что при достаточно позднем появлении метафора в текстах XVI–XVII вв. является регулярным и продуктивным типом семантической деривации [Некипелова, 2007]. Именно в период XVI–XVII вв. в текстах обиходно-разговорной и деловой разновидностей языка появляется достаточно большое количество метафорических переносов, воспринимаемых в современном русском языке как стертые языковые метафоры. Активно развивается признаковая (см. образование названий частей предметов на базе названий частей тела человека: *глотка* — ‘верхняя суженная часть

сосуда', *голень* — 'железный стержень') и функциональная метафора (*долг* — 'то, что взято взаймы; то, что надлежит выплатить' → 'какая-л. обязанность').

Использование слов с широкой семантикой

Характерным показателем близости языка памятников, созданных на народно-разговорной основе, разговорной речи является наличие в них лексем с так называемым широким значением, при том что к этой категории относятся явления разной лингвистической природы (см. подробнее: [Генералова, 2005]).

Во-первых, в памятниках присутствуют слова с комплексно-нерасчлененным значением: см., например, *всячина* — 'разные предметы; все, что угодно', *дивовина* — 'нечто удивительное, необыкновенная вещь', но их относительно немного.

Во-вторых, для лексем обиходного языка типична контекстуально широкая, фактически же ситуативная, характерная для разговорной речи, семантика, ср.:

- *Трава сказала пьют от зубов* (МДБП, 1643 г.),
- *И с тех мест и по ся места тех моих лошадеи не платит* (челобитная воронежца Демки Афанасьева сына Невзорова на конского сторожа Якова Павлова сына Бирюка о возмещении за утерю лошадей) (Южн. челоб., 1644 г.) (обозначение ситуации сводится к компоненту предметного значения),
- *Тогда жъ какъ погребаютъ царя всякого чину людемъ дають восковыя свѣщи витые и простые для провождения* (Котошихин, 1667 г.) (типичное для разговорной речи использование лексемы *простой* в качестве немаркированного члена оппозиции).

Кроме того, в памятниках обиходного русского языка встречается ряд лексем, используемых и с предельно широким, обобщающим значением, на материале которых фактически можно ставить вопрос о широкозначности. Это такие лексемы, как *дело, время, место, обычай, человек* и др., которые в ряде контекстов десемантизируются: *трезвымъ обычаемъ, ненарошнымъ ж деломъ, пожарное время*.

Особенности парадигматических связей

Специфика синонимических отношений в обиходном языке этого периода состоит в том, что существуют параллели между книжными (часто церковнославянскими) и обиходными словами (*голова* — *глава, болото* — *блато*), и в том, что очень много однокоренных синонимов, которые часто оказываются дублетами (*дитя* — *детина* — *детище, архиепископль* — *архиепископлев* — *архиепископов* — *архиепископский*), т. е. синонимия в обиходном языке осложнена очень широкой словообразовательной вариативностью. С точки зрения семантических отношений, в обиходном языке часты синонимы-дублеты.

Неустоявшаяся лексико-семантическая система обиходного языка предоставляет хорошие возможности для развития энантиосемии. Имеет место и древнейший внутрикорневой тип энантиосемии, наследие более старого периода (например, лексемы с корнем *-благ-(-блаж)*), и оценочная энантиосемия, и занимающая центральное место в языке этого периода морфологически обусловленная энантиосемия (например, *безденежно* — ‘не оплачивая, не внося платы’ и ‘не получая оплаты’).

4. Выводы

Таким образом, лексико-семантическое пространство обиходного языка — это развитая сложная система, в которой идут активные процессы, связанные с обновлением словарного состава, обнаруживается большое количество конкретной и, в частности, предметно-бытовой лексики, лексем просторечного характера, диалектизмов, превалируют конкретные предметные значения лексем и однозначные лексемы, доминируют метонимические переносы значения, включая и ситуативно обусловленную метонимию, лежащую в основе контекстуально широкой семантики лексем, среди метафорических переносов значения преобладает признаковая и функциональная метафора, есть случаи энантиосемии. Это ненормированная система в период расцвета, максимального накопления метонимических изменений значения, внутрисловных вариантов, активности словообразовательных процессов, система как бы на пике своего экстенсивного развития, предвосхищающая качественный скачок последующего периода. Словарный состав и семантические отношения, наследуемые современным языком, во многом формируются в это время в народно-разговорном языке.

Как показал проведенный анализ, на материале памятников, созданных на народно-разговорной основе, выделяются характерные особенности в области лексики и семантики, собственные лексические единицы, что позволяет предположить, что народно-разговорный язык XVI–XVII вв. представлял собой полноценную языковую систему, и эта «общенародная обиходно-разговорная речь была естественным и даже в чем-то знаковым компонентом словарного состава литературного языка национальной эпохи, т. е. одним из основных формирующих звеньев нашего языка» [Никитин, 2005. С. 14].

Источники и словари

Авв. Письма — *Аввакум*. Письма / под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

А. Солов. м. — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / сост. И. З. Либерзон. Л., 1990.

ИНРЯ — *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.

Котошихин — *Котошихин Г. О.* России в царствование Алексея Михайловича: 2-е изд. СПб., 1859.

- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- Сл. Нерч. 1 — Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. / сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Т. 1. Чита, 2003.
- Сл. Промысл. 1 — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / ред. Ю. И. Чайкина. Вып. 1, 2. СПб., 2003, 2005.
- Сл. Сибир. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- Сл. Том. — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–5. СПб.: Наука, 2004–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. М.; Л./СПб., 1965–2010.
- Ст. печ. пр. — Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпы печатного приказа / под ред. Л. М. Сухотина / Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1 и 2. Приложение. С. 1–202.
- Ст. сп. Воронцова — Статейный список И. М. Воронцова // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.
- Южн. челоб. — Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянова. М., 1993.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В.* Взаимодействие народно-разговорной и книжно-письменной речи в образовании национального литературного языка // Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М.: Наука, 1967. С. 92–97.
- Генералова Е. В.* «Соблазн» обобщающего значения // Актуальные вопросы исторической лексикологии и лексикографии: Материалы Всероссийской Академической школы-семинара. СПб.: Наука, 2005. С. 155–162.
- Герд А. С.* Лингвистическая типология древнеславянских текстов. СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2008. 145 с.
- Гилязетдинова Г. Х.* О лексикографировании дериватов на базе восточных заимствований в русском языке XV–XVII вв. // Русская историческая лексикология и лексикография XVIII–XIX вв. (к 100-летию со дня рождения доктора филологических наук Ю. С. Сорокина): Тезисы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2013. Acta Linguistica Petropolitana. Т. 9, ч. 2. СПб.: Наука, 2013. С. 138–148.
- Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
- Иссерлин Е. М.* Лексика русского литературного языка XVII века: Материалы к курсу «История русского литературного языка». М.: Моск. полигр. ин-т, 1961. 80 с.
- Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1974. 253 с.
- Кожин А. Н.* Литературный язык Московской Руси. М.: Русский язык, 1984. 184 с.
- Котков С. И.* Материалы частной переписки как лингвистический источник // Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века / С. И. Котков, Н. П. Панкратова; АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1964. С. 3–13.

- Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» / публ. и примеч. С. С. Волкова // Вопросы теории и истории языка: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. С. 5–9.
- Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 22–34.
- Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (на материале иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 220 с.
- Некирелова И. М. Функционирование терминов-семантических дериватов в текстах деловой письменности XIV–XVII вв. // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение. Т. 1. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. С. 159–161.
- Никитин О. В. «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (в рубрике «Критика и библиография») // Русский язык в школе. № 5. 2005. С. 100–103.
- Полякова Е. Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья. Избранные труды. Пермь: Изд-во ПГУ, ПСИ, ПСИ, МОСУ, ПССГК, 2002. 304 с.
- Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.
- Сорокин Ю. С. «Просторечие» как термин стилистики // Доклады и сообщения филологического института ЛГУ. Вып. 1. Л.: Ленингр. ун-т, 1949. С. 124–137.
- Судаков Г. В. История русского слова. Вологда: Изд. центр ВИРО, 2010. 336 с.
- Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (X–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
- Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз Минпросвещения РСФСР, 1952. 314 с.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 279 с.

REFERENCES

- Vinogradov V.V. *Vzaimodejstvie narodno-razgovornoj i knizhno-pis'mennoj rechi v obrazovanii nacional'nogo literaturnogo jazyka* [Interaction of the national-colloquial and literary-written language in the formation of the national language]. *Problemy literaturnyh jazykov i zakonomernostej ih obrazovanija i razvitija*. Moscow, Nauka Publ., 1967, s. 92–97.
- Generalova E.V. «Soblazn» *obobshhajushhego znachenija* [«Temptation» of the general meaning]. *Aktual'nye voprosy istoricheskoj leksikologii i leksikografii: Materialy Vserossijskoj Akademicheskoj shkoly-seminara*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005, s. 155–162.
- Gerd A.S. *Lingvisticheskaja tipologija drevneslavjanskih tekstov* [Linguistic typology of Old Slavic texts.]. Saint Petersburg, St. Petersburg. Univ. Publ., 2008, 145 s.
- Gilazetdinova G.H. *O leksikografirovanii derivatov na baze vostochnyh zaimstvovanij v russkom jazyke XV–XVII vv.* [About lexicographic interpretation of derivatives on the basis of east loans in Russian of the 15–16th centuries]. *Russkaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija XVIII–XIX vv. (k 100-letiju so dnja rozhdenija doktora filologičeskijh nauk Ju.S. Sorokina): Tezisy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Sankt-Peterburg, 2013. *Acta Linguistica Petropolitana*, t. 9, ch. 2 [vol. 9, part 2]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013, s. 138–148.

- Zemskaja E.A. *Russkaja razgovornaja rech': lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya* [Russian spoken speech: linguistic analysis and training problems]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1979, 240 s.
- Isserlin E.M. *Leksika russkogo literaturnogo jazyka XVII veka: Materialy k kursu «Istorija russkogo literaturnogo jazyka»* [Lexicon of the Russian literary language of the 18th century. Materials to the course «History of the Russian Literary Language»]. Moscow, Mosk. poligr. in-t Publ., 1961, 80 s.
- Knjaz'kova G.P. *Russkoe prostorechie vtoroj poloviny XVIII v.* [The Russian popular speech of the second half of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 253 s.
- Kozhin A. N. *Literaturnyj jazyk Moskovskoj Rusi* [Language of the Moscow Russia]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1984, 184 s.
- Kotkov S.I. *Materialy chastnoj perepiski kak lingvisticheskij istochnik* [Materials of private correspondence as a linguistic source]. Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo jazyka XVII — nachala XVIII veka, red. [eds.] S.I. Kotkov, N.P. Pankratova; AN SSSR, In-t russkogo jazyka. Moscow, Nauka Publ., 1964, s. 3–13.
- Larin B.A. *Zametki o «Slovere obihodnogo russkogo jazyka Moskovskoj Rusi»* [Notes about «The dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia»]. Publikacija i primechanija S.S. Volkova [Publ. and Notes by S.S. Volkov]. Voprosy teorii i istorii jazyka: Sb. st. k 100-letiju so dnja rozhdenija B.A. Larina. Saint Petersburg, St. Petersb. Univ. Publ., 1993, s. 5–9.
- Larin B. A. *Razgovornyj jazyk Moskovskoj Rusi* [Spoken language of the Moscow Russia]. Nachal'nyj etap formirovanija russkogo nacional'nogo jazyka. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1961, s. 22–34.
- Mzhel'skaja O.S. *Leksika obihodno-razgovornogo jazyka Moskovskoj Rusi XVI–XVII vv. (na materiale inostrannyh rukovodstv dlja izuchenija russkogo jazyka)* [Lexicon of an everyday spoken language of the Moscow Russia of the 16–17th centuries (on a material of the foreign managements for Russian studying)]. Saint Petersburg, St. Petersb. Univ. Publ., 2003, 220 s.
- Nekipelova I.M. *Funkcionirovanie terminov — semanticheskikh derivatov v tekstah delovoj pis'mennosti XIV–XVII vv.* [Functioning of terms — semantic derivatives in texts of business writing of 14–17th centuries]. V.A. Bogorodickij: nauchnoe nasledie i sovremennoe jazykovedenie, t. 1. [vol. 1]. Kazan, Kazan St. University named after V.I. Ulianov-Lenin, 2007, s. 159–161.
- Nikitin O.V. «Slovar' obihodnogo russkogo jazyka Moskovskoj Rusi XVI–XVII vekov» (v rubrike «Kritika i bibliografija») [«The dictionary of everyday Russian of Moscow Russia of the 16–17th centuries» (in the heading «Criticism and Bibliography»)]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian at school], № 5, 2005, s. 100–103.
- Poljakova E.N. *Leksika i onomastika v pamjatnikah pis'mennosti i v zhivoj rechi Prikam'ja: Izbrannye trudy* [Lexicon and onomastic in the historical texts and in the live speech of Prikamye: Chosen works]. Perm', PGU, PSI, PSI, MOSU, PSSGK Publ., 2002, 304 s.
- Sirotnina O.B. *Sovremennaja razgovornaja rech' i ee osobennosti* [Modern spoken speech and its features]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1974, 144 s.
- Sorokin Ju.S. «Prostorechie» kak termin stilistiki [«Popular speech» as stylistics term]. Doklady i soobschenija filologicheskogo instituta LGU, vyp. 1 [vol. 1]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1949, s. 124–137.
- Sudakov G.V. *Istorija russkogo slova* [History of the Russian word]. Vologda, Centr VIPO Publ., 2010, 336 s.

Uspenskij B.A. *Kratkij ocherk istorii russkogo literaturnogo jazyka (XI–XIX vv.)* [Short sketch of history of the Russian literary language (the 11–19th centuries)]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, 240 s.

Chernyh P. Ja. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical grammar of Russian]. Moscow, Uchpedgiz Minprosvschenija RSFSR, 1952, 314 s.

Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of the semantic analysis of lexicon]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 279 s.

Генералова Елена Владимировна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Generalova

Candidate of Philology, Senior Lecturer
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Л. С. Гуцян

Российский этнографический музей

В. В. Федченко

Санкт-Петербургский государственный университет

О ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ СТРОИТЕЛЬСТВА В КОНТАКТНЫХ ЗОНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ, ЮЖНОГО КАВКАЗА И ЮЖНЫХ БАЛКАН¹

Ключевые слова: контактные зоны, кочевое и оседлое хозяйство, поселения и жилища, актуальный нарратив, взаимовлияния культур.

Известно, что жилище и строительство как фактор культуры имеют маркирующее значение, будучи одним из наиболее архаичных элементов традиции. Полевой материал в разных контактных зонах кочевого и оседлого населения (Балканы, Южный Кавказ, Средняя Азия) выявил, что в указанных районах зафиксирована практика использования домов, построенных представителями иной культуры или иной группы населения, однако данное обстоятельство, чаще всего, скрывается актуальными жителями этих построек. Для уточнения строительной традиции в указанных зонах был проведен сравнительный исторический анализ, основанный на рассмотрении жилищно-хозяйственных комплексов, и выявлена соответствующая лексика в используемом на данной территории идиоме. В ходе исследования были прослежены этапы изменения жилищной традиции, а также связанные с данным процессом и являющиеся его основной причиной изменения хозяйственной деятельности кочевого населения указанных зон. При рассмотрении материала исследования учитывалась роль государства в том, как происходили эти изменения и формировались практики строительства и проживания в тех или иных типах жилища.

Lusine Gushchyan

Russian Museum of Ethnography

Valentina Fedchenko

St. Petersburg State University, Russia

ON TRADITIONAL BUILDING IN THE CONTACT AREAS IN CENTRAL ASIA, SOUTH CAUCASUS AND THE BALKANS

Keywords: contact areas, nomadic and settled life forms, settlements and houses, up-to-date narrative, cultural inter-relation.

Houses and construction trade are generally regarded as a prominent cultural factor due to their status of most archaic elements of tradition. Field data obtained in various contact areas with both nomadic and settled population (the Balkans, South Caucasus, Central Asia) reveal that in these areas it is customary to dwell in the houses that were built by peoples of other cultures or other population groups, still this fact tends to be concealed by their current dwellers. To explore the

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-0006.

building tradition in the areas in question we conducted a comparative analysis of the household complexes and revealed words specific to these areas. The research helped to reveal the stages of development of the household tradition and trace changes in household activities of the nomadic population, which were closely linked and fostered these changes. The research also focused on the influence of the government on the changes and forming building and dwelling practices in different types of houses.

§ 0. Работая в разных контактных зонах, авторы данной статьи столкнулись с рядом схожих вопросов, возникших при описании полевого материала. Нами были обнаружены следующие факты, нуждающиеся в более подробном рассмотрении:

- 1) жители исследуемых регионов не помнят, как у их семьи появился дом, а также не сохраняют предания о строителе-основателе дома или о передаче его по наследству;
- 2) животноводческое по хозяйственному типу население живет и ведет хозяйство в стационарных домах, в ряде случаев — двухэтажных особняках;
- 3) в лексике распространенных на данных территориях языков и фольклоре отсутствует пласт словоформ, связанный с домостроительством и архитектурными элементами жилища-здания.

На основе проведенных наблюдений была сформулирована цель исследования — типологическое сопоставление строительных традиций в контактных зонах со смешанным населением.

§ 1. Известно, что жилище и строительство как фактор культуры имеют маркирующее значение, будучи одним из наиболее архаичных элементов традиции. Логически можно предположить, что в кочевом либо полукочевом скотоводческом сообществе используется исключительно мобильный тип жилища, тогда как у оседлых народов доминирует стационарное. Между тем, исходя из проведенных в разных регионах наблюдений, можно констатировать, что в настоящее время регионально имеет место использование стационарных жилищных комплексов для первого культурно-хозяйственного типа.

В качестве материала были выбраны три контактные зоны:

- 1) южно-балканская — территория распространения цаконского диалекта греческого языка в Южной Кинурии (область Аркадия, современная Греция)²;
- 2) южно-кавказская — территория Нагорного Карабаха в период проживания там азербайджанского населения³;
- 3) среднеазиатская — Алайская долина на границе Киргизии и Таджикистана с доминирующим киргизским населением⁴.

² Материалы из региона распространения цаконского диалекта греческого языка были получены в ходе серии экспедиций в Южную Кинурию в 2010–2012 гг., организованных Греческим институтом Филологического факультета СПбГУ совместно с ИЛИ РАН.

³ Характеристика традиционной культуры данного региона представлена в работе С. Лисициана [Лисициан, 1981].

⁴ Мы благодарим Ларису Федоровну Попову (Российский этнографический музей) за предоставленные сведения о данном регионе.

Контактные зоны являются одними из наиболее информативных с точки зрения антропологического исследования. Процессы, проходящие в истории данных регионов, можно наблюдать, делая выводы политического, социального, хозяйственно-экономического и культурного свойства. Указанные три области были избраны для сопоставления, поскольку они обладают исторически и типологически сходными признаками, а именно: 1) описываемые регионы включены в политическую и экономическую зону континентальной империи, 2) эта включенность обеспечивает совместное проживание кочевого или отгонного скотоводческого и оседло-земледельческого населения.

§ 2. Рассматривая эти три сходные зоны, мы исследуем процессы, происходившие в разные временные периоды. Пытаясь выявить некоторые закономерности, мы обратились как к материалу, имеющему относительно давние историографические традиции, так и к данным из зон, ставших объектом научной фиксации относительно недавно, — таковым является среднеазиатский материал. Сведения из Средней Азии оказываются наиболее близкими к современности, за счет чего они получают актуальную нейтральную формально-научную фиксацию.

В ходе исследования мы столкнулись с тем, что во всех указанных зонах в настоящее время случаи использования домов, построенных представителями иной культуры или иной группы населения, не всегда возможно зафиксировать, поскольку, чаще всего, данное обстоятельство скрывается актуальными жителями этих построек. В данных обстоятельствах существуют два способа выявить преемственность домов иным населением: провести сравнительный исторический анализ, основанный на рассмотрении жилищно-хозяйственных комплексов, и выявить соответствующую лексику в используемом на данной территории идиоме.

В историческом анализе мы будем опираться на материалы Южной Киргизии, которые представляются весьма показательными, поскольку в этом регионе процесс перехода построек и навыков строительства от оседлого населения к седентаризирующему происходил еще совсем недавно. Типы жилищно-хозяйственных комплексов еще отчетливо демонстрируют различие в организации жилищного пространства⁵, что позволяет определить, как именно влияет на организацию пространства хозяйственный тип.

В Нагорном Карабахе мы не имеем возможности проводить интервью с информантами — представителями обоих сообществ. Доступными оказываются исключительно материалы советских исследователей

⁵ Типы киргизского жилища, а также усадеб припамирской контактной зоны приводятся в монографии Б. Х. Кармышевой [Кармышева, 2009. С. 87–115], для сравнения необходимо принять во внимание также характеристику наиболее архаичных типов традиционных таджикских домов Каратегина и Дарбаза [Кислякова, Писарчук, 1970]. Ритуальное значение элементов жилища рассматривается в статье О. В. Старостиной [Старостина, 2011].

данного региона. Научная литература, посвященная традиционному жилищу Кавказа, неоднократно обращала внимание на схожесть домов, в частности речь шла о типе жилища глхатун/карадам⁶. Согласно В. П. Кобычеву [Кобычев, 1957. С. 57, 64, 66], дома такого типа в азербайджанской среде строили армянские мастера. К сожалению, существенная часть возможной информации о совместном либо чересполосном проживании представителей различных групп в данном регионе отсутствует.

В случае с цаконцами, информанты, живущие в каменных двухэтажных домах⁷, не помнят историю строительства жилищ и их заселения. Рассуждая об истории своего жилища, они могут сослаться на мнение знакомого археолога, который, комментируя архитектурные элементы постройки, пытается определиться с ее датировкой [Федченко, 2012]. Согласно историческим сведениям, после 1830 г. состоятельное население, проживавшее на этих территориях, покидает Пелопоннес⁸. Это дает основание предполагать, что именно в данный временной период дома начинают заселяться новым скотоводческим населением.

Для киргизского населения процесс седентаризации зафиксирован и начинается в 1930-е гг. В период начала коллективизации оно было вынуждено селиться оседло. Более того, информанты, основываясь на исторической памяти, передаваемой в семье, рассказывают, что решение о смене образа жизни было принято не самими киргизами-кочевниками, а было «спущено сверху». В киргизском сообществе данный переход получил неоднозначную оценку.

§ 3. Охарактеризуем **типы домов**, которые используются и оседлым, и скотоводческим населением. У населения контактных зон наблюдается несколько типов домов и материалов для строительства: камень, глина, дерево.

1. В зоне Южного Кавказа существует два типа домов: более архаичный арм. глхатун или азерб. карадам — одноэтажный каменный дом с балочным перекрытием — и двухэтажный каменный дом балконного типа, в котором на первом этаже находятся хозяйственные помещения: винный погреб, хранилище продуктов сельского хозяйства. Оба дома используются как армянским, так и азербайджанским

⁶ Одним из первых обратил внимание на данный аспект традиционной культуры региона В. Кобычев [Кобычев, 1957; 1962; 1967], наиболее подробно вопрос рассмотрен группой исследователей в статье о традиционной культуре армян в регионе [Марутян, Саркисян, Харатян, 1989].

⁷ По сведениям [Balta, 2009. P. 180], каменное строительство процветает в данном регионе в XVII–XVIII вв. благодаря развитым связям с Константинополем. Согласно К. Мамони [Mamoni, 1992–1993. С. 511], местные жители ездили на заработки в столицу: «О таких людях говорили: „Константинополь дает деньги, а Прастос превращает их в крепости“».

⁸ Причиной миграции послужило разорение региона османами в первой половине XIX в. В частности, у информантов встречается рассказ о том, как Ибрагим-паша сжег крепость Прастос в 1830 г. [Кисилиер, 2013. С. 290].

населением. В одноэтажном доме все вышеперечисленное находится в примыкающем к жилой камере крытом дворе. Система отопления в глхатуне, в армянском варианте, обеспечивается за счет находящейся в специальной комнате печи, в которой пекут хлеб — хацатун (*арм. hats* ‘хлеб’, *арм. tun* ‘дом’). В азербайджанской традиции мы не можем проследить переход от кочевого к оседлому образу жизни и смену жилищного комплекса, однако остались свидетельства о прежнем образе жизни: хлебопечение в данной традиции производится в основном на переносной печи-жаровне.

2. На Пелопоннесе удалось выявить два разных типа жилищных построек и связанных с ними нарративов. 1) В деревне Мелана местное население проживает в одноэтажных домах общегреческого типа, построенных в начале XX в. Жители помнят и охотно рассказывают историю постройки домов, строителями которых чаще всего были их деды. 2) В горной деревне Прастос, которая до 1826 г. считалась столицей области Цакония, наблюдается иная ситуация: местное население живет в каменных двухэтажных постройках.

В домах-особняках на первом этаже находились куры, овцы, козы, а на втором этаже размещались жилые комнаты. Такая организация пространства повторяет третий тип жилищ, которых в Цаконии практически не осталось. Местные жители полушутя называют его термином «мандри/манджи», который означает ‘загон для скота’. Такой тип жилища представляет собой постройку с одним помещением, которое делится на *konatsi* ‘жилой угол с печкой-камином’ и *katúji* ‘место для размещения домашних животных’.

В укладе населения, проживающего в первом, общегреческом, типе домов, заметны уже некоторые изменения. В постройках нового типа в Мелане животных никогда не размещали внутри дома, для них строили отдельные сооружения, или скот находился за пределами жилищного комплекса. Вокруг домов в Мелане устроены сады и огороды. По словам информантов, хозяйство было организовано таким образом, что летом мужское население Меланы уходит жить в горы в летовки (*ka1’úca*) и пасти скот. В качестве отопления используется камин, в то время как печь для хлеба находится снаружи.

3. Киргизское население проживает в каркасных домах, деревянные каркасы которых наполняются глиняными «кирпичами» округлой формы. Дома имеют плоские кровли, которые так же, как и стены, обмазываются глиной, и поверх глины покрываются дерном. Этот тип подобен таджикскому традиционному жилищу. Интересно отметить, что все названия элементов материала дома на киргизском языке являются заимствованиями из таджикского. У киргизов печь находится отдельно от жилого помещения. Скот, которым обычно семья обладает в большом количестве, находится на выгоне — за пределами дома, но недалеко от него. В подобном помещении киргизского усадебного комплекса обязательно хранится мобильное жилище — юрта.

Дом в киргизской и таджикских традициях является центром ансамбля усадьбы. Киргизский дом аналогичен таджикскому, однако

присутствуют различия в общей организации усадеб: в таджикском доме каждое отделение имеет свой вход, в то время как у киргизов вход один, по аналогии с юртой. Центром таджикской усадьбы является виноградник и летнее место для отдыха. У киргизов эти элементы отсутствуют. Киргизы сохраняют в доме отдельное место для хранения юрты, т. е. даже при стационарном жилище остается необходимость в жилище кочевом. Место для хранения продуктов находится за пределами усадьбы, «по ту сторону дороги». У таджиков обязательно имеет-ся сад с плодовыми деревьями.

Для общей характеристики пространства важно отметить, что калитка одной таджикской усадьбы ведет в соседнюю усадьбу. Не оставившись подробно на общем плане поселения, следует сказать, что на таджикском и армянском материале мы видим организацию кварталов по родственному принципу: сквозной проход от одних соседей к другим. У киргизов усадьба представляет собой строго замкнутое пространство. Распределение усадеб по территории поселения не результат стихийного заселения, а результат распределения, навязанного сверху. В целом, таджикская усадьба отличается своей компактностью, в то время как киргизская занимает большие территории.

§ 4. В исследуемых регионах встречается несколько **хозяйственных типов**.

Животноводческое население Средней Азии продолжает вести привычное хозяйство — разводит овец, при этом одновременно занимается и огородничеством: в первую очередь, выращивают картофель. Культивация картофеля началась не более тридцати лет назад. Ее появление и расширение было вызвано тем, что картофель растет в относительно холодном климате, который в этих регионах характеризует предгорья. Следует отметить, что киргизы в настоящее время еще не выращивают сложные культуры, требующие большего ухода и теплиц, такие как помидоры и огурцы. Из садовых культур выращиваются только яблоки, как фрукты, требующие минимального сельскохозяйственного усилия.

На Пелопоннесе мы наблюдаем два типа хозяйствования: жители одноэтажных домов занимаются также огородничеством и садоводством, а в двухэтажных домах, по рассказам информантов, велось скотоводческое хозяйство.

Для животноводческого населения статусным является владение домом, в котором два этажа. Дома подобного типа в Алайской долине для богатых киргизов строят приглашенные нанятые оседлые строители. Причиной этого является не только то, что оседлое население — лучшие строители, но и тот факт, что деятельность животновода не позволяет ему заниматься чем-то другим. Этот аспект обязательно стоит учитывать при рассмотрении вопроса домостроительства.

§ 5. Для дальнейшего рассмотрения материала необходимо прибегнуть к **лингвистическому анализу** терминов строительства и устройства дома, распространенных во всех трех контактных зонах. Это важ-

но также и по той причине, что нарратив информантов о том, кто и как строил эти дома, отсутствует.

В армянском и азербайджанском языках, а также в цаконском диалекте греческого языка используются следующие лексемы со значением «строить»:

арм. šinel ‘строить’, *karutsel* ‘конструировать’
азерб. tikmək ‘шить, сшивать, строить, построить, сооружать’
цак. fk’áxnu ‘сооружать, устраивать’, xkízu ‘строить’.

В азербайджанском языке глагол для обозначения процесса строительства не заимствуется, но происходит адаптивное изменение термина и расширение значения глагола ‘шить’: прежде дом шили, теперь его строят. В случае с цаконским диалектом глагол ‘делать’ (ср. *нгр.* φτιάχνω) соседствует с, по всей видимости, более поздним термином ‘строить’ (ср. *нгр.* χτίζω). При этом на современном новогреческом языке невозможно сочетание φτιάχνω στίτι со значением ‘строить дом’.

Со значением ‘дом’, ‘строитель’ в рассматриваемых языках используются следующие термины:

арм. tun ‘дом’
арм. tnashen ‘строитель дома, домостроитель (с различными коннотациями)’⁹
арм. shinarar ‘строитель’
арм. qartash ‘камнетес’
арм. varpet ‘мастер’
цак. tzéa ‘дом’, kástre ‘каменный дом (Прастос, Леонидион)’, kal’úci ‘хижина в горах’
цак. mástore ‘ремесленник, строитель’, xkísta ‘строитель’
кирг. ustó ‘мастер’

В киргизском языке термин для обозначения строителя оказывается заимствованным — персидско-таджикского происхождения.

Термины, связанные с устройством дома в азербайджанском языке, можно разделить по их происхождению и свести в таблицу (см. с. 98).

Из приведенных данных очевидна многослойность и нередко заимствованный характер лексики, связанной с устройством дома. При этом, как и во многих других тюркских языках, основными источниками заимствования оказываются персидский и арабский. В армянском языке, напротив, данный пласт лексики является исконным¹⁰. Приведем несколько примеров:

арм. shenq ‘здание, букв. строение’
арм. shinel ‘строить’
арм. pat, patuhan ‘стена, окно (букв. выведенное из стены)’
арм. dur ‘дверь’

⁹ Следует заметить, что существует противоположное понятие tnaqand — ‘разрушитель дома’, имеющий в большей степени значение ‘варвар, бездарь’.

¹⁰ В армянском фольклоре представлена также тема «строительной жертвы», в частности танец, сопровождаемый песней «Sharecin, moqr, sharecin» ‘сложили, тетя, сложили’, которая поется от имени девицы, приносимой в жертву.

Азербайджанская домостроительная лексика

	Происхождение		
	тюрк.	перс.	араб.
	ev 'дом', daskesen 'каменотес'	kuhken 'строитель', sengeteras 'камнерез' usta 'мастер, ремесленник'	
Устройство дома	qarı 'дверь' ср. тур. kapı osaq 'очаг' ср. тур. osak temel 'фундамент' ср. тур. temel	divar 'стена' ср. тур. duvar pencere 'окно' ср. тур. pencere nerdivan 'лестница' ср. тур. merdiven	metbex 'кухня' ср. тур. mutfak
Элементы двора		tag 'арка' ср. тур. tak bag 'сад' ср. тур. bag	havli 'двор' bar 'ворота'

В цаконском диалекте, который в настоящий момент находится в тесном контакте с современной греческой языковой нормой, можно выделить более древний, исконный диалектный пласт¹¹. Однако лексемы из данной лексико-семантической группы практически полностью совпадают с их новогреческими аналогами и лишь редко подвергаются небольшим фонетическим изменениям¹².

цак. konátsi 'жилой угол дома', нгр. κονάκι, тур. konak

цак. katúji 'часть дома для животных, хозяйственное помещение', нгр. κατοί, κατούγι

цак. kamára 'комната, арка', нгр. καμάρα

цак. panathúri 'окно', нгр. παραθύρι

цак. rátima 'пол', нгр. πάτωμα

цак. róre 'дверь', нгр. πόρτα

цак. stsépi 'крыша', нгр. στέγη

цак. tíxo 'стена', нгр. τοίχος

цак. ska 'лестница', нгр. σκάλα

§ 6. Жители описываемых контактных зон схожим образом формируют **нарративы** о своих жилищных и строительных практиках. Цаками население гордится своими домами, не зная, откуда они появились¹³. Азербайджанское население вписывает дома в собственную строительную традицию. Киргизы отказываются видеть в таджиках строителей собственных домов. Таким образом, во всех трех локусах

¹¹ См. подробнее о лексических особенностях цаконского диалекта греческого языка в [Драгункина и др., в печати].

¹² Фонетические изменения являются сравнительно новыми [Кисилиер, 2013. С. 326–327; Кисилиер, Федченко, 2011. С. 263].

¹³ В то же время есть свидетельства, что в данном регионе уже в XIX в. существовали местные строительные бригады [Κωνσταντινούπολος, 1987].

ни одна нарративная традиция не хочет видеть заказчика дома как статусного человека, а ремесленника как человека с меньшим престижем. В изучаемых сообществах статус ремесленников оказывается высоким. Все три группы настаивают на авторстве домов и на собственной принадлежности к строительной культуре.

Данное сопоставление носит предварительный характер и призвано поставить вопрос о развитии жилищного комплекса в контактных зонах.

ЛИТЕРАТУРА

- Драгункина А. А., Кисилиер М. Л., Федченко В. В.* Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: предварительные наблюдения и перспективы исследования // Балканистика. Византистика. Неоэллинистика: сб. науч. ст. Вып. 1. / ред. М. Л. Кисилиер, А. Ю. Русаков. В печати.
- Кармышева Б. Х.* Каратегинские киргизы. 2009. М.: Наука, 284 с.
- Кисилиер М. Л.* О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. X, ч. 1. 2013. С. 283–306.
- Кисилиер М. Л., Федченко В. В.* К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 15. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2011 г. / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2011. С. 259–266.
- Кобычев В. П.* Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в. // Советская этнография. № 3. 1957. С. 57–76.
- Кобычев В. П.* Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 3–69.
- Кобычев В. П., Робакидзе А. И.* Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа (Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу) // Советская этнография. № 2. 1967. С. 26–44.
- Лисицян С.* Հիւիցիան Սու.Հեռնսյիւն Ղարաբաղի հայերը (Армяне Нагорного Карабаха). Ереван: Издательство АН АрмССР, 1981. 123 с.
- Марутян А. Т., Саркисян Г. Г., Харатян З. В.* К этнокультурной характеристике Арцаха // Լրաբեր հասարակական գիտությունների (=Herald of the Social Sciences). Вып. 6. Ереван, 1989. С. 3–18.
- Старостина О. В.* Обрядовые действия, связанные с почитанием опорных столбов памирского дома // Материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2011. С. 302–305.
- Таджики Каратегина и Дарбаза* / под ред. Н. А. Кисляковой, А. К. Писарчик. Вып. 2. Душанбе: Дониш, 1970. 313 с.
- Федченко В. В.* Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. 2012.
- Balta E.* Venetians and Ottomans in the Southeast Peloponnese (15th–18th Century) // Halil Inalcık Armağanı, I, Tarih Araştırmaları. Ankara: Doğu Batı, 2009. Pp. 168–204.
- Κωνσταντινοπούλος Χ. Γ. Η.* μαθητεία στις κομπανίες των χριστών της Πελοποννήσου. Τίτλος σειράς: Ιστορικό αρχείο Ελληνικής νεολαίας. Αθήνα: Γενική γραμματεία νέας γενιάς. 1987. 137 s.

Μαμόνι Κ. Πελοποννήσιοι στην Κωνσταντινούπολη κατά τους χρόνους της Τουρκοκρατίας // Πρακτικά του Δ' Διεθνούς Συνεδρίου Πελοποννησιακών Σπουδών (Κόρινθος 9–16 Σεπτεμβρίου 1990), τ. 3. Αθήνα, 1992–1993.

REFERENCES

- Dragunkina A.A., Kisilier M.L., Fedchenko V.V. *Leksicheskie osobennosti cakonskogo dialekta novogrecheskogo jazyka: predvaritel'nye nabljudenija i perspektivy issledovanija* [Lexical peculiarities of the Tsakonian dialect of the Modern Greek: preliminary notes and research perspectives]. *Balkanistika. Vizantinistika. Neojellinistika. Sbornik nauchnyh statej* [Balkan, Byzantine and Modern Greek Studies. Collection of articles], red. M.L. Kisilier, A.Ju. Rusakov [eds. M.L. Kisilier, A.Ju. Rusakov]. T. 1 [Vol. 1]. (V pečati [In print]).
- Karmysheva B.H. *Karateginskie kirgizy* [Kirghiz of Karategin]. Moscow, Nauka Publ., 2009, 284 s.
- Kisilier M.L. *O Cakonii i cakoncah: na styke istorii i filologii* [Tsakonia and Tsakonians: on the crossroad of history and philology], otv. red. N.N. Kazanskij [executive ed. N.N. Kazanskij]. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanij*, t. 10, ch. 1 [vol. 10, part 1], 2013, s. 283–306.
- Kisilier M.L., Fedchenko V.V. *K voprosu o mjagkih soglasnyh v cakonskom dialekte novogrecheskogo jazyka* [Palatal sonants in Tsakonian. Discussing the problem], red. N.N. Kazanskij [ed. N.N. Kazanskij]. *Indoevropskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija*. T. 15. Materialy chtenij, posvjashhennyh pamjati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo. 20–22 june 2011. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011, s. 259–266.
- Kobychev V.P. *Zhilishhe narodov Vostochnogo Zakavkaz'ja v XIX v.* [East Caucasus housing in the XIX c.]. *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography], № 3, 1957, s. 57–76.
- Kobychev V.P. *Krest'janskoe zhilishhe narodov Azerbajdzhana* [Peasant dwelling in Azerbaijan]. *Kavkazskij jetnograficeskij sbornik*. № 3. Moscow, AN USSR Publ., 1962, s. 3–69.
- Kobychev V.P., Robakidze A.I. *Osnovy tipologii i kartografirovanija zhilishha narodov Kavkaza* (Materialy k Kavkazskomu istoriko-jetnograficeskomu atlasu) [Typological and cartographic bases of houses in Caucasus (Materials to atlas of Caucasian history and ethnography)]. *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography], № 2, 1967, s. 26–44.
- Lisician S. *Լիւիցիանցի Ղարաբաղի հայերը* [Armenians of Nagorno-Karabakh]. Erevan, AN ArmSSR, 1981, 123 s.
- Marutjan A.T., Sarkisjan G.G., Haratjan Z.V. *K jetnokul'turnoj karakteristike Arcaha* [Ethnocultural characteristics of Archa]. *Լրաբեր հասարակական գիտությունների* [Herald of the Social Sciences], № 6, 1989, s. 3–18.
- Starostina O.V. *Obrjadovye dejstvija, svjazannye s pochitanie opornyh stolbov pamirskogo doma* [Ritual practices around houses' support posts on Pamir]. *Materialy Desjatyh Sankt-Peterburgskih jetnograficeskikh chtenij*, 2011, s. 302–305.
- Tadzhihi Karategina i Darbaza* [Tadjiks of Karategin and Darbaz], red. N.A. Kisljakov, A.K. Pisarchik [eds. N.A. Kisljakov, A.K. Pisarchik]. № 2. Dushanbe, Donish Publ., 1970, 313 s.
- Fedchenko V.V. *Polevoj dnevnik. Dialektnyj arhiv v Grecheskom institute Filologičeskogo fakul'teta SPbGU: Cakonija* [Field diary. Dialectal archive of the Greek Institute at the Philological Faculty of St. Petersburg State University: Tsakonia], 2012.
- Balta E. *Venetians and Ottomans in the Southeast Peloponnese (15th–18th Century)*. Halil Inalcık Armağanı, I, Tarih Araştırmaları. Ankara: Doğu Batı, 2009, pp. 168–204.

Κωνσταντινοπούλοσ Χ.Γ.Η. *μαθητεία ρτισ κομπανίες των χτιστών τησ Πελοποννήσου*. [Process of learning at the Peloponnesus' teams of builders]. Αθήνα: Γενική γραμματεία νέασ γενιάσ, 1987, 137 ρ.

Μαμόνι Κ. Πελοποννήσιοι ρτην Κωνσταντινούπολη κατά τουσ χρόνουσ τησ Τουρκοκρατίασ [Peloponnesians in Constantinople during the years of Ottoman rule]. *Πρακτικά του Δ' Διεθνούσ Συνεδρίου Πελοποννησιακόν Σπουδών* [Proceedings of the IV International Conference of Peloponnesian Studies] (Κόρινθοσ 9–16 Σεπτεμβρίου 1990), τ. 3. Αθήνα, 1992–1993.

Лусинэ Степановна Гуцян

Старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа и Средней Азии
Российский этнографический музей

Lusine Gushchyan

Senior Scientific Researcher
Russian Museum of Ethnography

E-mail: medievist@yahoo.com

Валентина Владимировна Федченко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры еврейской культуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Valentina Fedchenko

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: ilmen2005@yahoo.com

Ю. В. Доманский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

РОК-КИНОТЕКСТ: РУССКАЯ ВЕРСИЯ

Ключевые слова: русский рок, рок-поэзия, рок-кино, кинотекст, саундтрек, Стефанович, Балабанов.

В статье предпринимается попытка дать аналитическое описание так называемого рок-кино. Рассматриваются примеры отечественных художественных фильмов, в которых в той или иной степени оказалась задействована рок-музыка. Это и участие в кинокартинах представителей рок-искусства, и фильмы, в которых рок-композиции использовались в качестве элементов саундтрека. Особое внимание уделяется творчеству Алексея Балабанова. В теоретическом аспекте делается вывод о том, что относительно рок-кино уместно рассматривать коммуникацию синтеза рока и кино с реципиентом. Но в то же время не менее интересно рассмотрение диалога рока и кино, саундтрека и киноряда, включающего в себя и сюжет, и систему персонажей, и детали, и многое другое. Особенно любопытной, как показывают предварительные наблюдения, оказывается коммуникативная ситуация, складывающаяся между героем фильма и лирическим рок-героем из песен саундтрека.

Yuri Domanskiy

Russian State University for the Humanities, Russia

ROCK-FILMTEXT: RUSSIAN VERSION

Keywords: Russian rock, rock poetry, rock cinema, film text, soundtrack, Stefanovich, Balabanov.

The article attempts to analyse so-called rock cinema. It focuses on Russian fiction films that in some way feature rock music, that is the representatives of rock art involved in filming and films with rock music as elements of their soundtracks. Its main concern is creative works by Aleksei Balabanov. Theoretically, it draws the conclusion that in terms of rock cinema it is possible to talk about the communication of synthesis of rock and film with a recipient. Meanwhile, it may be of considerable interest to investigate the dialogue between rock and cinema, soundtrack and a list of film titles featuring information about the plot, characters, details to name a few. According to the tentative results, it is curious to trace a communication between a film character and a lyrical rock-character of the soundtrack.

Прежде всего стоит задаться вопросом: что считать этим самым рок-кино в отечественном изводе? Фильмы, где снимались рокеры? Фильмы, в саундтреки которых входили рок-композиции? Фильмы, где персонажи рокеры? Может быть, фильмы для рокеров? Пока что я несколько опасуюсь давать хоть сколько-нибудь однозначный ответ на вопрос о том, что такое рок-кино. Я могу только назвать примеры, которые для меня являются как раз такими рок-фильмами в русской культуре, и дать примерам некоторую характеристику.

К сожалению, классический рок восьмидесятых в игровом полнометражном кинематографе оказался задействован в очень малой степени. Первыми ласточками тут (хотя и с огромным количеством оговорок) следует признать фильмы режиссера Александра Стефановича «Душа» (1981) и «Начни сначала» (1985). С точки зрения рок-культуры в обеих картинах ключевую позицию занимает фигура Андрея Макаревича. Часть песен в этих фильмах принадлежит именно ему (в том числе — в соавторстве с Александром Кутиковым), а в фильме «Начни сначала» они даже звучат в оригинальном исполнении. Правда, сами концепции картин Стефановича от рока довольно-таки далеки. Так, в «Душе» музыканты «Машины времени», включая и самого Макаревича, выполняют функцию группы сопровождения эстрадной певицы, роль которой исполняет София Ротару, да и роль лидера группы играет не Макаревич, а Михаил Боярский, поющий несколько песен «Машины» своим вполне узнаваемым голосом; а в «Начни сначала» главный герой Коля Ковалев, роль которого исполнил Андрей Макаревич, представлен не как рокер, а как «бард».

Между тем для исследователя — и историка русского рока, и филолога, занятого изучением рок-кинематографа и, в частности, смыслообразующей роли саундтреков, фильмы Стефановича могут и должны стать благодатным материалом. К примеру, можно посмотреть на вариативные изменения текстов песен, происходящие при их попадании в эти кинотеатры (вспоминаются, например, «Судьба хранит меня» вместо привычного «И Бог хранит меня» в песне Макаревича «Костер», исполненной в «Душе» Софией Ротару, или «антиалкогольный» вариант первой строфы «Вагонных споров» из «Начни сначала»). Не менее интересно увидеть те редукции и приращения смыслов, которые происходят, когда известные песни «Машины времени» в «Душе» исполняются голосами Боярского и Ротару (а ведь это довольно известные песни — Ротару поет «Барьер», «Костер», «За тех, кто в море», «Путь», а Боярский — «Право» и «Кого ты хотел удивить»). Очевидно, что благодаря смене исполнителя происходит переход (возможно, частичный) рок-песен в иную сферу — в сферу музыки эстрадной, поп-музыки. И этот переход позволяет, как это ни странно, увидеть дополнительные смыслы этих песен, те смыслы, которые были скрыты, пока эти песни находились строго в сфере рок-культуры.

А вместе с тем применительно к фильму «Душа» можно увидеть и переход обратного свойства. Во всяком случае, такого рода переход имелся, по всей вероятности, в авторской задаче: героиня Ротару Виктория Свободина хочет доказать, что она может петь не только эстрадные песни, и к восхищению музыкантов исполняет вполне себе рокерскую песню «Барьер». В этом случае возможно понимание, согласно которому песня «Машины времени» выступает знаком перехода эстрады в сферу рока, точнее даже — средством, при помощи которого такой переход оказывается возможен. Однако три другие песни «Машины времени», исполненные в фильме Стефановича Софией Ротару («Костер», «За тех, кто в море», «Путь»), в отличие от песни «Барьер»,

и на музыкальном уровне, и на уровне словесном в большей степени могут быть отнесены к эстраде и только в меньшей — к року. Потому в исполнении эстрадной певицы Виктории Свободиной они звучат вполне органично, а вот в оригинальном исполнении Макаревича со товарищи, исполнении, известном по записям начала 1980-х, зачастую воспринимаются рок-аудиторией как знаки компромисса «Машины времени» и советской эстрады (особенно это актуально по отношению к песне «За тех, кто в море»). В целом же по данному аспекту можно говорить о разных гранях взаимодействия рок-музыки и эстрадной песни и о смысловых возможностях такого взаимодействия.

Еще один аспект, на который стоит обратить внимание при анализе фильма «Душа», — сочетание в едином кинопространстве известных рок-песен и песен на музыку советского эстрадного композитора Александра Зацепина (одна песня на стихи Роберта Рождественского и две на стихи Игоря Кохановского). Такой синтез видится продуктивным в семантическом плане, ибо порождает смыслы, кои вне данного контекста не только не могли бы актуализироваться, но попросту были невозможны.

Что же касается фильма «Начни сначала», то тут, в отличие от фильма «Душа», сближающего (и тем самым парадоксально разделяющего) в сознании зрителей рок и эстраду, можно исследовать соотношение рока и авторской песни, ведь, как уже было сказано, главный герой этого фильма Коля Ковалев представлен не как рокер (что было бы закономерно, учитывая репутацию исполнителя этой роли Андрея Макаревича), а как «бард». Между тем песни, составившие большую часть весьма обширного саундтрека к фильму и предлагаемые зрителю как творчество Ковалева, являются оригинальными песнями Макаревича и поются его голосом. Последнее очень важно: скажем, в фильме «Перекресток» (1998, режиссер Дмитрий Астрахан) герой Леонида Ярмольника Алик поет песни Макаревича голосом Юрия Ильченко, а некоторые песни Гребенщикова в «Ассе», о которой речь пойдет ниже, Бананан в исполнении Сергея Бугаева поет голосом Сергея Рыженко. И в обоих случаях такая смена голоса оправдана тем, что персонажи, согласно режиссерским задумкам, не должны петь узнаваемыми голосами именитых рокеров — Макаревича и Гребенщикова, а должны петь как бы голосами своими; функцию таких «своих» голосов и выполнили в «Перекрестке» Ильченко, а в «Ассе» Рыженко — исполнители, чьи голоса куда как менее знакомы слушателю да и не обладают какими-либо яркими индивидуальными особенностями. Однако вернусь ко второму из названных фильмов Стефановича; применительно к «Начни сначала» можно, как представляется, исследовать смысловые редукции и приращения, происходящие в процессе своего рода культурного перехода песен из одной поэтической традиции (рок-поэзия) в другую (авторская песня).

Еще один аспект исследования применительно к фильму «Начни сначала» может быть обозначен как изучение своего рода песенного минус-приема. Дело в том, что в этой картине есть моменты, кото-

рые отчетливо соотносятся с конкретными песнями Макаревича середины 1980-х, но самих этих песен в фильме нет. Так, дважды по ходу фильма применительно к Коле Ковалеву звучит слово «верблюд». Сначала приятель Коли Холодков (Игорь Скляр) дает ему газету с ругательной статьей критика Зуева и говорит: «Теперь у тебя на всю оставшуюся жизнь есть занятие: доказывать, что ты не верблюд». А ближе к финалу режиссер, рассердившись на отказ Ковалева написать заказную песню, произносит: «Ты думаешь, для чего мы тебя пригласили? Для привлечения публики. Как верблюда из цирка». Обе эти реплики проецируются на песню Андрея Макаревича «Верблюд», начинающуюся словами:

Такое вы видали, ох, едва ли!
Стою, не чую под собой земли:
Меня вчера верблюдом обозвали
И выводы под это подвели.

Песня не звучит в картине, хотя скорее всего предполагалось, что в саундтрек она будет включена. Однако, несмотря на ее отсутствие, знаток творчества исполнителя главной роли в «Начни сначала» при названных упоминаниях слова «верблюд» непременно вспомнит песню и соотнесет сюжет песни, в которой субъект, названный верблюдом, так и не смог доказать, что он человек, и превратился в верблюда, с сюжетом фильма. Действительно, такое соотнесение выглядит более чем убедительно: благодаря смыслам отсутствующей песни в характере главного героя еще более усиливается драматизм, актуализируется конфронтация человека и мира в конкретном проявлении противопоставления поэта и толпы.

Похожим образом к смыслам фильма может быть подключена очень популярная в середине 1980-х песня «Машины времени» «Скворец» — о птичке, которая пошла против самой Природы, продолжая петь и с наступлением зимы. Песня эта, как и песня «Верблюд», не звучит в фильме, но соотносится с одним из начальных эпизодов, в котором Коля Ковалев вместе с другими актерами записывает для радио музыкальную сказку; в этой сказке есть песенка про скворчонка, который «жил совершенно не так, как все». Вот слова этой песенки, спетой на несколько голосов:

Я вопросом озабочен:
Отчего скворец свистит?
— Оттого, что легкий очень-очень
И летит, куда хотит. Хочет!

Оттого, что все в природе
Предназначено ему,
Оттого, что он от всех свободен
И не должен никому.

Куры-дуры так устали
Яйца и цыплят считать,

Что давно про небо думать перестали,
Им уже не полетать.

А он своей лишь песне верен,
И пускай он прост на вид,
Но не окольцован, никому не вверен
И нигде не состоит.

И оттого с утра до ночи
Тут и там скворец свистит,
Оттого, что легкий очень-очень
И летит, куда хотит. Хочет!

Характер скворца из этой песни соотносится с характером скворца из песни, не вошедшей в фильм. Однако между двумя «Скворцами» есть существенная разница. В процитированных словах перед нами шуточный извод жизни свободной птицы, которая делает (в отличие от остальных) то, что хочет. В словах же песни, которой нет в картине, прочитывается драма того, кто пошел вопреки существующим порядкам, противопоставил себя всем остальным. И в итоге получилось вот что:

Укрыты снегом аллеи,
И он не изменил ничего,
Быть может, стало лишь чуть-чуть теплее
От одинокой песни его...

Таким образом, песня, которой нет в фильме, но которая, благодаря другой песне, присутствует там имплицитно, может быть спроецирована на характер главного героя, который поет вопреки всему и надеется своей песней сделать этот мир лучше.

Третий случай имплицитного присутствия в фильме Стефановича «Начни сначала» песни Макаревича связан с эпизодом, в котором к Коле приходят гости, приходят смотреть принесенную Холодковым диковинку — видеомагнитофон. Публике нет никакого дела до хозяина, все пришли, чтобы видеть запись выступления какой-то заграничной звезды. В этом эпизоде в киноряд фактически переводятся слова песни «Машины времени» «Видеомагнитофон», герой которой приобрел дорогую и почти что недоступную по тем временам технику. И вот:

Две первых недели, как сон пролетели.
На деле оно тяжелей:
Не знал я, ей-богу, что в мире так много
Далеких и близких друзей.

Идут, как на сходку, — кто с бабой, кто с водкой,
У каждого в мыслях одно:
Иль в шутку, иль строго спросить от порога:
«Какое сегодня кино?» <...>

Сидят, как бараны, уткнувшись в экран,
Уходят не раньше шести.
Я утром проснулся, вокруг оглянулся —
И резкость не смог навести.

Песни «Видеомагнитофон» нет в фильме Стефановича, но она присутствует там скрыто, в подтексте. В результате перед зрителем возникает весьма любопытная ситуация: сюжет песни переводится на язык кино, лиро-эпическое произведение (думается, слова «Видеомагнитофона» в родовом плане можно охарактеризовать так) нарративизуется средствами синтетического киноискусства. Две ситуации — песенная и киношная — соотносятся друг с другом, проецируются друг на друга, вступают друг с другом в диалог и, как результат, взаимообогащаются в плане смысловом: ироничная песня благодаря фильму может быть воспринята как более серьезная, а драматизм сцены из кино несколько редуцируется ироничными словами песни.

Таким образом, в фильме «Начни сначала» можно увидеть несколько способов взаимодействия киноряда и песен, не вошедших в фильм. И во всех таких случаях киноряд будет прирастать смыслами песен, а песни — смыслами фильма; два вида искусства оказываются тут в отношениях диалога. (Конечно же, отношения такого рода можно увидеть не только между фильмом и песнями, не вошедшими в фильм, но и между фильмом и песнями, звучащими в нем.) И примечательно, что в эпизоде с видеомагнитофоном возникает еще один очень важный подтекст, подтекст, связанный с творчеством и личностью Владимира Высоцкого. Высоцкий, согласно картине, является идеалом для Коли Ковалева. И когда в квартире Коли случается напряженная ситуация с гостями, которые не хотят слушать песни хозяина, а хотят смотреть видик, то товарищ Ковалева Холодков, чтобы разрядить ситуацию, ставит кассету с записью выступления Высоцкого. Здесь используется прием «кадр в кадре»: на экране Колиного телевизора Высоцкий исполняет песню «Я не люблю». Гости Коли смотрят на экран, слушают песню, обсуждают Высоцкого. Не буду анализировать сейчас этот очень важный для понимания фильма эпизод — надеюсь сделать это в будущем. Пока же только укажу, что и здесь возникает диалог, в котором принимают участие сразу несколько коммуникантов, а точнее — коммуниканты разного уровня. С одной стороны — это Высоцкий, а с другой — и Коля Ковалев с его оппонентами (в данной сцене Коля ссорится с одним из гостей, который сплетничает по поводу Высоцкого), и исполняющий роль Коли Андрей Макаревич, и зрители, который смотрят и на кадр первичный, и на кадр вторичный, на кадр в кадре. Причем тут возможна и коммуникативная ситуация между, например, Макаревичем и Колей, т. е. актером и его ролью; между зрителями и персонажами... Но это уже совсем за пределами моих сегодняшних размышлений.

Разумеется, названными аспектами возможный анализ фильмов Стефановича не исчерпывается; уверен, что каждый найдет в этих

картинах что-то любопытное для себя. Я же только повторяю, что и фильм «Душа», и фильм «Начни сначала» нельзя назвать в полной мере рок-фильмами. Обращение же отечественного кинематографа к року в концептуальном аспекте следует отнести к поперестроечному времени — ко второй половине 80-х.

И имеющиеся образцы со всей очевидностью показывают, во-первых, сколь велик был кинематографический потенциал рок-героев той поры, во-вторых, сколь мало этот потенциал был использован. Под образцами я понимаю три фильма: «Асса» (1987, режиссер Сергей Соловьев), «Взломщик» (1987, режиссер Валерий Огородников), «Игла» (1988, режиссер Рашид Нугманов). В «Ассе» главный герой — рок-музыкант, а небольшую роль исполнил Виктор Цой; во «Взломщике» в главной роли задействован Константин Кинчев, а в небывшей роли — Олег Гаркуша; в «Игле» в главных ролях снялись Виктор Цой и Петр Мамонов. Не менее важно, что во все три фильма были включены рок-песни: в «Ассе» песни «Аквариума», «Браво», «Кино» и других, во «Взломщике» — песни «Алисы», «Аукциона» и других, в «Игле» — песни «Кино». С моей точки зрения, ни один из этих фильмов нельзя назвать шедевром (разве что шедевром упущенных возможностей и нереализованных потенциалов). «Асса», пожалуй, более удачен и с интересом смотрится и теперь; «Игла» и особенно «Взломщик» менее удачны. А еще все три фильма объединяет криминальная тема, что, как представляется, никак нельзя назвать сильным ходом в плане репутации рока в массовом сознании, т. е. условный обыватель, посмотрев рок-фильмы 80-х гг., может для себя решить, что рок и криминал неразрывно связаны друг с другом. Но при всех своих недостатках рок-кино той поры — благодатный материал для исследователя.

Удобнее всего вести это изучение с позиций осознания того, что перед нами синтетический текст, инкорпорированный в другой синтетический текст, другой по природе, по сути своей. И тогда получается, что синтетический текст рок-песни, обладающий определенными смыслами, при попадании в контекст синтетического текста фильма какие-то смыслы, возможно, утрачивает, но вместе с тем и приобретает смыслы, невозможные вне киноконтекста.

Вот простой пример такого смыслообразования. Песня группы «Браво» «Чудесная страна» (вокал — Жанна Агузарова) вне контекста фильма Соловьева представляет из себя романтическую утопию, объединившую в себе воспоминание о прекрасном прошлом и, как следствие таких воспоминаний, мечты о прекрасном будущем¹. Однако в фильме песня звучит в эпизоде, отнюдь не располагающем к светлым мечтам: Алика только что совершила убийство Крымова и теперь под наблюдением сотрудников КГБ одевается и собирает вещи, чтобы ехать в тюрьму; девушка просит позволения поставить кассету — сборы

¹ Впрочем, существует и совсем иное толкование песни, толкование, лежащее в сфере наркокультуры.

сопровождаются песней «Браво». Здесь едва ли не полностью утрачиваются смыслы, связанные с мечтами, но в еще большей степени, чем прежде, актуализируются смыслы, соотносимые с воспоминаниями, что усиливает и происхождение этой кассеты: Бананан отдал кассету Алике со словами: «Когда тебе станет окончательно плохо, поставь эту кассету». Воспоминания конкретизируются тем, что зритель под песню «Браво» может представлять, как хорошо было Алике с Банананом в чудесной стране любви, и осознавать, что она потеряла, потеряла навсегда.

Особым образом функционируют и другие песни в контексте фильма «Асса»: например, заглавный герой знаменитой песни «Старик Козлодоев» «Аквариума» в исполнении Бананана со всей очевидностью проецируется на Крымова, а звучащая в финале песня «Перемен!» группы «Кино» соотносится с сюжетом уже хотя бы тем, что преподносится как гимн поколения Бананана, поколения тех, для кого рок-музыка стала лучом света в темном царстве. И сюжет фильма обретает дополнительные смыслы благодаря звучащим с экрана песням. Так, все та же «Перемен!» превращает финал фильма из пессимистического (Бананан убит, Алика арестована за убийство Крымова) в оптимистический — на место Бананана в ресторан пришел новый певец (Виктор Цой), который чудесным образом прямо из кабинета заведующей рестораном попадает на большую концертную площадку и поет свою песню уже перед огромным скоплением поклонников. Таким образом, жизнь не просто продолжается, а еще и несет в себе большие позитивные перемены. Схожим образом можно рассматривать и включение рок-песен в фильмы «Взломщик» и «Игла». И каждый конкретный пример заслуживает отдельного рассмотрения.

Впрочем, российский рок-кинематограф не завершил свое существование в 1980-е гг., а продолжал активно развиваться, предлагая разнообразные формы своей реализации. Действительно, рок-кино может быть очень разным; точнее сказать, рок в кино может проявляться по-разному; возможны даже своего рода типологии такого проявления. И в этой связи хочу отметить две статьи А. В. Фадеевой [Фадеева, 2013; 2014], где рассматривается целая система фильмов, так или иначе соотносимых с личностью и творчеством Виктора Цоя. Думаю, что работы такого рода позволяют увидеть в рок-культуре новые смыслы. Я же хочу указать на еще один уровень рассмотрения рок-кино — проследить, как работают саундтреки в разных фильмах одного режиссера. Можно здесь вспомнить названные выше два фильма Александра Стефановича или то, что соловьевская «Асса» не только стала первой частью трилогии (вторая часть «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» (1989), третья часть «Дом под звездным небом» (1991)), но и получила в итоге авторский сиквел — «2-Асса-2» (2008); нельзя не упомянуть и проект «Игла Remіx», осуществленный режиссером оригинальной «Иглы» Рашидом Нугмановым в 2010 г. Все названные фильмы не просто продолжают или развивают концепции образцов рок-кино 80-х, но и содержат саундтреки,

созданные рокерами, — Борисом Гребенщиковым, Сергеем Шнуровым, Виктором Цоем.

Самая же, на мой взгляд, репрезентативная фигура нашего кинематографа в аспекте его соотнесения с роком — режиссер Алексей Балабанов. Практически в каждом его фильме саундтрек строился на композициях русского рока. И можно сказать, что Балабанов выработал особую концепцию саундтрека, который зачастую не просто соотносится с содержанием фильма, а выступает в функции полноценной и фактически равной фильму системы, приему своего рода. Прием этот был наглядно продемонстрирован режиссером уже в первом «Брате» (1997). Практически весь саундтрек составили песни группы «Nautilus Pompilius» в оригинальном авторском исполнении. Каждая из песен, как показывают наблюдения, выступает в «Брате» в семантически значимой привязке к тому эпизоду картины, в котором она звучит. И получается, что герой песен «Nau»² оказывается своего рода лирическим двойником героя фильма «Брат» Данилы Багрова. Вернее, двойничество — один из типов взаимодействия героев песен и картины, т. е. формируется многоплановый диалог саундтрека и фильма; особенность же этого диалога заключается в том, что разные и даже автономные точки зрения лирического героя «Nau» и киноперсонажа воспринимаются как нераздельное (но и неслиянное) единство, обладающее совершенно особым, даже уникальным смысловым наполнением, работающим в числе прочего на то, что боевик превращается в пародию на боевик, но до конца пародией так и не становится, парадоксально продолжая оставаться боевиком.

Несколько иная концепция функционирования саундтрека в «Брате 2», фильме, сделанном (во многом благодаря музыке) уже как пародия на пародию. Рок-культура представлена тут многоголосым и разноплановым единством, вступающим в сложные диалогические отношения с персонажами фильма, с самим действием. Характеристика целых эпизодов строится на корреляции киноряда и сопровождающих его песен. Например, сцена обнаружения Данилой убитого друга сопровождается «Линией жизни» «Сплина», а знаменитый эпизод, в котором Данила, словно в компьютерной игре, расстреливает сотрудников «фирмы» Мениса — «Полковником» «Би-2». В первом случае песня «Сплина» подчеркивает драматизм эпизода, во втором же случае «Полковник» несколько парадоксальным образом переводит жестокую по сути сцену в игровую и даже ироничный, какой-то как бы тарантиновский план. И ведь сами по себе ни песня «Би-2», ни киноряд ироничными не являются (ну разве что таким образом может быть понята отсылка к компьютерной игре-стрелялке), однако в системе оба эти субтекста порождают эффект очень своеобразной иронии, такой иронии, когда зрителю разом и смешно, и страшно.

Похожий смысл можно увидеть и относительно тех песен, что становятся в «Брате 2» средством характеристики персонажа. Так, Виктора

² О специфике этого героя на примере одного из альбомов Nau см.: [Селезова, 2011].

сопровождает «Вечно молодой» «Смысловых галлюцинаций»; текст этой песни без особых провалов проецируется на, мягко говоря, непростой характер героя Сухорукова. И все было бы однозначно, если бы в сцене отправления из Шереметьево Витю (как, впрочем, вслед за тем и Данилу) не сопровождала прозвучавшая громко и полностью загадочная и знаменитая «Дорога» «Аукциона». Как представляется, подключение этого трека существенно корректирует, как-то даже углубляет характер старшего брата. Подчеркну, что сказанное здесь — не более чем общие и довольно внешние наблюдения, которые напрашиваются, но, вне сомнения, нуждаются в более пристальном исследовательском внимании.

Кроме того, при анализе рок-составляющей второго «Брата» нельзя забывать и о том, что после выхода фильма создатели его, помимо официального саундтрека, выпустили еще и музыкальный проект «Брат 2 (За кадром)», куда были включены песни, которые либо не прозвучали в фильме, хотя и были запланированы (примерно тот же самый минус-прием я выше уже пытался немного показать на примере нескольких песен, не вошедших в «Начни сначала» Стефановича), либо прозвучали очень тихим фоном, как, например, «Розовые очки» «Смысловых галлюцинаций» (в картине эту песню можно расслышать в сцене в бане — когда Костя Громов с любовью рассказывает о своем брате хоккеисте Мите, играющем в НХЛ, и смысл диалога заглавного мотива песни и реплик персонажа тут вскоре становится очевиден зрителю, когда тот увидит, каким не очень хорошим человеком на самом деле является Митя).

Иные песни этого саундтрека дополняют смыслами те или иные эпизоды фильма. Например, реплика уводимого чикагскими полицейскими Вити «Я остаюсь, я буду здесь жить!» вступает в диалогическое взаимодействие с песней «Черного обелиска» «Я остаюсь», песней, не вошедшей в фильм, но обогащающей фильм дополнительными смыслами. Благодаря такому взаимодействию сам характер Вити становится сложнее, а ситуация переводится в более универсальный план. Впрочем, и известная песня через соотнесение с эпизодом фильма тоже обогащается смыслами, которые были бы просто невозможны вне диалога с кинорядом.

И еще один момент, касающийся «Брата 2»: следует учитывать и то, что не все песни, звучащие в фильме, относятся к русскому року. Так, можно указать на песни в исполнении Ирины Салтыковой и на некогда популярную песню «Стюардесса по имени Жанна». В этом случае мы можем уже говорить о своеобразном конфронтационном диалоге рока и поп-музыки; и важно, что этот диалог ведется в пределах единого саундтрека. Кстати, нечто подобное можно было наблюдать и в «Начни сначала», где герой Игоря Скляра исполнял весьма популярную в середине 80-х (кстати, именно в исполнении Скляра и задолго до появления фильма) песню «Комарово» — легкую, эстрадную, совсем не роковую и не бардовскую. «Комарово» в фильме Стефановича вступает в диалог с песнями Макаревича, и это диалог двух видов

искусства — искусства ложного и искусства подлинного. Но вернусь к фильмам Балабанова.

Принцип не только персонального, но и стиливого многоголосья был использован Балабановым в саундтреке к «Грузу 200» (2007). Что общего между «Травой у дома» группы «Земляне», «Хафананой» мозамбикского певца Африка Симона, «Плотом» Юрия Лозы, песней «В краю магнолий», исполненной группой «Ариэль», и грустной солдатской песней про «дембель в январе»? Все эти песни — очень разные относительно друг друга — объединяет то, что в сознании взрослого зрителя начального десятилетия XXI в. они соотносятся с первой половиной 1980-х; таков общий знаменатель этой довольно разноплановой в стиливом аспекте парадигмы. Очень разные песни создают музыкальную мозаику времени. Как и в более ранних балабановских фильмах, есть песни, сопровождающие конкретных героев (укажу, например, на то, что «В краю магнолий» звучит тогда, когда зритель видит эпизоды с участием Артема — профессора из Ленинграда), есть песни, включенные в ключевые сцены (самая, пожалуй, запоминающаяся из таких сцен это та, где Журов свою жертву везет на мотоцикле с коляской под песню «Плот»). И в саундтреке фильма, конечно же, нашлось место и року; причем — в сильной позиции, в самом финале картины. Молодые герои «Груза 200» волею случая встречаются на концерте группы «Кино», вдалеке видна сцена, на ней видны какие-то люди; звучит песня «Время есть, а денег нет». Тоже знак того времени, но и знак времени нового — того, что идет следом... Для будущего исследования финала «Груза 200» несомненно будет важен и тот факт, что в сценарии фильма Славик и Валера находятся не на концерте «Кино», а на концерте другой ленинградской группы — «Аукцион» [Балабанов, 2007. С. 474]. Важно, почему произошла данная замена, но не менее важно и то, что породила эта замена при последующей рецепции, т. е. какие смыслы появились в финале балабановского фильма с появлением группы «Кино», а какие с исчезновением «Аукциона» утратились.

Своя специфика у саундтреков в прочих фильмах Балабанова — в «Войне», в «Жмурках», в «Кочегаре». И каждый раз режиссер придумывал какой-то новый ход, новый прием включения рок-поэзии в кинотекст. И последний фильм Балабанова «Я тоже хочу» (2012) не стал исключением. В саундтреке этой картины использован прием из первого «Брата» — все семь песен, составивших, согласно титрам, музыкальный ряд «Я тоже хочу», принадлежат одному исполнителю — Леониду Федорову, лидеру уже не раз мною упомянутой группы «Аукцион»: три песни («Жидоголонга», «Голова-нога» и «Зимы не будет») с альбома 2001 г. «Анабэна» и четыре («Весна», «Душа», «Тетрадь», «Элегия») с совсем нового, вышедшего в 2012 г. альбома «Весна». Добавлю так же, что автором большинства текстов традиционно для Федорова является Дмитрий Озерский, однако, согласно титрам фильма Балабанова, три из четырех песен с альбома «Весна» — это «Тетрадь»,

«Элегия» и частично «Весна»³ — написаны на стихи поэта-обэриута Александра Введенского.

Саундтрек в «Я тоже хочу», как я уже отметил, сделан по моно-авторскому принципу саундтрека первого «Брата». Но если в «Брате» лирический рок-герой Nautilus'a вступал в диалогические отношения с главным героем фильма, благодаря чему два героя нераздельно-неслиянно взаимодополняли друг друга, то в «Я тоже хочу» отношения песен Федорова к системе персонажей строятся по-иному. В последнем балабановском фильме нет ярко выраженного центрального героя — таковых, как минимум, сразу четверо. И лирический рок-герой Федорова ведет диалог сразу со всеми ими. Однако дело даже не в этом, а в том, что в системе персонажей фильма есть один персонаж, который существенно корректирует представление о специфике взаимодействия саундтрека и киноряда. Это музыкант, роль которого исполняет Олег Гаркуша — шоумен «Аукциона». На этом основании можно сделать весьма, как мне представляется, любопытные (пусть пока и предварительные) выводы: между лирическим рок-героем, представленным в фильме голосом Леонида Федорова, и персонажем с внешностью Олега Гаркуши формируются совершенно особые отношения, основанные на культурной репутации Федорова и Гаркуши. Оба — участники «Аукциона»; один — его голос, второй, если можно так выразиться, его лицо. На основании этого дополнительные смыслы фильма «Я тоже хочу» рождаются не просто на стыке киноряда и саундтрека, а на вполне определенном стыке поведения, характеристики одного из персонажей и рок-композиций, сопровождающих действие фильма: получается, что эти песни поются как бы от лица персонажа, музыканта, который в этой связи может быть воспринят как реальная персонификация лирического рок-героя, ну а рок-герой в той же степени может быть воспринят как лирическая, музыкальная персонификация киногероя. Но полного слияния не происходит. В итоге видим, что лирический рок-герой Федорова и киноперсонаж Олега Гаркуши находятся относительно друг друга все же в тех самых отношениях нераздельности-неслиянности. Из этого в полной мере можно исходить, исследуя взаимодействие саундтрека и киноряда в фильме Балабанова «Я тоже хочу». Но, разумеется, не только из этого.

Углубление диалогических отношений, характерных для саундтрека в этом фильме, происходит еще по ряду моментов. Тут следует обратить внимание на специфику по крайней мере двух песен с альбома «Весна», песен на стихи Введенского. Примечательно, что федоровская «Элегия», в основу которой положено одноименное стихотворение Введенского, не ограничивается только этим источником. Да, текст «Элегии» Введенского в песне воспроизводится полностью и без еди-

³ Про песню в «Весна» в титрах к фильму «Я тоже хочу» написано: «сл. А. Введенский, Дм. Озерский, музыка Л. Федоров».

ного изменения по так называемому списку Н. И. Харджиева⁴, однако в начале песни звучат строки совсем не из названного стихотворения Введенского, а из его же пьесы «Елка у Ивановых». Начало песни выглядит так (я воспроизведу эти сегменты согласно принятой при публикации текстов Введенского пунктуации и орфографии⁵):

Эй слуги, огня.
 Эй слуги, огня.
 Эй слуги, огня.
 Я пред вами.
 Вяжите меня.
 Лежите меня.
 И казните меня⁶.

И только после этих слов в песне Федорова идет полный текст собственно «Элегии». Начальный же сегмент являет собой инверсированный диалог из уже названной пьесы Введенского. Вот как выглядит это в драме «Елка у Ивановых» (приведу и окружающий контекст):

Д е т и (*хором*)
 Нянька топором
 Сестренку нашу зарубила.

П о л и ц и я
 А где же убийца?

Н я н ь к а
 Я пред вами.
 Вяжите меня.
 Лежите меня.
 И казните меня.

П о л и ц и я
 Эй слуги, огня.

С л у г и
 Мы плачем навзрыд,
 А огонь горит.

Н я н ь к а (*плачет*)
 Судите коня,
 Пожалейте меня.

⁴ Всего известно порядка пяти списков «Элегии» Александра Введенского, но тот, что поется Леонидом Федоровым, принято считать самым авторитетным (см.: [Мейлах, 1993. С. 198]).

⁵ Тексты А. Введенского здесь и далее привожу по изданию: [Введенский, 1993].

⁶ Нельзя не указать на то, что при исполнении данного сегмента нарушается изначальная расстановка синтаксических пауз; троекратно повторенная фраза у Фёдорова звучит так: «Эй, слуги огня». То есть просьба принести огонь превращается в обращение к неким слугам огня, огнепоклонникам.

У Федорова получается, что драматургический диалог Няньки и Полиции не только инверсировался (реплика «Эй слуги, огня» звучит в песне раньше того, что у Введенского произносит Нянька, и звучит, как «Эй, слуги огня»), не только поставил в сильную позицию начала фигуру прибавления, трижды воспроизведя реплику Полиции, но, самое главное, стал лирическим высказыванием, принадлежащим одному субъекту. Однако такая нарочитая монололизация драмы, осуществленная через слияние ее сегмента с сугубо лирическим высказыванием «Элегии» Введенского, как это ни парадоксально, в результате усилила диалогическую природу в пределах одной песни. Драматургический диалог редуцировался, но актуализировался диалог двух различных в родовом плане произведений Введенского — драмы «Елка у Ивановых» и лирического стихотворения «Элегия». А в итоге этот межродовой диалог оказался инкорпорирован в диалог большего формата — уже названный диалог нераздельно-неслиянных федоровского лирического героя и балабановского персонажа в исполнении Олега Гракуши. Думается, что рассмотрение специфики такой диалогической инкорпорированности — дело близкого будущего. Пока же мне важно было продемонстрировать данный факт.

Второй пример из саундтрека к фильму Балабанова «Я тоже хочу» мне представляется еще более интересным в плане экспликации диалогических отношений. Выше я указал, что заглавная песня альбома Федорова «Весна» написана на стихи Александра Введенского и Дмитрия Озерского. Вот текст песни целиком:

Горе выпил до дна,
Завтра будет война,
Отпевая весну,
Сын ушел на войну.
Ночь над нами, как чай,
Чайкой в небе печаль,
...Ты не отвечай...
Звезды с тысячью жал
Цепко в лапах держал,
Смерть над полем кружит,
Сын мой рядом лежит.
Ночь над ним — как река,
Чайкой в небе тоска,
...Подожди пока...

Вдруг музыка гремит
Как сабля о гранит,
Все открывают дверь
И мы въезжаем в Тверь.
Не в Тверь, а просто в зало,
Наполненное елкой.
Все прячут злобы жало,
Один летает пчелкой,
Другая мотыльком

Над елки стебельком,
 А третий камельком,
 Четвертая мелком,
 А пятый лезет на свечу
 Кричит, и я, и я рычу,
 Кричит, и я рычу...

...Скоро будет весна...
 ...Вот и стала весна...

Первые четырнадцать стихов по приведенному тексту — оригинальное стихотворение Озерского. Далее от стиха «Вдруг музыка гремит» и до стиха «Кричит, и я рычу, и я рычу» — текст Введенского (нельзя не заметить, что текст Озерского почти весь написан двустопным анапестом, а текст Введенского — трехстопным ямбом). После этого повтор «Кричит, и я рычу» и концовка, где отсутствующие у Введенского слова «...Скоро будет весна... // ...Вот и стала весна...» перемежаются с голосовыми звуками «на-на-на-на-на...»

Источником текста Введенского стала вновь пьеса «Елка у Ивановых». Вот как там выглядит «введенская часть» «Весны» (приведу ее в некотором контексте, сохраняя пунктуацию оригинала):

Вдруг открывается дверь. В дверях стоят родители.

Пузырев-отец. Ну веселитесь. Что могло и сделал. Вот ель. Сейчас и мама сыграет.

Пузырева-мать (*садится без обмана к роялю, играет и поет*).

Вдруг музыка гремит
 Как сабля о гранит,
 Все открывают дверь
 И мы въезжаем в Тверь.
 Не в Тверь, а просто в зало
 Наполненное елкой.
 Все прячут злобы жало,
 Один летает пчелкой,
 Другая мотыльком
 Над елки стебельком,
 А третий камельком,
 Четвертая мелком,
 А пятый лезет на свечу
 Кричит, и я, и я рычу.

Петя Перов (*мальчик 1 года*). Елка я должен тебе сказать. Какая ты красивая.

Здесь даже в сравнении с тем, что я обозначил применительно к песне «Элегия», диалогические отношения выглядят еще более сложными. Прежде всего, следует указать на наличие коммуникативной ситуации в вербальном компоненте песни Федорова «Весна», где в диалог вступают последовательно сменяющие друг друга и фактически равные по объему тексты Озерского и Введенского. Два поэта нахо-

дятся в состоянии коммуникативной ситуации. Но благодаря единому контексту песни, единому вокалу, общей музыке реплики двух коммуникантов сливаются в единое высказывание, расчленить которое можно лишь актуализировав литературный источник второй части или же сосредоточившись на разнице в стихотворных размерах. И смыслы рождаются здесь как при слиянии двух голосов в один, так и при расчленении одного голоса на два. При этом в аспекте смыслопорождения следует учитывать и иные параметры. В частности, то, что текст Введенского изначально находился в произведении драматургического рода, строящегося на диалоге как таковом, т. е. изначальная природа сегмента «Вдруг музыка гремит...» зиждется на том, что это реплика в драме. Кроме того, важным для характеристики данного сегмента у Введенского оказывается паратекстуальное указание на его презентацию — героиня «играет и поет». Следовательно, и в сугубо литературном (пусть и драматургическом) источнике перед нами песня. Таким образом, при возможном в будущем уяснении смыслов, порождаемых песней «Весна» в составе саундтрека фильма «Я тоже хочу», надо учитывать не только диалогическую природу взаимодействия субъекта песни и героя фильма, но и диалогическую природу вербального субтекста, и драматургическую природу происхождения текста Введенского, и указание на то, что в драме-источнике этот текст, согласно ремарке, должен петься. Таковы лишь некоторые предварительные замечания относительно грядущего исследования песни «Весна» в последнем балабановском фильме.

Пока же позволю себе обобщить: и в фильме «Я тоже хочу», и в других балабановских, да и не только балабановских, фильмах — тех фильмах, что в той или иной степени используют русский рок, — есть великое множество моментов, аспектов, уровней, которые могут и должны привлечь внимание исследователей.

Итак, относительно рок-кино уместно рассматривать коммуникацию синтеза рока и кино с реципиентом. Но в то же время не менее интересно рассмотрение диалога рока и кино, саундтрека и киноряда, включающего в себя и сюжет, и систему персонажей, и детали, и многое другое. Особенно любопытной, как показывают предварительные наблюдения, оказывается коммуникативная ситуация, складывающаяся между героем фильма и лирическим рок-героем из песен саундтрека. Таковы в самом общем виде выводы, которые можно сделать на данный момент. И эти выводы открывают перед исследователем очень большие перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

- Балабанов А. Груз 200 и другие киносценарии. СПб.: Сеанс; Азбука, 2007. 512 с.
- Мейлах М. Примечания // Введенский А. И. Полное собрание произведений: в 2 т. Т. 2.: Произведения 1938–1941. Приложения. М.: Гилея, 1993. С. 5–47.
- Селезова Е. А. Альбом «Разлука» (1986) «Nautilus-Pompilius»: лирический субъект и образ исполнителя // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь; Екатеринбург, 2011. Вып. 12. С. 155–162.

- Фадеева А. В. Эрзац-звезда: Цой и кинематограф // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь; Екатеринбург, 2013. Вып. 14. С. 118–124.
- Фадеева А. Д. Звезда: Цой и кинематограф // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь; Екатеринбург, 2014. Вып. 15. С. 156–161.

REFERENCES

- Balabanov A. *Gruz 200 i drugie kinoscenarii* [The freight 200 and other Filmscripts]. Saint Petersburg, Seans, Azbuka Publ., 2007, 512 s.
- Mejlah M. *Primechanija* [Commentaries]. In: Vvedenskij A.I. *Polnoe sobranie proizvedenij*. Vol. 2. *Proizvedeniya 1938–1941. Prilozheniya*. Moscow, Gileja Publ., 1993, pp. 5–47.
- Selezova E.A. *‘Al’bom “Razluka” (1986): “Nautilus Pompilius”: liricheskij sub’ekt i obraz ispolnitelja’* [The album “Separation” (1986) by “Nautilus-Pompilius”: a lyrical hero and performer’s image]. *Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst*. Tver; Ekaterinburg, 2011, issue 12, pp. 155–162.
- Fadeeva A.V. *‘Ersatz-zvezda: Tsoi i kinematograf’* [Ersatz-star: Tsoi and cinema]. *Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst*. Tver; Ekaterinburg, 2013, issue 14, pp. 118–124.
- Fadeeva A.D. *‘Zvezda: Tsoi i kinematograf’* [Star: Tsoi and cinema]. *Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst*. Tver; Ekaterinburg, 2014, issue 15, pp. 156–161.

Юрий Викторович Доманский

Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Yuri Domanskiy

Doctor of Philology, Professor
Russain State University for the Humanities, Russia

E-mail: domanskii@yandex.ru

И. Дулебова

Университет им. Коменского, Братислава, Словакия

РУССКИЕ АВТОРЫ НА СЛОВАЦКОЙ СЦЕНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

Ключевые слова: современный словацкий театр, русская классическая литература, современная русская драматургия, инсценировка прозы.

В статье анализируется рецепция русских авторов (драматургов и прозаиков) на сценах современных словацких театров, ставится вопрос о причине предпочтения тех или иных произведений русской литературы словацкими режиссерами, комментируется новаторский подход постановщиков. Делается вывод, что в театральном мире Словакии по-прежнему наибольшей популярностью пользуется русская классика, и предпринимается попытка объяснить данный феномен. Уделяется внимание популярной сегодня в Словакии тенденции инсценировок популярных прозаических классических произведений, подробнее рассматриваемой на примере постановки «Анны Карениной» в Словацком национальном театре. Анализируются причины незаинтересованности словацких режиссеров в произведениях драматургов советского периода и в новой русской драме и констатируется факт присутствия современной российской драматургии пока что преимущественно на словацкой студенческой, молодежной и экспериментальной сцене. Тема исследования является актуальной по той причине, что в Словакии сегодня наблюдается падение интереса читательского, но отнюдь не театрального зрительского. Ввиду значительного сокращения в словацкой школьной программе раздела, посвященного русским авторам, для молодого словака театральные встречи с произведениями русской литературы часто становятся первыми, побуждающими к дальнейшему ознакомлению, что подтверждают и результаты нашего анкетирования в студенческой аудитории.

Irina Dulebova

Comenius University, Bratislava, Slovakia

RUSSIAN AUTHORS ON THE SLOVAK STAGE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Keywords: modern Slovak theatre, Russian classical literature, modern Russian drama, prose stage version.

The article examines how Russian authors (playwrights and novelists) are perceived by modern Slovak theatres; discusses the preferences of Slovak directors in choosing works of Russian literature for a stage adaptation; comments upon an innovative approach adopted by the stage

¹ Статья подготовлена в рамках проекта VEGA с регистрационным номером 1/0078/13 *Kľúčové etapy vývoja ruského umenia 19. a 20. storočia a ich rezonancia v európskom kultúrnom priestore.*

directors. It draws a conclusion that Russian classical literature still enjoys the most popularity and attempts to support this assumption. It sheds light on the great tendency in Slovakia to adopt popular classical works in prose, in particular, the stage adaptation of "Anna Karenina" in Slovak National Theatre. It analyses the reasons why Slovak directors lack interest in works by the Soviet playwrights and contemporary Russian writers; it also states that contemporary works by Russian authors are mostly performed in student, youth and experimental theatres. The topic seems to be up-to-date because Slovakia is witnessing a decrease of interest in reading rather than in theatre. Due to a significant reduction of the section of the Russian literature in the Slovak school education programme, Slovak young people are more likely to get acquainted with Russian literature just in theatres, which encourages them to delve deeper into the Russian literature, which is proved by the results of the survey conducted among the students.

Отмечаемая во всем мире тенденция снижения общего уровня читательской культуры характерна сегодня и для Словакии, и словацкие специалисты в связи с этим высказывают множество негативных прогнозов. Но при этом они же подчеркивают парадоксальную ситуацию падения интереса читательского, но отнюдь не театрального зрительского. Перефразируя крылатые слова Е. Евтушенко применительно к словацким реалиям, можно сказать, что «театр в Словакии больше, чем театр». Это обусловлено исторически и остается актуальным сегодня. Поскольку анализ данного явления не входит в задачи нашей статьи, ограничимся лишь кратким количественным, но, на наш взгляд, весьма наглядным показателем: в относительно небольшой Братиславе театральных сцен на одного жителя приходится в среднем в два раза больше, чем, например, в Петербурге² (при этом рассчитывать в той же мере на приезжих зрителей не приходится, поскольку в туристическом отношении Братислава Петербургу, безусловно, уступает). Весьма популярно посещение театров сегодня и у словацкой молодежи, что подтверждает наша педагогическая университетская практика последних лет. В каждой новой группе мы проводим вступительный (анонимный) ассоциативный тест на словацком языке, в котором задаем понятия-стимулы *русская культура, русская литература, русский автор, русский литературный герой, русская книга*. По нашим подсчетам, за последние восемь лет понятию-стимулу *русский автор* наиболее часто (в порядке убывания) соответствовали слова-реакции *Чехов, Толстой, Достоевский, Гоголь*, а понятию-стимулу *русская книга* — «Анна Каренина», «Братья Карамазовы», «Чайка», «Идиот», «Евгений Онегин» и «Ревизор». Последующие подробные опросы студентов показали, что данный факт объясняется не только и не столько присутствием русских авторов в программе словацкой средней школы (после 1989 г. весьма скромным, в рамках предмета «Мировая литература» подробно анализируется только Толстой), но главным образом — частыми и повсеместными постановками на словацкой сцене (Гоголя,

² В Санкт-Петербурге насчитывается около 100 театров и театральных коллективов (на 5 млн человек), в Братиславе — 21 театр (на 450 тысяч жителей). Всего в Словакии 56 театров.

Чехова и Достоевского). По нашим подсчетам, в 1995–2014 гг. в театрах Словакии было осуществлено 138 постановок по произведениям русских авторов (из них 35 — Чехов, 20 — Гоголь, 17 — Достоевский, 12 — Островский, 6 — Горький, 3 — Андреев, 2 — Пушкин, 2 — Салтыков-Щедрин, 2 — Гончаров, 2 — Булгаков, 2 — Лермонтов, 2 — Толстой). Как видим, 105 из 138 имен относятся к той литературе, которая у наших студентов ассоциируется в тесте чаще всего со словами *великая* и *классическая*.

Первой постановкой русского автора в Словакии стал «Ревизор» Гоголя в 1871 г. на любительской сцене в Мартине. В этой постановке присутствовала встречающаяся и сегодня и отнюдь не всеми однозначно воспринимаемая далеко идущая актуализация и «словакизация», при которой Хлестаков стал Куриным, Осип — Мишкой, действие происходит в Турчианском Мартине, а Хлестаков-Курин хвастается дружбой не с Пушкиным, а с Колларом и Голлым [Podmaková, 2011]. До того, как в 1920 г. был основан Словацкий национальный театр (далее — СНТ), любительские театры Словакии, ввиду отсутствия переводов, играли русских авторов нечасто: чеховские одноактные комедии «Медведь» и «Сватовство», гоголевские «Ревизор» и «Женитьба». Уже в год основания СНТ в нем была осуществлена постановка «Власти Тьмы» Толстого, в следующем году — «Ревизора» Гоголя. Большое влияние на формирование поэтики словацкого национального театра оказали неофициальные гастроли качаловской труппы Художественного театра, представившей в Братиславе в 1921 г. «Три сестры», «На дне», «На всякого мудреца довольно простоты». Вдохновленные встречей с Художественным театром известные словацкие режиссеры, основоположники современного словацкого театра Я. Бородач и Я. Ямницкий, обращаются к русским текстам, а позже в Москве встречаются с Таировым, Охлопковым, Мейерхольдом, и в дальнейшем последовательно развивают в Словакии традицию русского театра [Podmaková, 2011].

В первый же сезон после окончания Второй мировой войны (1945–1946) режиссеры И. Будский и Я. Ямницкий поставили спектакль-поэму по произведениям Д. Бедного, М. Светлова, В. Маяковского и других советских поэтов. Под влиянием социально-политических изменений в обществе в репертуаре театра появляются и новые пьесы: «Кремлевские куранты» (1947), «Враги» (1950), «Любовь Яровая» (1952) и т. д. В 70-е гг. были осуществлены постановки более 130 произведений русских авторов, в 80-е — более ста. Как свидетельствует статистика, до 1989 г. ежегодно в социалистической Словакии появлялось около 15 публикаций русских драматургических текстов, а в театрах ставилось примерно 11 русских пьес [Mattová, Lorková, Haburová, 2010]. После 1989 г. количество переводов и постановок русских пьес резко падает: в 1990 вышло еще шесть переводов русских драматургов, в 1991 — уже ни одного, в 1992 — только один («Пьесы» Л. Андреева в переводе В. Миклулашевой), и только в 1997 г., после пятилетнего издательского

перерыва, в свет выходит сборник «Русская драматургия символизма» (в котором впервые словацкому читателю представлены в качестве драматургов Ф. Сологуб, А. Блок, В. Иванов; составитель и переводчик тома — Е. Малити-Франева), а в 1998-м выходит сборник пьес Н. Садур (пер. Е. Малити-Франевой и О. Руппелдтовой). Далее последовал почти десятилетний издательский перерыв, пока в 2008 г. в Институте театра не вышла в свет антология «Русская драма» (в переводах Е. Малити-Франевой и Р. Малити), в которую вошли произведения современный русских драматургов: «Кухня» М. Курочкина, «Пойдем, нас ждет машина...» Ю. Клавдиева, «Летит» О. Мухиной, «Волчок» В. Сигарева, «Июль» И. Вырыпаева, а также аналитическая сопроводительная статья Джона Фридмана, известного культуролога и театрального критика. В 2009 г. в переводе Я. Штрассера изданы пьесы В. Сорокина «Пельмени» и «Dostoevsky-Trip». Однако надо заметить, что современные российские драматурги присутствуют пока что преимущественно на словацкой студенческой, молодежной и альтернативной, экспериментальной сцене. Исключением стали лишь постановки в 1997 г. в театре г. Нитра пьесы Нины Садур «Панночка» (по мотивам повести Гоголя «Вий»), в 2003 г. в братиславском театре «Арена» пьесы «You» О. Мухиной (с участием на премьере автора, которая чрезвычайно высоко оценила постановку, заметив, что она своей «нежностью и бергмановской атмосферой» понравилась ей более, нежели московские), в 2008 г. «Зимы» Е. Гришковца в братиславском театре «Асторка» и в 2013 г. в СНТ пьесы И. Вырыпаева «Иллюзии».

Как нам кажется, причиной незаинтересованности словацких режиссеров в новой русской драме является тот факт, что она «соединяет в себе все, что русский театр не прошел после периода авангарда и модерна, например, театр абсурда, психоаналитический театр, постмодернистский театр и связанные с ним формальные эксперименты, монологичность, обращение к табуизированной тематике, документализм, новый реализм, оценку истории и национального менталитета, а также отрицание предшествующего опыта русского театра и конфронтацию с ним» [Maliti, 2014], т. е. эксперименты, для большинства европейских сцен уже оставшиеся в прошлом. Несмотря на исключительную международную фестивальную активность, пока в Словакии не стало популярным и распространенным сегодня направление русской документальной драмы³. Документальный театр, опирающийся на подлинные тексты, интервью и судьбы реальных людей, является особым жанром, существующим на стыке искусства и злободневного социального анализа. По нашим наблюдениям, именно злободневный социальный анализ абсолютно не является залогом успеха у словацкой

³ Творческая концепция данного направления подробно представлена, например, на сайте театра Teatr.doc www.teatrdoc.ru, являющегося своеобразной творческой лабораторией данного театрального движения. Интересно, что разрабатываемая техника *verbatim*, возникшая в Западной Европе и попавшая на подходящую почву в России, почти не имеет успеха и последователей в Словакии.

публики, и даже актуальность общественной темы в пьесах словацких авторов отнюдь не являются гарантией их зрительского успеха, поскольку они часто производят впечатление малохудожественности, сиюминутности и быстро сходят со сцены.

В 1990-е гг., по подсчетам специалистов, наиболее часто в Словакии осуществлялись постановки произведений А. П. Чехова (в первую очередь «Три сестры» и «Чайка»), инсценированной прозы Ф. М. Достоевского и комедий Н. В. Гоголя (интересно, что на первом месте не социально обличительная комедия «Ревизор», а «Женитьба») [Mattová, Lorková, Naburová, 2010]. Чаще всего при постановках использовались переводы, выполненные до 1989 г. В 1992–1994 гг. в словацких театрах среди имен русских авторов встречаются исключительно классики. Чтение между строк в новой социальной ситуации утратило свою столь объяснимую при социализме притягательность, современные российские реалии перестали быть интересной темой для западного зрителя, поэтому драматургия советского периода на современной словацкой сцене почти не встречается (к большому сожалению, это относится и к талантливейшим произведениям Радзинского, Горина, Шварца, Розова, Володина, Зорина, Петрушевской). Пьесы Радзинского и Горина, в отличных переводах на словацкий язык, лежат у завлитов ведущих словацких театров уже более 10 лет и пока на вызывают постановочного энтузиазма, хотя о них и можно без преувеличения сказать, что, поднимая общечеловеческие темы, они актуальны в любое время и в любой стране.

Впрочем, подобная ситуация сложилась не только со знаменитыми русскими драматургами советского периода, но и с некоторыми произведениями русской классики. Например, при наличии в Словакии прекрасного перевода «Горя от ума» А. С. Грибоедова (М. Разусовой-Мартаковой) и его безусловной актуальности и театральной привлекательности, в СНТ обратились к нему лишь однажды (в 1949 г.), и за последние 25 лет ни один режиссер в Словакии не заинтересовался гениальной комедией в стихах, которая в России до сих пор не сходит со сцены. Есть в Словакии и качественный перевод «Театрального романа» Булгакова, однако его исключительный сатирический театральный потенциал до сих пор так и не привлек постановщиков, да и вообще Булгаков, при его немалой популярности у словацких читателей⁴, пока, как это ни парадоксально, не вдохновляет словацких театральных режиссеров (если не считать весьма неудачную постановку «Dog's heart. Театральное вскрытие» Камерного театра в Мартине и чрезмерно гротескный, превративший сатиру в фарс, спектакль «Мастер и Маргарита» словацкой антрепризы «Театро Татро»).

⁴ «Мастер и Маргарита» М. Булгакова стала одной из четырех русских книг, выбранных словацкими читателями в общенациональном словацком конкурсе «Моя любимая книга», проводившемся на телевидении и в интернете, подробности см. на сайте www.mojanajkniha.sk/naj-kniha/s81/naj-100-knih.html?page=3.

Для большинства постановок русской классики в Словакии характерно уважительное отношение к первоисточникам, хотя и с вполне объяснимым желанием актуализации, иногда заметного уже в названиях: «Убийство топором в Санкт-Петербурге» (по Достоевскому, Братислава), «Бизнес есть бизнес» (по Островскому, Мартин), «Dog's heart. Театральное вскрытие» (по Булгакову, Мартин), «Acta Psychopata» (по Гоголю, Братислава), «Не прелюбодействуй» (по Толстому, Прешов), «Ревизия-07» (по Гоголю, Жилина) и т. д.

К сожалению, иногда меняются не только названия, но и содержание, и даже смысл произведений, например, в спектакле «Dog's heart. Театральное вскрытие» вместо острой социальной сатиры («Собачье сердце») перед зрителем предстала фантастика на тему этики клонирования (в рецензиях чаще писали о параллели с овцой Долли, нежели о сатире на пролетариат, а знаменитые монологи на тему «что такое разруха» и «взять все да и поделить» на сцену вообще не попали, оказавшись лишними для упрощенной, поверхностной концепции драматурга и режиссера). Но несовпадение видения режиссера с концепцией автора на словацкой сцене является скорее исключением, лишь подтверждающим общее правило уважительного и глубокого прочтения оригинала.

В этом плане нельзя обойти вниманием постановки русских авторов на сцене единственного в мире русинского театра им. Духновича в восточнословацком городе Прешов, каждая из которых бережно перенесла на словацкую сцену неповторимую атмосферу русской литературы: «Село Степанчиково» (1998) и «Идиот» (2005) по Достоевскому, «Обломов» по Гончарову (2000), «Ясной ночью» по Шукшину (2001), «Дядя Ваня» (2005), «Предложение», «Медведь» (2012) Чехова, «Ревизор» Гоголя (2006), «О двух генералах» по Салтыкову-Щедрину (2010), «Нервные люди» по Зоценко (1995), «Золотой теленок» по Ильфу и Петрову (1996), «Катерина Ивановна Гинка по мотивам «Преступления и наказания» Достоевского, «Мелкий бес» по Сологубу (2012), «На дне» (2008), «Васса» (2013) по Горькому, и новейшая постановка, трагикомедия «Не прелюбодействуй» (2014) по мотивам произведения Л. Н. Толстого «Семейное счастье», «Дьявол», «Крейцерова соната», тепло встреченная как театроведами, так и зрителями. Поэтика этого театра высоко ценится во всей Словакии, где понимание русинского языка не является проблемой, и гастрольные спектакли во всей стране ожидаются с нетерпением и проходят успешно.

Словацкие режиссеры на пороге третьего тысячелетия все чаще обращаются к классическим прозаическим произведениям русской литературы, что отражает и общемировую тенденцию. Весьма обстоятельно основные причины сегодняшнего сближения романа и театра анализируются в исследовании О. Сокуровой, подробно рассмотревшей проблемы соотношения пространственно-временных координат в прозе и на сцене, приемы «перевода» прозы на язык сценических метафор, различные режиссерские методы в подходе к прозе [Соку-

рова, 2004]. Видный современный словацкий режиссер Роман Полак, постоянно обращающийся к русской классике⁵ и с огромным успехом поставивший на сцене СНТ инсценировки «Анны Карениной» и «Братьев Карамазовых», считает, что «режиссер вправе обратиться к классическому произведению, когда он отдает себе ясный отчет в том, что он не может не обратиться к нему, когда он может ответить на вопрос, что он хочет и зачем принимается за эту работу»⁶. Более ста лет не утихающие дискуссии по поводу того, стоит ли инсценировать Достоевского (и большую прозу вообще), разгоревшиеся после выхода статьи-отклика М. Горького на постановки В. Немировичем-Данченко романов «Братья Карамазовы» и «Бесы» в Художественном театре⁷ решаются в основном в пользу театра, а сам Немирович-Данченко после премьеры спектакля «Братья Карамазовы» (1910) утверждал, что «если с Чеховым театр раздвинул рамки условности, то с „Карамазовыми“ эти рамки вовсе рухнули, это — катастрофа всех театральных условностей, заграждавших к театру путь крупнейшим литературным талантам» [Немирович-Данченко, 1910. С. 297]. Сам Достоевский был в этом вопросе весьма скептичен, когда в 1872 г. в письме к В. Д. Оболенской писал, что «есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической» [Достоевский, 1986]. Однако словацкий режиссер уверен, что «инсценировка Достоевского сегодня необходима зрителю, который не боится мыслить»⁸.

Всего за 11 лет существования главной словацкой национальной премии «Театральные доски» трижды главный приз за лучшую пьесу года был присужден постановкам по произведениям русских авторов. В 2003 г. победителем стали «Три сестры» А. П. Чехова в новаторской постановке С. Спрушанского в драматическом театре города Нитры, в 2006 г. — «Иванов» А. П. Чехова в точно психологически выстроенной и сценически авангардной постановке Р. Полака в словацком Камерном театре в Мартине, а в 2009 г. — «Анна Каренина» Л. Н. Толстого в постановке Р. Полака в СНТ.

Последний из упомянутых спектаклей является, на наш взгляд, одной из наиболее глубоких интерпретаций русской классики на сло-

⁵ В его постановке в разное время шли «Дядя Ваня», «Иванов», «Каменный гость», «Три сестры», «Мещане», «Лес», «Преступление и наказание», «Платонов», «Чайка», «Братья Карамазовы» и т. д.

⁶ Подробнее интервью с режиссером см.: <http://divadlo.sme.sk/c/4366692/prezivame-krizu-nenazratosti.html>.

⁷ В статье «Еще о Карамазовщине», впервые опубликованной в газете «Русское слово» 27 октября 1913 г., писатель подчеркивает, что «одно дело — читать книги Достоевского, другое — видеть образы его на сцене» [Горький, 1953. С. 156], «...игра артистов, усиливая талант Достоевского, придает его образам особенную значительность и большую законченность» [Горький, 1953. С. 158].

⁸ Подробнее интервью с режиссером см.: <http://kultura.pravda.sk/divadlo/clanok/277357-roman-polak-nic-pre-divakov-co-sa-boja-myslienok/>.

вацкой сцене. Он имел необычайный зрительский успех (несмотря на продолжительность в четыре с половиной часа). Данную постановку можно считать тем редким и счастливым случаем, когда столь дорогая Толстому «мысль семейная» прозвучала в полную силу, и спектакль не стал эффектным представлением любовной линии роковой светской дамы Карениной и блестящего офицера Вронского (чем грешили многочисленные экранизации романа и некоторые его российские инсценировки). Не менее важна, чем Анна, в постановке и трогательная Долли, которая предстает одновременно и израненной (изменой мужа и крушением жизненных идеалов) птицей, и «наседкой» (толстовским идеалом женщины, горячим сторонником которого в романе и в инсценировке предстает Левин), матью семейства, способной подавить в себе женские обиды во имя сохранения семьи. Но главная режиссерская и актерская удача, на наш взгляд — это Каренин, не бездушный напыщенный сухарь-чиновник, заботящийся только о соблюдении внешних приличий, а истинная жертва в романе, человек глубоко несчастный, потерянный, душевно тонущий и хватающийся при этом за обломки правил морали и религии, которыми он жил всю свою жизнь. Тонко и трагично сыгран и Николай Левин. Этот персонаж становится одним из центральных, а знаменитая сцена его смерти — апогеем спектакля. Инсценировка такого масштабного и насыщенного романа всегда необычайно трудна, и видение того, что именно останется и прозвучит на сцене, всегда вызывает споры. На сцену СНТ «не поместились» московский бал со щемящей сценой разочарования Кити, первая встреча на вокзале Каренина и Вронского и знаменитое объяснение в любви мелом между Кити и Левиным. Желание воссоздать русскую атмосферу для словацкого зрителя любой ценой, пусть даже и через стереотипы XX в., видимо стало причиной того, что в сцене на катке XIX в. звучит вариация на тему советской песни «Подмосковные вечера» В. П. Соловьева-Седого. Данью современному телевизионному клиповому мышлению зрителя стали и неуместные и даже отчасти фривольные названия, зажигавшиеся перед началом каждой сцены: «Ной, курва и коммунист» (сцена встречи братьев Николая и Константина), «Петербургские оргии» (отсутствующая в романе сцена офицерских забав в квартире Вронского, утрированная в своей разухабистости до крайности), «Премьерное *post coitum* в квартире Вронского» (современная перефразировка текста «то, что почти целый год для Вронского составляло исключительно одно желание его жизни, <...> то, что для Анны было невозможной, ужасной и тем более обворожительной мечтой счастья, — это желание было удовлетворено»).

Хочется верить, что постановщик все-таки недооценил словацкого зрителя, прибегая к излишнему упрощению, хотя нельзя исключить и то, что опытный режиссер (а сегодня и художественный руководитель СНТ) Р. Полак просто своего зрителя знает слишком уж хорошо. Миссия Р. Полака в отношении русской классики, без преуве-

личения, просветительская, и миссия эта, несомненно, осуществляется успешно. Сам режиссер считает, что «театр должен заниматься категориями духовными и философскими, потому что если он этого делать не будет, то станет всего лишь развлечением, сравнимым с другими видами развлечений. Если мы хотим относиться к театру серьезно, не скучно, но серьезно, мы обязаны высказываться по данным темам» [Polák, 2009].

Ввиду значительного сокращения в словацкой школьной программе раздела, посвященного русским авторам, для молодого зрителя эти театральные встречи часто оказываются первыми, но побуждающими к дальнейшему ознакомлению. Наши прошлогодние опросы в студенческой университетской аудитории показали, что из 27 человек, читавших «Анну Каренину», 16 ее прочло после посещения спектакля.

Словацкий театр пока не перенял популярную сегодня в России тенденцию инсценировки классического произведения «через одного героя» или отдельную сюжетную линию («Война и мир. Андриуша», «Война и мир. На-та-ша» В. Заржецкого, «Война и мир (Княжна Марья)» С. Посельского, «Война и мир. Начало романа» П. Фоменко и т. д.). Единственное исключение — психологически филигранная постановка «Катерины Ивановны» Д. Гинка / Ф. М. Достоевского в прешовском русинском театре, которая у словацкого зрителя имеет не меньший успех, чем знаменитая постановка «К. И. из Преступления» Д. Гинка / Ф. М. Достоевского в московском ТЮЗе.

Обобщая наш краткий обзор, можно констатировать, что практика театров Словакии пока еще не вполне подтверждает наблюдения театрального критика М. Давыдовой о том, что «сейчас русский театр переживает период очень интенсивной жизни, которая просто выплеснулась из наших берегов и стала интересна в Европе» [Давыдова, 2005]. Активный и, безусловно, весьма вдохновляющий поиск новых форм современного русского театра имеет пока что слабое влияние на словацкую театральную жизнь, атмосфера которой скорее выражена словами словацкого режиссера: «сегодня постановщик может шокировать и вызвать эмоции, лишь когда он принесет на сцену нравственные искания классической литературы. К остальному зритель привык и без него» [Polák, 2009]. Вопрос же российского театроведа М. Беяевой «какими видят нас другие страны?» [Авраменко, 2013] в связи с часто в международном театроведении звучащей мыслью о том, что современный европейский театр отдает предпочтение русской классике, не случаен, но, по нашим наблюдениям, не вполне правомерен. Успех русской классики в словацком театре, как нам кажется, на том и держится, что в текстах Чехова, Достоевского, Толстого и Гоголя зритель видит не столько русские, сколько общечеловеческие проблемы, «милльон терзаний», не привязанных к определенному пространству, культуре и даже времени, и в этом феномен их сегодняшней востребованности в Словакии.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраменко Е. Европейский театр предпочитает русскую классику [Электронный ресурс] // Известия. 02.10.2013. URL: <http://izvestia.ru/news/557996#ixzz398EAdRUx>.
- Горький М. Еще о карамазовщине // М. Горький. О литературе: Литературно-критические статьи. М.: Советский писатель, 1953. С. 155–160.
- Давыдова М. Конец театральной эпохи. М.: ОГИ, 2005. 384 с.
- Достоевский Ф. М. Письмо к В. Д. Оболенской // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 29, кн. 1: Письма 1869–1874. Л.: Наука, 1986. С. 225.
- Немирович-Данченко В. И. Письмо К. С. Станиславскому (октябрь 1910) // В. И. Немирович-Данченко. Театральное наследие. Т. 2. Избранные письма. М.: Искусство, 1954. С. 296–306.
- Сокурова О. Большая проза и русский театр. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2004. 240 с.
- Maliti R. Trendy súčasnej ruskej drámy // Zborník zo 7. študentskej vedeckej konferencie, Prešov, 2014. С. 46–52.
- MattoVá L., Lorková Z., Haburová A. Podoby a premeny reflexie ruskej literatúry na Slovensku v rokoch 1996–2009, Bratislava, 2010. 105 с.
- Podmaková D. Slovensko a Rusko: divadelné dotyky // Mýtus — stereotyp — obraz. Bratislava, 2011. S. 107–127.
- Polák R. Cez ruskú dramatikú komunikujem s našou súčasnosťou // Bulletin Slovenského národného divadla, činohra. Bratislava, 2009. S. 14–19.

REFERENCES

- Avramenko E. Evropeiskii teatr predpochitaet russkuiu klassiku [European theater prefers Russian classics]. *Izvestiia*. Available at: <http://izvestia.ru/news/557996#ixzz398EAdRUx>.
- Gorkiy M. *Eshche o karomazovshchine*. [Some more about Karamazovshchina]. Gorkiy M. O literature: Literaturno-kriticheskie stati. Moscow, Sovetskiy pisatel, 1953, s. 155–160.
- Davydova M. *Konets teatralnoy epokhi* [The end of the theatre epoch]. Moscow, OGI Publ., 2005, 384 s.
- Dostoevskiy F.I. *Pismo k V.D. Obolenskoy* [The letter to V.D. Obolenskoy]. Dostoevskiy F.I., poln. sobr. soch. v 30 tomakh. T. 29, kn. 1: Pisma 1869–1874. Leningrad, Nauka Publ., 1986, s. 225.
- Nemirovich-Danchenko V.I. *Pismo K.S. Stanislavskomu (oktyabr 1910)* [The letter to K.S. Stanislavsky from October 1910]. Nemirovich-Danchenko V.I. Teatralnoe nasledie. T. 2. izbrannye pisma. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954, s. 296–306.
- Sokurova O. *Bolshaya proza i russkiy teatr* [Prose and Russian theatre]. Saint Petersburg, St. Petersburg. Univ. Publ., 2004.
- Maliti R. *Trendy súčasnej ruskej drámy* [Modern Russian Drama Trends], Zborník zo 7. študentskej vedeckej konferencie. Prešov, 2014, s. 46–52.
- MattoVá L., Lorková Z., Haburová A. *Podoby a premeny reflexie ruskej literatúry na Slovensku v rokoch 1996–2009* [Reception Forms and Changes of Russian Literature in Slovakia in 1996–2009]. Bratislava, 2010, 105 s.
- Podmaková D. *Slovensko a Rusko: divadelné dotyky* [Slovakia and Russia: Theatre Contacts]. Mýtus — stereotyp — obraz. Bratislava, 2011, s. 107–127.
- Polák R. Cez ruskú dramatikú komunikujem s našou súčasnosťou [I Communicate with our Contemporary Life through Russian Drama]. *Bulletin Slovenského národného divadla, činohra*. Bratislava, 2009, s. 14–19.

Дулeбова Ирина

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русистики и восточноевропейских исследований,
философский факультет Университета им. Коменского в Братиславе, Словакия

Irina Dulebova

PhD

Comenius University, Bratislava, Slovakia

E-mail: irinablava@centrum.sk

И. Ж. Едиханов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАРСКОГО ДИСКУРСА МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Ключевые слова: терминология, дискурс, мобильная связь, перевод, татарский язык, русский язык, языковая политика.

В статье очерчивается языковая ситуация, сложившаяся в Республике Татарстан, обсуждаются результаты сотрудничества автора статьи с сотовой компанией, предоставляющей услуги своим абонентам на татарском и русском языках, выявляются особенности формирования и функционирования татарского дискурса мобильной связи. Подчеркивается, что формирование данного дискурса происходит непосредственно под влиянием русского языка, поскольку основным способом является перевод текстов соответствующей тематики на татарский язык. Татарские терминологические единицы мобильных средств связи ранее не являлись объектом исследования, поэтому целостная картина терминологии данного подъязыка, учитывающая все многообразие этого явления, находится еще в стадии становления. Некоторые термины исследуемого подъязыка не имеют устоявшихся татарских эквивалентов и в последующем могут уточняться по мере стандартизации терминологии. Формирующийся дискурс способствует расширению сферы функционирования татарского языка. Выявлены следующие признаки дискурса мобильной связи: динамичность и процессуальность, коммуникативность, персонифицированность, ситуативная обусловленность, коннотативность, социальная и культурологическая маркированность.

Iskander Edikhanov

Kazan Federal University, Russia

DISCOURSE IN THE TATAR LANGUAGE IN MOBILE COMMUNICATION

Keywords: terminology, discourse, mobile communication, translation, the Tatar language, the Russian language, language policy.

The article outlines a language situation in the Tatar Republic, discusses the results of cooperation between the author and a mobile communication company providing its services both in the Russian and Tatar languages and reveals specifics of forming and functioning of Tatar discourse in mobile communication. It states that the Tatar discourse is being formed under the influence of the Russian language because its main medium is translation of the texts on the appropriate subject-matter into the Tatar language. For the first time the research focuses on the Tatar terminological units in mobile communication, thus the terminology of this sub-language in all its diversity is still being formed. Some of the terms in this sub-language still lack conventional equivalents in the Tatar language, henceforth may as well be more specifically defined in the course of terminology standardisation. The discourse is still taking shape, thus expanding the function area of the

Tatar language. Moreover, the article reveals that the discourse in mobile communication can be described as dynamic and procedural, communicative, personified, context specific, connotative, socially and culturally marked.

Одной из актуальнейших проблем языковой политики в Татарстане является необходимость учитывать языковые интересы различных этнических сообществ, где каждый из языков имеет свои проблемные зоны и нуждается в различных мерах поддержки. По данным последней российской переписи 2002 г., этнический состав населения Республики Татарстан значительно изменился по сравнению с последней советской переписью 1989 г., согласно которой татары составляли 48,5 % населения, русские — 43,3 %. Существенно возросла этническая доля татар в республике — до 52,9 %, и несколько упала доля русского населения — до 39,5 % [Всероссийская перепись, 2002]. Таким образом, разница между долей татарского и русского населения в республике повысилась с 5 % почти до 13 %, в том числе, впервые с 1920-х гг., татары представляют абсолютное большинство жителей республики. Третьей по численности этнической группой в республике являются чуваша, которые составляют 3,4 % населения, за ними следуют удмурты, украинцы и мордва.

Сложный этнический состав населения республики обуславливает сложную языковую ситуацию и ставит с особой остротой проблему языковой политики [Языковая политика, 1998]. При этом обязанность по ее проведению берет на себя государство — как гарант исполнения и защиты языковых прав населения. Государство принимает основные принципы политики в отношении языков, которые имеют хождение на его территории, и реализует ее в виде языкового планирования [Вахтин, Головкин, 2004. С. 163].

Положение татарского и русского как языков наиболее многочисленных этнических групп республики определяет языковую ситуацию в Татарстане. При этом приоритеты языковой политики для татарского и русского языков различаются [Языковая политика, 1999].

Несмотря на то, что татарский — язык этнического большинства в Татарстане, он значительно уступает русскому по своей функциональности, сферам применения, социальному статусу и другим аспектам. Исследователи-лингвисты оценивают данную языковую ситуацию термином «языковая асимметрия» [Байрамова, 2001]. В данном положении дел играет роль и такой очевидный фактор, что русский язык является государственным на территории целого государства — России, в то время как татарский является языком региональным, т. е. имеет статус государственного только в рамках одного субъекта, хотя и распространен в нескольких: на татарском языке говорят во многих регионах России помимо Татарстана. Это и близлежащие к Татарстану Удмуртия, Башкирия, Чувашия, Самарская, Ульяновская, Оренбургская области, и более отдаленные районы, например, Сибирь, а также зарубежье — Финляндия, Польша, Турция, Литва. Языковая политика Татарстана нацелена, таким образом, на вмешательство в языковую сферу с целью

выравнивания статуса двух государственных языков. Это обуславливает более пристальное внимание к татарскому языку, т. к., во-первых, здесь имеется больше проблемных зон, а во-вторых, проблемы татарского языка, в отличие от русского, не решаются на федеральном уровне. В этой связи многонациональность и необходимость сохранения баланса этнических интересов являются важнейшими факторами, влияющими на языковую политику в Татарстане [Сулейманова, 2009].

Другим важным фактором, имеющим значение для языковой ситуации в Татарстане, являются глобализационные процессы. Мир в эпоху глобализации становится все более связанным, взаимозависимым и уплотненным. Благодаря массовым коммуникациям, интернет-технологиям, усилившейся мобильности людей и движению капиталов, границы (политические, идеологические, административные) в глобализирующемся мире теряют свое значение, приводя к более интенсивным контактам и взаимодействию между странами, культурами и языками. С одной стороны, глобализация ведет к распространению массовой культуры и нивелировке этнических различий в разных областях. С другой стороны, происходит и иной процесс, называемый в литературе «глокализацией», когда глобализационные процессы приводят к синтезу локальных и глобальных элементов, к их гибридизации. Это в свою очередь приводит к возрождению в новых формах локальных (региональных, этнических) идентичностей и культур [Cvetkovich, Kellner, 1997. P. 11]. Таким образом, глобализация становится для локальных культур шансом на выживание и дальнейшее развитие.

Опрос городских жителей Татарстана, проведенный в 2005 г. Центром изучения межнациональных отношений (г. Москва), дает определенную картину языковой идентификации и компетенции населения Татарстана в сложившейся языковой ситуации. Так, 84,6% опрошенных городских татар считают родным языком татарский, в то время как 8,2% считают родным языком русский. Сохраняется тенденция различия в языковой идентификации между городской и сельской местностью. В сельской местности, по материалам предыдущих опросов (2001 г.), 96,4% опрошенных татар назвали родным языком татарский [Язык и этнос, 2002. С. 17]. Согласно статистике (см. таблицу), число горожан, говорящих на татарском языке, в городах Республики достигает в среднем 65% [Республика Татарстан, 2005].

**Число горожан, говорящих на татарском языке
в городах Республики Татарстан**

Населенный пункт	Доля населения, говорящего на татарском языке (в %)
Агрыз	25,0
Азнакаево	более 50,0

Окончание таблицы

Населенный пункт	Доля населения, говорящего на татарском языке (в %)
Актаныш	более 90,0
Альметьевск	более 50,0
Бавлы	63,0
Бугульма	около 45,0
Заинск	48,7
Лениногорск	более 50,0
Мамадыш	59,0
Менделеевск	58,0
Мензелинск	62,0
Муслимово	90,0
Н. Челны	52,0
Нижнекамск	46,5
Сарманово	78,0
Уруссу	71,0

Таким образом, выраженное изменение в идентификации с языком у татар происходит именно в городской среде. Интересно, что 5,3% опрошенных в 2005 г. городских татар затруднились ответить на вопрос о родном языке, что говорит о том, что часть татарского населения еще не определилась с выбором, какой язык им принимать за родной. Характер и частота использования языка зачастую дают более реальную и объективную картину языковой компетенции, нежели заявленные данные. Так, по материалам того же опроса 2005 г. (при этом следует учесть, что 60,4% городских татар указали на свободное владение татарским языком), 47,5% разговаривают дома на татарском и русском языках, 40,5% — только на татарском, а 10,7% городских татарских респондентов говорят дома только на русском языке. Кроме того, для городских татар, даже тех, кто недавно переселился из села, очень характерно такое явление, как смешивание языков, при котором лексика из татарского и русского языков смешивается не только в одном разговоре, но и в одном предложении.

Еще в 1900 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «В пределах России происходит взаимодействие славянского языкового элемента и разных „инородческих“, неславянских: литовского, латышского, эстонского, татарского, чувашского и др.» [Бодуэн де Куртенэ, 1963. С. 367]. Весьма примечательна также мысль И. А. Бодуэна де Куртенэ из статьи «О смешанном характере всех языков»: «Влияние смешения языков проявляется в двух направлениях: с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, формы, произношение); с другой стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка. При его содействии происходит гораздо быстрее упрощение и смешение форм...» [Там же. С. 366]. Все эти явления, и в особенности проникновение русского языка в семейную сферу, которая традиционно является консервативной в плане подверженности внешним влияниям [Язык и этнос, 2002. С. 19], говорят о тенденциях прогрессирующей языковой ассимиляции в среде городских татар.

Согласно статье 8 Конституции Республики Татарстан, «государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях Республики Татарстан государственные языки Республики Татарстан употребляются на равных основаниях» [Конституция, 2009. С. 4]. В современных языковых условиях Республики Татарстан, когда провозглашение двух государственных языков поставило вопрос о преодолении терминологического дефицита в татарском языке, начался процесс перевода на татарский язык названий улиц, ведомств и т. д., и, конечно, здесь не обошлось без заимствований как самих слов, так и синтаксических оборотов, форм, о которых говорил И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Таким образом, за более чем 15 лет, прошедших с момента принятия закона о языках, языковая ситуация в Татарстане отличалась расширением общественных функций и публичного использования татарского языка. Наиболее заметное продвижение татарского языка наблюдалось в сфере школьного образования, в публичной сфере (двуязычные надписи, объявления, выступления общественных и государственных деятелей и т. д.), частично в СМИ (телевидение, радио, пресса). В меньшей степени изменения затронули сферу государственного управления, сферу услуг, коммерческие структуры и ряд других областей, где татарский используется редко. Разные категории населения по-разному адаптируются к изменениям в языковой ситуации. Можно предположить, что лучше всего адаптация к языковой ситуации происходит у молодого поколения — у школьников, которые изучают татарский язык в школе и легко адаптируются к его присутствию в общественной сфере. Менее успешно происходит адаптацию у более старшего, выросшего в советские времена, поколения, которое практически не знает татарского языка (речь идет не только о русских, но и о тех татарах, которые плохо знают татарский) и отноше-

ние к татарскому языку у которого еще определяется негативными стереотипами советских времен. В целом русские в Татарстане лояльно относятся к расширению общественного присутствия татарского языка в той мере, в которой это не затрагивает их конкретно. Более проблемными оказываются, однако, те аспекты, которые касаются их интересов непосредственно: например, преподавание татарского языка в школе. Подавляющее большинство татар в республике, напротив, положительно относится к изменениям в языковой ситуации и к расширению общественного функционирования татарского языка, даже те из них, кто не компетентен в татарском языке, поскольку воспринимают его как культурно-идентификационную ценность. Определенная часть татар, однако, остается недовольна тем, что прогресс в этой области достигнут небольшой и татарский язык не занял паритетного положения с русским. Эта неудовлетворенность исходит именно от татароязычной части населения, на которой негативнее всего отражается недостаточное функционирование татарского языка в общественной сфере. Несмотря на то что языковая политика Татарстана далеко не достигла своей цели — равноправного функционирования двух языков в республике, — необходимо признать, что она принесла определенные плоды: ей удалось замедлить сужение сферы функционирования татарского языка в условиях трансформации общества, обусловленной развитием рыночных отношений. При этом в республике существует общий консенсус по поводу необходимости языкового регулирования со стороны государства и, в частности, поддержки татарского языка, как нуждающегося в защите [Шарыпова, 2004].

Последние десятилетия ознаменовались бурным развитием средств и способов передачи информации. Сегодня никого не удивляет возможность получить нужные сведения из интернета на сотовый телефон или карманный компьютер, отправить e-mail или просто пообщаться в чате, находясь в любой точке действия сотовой сети. Сотовая и спутниковая связь, спутниковое телевидение, информационные сети и компьютеры — вот основной, но далеко не полный список технологий, обеспечивающих человеку доступ к информации в любой точке Земного шара. В связи с этим глобализация может дать шанс локальным языкам: современные коммуникационные технологии позволяют использовать язык в интернете и тем самым расширять его потенциальную аудиторию, создавать доступные всем электронные ресурсы на этом языке, в том числе такие, которые способствуют его изучению, например интернет-словари, грамматические пособия и т. д.

Многие из необходимых для огосударствления татарского языка мероприятий были действительно реализованы в Татарстане. Были выпущены терминологические словари для работников различных государственных учреждений, переведены на татарский язык акты федерального законодательства (например, земельный и уголовный кодексы РФ). Были предприняты шаги по внедрению татарского языка в компьютерные и интернет-технологии, в частности, на татарский язык был переведен Windows, некоторые популярные в последнее вре-

мя в среде молодежи социальные сети, такие как Вконтакте.ру, также имеют интерфейс на татарском языке. Значительно расширилось присутствие татарского языка в средствах массовой информации. Функционирует телевизионный канал, на 50% состоящий из татароязычных программ, есть несколько радиостанций, вещающих только на татарском языке. Расширился ассортимент газет и журналов на татарском языке.

Интересно отметить, что поддержкой государственных языков в Республике Татарстан занимаются не только государственные структуры, но и различные частные компании, корпорации. ОАО «Вымпел-Ком» в 2010 г. запускает уникальный проект «Комплексное обслуживание абонентов Билайн на татарском языке». Следует сказать, что «Билайн» и до этого предоставлял услуги своим абонентам на их родных языках (по-грузински, по-китайски, на языках стран СНГ). До запуска этого проекта компания в офисах продаж и в брендированных салонах на территории Республики Татарстан провела опрос среди абонентов и посетителей. На вопрос «Хотели бы вы получать обслуживание на татарском языке?» почти половина опрошенных в брендированной сети подтвердили желание обслуживаться на татарском языке, что соответствует этнической структуре (52% населения Татарстана — татары). При этом следует учесть следующий факт: в офисы обращаются те, кому привычно и удобно говорить по-русски. Абоненты, которым удобнее говорить по-татарски, ранее фактически были лишены возможности общаться с оператором на родном языке. К тому же в республике еще не завершился процесс урбанизации, который был заторможен кризисом 1990-х гг., и рост городов продолжают подпитывать миграции из села, а это означает, что в города прибывает все больше людей, которые являются носителями татарского языка и говорят на нем.

Перед запуском проекта 16 сотрудников колл-центра прошли специальное обучение по обслуживанию абонентов на татарском языке. 587 000 знаков было переведено на татарский язык: страницы сайта www.beeline.ru (рис. 1), рекламные материалы (рис. 2), тексты автоответчиков для самостоятельного управления услугами.

Реализация проекта началась 30 августа 2010 г. Начиная с этого дня каждый абонент может:

- получить консультацию специалиста Центра поддержки клиентов на татарском языке. Для этого в Казани был создан специализированный колл-центр;
- прослушать автоответчики справочной службы 0611 на татарском языке, чтобы самостоятельно управлять услугами «Билайн»;
- скачивать контент с татарской тематикой с сайта.

Татарские терминологические единицы мобильных средств связи ранее не являлись объектом исследований, поэтому целостная картина терминологии данного подъязыка, учитывающая все многообразие этого явления, находится еще в стадии становления. Некоторые

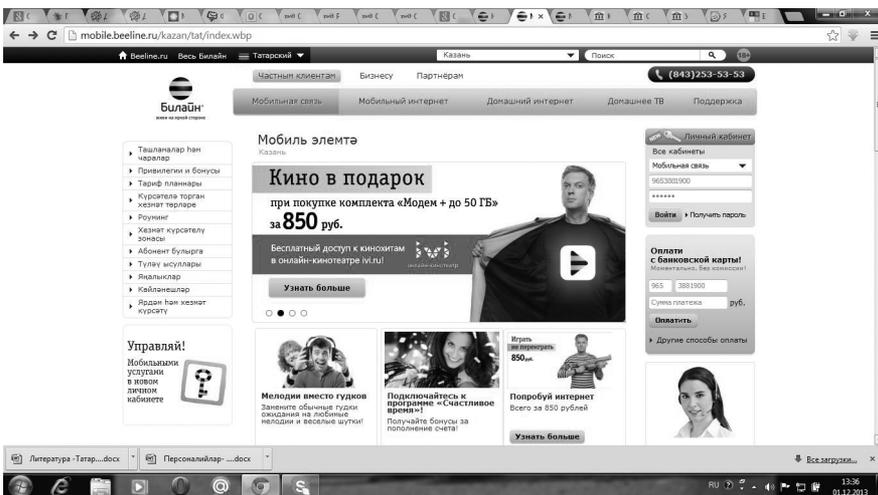

Рис. 1. Страница регионального сайта компании

«Go!»* тариф планы

Татарстан Республикасындагы барлык номерларга бердәм кулай бәя
 SMS – 0 сум¹
 Бушлай «Карманный интернет сутки» хезмәте тоташтырылган

«Go!» тариф планы		
Татарстан Республикасы буюнча шалтырату	Минутлы тарификация	
Шалтыратулар кабул итү	0 сум	
Сөз башкарган шалтыратулар	«Карманный интернет сутки» ² жәмәгәре тоташтырылган сәхрәтә	«Карманный интернет сутки» ² жәмәгәре тоташтырылмаган сәхрәтә
Барлык мобиль элемәте операторлары номерларына	0,6 сум/мин.	1,2 сум/мин.
Стационар элемәте операторлары номерларына		
Мобиль GPRS-Internet, жибәрелгән/алынган 1 Мб мәгълүмәт куламе	0 сум	8,45 сум
ТР мобиль операторлары номерларына бер хәт-жәбәр жиберү	0 сум ¹	

Ничек тоташырга?

Абонентгыбыз булар өчен, «Go!» тариф планына «Билайн» офисларында яки дилерларыбыз салоныларында тоташ.

Алдан түли торган исәп-хисап системасын кулланучы «Билайн» абонентларына «Go!» тарифына күчәр өчен 0674002112 номерын жьырга кирәк. Күчү өчен тулау баясе – 50 сум.

Тулырак: ☎ 8 800 700 0611 | www.beeline.ru

¹ Тулаек эчәкдә жиберелгән 2–300 SMS өчен тулау баясе күрсәтелгән. Тулаек эчәкдә жиберелгән 1 иче SMS өчен тулау баясе – 3 сум, 301 ичә жибергән башлап – 0,3 сум. Тулаек даваматда жиберелгән SMS-хабарлар саны күпәшкән барыла. Мәсәлү вәкәтләр бәсән 00:00 дан соң алар икәдә ямәлә башыйл.
² «Карманный интернет сутки» хезмәте буюнча абонент тулаве – тулаегена 4,5 сум. Ай даваматда (30 көн) беренче 700 Мб трафик чиксәнмәгән тизләтә бирелә. Тоташкән азын трафик күрәме 700 Мбайтқа ичкәнчә. Интернетка чыгу тизләтә исәп-хисап вәкәтләр азырына кадәр секундана 64 Кбайтқа кадәр тәшкәнчә. Тизлек чиксәнмәгәнчә кадәр кадан Мобайлар саны 067407051 номеры буюнча бәсәргә мөмкин. Бәсәре шартлар ай чәтәригәдә ганамадә. Хезмәтне аямдә тоташтыру – 30 сум. Тоташтыру өчен номер – 0674041.
³ «Безлимитный интернет» хезмәте буюнча абонент тулаве – тулаегена 6,95 сум. Ай даваматда (30 көн) беренче 2 ТБ трафик чиксәнмәгән тизләтә бирелә. 2 ТБ тоташкәнчә исәп-хисап вәкәтләр азырына кадәр Интернетка чыгу тизләтә секундана 64 Кбайтқа кадәр тәшкәнчә. Бәсәре йөзөгәнмәгәнчә тизлек чәтәригәдә роумингта хезмәт Россиянән барлык регионларында күрсәтелә. Хезмәтне тоташтыру – 30 сум. Тоташтыру өчен номер – 06740474.
 *Татар Татарстан Республикасы абоненттары – алдан түли торган исәп-хисап системасын кулланучы физик затлар өчен. Барлык бөлар НДСны исәптә алган ичкәренлә, алар ай чәтәригәдә гена ганамадә. Тоташу шартлары, чәтәригәр хезмәтләр турнда тулырак мәгълүмәт – www.beeline.ru сайтында.
 *Алга!

Рис. 2. Листовка на татарском языке

термины исследуемого подъязыка не имеют устоявшихся татарских эквивалентов и в последующем, по мере стандартизации терминологии, могут уточняться. Отсутствие полного описания основных лингвистических проблем терминологии мобильных средств связи серьезно затрудняет как теоретическую работу по систематизации, унификации и стандартизации данных терминологических единиц, так и практическую работу по переводу [Суперанская, Подольская, Васильева, 2009].

Описание способов терминообразования мобильных средств связи при сравнении с другими смежными, как с еще не изученными терминотерминологическими системами компьютерных телекоммуникаций и защиты информации, так и с другими, уже подвергшимися комплексному изучению, может служить для создания сравнительно-сопоставительной типологии терминообразования различных подъязыков науки и техники в целях выявления их общих закономерностей и различий [Лейчик, 2009]. Выявленные закономерности в формировании и функционировании терминов мобильных средств связи благодаря развитию данной отрасли науки и техники позволят решить вопрос о взаимодействии лингвистических и экстралингвистических факторов [Тихонова, 2003].

Формирующийся дискурс способствует расширению сферы функционирования татарского языка. Для дискурса мобильной связи характерны следующие признаки: динамичность и процессуальность, коммуникативность, персонифицированность, ситуативная обусловленность, коннотативность, социальная и культурологическая маркированность.

В дальнейшем необходимо:

- определить структурные и семантические особенности данных терминологических единиц и их экстралингвистическую обусловленность;
- установить закономерности способов образования терминологии мобильных средств связи, а также возможности прогнозирования ее дальнейшего развития;
- выявить тематические группы терминов сотовой связи, что позволит показать системный характер данной терминологии в плане содержания;
- составить русско-татарский словарь терминов мобильных средств связи.

Таким образом, в дальнейшем предстоит исследовать лингвистические особенности татарских терминов мобильных средств связи, выявить особенности становления, развития и современного состояния терминологических единиц данного подъязыка, их экстралингвистическую обусловленность, исследовать записи операторов колл-центра с абонентами, понять, каким образом население использует в своей речи те или иные слова, относящиеся к мобильному дискурсу. Несомненно, что формирующийся дискурс мобильной связи способствует расширению сферы функционирования татарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Байрамова Л. К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 267 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
- Вахтин Н. Б., Головки Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия; Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2004. 336 с.
- Всероссийская перепись 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: www.perepis2002.ru (дата обращения: 20.09.2014).
- Конституция Республики Татарстан: с изм. от 14.03.2005. Казань: ЗАО Новое знание, 2009. 36 с.
- Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
- Республика Татарстан, 2005: стат. сб. // Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики Респ. Татарстан / редкол.: В. П. Кандилов (пред.) и др. Казань: Изд. центр Татарстана, 2006. 420 с.
- Сулейманова Д. Языковая ситуация в Татарстане [Электронный ресурс]. URL: www.info-islam.ru/publ/statji/jazykovaja_situacija_v_respublike_tatarstan/5-1-0-11281 (дата обращения: 20.09.2014).
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. 5-е изд. М.: Либроком, 2009. 246 с.
- Тихонова Е. В. Формирование английской терминологии мобильных средств связи и ее лингвистические особенности: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Омск, 2003. 140 с.
- Шарыпова Н. Х. Двужычие в Татарстане. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 251 с.
- Язык и этнос на рубеже веков: этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан / редкол.: Р. Н. Мусина (отв. ред.) и др. Казань: Магариф, 2002. 206 с.
- Языковая политика в Республике Татарстан: документы и материалы (20–30-е гг.) / сост. З. Г. Гарипова и др.; науч. ред. Ф. М. Султанов. Казань: Магариф, 1998. 207 с.
- Языковая политика в Республике Татарстан: документы и материалы (80–90-е годы) / сост. К. М. Миннуллин, Л. Г. Шарифуллина. Казань: Магариф, 1999. 342 с.
- Cvetkovich A. & Kellner D. Introduction: Thinking Global and Local. In: *Articulating the Global and the Local: Globalization and Cultural Studies*, Boulder, Co: Westview Press, 1997.

REFERENCES

- Bajramova L.K. *Tatarstan: jazykovaja simmetrija i asimmetrija* [Tatarstan: language symmetry and asymmetry]. Kazan, Kazan Univ. Publ., 2001, 267 s.
- Bodujen de Kurtenje I.A. *O smeshannom karaktere vseh jazykov* [The mixed character of all languages]. *Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju* [Selected Writings on general linguistics], t. 1 [vol. 1]. Moscow, AN USSR Publ., 1963, 391 s.
- Vahtin N.B., Golovko E.V. *Sociolingvistika i sociologija jazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. Saint Petersburg, Gumanitarnaja Akademija Publ., 2004, 336 s.
- Vserossijskaja perepis' 2002 g. [Russian national census 2002]. Available at: <http://www.perepis2002.ru> (accessed 20.09.2014).

- Konstitucija Respubliki Tatarstan: s izm. ot 14.03.2005* [The constitution of the republic of Tatarstan amended on 14.03.2005]. Kazan, ZAO «Novoe znanie» Publ., 2009, 36 s.
- Lejchik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology studies: its subject, method and structure]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 256 s.
- Respublika Tatarstan, 2005: stat. sb.* [The republic of Tatarstan, 2005 statistics diges]. Kazan, Tatarstan publishing center, 2006, 420 s.
- Sulejmanova D. *Jazykovaja situacija v Tatarstane* [State of language in Tatarstan]. Available at: http://www.info-islam.ru/publ/statji/jazykovaja_situacija_v_respublike_tatarstan/5-1-0-11281 (accessed 20.09.2014).
- Superanskaja A.V., Podol'skaja N.V., Vasil'eva N.V. *Obshhaja terminologija: voprosy teorii* [Common terminology: questions of the theory]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 246 s.
- Tihonova E.V. *Formirovanie anglijskoj terminologii mobil'nyh sredstv svjazi i ee lingvističeskie osobennosti: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04* [Formation of the English terminology of mobile means of communication and its linguistic peculiarities. PhD Thesis]. Omsk, 2003, 140 s.
- Sharypova N.H. *Dvujazyčie v Tatarstane* [Bilingualism in Tatarstan]. Kazan, Kazan Univ. Publ., 2004, 251 s.
- Jazyk i jetnos na rubezhe vekov: jetnosociologičeskie očerki o jazykovoj situacii v Respublike Tatarstan* [Language and ethnos at the turn of the century: ethno-sociological essays on the state of language in the republic of Tatarstan]. Kazan, Magarif Publ., 2002, 206 s.
- Jazykovaja politika v Respublike Tatarstan: dokumenty i materialy (20–30-e gg.)* [Language policy in the republic of Tatarstan: documents and materials (1920–1930s)]. Kazan, Magarif Publ., 1998, 207 s.
- Jazykovaja politika v Respublike Tatarstan: dokumenty i materialy (80–90-e gody)* [Language policy in the republic of Tatarstan: documents and materials 80–90 years)]. Kazan, Magarif Publ., 1999, 342 s.
- Cvetkovich A., Kellner D. *Introduction: Thinking Global and Local*. Articulating the Global and the Local: Globalization and Cultural Studies. Boulder, Co, Westview Press, 1997.

Искандер Жамилович Едиханов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Iskander Edikhanov

Candidate of Philology, Associate Professor
Kazan Federal University, Russia

E-mail: eiskander@yandex.ru

А. К. Звагольская

Санкт-Петербургский государственный университет

«БУКОЛИКИ» КАЛЬПУРНИЯ: КОНЦЕПТ «МОЛОДОСТЬ» КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА АВТОРА

Ключевые слова: Кальпурний, Вергилий, Коридон, Нерон, личность автора, буколика, юность.

Кальпурний Сицилийский – автор сборника из семи буколик. О его жизни и творчестве нет свидетельств, кроме его стихотворений. Появляющийся в трех эклогах поэта герой Коридон – одно из проявлений художественного «я» автора. Важным качеством Коридона является его молодость. Слова, обозначающие возраст, встречаются в «Буколиках» довольно часто, наиболее распространенные из них «iuventa» и «iuuenis». В статье анализируются ассоциации, которыми характеризуется концепт «молодость» у Кальпурния, и то, как он их использует для выражения авторской позиции.

Alla Zvagolskaya

St. Petersburg State University, Russia

THE «BUCOLICS» OF CALPURNIUS: THE CONCEPT «YOUTH» AS A CHARACTERISTIC OF THE AUTHOR'S IMAGE

Keywords: Calpurnius, Virgil, Corydon, Nero, author's personality, bucolic, youth, iuuenis.

Calpurnius Siculus is the author of seven pastoral poems. There is no evidence about his life and work except his poems. Young Corydon, a hero of the three Calpurnius' eclogues, conveys some aspects of the author's artistic personality. The terms relating to the concept «age» are frequent in the «Bucolics» of Calpurnius and most of all are the «iuventa» and the «iuuenis». The article considers the associations characterising the concept «youth» in Calpurnius' pastorals with regard to his intentions as an author.

О Кальпурнии как авторе буколических стихотворений античные авторы не упоминают. Первые свидетельства о поэте Кальпурнии относятся к Средним векам: заголовки «Incipit Calpurnius» и «Incip. Eclogae» предваряют неполный ряд буколик в «Парижской рукописи» — Codex Parisiensis 8049 — датируемой примерно XII в. [Keene, 1996. P. 23]. Всего Кальпурнию принадлежит семь эклог, их цельная композиция позволяет говорить о сборнике¹. Прозвище Кальпурния Siculus, т. е. Сицилийский или Сицилиец, встречающееся в более поздних руко-

¹ О композиции «Буколик» Кальпурния см.: [Korzeniewski, 1972. S. 214–216].

писях² и изданиях³ «Буколик» Кальпурния, проливает мало света на его биографию, поскольку оно может указывать как на место его рождения, так и на его приверженность буколическому жанру, ведущему начало с Сицилии. Таким образом основным источником сведений о Кальпурнии становятся его стихи. При поиске информации о личности Кальпурния приходится иметь дело с образом автора⁴. Образ автора, конечно же, не является полным воплощением реальной личности Кальпурния, но должен отражать некоторые ее аспекты.

Кальпурний впервые аллегорически отождествляет Вергилия и Титира [Ziolkowski, 2008. P. 35]. Подобно своему предшественнику в буколическом жанре, чья судьба перекликается с судьбою его героя, Кальпурний включает в повествование намеки на ситуации из собственной жизни⁵. Появляющийся в трех эклогах Кальпурния Коридон — одно из проявлений художественного «я» автора. В Первой буколике его роль еще малопримечательна. Здесь первенство отдано Орниту, ведь именно он читает послание бога Фавна, возвещающего приход нового Золотого века⁶. Но в четвертом стихотворении сборника Коридон — уже главное действующее лицо. Во-первых, именно он размышляет о принципах нового творчества (4. 5–8). Во-вторых, он рассказывает о себе, благодаря чему складывается его небольшая биография. Кроме того, ему отдано на одну партию больше в амебейном воспевании императора, чем второму участнику — Аминту⁷.

Имя Коридон уже встречалось во Второй, Пятой и Седьмой эклогах Вергилия, в последней пастух Коридон побеждает в амебейном агоне Тирсиса, чем прославляет свое имя (Verg. Ecl. 7. 69–70). Имя Коридон становится почти синонимом определения «лучший в пении». Под влиянием Вергилия Кальпурний дает это имя своему герою.

К автобиографическим фактам в «Буколиках» Кальпурния можно отнести: покровительство Коридона-Кальпурния со стороны некоего мецената, названного аллегорически Мелибеем (1. 94, 4. 33–40), присутствие автора на зрелищах в амфитеатре (7. 23–72), и с меньшей

² Например, в Codex Riccardianus 636 [Amat, 1991. P. XI], Codex Vindobonensis 305 [Elefante, 2001. P. 192].

³ Так, например, Глезер перечисляет заголовки из известных ему изданий «Буколик» Кальпурния, во многих заголовках встречается когномен Кальпурния Siculus. См.: [Glaeser, 1842. P. 25].

⁴ В. В. Виноградов дал следующее определение образу автора: «...это образ, складывающийся или созданный из основных черт творчества поэта. Он воплощает в себе и отражает в себе иногда также и элементы художественно преобразованной его биографии» [Виноградов, 1971. С. 113].

⁵ Об элементах автобиографичности в буколическом жанре см.: [Kogenjak, 2003. S. 58–79].

⁶ На ведущую роль Орнита в первой буколике обращает внимание Г. Биндер [Binder, 2001. S. 102].

⁷ Неравное количество куплетов заставляет Коржениевски предполагать в тексте лауну из недостающей для равного числа строк реплики и полностью перераспределить партии Коридона и Аминта. Мы же усматриваем в отсутствии симметрии авторский замысел, желание подчеркнуть роль Коридона.

уверенностью — грозивший ему отъезд в Испанию (4. 38–49). Из его слов нельзя заключить, идет ли речь о ссылке⁸, или его подталкивали к отъезду финансовые проблемы, или что-то другое: ситуация описана лишь в форме намеков.

Все эти сведения содержатся в Первой, Четвертой и Седьмой эклогах, имеющих также отголоски реальных исторических событий, которые позволяют датировать сборник «Буколик» Кальпурния временем Нерона⁹.

Индивидуальное мировосприятие в значительной степени определяется возрастом человека. Согласно словарю Форчеллини, большинство античных авторов в своих представлениях о возрасте следовали традиции, отраженной у Варрона, который выделяет пять периодов жизни человека: «*pueritia*» (детство, отрочество) от начала жизни до 15 лет, «*adolescentia*» (юность, молодость) до 30 лет, «*iuventus*» (юность, молодость, время расцвета сил) до 45 лет, «*seniores*» (пожилой возраст) до 60 лет, *senectus* (старость) до конца жизни¹⁰. Как видим, и «*adolescentia*» и «*iuventus*» называют молодой возраст. Слова «*iuuenis*» и «*adolescens*» часто смешиваются¹¹.

Слово «*iuuenta*» («юность») и однокоренные довольно часто (12 раз) встречаются в сборнике Кальпурния.

«*O iuuenis!*»¹², «*о юноша!*»¹³ (4. 10), — обращается к Коридону Мелибей, сам Коридон себя называет метонимически «*docilis iuuenta*», «способная к учению юность»¹⁴ (4. 33). «*Meritae faueat deus ipse iuuentae!*», «Да будет сам бог благосклонен к заслужившей [это] юности!»¹⁵ (4. 165) — восклицание, относящееся к Коридону и почти его ровеснику Аминту, а в Седьмой буколике говорится, что Коридон должен быть в числе юношей, состязающихся в пении на празднике Парилий (7. 11–12).

Молодость — определяющее качество поющих пастухов, в буколическом мире юность воспринимается как синоним красоты. Прекрасный пастух как один из образов художественного мира буколики ярко представлен во втором стихотворении сборника (2. 3; 2. 84–91; 2. 100). Кальпурний превращает в тенденцию стремление изображать в буколике идеализированную действительность, сыграв роль в складывании современного понятия об идиллическом как прекрасном и сладостном.

⁸ В труде фон Альбрехта по истории римской литературы это место трактуется именно так: «...ihm droht eine Verbannung nach Spanien», «ему грозит ссылка в Испанию» [Albrecht, 2012. S. 836].

⁹ Подробнее см.: [Fey-Wickert, 2003. Pp. 11–12].

¹⁰ См. s. v. *aetas* [Forcellini, 1955. I. P. 137].

¹¹ См. s. v. *iuenis*: saepe cum *adolescente* confunditur [Forcellini, 1955. 2. P. 973].

¹² Латинский текст цит. по изд. [Korzeniewski, 1971. Bd. 1].

¹³ Здесь и далее перевод автора статьи.

¹⁴ Ср. *Hor. Carm. saec. 45*.

¹⁵ Благосклонности заслуживает не юность как таковая. Имеются в виду конкретные достижения молодых людей, в данном случае хорошо исполненная песня, т. е. «Да будет сам бог благосклонен к молодым людям, чьи достижения этого достойны!».

Кальпурний создавал Вторую буколику под прямым влиянием Второй буколики Вергилия и Одиннадцатой идиллии Феокрита, где помимо прочего описывается внешность пастухов.

У Феокрита Циклоп Полифем, тоже пастух, уверяет Галатею, что его внешние недостатки ему ничуть не мешают быть привлекательным, при этом он их подробно описывает: у него косматая бровь, один глаз и широкий нос (Theocr. 11. 30–33). Этим Феокрит достигает комического эффекта.

А пастух Вергилия, увидев свое отражение в глади моря, понял, что может соперничать с самим Дафнисом, эталоном прекрасного пастуха (Verg. Ecl. 2. 25–27).

У Кальпурния свою красоту воспевают пастухи Ид и Астак. Ид гордится гладкостью своего лица и нежным пушком первой бородки (2. 84–87). Астак, подхватывая тему, сравнивает свою первую бородку с пушком, которым покрыта айва¹⁶ (2. 88–91). В качестве зеркала он, как и пастух Вергилия, использует гладь воды. Первый пушок как указание на юный возраст упоминается в «Энеиде» (8. 160; 9. 181, 751; 10. 325), в репликах пастухов Кальпурния признаки первой бородки должны свидетельствовать и о юности их носителя, и о его безусловной привлекательности. Ид не описывает больше ни одной детали своей внешности, кроме юношеской бородки. Он плеонастически повторяет одну и ту же мысль: «mollissima oga», «нежнейшее лицо» (2. 85–86), «primi vestigia floris¹⁷», «признаки первого расцвета» (2. 86), «gracilis lanugo», «тонкий пушок» (2. 87). Придание особого значения первой бородке отражает и культурную традицию римлян в целом. Так, по свидетельству Светония (Nero 12. 4), император Нерон, сбрав первую бороду, посвятил ее богам в драгоценном ларце.

Таким образом, в аналогичных пассажах у Феокрита речь идет об уродстве, у Вергилия и Кальпурния — о красоте. Вергилий просто говорит, что его герой очень красив. Кальпурний заимствует мотивы Феокрита и Вергилия, дополняя их подробностями. По количеству строк, посвященных внешности, пассаж Кальпурния самый длинный (8 стихов). Сравнивая пассажи Феокрита и Кальпурния, мы видим, что последний не подхватывает иронию своего предшественника, отстраняющую автора от его героя. Кальпурний находит для изображения момент, с одной стороны, интимный, с другой, общераспространенный и значимый для каждого представителя мужского пола: момент осознания себя взрослым мужчиной. В изображении Кальпурния красота теснее, чем у его предшественников, связана с молодостью. «Признаки начала возмужания», «молодость», «красота» не просто образуют ассоциативный ряд, но фактически являются равнозначными понятиями.

Слово «iuvenis» у Кальпурния относится не только к пастухам. Поэт использует его наряду со словом «deus» («бог») для называния импе-

¹⁶ См. Verg. Ecl. 2. 51. Аналогичное сравнение появится позже у Марциала, но уже в ироническом контексте, см. Mart. 10. 42. 3.

¹⁷ *Flos* — пора расцвета и первый пушок на подбородке [Дворецкий, 2002. С. 331].

ратора. В этом он тоже следует Вергилию: «...hic illum vidi iuvenem, Meliboeo», «там я увидел того юношу, Мелибей» (Verg. Ecl. 1. 42) — говорит у Вергилия Титир об Октавиане, которому в это время было немногим более двадцати лет¹⁸.

У Вергилия слово «iuvenis» применительно к императору встречается единожды и точно в середине стихотворения. До этого, в том же стихотворении, у него уже шла речь о некоем боге (Verg. Ecl. 1. 6–10), даровавшем Титиру-Вергилию спокойствие. По-видимому, именно слово «iuvenis» однозначно указывало современникам Вергилия на то, что этот бог — Октавиан, поэтому оно стоит в акцентированной позиции — точно в центре эклоги.

Кальпурний, говоря об императоре, использует слово «iuvenis» трижды. Первое упоминание императора в сборнике поэта вводится именно этим словом — «iuvenis» (не «deus», как у Вергилия) и содержится в стихе 1. 44 (не в самой середине стихотворения, однако очень близко к ней и почти в тех же стихах по счету, что и у Вергилия его император-iuvenis — Verg. Ecl. 1. 42). Создавая панегирическое произведение, каковым является Первая буколика, Кальпурний нигде не обращается к адресату своей похвалы, более того, даже его упоминание — метонимическое, посредством слова «iuvenis» — Кальпурний ставит в форму косвенного падежа и прячет в середину гексаметрической строки, в глубину предложения. Сначала перед читателем Кальпурния возникает образ мирного Золотого века, затем Фемиды, освобожденной из плена тления, и только потом читатель узнает о причине чудесных событий — это некий iuvenis (Calp. 1. 42–45). Именно его приход стал точкой отсчета для новой эры благоденствия. Кальпурний создавал свои буколики в начале правления Нерона, в т. н. счастливое пятилетие, когда Нерон еще не успел в полной мере проявить свои отрицательные черты. Нерон, пришедший к власти в семнадцатилетнем возрасте, был, по градации Варрона, *adolescens*, однако Кальпурний называет его «iuvenis», как и Вергилий Октавиана, не достигшего тридцати лет. В 59 г. Нерон сбрасывает первую юношескую бородку, в честь этого события он учреждает Ювеналии (*Iuvenalia* «юношеские [игры]») — праздник, знаменовавший его вступление в зрелый возраст. Таким образом, традиция трактовать слово «iuventa» как возраст от 30 до 45 лет довольно условна. Слово «*adulescentia*» имеет коннотацию «взросление, рост, усиление», слово «*iuventa*» — «зрелость, расцвет, сила». Так, например, Овидий, сопоставляя времена года с различными периодами жизни человека, сравнивает лето с крепким юношей («*valens iuvenis*») и подчеркивает исключительность этого периода: «...neque enim robustior aetas / ulla nec uberior, nec quae magis

¹⁸ Первая эклога Вергилия была написана вскоре после битвы при Филиппах 42 г. до н. э., и Августу, родившемуся в 63 г. до н. э., на тот момент только исполнился 21 год. Поскольку весь сборник «Эклог» был завершен в 35 г. до н. э. (о датировке «Эклог» Вергилия см. [Albrecht, 2012. S. 560]), до достижения Октавианом тридцатилетия, то его, согласно градации Варрона, следовало бы называть «*adolescens*».

ardeat, ulla est», «...ведь нет более могучей поры, нет ее плодороднее, нет жарче» (Ovid. Met. 15. 207–208). Такова *iuventa* в представлении Овидия. Авторы выбирают слово — «*adolescens*» или «*iuuenis*» — в зависимости от того, какой аспект значения им нужно акцентировать, при этом биологический возраст может не иметь значения. *Iuventa* — это лучший возраст, возраст полноты сил, а потому поэты называют императора, которого они хотят показать носителем лучших качеств, именно словом «*iuuenis*». Кроме того, юность как время расцвета сил, т. е. *iuventa*, является постоянным качеством бессмертных богов. Так, в Четвертой буколике Кальпурния пастухи просят о даровании императору («*hunc iuuenem*») вечной жизни и вхождении его в сонм богов (4. 137–141). В Седьмой буколике «*iuuenis*» и «*deus*» соединяются: Кальпурний называет императора юношей-богом («*iuuenis deus*» — 7. 6)¹⁹, что предвосхищает заключительные строки сборника, в которых поэт сравнивает императора с Аполлоном и Марсом (7. 83–84), самыми красивыми и юными богами пантеона.

Показательны стихи Кальпурния (4. 84–86), в которых император представлен как божество, сохраняющее вечный мир («*perpetuam regit rasem*») юношеской мощью («*iuuenili robore*»).

Называя императора «*iuuenis*», Кальпурний не просто повторяет слово Вергилия, он превращает юность в ключевое качество правителя. Именно юношеская мощь («*robur iuuenile*») обеспечивает мирную жизнь.

Вергилий, говоря об Октавиане, в Первой эклоге дважды использует одну и ту же схему: благодарность (стихи Ecl. 1. 7–8 по содержанию соответствуют стихам Ecl. 1. 42–43), действия императора (стихи Ecl. 1. 9–10 соответствуют стихам Ecl. 1. 44–45. *Praesens divus* (Verg. Ecl. 1.41) Вергилия показан через восприятие Титира. Пастух говорит, что никогда не забудет образ своего благодетеля, но каков этот образ, у Вергилия нет подсказок (кроме опять же слова «*iuuenis*»). Бог Титира проявляет себя в ответ на действия пастуха, сам он не инициирует действие, он только реагирует: откликается на просьбу, получает благодарность. Благодарность Титира у Вергилия заключается в ритуальном поклонении своему благодетелю («*aram... imbuet agnus*», «ягненок оросит [кровью] алтарь» — Verg. Ecl. 1. 7–8; «*altaria fumant*», «алтари дымятся» — Verg. Ecl. 1. 43), этим поэт обозначает божественную сущность принцепса. Божественность же императора Кальпурния заключается в силе, защищающей мир, («*praesenti numine*» соотносится с «*perpetuam regit rasem*», «*praesens*» — от «*praesum*» в значении «защищаю»). *Praesens numen* (Calp. 4. 84) Кальпурния показан в дей-

¹⁹ В словарях сочетание «*iuuenis deus*» трактуется как определение и определяемое слово — «юный бог» (со ссылкой на стих Кальпурния 7. 6 — Дворецкий, Форчеллини, Lewis&Short; со ссылкой на пример у Овидия Met. 1. 531 — OLD), однако возможен еще вариант, когда «*iuuenis*» понимается субстантивно, а «*deus*» рассматривается как приложение — «юноша-бог». Именно так переводит С. В. Шервинский «*iuuenis deus*» в «Метаморфозах» Овидия, который в стихе 1. 531 юношей-богом называет Аполлона [Овидий, 1994. С. 22].

ствии, в виде излучающего силу героя-защитника. Он визуализируется. «*Robur iuvenile*» подразумевает телесность, что делает бога Кальпурния ближе к реальному миру, ближе к поэту. В отличие от Юпитера, в отличие от олимпийских богов (см. *Calp.* 4. 82–86), бог Кальпурния — здесь, *praesens* «присутствующий», он кажется достижимее. Таким образом у Кальпурния обыгрывается несколько значений слова «*praesens*».

Кальпурний целенаправленно ведет своего героя Коридона из деревни в столицу — место, где пребывает его бог. В Седьмом стихотворении Коридон окажется в Риме.

Приближение Коридона к императору происходит на разных уровнях. Кальпурний намеренно относит одно и то же слово «*iuvenis*» то к Коридону, то к императору. Близкий возраст («*vicina aetas*») должен сближать юношу-пастуха и божественного юношу-правителя, подобно тому как он сближает Коридона и его брата Аминта (4. 18) или Астака и Ида, которых объединили и красота, и пение, и любовь, и возраст (2. 100). И Коридон и его брат обдумывают одно и то же («*volvimus*» — 4. 6, «*eadem... meditatur*» — 4. 16–17), и размышления обоих связаны с Золотым веком. Имплицитно автор подводит к тому, что *iuvenis*-пастух (в сущности сам поэт) и *iuvenis*-император должны иметь близкий образ мыслей. Кальпурний претендует на особо чуткое понимание духа эпохи, которую определяет правитель. Для Кальпурния важно, что юность Коридона совпадает с началом новой эры (7. 73–75). Коридон-Кальпурний, находящийся в расцвете своих сил на рассвете новой эпохи, является истинным представителем Золотого века, поэтому ему и быть его певцом.

Благодаря Вергилию сложилось представление, что буколический жанр — это первая ступень в поэтической карьере. Завершая последнюю книгу «*Георгик*», Вергилий связывает увлечение буколическим жанром с порой своей молодости — «*iuventa*» (*Verg.* G. 4. 563–566). Ему было 28 лет, когда он приступил к созданию своих «*Буколик*». Коридон-Кальпурний мечтает повторить творческий путь Титира-Вергилия, который пел «*pasca rura duces*» (*Suet. Verg.* 36), «пастбища, села, вождей»²⁰. Сочиняя *буколики*, Кальпурний уже планирует отказ от пастушеских песен, которые у него символизируют «*ovile*» («овчарня»), в то время как символами сельскохозяйственной поэмы и эпоса служат для него «*rura*» («деревни») и «*arma*» («оружие») (4. 162–163).

Вероятно, Кальпурнию тоже было около тридцати лет, когда он занялся сочинением «*Буколик*»: он не слишком юн, но и не старше Вергилия, когда тот в начале своего поэтического поприща обратился к буколическому жанру. Кальпурний верит, что у него еще много времени для творчества. *Iuventa* Коридона-Кальпурния скорее указывает на юность творческую, на будущий творческий потенциал, чем на реальный возраст автора.

Итак, концепт «молодость» у Кальпурния характеризуется типичными ассоциациями с физическим совершенством и влюбленностью

²⁰ О творческой эволюции Вергилия см.: [Schade, 2008. S. 125–127].

(Вторая буколика), силой (Четвертая), восприимчивостью к новому (Четвертая), лучшим временем жизни (Седьмая). Автор также раскрывает концепт «молодость» и через специфические ассоциации с божественностью и с императором (Четвертая, Седьмая). Особенным в представлении Кальпурния является объединяющая, сближающая сила молодости (Вторая, Четвертая). Развивая буколический жанр по пути все большей идеализации действительности, Кальпурний связывает молодость как лучший возраст именно с этим жанром.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 846 с.
- Овидий.* Собрание сочинений: в 2-х т. СПб.: Студия Биографика, 1994. Т. 1. 528 с.
- Albrecht M. von.* Geschichte der Römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken. Berlin; Boston: de Gruyter, 2012. 1605 S.
- Calpurnii T. Siculi Eclogae.* Ad optimos codices et editiones / Recensuit et annotationibus criticis instruxit C. E. Glaeser. Göttingae: Dieterich, 1842. 140 p.
- Calpurnius S.* Bucoliques. Pseudo-Calpurnius Eloge de Pison / Texte ét. et trad. Par J. Amat. Paris: Les Belles Lettres, 1991. LVI, 136 p.
- Calpurnius S.* The eclogues / Ed. with Introduction and Commentary by C. H. Keene. London: Bell, 1887 (= 1996). 211 p.
- Effe B., Binder G.* Antike Hirtendichtung: eine Einführung. Düsseldorf; Zürich: Artemis & Winkler. 2001. 240 S.
- Elefante M.* Il nome del poeta bucolico Calpurnio. Testimonianze epigrafiche sul cognomen Siculus e sul nomen Siculius Napoli // Mnemosynon. 2001. Vol. 19. Pp. 185–193.
- Fey-Wickert B.* Calpurnius Siculus: Kommentar zur 2. und 3. Ekloge. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2003. 249 S.
- Forcellini Ae.* Lexicon totius latinitatis: in 5 tomis. Bononiae; Patavii: A. Forni, 1955. T. 1. 932 p. T. 2. 975 p.
- Korenjak M.* Tityri sub persona. Der antike Biographismus und die bukolische Tradition // A&A: Antike und Abendland. 2003. Bd. 49. S. 58–79.
- Korzeniewski D.* Die Eklogen des Calpurnius Siculus als Gedichtbuch // Museum Helveticum. 1972. Bd. 29. S. 214–216.
- Korzeniewski D.* Hirtengedichte aus Neronischer Zeit: in 2 Bände / Hrsg. u. übers. v. Korzeniewski D. Darmstadt, 1971. Bd. 1. 116 S.
- Lewis Ch. T., Short Ch.* Harpers' Latin Dictionary (Lewis&Short). Oxford; NY, 1879. 2019 p.
- Schade G.* Pascua rura duces: Vergils poetische Entwicklung // Hermes. 2008. Bd. 136. H. 1. S. 125–127.
- Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J.* The Virgilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years. New Haven; London: Yale University Press, 2008. 1082 p.

REFERENCES

- Vinogradov V.V. *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the theory of the artistic speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, 240 s.
- Dvoreckij I.H. *Latinsko-russkij slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 2002, 846 s.
- Ovidij. *Sobranije sochinenij* [Ovid Collected works], v 2-h tomah [in 2 vol.]. Saint Petersburg, Studia Biografika Publ., 1994, 528 s.

- Albrecht M. von. *Geschichte der Römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken* [The history of the Roman literature from Andronicus to Boethius and its influence]. Berlin; Boston, de Gruyter, 2012, 1605 S.
- Calpurnii T. *Siculi Eclogae. Ad optimos codices et editions* [Sicilians writing. To the best copies and editions]. Critical notes by C.E. Glaeser. Göttingen, Dieterich, 1842, 140 p.
- Calpurnius S. *The Bucolics. Pseudo-Calpurnius On the praise of Piso*, ed. and transl. by J. Amat. Paris, Les Belles Lettres, 1991, LVI, 136 p.
- Calpurnius S. *The eclogues*, ed. with Intr. and Comm. by C.H. Keene. London, Bell, 1887 (= 1996), 211 p.
- Effe B., Binder G. *Antike Hirtendichtung: eine Einführung* [Ancient pastoral: An introduction]. Düsseldorf; Zürich, Artemis & Winkler, 2001, 240 S.
- Elefante M. Il nome del poeta bucolico Calpurnio. Testimonianze epigrafiche sul cognomen Siculus e sul nomen Siculius Napoli [The name of the bucolic poet Calpurnius. The epigraphical evidences on the cognomen Siculus and nomen Siculius]. *Mnemosynon*. Naples, 2001, vol. 19, pp. 185–193.
- Fey-Wickert B. *Calpurnius Siculus: Kommentar zur 2. und 3. Ekloge* [Calpurnius Siculus: A Commentary to the Second and the Third Eclogues]. Trier, Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2003, 249 S.
- Forcellini Ae. *Lexicon totius latinitatis: in 5 tomis* [The whole Lexicon of the latin language: in 5 volumes]. Bononiae; Patavii, A. Forni, 1955, t. 1, 932 p., t. 2., 975 p.
- Korenjak M. Tityri sub persona. Der antike Biographismus und die bukolische Tradition [Tityri sub persona. The ancient autobiographical literature and the pastoral tradition]. A&A: *Antike und Abendland*, 2003, Bd. 49, S. 58–79.
- Korzeniewski D. Die Eklogen des Calpurnius Siculus als Gedichtbuch [The Eclogues of Calpurnius Siculus as a collection of poems]. *Museum Helveticum*, 1972, Bd. 29, S. 214–216.
- Korzeniewski D. *Hirtengedichte aus Neronischer Zeit* [Pastoral poems of Nero's time], Hrsg. u. übers. v. Korzeniewski D. [ed. and transl. by Korzeniewski D.]. Darmstadt, 1971, Bd. 1, 116 S.
- Lewis Ch.T., Short Ch. *Harpers' Latin Dictionary* (Lewis & Short). Oxford; NY, 1879, 2019 p.
- Schade G. *Pascua rura duces: Vergils poetische Entwicklung* [Pascua rura duces: The poetic development of Virgil]. *Hermes*, 2008, Bd. 136, H. 1, S. 125–127.
- Ziolkowski J.M., Putnam M.C.J. *The Virgilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years*. New Haven; London, Yale University Press, 2008, 1082 p.

Алла Константиновна Звагольская

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Alla Zvagolskaya

Post-graduate student

St. Petersburg State University, Russia

E-mail: allazvagolskaya@mail.ru

М. В. Зеликов

Санкт-Петербургский государственный университет

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАК ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: синтаксис, литературные памятники, художественная литература, разговорный язык, семиотика, прагматика, диалогическая речь, устная речь.

Положение о главенствующей роли синтаксиса как основы языка «в действии», до сих пор зачастую игнорируемое в отечественной романистике, объясняется недостаточным вниманием к феномену субъектной составляющей высказывания, а шире – к прагматике как части современной семиотической триады.

Внимание исследователей должно быть сконцентрировано не на определенной степени «фотографической точности» устной речи, отображаемой в художественной литературе, а на выявлении, классификации и изучении с последующим введением в обиход преподавания уже зафиксированного в литературе, начиная с древнейших памятников, материала. О подлинном своеобразии всех разновидностей устной речи позволяет судить именно синтаксический уровень.

Mikhail Zelikov

St. Petersburg State University, Russia

SYNTACTIC PECULIARITIES OF THE LITERARY MONUMENTS AS THE BASIS OF THE FUNCTIONING OF THE COLLOQUIAL LANGUAGE

Keywords: syntax, literary monuments, fiction, colloquial language, semiotics, pragmatics, dialogic speech, oral speech.

The statute supremacy of syntax as the basis of the language “in action” which has been frequently ignored until today in Russian Romanistics could be explained by the phenomena of subjective component of utterance, wider, to pragmatics as a part of the contemporary semiotic triad.

The attention of scholars must not be concentrated on the specific “photographic exactness” of the oral speech, reflected in fiction, but on determining, classification, research resulting teaching of data fixed in the oldest known literary monuments. It’s the syntactic level that allows to judge about the real originality of all kinds of oral speech.

Очевидность для современного языкознания положения о важности синтаксической составляющей устной речи, неопровержимо доказываемой уже в начале XX в. (ср. «Основой синтаксиса должна являться разговорная фраза» [Bally, 1926. P. 133]) до сих пор зачастую

игнорируется в отечественной романистике. Одной из причин этого прискорбного факта видится не внимание к процессу речевой деятельности, эксплицируемой собственно синтаксическим феноменом субъектного высказывания, исследуемого в рамках триадической (семиотической) концепции Ч. Морриса, а настойчивое муссирование давно преодоленной в общем языкознании XX–XXI вв. упрощенной до схематизма, в отличие, собственно, от дихотомии в концепции Соссюра, см.: [Сухачев, 2001], бинарности «язык — речь» (см. например: [Скрелина, Становая, 2001. С. 20–27]). Здесь же — и неоправданное стремление, сводящееся к голословным заявлениям о невозможности адекватного отображения форм разговорного языка в литературных памятниках. Подробнее см.: [Зеликов, 2014], а также ниже.

После появления существенных работ В. Байнхауэра, развивавшего идеи о значимости синтаксической составляющей романских языков своего учителя — Л. Шпитцера [Spitzer, 1918; 1922; Beinhauer, 1925; 1965; 1973 и др.] в испанистике активизировалась работа по сбору и фиксации материала языка «в действии» [Torres Martinez, 1981; Escueva y Cantarero, 1981; Quilis, 1983]. Как представляется, в значительной степени это было связано с пересмотром стереотипной точки зрения, согласно которой разговорный язык составляет явление ненормированное, а использование его является исключительно уделом представителей «необразованных слоев общества». Это доминирующее невнимание к системе разговорного языка в какой-то степени оправдывавшееся тем, что в среде его носителей отсутствовала необходимость изучать то, что составляет основу обычного каждодневного общения, закладывающегося в естественных условиях овладения родным языком, особенно пагубно отразилось на развитии методики изучения испанского за пределами Пиренейского полуострова: знать и не изучать, не сознавая, все-таки предпочтительнее, чем не изучать, не сознавая и не зная.

В настоящее время можно полностью согласиться с А. Нарбоной Хименесом, который, призывая к «слегка отряхнуть пыль инерции грамматистов», полагает, что «быть культурным носителем языка — значит владеть разнообразной гаммой регистров и каждый раз (по мере надобности) выбирать адекватный, не будучи приговоренным к необходимости использовать только один из них» [Narbona Jiménez, 1986. P. 274]. Именно разговорный язык (во всем богатом разнообразии его синтаксических моделей) лежит в основе общения столичных археологов, историков и филологов — персонажей романа М. Делибеса «Сокровище».

Данные, содержащиеся в анкетах и в записях спонтанных бесед, должны скрупулезно учитываться в такой же мере, как и анализ литературно обработанной письменной речи, всегда составляющей основной интерес зарубежных испанистов, а также отечественных. Большим подспорьем для них являются специальные издания текстов, отражающих живую разговорную речь [Ramsey, Spaulding, 1958; Hernández Alonso, 1980; González Ollé, 1982]. Благоприятным полиго-

ном для проведения исследования спонтанного разговорного языка, выходящего, по образному определению М. Родригеса Лапы, «из нашей души» [Rodríguez Lara, 1970. P. 54], является язык драматических произведений [Trinidad, 1969; Seco, 1970; Días Padilla, 1985]. О несостоятельности точки зрения относительно полезности языка театра как подспорья изучения устной речи см.: [Зеликов, 2014]. Подвергнутая тщательному рассмотрению диалогическая речь персонажей пьес А. Састре, а также других испанских драматургов, несомненно, указывает на большое количество явлений языка в «действии» и, в частности, экспрессивного синтаксиса, необходимых для совершенствования методов преподавания «разговорного языка», по которым можно было бы судить о тенденциях его развития и функционирования во второй половине XX в.

Не менее важным подспорьем здесь является диалогическая, а также эмоциональная монологическая речь прозаических произведений Х. Гойтисоло, К. Х. Селы, М. Делибеса, А. Гроссо, К. М. Гайте, Р. Санчеса Ферлосьо, А. Самора Висенте, Ф. Киньонеса, А. Галы и др. испанских авторов, представляющих «новую новеллу», которые осуществили в поствоенной прозе появление свежих, необычных образцов разговорного языка [Spires, 1979; Schraibman, 1979; Seco, 1973; Lassaleta, 1974; Sandru Olteanu, 1983; Días Padilla, 1985 и др.]. О спорадическом интересе к разговорным ресурсам более ранней прозы Б. Переса Гальдоса см.: [Onis, 1949].

Отмечая важность фиксации форм разговорного языка в письменных памятниках, некоторые исследователи говорят даже о своеобразном приоритете прозаических произведений над драматическими, указывая, например, на надуманность театральных диалогов (*dialogos pre-fabricados*), которые, по их мнению, отнюдь не точно соответствуют спонтанности разговорного языка, в отличие от более аутентичных диалогов, содержащихся в рассказах и романах [Maças, 1969. P. 247].

Блестящие образцы диалогической и спонтанной монологической речи, зачастую предварительно записанные на магнитофонную ленту, содержатся в «Двенадцати андалусских рассказах» («Doce relatos andaluces» Д. Киньонеса [Quiñones, 1989] и в «Уличных зарисовках» («Estampas de la calle») А. Саморы Висенте [Zamora Vicente, 1983], кропотливо фиксирующих огромное количество образцов устной речи, стратегически характеризующих персонажей их произведений. «Гравюры» Саморы Висенте составляют яркую грань творческой деятельности замечательного филолога, оставившего множество значительных работ в области диалектологии и диахронии испанского языка. Особое место в новой испанской новеллистике занимает роман Р. Санчеса Ферлосьо «Харама» («El Jarama») [Sánchez Ferlosio, 1973], который по мнению исследователей представляет собой «достоверное письменное воплощение (*una fiel plasmación por escrito*) разговорной речи». Как справедливо полагает Л. А. Эрнандо Куадро, заслугой Р. Санчеса Ферлосьо является обновление традиционного понятия «литературный язык» и глубоко акцентированное приближение к обычным формам

языка разговорного [Hernández Cuadrado, 1989. P. 15]. В том, что «сегодня письменный язык очень часто со всей возможной достоверностью приближается к устному», не сомневается и автор «Морфосинтаксиса испанского разговорного языка» А. М. Вигара Таусте [Vigara Tauste, 1990. P. 11] (См. также [Girón Alconchel, 1985/1986; Hernández Moreno, 1989].) Ярким примером этого является «литературизация разговорного языка» в конкретном персонаже — Кармен — в романе М. Делибеса «Пять часов с Марио» («Cinco horas con Mario») [Delibes, 1978; Vigara Tauste, 1990. P. 46].

Это произведение является продуктом блестящего языкового опыта, потребовавшего от автора упорной работы по сбору живого разговорного языка («lenguaje hablado y conversacional») — пишет А. Медина Бокос [Medina Bocos, 1989. P. 80]. Стремление заставить персонаж женского рода, по словам самого Делибеса, «заставило меня много слушать, ухватывать нить разговоров, акцентировать мое чувство наблюдателя. Не проходило почти ни дня, когда бы я не обогащал речь (персонажа) какой-нибудь фразой или каким-нибудь выражением, представляющим его (персонажа) ментальность, и которые я собирал на ходу... Я не делал заметок, не записывал услышанное выражение, я пропитывался тем, что слышал естественным образом, живя своей жизнью, и не спешил заносить услышанное в записную книжку. Затем, работая дома над текстом, я действительно вносил в него те выражения, которые остались (в моей памяти)...» [Goñi, 1985. P. 83]. Как считает А. Гульон, успех книги состоит в «создании особого языка, который по своей миметической энергии, кажется, типически воспроизводит реальный язык времени и социальный группы, и живого персонажа» [Gullón, 1980. Pp. 57–58]. Речь Кармен — разговорная фамильярная (иногда вульгарная), но всегда спонтанная [Medina-Bocos, 1989. P. 94]. Другой ее существенной чертой является диалогичность: «Монолог... Кармен имеет все характеристики диалога... она обращается к Марио так, как будто бы он действительно присутствует... Монолог (soliloquio) Кармен следует рассматривать как диалог с фиктивным собеседником» [Rey, 1975. Pp. 181–182]. Основной структурной особенностью диалогической речи является «искусное использование Делибесом формы 2-го лица, ед. числа, позволяющей ему достичь максимальной объективности» [Buckley, 1973. P. 136]¹.

В свете выше изложенного нельзя не отметить, что муссирующееся до настоящего времени мнение о том, что прямая речь литературных персонажей, подвергаемая авторской обработке, не может являться

¹ Стремление прямо уловить речь персонажа присутствовало в произведениях Делибеса и до появления «Пять часов с Марио». По мнению А. Медины-Бокос, его следует искать в его «Дневниках» («Diario de un cazador», 1955, «Diario de un emigrante», 1958). Истинным персонажем их так же является язык, как собственно, и отмечает сам автор, всегда стремящийся к литературному воспроизведению разговорного языка [Medina-Bocos, 1989. P. 116]. Воссоздание (recreación) обиходного языка (lenguaje usual) при описании персонажей своих произведений составляет общую черту новелистики Ферлосьо и Делибеса [Montero, 1968. Pp. 107–108].

надежным источником изучения устной речи — скептическое отношение к диалогу художественных произведений² трудно признать правомерным.

Литература, вопреки мнению до сих пор непонятливых «специалистов», отнюдь не искажает структуры разговорного языка, а наоборот, служит их ценным и объективным памятником. Как давно отметил Ю. М. Скребнев, обращение к подлинным образцам устной речи обязательно лишь в тех случаях, когда необходимо вскрыть весь диапазон возможностей разговорной речи [Скребнев, 1985. С. 139]. Прежде всего это следует отнести к «очень характерному свойству спонтанной речи, так называемым „хезитациям“, т. е. колебаниям, обмолвкам и „речевому браку“ — всему тому, что так поражает при прослушивании сделанной магнитофоном записи обычного разговора, и что почти не замечается — ни у себя, ни у других — непосредственно в процессе общения» [Долинин, 1985. С. 230]. Тем не менее изучение хезитаций и «других фонетических особенностей спонтанной речи, практически никогда не воссоздаваемых средствами обычной орфографии в художественной литературе» [Там же], является, возможно, лишь будущей задачей ее изучения³.

Внимание исследователей должно быть сконцентрировано не на определении степени «фотографической точности» устной (и, в частности, спонтанной) речи, отображаемой в художественной литературе (в принципе, такая возможность, как о том было сказано выше, не исключается)⁴, а на выявлении, классификации и изучении с последующим введением в обиход преподавания уже зафиксированного, начиная с древнейших времен литературных памятников, материала.

Значительным подспорьем для фокусирования интереса к разработке аспекта исторического синтаксиса, свидетельствующего о су-

² Ср., например, следующие размышления: «Художественная литература всегда отражала и отражает подлинную разговорную речь не „один к одному“, а сугубо условно. Диалог действующих лиц в прозе и диалог в драматургии не фотография, а творческий портрет, порой достаточно далекий от оригинала, т. е. опять-таки интерпретация, но не явная, как в косвенной речи, а скрытая» [Долинин, 1985. С. 230; Успенский, 1970. С. 64]. Тем не менее ниже К. А. Долинин пишет: «...У Мопассана стремление к этнографической точности, которое проявляется в последовательном воспроизведении не только синтаксических и лексических, но и фонетических особенностей речи нормандских крестьян, тогда как у Жорж Санд обнаруживаются лишь отдельные лексические примеры просторечия <...> а что касается синтаксиса, то он мало отличается от синтаксиса авторского повествования» [Там же].

³ Так, рассматривая вопрос о неразрывной связи, существующий между синтаксический и интонационной структурами в спонтанной речи, Р. Сорникола отмечает, что «мы должны сознавать, что при изучении разговорного языка мы сталкиваемся с функционально независимыми от синтаксиса и от просодики моделями, разработка которых (в языкознании) только начинается» [Sornicola, 1994. P. 118]. То же можно отнести к вопросу о взаимоотношении тональных групп в синтаксических структурах итальянской спонтанной речи [Voghera, 1990].

⁴ То же в полной мере относится к исследованию «метаязыковых» особенностей речи персонажей художественных произведений.

ществленности роли историко-прагматической составляющей [Баева, 2012. С. 10–12] испанского языка, являются специальные исследования, осуществленные в 80–90-х гг. XX в. и в течение первого десятилетия текущего столетия [Urrutia Cárdenas, Alvarez Alvarez, 1983; Narbona Jiménez, 1984–1985; Eberenz, 2000; López García, 2002; Ridruejo, 1994; Camus Bergareche, 2004; Company Company, 2006].

Таким образом, именно синтаксический уровень позволяет судить о подлинном своеобразии устной речи (во всех трех ее разновидностях [Долинин, 1978. С. 274–275]). Что касается «хезитации», то внимание к ее проявлениям диктуется, прежде всего, существенностью вопроса о психологическом состоянии персонажа.

Действительно, в современной испанистике призыв к созданию грамматики разговорного языка (к которой «в Испании не проявлялось научного интереса» [Carballo Picaso, 1962]) с акцентом на изучение его синтаксической составляющей, слышится в работах многих грамматистов⁵.

«То, что нужно создать грамматику разговорного языка, признается всеми» — констатирует А. Нарбона Хименес [Narbona Jiménez, 1986. P. 233]. По мнению Г. Эрреро Моррено, этому может способствовать «комплексное и тщательное исследование разговорного языка, составляющее одну из первостепенных целей современного языкознания» [Herrero Morreno, 1990. P. 255]. Стратегическая важность обращения к устной речи, а не к письменным текстам как к основному объекту и предмету исследования» не только в синхронии, но и в диахронии, подчеркивают Б. П. Нарумов [Нарумов, 1993] и Э. Аларкос Льорак [Alarcos Llorac, 1996. P. 12] (подробнее см.: [Зеликов, 2005. С. 26]).

Предложивший специальный термин для обозначения «разговорной грамматики» — «фемииология» (*femiología*) Г. Сальвадор отмечает, что до настоящего времени рассмотрение (*observaciones*) разговорного языка в нашей стране (Испании. — М. З.) было минимальным, случайным и не охватывало всей совокупности вопросов дисциплины (*de escaso relieve en el conjunto total de la disciplina*). Перед лингвистами «стоит задача создания синтаксиса разговорного языка и задача эта является насущной» [Salvador, 1977. P. 63]. То же подчеркивает и А. М. Вигара Таусте: «Большинство авторов сегодня согласны с тем, что действительный интерес для конкретного изучения разговорного общения (*coloquio*) представляет синтаксис, а синтаксические явления составляют нутро разговорного языка» (*la entraña del lenguaje coloquial*) [Vigara Tauste, 1990. P. 19]. Пока же, несмотря на то, что вопрос о чрезвычайной важности исследования синтаксического уровня романских языков со всей определенностью был поставлен еще Л. Шпитцером [Spitzer, 1918], нельзя не согласиться с тем, что «это трудная задача» [Herrero Morreno, 1990. P. 255], т. к., «несмотря на всю важность изуче-

⁵ То же — в современной русистике: «Чрезвычайно заманчивая перспектива разработки вопроса о генезисе современного русского устно-разговорного синтаксиса еще не начала реализовываться в исследованиях» [Лаптева, 1976. С. 374].

ние разговорного языка (вообще. — М. З.) находится все еще на своем начальном этапе [там же] и «концепция его еще только начинает складываться» [Sandru Olteanu, 1982. P. 295].

Об определяющей роли синтаксического уровня, до сих пор совершенно неудовлетворительно изученного в испанской (шире — романской) коллоквиалистике, свидетельствует, например, тот факт, что исследователи, пишущие об устной речи персонажей художественных произведений, отмечают преимущественно его синтаксические характеристики. Так, характеризующая разговорный язык Кармен, движущийся «между междометием и грамматикой», А. Медина-Бокос указывает на то, что он «полон повторов, эмфатических форм, модизмов, присказок, неточных выражений, обрывистых фраз, эллиптических конструкций» [Medina-Bocos, 1989. P. 81]. С другой стороны, также хорошо известно, что рекомендуемые некоторыми специалистами в качестве источников изучения разговорной (устной) речи «Корпусы» романских языков непосредственно созданы на подборках примеров из художественной литературы. См., например: [Koch, Oesterreicher, 1990].

Несмотря на определенный прогресс, достигнутый в исследовании синтаксиса разговорной речи (языка) в испанистике [Rojo, 1983; Briz, 1996; Martín Cid, 1998; Serrano, 1999; Zagona, 2002; Rodríguez Espiñera, 2004; Fuentes Rodríguez, 2005; Gutiérrez, 2004 и др.], указывающий в целом на отход от доминирующего «лексико-морфологического» подхода, о создании последовательной и целостной концепции этих авторов, преимущественно фрагментарно исследующих отдельные синтаксические феномены, также говорить не приходится. Основным недостатком современных исследователей (также как и работ, появившихся в 60–90 гг. XX в.) является отсутствие внимания к последовательному выявлению структурных, а также модально-иллюкционных моделей простого предложения [Zélikov, 1995].

Наибольшая концентрация разнообразных конфигураций этих синтаксических образований, диалогической и монологической речи художественных произведений, также содержащихся в ранних памятниках литературы, отмечается в спонтанной речи, записанной на магнитофонную пленку. Так, например, в беседе трех информантов из Мадридского университета (серия «*Diálogos secretos*» — «Тайные диалоги») [Escueva, Cantarero, 1981. Pp. 399–407], помимо графически отмеченных «хезитаций» и других «фонетических особенностей спонтанной речи», можно отметить структурные (субъектные, объектные, компрессивные (атрибутивные и разнообразные эллиптические образования) и расширительные) и модально-иллюкционные (отрицательные, повелительные, вопросительные, восклицательные) модели, лежащие в основе формирования и функционирования простого испанского предложения. Систематизация и классификация богатого разнообразия последних, также зафиксированных в памятниках литературы, должна составить первостепенную задачу современной испанской коллоквиалистики.

ЛИТЕРАТУРА

- Баева Г. А. Проблематика историко-прагматических исследований // Очерки по исторической прагматике германских языков. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. С. 7–28.
- Долинин К. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985. 304 с.
- Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. 343 с.
- Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберо-романских языков. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 448 с.
- Зеликов М. В. Реконструкция устной речи как объекта диахронии // XLIV Межд. филологическая конференция (март 2014, Санкт-Петербург). СПбГУ, филологический факультет. История языка (романо-германский цикл). СПб., 2014.
- Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 400 с.
- Нарумов Б. П. Объект и предмет исторических грамматик иберо-романских языков // Романская филология: сб. научн. трудов. Екатеринбург, 1993. С. 106–115.
- Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 210 с.
- Скрелина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. М.: Высшая школа, 2001. 464 с.
- Сухачев Н. Л. Язык, система, норма // Res Philologica II. Филологические исследования. Сб. статей памяти акад. Г. В. Степанова. К 80-летию со дня рождения РАН ИЛИ. СПб.: Петрополис, 2001. С. 319–330.
- Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 257 с.
- Alarcos Llorac E. Enseñar gramática es inútil antes de los 14 años // Boletín cultural. 1996. № 163. Pp. 11–12.
- Bally Ch. Le langage et la vie. Paris, 1926.
- Beinhauer W. Dos tendencias antagónicas en el lenguaje colloquial español // Español actual. 1965. № 6.
- Beinhauer W. Frases y diálogos en la vida diaria. Leipzig: Reiland, 1925. 115 S.
- Beinhauer W. Spanische Umgangssprache. Berlin; Bonn: Dümmlers, 1930. XVI, 268 S.
- Buckley R. Problemas formales de la novela española contemporánea. Barcelona: Península, 1973. 214 p.
- Camus Bergareche B. Sintaxis histórica del español. T.1. La frase verbal. México, 2004.
- Carballo Picazo A. Español coloquial. Madrid, 1962.
- Company Company C. Sintaxis histórica de la lengua española. I–II volúmenes. México, 2006.
- Delibes M. “Cinco horas con Mario”. Moscú, 1978.
- Díaz Padilla F. El habla coloquial en el teatro de Antonio Gala. Oviedo, 1985.
- Eberenz R. El español en el otoño de la Edad Media. Sobre el artículo y los pronombres. Madrid, 2000.
- Escueva M., Cantarero M. El habla de la ciudad de Madrid. Materiales para el estudio. Madrid, 1981.
- Fuentes Rodríguez C. Hacia una sintaxis del enunciado // Lingüística española actual. 2005. Vol. 27/1. Pp. 33–61.
- Girón Alconchel J. L. La “escritura del habla” y el discurso indirecto libre en español // Archivo de la Filología Aragonesa. 1985/1986. № 36–37. Pp. 173–204.
- Goñi J. Cinco horas con Miguel Delibes. Madrid, 1985.
- González Ollé F. Textos para el estudio del español coloquial. Pamplona, 1982.
- Guitierrez M. L. Las estructuras sintácticas del español actual. Madrid, 1978.

- Hernández Alonso C.* Comentario de un texto coloquial // *Hispanic Journal*. 1980. T. 4/2. Pp. 89–103.
- Hernández C.* El español popular y su adaptación literaria // *Linguística Antverpiensia*. 1989. Vol. 23. Pp. 83–100.
- Hernando Cuadrado L. A.* El español coloquial en “El Jarama”. Madrid, 1988.
- Herrero Moreno G.* La lengua coloquial. Concepto y factores que la caracterizan // *Anuario de la lingüística hispánica*. 1990. Vol. 6. Pp. 255–278.
- Koch P., Oesterreicher W.* *Gesprochene Sprache in der Romania*. Franzosisch, Italienisch, Spanish. Tübingen, 1990.
- Lassaleta M. C.* Aportación al estudio del lenguaje coloquial galdosiano. Madrid, 1974.
- López García A.* Como surgió el español. Introducción a la sintaxis histórica del español antiguo. Madrid, 2002.
- Maças D.* Fórmulas interlocutorias do diálogo no português moderno coloquial // *Biblos*. 1969. Nº 45.
- Martín Cid M.* Sintaxis funcional básica del español: Estrato, propiedad y operaciones. Sevilla, 1998.
- Medina-Bocos A.* “Cinco horas con Mario”. Guías de lectura. Madrid, 1989.
- Montero I.* Cinco horas con Mario: el lenguaje del limbo // *Revista de Occidente*. 1968. Vol. 61. Pp. 101–117.
- Narbona Jiménez A.* Para un repertorio bibliográfico básico de sintaxis histórica del español // *Alfinge*. 1984–1985. Vol. 2. Pp. 231–258, Vol. 3. Pp. 277–279.
- Narbona Jiménez A.* Problemas de sintaxis coloquial andaluza // *Revista Española de Lingüística*. a. 16/2. 1986. Pp. 229–275.
- Onís J. de.* La lengua popular madrileña en la obra de Pérez Galdos // *Revista Hispánica Moderna*. 1949. T. XV. Pp. 353–363.
- Quilis A.* La concordancia gramatical en la lengua española hablada en Madrid. Madrid, 1983.
- Quiñonez F.* “Doce relatos andaluces”. La Habana, 1989.
- Ramsey M. M., Spaulding R. X.* *A textbook of Modern Spanish*. London, 1958.
- Rey A.* La originalidad novelística de Delibes. Universidad de Santiago, 1975.
- Ridruejo E.* Sintaxis histórica / Actas del congreso de la lengua española (Sevilla, 7–10/ X. 1992.) Madrid, 1994. Pp. 587–596.
- Rodríguez Espiñera M. J.* *Lecciones de sintaxis española*. Santiago de Compostela, 2004.
- Rodríguez Lapa M.* *Estlistica da Lingua Portuguesa*. Rio de Janeiro, 1970.
- Rojo G.* Aspectos básicos de sintaxis funcional. Madrid, 1983.
- Salvador G.* La investigación de textos hablados // *Revista Española de Lingüística*. 1977. Nº 7. Pp. 59–68.
- Sánchez Ferlosio R.* *El Jarama*. Madrid. 1973.
- Sandru Olteanu T.* Algunos aspectos del lenguaje coloquial en la novela de Alonso Zamora Vicente “Mesa, sobremesa” / Homenaje a A. Zamora Vicente. 1988. I. Pp. 501–509.
- Sandru Olteanu T.* Observaciones sobre el español coloquial: construcciones de valor superlativo // *Revue Roumaine de Linguistique*. 1982. T. 27/4. Pp. 294–299.
- Schraibman J.* Ruptura de “forma” y “lenguaje” en la novela española de postguerra // *Insula*. 1979. Nº 396–397. Pp. 11–12.
- Seco M.* *Arniches y el habla de Madrid*. Madrid; Barcelona, 1970.
- Seco M.* La lengua coloquial “Entre visillos” de C. Martín Gaité. El comentario de textos. 1. Madrid, 1973.
- Serrano M. J.* *Estudios de variación sintáctica*. Madrid; Frankfurt, 1999.

- Sornicola R.* Come parlano gli italiani. Firenze, 1994.
- Spires R.* El nuevo lenguaje de la “nueva novela” // *Insula*. 1979. № 396–397. Pp. 6–7.
- Spitzer L.* Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistik. Halle, 1918.
- Spitzer L.* Italianische Umgangssprache. Bonn; Leipzig, 1992.
- Torres Martínez J. C. de.* Encuestas léxicas del habla culta de Madrid. Madrid, 1981.
- Trinidad F.* Arriches. Un estudio del habla popular madrileña. Madrid, 1969.
- Urrutia Cárdenas H., Alvarez Alvarez M. L.* Esquema de morfosintaxis histórica del español. Bilbao, 1983.
- Vigara Tauste A. M.* Aspectos del español hablado. Madrid, 1990.
- Vigara Tauste A. M.* Morfosintaxis del español coloquial. Madrid, 1992.
- Voghera M.* Gruppi tonali e strutture sintatiche nell italiano parlato spontaneo // *Italianist*. 1990. № 10. Pp. 175–203.
- Zagona K.* The syntax of Spanish. Cambridge, 2002.
- Zamora Vicente A.* “Estampas de la calle”. Madrid, 1983.
- Zélikov M. V.* Problemas de la gramática coloquial española / Actas I conferencia de Hispanistas de Rusia (9–11.02.1994. Moscú). Madrid, 1995. Pp. 165–166.

REFERENCES

- Baeva G.A. *Problematika istoriko-pragmaticeskikh issledovanij* [The problems of historic-pragmatics research]. Oчерki po istoricheskoi pragmatike germanskikh jazykov. Saint Petersburg, St. Petersburg. Univ. Publ., 2012, s. 7–28.
- Dolinin K.A. *Interpretacija teksta* [Interpretation of text]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985, 304 s.
- Dolinin K.A. *Stilistika francuzskogo jazyka* [Stylistics of French]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1978, 343 s.
- Zelikov M.V. *Kompresija kak faktor struktury i funkcionirovanija ibero-romanskikh jazykov* [Compression as a structural functional factor of ibero-romance languages]. Saint Petersburg, St. Petersburg. Univ. Publ., 2005, 448 s.
- Zélikov M.V. *Rekonstrukcija ustnoj rechi kak ob'ekta diahronii* [Reconstruction of oral speech as diachronic object]. XLIV mezhd. Fil-ja konferencija (March, 2014, Saint Petersburg). SPbGU, filologicheskii fakul'tet. Istorija jazyka (romano-germanskij cikl). Saint Petersburg, 2014.
- Lapteva O.A. *Russkij razgovornyj sintaksis* [Russian colloquial syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 400 s.
- Narumov B.P. *Ob'ekt i predmet istoricheskikh grammatik ibero-romanskikh jazykov* [The objective of historic grammars of ibero-romance languages]. Romanskaja filologija: Sb. nuchn. trudov. Ekaterinburg, 1993, s. 106–115.
- Skrebnev Ju.M. *Vvedenie v kollokvialistiku* [Introduction in colloquialistics]. Saratov, Saratov' University Publ., 1985, 210 s.
- Skrelina L.M., Stanovaja L.A. *Istorija francuzskogo jazyka* [History of french]. Moscow, Vushhaya shkola Publ., 2001, 464 s.
- Suhachev N.L. *Jazyk, sistema, norma* [Language, system, norm]. Res Philologica II. Filologicheskie issledovanija. Sb. statej pamjati akad. G.V. Stepanova. K 80-letiju so dnja rozhdenija RAN IIL. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 2001, s. 319–330.
- Uspenskij B.A. *Pojetika kompozicii* [Poetics of composition]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, 257 s.
- Alarcos Llorac E. Enseñar gramática es inútil antes de los 14 años [Teaching grammar is useless before age 14]. *Boletín cultural*, 1996, № 163, pp. 11–12.
- Bally Ch. *Le langage et la vie* [The language and life]. Paris, 1926.

- Beinhauer W. Dos tendencias antagónicas en el lenguaje coloquial español [Two antagonistic tendencies in the Spanish colloquial language]. *Español actual*, 1965, Nº 6.
- Beinhauer W. *Frases y diálogos en la vida diaria* [Phrases and dialogues in daily life]. Leipzig: Reisland, 1925, 115 S.
- Beinhauer W. *Spanische Umgangssprache* [Spanish colloquial]. Berlin; Bonn: Dümmlers, 1930, XVI, 268 S.
- Buckley R. *Problemas formales de la novela española contemporánea* [Formal problems of contemporary Spanish novel]. Barcelona: Península, 1973, 214 p.
- Camus Bergareche B. *Sintaxis histórica del español* [Spanish historical syntax]. T. 1. La frase verbal. México, 2004.
- Carballo Picazo A. *Español coloquial* [Conversational Spanish]. Madrid, 1962.
- Company Company C. *Sintaxis histórica de la lengua española* [Historical syntax of Spanish]. I–II volumen. México, 2006.
- Delibes M. “Cinco horas con Mario” [Five hours with Mario]. Moscú, 1978.
- Díaz Padilla F. *El habla coloquial en el teatro de Antonio Gala* [Normal speech in the theater of Antonio Gala]. Oviedo, 1985.
- Eberenz R. *El español en el otoño de la Edad Media. Sobre el artículo y los pronombres* [The Spanish in the autumn of the Middle Ages. On the article and the pronouns]. Madrid, 2000.
- Escueva M., Cantarero M. *El habla de la ciudad de Madrid. Materiales para el estudio* [The speaking part of the City of Madrid. Study Materials]. Madrid, 1981.
- Fuentes Rodríguez C. Hacia una sintaxis del enunciado [Towards a syntax statement]. *Linguística española actual*, 2005, vol. 27/1, pp. 33–61.
- Girón Alconchel J.L. La “escritura del habla” y el discurso indirecto libre en español [“Writing speech” and free indirect speech in Spanish]. *Archivo de la Filología Aragonesa*, 1985/1986, Nº 36–37, pp. 173–204.
- Goñi J. *Cinco horas con Miguel Delibes* [Five hours with Miguel Delibes]. Madrid, 1985.
- González Ollé F. *Textos para el estudio del español coloquial* [Texts for the study of colloquial Spanish]. Pamplona, 1982.
- Gutiérrez M.L. *Las estructuras sintácticas del español actual* [Syntactic structures of the current Spanish]. Madrid, 1978.
- Hernández Alonso C. Comentario de un texto coloquial [Comment from a colloquial text]. *Hispanic Journal*, 1980, t. 4/2, pp. 89–103.
- Hernández C. El español popular y su adaptación literaria [The popular Spanish and literary adaptation]. *Linguística Antverpiensia*, 1989, vol. 23, pp. 83–100.
- Hernando Cuadrado L.A. *El español coloquial en “El Jarama”* [The colloquial Spanish “El Jarama”]. Madrid, 1988.
- Herrero Moreno G. La lengua coloquial. Concepto y factores que la caracterizan [The colloquial language. Characterizing Concept and factors]. *Anuario de la lingüística hispánica*, 1990, vol. 6, pp. 255–278.
- Koch P., Oesterreicher W. *Gesprochene Sprache in der Romania. Französisch, Italienisch, Spanisch* [Spoken language in Romania. French, Italian, Spanish]. Tübingen, 1990.
- Lassaleta M.C. *Aportación al estudio del lenguaje coloquial galdosiano* [Contribution to the study of colloquial language Galdosian]. Madrid, 1974.
- López García A. *Como surgió el español. Introducción a la sintaxis histórica del español antiguo* [As the Spanish came. Introduction to the Old Spanish historical syntax]. Madrid, 2002.
- Maças D. Fórmulas interlocutorias do diálogo no português moderno coloquial [Interlocutory formulas do not Portuguese modern colloquial dialogue]. *Biblos*, 1969, Nº 45.

- Martín Cid M. *Sintaxis funcional básica del español: Estrato, propiedad y operaciones* [Spanish basic functional syntax: Stratum, property and operations]. Sevilla, 1998.
- Medina-Bocos A. "Cinco horas con Mario". *Guías de lectura* ["Five hours with Mario". Reading guides]. Madrid, 1989.
- Montero I. Cinco horas con Mario: el lenguaje del limbo [Five hours with Mario: the language of limbo]. *Revista de Occidente*, 1968, vol. 61, pp. 101–117.
- Narbona Jiménez A. Para un repertorio bibliográfico básico de sintaxis histórica del español [For a basic bibliographic repertoire of historical syntax of Spanish]. *Alfinge*, 1984–1985, vol. 2, pp. 251–258, vol. 3, pp. 277–279.
- Narbona Jiménez A. Problemas de sintaxis coloquial andaluza [Andalusian colloquial syntax problems]. *Revista Española de Lingüística*, a. 16/2, 1986, pp. 229–275.
- Onís J. de. La lengua popular madrileña en la obra de Pérez Galdos [Madrid popular language in the work of Perez Galdos]. *Revista Hispánica Moderna*, 1949, t. XV, pp. 353–363.
- Quilis A. *La concordancia gramatical en la lengua española hablada en Madrid* [The grammatical agreement in the Spanish language spoken in Madrid]. Madrid, 1983.
- Quiñonez F. "Doce relatos andaluces" ["Twelve Andalusian stories"]. La Habana, 1989.
- Ramsey M.M., Spaulding R.X. *A textbook of Modern Spanish*. London, 1958.
- Rey A. *La originalidad novelística de Delibes* [The original novel of Delibes]. Universidad de Santiago, 1975.
- Ridruejo E. *Sintaxis histórica* [Historical Syntax]. Actas del congreso de la lengua española (Sevilla, 7–10/ X, 1992.) Madrid, 1994, pp. 587–596.
- Rodríguez Espiñera M.J. *Lecciones de sintaxis española* [Lessons of Spanish syntax]. Santiago de Compostela, 2004.
- Rodríguez Lapa M. *Estilística da Lingua Portuguesa* [The Stylistics of of Portuguese Language]. Rio de Janeiro, 1970.
- Rojo G. *Aspectos básicos de sintaxis funcional* [Functional basics syntax]. Madrid, 1983.
- Salvador G. La investigación de textos hablados [The investigation of spoken texts]. *Revista Española de Lingüística*, 1977, Nº 7, pp. 59–68.
- Sánchez Ferlosio R. *El Jarama*. Madrid. 1973.
- Sandru Olteanu T. *Algunos aspectos del lenguaje coloquial en la novela de Alonso Zamora Vicente "Mesa, sobremesa"* [Some aspects of colloquial language on the novel by Alonso Zamora Vicente "Mesa, desktop"]. Homenaje a A. Zamora Vicente, 1988, I, pp. 501–509.
- Sandru Olteanu T. Observaciones sobre el español coloquial: construcciones de valor superlativo [Comments on conversational Spanish: constructions of superlative value]. *Revue Roumaine de Linguistique*, 1982, t. 27/4, pp. 294–299.
- Schraibman J. Ruptura de "forma" y "lenguaje" en la novela española de postguerra [Rupture of "form" and "language" in the Spanish novel of postwar]. *Insula*, 1979, Nº 396–397, pp. 11–12.
- Seco M. *Arniches y el habla de Madrid* [Argoes and speech of Madrid]. Madrid; Barcelona, 1970.
- Seco M. *La lengua coloquial "Entre visillos" de C. Martín Gaité. El comentario de textos* [The colloquial language "Between curtains" of C. Martin Gaité. The text commentary]. 1. Madrid, 1973.
- Serrano M.J. *Estudios de variación sintáctica* [Studies of syntactic variation]. Madrid; Frankfurt, 1999.
- Sornicola R. *Come parlano gli italiani* [How to speak Italians]. Firenze, 1994.
- Spires R. El nuevo lenguaje de la "nueva novela" [The new language of the "new novel"]. *Insula*, 1979, Nº 396–397, pp. 6–7.

- Spitzer L. *Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistik* [Essay for Romanesque syntax and stylistics]. Halle, 1918.
- Spitzer L. *Italianische Umgangssprache* [Italian colloquial]. Bonn; Leipzig, 1992.
- Torres Martínez J.C. de. *Encuestas léxicas del habla culta de Madrid* [Lexical surveys educated speech of Madrid]. Madrid, 1981.
- Trinidad F. Arriches. *Un estudio del habla popular madrileña* [A study of the popular speech of Madrid]. Madrid, 1969.
- Urrutia Cárdenas H., Alvarez Alvarez M.L. *Esquema de morfosintaxis histórica del español* [Scheme of historic Spanish morphosyntax]. Bilbao, 1983.
- Vigara Tauste A.M. *Aspectos del español hablado* [Aspects of spoken Spanish]. Madrid, 1990.
- Vigara Tauste A.M. *Morfosintaxis del español coloquial* [Morfosyntax of the colloquial Spanish]. Madrid, 1992.
- Voghera M. Gruppi tonali e strutture sintatiche nell italiano parlato spontaneo [Groups of tonal and syntactic structures in Italian spontaneous speech]. *Italianist*, 1990, № 10, pp. 175–203.
- Zagona K. *The syntax of Spanish*. Cambridge, 2002.
- Zamora Vicente A. *“Estampas de la calle”* [“Patterns of the Street”]. Madrid, 1983.
- Zélikov M.V. *Problemas de la gramática coloquial española* [Problems of the colloquial Spanish grammar]. Actas I conferencia de Hispanistas de Rusia (9–11.02.1994. Moscú). Madrid, 1995, pp. 165–166.

Михаил Викторович Зеликов

Доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Mikhail Zelikov

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: zelikovmv@yandex.ru

Е. В. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет

КАРТИНА МИРА В АНГЛИЙСКИХ АНТИПОСЛОВИЦАХ

Ключевые слова: антипословица, языковая картина мира, пословичная картина мира, антипословичная картина мира, менталитет, семантика.

В статье рассматривается семантика английских антипословиц, устанавливаются некоторые черты сходства и различия пословичной и антипословичной картин мира, анализируется мировосприятие современного человека, отраженное антипословицами. Антипословица является суждением, построенным на основе традиционной пословицы и изменяющим ее значение. В отличие от пословиц, позволяющих человеку воспользоваться устоявшейся системой взглядов и ценностей, антипословицы демонстрируют стремление индивида выделиться из толпы и утвердить собственное «я». Значительная часть антипословиц отражает менталитет современного человека, его изменившийся взгляд на «вечные истины», незыблемые ценности, его отношение к реалиям современного мира. Их содержательное пространство, формируемое как значением, так и внутренней формой, образует антипословичную картину мира, во многом противопоставленную пословичной картине мира. В антипословицах появляются новые темы, не свойственные пословичной картине мира: коррумпированность политических деятелей, проблема избыточного веса, трудности парковки, значимость компьютера в современной жизни и пр. Описание семантики антипословиц позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира, более созвучный мировосприятию современного человека, чем тот, который репрезентирован просуществовавшими не одно столетие пословицами.

Elizaveta Ivanova

St. Petersburg State University, Russia

THE WORLDVIEW IN ENGLISH ANTI-PROVERBS

Keywords: anti-proverb, language worldview, proverb worldview, anti-proverb worldview, mentality, semantics.

The article focuses on the semantics of English anti-proverbs, defines some features of the proverb and the anti-proverb worldview, and analyses how modern people perceive the world as reflected in anti-proverbs. An anti-proverb is referred to as a statement which is based on a traditional proverb and changes its meaning. Unlike proverbs, which represent a deeply-rooted system of views and values, anti-proverbs help a person to stand out from the crowd and to assert himself. A vast number of anti-proverbs reflect the mentality of modern people, our changed views on "eternal truth", conventional values, and our approach to modern life. The concepts of anti-proverbs are formed by both their meaning and inner form and define the anti-proverb worldview, which largely contradicts the proverb worldview. Anti-proverbs feature various themes which are not typical of the proverb worldview: corrupt political leaders, obesity, parking problems, computers in modern life etc.

The semantic analysis of anti-proverbs leads to the reconstruction of a fragment of the language worldview, which corresponds to a greater degree to how modern people perceive the world, than to how it is reflected in traditional proverbs.

Понятие языковой картины мира (ЯКМ), прочно вошло за последние двадцать лет в научный обиход и относится к одним из ключевых понятий современной лингвистики. Оно позволило по-новому взглянуть на семантику языковых единиц и описать ее как отражение мировосприятия, которое обусловлено культурно-историческими и природно-географическими условиями проживания языкового социума.

ЯКМ рассматривают как «заключенную в языке интерпретацию действительности» [Бартмицкий, 2005. С. 88], как схему восприятия действительности, зафиксированную в языке и специфичную для данного коллектива [Яковлева, 1994. С. 9].

Реконструкция ЯКМ предполагает гипотетическое моделирование некой концептуальной области, выстраиваемой над семантическим пространством, образованным совокупностью языковых единиц. Реконструируемая концептуализация мира в языке является синхронно-диахронической, поскольку базируется на семантике языковых единиц, просуществовавших не одно столетие. Закрепленное в их семантике, особенно во внутренней форме, знание рассматривается лингвистами как результат «наивного» [Апресян, 1995. С. 39; Яковлева, 1994. С. 10], обыденного восприятия порядка вещей в противоположность научному их пониманию и объяснению.

ЯКМ является в целом упрощенной и устаревшей моделью мира, что отнюдь не умаляет ее значимости и интереса для проведения лингвистических исследований. В полной мере это относится к пословичной картине мира (ПКМ), которая представляет собой часть ЯКМ.

Пословицы отражают далеко не самую современную интерпретацию мира, несмотря на то, что описываемые в них ситуации повторяются на протяжении веков, и они повествуют, как отмечает Дж. Обелкевич, о том, что неизменно в человеческой натуре [Obelkevich, 1994. P. 214]. Если мы хотим получить более актуальное представление о мире, мы должны обратиться к семантике недавно появившихся слов или фразеологических единиц, в частности, к так называемым антипословицам. Антипословицы отражают происходящие в обществе изменения, неприятие и осуждение традиционного понимания миропорядка.

Антипословица — это суждение, построенное на основе традиционной пословицы и изменяющее ее значение. Оно называется антипословицей потому, что отрицает утверждаемые пословицей нормы и правила поведения, часто высмеивает их или же демонстрирует несерьезное к ним отношение.

If you must rise early, be sure you are a bird and not a worm (The early bird catches the worm).

В данной антипословице (АП) шутивно обыгрывается ситуация внутренней формы пословицы, в которой рано вставшей птичке достается червяк. В АП акценты в ситуации смещаются, в результате рано встающими оказываются два персонажа — птица и червяк (в по-

словце червяк — это просто объект, на который направляется действие птицы, о времени его пробуждения речи нет). В итоге, рождается новый смысл, суть которого в том, что важно не просто встать рано, важно еще какая роль тебе при этом достанется.

Существует и более широкое понимание АП, согласно которому последние рассматриваются не только как модификации традиционных пословиц, но и как модификации афоризмов, а также как высказывания, созданные на основе переосмысления сказочных и иных прецедентных текстов [Вальтер, Мокиенко, 2005]. Однако в данном случае будем придерживаться более узкого определения, которое представлено, например, в Словаре антипословиц В. Мидера и А.Т. Литовкиной [Mieder, Litovkina, 2002], т. е. будем рассматривать антипословицы как модификации именно пословиц.

Эти модификации достигаются за счет замены компонента или части традиционной пословицы (Home is where the *mortgage* is < Home is where the *heart* is), подстановки компонента или компонентов (No man can serve two masters... or mistresses < No man can serve two masters), добавления развернутых членов предложения или предикативных структур, расширяющих структуру исходного пословичного предложения (Misery loves company, but can't bear competition < Misery loves company). Возможно сочетание нескольких способов (Anything worth doing is worth hiring someone who knows how to do it right < If a thing is worth doing, it is worth doing well), возможно сохранение лишь образа и отдельных компонентов исходной пословицы (A pessimist is someone who sees a cloud in every silver lining < Every cloud has a silver lining). АП в структурном отношении представляют собой весьма неоднородное явление. Некоторые из них являются сложными синтаксическими структурами, мало напоминающими традиционные пословицы. В некоторых случаях на основе переосмысления пословицы возникает два антипословичных предложения. Этот факт лишний раз доказывает, что в языке нет строгих границ, что одни языковые явления плавно переходят в другие.

Пословицы предлагают человеку проверенный и одобренный опыт предшествующих поколений, на который он может опереться и которым он может обосновать свою линию поведения [Carnes, 1994. P. 475]. Используя пословицы, индивидуум прибегает к общественному мнению и отказывается от ответственности, пряча свои мысли и чувства за авторитетом общества [Cram, 1994. P. 86; Norrick, 1994. Pp. 147–149]. Как пишет Т. М. Николаева, отдельному человеку важно чувствовать стоящее за ним социальное пространство, сознавать, что его мнение — это мнение многих людей [Николаева, 1995. С. 311].

В отличие от традиционных пословиц, позволяющих человеку спрятаться за спины других людей, воспользовавшись устоявшейся системой взглядов и ценностей, АП демонстрируют стремление индивида выделиться из толпы, подчеркнуть свою индивидуальность, блеснуть остроумием и неординарностью мышления, утвердить собственное «я».

Возникновение АП также продиктовано издавна действующей в словочном фонде тенденцией создавать новые пословицы, противоречащие уже существующим. Это явление получило название «crossing of proverbs» и является причиной наличия большого количества антонимов фактически в любой семантической группе пословиц. При этом пословицы не столько противоречат друг другу, сколько позволяют взглянуть на одну и ту же ситуацию под разным углом зрения, описать все стороны «существующего положения дел». Антипословицы, таким образом, предлагают еще один неординарный взгляд на существующую ситуацию. Кроме того, менталитет человека достаточно противоречив по своей природе, что также способствует вышеуказанной тенденции.

В целом АП присуща ирония, иногда — сатира, цинизм и эпатаж.

Always put off till tomorrow what you shouldn't do at all (Never put off till tomorrow what you can do today).

A bachelor looks before he leaps, then stays where he is (Look before you leap).

Если сопоставить антипословицы с пословицами, можно обнаружить многообразные изменения во взглядах и жизни общества. Как и пословицы, антипословицы отражают интерпретацию мира, что позволяет говорить о существовании антипословичной картины мира (АПКМ). В АПКМ можно обнаружить фрагменты, совпадающие с фрагментами ПКМ, такие как «Богатство», «Деньги», «Любовь», «Брак», «Женщина» и др.

Рассмотрим фрагменты АПКМ, связанные с АП двух групп: «Деньги» и «Женщина».

Анализ АПКМ показывает, что тема благосостояния, тема богатства и денег весьма для нее значима, как и для традиционной ПКМ. При этом АП подчеркивают повышение этой значимости и ее распространение на новые сферы человеческих взаимоотношений.

It used to be said that a man is known by the company he keeps, but now it's the money.

Faint heart never won fair lady — but a full purse can always pull the trick.

Money isn't everything, but it sure keeps you in touch with the children.

В первой АП подчеркивается важность денег для оценки человека, две другие повествуют об их определяющей роли в человеческих взаимоотношениях. И если важность денег для любовных взаимоотношений упоминается и в пословицах (Love lasts as long as money endures; When poverty comes in at the door, love flies out of the window), то об их роли во взаимоотношениях детей и родителей в пословицах речи нет.

В целом, как и многие пословицы, антипословицы провозглашают силу денег.

Money isn't everything, but it's way ahead of any of its competitors (Money isn't everything).

В АПКМ, в отличие от ПКМ, нельзя найти противоположного этому взгляду мнения. Если антипословичная личность и признает, что не только деньги всемогущи, наравне с деньгами она ставит иные источники благосостояния.

Money isn't everything — there's always diamonds.

Для описания АПКМ, как и для описания ПКМ, можно использовать понятие когнитемы, понимаемой как пропозициональная единица знания, функционально значимая для связанного с антипословицами когнитивного пространства. В рассматриваемых пословицах четко просматривается когнитема «everything is expensive», отсутствующая в ПКМ:

Two heads are not better than one considering the present *price* of haircuts (Two heads are not better than one).

Talk is cheap, until you call a lawyer (Talk is cheap).

Современный человек тратит деньги на покупки в супермаркете, платежи по ипотеке или выплаты подоходного налога, при этом расходы явно превышают приемлемые для него суммы:

A fool and his money are soon parted, the rest of us wait until we reach the supermarket (A fool and his money are soon parted).

A fool and his money are soon parted, the rest of us wait until income-tax time (A fool and his money are soon parted).

Как и в пословичном мире, в мире антипословиц деньги тратятся очень быстро:

Money talks — and mostly it says “good-bye” (Money talks).

Интересно, что данная АП возникла на основе пословицы о всемогуществе денег, что свидетельствует о том, что антипословичной личности явно не хватает денег для решения своих проблем.

Как и деньги, женщина занимает значительное место в пословичной и антипословичной картинах мира.

В ПКМ женщина предстает как опасное существо, связанное с дьяволом (Women are the devil's nets), она болтлива (A woman's sword is her tongue and she does not let it rust), плаксива (It is no more pity to see a woman weep, than to see a goose go barefoot) и хочет все сделать по-своему (Forbid a thing and that woman will do). В АПКМ портрет женщины дополняется и детализируется.

Когнитема «a woman talks much» сохраняется и в АП.

A woman never puts off till tomorrow what she can say today (Never put off till tomorrow what you can do today).

The only golden thing that some women dislike is silence (Silence is golden).

Появляются новые когнитемы «it's dangerous to indulge a woman», «a woman always wants new clothes»:

Give a woman an inch, and she'll complain that nothing fits her anymore
(Give him an inch, and he'll take a yard).

Стремление женщины подчинить себе не только мужчину, но и законы вселенной, а также ее склонность опаздывать находят очень яркое описание в следующей АП:

Time and tide wait for no man but a woman expects all three to wait for her
(Time and tide wait for no man).

Особенности женщины-водителя, ее склонность впасть в ярость за рулем представлены в АП «Hell hath no fury like a woman driver» (Hell hath no fury like a woman scorned). Упоминание ада переключается не только с аналогичной ассоциацией в исходной поговорке, но и с соотношением женщины и дьявола в ПКМ.

Отличие от ПКМ, где описание женщины осуществляется с мужской точки зрения, в АПКМ появляется женский «взгляд на положение дел». В противоположность пословичному представлению о том, что место женщины в доме, а ее предназначение — вести домашнее хозяйство и воспитывать детей (A woman's place is in the home), появляются АП, по-иному определяющие место для женщины:

A woman's place is in the car.
A woman's place is every place.
A woman's place is in the delicatessen store and the beauty salon.

Женщина в АП стремится разделить свою бесконечную домашнюю работу с мужем и сетует на его нерадивость.

A woman's work is never done, *especially the part she asks her husband to do* (A woman's work is never done).

A man's home is his castle — let him clean it (A man's (An Englishman's) home is his castle).

Таким образом, можно заключить, что свойственная пословичному фонду тематика находит свое продолжение в антипословичном фонде, при этом наряду с аналогичными когнитемами типа «money is quickly spent», «a woman talks much», появляются новые (everything is expensive; a woman drives a car).

Помимо антипословичных фрагментов КМ, непосредственно связанных с пословичными фрагментами, можно выделить АП, описывающие различные стороны современной жизни, которые, что совершенно естественно, не представлены в пословичной КМ. Это сложности парковки, неспешное обслуживание в ресторане, проблемы лишнего веса, многословие политиков и многие другие аспекты повседневной жизни, с которыми сталкивается современный человек.

Even a waiter finally comes to him who waits (Everything comes to him who waits).

Brevity is a foreign word to any politician's vocabulary (Brevity is the soul of wit).

He who hesitates loses the place to park his car (He who hesitates is lost).

Seeing is believing, but not when you are looking at a television commercial (Seeing is believing).

Like charity, obesity begins at home (Charity begins at home).

Многие АП этой группы, как, впрочем, и АП других групп, являются максимумами, т. е. не имеют переносного значения. Однако можно предположить, что, например, вышеприведенные АП об официанте и парковке машины могут со временем развить второй план и превратиться в изречения, повествующие о необходимости терпения и важности незамедлительного принятия решений соответственно. Если это произойдет, подтвердится гипотеза о том, что в своем развитии пословицы проходят неметафорическую, безобразную стадию.

Продолжая рассмотрение интерпретации мира в АП, необходимо отметить следующее. В пословицах много компонентов-наименований животных, пословичный мир действительно густо населен зверями и птицами, тогда как в антипословицах наименований животных встречается мало, в антипословичном мире человек в первую очередь окружен техническими изобретениями и представителями общественных институтов (как, например, сборщик налогов, полицейский, юрист и пр.). Это положение можно продемонстрировать на примере АП, в которой компонент-наименование животного заменяется на компонент-наименование технического устройства:

The remote control is a man's best friend (A dog is a man's best friend).

Однако иногда наименования животных все же встречаются, как в вышеприведенной АП о птице и червяке или в следующей о кобыле и лошадах:

Money makes the mare go, but horses make the money go.

Их употребление обусловлено наличием наименований животных в исходной пословице.

В АП появляются компоненты, полностью отсутствующие в традиционных пословицах, такие как: mortgage, tax, rent, credit cards, water/gas/electric bill, television, remote control, computer, telephone, supermarket, obesity, golf, parking politician, politics, government, restaurant, space travel, pizza, toast и др.

Home is where the *computer* is (Home is where the heart is).

Man can't live on bread alone — he has to have *credit cards* (Man cannot live on bread alone).

Hope springs eternal in the human breast — that's why a new *restaurant* is crowded (Hope springs eternal in the human breast).

АП — это явление, характерное не только для английского языка. Они развиваются и в русском, испанском и других языках. В этой связи хотелось бы обратить внимание на целый ряд моментов.

Во-первых, АП сложно переводить, поскольку, как правило, в других языках отсутствуют эквиваленты или аналоги. Они наблюдаются только в случае заимствования АП. Поэтому представляется возможным говорить о яркой национально-культурной окраске антипословиц.

Во-вторых, несмотря на указанную самобытность, АП было бы интересно исследовать в сопоставительном аспекте. Было бы интересно посмотреть, какие именно пословицы подвергаются переосмыслению, можно ли обнаружить какие-то параллели в этом отношении, а также в отношении направления самого переосмысления. Иными словами, можно ли установить общность в развитии антипословичных картин мира, выявить некоторые закономерности осмысления и интерпретации мира, свойственные современному обществу в целом и отраженные в языках.

И, наконец, в-третьих, можно предположить, что возникновение антипословиц — это естественное и органичное продолжение развития пословичного фонда. Как известно, в современном обществе пословицы используются относительно редко, особенно молодежью. АП можно рассматривать как закономерную замену традиционных пословиц. Со временем часть из них будет забыта, а другая часть останется и вольется в общий пословичный фонд. Однако это предположение, безусловно, является гипотезой.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
- Николаева Т. М.* Обобщенное, конкретное и неопределенное в поговорках // Малые формы фольклора: сб. статей. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 311–324.
- Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
- Carnes P.* The fable and the proverb: Intertexts and reception // *Wise words: Essays on the proverb* / Ed. by W. Mieder. New York: Garland, 1994. Pp. 467–493.
- Cram D.* The linguistic status of the proverb // *Wise words. Essays on the proverb* / Ed. by W. Mieder. New York: Garland, 1994. Pp. 73–97.
- Mieder W., Litovkina A. T.* Twisted wisdom: Modern Anti-proverbs. Vermont, USA: University of Vermont, 2002. 254 p.
- Norrick N. R.* Proverbial perlocutions. How to do things with proverbs // *Wise words: Essays on the proverb* / Ed. by W. Mieder. New York: Garland, 1994, Pp. 143–157.
- Obelkevich J.* Proverbs and social history // *Wise words: Essays on the proverbs* / Ed. by W. Mieder. New York: Garland, 1994. Pp. 211–252.

REFERENCES

- Аpresjan Ju.D. *Образ человека по данным языка: попытка системного анализа* [Image of man based on language data: an attempt at system analysis]. *Voprosy jazykoznanija*, 1995, № 1, s. 37–67.
- Bartmin'skij E. *Jazykovej obraz mira: ocherki po ehtnolingvistike* [Language image of the world: ethnolinguistic essays]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 528 s.
- Valter Kh., Mokienko V. *Antiposloviцы russkogo naroda* [Antiproverbs of the Russian people]. Saint Petersburg, Neva Publ., 576 s.
- Nikolaeva T.M. *Obobshhennoe, konkretnoe i neopredelennoe v poremii* [The generalized, definite and indefinite in a proverb]. *Malye formy folklora: Sbornik statej* [Small genres of folklore: A collection of papers]. Moscow, "Vostochnaia literatura" RAN Publ., 1995, s. 311–324.
- Jakovleva E.S. *Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, 344 s.
- Carnes P. *The fable and the proverb: Intertexts and reception*. *Wise words: Essays on the proverb*, ed. by W. Mieder. New York, Garland, 1994, pp. 467–495.
- Cram D. *The linguistic status of the proverb*. *Wise words: Essays on the proverb*, ed. by W. Mieder. New York, Garland, 1994, pp. 73–97.
- Mieder W., Litovkina A.T. *Twisted wisdom: Modern Anti-proverbs*. Vermont, USA, University of Vermont, 2002, 254 p.
- Norrick N.R. *Proverbial perlocutions*. *How to do things with proverbs*. *Wise words: Essays on the proverb*, ed. by W. Mieder. New York, Garland, 1994, pp. 143–157.
- Obelkevich J. *Proverbs and social history*. *Wise words: Essays on the Proverbs*, ed. by W. Mieder. New York, Garland, 1994, pp. 211–252.

Елизавета Васильевна Иванова

Доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода
Санкт-Петербургский государственный университет

Elizaveta Ivanova

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: kafedra perevoda@mail.ru; lisa1810@gmx.us

И. С. Иванова

Лозаннский университет, Швейцария

РЕЦЕПЦИЯ ТЕОРИИ ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА СОВЕТСКИМИ ЛИНГВИСТАМИ (1920–1930-е гг.)

Ключевые слова: социальный аспект языка, система, рецепция идей, природа языка, межкультурный трансфер, синхрония, диахрония, Якубинский, Щерба, Тынянов, Виноградов, Шор.

В статье анализируются причины критики теории Ф. де Соссюра советскими лингвистами 1920–1930-х гг. Особое внимание уделяется взглядам Р. О. Шор, которая была редактором и автором комментариев к переводу «Курса общей лингвистики» на русский язык. Анализ рецепции теории Ф. де Соссюра в России позволяет поставить и более общий вопрос о механизме межкультурного трансфера научных идей и понятий.

Irina Ivanova

University of Lausanne, Switzerland

THE THEORY OF F. DE SAUSSURE AS INTERPRETED BY THE SOVIET LINGUISTS (1920–1930s)

Keywords: social aspect of the language, system, perception of ideas, nature of language, crosscultural transfer, synchrony, diachrony, Yakubinsky, Shcherba, Tynyanov, Vinogradov, Shor.

The article analyses the reasons why the Soviet linguists criticised the theory by F. de Saussure in 1920–1930s. It particularly focuses on the ideas of R.O. Shor, an editor and author of the comments to the Russian translation of "Course in General Linguistics". The analysis of how the theory was perceived in Russia may lead to discussing the mechanisms of crosscultural transfer of scientific ideas and notions.

Тема рецепции теории Фердинанда де Соссюра в России освещена в целом ряде работ как русских, так и европейских исследователей. Достаточно назвать публикации Н. А. Слюсаревой и В. Г. Кузнецовой (1976), М. О. Чудаковой и Е. А. Тоддес (русская версия — 1978 г., французская — 1982), Б. Вотье (2002), работы И. Агеевой (2005), В. М. Алпатов (2005), М. Лахтенмяки (2006, 2010). Такое положение порождает естественный вопрос о причинах нашего обращения к теме, которая кажется исчерпанной.

Нам представляется, что можно назвать две причины. Во-первых, во всех упомянутых работах не принимались во внимание взгляды Розалии Осиповны Шор (1894–1939), известного советского лингвиста, редактора и автора комментариев к первому русскому изданию «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Ее позиция была неоднозначной:

если в 1920-е гг. Р. О. Шор была активной сторонницей этой теории, то в начале 1930-х гг. уже выступила с ее критикой. Поэтому выяснение причин такого изменения взглядов Р. О. Шор должно внести важные уточнения в общую картину рецепции советскими лингвистами теории Ф. де Соссюра.

Во-вторых, выяснение особенностей рецепции теории Ф. де Соссюра советскими лингвистами 1920–1930-х гг. позволяет подойти и к более общей проблеме — пониманию механизма межкультурного трансфера научных идей.

Для начала напомним только основные факты того, как происходило распространение «Курса общей лингвистики» в 1920–1930-е гг., до первой публикации его русского перевода в 1933 г.

Первое знакомство русских лингвистов с теорией Ф. де Соссюра состоялось уже в 1918 г., т. е. через два года после публикации «Курса общей лингвистики» во Франции [Холодович, 1977. С. 9; Слюсарева, Кузнецова, 1975. С. 441]. Тогда на заседаниях Московской диалектологической комиссии С. О. Карцевский, выступая с докладом о системе русского глагола, представил идеи Соссюра. В 1922 г. он уже опубликовал на эту тему отдельную статью [Karcsevskij, 1922. Pp. 2–3]. Но более серьезное знакомство с учением Соссюра относится к 1923 г., когда на заседании Московского лингвистического кружка состоялась дискуссия по докладу Г. О. Винокура (1896–1947) об этой книге [Chudakova, Toddes, 1982. Pp. 63–91]. Немного раньше этой дискуссии, в 1922 г., московский лингвист А. И. Ромм (1898–1943) начал перевод этой работы, но по ряду причин не закончил его. Тем не менее рукопись его перевода распространялась среди московских лингвистов и способствовала их знакомству с теорией Соссюра. В 1923 г. другой московский лингвист М. М. Кенигсберг (1900–1924) начал писать рецензию на книгу Соссюра, но эта рецензия так и не была напечатана [Пильщиков, Шапир, 2014]. Однако тот факт, что она была найдена в архиве Н. И. Жинкина (1893–1979), который был членом Московского лингвистического кружка, свидетельствует о том, что и эта рецензия распространялась среди членов МЛК.

Практически в те же годы, что и московские лингвисты, с книгой Ф. де Соссюра познакомились и в Петрограде лингвисты — ученики И. А. Бодуэна де Куртенэ. В декабре 1923 г. С. И. Бернштейн (1892–1970) сделал доклад по работе Соссюра и готовил о ней статью [Слюсарева, Кузнецова, 1975. С. 443] (об этом говорит публикация). В этот же год с идеями Соссюра знакомятся Ю. Н. Тынянов (1894–1943) и В. В. Виноградов (1894–1969).

Таким образом, несколько экземпляров книги, а также доклады о ней и рукописные переводы способствовали распространению теории Ф. де Соссюра в России, начиная уже с 1918 г. [Chudakova, Toddes, 1982. P. 74]. Поэтому еще до первого, изданного в 1933 г., перевода «Курса общей лингвистики» на русский язык (перевод А. М. Сухотина) его основные положения были известны и московским, и петроградским лингвистам.

Если говорить о реакции между 1918 и 1933 г. на идеи Ф. де Соссюра, то нужно быть очень осторожным, чтобы не впасть в схематизм. Можно в целом согласиться с замечаниями И. А. Слюсаревой и В. Г. Кузнецовой, а также М. О. Чудаковой и Е. А. Тоддес о том, что оценка положений Соссюра во многом зависела от того лингвистического направления, к которому принадлежал конкретный русский лингвист. Но кроме этого, можно увидеть, что и сфера научных интересов конкретного филолога оказывала большое влияние на восприятие идей Ф. де Соссюра.

1. Рецепция теории Ф. де Соссюра лингвистами Петрограда–Ленинграда

Если говорить о лингвистах из Петрограда, то такие ученые, как С. И. Бернштейн, Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов находили много общего в идеях Соссюра с теми положениями, которые они восприняли от И. А. Бодуэна де Куртенэ [Щерба, (1929) 1957. С. 94]. Однако оценивали они этот факт по-разному.

Если С. И. Бернштейн и Л. В. Щерба последовательно сопоставили взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, отмечая совпадения и расхождения, то Е. Д. Поливанов высказался об этом совпадении довольно резко: «...посмертная книга Ф. де Соссюра, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой» [Поливанов, (1931) 2003. С. 3].

Но оценка идей Ф. де Соссюра С. И. Бернштейном и Л. В. Щербой, которые в эти годы занимались главным образом фонетикой, не затрагивала вопроса о природе языка. А именно к этому вопросу обратился другой ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ — Л. П. Якубинский, который в своей статье «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» (1931) резко раскритиковал основные положения теории Соссюра.

В эти годы Л. П. Якубинский активно работал над созданием серии статей по социолингвистике (о языке крестьянства, о языке пролетариата). Поэтому неудивительно, что он сразу обратился к анализу социологического метода Соссюра. Соглашаясь с основными положениями Соссюра о произвольности языкового знака, об отсутствии «рациональной», разумной (в терминологии Якубинского) или мотивированной (в терминах Шор) связи между означаемым и означающим, Л. П. Якубинский в то же время последовательно, по пунктам опровергает аргументы Соссюра в пользу невозможности для масс говорящих, и даже для специалистов, изменить языковой знак и повлиять на языковую систему. Он обрушивает свою критику и на «социологический метод» Соссюра (т. е. Дюркгейма), согласно которому язык находится целиком во власти исторического фактора наследственности, что и исключает возможность его изменения обществом. В силу этого, по Соссюру, невозможна и языковая политика.

Таким образом, можно видеть, что учение Соссюра не вызвало большого интереса в Петрограде 1920-х гг. среди лингвистов — учеников И. А. Бодуэна де Куртенэ, хотя они более остальных были подготовлены к рецепции этих идей.

Более восприимчивыми к идеям Ф. де Соссюра из петроградских филологов оказались Ю. Н. Тынянов, который занимался теорией стихотворного языка, и В. В. Виноградов, который изучал природу языка художественных произведений.

Разрабатывая в своей книге «Проблема стихотворного языка» (1924) понятие «конструктивного принципа», Ю. Н. Тынянов использует соссюровскую дихотомию «язык — речь» применительно к анализу художественного произведения и прибегает к понятию системы.

В своих статьях 1924–1927 гг. он развивает эти идеи, отмечая, что, например, лексика конкретного произведения связана, с одной стороны, с лексикой разговорной речи, а с другой стороны, с другими конструктивными элементами этого произведения [Тынянов, (1927) 1967. С. 33]. Кроме того, он уточняет, что индивидуальное выражение должно анализироваться в его отношении к комплексу уже существующих норм.

Однако относительно другой соссюровской идеи — резкого противопоставления синхронии и диахронии, Ю. Н. Тынянов отмечает, что она нуждается в уточнении, т. к. история системы, в свою очередь, тоже является системой, поэтому чистый синхронизм является иллюзией [Тынянов, 1928].

Соссюровскую дихотомию синхронии и дихронии использует и В. В. Виноградов в своей работе 1923 г. «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития пророка Аввакума». Развивая эту мысль в своих работах 1920-х гг., он предлагает различать два плана анализа художественного произведения: имманентно-функциональный (синхрония) и проекционно-ретроспективный (диахрония). Если первый предполагает анализ произведения как замкнутой системы, то второй позволяет рассматривать произведение в историческом контексте, т. е. в его связях с предыдущими и последующими работами. Причем В. В. Виноградов отдает первенство синхроническому анализу, что было для того времени достаточно революционной идеей, т. к. даже Р. О. Шор, о которой будет идти речь в дальнейшем, и которая была наиболее яркой последовательницей Ф. де Соссюра в России, говорила о первенстве диахронического подхода. Поэтому неудивительно, что В. Н. Волошинов (1895–1936) в своей статье «Новейшие течения в лингвистической мысли на Западе» (1928) относит В. В. Виноградова к лагерю «соссюрианцев» [Волошинов, (1928) 1995. С. 198].

Однако рецепция В. В. Виноградовым идей Ф. де Соссюра была неоднозначной, как это хорошо показал А. П. Чудаков в своей статье «В. В. Виноградов и теория поэтического языка первой трети XX века» [Чудаков, 1980. С. 291]. Уже в своих последующих работах конца 1920–1930-х гг. В. В. Виноградов обращается к анализу «языкового сознания» автора, что отдаляло его от теории Ф. де Соссюра.

Особо надо отметить и реакцию Л. В. Щербы. Помимо его непосредственного критического анализа идей Ф. де Соссюра надо принять во внимание и его широко известную статью «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931). Учитывая широкую реакцию русских лингвистов на теорию Соссюра, можно сказать, что эта работа Щербы была вызвана необходимостью четко сформулировать взгляды учеников И. А. Бодуэна де Куртенэ на природу языка и определить понятия языка и речи.

2. Рецепция теории Ф. де Соссюра лингвистами Москвы

У московских лингвистов, в отличие от петроградских, учение Соссюра вызвало большой интерес, но реакция филологов была также неоднозначной.

Публикация М. О. Чудаковой и Е. А. Тоддес протокола заседания МЛК от 5 марта 1923 г., на котором Г. О. Винокур делал доклад о теории Ф. де Соссюра, дает представление об активной дискуссии сторонников этой теории и ее критиков. Среди первых надо назвать имена самого Г. О. Винокура, А. И. Ромма и Р. О. Шор. Критическую оценку высказали А. А. Буслаев и М. Н. Петерсон, хотя последний указывал на близость некоторых идей Ф. де Соссюра и Ф. Ф. Фортунатова.

Чем же теория Соссюра привлекла московских лингвистов? Здесь можно назвать целый ряд положений: это и само понятие языка как системы, и идея чисто синхронического подхода к языку с возможностью статического описания, и выход из противоречия между индивидуальным и социальным в языке, а также идея произвольности языкового знака.

Наиболее активными сторонниками теории Ф. де Соссюра были Г. О. Винокур и Р. О. Шор.

Г. О. Винокур неоднократно обращался к идеям Соссюра в своих статьях 1920-х гг., стремясь применить их к анализу литературного языка. Он увидел в этой концепции выход из противоречия между эмпиризмом индивидуальных языков и социальным характером языка в целом. Основываясь на идеях Соссюра, Г. О. Винокур утверждал, что существует комплекс правил, которые определяют наше говорение, но эти правила сами, в свою очередь, определяются нашим же говорением. Другими словами, собственно язык есть норма, которой подчиняются все другие проявления речи.

Воспринимая оппозицию Соссюра «язык — речь» как оппозицию между языком и говорением, Г. О. Винокур предложил определение языка как «волевой надстройки над системой наперед данных уже, связанных нам, языковых знаков» [Винокур, (1923) 1990. С. 26]. В говорении же он выделял не только внешнюю сторону — артикуляцию, но и «комбинации, при помощи которых говорящий использует языковые нормы с целью выразить свою личную мысль» [Там же].

Опираясь на эти положения, Г. О. Винокур ввел и новое понимание поэтического языка как специфической поэтической тенденции,

сводящейся к разложению структуры языка на ее элементы, которые вслед за тем конструируются заново, в отличие от собственно языковой схемы.

Таким образом, теория языка Ф. де Соссюра подвела Г. О. Винокура к новому решению вопроса об отношениях *поэтического* языка и *практического* и позволила ему выдвинуть на первый план структурный принцип. Но опять, как и в случае с петроградскими филологами, она оказалась действенной по отношению к поэтическому языку, т. е. к одной определенной системе.

3. Рецепция соссюровской теории языка Р. О. Шор

В качестве активной сторонницы теории де Соссюра заявила себя Розалия Иосифовна (Осиповна)¹ Шор (1894–1939), которая применила ее к анализу широкого круга языковых явлений. Р. О. Шор была одним из известнейших советских лингвистов и обладала исключительной научной эрудицией. Свободно владевшая шестнадцатью языками, она не только прекрасно знала все течения западной лингвистики, но и принимала активное участие в ознакомлении с ними своих коллег в Советской России. Автор многих статей по лингвистике в первом издании Большой советской энциклопедии (БСЭ), она была инициатором создания серии «Языковеды Запада». Именно в этой серии был сделан перевод «Курса общей лингвистики». Поэтому ее оценка учения Ф. де Соссюра имела большое значение для современников.

В отличие от В. В. Виноградова, Г. О. Винокура и Ю. Н. Тынянова, которых интересовал язык художественных произведений, Р. О. Шор занималась общелингвистической проблематикой. Особое ее внимание в эти годы привлекал социальный аспект языка. Можно предположить, что именно это было одной из причин ее особого интереса к идеям Ф. де Соссюра.

С самого начала, в дискуссии 1923 г. в МЛК, Р. О. Шор не только активно поддержала идею Соссюра о системной организации языка и о понимании истории языка как последовательной смены статичных систем, но и сразу указала на важную роль в этих изменениях как внутренних факторов, так и внешних, прежде всего культурных. Она также увидела в таком подходе возможность изучать историю языка не только по фонетическим процессам, но в более широком плане. Р. О. Шор увидела также заслугу Соссюра в его идеях знаковой природы языка [Chudakova, Toddes, 1982. P. 74].

Через три года после этой дискуссии Р. О. Шор высказала свою подробную оценку учения Соссюра в работе «Кризис современной лингвистики» (1926). В этом очерке Р. О. Шор рассматривает теорию Соссюра в ряду современных ему европейских учений. Отметив весьма кратко недостатки «Курса общей лингвистики», к которым она отнесла

¹ В некоторой орфографии можно встретить вместо «Иосифовна» вариант «Осиповна». Отсюда и разные инициалы отчества в разных библиографических указателях.

неточности и колебания в определениях, элементарность психологического и философского аппарата, Р. О. Шор предлагает подробный объяснительный анализ этой теории. Как говорит сама Р. О. Шор, она «переинтерпретирует» основные положения Соссюра. Отмечая целый ряд положительных сторон этой теории, Р. О. Шор видит в ней следующие заслуги: «выделение на общем явлении речи “langage” двух моментов, момента над-индивидуального, общного, определяющего индивидуальную деятельность языка (langue) и момента индивидуального осуществления этой нормы — говорения (parole); отнесение науки о языке, лингвистики в собственном смысле этого слова, в отдел семиологии, науки о функциях знака в социальной жизни; раскрытие традиционного, обязательного и вневременного характера языка (langue) для говорящего индивида; произвольность традиционной связи значения со знаком; вытекающее отсюда понятие языка как системы, и необходимость культурно-исторической интерпретации слова — вещи...» [Шор, 1926. С. 51].

Влияние взглядов Соссюра на лингвистические позиции Р. О. Шор проявилось и в ее монографии «Язык и общество», опубликованной в 1926 г. Рассматривая социальный аспект языка, Р. О. Шор подчеркивала его главенствующее положение и указывала, что всякая социальная дифференциация должна находить себе отражение в дифференциации языковой, а всякое языковое изменение должно выражать социальные изменения в жизни того коллектива, достоянием которого является этот язык. При этом Р. О. Шор отдавала приоритет «коллективному сознанию» и указывала, что «индивидуальный почин (имеется в виду изменение в языке) бесследно затирается, если он не согласован с общим настроением языковой группы» [Шор, 1926. С. 129].

Но социология языка в этой работе Р. О. Шор не ограничивается идеями Соссюра. Розалия Осиповна подходит к социологии языка шире, чем предлагает Соссюр. Она обращается и к социальным диалектам, и к территориальным в их отношениях к «общему языку». В то же время в ее терминологии появляется выражение классовой психологии, классовой борьбы, но, как справедливо замечает В. М. Алпатов, еще нет речи о всеобщей классовости языка, свойственной марризму [Алпатов, 2009. С. 119]. Тем не менее Р. О. Шор всячески стремится объяснять языковые изменения изменениями в жизни общества, подчеркивая важную роль экономических факторов.

Но уже в небольшой статье 1931 г. «Неотложная задача (к построению марксистской философии языка)» Р. О. Шор изменяет свою позицию по отношению к учению Соссюра. Опираясь на высказывания Маркса, Энгельса и Ленина, она критикует французскую социологическую школу и отмечает в качестве ее главных недостатков утверждение примата коллектива над индивидуумом, которое решительно отрицает творческую и вообще какую бы то ни было активную роль индивида в процессе языкотворчества: «будучи права в своем утверждении примата коллектива над индивидом, французская социологическая школа оказалась неспособной ни подвести необходимое обоснование под

понятие социального, ни диалектически снять выявленные ею в явлении языка противоречия. <...> получается, что они (язык и говорение) существуют рядом, положены один около другого, независимо друг от друга, благодаря чему целый ряд проблем, в частности важнейшая проблема исторического процесса в языке, выпадает из разъяснения» [Шор, 1931. С. 32].

Такая оценка теории Соссюра приводит Р. О. Шор и к выводу о невозможности в этой теории идеи планового воздействия на язык, т. к. Соссюр утверждает полное бессилие, полную пассивность личности в истории языка: «Де Соссюр превращает личность в некий пассивный аппарат, по традиции регистрирующий только то, что ему передает коллектив, причем традиции получает здесь характер чего-то объясняющего» [Шор, 1931. С. 36].

Критику, направленную против социологического метода Соссюра, Р. О. Шор развивает и в своей обширной статье «Языковедение», написанной для БСЭ (1935). В этой статье Р. О. Шор повторяет все свои замечания, высказанные в 1931 г., и открыто говорит о том, что основой ошибок Соссюра является его опора на социологию Дюркгейма. Однако Р. О. Шор, направляя свою критику на этот аспект теории Ф. де Соссюра, оставляет в стороне его остальные идеи, в частности, противопоставление языка и речи, а также положение о знаковой природе языка.

Интересно, что эти взгляды Р. О. Шор совпадают с критикой учения Соссюра, высказанной в тот же год Л. П. Якубинским в его статье «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики», причем эти две работы совпадают даже по году публикации.

И здесь закономерно возникает вопрос, откуда такое совпадение в оценках социологии Соссюра у Р. О. Шор и Л. П. Якубинского, тогда как изначально они стояли на разных позициях?

4. Причины неприятия теории Ф. де Соссюра советскими лингвистами

Думается, основой причиной подобного совпадения критики является тот факт, что и Р. О. Шор, и Л. П. Якубинский в конце 1920-х — начале 1930-х гг. становятся на позиции марксизма. Р. О. Шор неоднократно ссылается на высказывания Маркса, Энгельса и Ленина о языке, показывая, что ее критика Соссюра основывается именно на этих положениях. По отношению к Л. П. Якубинскому можно говорить и о марризме. Ведь конец 1920-х гг. — это то время, когда философия марксизма начинает активно распространяться в советской науке, а марризм все больше занимает ключевые позиции в языкознании, выдавая себя за «истинный марксизм». Известно, что и Р. О. Шор, и Л. П. Якубинский находились под влиянием «нового учения», но при этом не занимали крайней позиции. Это последнее положение очень важно подчеркнуть, чтобы понять основания их критики Ф. де Соссюра.

Здесь важно оговорить и еще одно замечание: мы не разделяем того мнения, которое в последние годы часто появляется в некоторых

публикациях, о том, что русские лингвисты становились марксистами только из страха репрессий или по принуждению. Ни Р. О. Шор, ни Л. П. Якубинский, ни Е. Д. Поливанов не стали марксистами ни из-за давления на них, ни из конъюнктурных соображений. Переход этих лингвистов к философии марксизма был логичен и связан с их анализом конкретных проявлений социальной природы языка.

Кроме того, необходимо принять во внимание и реальную социально-политическую ситуацию в России этих лет. По всей стране шло языковое строительство, в котором участвовали многие лингвисты, в том числе и Л. П. Якубинский, и Р. О. Шор. Они активно занимались преподаванием, формировали новую советскую интеллигенцию, были на руководящих постах в науке, т. е. непосредственно участвовали в реализации языковой политики нового государства. Поэтому теория Соссюра в части своих положений противоречила реальной практике общества. Это поставило ее вне основного направления развития лингвистики в СССР в 1930-е гг. Однако, и это важно отметить, данный факт не помешал изданию в 1933 г. русского перевода «Курса общей лингвистики». Более того, при всей своей критике Соссюра, именно Р. О. Шор играла большую роль в подготовке этого издания, и она же была автором комментариев к нему.

В числе важных причин неприятия теории Соссюра советскими лингвистами 1920–1930-х гг. надо отметить и еще один серьезный факт. К концу 1920-х гг. в советской лингвистике социологический подход к языку был представлен не только учением Ф. де Соссюра. Русские лингвисты были уже знакомы и с работами Антуана Мейе, и с работой Поля Лафарга, хотя ее русский перевод появился только в 1930 г. Именно Р. О. Шор опубликовала в 1931 г. положительную рецензию на эту книгу. Кроме того, появились работы по социологии языка М. Н. Петерсона, А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова, работы Б. А. Ларина о языке города. В начале 30-х гг. в Москве возникла группа «Языкофронт», сосредоточившая свои исследования на социальной стороне языка.

Именно в это время шло становление отечественной социальной психологии, которая разрабатывалась в школе В. М. Бехтерева, и которая тоже уделяла большое внимание проблемам языка. Таким образом, социологический подход к языку хотя и был еще новым, но развивался в это время очень активно. Поэтому уже в 1930-е гг. уникальность социологического подхода Соссюра, которая так привлекла в начале 1920-х гг. московских лингвистов, стала утрачиваться.

Заключение

Рассмотрев рецепцию теории Соссюра в 1920–1930-е гг. в России, можно сделать вывод, о том, что интерес к ней русских лингвистов основывался на поисках выхода из психологизма, на стремлении понять взаимоотношение индивидуального и социального в языке. Поэтому социальная сторона теории Соссюра привлекла самое большое внимание. Но она же и подверглась самой резкой критике.

В целом, концепция языка Ф. де Соссюра открывала возможность разрабатывать новые методы исследования языковых явлений, выдвигала на первый план идею системы и сконструированного объекта, ставила задачи синхронного изучения, позволяла выйти за рамки традиционного анализа только фонетического аспекта языка.

Однако, несмотря на то, что восприятие теории Соссюра было подготовлено в России идеями И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатова, ни в Петрограде — Ленинграде, ни в Москве она не получила своего конкретного применения в лингвистике 1920–1930-х гг. Попытка использовать ее для анализа реальной языковой ситуации в новой России показала ее слабые стороны и противоречия как с научными подходами, уже развивающимися в это время, так и с реальной практикой общества. Идеи Соссюра оказались плодотворными прежде всего для анализа языковой системы художественного произведения, т. е. нашли применение в поэтике.

Анализ рецепции теории Ф. де Соссюра в России приводит к еще одному важному выводу о том, что советские лингвисты, столкнувшись с теми же проблемами, что и их европейские коллеги, искали свой путь их решения. Они выдвинули на первый план изучение функционирования языковых явлений, а не анализ лингвистической структуры. Это во многом определило различия в последующем развитии советской лингвистики и лингвистики Запада.

Рецепция теории Соссюра позволяет подойти и к более общему вопросу о факторах, определяющих межкультурный трансфер научных идей. Очевидно, что это сложное явление, в котором взаимодействуют как объективно-исторические, так и субъективные факторы. На этот трансфер влияют не только подготовленность почвы и интерес отдельных ученых, но и национальные научные традиции, и социально-политическая ситуация конкретного общества. Поэтому можно сказать, что учет таких понятий, как «контекст времени» и «контекст места», разработанные во французской истории лингвистических идей, являются незаменимыми и при изучении этого явления.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. 432 с.
- Алпатов В.* Розалея Осиповна Шор // Вопросы языкознания. № 5. 2009. С. 114–131.
- Виноградов В.* О задачах стилистики // Русская речь. № 1. 1923. С. 195–286.
- Винокур Г. О.* Поэтика. Лингвистика. Социология [ЛЕФ. № 3. С. 104–113] // Г. О. Винокур. Филологические исследования. М.: Наука, 1990. С. 22–31.
- Волошинов В. Н.* Новейшие течения лингвистической мысли на Западе // Литература и марксизм. 1928. № 5. С. 115–149.
- Петерсон М.* Введение в языкознание. Задания №№ 11 и 12 // Бюро заочного обучения при педфаке 2-го МГУ. Первый год обучения. М., 1928.
- Петерсон М.* Общая лингвистика // Печать и революция. № 6. 1923. С. 26–32.
- Петерсон М.* Язык как социальное явление // Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН (лингвистическая секция). № 1. 1927. С. 5–21.

- Пильщиков И. А., Шапир М. И.* Первая русская рецензия на «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра. (В печати).
- Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание [М.: Федерация, 1931]. Смоленск: СГПУ, 2003. 240 с.
- Слюсарева Н. А., Кузнецова В. Г.* Из истории советского языкознания. Рукописные материалы С. И. Бернштейна о Ф. де Соссюре // Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка. Т. 35. № 5. 1975. С. 440–450.
- Соссюр Ф., де.* Курс общей лингвистики. М.: Соцэкгиз, 1933. 278 с.
- Тынянов Ю.* О литературной эволюции // Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929; репринт: Michigan: Ardis Publishers, 1985. С. 30–48.
- Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. М.: Academia, 1924. 138 с.
- Тынянов Ю., Якобсон Р.* Проблемы изучения литературы и языка // Ю. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977 [1928]. С. 282–283.
- Холодович А. А.* О «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 9–30.
- Чудаков А. П. В. В.* Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // В. В. Виноградов. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 285–315.
- Шор Р. О.* Кризис современной лингвистики // Яфетический сборник. № 5. 1927. С. 32–71.
- Шор Р. О.* Неотложная задача (к построению марксистской философии языка) // Русский язык в советской школе. 1931. № 1. С. 29–37.
- Шор Р. О.* Рецензия на П. Лафарг «Язык и революция. Французский язык до и после революции» // Русский язык в советской школе. 1931. № 1. С. 180–181.
- Шор Р. О.* Язык и общество. М.: Работник просвещения, 1926. 152 с.
- Шор Р. О.* Языковедение // БСЭ. 1-е изд. Т. 65. 1931. С. 392–416.
- Щерба Л. В. И. А.* Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке [Русский язык в советской школе. 1929. № 6] // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 85–96.
- Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Памяти учителя Бодуэна де Куртенэ // Известия АН СССР. 1931. № 1. С. 113–129.
- Якубинский Л.* Фердинанд де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм / под ред. Н. Я. Марра. М.: Соцэкгиз, 1931. № 2. С. 91–104.
- Ageeva I.* La critique de F. de Saussure dans Marxisme et philosophie du langage de V. N. Voloshinov et le contexte de la réception des idées saussuriennes dans les années 1920–1930 // Discours sur les langues et rêves identitaires. Cahiers de l'ISLS. 2009. № 26. Pp. 73–84.
- Čudakova M. O., Todd E. A.* Le première traduction russe du cours de linguistique générale de F. de Saussure et l'activité du Cercle Linguistique de Moscou // Cahiers Ferdinand de Saussure. № 36. 1982. Pp. 63–91.
- Ivanova I.* Discussions sur la linguistique marxiste. Présentation // Lev Jakubinskij, une linguistique de la parole. Ed. Lambert-Lucas. 2012. Pp. 217–228.
- Karcevski S.* Etudes sur le système verbal du russe contemporain // Slavia. 1922–1923. Vol. 1. Pp. 242–268, 495–523.
- Lähteemäki M.* Da crítica de Saussure por Voloshinov e Jakubinskij // C. A. Faraco, C. Tezza, G. Castro (Orgs.), *Vinte ensaios sobre Mikhail Bakhtin* (C. A. Faraco, Trad. Pp. 190–207). Petrópolis, 2006, RJ: Vozes.

- Lähteenmäki M.* Sociology in Soviet Linguistics of the 1920–1930s: Shor, Polivanov and Voloshinov // Politics and the Theory of Language in the USSR 1917–1938. The Birth of Sociological Linguistics. London: Anthevpress, 2010. Pp. 35–51.
- Lähteenmäki M.* Sur l'idée du caractère de classe de la langue: Marr et Vološinov // Un paradigme perdu: la linguistique marriste. Cahiers de l'ILSL. 2005. № 20. Pp. 161–176.
- Vautier B.* “Bakhtin et/ou Saussure?” Ou, de l'histoire du malentendu des ‘malentendus saussuriens’ // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2002. Vol. 55. Pp. 241–266.

REFERENCES

- Alpatov V. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2005, 432 s.
- Alpatov V. Rozaliya Osipovna Shor [Rozaliya Osipovna Shor]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2009, № 5, s. 114–131.
- Vinogradov V. O zadachakh stilistiki [On the tasks of the stylistics]. *Russkaya rech*, № 1, 1923, s. 195–286.
- Vinokur G. *Poetika. Lingvistika. Sotsiologiya* [Poetics. Linguistics. Sociology] [LEF, № 3, s. 104–113]. G.O. Vinokur. Filologicheskie issledovaniya. Moscow, Nauka Publ., 1990, s. 22–31.
- Voloshinov V.A. Noveyshie techeniya lingvisticheskoy mysli na Zapade [The latest linguistic approaches in the West]. *Literatura i marksizm*, 1928, № 5, s. 115–149.
- Peterson M. *Vvedenie v yazykoznaniye* [Introduction into linguistics]. Zadaniya №№ 11 i 12. Buro zaachnogo obucheniya pri pedfake 2-go MGU. Pervy god obucheniya. Moscow, 1928.
- Peterson M. Obshchaya lingvistika [The general linguistics]. *Pechat i revoliutsiya*, № 6, 1923, s. 26–32.
- Peterson M. Yazyk kak sotsialnoe yzvlenie [Language as a social phenomenon]. *Uchenye zapiski Instituta yazyka i literatury RANION (lingvisticheskaya sektsiya)*, № 1, 1927, s. 5–21.
- Pilshchikov I.A., Shapir M.I. *Pervaya russkaya retsenziya na «Kurs obshchey lingvistiki» F. de Sossura* [The first Russian review on “The Course of General Linguistics” by F. de Saussure] (V pechati [In print]).
- Polivanov E. D. *Za marksistskoye yazykoznaniye* [For Marxism linguistics]. (First ed. Moscow, Federatsiya Publ., 1931). Smolensk, SGPU Publ., 2003, 240 s.
- Slusareva N.A., Kuznetsova V.G. Iz istorii sovetskogo yazykoznaniya. Rukopisnye materialy S.I. Bernshteina o F. de Sossure [From the history of the linguistics. Manuscripts of S.I. Bernshteina on F. de Saussure]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR, Seriya Literatury i yazyka*, t. 35 [vol. 35], № 5, 1975, s. 440–450.
- Sossur F. *Kurs obshchei lingvistiki* [The course of general linguistics]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1933, 278 s.
- Tynyanov Yu., 1985 [1927] *O literaturnoy evoliutsii* [On the evolution of literature]. Yu. Tynyanov. Arkhaisty i novatory. Leningrad, Priboy Publ., 1929; reprint: Michigan, Ardis Publishers, 1985, s. 30–48.
- Tynyanov Yu. *Problemy stikhotvornogo yazyka* [The problems of the language of the poetics]. Moscow, Academia Publ., 1924, 138 s.
- Tynyanov Yu., Yakobson R. *Problemy izucheniya literatury i yazyka* [The learning problems of language and literature]. Yu. Tynyanov. Poetika. Istoriya literatury. Kino. Moscow, 1977 [1928], s. 282–283.
- Kholodovich A.A. *O 'Kurse obshchei lingvistiki' F. de Sossura* [On “The Course of General Linguistics” by F. de Saussure]. F. de Sossur. Trudy po yazykoznaniyu. Moscow, Progress Publ., 1977, s. 9–30.

- Chudakov A.P. V.V. *Vinogradov i teoriya khudozhestvennoy rechi v pervoy treti XX veka* [V.V. Vinogradov and the theory of the poetic speech in the first third of XX century]. V.V. Vinogradov. O yazyke khudozhestvennoy prozy. Moscow, Nauka Publ., 1980, s. 285–315.
- Shor R.O. *Krizis sovremennoy lingvistiki* [The crisis of the modern linguistics] Yafeti-cheskiy sbornik, № 5, 1927, s. 32–71.
- Shor R.O. Neotlozhnaya zadacha (k postroeniyu marksistskoy teorii yazyka). [An urgent problem: Towards creation of the Marxism theory of the language]. *Russkiy yazyk v sovetskoy shkole*, 1931, № 1, s. 29–37.
- Shor R.O. Retsenziya na P. Lafarg. “Yazyk i revolutsiya. Frantsuzskiy yazyk do i posle revolutsii” [The review on P. Lafarg. “The language and revolution. The French language before and after the revolution]. *Russkiy yazyk v sovetskoy shkole*, 1931, № 1, s. 180–181.
- Shor R.O. *Yazyk i obshchestvo* [The language and society]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1926, 152 s.
- Shor R.O. *Yazykovedenie* [Linguistics]. BSE, 1-e izd, t. 65 [vol. 65], 1931, s. 392–416.
- Shcherba L.V. I.A. *Boduen de Kurtene i ego znachenie v nauke o yazyke* [I.A. Boduen de Kurtene and his contribution into the linguistics]. [Russkiy yazyk v sovetskoy shkole, 1929, № 6]. L.V. Shcherba. Selected works on the Russian language. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, s. 85–96.
- Shcherba L.V. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii. Pamyati uchitelya Boduena de Kurtene [On the triple aspect of the language and experiments in linguistics. In memory of Boduen de Kurtene, a teacher]. *Izvestiya AN SSSR*, 1931, № 1, s. 113–129.
- Yakubinskiy L. *Ferdinand de Saussure o nevozmozhnosti yazykovoy politiki* [Ferdinand de Saussure's views on impossibility of the language policy]. *Yazykovedenie i materializm*, pod red. N.Ya. Marra. Moscow, 1931, s. 91–104.
- Ageeva I. La critique de F. de Saussure dans Marxisme et philosophie du langage de V.N. Voloshinov et le contexte de la réception des idées saussuriennes dans les années 1920–1930 [The critique of Saussure in Marxism and Philosophy of V.N. Voloshinov language and context of the reception of Saussurian ideas in 1920–1930s]. Discours sur les langues et rêves identitaires. *Cahiers de l'ISLS*, № 26, 2009, pp. 73–84.
- Čudakova M.O., Toddes E.A. Le première traduction russe du cours de linguistique générale de F. de Saussure et l'activité du Cercle Linguistique de Moscou [The first Russian translation of the General Linguistics course of de Saussure and activity of the Moscow Linguistic Circle]. *Cahiers Ferdinand de Saussure*, № 36, 1982, pp. 63–91.
- Ivanova I. *Discussions sur la linguistique marxiste. Présentation* [Discussions on Marxist linguistics. Presentation]. Lev Jakubinskij, une linguistique de la parole, ed. Lambert-Lucas, 2012, pp. 217–228.
- Karcevski S. Etudes sur le système verbal du russe contemporain [Studies on the verbal system of contemporary Russian]. *Slavia*, 1922–1923, vol. 1, pp. 242–268, 495–523.
- Lähteenmäki M. *Da crítica de Saussure por Voloshinov e Iakubinskii* [De Saussure's critique for Voloshinov and Iakubinskii]. C.A. Faraco, C. Tezza, G. Castro (Orgs.), Vinte ensaios sobre Mikhail Bakhtin (C.A. Faraco, Trad., pp. 190–207). Petrópolis, 2006. RJ, Vozes.
- Lähteenmäki M. *Sociology in Soviet Linguistics of the 1920–1930s: Shor, Polivanov and Voloshinov*. Politics and the Theory of Language in the USSR 1917–1938. The Birth of Sociological Linguistics. London, Anthevpress, 2010, pp. 35–51.

Lähteenmäki M. Sur l'idée du caractère de classe de la langue: Marr et Vološinov. Un paradigme perdu: la linguistique marriste [On the idea of the language class caractère: Marr and Volosinov. A lost paradigm: marriste language]. *Cahiers de l'ILSL*, 2005, № 20, pp. 161–176.

Vautier B. “Bakhtin et/ou Saussure?” Ou, de l'histoire du malentendu des ‘malentendus saussuriens’ [“Bakhtin and/or Saussure?” Or, in the history of misunderstanding of misunderstandings Saussurian]. *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 2002, vol. 55, pp. 241–266.

Иванова Ирина Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков
Лозаннский университет, Швейцария

Irina Ivanova

Candidate of Philology, Associate Professor
University of Lausanne, Switzerland

E-mail: Irina.Ivanova@unil.ch

М. Д. Карманова

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТОД КОМПЬЮТЕРНОГО АНАЛИЗА ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО С ПОМОЩЬЮ КОНЦЕПТ-КАРТ

Ключевые слова: Симеон Полоцкий, «Вертоград многоцветный», русское литературное барокко, эмблематика, эмблематические стихотворения.

Предлагается новый метод анализа эмблематических стихотворений в составе «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого с помощью схем концептов (концепт-карт), позволяющий анализировать большой объем материала как единое целое, находить закономерности в структуре стихотворного сборника. Становится возможным целостный анализ «Вертограда многоцветного» и образа мыслей, свойственного Симеону Полоцкому как деятелю русского литературного барокко. С помощью программного обеспечения для создания концепт-карт (mind-maps) составлен словарь эмблематических образов «Вертограда многоцветного», позволяющий решать следующие задачи: анализировать место образов, концептов, тем в образной системе сборника, описать структуру взаимосвязей между «образами» и толкованиями, выявить закономерности в соотношении формы и содержания эмблематических стихотворений, опираясь на анализ всего массива этих текстов. Метод может применяться и для анализа других текстов, обладающих выраженной формальной структурой.

Mariya Karmanova

St. Petersburg State University, Russia

COMPUTER ANALYSIS OF THE EMBLEM POEMS BY SYMEON OF POLOTSK BY THE MIND-MAPS

Keywords: Symeon of Polotsk, “The Garden of Many Flowers”, Russian literature baroque, emblem studies, emblem poems.

The article proposes a new method to analyse the emblem poems in “The Garden of Many Flowers” of Symeon of Polotsk by the means of a scheme of concepts (mind-maps) to investigate a great number of works as a whole complex and to reveal structural consistency between these poems. It is possible to conduct a comprehensive analysis of “The Garden of Many Flowers” and investigate thought patterns of Symeon of Polotsk as a baroque Russian poet. By software application to build mind-maps we created a dictionary of emblem images of “The Garden of Many Flowers” to solve the following tasks: to define the place of the images, concepts and themes in the imaginary structure of the poems, to describe relationship between “images” and their interpretations, to reveal form-content patterns of the emblem poems based on the analysis of all these poems. This method can be further extrapolated for the analysis of the texts with evident formal structure.

Введение

«Вертоград многоцветный» — это сборник дидактической поэзии, занимающий важное место в творчестве Симеона Полоцкого. В его состав входит более тысячи стихотворений разнообразной тематики, что обусловлено энциклопедическим характером сборника. По мнению исследователей, Симеон Полоцкий стремился показать читателям целостную картину мира во всем его многообразии. В своих стихотворных текстах автор «Вертограда многоцветного» обращается к различным богословским вопросам, преподносит читателю морально-нравственные поучения, рассказывает об исторических событиях, описывает мир, который был для читателя «экзотическим» (упоминаются необычные животные, явления природы, минералы и т. д.). Причем функция этих ярких образов в «Вертограде многоцветном» не сводится к иллюстрированию поучения: они имеют для Симеона Полоцкого и самостоятельную ценность.

В силу большого объема «Вертограда многоцветного» изучение этого стихотворного сборника осуществлялось либо в виде анализа отдельных текстов, в которых наиболее ярко выразились те или иные особенности поэтики, либо в виде последовательного описания сборника. Таким образом, в изучении «Вертограда многоцветного» сформировались две основные тенденции — рассмотрение отдельных стихотворений, в которых проявляются ключевые особенности поэзии Симеона, и последовательное описание стихотворного сборника в целом. На основании анализа подборки наиболее примечательных текстов И. П. Еремин характеризует поэтический стиль Симеона Полоцкого ([Еремин, 1948; 1953]). Подобным образом строится и исследование Р. Лахманн [Lachmann, 1970], в котором изучается значение для него идеи «остроумия» как творческого принципа Симеона Полоцкого.

После научного издания «Вертограда многоцветного» А. Хипписли и Л. И. Сазоновой [Simeon Polockij, 1996–2000] стало возможным рассмотрение этого стихотворного сборника как целостного произведения, представляющего собой сложный комплекс взаимосвязанных между собой текстов. Однако в силу большого объема его анализа у Л. И. Сазоновой [Сазонова, 2006] осуществляется в основном путем последовательного изложения отдельных тем в соответствии с их расположением в черновом автографе «Вертограда». Сходным образом строится и исследование Б. Уленбруха [Uhlenbruch, 1979], в котором рассматриваются знаковые (семиотические) структуры, свойственные «Вертограду многоцветному» как произведению переходного периода.

Эти подходы к изучению «Вертограда многоцветного» позволяют хорошо описать основные особенности поэтики стихотворного сборника и поэтического стиля Симеона Полоцкого, однако, на наш взгляд, необходимо рассмотреть весь корпус эмблематических стихотворений в «Вертограде многоцветном», обратив внимание на ту структуру взаимосвязей, которую они формируют, поскольку именно она отражает ключевые особенности картины мира, зафиксированной в стихотворном сборнике.

Исследуемый материал

Эмблематические стихотворения в составе «Вертограда многоцветного» представляют собой несколько сотен стихотворений, выделяющихся среди других текстов в составе сборника как по формальным, так и по содержательным характеристикам: они имеют двухчастную композицию, соотносимую со структурой эмблемы как жанра литературы барокко, сформировавшегося в Европе в XVI в.

В России эмблематические тексты наиболее активно создавались в первой половине XVIII в., но эмблематика существовала в русской литературе и ранее [Самра, 2002; Морозов, Софронова, 1979]), причем именно творчество Симеона Полоцкого заложило основание для формирования русской эмблематической культуры [Панченко, 2000. С. 253–254].

Как известно, барочная эмблема включает в себя три элемента — девиз, изображение и поясняющий текст в стихотворной форме. Ее каноническая структура была сформирована и закреплена в книге А. Альциати «Emblematum Liber» (1531). Ключевая особенность эмблемы заключается в том, что ее значение не может быть сведено к толкованию одного из элементов. Понимание смысла эмблемы возникает в результате взаимодействия частей, создающего смысловое напряжение. Особое место эмблемы в культуре барокко неоднократно отмечалось исследователями (А. В. Михайлов [1997], Р. Лахманн [1997], Е. Г. Григорьева [2005]).

Согласно Е. Г. Григорьевой, эмблема в культуре выступает одновременно как средство создания новых смыслов, их фиксации и усвоения. Отметим, что исследовательница использует термин «эмблема» в широком смысле, понимая под ним не только жанр литературы барокко, но и свойственные другим периодам в развитии культуры «конструкции эмблематического типа» [Григорьева, 2005. С. 21], построенные на взаимодействии текста и изображения и выполняющие перечисленные выше функции. Для понимания «Вертограда многоцветного» изучение эмблемы в этом широком смысле в особенности важно: в период перехода от древней русской литературы к новой оказываются актуальными описанные выше функции эмблемы, в которых реализуется процесс усвоения культурой новых смыслов, понятий, представлений. В «Вертограде многоцветном» эмблема присутствует в виде эмблематических стихотворений и близких к ним по форме и содержанию текстов.

В эмблематических стихотворениях эмблема практически всегда предстает в неполном виде. В ней может отсутствовать девиз (иногда его функцию выполняет заглавие стихотворения), а изобразительная часть заменена словесным описанием эмблематического образа. В качестве характерного примера эмблематического текста в «Вертограде многоцветном» приведем стихотворение «Слова неслухание»:

Слон нелѣпочный и велбуд горбатый
имѣют обычай, естеством завзятый.
Еже, внегда воду оным чистым пити,
первѣе ногами ону возмутити.

Сие негли того ради содѣвають,
 да нелѣпия си в ней не созерцают.
 Подобнѣ людие злии препинати
 слово обыкоша, и книг не читати,
 Да худолічія си не усмотряют
 злых дѣл не видят, яже содѣвають.
 Затыкают уши, да бы не слышати,
 яже проповѣдник хошет обличати.
 [Simeon Polockij, 1996–2000. III. P. 123]

Описание «образа» и «толкования» в эмблематическом стихотворении может быть как развернутым, так и сокращенным до двустихия, в котором одна из строк отведена «образу», а другая «толкованию». Варьироваться может и расположение строк, относящихся к одной из смысловых частей стихотворения, причем можно выделить определенные композиционные типы эмблематических стихотворений в составе «Вертограда многоцветного».

Метод анализа эмблематических стихотворений

Исследование эмблематических стихотворений Симеона Полоцкого с помощью предложенного нами метода позволяет выявить взаимосвязи между «образами» и «толкованиями», изучить, в каком контексте для Симеона Полоцкого находились те или иные ключевые понятия, описать образы, занимающие центральное место в системе эмблематических стихотворений «Вертограда многоцветного». Анализ текстов осуществлялся в несколько этапов, их конечным результатом стало составление схемы, включающей практически все образы и их толкования, которые встречаются в эмблематических стихотворениях Симеона Полоцкого.

Первым этапом анализа эмблематических стихотворений стало составление «словаря», в котором отражены толкования всех образов, используемых Симеоном Полоцким в рассматриваемых эмблематических стихотворениях, а также приводится краткое содержание этих стихотворений. Эти сведения представлены в виде таблицы, в которой записи отсортированы в соответствии с порядком эмблематических стихотворений в алфавитной рукописи «Вертограда многоцветного». Важно отметить, что в одном стихотворении может использоваться несколько образов. Часто Симеон Полоцкий дробит один образ на несколько частей, каждая из которых получает отдельное толкование. Например, метафора «тело человека — церковь» раскрывается следующим образом:

Глава Церкви есть Христос, а святая выя
 Преблагословенная есть дѣва Марія.
 Очи — архиереи, их же свойство — зрѣти,
 неусыпно о удѣх всего тѣла бдѣти.
 Рамена суть царие благочестивии,
 иже бремена Церкви носити тщивии...
 [Simeon Polockij, 1996–2000. III. P. 258]

Также встречаются стихотворения, в которых перечисляются несколько независимых, самостоятельных образов (они, в отличие от приведенного выше примера, не соотносятся друг с другом как части одного целого), соответствующих одному толкованию. Таково, например, стихотворение «Веры уподобление»:

Вѣра во сердци есть основание
 добродѣтелей, та держит здание
 И яко корень ветви оживляет,
 вѣра дѣлеса жива содѣвает.
 Яко свѣтилник она просвѣщает,
 егда Божии воли поучает.
 Учя благая дѣлеса творити,
 от лукавых же и мысль удалити.
 [Simeon Polockij, 1996–2000. I. P. 204]

Таким образом, составленный нами «словарь образов», представленный в электронном виде, позволяет определять, в каких стихотворениях упоминается тот или иной образ и какие сюжеты с ним связаны. Однако последующая работа с этим словарем показала, что линейного списка понятий и их значений («образов» и «толкований») недостаточно для того, чтобы выявить ключевые особенности поэтики эмблематических стихотворений Симеона Полоцкого. Эмблематические тексты в составе «Вертограда многоцветного» связаны между собой, и эти связи образуют сложную структуру: ее важной особенностью является не только многозначность (одному и тому же образу может соответствовать несколько толкований, а одному и тому же толкованию — несколько образов), но и тот факт, что одно и то же понятие может в одном эмблематическом стихотворении выступать в качестве образа, а в другом — в качестве толкования. В результате значения начинают взаимодействовать между собой, и вместо однозначной характеристики какого-либо предмета и явления может возникать многогранный, «колеблющийся» образ.

Поэтому вторым этапом исследования и стало составление концепт-карты, открывающей новые возможности для анализа эмблематических стихотворений Симеона Полоцкого как целостного текста. Концепт-карты (mind-maps) представляют собой схемы, имеющие форму графа, в вершинах которого расположены исследуемые понятия, а ребра соответствуют связям между ними. В настоящее время основными сферами применения концепт-карт является обучение, анализ информации для улучшения понимания и запоминания, решение творческих задач, планирование. Построение схемы, на которой зафиксированы отношения между ключевыми понятиями текста, помогает лучше понять его содержание, способствует переводу информации из кратковременной в долговременную память, позволяет охватить взглядом всю изучаемую проблему, способствует поиску новых решений и выявлению тех существенных взаимосвязей, которые ранее оставались незамеченными [Novak, 2008].

Описанные особенности концепт-карт во многом актуальны и для нашего исследования, однако есть и отличия: концепт-карты в нашем случае используются для отражения понятийной структуры текста с использованием определенных формальных правил с целью дальнейшего изучения этой структуры. Этим и был обусловлен выбор программного обеспечения для дальнейшей работы. Количество компьютерных программ, предназначенных для работы с концепт-картами, рассмотренных нами в процессе работы над схемой довольно велико, однако большинство из них не отвечало потребностям нашего исследования — необходимости отображения схемы, имеющей несколько сотен узлов, построения наглядного отображения части схемы с центром в виде того или иного понятия, поиска и сортировки элементов. Кроме того, большинство программ требуют с самого начала выбрать центральный элемент (главное понятие), а затем использовать его в качестве «точки отсчета» для построения других связей. Наша задача была противоположной — в результате построения схемы выявить, как понятия связаны друг с другом, и какие из них объединяют наибольшее количество связей и, следовательно, занимают в схеме центральное положение.

В результате для построения концепт-карт были использованы две компьютерных программы — SmartTools [ИМНС Smart Tools]

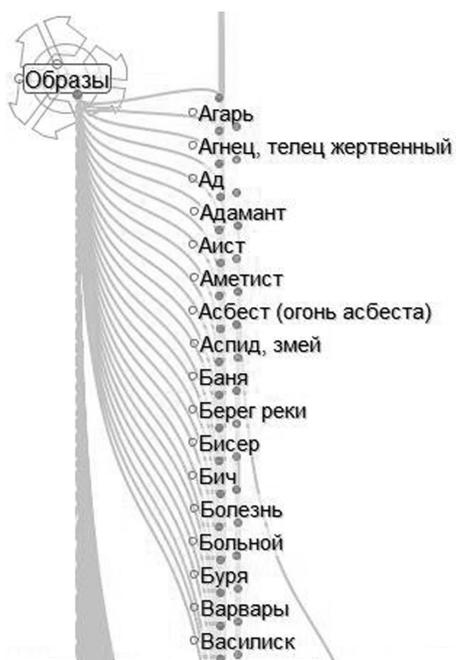

Рис. 1. Фрагмент алфавитного списка понятий с возможностью раскрытия связей для любого узла

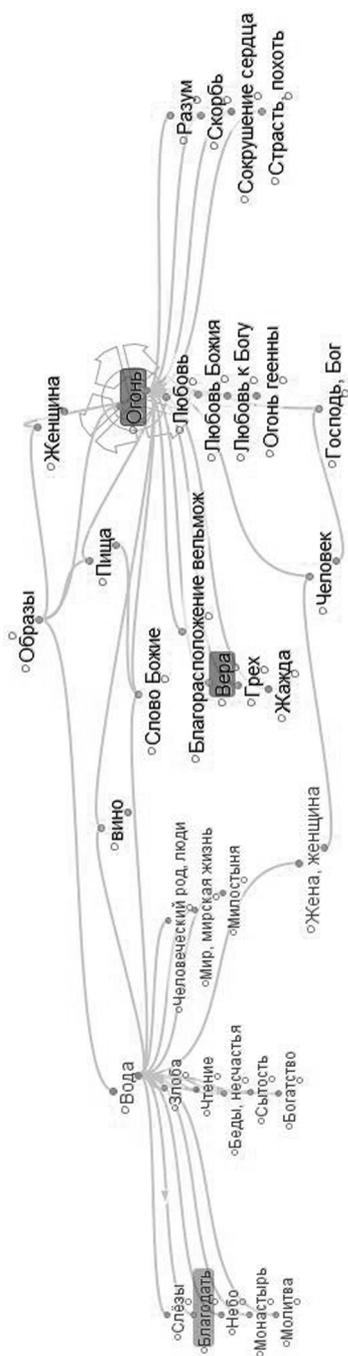

Рис. 2. Связи между противопоставленными понятиями («Огонь» и «Вода»)

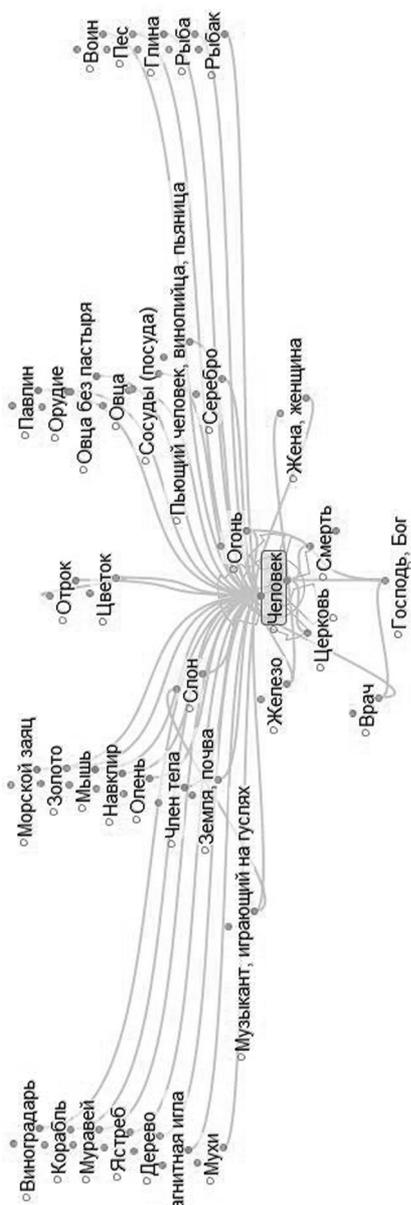

Рис. 3. «Человек» — центральное понятие «Вертограда многоцветного»

и The Brain 7 [The Brain]. Первая из них позволяет строить схемы произвольной формы, однако практически не имеет функций автоматической сортировки и расположения элементов, что делает затруднительным ее использование для анализа большого количества понятий. Она применялась для более детализированного отображения отдельных фрагментов схемы. Программа The Brain 7 позволяет эффективно работать со схемами, имеющими несколько сотен узлов, но при этом требует наличия предварительно заданного центрального понятия (в качестве такового нами использовалось условное понятие «образы»).

«Образы» и «толкования» фиксировались на схеме в том виде, в каком они упоминаются в текстах Симеона Полоцкого. Объединялись лишь те понятия, которые являлись полными синонимами. Приведем в качестве примера несколько фрагментов схемы, демонстрирующих ее функциональность и отражающих характерные особенности поэтики Симеона Полоцкого (см. рис. 1–3).

Перспективы использования предложенного метода

Таким образом, словарь эмблематических образов «Вертограда многоцветного», составленный нами с использованием концепт-карт, позволяет решать следующие задачи:

- анализировать место образов, концептов, тем в образной системе «Вертограда многоцветного»;
- устанавливать значимость отдельных образов и тем на основании количества связей, в которые они включены;
- устанавливать взаимосвязи между формальными и содержательными характеристиками эмблематических стихотворений, опираясь на анализ всего массива этих текстов.

В дальнейшем возможно развитие применения этого метода по нескольким направлениям. Прежде всего, схема может быть расширена за счет включения в нее более полных сведений об эмблематических стихотворениях, их месте в сборнике или в составе тематических стихотворных циклов, их композиционных особенностях. Также метод может использоваться и для анализа других текстов Симеона Полоцкого, а также произведений других авторов, если их структура может быть описана формально.

Следует учитывать, что данный метод не предполагает автоматизации самого процесса анализа текстов, выявления в них ключевых понятий и их взаимосвязей. Автоматизируется лишь отображение схемы, что создает новые возможности для анализа большого объема материала. В настоящее время ведется разработка программы трехмерной визуализации концепт-карт, которая позволит осуществлять анализ связей между понятиями, не обращаясь к стороннему коммерческому программному обеспечению.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьева Е. Г. Эмблема: Очерки по теории и прагматике регулярных механизмов культуры. М.: Водолей Publishers, 2005. 232 с.
- Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. 1948. Т. VI. С. 125–153.
- Еремин И. П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Наука, 1953. С. 223–260.
- Лакхманн Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического / пер. с нем. Ф. П. Е. Аккерман. СПб.: Академический проект, 1997. 366 с.
- Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 112–175.
- Морозов А. А., Софронова Л. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 13–38.
- Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 462 с.
- Сазонова Л. И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М.: Языки русской культуры, 2006. 896 с.
- Самра Р. Heraldry, Insignia, and the Rise of the Russian Emblem // Emblem studies in honour of Peter M. Daly. Baden-Baden: Verlag Valentin Koerner, 2002. S. 15–39.
- ИМНС CMAP Tools Software. Florida Institute for Human and Machine Cognition. [Электронный ресурс] URL: <http://сmap.ihmc.us/> (дата обращения 01.09.2014).
- Lachmann R. Die Tradition des ostroumie und das acumen bei Simeon Polockij // Slavische Barockliteratur I (Forum Slavicum 23). München: Wilhelm Fink, 1970. S. 41–59.
- Novak J. D., Canas A. J. The Theory Underlying Concept Maps and How to Construct Them. Florida Institute for Human and Machine Cognition, 2008. [Электронный ресурс] URL: <http://сmap.ihmc.us/Publications/ResearchPapers/TheoryUnderlyingConceptMaps.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
- Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by Anthony Hippisley, Lydia I. Sazonova. With a Foreword by Dmitrij S. Lihacev. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1996–2000. Т. 1–3.
- The Brain: Mind Mapping Software, Brainstorming, GTD and Knowledgebase Software. [Электронный ресурс] URL: <http://www.thebrain.com/> (дата обращения 01.09.2014).
- Uhlenbruch В. Simeon Polockij's Poetische Verfahren — «Rifmologion» und «Vertograd mnogocvetnyj». Bochum, 1979. 310 S.

REFERENCES

- Grigoreva E.G. *Emblema: Oчерki po teorii i pragmatike regularnykh mekhanizmov kul'tury* [An emblem: Essays on the theory and pragmatics of regular mechanisms of culture]. Moscow, Vodoley Publishers, 2005, 232 s.
- Eremin E.P. Poeticheskiy stil Simeona Polotskogo [The poetic style of Simeon Polotsky]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*, 1948, t. VI [vol. 4], s. 125–153.
- Eremin E.P. *Simeon Polotskiy — poet i dramaturg* [Simeon Polotsky — a poet and drama writer]. Simeon Polotskiy. Izbrannye sochineniya. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1953, s. 223–260.
- Lakhmann R. *Demontazh krasnorechiya: ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Eloquency dismantling: rhetoric tradition and the concept of the poetics], per. s nem. F.P.E. Akkerman. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997, 366 s.

- Mikhailov A.V. *Poetika barokko: zavershenie ritoricheskoy epokhi* [The poetics of the Baroque: the end of the rhetoric epoch]. Yazyki kultury. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1997, s. 112–175.
- Morozov A.A., Sofronova L.A. *Emblematika i ee mesto v iskusstve barokko* [Emblems and their contribution into the Baroque arts]. Slavyanskoe barokko: Istoriko-kulturnye problem epokhi. Moscow, Nauka Publ., 1979, s. 13–38.
- Panchenko A.M. *O russkoy istorii i kulture*. [On the Russian history and culture]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 462 s.
- Sazonova L.I. *Literaturnaya kultura Rossii: Rannee Novoe vremya* [The literary culture in Russia: the early Modern times]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 2006, 896 s.
- Campa P. *Heraldry, Insignia, and the Rise of the Russian Emblem*. Emblem studies in honour of Peter M. Daly. Baden-Baden, Verlag Valentin Koerner, 2002, S. 15–39.
- IMHC CMAP Tools Software. Florida Institute for Human and Machine Cognition. Available at: <http://cmap.ihmc.us/> (accessed 01.09.2014).
- Lachmann R. *Die Tradition des ostroumie und das acumen bei Simeon Polockij* [The tradition of ostroumie and acumen at Simeon Polockij]. Slavische Barockliteratur I (Forum Slavicum 23). München, Wilhelm Fink, 1970, S. 41–59.
- Novak J.D., Canas A.J. *The Theory Underlying Concept Maps and How to Construct Them*. Florida Institute for Human and Machine Cognition, 2008. Available at: <http://cmap.ihmc.us/Publications/ResearchPapers/TheoryUnderlyingConceptMaps.pdf>. Date of access 01.09.2014.
- Simeon Polockij. *Vertograd mnogocvetnyj* [The Garden of Many Flowers], ed. by A. Hippisley, L.I. Sazonova. With a Foreword by D.S. Lihačev. Köln; Weimar; Wien, Böhlau, 1996–2000. T. 1–3.
- The Brain: Mind Mapping Software, Brainstorming, GTD and Knowledgebase Software. Available at: <http://www.thebrain.com/> (accessed 01.09.2014).
- Uhlenbruch B. *Simeon Polockij's Poetische Verfahren — "Rifmologion" und "Vertograd Mnogocvetnyj"* [Simeon Polockij's poetic method — "Rifmologion" and "The Garden of Many Flowers"]. Bochum, 1979, 310 S.

Карманова Мария Дмитриевна

Аспирант, кафедра истории русской литературы
Санкт-Петербургский государственный университет

Mariya Karmanova

Post-graduate student
St. Petersburg State University, Russia
E-mail: 7yukari7@gmail.com

Герман Корте

Университет Зигена, Германия

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВАНГАРД И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (1914–1918)

Ключевые слова: авангард, футуризм, экспрессионизм.

Присуща ли авангардистскому течению своя собственная история, отличная от истории таких переломных исторических событий, как война и революция? Или авангард все же обусловлен политическими, социальными и культурными событиями своего времени? Спустя 100 лет после начала войны можно проанализировать, как за несколько мгновений события 1914 г. кардинально изменили принципы самоопределения писателей и художников во всем мире. В то же самое время развивается и новое течение авангарда, т. н. швейцарский авангард, который зародился в Зюрихе в 1916 г. и примирил господствующие структуры власти и общества, реализовав совершенно новые формы художественного выражения в рамках дадаизма. Действия этих импульсов до сих пор ощущаются в обществе.

Hermann Korte

University of Siegen, Germany

THE LITERARY AVANT-GARDE AND WORLD WAR I (1914–1918)

Keywords: avant-garde, futurism, expressionism.

Do avant-gardes have their own autonomous history, detached from historic caesuras such as war or revolution? Or are they closely related to political, social and cultural events? The hundredth anniversary of the outbreak of World War I 1914 gives us the opportunity to outline how august 1914 fundamentally changed the supranational self-conception of writers and artist within a few weeks: up to fierce confessions to national aims of war. But at the same time there is a new avant-garde, such as the one in Zurich, evolving, since 1916 totally negotiating reigning structures of power and society and implementing new and radical artistic forms of expression in the name of "Dada". Those impulses continue to have an effect even decades later.

Тема этой статьи возвращает нас к событию 100-летней давности, Первой мировой войне. Период, предшествовавший этому событию, проходил под знаком модернизации во всех европейских странах, сопровождавшейся проведением политики шовинизма, колониализма и империализма, из-за которой в 1914 г. Европа была втянута в войну. Ликование масс, связанное с ее началом, длилось недолго, ведь многие пали ее жертвами. Множество писателей и художников, бывших недавно в своем большинстве интернационалистами, в августе 1914 пошли добровольцами на военную службу.

Мне бы хотелось обратиться к небольшому фрагменту всеобщей европейской панорамы событий, к двум историческим авангардистским направлениям, футуризму и дадаизму. Я не случайно выбрал эти два направления: их часто сопоставляют при обсуждении военного вопроса. Считается, что главное отличие между футуристами и дадаистами обнаруживается в их отношении к войне, — к такому консенсусу пришли исследователи. Два течения авангарда с противоположными позициями? Я бы хотел проверить этот тезис.

Исторический авангард: рабочее определение

Начнем с рабочего определения понятия «исторический авангард». Слово «авангард» заимствовано из языка военных: авангард — головной отряд боевых частей, который отличается высокой мобильностью, гибкостью и готовностью вступить в бой. Многие компоненты этого значения сохраняются в литературном понятии авангарда. Такие лозунги, как «динамика» и «борьба», характеризуют язык авангардистских манифестов, составление и публикация которых являлись характерной чертой авангардизма.

Авангардистские акции носили провокационный, агрессивный, порой даже насильственный характер. Авангардисты считали себя борцами с господствующими культурными институтами, уничтожение которых прокламировали в манифестах. Возникшие между 1910 и 1930 гг., в переломные моменты эпохи, авангардистские течения становились двигателями и катализаторами политических и художественных изменений. Авангардистские группы стремились к воплощению новых стилей жизни, не ограничиваясь исключительно художественными стилями. Значимость новых литературно-художественных средств выразительности определялась тем, насколько резко они расходились с существующей традицией. Так, футурист Маринетти использовал экспериментальный прием «*parole in libertà*», желая *освободить слова, выволить из тюрьмы латинской структуры предложения, разрушить синтаксис, упразднить знаки препинания и заменить их математическими символами*¹. Несколько лет спустя дадаисты начинают экспериментировать с техниками коллажа и монтажа, симультанными поэмами, плакатной поэзией и рядом совершенно новых техник перформанса, см. подробнее: [Korte, 1994]. Радикальность этих новых форм выражения состоит в тесной связи с программами по воссоединению искусства и жизни. Другой характерной для них чертой является интернационализм и межъязыковые связи. Еще до начала войны футуристы позаботились о том, чтобы их манифесты публиковались не только во Флоренции, Риме и Милане, но и в Париже, Лондоне, Берлине и Петербурге. Они старались помещать свои тексты в газетах с большими тиражами, чтобы привлечь внимание общественности.

¹ «Технический манифест футуристической литературы». Цит. по: [Asholt, Fähnders, 1995. S. 24f].

Речь идет о распространении «наднационального мировосприятия» [Meurer, 1994, S. 14]. Авангардисты порывают с традиционными представлениями о произведении искусства и рассматривают свои творения как часть практики, объединяющей жизнь и искусство. Эта практика и является собственно сферой действия и движения авангардистов. Авангард не существует без перформанса, без практики, ломающей культурные стереотипы. Авангардистские программы нацелены на стирание различий между сферами искусства [Plumpe, 1995, S. 184]² с одной стороны, и общественно-политической реальностью, с другой, благодаря тому, что они пытаются преодолеть границы между жизненной практикой и творчеством. Концепция стирания различий между искусством и жизнью является основой авангардизма.

Европейские писатели и художники в августе 1914

Август 1914 г. оставил большой след в истории Нового времени. Многие писатели и художники разделяли общеевропейское восторженное отношение к войне. Лишь немногие придерживались пацифистских взглядов и стояли в стороне от большинства. В Германии, Франции, Австрии патриотически настроенные художники участвовали в соответствующих пропагандистских акциях. Томас Манн даже защищал нападение Германии на нейтральную Бельгию. Аполлинер, Кокто писали стихи на военную тему. В Москве в декабре 1914 г. Маяковский и Малевич участвовали в выставке «Московские художники жертвам войны». В Германии художник Макс Либерман занимался распространением национально ориентированных листовок с иллюстрациями под названием «Kriegszeit» («Военное время»), в их создании участвовало много художников. Выпуск этих листовок был прекращен Либерманом только в 1917 г. под впечатлением от все более ужасающих сводок с фронта. Молодые художники и писатели становились солдатами или, как большинство молодых немецких экспрессионистов, записывались в добровольцы. Многие из них погибли уже в первые годы, сражаясь на Западе или Востоке³.

Несомненно, было бы слишком необъективно представить общую ситуацию как противостояние сторон, выступающих «за» и «против» войны. Ретроспективный взгляд позволяет заметить, что художники и писатели, принявшие непосредственное участие в боевых действиях, значительно интенсивнее других разрабатывали военную тему в своем творчестве. В их произведениях страх, отчаяние, ужас обретают ясные очертания. Примерами могут служить «Автопортрет в образе Марса»

² Plumpe определяет понятие «Entdifferenzierung» как дополнительное по отношению к понятию «дифференциация» (системы искусства), используемому теорией систем.

³ Общий обзор см. в выставочном каталоге «1914. Авангард воюет» (1914. Avantgarden im Kampf) [Ausstellungskatalog, 1914]. Следует отметить, что понимание термина «авангард» в этом каталоге неприемлемо, поскольку сводится к понятию «модернизм» и используется лишь как модное слово.

(«Selbstbildnis als Mars») Отто Дикса (1915) [Ausstellungskatalog, 1914. S. 129] или стихи погибшего в 1915 г. Августа Штрамма, который, будучи капитаном, воевал на Восточном фронте. Пережитое на войне отражено в стихотворении Штрамма «Гранаты» («Granaten», опубликовано в издательстве «Der Sturm»), в котором он на свой собственный лад подражает приемам футуризма в духе принципа Маринетти «parole in liberta» [Stramm, 1915. S. 30]:

Das Wissen stockt
 Nur Ahnen webt und trägt
 Taube täubet schrecke Wunden
 Klappen Tappen Wühlen Kreischen
 Schrillen Pfeifen Fauchen Schwirren
 Splittern Klatschen Knarren Knirschen
 Stumpfen Stampfen
 Der Himmel tapft
 Die Sterne schlacken
 Zeit entgraust
 Sture weltet blöden Raum

Ни следа не осталось от дурманящего упоения войной. Это видно и по рисунку Георга Гросса, будущего берлинского дадаиста, «Granatloch»⁴. Вернувшись с фронта, Гросс попал в психиатрическую лечебницу для военных и в детских каракулях обнаружил новый язык искусства, соответствующий принципу: уродство изобразительных форм является подходящим выражением для уродства мира⁵.

Футуризм в Италии

Справедливо ли утверждение, что след, оставленный войной в душах молодых художников и поэтов Европы, и их горький опыт легли в основу сюжетов литературно-художественных произведений? Чтобы ответить на этот вопрос, я хотел бы кратко представить концепцию футуристического направления в авангарде. В центре этого движения — экстатическое воспевание прогресса и упоительная красота динамизма [Schmidt-Bergmann, 1991. S. 55]. Футуризм позиционирует себя в качестве рупора социально-политической модернизации Италии, которая до войны по преимуществу являлась аграрным государством. Какими были цели Маринетти? *Мы хотим воспевать войну. Это единственный способ обновления мира. А именно: милитаризм, патриотизм, разрушительная деятельность анархистов, прекрасная идея, за которую умирают, и презрение к женщине* [Asholt, Fähnders. S. 5 (Manifest des Futurismus)]. Все это разнообразие способов воспевания насилия предполагает у Маринетти акционизм, который не ориентирован ни на какую ясно сформулированную программу. Пропаганда милита-

⁴ См. также: [Ausstellungskatalog, 1914. S. 13].

⁵ См. там же.

ризма и стремление анархистов к разрушению легко комбинируются, сочетаясь с провокационным антифеминизмом. В своих призывах Маринетти использует милитаристские метафоры: *Красота есть только в борьбе* [Asholt, Fährnders. S. 55]. *Мы прославляем агрессивное движение, марш, сальто мортале, пощечину и удар кулаком* [Asholt, Fährnders. S. 4]. Не все воспринимали всерьез восторженное отношение Маринетти к войне, которое он пропагандировал в СМИ, например, в эссе Виктора Шовина он осмеян как человек, потрясающий бумажным мечом⁶. Футуристическим образам войны, борьбы и агрессии корреспондирует воспевание того, что для Италии все еще оставалось утопией, — это промышленность, техника, быстрое железнодорожное сообщение, современная архитектура, в которых проявляются динамика и мобильность. У футуризма нет политической военной программы. Скорость, динамика, механизация — вот лозунги авангарда, который осмысляет себя через «военную» метафору передового отряда. В Европе до 1914 г. все лишь догадывались о том, что бомбардировщики — огромные машины уничтожения — и движущиеся танки будут определять ход грядущей мировой войны так же, как и грядущую промышленную эпоху. Например, в манифесте музыкантов-футуристов 1911 г. провозглашается: *Необходимо воспевать музыкальную душу танков, автомобилей и самолетов, продолжать прославлять машины и триумф электричества*⁷. В 1914 г. Маринетти в произведении, озаглавленном «Zang Tumb Tumb», приводит пример описания хаоса военного действия:

Springen Stöße Schläge Batterien Schnellfeuer Heftigkeit Wildheit
Regelmäßigkeit der tiefe Baß skandiert die wilden heftig bewegten Massen
der Schlacht Raserei Keuchen Ohren Na-senlöcher offen angespannt
Kraft welche Freue sehen hören rie-chen alles tarataratarataratarara
Maschinengewehr trak trak⁸.

В духе своего принципа «parole in liberta» Маринетти, обходясь без синтаксических связей и нарративной структуры, соединяет множество одновременных ощущений, звуков и визуальных образов. Результатом становится переданная телеграфным стилем simultанность восприятия разрозненных и бессвязных фрагментов.

Для футуристов война — это, в первую очередь, поле их воображения, источник образов, связанных с движением, смешением чувств, агрессией. Сила воображения включает в себя также прославление восстания и революции, которая клянется в любви риску и насилию [Asholt, Fährnders, 1995. S. 21]. Например, в одном из манифестов футуризма речь идет о «больших массах людей, которых возбуждают работа, развлечения, мятеж», а также о том, что поток революции должен быть воспет в современных столицах [Asholt, Fährnders, 1995. S. 5]. Подобные попытки разрушить рамки автономного искусства и проникнуть не-

⁶ Chovin V. Futurismus und Krieg [Asholt, Fährnders, 1995. S. 87].

⁷ Цит. по: [Asholt, Fährnders. S. 18]; das Manifest entstand, 1911.

⁸ Цит. по: [Urlaute dadaistischer Poesie, 1994. S. 19].

посредственно в современную жизнь предполагают эклектичное использование различных идеологий, порой вступающих в противоречие друг с другом. Поэтому в футуризме легко соединяются социал-революционные, анархические и национал-шовинистические установки [Hoch, 2001. S. 260].

Большинство футуристов отправились на военную службу после вступления Италии в войну в 1915 г. Но еще в качестве добровольцев они продемонстрировали свою приверженность принципу динамизма, записываясь в ряды автомобилистов или батальон велосипедистов, который был распущен только в 1918 г. В биографии футуристов война вписана по-разному. Например, Карло Кара в 1915 г. покинул своих единомышленников и в 1916 г., находясь в военном госпитале Фераре, примкнул к неавангардистской группе «Pittura metafisica». Боччони служил кавалеристом и стал жертвой несчастного случая. Некоторые, как Умберто Маганцини, недолго протянули на фронте. Маринетти, ставший после роспуска Ломбардского батальона велосипедистов военным автомобилистом, получил ранение в 1917 г. Самый плодовитый музыкант футуризма Луиджи Руссола после тяжелой травмы головы в 1917 г. провел 17 месяцев в лазаретах, а Энрико Прампolini, еще слишком молодой, чтобы идти на фронт, с 1916 г. работал для журнала «ДаДа» и в 1918 г. познакомился с основателем группы «Спартак» Карлом Либкнехтом. Война способствовала не единству, а распаду футуризма на группировки, так что с 1914 г. о футуристах можно говорить лишь условно.

И все же культ войны, техники и машин образуют единство, прославляемое с большим энтузиазмом. В одном из выступлений Маринетти пытался одним из первых воспроизвести треск пулемета, грохот пушек и визг пропеллеров самолетов⁹. Стихотворение в его трактовке — это, прежде всего, акустическое явление. Такая звуковая симультанная поэзия с множеством голосов и шумовых источников, звучащих одновременно, ориентированная на выступления-перформансы, привлекает большое внимание и находит подражателей в других странах. Очевидно и то, что художники-футуристы, такие как Боччони и Северини, изображают военные сцены при помощи набора симультанных взрывных приемов передачи движения и элементов коллажа. Мировая война не влияет на литературные методы и живописные приемы. Ее влияние заметно в другом — например, в изображении тягостных сцен жутких битв с применением танков, артиллерии и пулеметов, как на картине «Чудовище войны» («Kriegsmonster», 1914–1918)¹⁰ жившей в Италии чешской футуристки Ругены Жадковой. Восторженное отношение к технологиям меняется: видимой становится темная оборотная сторона военных сражений.

Подводя итоги, нужно ответить на вопрос, насколько выраженной была политическая направленность футуризма к концу войны. Часто

⁹ Цит. по: [Hesse, 1991. S. 26].

¹⁰ Der Lärm der Straße [Ausstellungskatalog. S. 236].

футуризм ассоциируется с фашизмом Муссолини, чему есть доказательства после 1920 г. Однако ранний этап выглядел сложнее. Я хотел бы еще раз напомнить о парадоксальном параллелизме войны и революции, милитаризма и анархизма в ранних манифестах. Луначарский, советский народный комиссар просвещения, в 1920 г. был не совсем не прав, когда назвал Маринетти единственным интеллектуалом революции в Италии. А Антонио Грамши, в ответе на запрос Троцкого, подчеркивает, что журналы футуристов читались до 1914 г. итальянскими рабочими, которые приветствовали антигражданские выступления против культурной элиты Италии. Итак, подводя итог, можно сказать, что итальянский футуризм выступал за войну и воспринимал мировую войну как единственное подтверждение собственной точки зрения. На художественные формы выразительности и содержание литературы футуристов война едва ли оказывала прямое влияние. Она наложила свой отпечаток на отдельные биографии и породила тенденции, приведшие к расколу на группы, а также отдалению футуристов друг от друга после 1917–1918 гг.

Дадаисты и Первая мировая война

Согласно общепринятой точке зрения, переход от футуризма к дадаизму ознаменован переходом от прославления войны к ее радиальному неприятию. Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. В августе 1914 г. дадаистов еще нельзя отнести к лагерю европейского пацифизма. Ганс Рихтер, поздний дадаист, ушел добровольцем на войну, испытал шок от увиденного и пытался преодолеть его с помощью искусства. Хуго Балль также записался в добровольцы в августе 1914, однако его признали непригодным к службе. То же самое произошло и с Тристаном Тцара в Румынии.

Для дадаизма, как и других авангардистских течений, в том числе футуризма, характерна склонность к смешению политических лозунгов и радикальных позиций, а также отвержение всех государственных и культурных институтов. Дадаизм, возникший в годы войны, словно сейсмограф, улавливал влияние разрушительных, опустошительных сил войны. Дадаисты видели лживость и несостоятельность попыток воюющих сторон оправдать себя и, не принимая современное искусство, культуру и политику, чувствовали, что рушатся основы целой эпохи, а то, что предлагается в качестве средства спасения и обновления, в конечном счете, принадлежит старому, унаследованному из прошлого порядку, и потому также подлежит критике и осмеянию.

Презрительное отношение к современным порядкам сочеталось с отрицанием всех идеологий. «Дадаист самый свободный человек на земле. Всякий приверженец идеологии поддается заблуждению, в которое его вводит собственный интеллект» [Huelsenbeck, 1984. S. 32]. Дадаисты из Цюриха, отправной точки движения, ассоциировали жест отрицания с новыми акциями-перформансами, во время которых среди прочего исполнялись произведения акустической поэзии. Ана-

логии с футуризмом очевидны, прослеживаются они и в манифестах дадаизма: «Жизнь являет собой симультанный хаос звуков, цветов и духовных ритмов [!], этот хаос уверенно вливается в дадаистское искусство во всей своей грубой реальности» [Asholt, Fähnders, 1995. S. 146].

Экспериментирование с языком отражает увлечение авангардистских течений начала XX в. акустической поэзией. К ней можно отнести неологизмы Хлебникова, заумь Крученых и примеры французского сюрреализма. У нас есть фотография, запечатлевшая выступление Хуго Балля, приверженца цюрихского дадаизма: он одет в костюм «магического епископа». Магически-мистическое настроение изначально было характерно для Балля и могло бы стать отдельной темой исследования, посвященного магии слов, праязыку и отношениям авангарда к мистическим течениям. Балль писал в своем дневнике: *Следует отказаться от невыносимо испорченного журналистами языка в пользу звуковой поэзии подобного рода. Необходимо вновь обратиться к глубинной алхимии слова, подвергнуть слово переосмыслению, сохранить за поэзией ее последнюю священную вотчину* [Das war Dada, 1963. S. 32].

Балль утверждал звуковую поэзию через отрицание повседневного языка и языка печатных СМИ и ссылаясь при этом на мистический элемент, благодаря которому он, «магический епископ», спустя несколько месяцев порвал с дадаизмом и перешел в католицизм.

Правда, в цюрихский период он все еще расценивал свои выступления как шутовские представления: *То, что мы называем дада, есть дурашливая игра с Ничто, в которое завернуты все высшие вопросы; <...> игра с жалкими пережитками* [Das war Dada, 1963. S. 27]. Так намечается клоунское начало, понимание дадаизма как культуры смеха, смеха перед лицом огромной катастрофы и, следовательно, смеха, которым высмеиваются все идеологии и идейные течения, приблизившие катастрофу или не сумевшие ее предотвратить. Дадаист Балль — «детский, донкихотский человек», «увязший в словесных играх и грамматических фигурах» [Dada total, 1994. S. 32]. Балль редко говорил о войне или революции. В манифесте, написанном к открытию первого вечера дадаизма 14 июля 1916 г. (годовщина Французской революции) было лаконично сказано: *Дада мировая война и нет конца. Дада революция и нет начала* [Dada total, 1994. S. 34].

Еще активнее, чем в Цюрихе, дадаистская культура смеха развивалась в Берлине. Там дадаизм высмеивал кайзера, военного промышленника Круппа, генералитет вместе с социал-демократами, которые, придя к власти в ноябре 1918 г., не стали разрушать государственные институты бывшего рейха. В Берлине не столько война, сколько, прежде всего, провал революции 1918–1919 гг. стал важным импульсом для активизации деятельности дадаистов. Дадаизм в Цюрихе возник благодаря войне в Европе, берлинский дадаизм стал реакцией на так и не достигшую своих целей революцию в Германии, ничего существенно не изменившую в структуре обществе, государственной бюрократии и военной власти. Один из самых активных представителей

берлинского дадаизма, Рауль Хаусман, ясно указывал на связь этого течения с революцией 1918–1919 гг.: *Дада это сознательная тактика революционеров, нацеленная на ликвидацию буржуазного обмана и сплоченное наступление на бюргерскую культуру* [Hausmann, 1982a. S. 95]. Хаусман экспериментировал с дадаистской техникой разоблачения и сочинял остроумные сатирические тексты, которые были собраны в 1921 г. под ироническим заголовком «Hurra! Hurra! Hurra! Deutsche Satiren»¹¹. Мрачную послевоенную эпоху в Германии Хаусман характеризовал как воплощенную «сатиру из сатир». Берлинские дадаисты считали себя бескомпромиссными и радикальными в использовании языковых ресурсов. Провоцирующий язык дадаистских манифестов выражал тот способ мышления и действия, который позволял ускользнуть от навязывания смысловой перспективы. В силу всех этих причин дадаизм больше не нуждался в глубокой разработке военной темы. Дадаисты не создали военной поэзии, вместо этого они высмеивали всех тех, кто, как немецкие экспрессионисты в период между 1916 и 1930 г., публиковал стихи на антивоенные темы и уверял читателей, что «Человек добр» (прочитировано название сборника рассказов Леонарда Франка) [Frank, 1918].

Противниками дадаистов в сфере искусства были, прежде всего, экспрессионисты, в сфере политики — прусская милитаристская каста, кайзер и пришедшие ему на смену социал-демократы, в социальной сфере — буржуазия и немецкое мещанство. В то время как цюрихские дадаисты экспериментировали со звуковой поэзией и акциями-перформансами, берлинские дадаисты в период между 1918 и 1920 г. отдавали предпочтение цинизму, насмешкам, иронии, провокации, сатире и характерным формам свободной от иллюзий карнавальской культуре смеха. Так, Хаусман говорил: *Мы вольны потешаться так, как нам вздумается, свободно обращаясь со словами, формами, цветами, звуками...* [Hausmann, 1982a. S. 84].

Импульс берлинских дадаистов, связанный со смеховой культурой, оказал воздействие на дадаизм в других странах. *Для нас все лишь повод для потехи*, говорил Поль Элюар в Париже¹². Выступления в парижских кабаре и акции парижских дадаистов были наполнены весельем.

Перспективы

Мой вывод меняет привычное представление о проблеме. Футуризм и дадаизм не противостояли друг другу в вопросах отношения к войне. Футуризм, еще до 1914 г. замороженный военными образами, не смог победоносно преобразовать реальный опыт войны в искусство военной тематики. Таким образом, исследователи и сегодня вынуждены прибегать к довоенным источникам, если они хотят выяснить отношение футуристов к войне. Что же касается берлинских дадаистов,

¹¹ См. также: [Hausmann, 1921; Korte, 1996. S. 45–65].

¹² *Eluard P. Dada-Entwicklung* [Dada, 1984. S. 79].

прежде всего бросается в глаза их недолгий век. Провал революции в 1920 г. был настолько очевиден, что антигражданское, провокационное течение дадаизма быстро пришло в упадок. В завершение я бы хотел поставить еще один вопрос, актуальный для русских условий — вопрос о том, как развивались авангардистские течения после состоявшейся революции. Интересно рассмотреть, как меняются эти течения, если их приверженцы не только мечтают о единстве акционизма в политике и искусстве, но и имеют возможность осуществить свою мечту. Взгляд на русский футуризм и конструктивизм между 1917 и 1923 гг. мог бы стать отдельной увлекательной темой.

ЛИТЕРАТУРА

- Asholt W., Fährnders W. (Hg.) Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938).* Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1995. XXX, 481 S. *Avantgarden im Kampf.* Bundeskunsthalle Bonn. Bonn, 2013 (Ausstellungskatalog, 1914).
- Chovin V. Futurismus und Krieg // W. Asholt, W. Fährnders (Hg.). Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938).* Stuttgart; Weimar, 1995.
- Dada total: Manifeste, Aktionen, Texte, Bilder / Hg. von K. Riha und J. Schäfer.* Stuttgart: Reclam, 1994. 384 S.
- Das war Dada: Dichtungen und Dokumente / Hg. von Peter Schifferli,* München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1963. 185 S.
- Eluard P. Dada-Entwicklung // Dada. Eine literarische Dokumentation.* Reinbek b. Hamburg, 1984.
- Frank L. Der Mensch ist gut. Novellen.* Leipzig, 1918. 141 S.
- Hausmann R. Der deutsche Spießier ärgert sich // Bilanz der Feierlichkeit. Texte bis 1935. Band 1 / Hg. von Michael Erlhoff.* München, 1982a.
- Hausmann R. Hurra! Hurra! Hurra! Deutsche Satiren.* Berlin, Der Malik-Verlag, 1921. 45 S.
- Hausmann R. Was will der Dadaismus in Europa? // Bilanz der Feierlichkeit. Texte bis 1935. Band 1. / Hg. von Michael Erlhoff.* München, 1982b.
- Hesse E. Die Achse Avantgarde — Faschismus. Reflexionen über Filippo Tommaso Marinetti und Ezra Pound.* Zürich: Die Arche, 1991. 363 S.
- Hoch Ch. Scrabrrrrraanng! Zu Programmatik und Literarästhetik des Futurismus im europäischen Kontext // Der Lärm der Straße. Italienischer Futurismus 1909–1918.* Ausstellungskatalog. Hannover, 2001.
- Huelsenbeck R. Dada oder Über den Sinn im Chaos // Ders. (Hg.): Dada. Eine literarische Dokumentation.* Reinbek b. Hamburg: Rowohlt, 1984.
- Korte H. Die Dadaisten.* Reinbek b. Hamburg: Rowohlt, 1994. 159 S.
- Korte H. Ebert, Puffke und das „Kabarett zum Menschen“. Raoul Hausmanns Satiren 1918–1921 // R. Hausmann. Hg. von Kurt Bartsch und Adelheid Koch.* Graz; Wien, 1996.
- Meyer R. „Dada ist die Weltseele, Dada ist der Clou“. Kleine Dada-Kosmologie // Dada global.* Kunsthaus Zürich. Zürich, 1994.
- Plumpe G. Epochen moderner Literatur: Ein systemtheoretischer Entwurf.* Opladen: Westdeutscher, 1995. 274 S.
- Schmidt-Bergmann H. Die Anfänge der literarischen Avantgarde in Deutschland — Über Anverwandlung und Abwehr des italienischen Futurismus.* Stuttgart: M & P Verlag, 1991. 473 S.

Stramm A. *Tropfblut. Gedichte*. Berlin: Verlag der Sturm, 1915. 43 S.
 Urlaute dadaistischer Poesie. Der Berliner Dada-Abend am 12. April 1918, rekonstruiert von Jeanpaul Goergen. Hannover: Postskriptum, 1994. 135 S.

REFERENCES

- Asholt W., Fähnders W. (Hg.) *Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938)* [Manifests and proclamations of the European Avant-Garde (1909–1938)]. Stuttgart; Weimar, Verlag J.B. Metzler, 1995, XXX, 481 S.
- Avantgarden im Kampf* [Avant-Garde in battle]. Bundeskunsthalle Bonn. Bonn, 2013 (Ausstellungskatalog, 1914).
- Chovin V. *Futurismus und Krieg* [Futurism in war]. W. Asholt, W. Fähnders (Hg.). *Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938)*. Stuttgart; Weimar, 1995.
- Dada total. Manifeste, Aktionen, Texte, Bilder* [Complete Dada. Manifests, actions, texts, images]. Hg. von K. Riha und J. Schäfer. Stuttgart, Reclam, 1994, 384 S.
- Das war Dada: Dichtungen und Dokumente* [That was Dada. Works and documents]. Hg. von Peter Schifferli. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1963, 185 S.
- Eluard P. *Dada-Entwicklung* [The development of Dada]. Dada. Eine literarische Dokumentation. Reinbek b. Hamburg, 1984.
- Frank L. *Der Mensch ist gut*: Novellen [The man is kind: Novels]. Leipzig, 1918, 141 S.
- Hausmann R. *Der deutsche Spießier ärgert sich* [German common man is angry]. Bilanz der Feierlichkeit. Texte bis 1933. Band 1, hg. von M. Erlhoff. München, 1982.
- Hausmann R. *Hurra! Hurra! Hurra! Deutsche Satiren* [Hurray! Hurray! Hurray! German satire]. Berlin, Der Malik-Verlag, 1921, 45 S.
- Hausmann R. *Was will der Dadaismus in Europa?* [What was the purpose of Dadaism in Europe?] Bilanz der Feierlichkeit. Texte bis 1933. Band 1, hg. von M. Erlhoff. München, 1982.
- Hesse E. *Die Achse Avantgarde – Faschismus. Reflexionen über Filippo Tommaso Marinetti und Ezra Pound* [The axis of Avant-Garde – fascism. Recollections about Filippo Tommaso Marinetti i Ezra Pound]. Zürich, Die Arche, 1991, 363 S.
- Hoch Ch. *Scrabrrrrraannng! Zu Programmatik und Literarästhetik des Futurismus im europäischen Kontext* [Scrabrrrrraannng! On the problematics and literary aesthetics of futurism in the European context] *Der Lärm der Straße. Italienischer Futurismus 1909–1918*. Ausstellungskatalog. Hannover, 2001.
- Huelsenbeck R. *Dada oder Über den Sinn im Chaos* [Dada or towards the sense in chaos]. Dada. Eine literarische Dokumentation. Reinbek b. Hamburg, Rowohlt, 1984.
- Korte H. *Die Dadaisten* [Dadaists]. Reinbek b. Hamburg, Rowohlt, 1994, 159 S.
- Korte H. *Ebert, Puffke und das „Kabarett zum Menschen“*. *Raoul Hausmanns Satiren 1918–1921* [Ebert, Puffke and „Cabaret of the man“. Raoul Hausmann's satires 1918–1921]. R. Hausmann. Hg. von K. Bartsch und A. Koch. Graz; Wien, 1996.
- Meyer R. *„Dada ist die Weltseele, Dada ist der Clou“*. *Kleine Dada-Kosmologie* [„Dada is a world soul, Dada is the highlight. Little cosmology of Dada] *Dada global*. Kunsthaus Zürich. Zürich, 1994.
- Plumpe G. *Epochen moderner Literatur: Ein systemtheoretischer Entwurf* [Epochs of Modern literature. Tentative systematic and theoretical analysis]. Opladen, Westdeutscher, 1995, 274 S.
- Schmidt-Bergmann H. *Die Anfänge der literarischen Avantgarde in Deutschland – Über Anverwandlung und Abwehr des italienischen Futurismus* [The origins of the literary avant-garde in Germany – On metamorphoses and resistance of the Italian futurism]. Stuttgart, M & P Verlag, 1991, 473 S.

Stramm A. *Tropfblut. Gedichte* [The bleeding. Poems]. Berlin, Verlag der Sturm, 1915, 43 S.

Urlaute dadaistischer Poesie [The barbaric sounds of Dadaist poetry]. Der Berliner Dada-Abend am 12. April 1918, rekonstruiert von Jeanpaul Goergen. Hannover, Postskriptum, 1994, 135 S.

Герман Корте

Профессор

Университет Зигена, Германия

Hermann Korte

Prof. Dr.

University of Siegen, Germany

E-mail: korte@germanistik.un-siegen.de

В. Г. Костомаров

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

НОРМА — СОЗДАТЕЛЬНИЦА ИЛИ ПОРОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА?

Ключевые слова: образованный язык, норма, книжная и звуковая разновидности, звучащий и дисплейный текст, сфера функционирования, критерий правильности.

Язык, узакониваемый обществом как всепригодно и эстетически образованный (обработанный), характеризуется в настоящее время нормой, которая жестко связана с книжностью. Технический прогресс, позволив фиксировать невербальные носители смысла, возвысил звучащие тексты, породил тексты дисплейные. Изменяя стилистику, они ставят вопрос о новых критериях правильности языка, которые, по всей видимости, будут или должны быть связаны со сферами функционирования.

Vitaliy Kostomarov

Pushkin State Russian Language Institute, Russia

NORM: CREATOR OR CREATION OF LANGUAGE?

Keywords: created language, norm, bookish and oral types, oral and displayed text, function area, correctness criterion.

Language legitimated by society as universally and aesthetically formed (refined) creation features norms, which are firmly linked with the bookish style. As a result of identifying the non-verbal media of storage of sense, technical progress enhances the oral texts and creates displayed texts. The texts characterized by different stylistics pose the question about new correctness criteria in language, which, apparently, must comply with the function area.

Понятия *нормального, нормы, нормализации, нормативности* у нас служат предметом увлекательных назидательных и произвольных разговоров без особого конструктивного смысла. Прежде всего потому, что они соотнесены с чем угодно — больше всего с личным и групповым вкусом, а в ученых кругах со стилистикой, культурой общения, в лучшем случае с отдельными уровнями языка, но не с определением принятого средства общения. Не ставится, казалось бы, естественный вопрос: норма ли создает этот общий правильный язык, или же она порождена им сейчас как своя функция?

Язык, принято именуемый *литературным (нормативно литературным)*, очевидно, выбирается, кристаллизуется из безбрежного языкового океана, сознательно обрабатывается (в русской истории больше других писателями и поэтами) и социально признается и насаждается (едино в школе, а в жизни по-разному и не безоговорочно) как унифицированно общий и к тому же будто бы всегда неподвижный.

Его научно исследуют, запечатлевают в грамматиках, словарях, учебниках, многочисленных, пусть не всегда убедительных, пособиях, справочниках. Его усердно охраняет общество, государство о нем печется законодательно, его насаждает школа, вся система образования. Отход от него не одобряется, высмеивается, иной раз и наказывается — провалом на экзамене, понижением в должности. Кое-кто всерьез предлагает штрафовать за незнание нормы, что искажает правильность языка.

Его целесообразнее было бы назвать *образованным*, даже *образуемым* (т. к. это неостановимо текущий процесс, в основном, за пределами нашего наблюдения и осознания), подчеркивая — по двум значениям глагола *образовать* «просветить, дать знания» и «создать, творить», — что это элитарный язык образованной части общества и что он искусственно рукотворен и, по счастью, искусно рукотворимый.

Он принципиально един, устойчив и всеобщ. Желаемая его неизменная стабильность во времени и пространстве необходима для общения и взаимопонимания его носителей, для единения и сплоченности этноса, для укрепления централизованной национальной государственности. Известно мнение, что особенность общего языка, образованного литературно-эстетически, коммуникационно всепригодного, заключается в том, что он все меньше развивается. Оно справедливо с поправкой: в период непосредственного контактного взаимодействия людских поколений и с учетом разных темпов изменения в разные эпохи и на разных уровнях его системы: лексика, стилистика значительно подвижнее фонетики, грамматики.

В то же время здравый смысл подсказывает, что объем и характер искомого языка зависят от их целевой согласованности между собой и социально с разными видами ситуаций и содержания общения. Они зависимы от интересов и потребностей этноса, общества и государства в данный момент исторического существования и соответственно меняются по мере их сдвигов. Усложнение, разно- и многообразие потребностей общения вынуждают его становиться таксономичным, но необязательно вариативным.

Естественно желать, чтобы был он богатым, гибким, выразительным, но в то же время и обозримым в объеме, информационно и коммуникативно рациональным. Он меньше языкового океана, особенно когда выступает предметом всеобуча или обучения иностранцев, у кого иной родной язык. Однако совсем нелегко точно и оптимально его определить, потому что в жизни индивидуализируются цели, темы, формы, обстоятельства и характер общения и самих общающихся. Желательно, чтобы был он оптимально достаточным, но и не избыточным. Важно, чтобы люди, не витая в эмпиреях, понимали и признавали эту правду жизни.

Хотя и вспоминается словарь Элочки Щукиной, не стоит при исчислении в каждом случае языкового оптимума насмехаться над временным целевым урезыванием. Различая разные компетенции, активное и пассивное владение согласно интересам учащегося, зная,

сколько слов и правил он способен усвоить за отрезок времени, педагог отбирает то, что позволяет языку быть пусть ограниченно, но действующим. Необходимые в учебных целях минимизация и концентризм ущемляют полноту общения в стилистике и словаре, как-то затрагивают даже фонетику, морфологию, правописание, но отнюдь не являются злокозненным покушением на образованный язык.

Интересна попытка создать Basic English — именно «базисный», хотя первоначально это аббревиатура: Business «деловой», Administrative «управленческий», Scientific «научный», Industrial «производственный», Commercial «торговый». Это упрощение задумано как средство, позволяющее без серьезного изучения английского языка справиться с трудовым, научным, бытовым общением на нем без труда и раздумий, не боясь ошибок, умело, пусть скучно и тоскливо. Грешно смеяться и над идеей еще не созданного «базисного русского». Он, конечно, не удовлетворит серьезных людей, но поможет хотя бы туристам.

Поиск образованного языка осложняется его представленностью в двух разновидностях: книжной и звуковой. В Московской лингвистической школе их привычно именуют «кодифицированным книжным языком» (КЛЯ) и «разговорной речью» (РР, первоначально РЯ «разговорный язык»). В известном смысле это рецидив отраженных в спорах славянофилов и западников смены оценки ролей русской народной языковой стихии и старо(церковно)славянской книжности, а также иноязычного влияния. До сих пор не достигнуто согласия в понимании единой их правильности в виде равноправного существования двух разновидностей, одну из которых, разговорную, многие все еще именуют «нелитературной», т. е. отказывают ей в правильности.

Нынешний технический прогресс позволяет фиксировать и хранить тексты, т. е. нужные результаты акта общения, овеществляя, опредмечивая их не только в алфавитно-буквенной, но и в звуке или даже «дисплейной» форме. Последняя позволяет воспроизводить все особенности реального контактного общения: звучание, интонацию, мимику, жестикуляцию, движение, краски, все невербальные носители смысла, а не только собственно языковую составляющую.

Будущее, несомненно, за яркими, красочными текстами новой формы реализации — *дисплейными* (их называют также *гипертекстами*, *диффузными*, *комбинированными*, *синтезированными*, *креолизованными*). Конечно, еще предстоит выяснить, насколько восхищающая избыточность Дисплея (телевизора, разных электронных гаджетов и дивайсов) полезнее недостаточности Книги, позволяющей сосредоточиться на сущности информации, отсекая лишнее, второстепенное. Единственно, важно верить в то, что им никогда не вытеснить из нашей языковой жизни книжные тексты, как не суждено было книжным полностью победить звучащие, особенно в разговорной их части. Дисплейные тексты будут также дополнять книжные, как и книжные давно уже равноправно существуют и в печати, и в звуке. Видимо, только разумное разделение труда способно обеспечить мирное сосуществование обоих.

Конечно, хочется оплакивать утрату привычных стиливых основ: растущее неразличение звучащих и напечатанных текстов, снятие привычного водораздела между официальным и неофициальным общением, между сухим и строгим научным общением «посвященных между собой» и живым общедоступным. Однако сближение двух разновидностей образованного языка — сегодня уже очевидный факт, причем заметное и, мягко говоря, не вызывающее восторга вторжение разговорности в книжность слабее, нежели явное «вокнижение» разговорности, в частности, за счет терминов и иностранных слов.

В то же время очевидно, что складывающаяся ситуация способна изменить привычную стилистику, если не структуру самого языка. Все популярнее различать такие ипостаси, как — *детский, родной (материнский), государственный, общегосударственный* (в едином многонациональном государстве *язык межнационального общения, дружбы и сотрудничества, всесоюзный переводчик* в СССР), *специализированный, официальный, научный, деловой, производственный, художественный (язык театра и беллетристики)*, а с учетом его существования за пределами истинной родины еще и *мировой, международный, региональный* (*lingua franca*), *иностраный* (как предмет широкого изучения в разных странах), *групповой* (язык диаспоры), *семейный* (иной раз только в бесписьменной форме!), *второй, третий* и т. д. Все чаще говорят о разных «корпусах» языка и о «корпусной лингвистике», будь они на просто *родном русском языке* или на *русском государственном, художественном, театрально-сценическом, кино-, радио-, теле-, интернет-языке*. Не вслух, где по-прежнему царствует понятие «грамотности», сводимой к принятым сегодня орфографическим правилам-догмам, стираются грани оценок языка любой разновидности, которые в них могут не совпадать, как корявого или яркого и ясного, хорошо или плохо выученного, всем известного или не очень.

Особенности достойных, правильных, естественных проявлений единого образованного русского языка остаются пока совершенно не исследованными. Нужда в них несомненна и очень ощутима. Достаточно указать на дискуссию в «Литературной газете» («Отчество и отчество», 2013, № 42; «Государственный язык необязательного использования» в связи с «отпиской из Федеральной антимонопольной службы», 2014, № 4), сведенной, увы, к частной проблеме использования иностранных слов. Можно лишь восхититься перспективностью проекта «Русский язык как государственный» в Санкт-Петербургском университете.

Неосторожный загляд в будущее позволяет предположить, что критерием правильности будет не столько некая единая норма, привносимая в развитие языка, сколько языковые правила и средства наиболее эффективного его функционирования в интересах разных сфер общественной коммуникации.

Связанная с оценкой «правильный» суть коммуникативно и эстетически образуемого постоянно, на данный момент образованного языка не может не основываться на замысле его создателей и меняю-

щихся потребностей им пользующихся. Говорить о правильности как о заданной навечно «вещи в себе» наивно. Норма же сама по себе — иллюзия, нечто привносимое, но, конечно, совершенно необходимое для успешной и единой организации общения людей, живущих в одном государстве в данный момент, точнее, в некий данный период.

Следует вспомнить, что поиск «правильного языка» охватывает все этапы истории этноса с момента возникновения самого понятия, порожденного вначале бессознательным ощущением различий своего и чужого. Задача обостряется с ростом этноязыкового самоосознания, по мере углубления хозяйственного, торгового, военного дела, моно-религии, народной поэзии на этапах, предшествующих созданию государства. Она набирает силу с ростом удачных образцов и грамотности, системно узаконивающей правильность, описывая ее в форме правил. Ее единицы питались талантом, умом и тщанием кудесников — любимцев богов, монахов-богословов, вещих певцов, законодателей, переводчиков и толмачей, стряпчих, писцов. Ее внедряет семейное и общественное воспитание и обучение.

Со временем понятие верного языка, как и самые приемы его обработки, возвышается до уровня самосознания и патриотизма, условия сплочения, единения и прогресса — государственного, хозяйственного, торгового, военного, художественного. По мере возбуждаемого личным и общенародным разумом перехода от варварства и последующих формационных процессов к цивилизации, развитию производству, системной экономике, науке, общественному устройству меняются и требования к языку как основе общения, обмена мыслями и опытом. Происходило это весьма различно в разных странах — в 21 форме по А. Тойнби, мозаично по Л. Н. Гумилеву. Советская историография, а за ней и языкознание тесно связывали этот переход с формированием наций, появление и становление которых знаменовалось заботой о национальном языке, его описанием и внедрением.

Возникающая проблема объема и характера всеобщего образованного языка господствующего класса, религии, искусства, науки, просвещения в России счастливо решалась взаимодействием близкородственной общеславянской книжности и особенностей восточнорусского разнообразия наречий. Узаконивающую роль в этом обрела художественная литература, тогда как в странах Европы приоритет получили религия, юриспруденция, словарный энциклопедизм, да и образцом служила латынь, малородственная местным языкам. Сегодняшний «верный» (здравый и здоровый, правильный, оптимальный, нормальный, нормализованный, нормативный; в англоязычии стандартный) язык представлен в истории XVIII–XX вв. в виде книжной и некнижной разновидностей, причем исторически оправдан крен в книжность. Однако при всей уникальности сыгранной роли не она делает образованный язык, а он в эпоху становления и развития нации привносит ее в исторический процесс своего создания. Со времен книгопечатания и начинается обожествление книги с известным уничтожением звучащего языка.

Становление нации придает поиску образованного языка форму его нормализации. Великий М. В. Ломоносов обосновал ее учетом интересов и социума, и языка. Показательно, что В. В. Виноградов и другие крупнейшие знатоки и исследователи формирования русского, других славянских литературных языков прибегают к словам *нормализовать*, *нормативность*, *нормы* (термин *кодификация* вообще не используется) лишь для пушкинской и последующей его истории. Исследования древнерусского языка по необходимости лишь по данным диалектов и больше по дошедшим до нас письменным памятникам от Остромирова Евангелия обходятся без этих терминов. Кое-кто говорит, правда, о «нормах письменного языка» последующей феодальной эпохи до XVII в. и даже языка предпушкинского XVIII в.

Сегодня же мы явно находимся на пороге чего-то нового и пока неизвестного. Современный образованный язык этнических русских все меньше сводится к искусственной книжности, поневоле скованной письмом, печатью и разлученной со звуком, с реальностью контактного общения. Вопреки нашему желанию технический прогресс эпохи (как в свое время изобретение письменности!) уводит его от закономерностей, которые всю послепушкинскую эпоху неприкасаемо хранятся в системообразующих подсистемах, разве что с поправками на словарные и произносительные черты Москвы и Санкт-Петербурга, но без внимания даже к мощным вливаниям среднерусских (орловских) и сибирских писателей.

Социально-экономическая и государственно-политическая выгода все очевиднее требуют неизменно единого языка нации, многонациональной страны (пусть в не скором «далеко» и всего человечества). Разумеется, не стоит о нем и мечтать в расколотом обществе, не зная основы, на которой зиждется реальный общественный договор. Только научное и правовое здравомыслие свободных людей, достигших правды, справедливости, процветания и обретших доверие к власти и умение, преодолевая себя, приходиться к согласию, в силах, притормаживая и ускоряя по мере изменений жизни, так управлять постоянным и бесконечным развитием, которое задано природой языка, чтобы обеспечить желаемую его застылость. Рукотворение требуемого языка тяготеет уже к системной и научно-обоснованной кодификации.

Уместно вспомнить интересное предложение академика Б. А. Серебrenникова различать отвечающий коммуникативным потребностям общества *абсолютный прогресс* языка как «вещи для других» (приспособление к желаниям носителей языка, наилучшее обслуживание их нужд) и касающийся его самого как «вещи в себе» *относительный прогресс* (совершенствование самой языковой системы, достижение ее равновесия, богатства и логичности). Разумеется, оба зависят друг от друга, перекрещиваются внутри союза социума и языка. Из этого, кажется, следует, что язык, становясь все более внутренне единым, все более разнообразен в употреблении, вплоть до непонятности в отдельных коммуникативных сферах. Норма как критерий правильности заменяется функциональным предназначением.

Профессор Р. А. Будагов в сходных раздумьях излагал языковой прогресс в принципиальной увязке с лексикой, грамматикой, «языком» науки и НТР, стилистикой, экспрессивными возможностями выражения; по его мнению, язык во всех своих ипостасях «стремится к выполнению коммуникативных целей». При этом стремление это не сводится ни к экономии усилий, ни к тому или иному типу партаксиса — ни к флексии и другим видам синтетизма, ни к роли логики «широкого контекста» как при развитии аналитизма. Эта позиция с успехом использовалась практически, например, в коллективном энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (М., 2003). Отсюда, кстати, следует, что функциональное предназначение, если ему суждено стать критерием правильности, будет проявляться не в технически системообразующих фонетике и морфологии, но в семасиологии, в смыслонесущих словаре, синтаксисе, стилистике (и в неязыковых составляющих дисплейных текстов!). Это доказывается упомянутым опытом описания русского государственного языка: он представлен книгами «Доктринальный и нормативно-правовой комментарий» (СПб., 2009) и «Нормы современного русского языка как государственного. Комплексный нормативный словарь современного русского языка» (СПб., 2007, расширенная версия со звуковым приложением — СПб., 2009 и 2011). Можно лишь сожалеть, что в набор не вошла пока синтаксическая стилистика государственного применения русского языка.

Силы социальные и системно-языковые постоянно взаимодействуют. Казалось бы, их нормализационные игры одинаково направлены на создание нормального, оптимально и литературно-эстетически образованного языка. Однако нечего было бы вообще играть, если бы не было разного понимания цели, не было бы разных тактик и приемов ее достижения, очевидно разных интересов.

Приспособление языка к интересам людей означает обычно какое-то изменение в нем самом, чаще незаметное, а если замечаемое, то обычно как порча. Язык, как сложившаяся сущность, не может не противиться сдвигам в своем составе и складе, если они вызваны внешним влиянием, а не его внутренним саморазвитием. Соотношение побед и выигрышей в играх внутри союза социума и языка как раз и обеспечивает общую устойчивость развития, преодолевает различия между абсолютным и относительным прогрессом. Так, в частности, большое число ничейных результатов говорит о совпадении интересов партнеров в развитии словаря, их малое число — об отсутствии согласия в изменении грамматики (здесь даже в чемпионатах длительно подряд выигрывает язык); оставаясь при своих интересах, они легко и увлеченно сражаются в стилистике, в текстологии.

Так уж устроено, что люди и без того сами служат инструментом движения языка, не думая о нем, говоря и слушая, читая и пища, просто употребляя его в общении. Они непроизвольно тормозят или ускоряют осуществляющееся через них по не зависимым от осознанной их воли естественное, бесконечное его саморазвитие. Таков, если угодно,

некий имманентный закон развития языков, который ради создания общего правильного, литературно образованного языка как-то сознательно упорядочивается на игровом поле нормализаторского взаимодействия системных сил и человеческих факторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Добросвет-2000, 2004. 304 с.
- Виноградов В. В. Литературный язык // В. В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 288–297.
- Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экпрос, 1993. 544 с.
- Доктринальный и нормативно-правовой комментарий. Ч. 2. Комплексный нормативный словарь современного русского языка. СПб., 2009.
- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Вагриус, 1997. 544 с.
- Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Комплексный нормативный словарь современного русского языка». Ч. 1. Комплексный нормативный словарь современного русского языка. СПб., 2009.
- Комплексный нормативный словарь современного русского языка. 3-е изд. СПб., 2011.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003. 804 с.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1757. 210 с.
- Поликарпов С. Государственный язык необязательного использования // Литературная газета. 29.01.2014. № 4. С. 3.
- Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М.: Наука, 1968. 128 с.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. Т. I. Введение. Сравнительное исследование цивилизаций, Предварительная классификация обществ данного вида / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
- Штыров В. А. Отечество и отчество // Литературная газета. 23.10.2013. № 42. С. 12.
- Ogden C. K. Basic English: A General Introduction with Rules and Grammar. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co., 1930. 100 p.

REFERENCES

- Budagov R.A. *Chto takoe razvitiye i sovershenstvovaniye yazyka?* [What is the development and perfection of the language?] Moscow, Dobrosvet-2000 Publ., 2004, 304 s.
- Vinogradov V.V. *Literaturny yazyk* [The literary language]. V.V. Vinogradov. *Izbrannyye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow, Nauka Publ., 1978, s. 288–297.
- Gumilev L.N. *Etnosfera: istoriya lyudey i istoriya prirody* [Ethno sphere: the history of people and history of nature]. Moscow, Ecopros Publ., 1993, 544 s.
- Doktrinalny i normativno-pravovoy kommentariy; Chast 2. Kompleksny normativny slovar sovremennogo russkogo yazyka [Doctrinal, normative and legal comments. Part 2. The comprehensive dictionary of norms of the Russian language]. Saint Petersburg, 2009.

- Ilf I., Petrov E. *Dvenadtsat stulev* [The twelve chairs]. Moscow, Vagrius Publ., 1997, 544 s. Kommentariy k Federalnomu zakonu "O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii". Kompleksny normativny slovar sovremennogo russkogo yazyka». Chast 1. Kompleksny normativny slovar sovremennogo russkogo yazyka [The comments to the Federal law "On the official language of the Russian Federation". The comprehensive dictionary of norms of the Russian language]. Saint Petersburg, 2009.
- Kompleksny normativny slovar sovremennogo russkogo yazyka [The comprehensive dictionary of norms of the Russian language]. Saint Petersburg, (2007, 2009) 2011.
- Kultura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik [The standards of the Russian speech: encyclopedic dictionary], pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva i dr. [eds. L.Yu. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.N. Shiryayev and oth.]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2003.
- Lomonosov M.V. *Rossiyskaya grammatika* [The Russian grammar]. Saint Petersburg, 1757, 210 s.
- Polikarpov S. *Gosudarstvenny yazyk neobyazatel'nogo ispolzovaniya* [The official language which is optional to use]. Literaturnaya gazeta, 29.01.2014, № 4, s. 3.
- Serebrennikov B.A. *Ob otnositel'noy samostoyatel'nosti razvitiya sistemy yazyka* [On the relative independence of the development of the language system]. Moscow, Nauka Publ., 1968.
- Toynbi A.J. *Postizhenie istorii* [The comprehension of history]. T. I [Vol. 1]. Vvedenie. Sravnitel'noe issledovanie tsivilizatsiy, Predvaritel'naya klassifikatsiya obshchestv dannogo vida, per. s angl. E.D. Zharkova [transl. by E.D. Zharkov]. Moscow, Rolf Publ., 2001, 640 s.
- Shtyrov V.A. *Otechestvo i otchestvo* [The fatherland and father name]. Literaturnaya gazeta, 23.10.2013, № 42, s. 12.
- Ogden C.K. *Basic English: A General Introduction with Rules and Grammar*. London, K. Paul, Trench, Trubner & Co., 1930, 100 p.

Виталий Григорьевич Костомаров

Доктор филологических наук, профессор, академик РАО
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Vitaliy Kostomarov

Doctor of philology, Professor, Academician of RAS
Pushkin State Russian Language Institute, Russia

E-mail: kostomarov_v_g@mail.ru

Н. А. Любимова,

Е. В. Бузальская

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФРАГМЕНТ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: языковая личность, языковое сознание, менталитет, Модель мира, Картина мира, Образ мира, речевая личность, ментальность.

В современных лингвистических исследованиях большое количество терминов и понятий, являющихся «маркерами» антропоцентризма, не имеют четкого статуса и дефиниции. Таковыми являются, например, Языковая Картина мира, Образ мира, Модель мира, Языковая личность, Языковое сознание, Речевая личность, менталитет, ментальность и их многочисленные логические дериваты. В статье анализируются причины возникновения вариативности трактовки антропоцентрических понятий и терминов, а также процессы, сопровождающие терминологию понятий: образование частных понятий (производных от универсального) при помощи добавления новых компонентов и метафоризация значения исходных элементов терминосистемы. Выстраиваемая общая система взаимосвязи данных компонентов состоит из девяти блоков, каждый из которых представляет собой микрополе, имеющее свой центр и периферию. Полученная сетевая структура призвана отразить как наличие вариантов трактовки, так и связь единиц внутри системы, что представляется важным при проведении исследований и введении новых терминов и понятий, вызванных полидисциплинарностью современных исследований.

Nina Liubimova,

Elena Buzalskaya

St. Petersburg State University, Russia

METALINGUISTIC UNITS AS FRAGMENTS OF MODERN LINGUISTIC TERMINOLOGY

Keywords: language consciousness, mentality, Model of the world, The world view, the Image of the world, language personality.

In modern linguistics there are many terms and concepts – “markers” of anthropocentrism, which do not have a clear status and definition. These are, for example, Image of the world, the Model of the world, Language consciousness, Language personality, mentality, and their numerous logical derivatives. The article analyzes the causes of variability of anthropocentric interpretations of concepts and terms, as well as the processes, accompanying terminologization: 1) the formation of new concepts derived from universal by adding new components and 2) metaphORIZATION units. In the process of building a system of interaction of these components, it was determined that it consists of 9 blocks, each of which represents a micro field, with its own centre and the periphery. Resulting

network structure is designed to reflect both the availability of interpretation and communication of the units within the system. This information is necessary for research and the creation of new terms and concepts that are caused by polydisciplinary in modern linguistics.

В современных лингвистических исследованиях большое количество терминов и понятий, являющихся «маркерами» антропоцентризма, не имеют четкого статуса и дефиниции. Это относится прежде всего к тем элементам терминосистемы, которые являются либо полипарадигмальными (переходят из одной научной парадигмы в другую, меняя компоненты своего значения), либо полидисциплинарными (возникли на стыке нескольких наук, их значение варьируется в зависимости от объекта исследования). Таковыми являются, например, Языковая картина мира, Образ мира, Модель мира, Языковая личность, Языковое сознание, Речевая личность, менталитет, ментальность¹ и их многочисленные логические дериваты.

Одними из наиболее востребованных элементов терминосистемы являются термины Языковая личность и Языковое сознание. В течение последних двадцати лет их использование в разных лингвистических теориях привело к появлению многочисленных «производных» понятий, таких как Речевая личность [Клобукова, 1995], Коммуникативная личность [Красных, 1998], Коммуникативное сознание [Попова, Стернин, 2007], Антропонимическая языковая личность [Гарагуля, 2012], Вторичная языковая личность [Халеева, 1989], Обыденное метаязыковое сознание [Ростова, 2006], Русское метаязыковое сознание, Русское лингвистическое сознание, Русское обыденное языковое сознание [Голев, Ким, 2009. С. 54], Этнолинвокультурное сознание [Привалова, 2009. С. 115], Словарная языковая личность [Карасик, 2002], Полилектная, Диалектная и Элитарная языковая личность, Этносемантическая личность и др.

Нечеткость соотношения данных элементов формирующегося терминологического микрополя является частой причиной их смешения, подмены одного понятия другим, необоснованной синонимии, а также нецелесообразного появления новых вариантов и значений.

Первое сопоставление различных точек зрения на содержание термина Языковое сознание (далее — ЯС) было предпринято в 1996 г. А. А. Залевской. Анализ использования этого понятия в работах Н. Н. Горелова, В. В. Красных, А. Н. Портнова, А. А. Леонтьева, А. П. Стеценко, Т. В. Ейгер и др. позволил ей сделать вывод о том, что ЯС является универсальным по отношению к своим частным вариантам: Речевому сознанию, Когнитивному сознанию, Метаязыковому сознанию и др. [Залевская, 1996. С. 92]. В настоящее время количество понятий и их соотношение несколько изменилось, хотя общий принцип деления на универсальное понятие и его производные сохраняется. При

¹ Здесь и далее в поликомпонентных единицах первый элемент будет начинаться с прописной буквы (например Языковая личность), монокомпонентные единицы — со строчной (например, менталитет). Такое оформление терминов и понятий сохраняет все терминологизованное словосочетание цельным без выделения его курсивом.

этом универсальное понятие ЯС стало термином, в то время как его частные варианты продолжают находиться в статусе понятий, поскольку их значения частично меняются в зависимости от цели и объекта исследования.

Тот же самый принцип (деление на универсальное и частное) можно применить для определения понятий, имеющих в своем составе компонент *личность*: понятие Языковая личность (далее — ЯЛ) стало термином, а, например, Речевая личность (далее — РЛ) остается логически производным от него понятием. Доказательством тому являются определения РЛ и ЯЛ, в которых РЛ трактуется через ЯЛ и наоборот, например: «языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей» [Клобукова, 1995. С. 322–323]; или: «если языковая личность — это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [Прохоров, 1996. С. 59].

В процессе становления единицы — прохождения пути от понятия к термину — зачастую ее значение усложняется за счет метонимизации и метафоризации компонентов. Так, в терминах ЯС и ЯЛ и их частных вариантах абстрагирование компонентов *сознание* и *личность* (отнесение их не к конкретному индивиду, а к абстрактной собирательной категории) одновременно сопровождается метонимизацией всего понятия, поскольку происходит подмена по принципу содержимое — содержащее: информацию, которой владеет личность, заменяют на саму личность; механизмы сознания — на все сознание. При образовании частных понятий (производных от универсального) во многих случаях смена значения сопровождается добавлением новых компонентов (например, Обыденное метаязыковое сознание, Русское метаязыковое сознание, Русская ЯЛ, Русское обыденное ЯС, Элитарная ЯЛ и др.) или замены компонентов (например, Лингвистическое сознание). И в том, и в другом случае компоненты *личность* и *сознание* меняют свое исходное значение на близкое к *рефлексии* над фактами языка. Как следствие этого, возникает отклонение от принятой трактовки единиц. Так, понятие Русское обыденное языковое сознание характеризует уже не механизм речепорождения, а сумму образов сознания, закрепленных в языковых единицах. При этом «добавочные» компоненты в ряде предлагаемых исследователями новых вариантов понятий могут затемнять смысл единицы настолько, что ее значение не просто постичь даже в авторском контексте употребления².

При этом некоторые понятия представляются избыточными, например, Русское обыденное языковое сознание синонимично понятию Русское языковое сознание, поскольку ЯС — это механизм, а механизм не может быть научным, религиозным, обыденным и пр.

² Например: «антропонимическая языковая личность <...> выступает как речевая личность с точки зрения носителя имени и имя деятеля, характерные черты которой преломляются во всем объеме ее именовании на протяжении всей жизни» [Гарагула, 2012. С. 12].

Часть фрагмента терминосистемы, отражающая логическую деривацию единиц, может быть представлена следующим образом: существующий в психологии термин *личность* при перенесении его в сферу лингвистических исследований получил конкретизацию при помощи компонента *языковая*. Такого рода обобщенный портрет носителя языка оказалось возможным рассмотреть применительно к различным социальным группам, в связи с чем возникли ЯЛ школьника, ЯЛ спортсмена и т. д. Для исследований, направленных на изучение прагматической значимости единиц, релевантно понятие с компонентом *речевая*. Коммуникативная направленность исследований научной парадигмы привела к появлению понятия Коммуникативная личность. В лингвистических исследованиях, в связи с заимствованием термина «сознание», возникло понятие Языковое сознание. Данная единица включает в себя «умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Тарасов, 2000. С. 3]. Однако затем, вследствие коммуникативной направленности изучения лингвистических объектов, возникла необходимость в понятии Коммуникативное сознание (см. рис. 1, два центральных фрагмента системы).

Следует отметить, что, несмотря на всю разницу в значении, понятия Коммуникативное сознание, Коммуникативная личность, Речевая личность, Языковое сознание зачастую используются как синонимы, что не вполне корректно. Понять генезис данных единиц и их отношение к другим единицам в пределах фрагмента терминологического поля представляется важным для более четкого понимания их значения и, соответственно, назначения. Терминологическое микрополе единиц ЯЛ/ЯС является частью общей системы — сетевой структуры терминосистемы антропоцентрического направления в лингвистике. Помимо микрополя ЯЛ/ЯС в него входят также микрополе *система мировидения* и микрополе *менталитет/ментальность*.

Система мировидения формируется из триады терминов Образ мира, Картина мира, Модель мира. Образ мира существует в области сознания (коллективного и индивидуального); Картина мира представляет собой материализацию Образа мира в объектах культуры и знаках; Модель мира — это результат естественнонаучной рефлексии, обобщающий и рационализующий информацию, содержащуюся в Картине мира. Для лингвистических исследований релевантным является противопоставление Образа мира (потенциально возможных вариантов отражения информации о мире) — Картине мира (отражение мировидения, фиксированному в знаках).

Если Образ мира текуч и изменчив, как и само сознание, то Картина мира относительно стабильна, вследствие чего представляется возможным говорить о наличии внутри нее нескольких типов мировидения. К базовым картинам мира относятся мифологическая, религиозная и научная, представляющие собой результаты работы трех видов

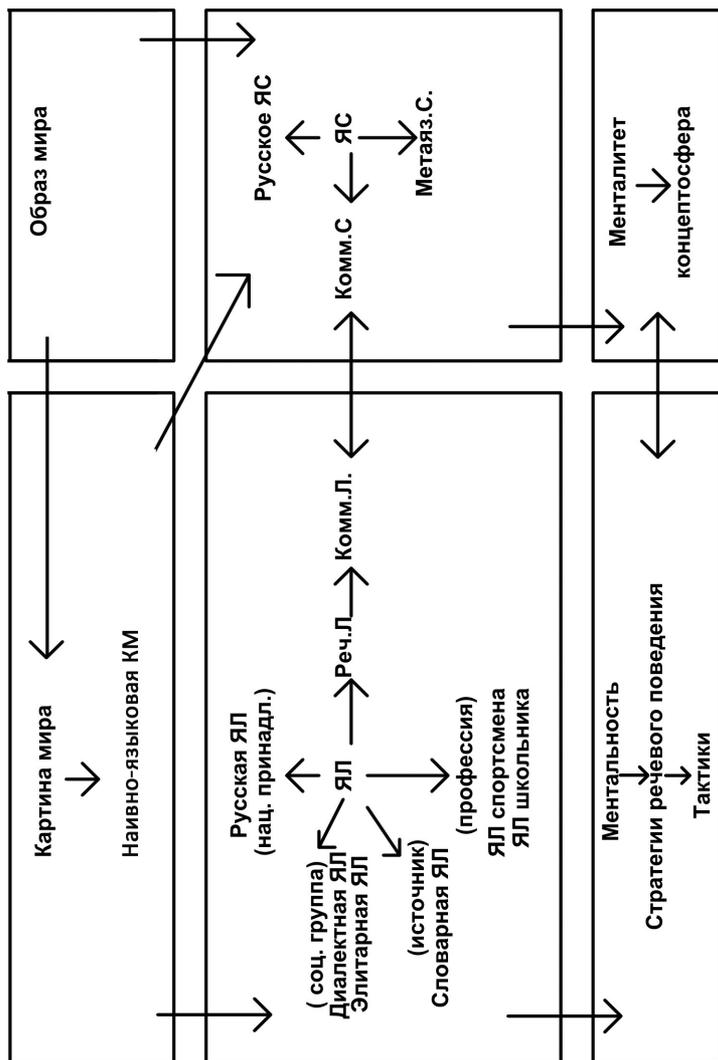

Рис. 1. Терминологическая сеть маркеров антропоцентрической парадигмы

Примечания. В целях компактности изображения использованы следующие сокращения: ЯЛ — Языковая личность; КМ — картина мира; ЯС — Языковое сознание. Стрелками на рисунке показана взаимосвязь элементов и блоков системы

познания: интуитивно-образного (мифологическая), пророческого (религиозная) и рационально-опытного (научная Картина мира) [Любимова, Бузальская, 2012]. Указанные три типа мировидения получают свое отражение в разных кодах: музыкальном, архитектурном, языковом и пр., поэтому данные картины мира можно назвать поликодовыми Картинами мира [Любимова, Бузальская, 2013]. Их осмысление индивидом приводит к формированию Наивной картины мира, понимаемой как «реальные представления о мире и человеке, свойственные чертам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [Касевич, 2004. С. 77]. В Наивной картине мира конденсируются основные результаты духовного развития человечества. Наивно-языковая картина мира — следствие и причина этого развития, в ней фиксируется и кодируется информация. Именно она является также основанием для создания фикциональных миров, подобных реальному — Художественной картине мира. Вследствие этого национальная специфика Наивной и Художественной картин мира становится доступна при помощи изучения лингвистического аспекта их реализации³.

Третий фрагмент терминологического дерева связан с понятиями менталитет и ментальность. Несмотря на принятую многими исследователями допустимость смыслового неразличения терминов менталитет и ментальность, представляется важным учитывать разницу оттенков их значения, поскольку в лингвистических исследованиях термин менталитет представляет собой номинацию системы представлений индивида или целого этноса об окружающем мире⁴. Его проявлением становится формирование концептосферы этноса — основных концептов, формирующих базовую канву коллективного сознания нации и коллективного бессознательного.

Русифицированный вариант этого термина — ментальность — обладает оттенком свойства или состояния описываемого объекта благодаря присоединению к нему словообразовательного форманта *-ость* (ср.: *компетентность, храбрость, слабость* и т. п.), который свидетельствует о наличии социально значимой оценки поведения личности в обществе. Вследствие этого термин ментальность целесообразно употреблять при описании стратегических и тактических ходов, принимаемых ЯЛ в процессе осуществления коммуникации.

Таким образом, очевидным представляется факт наличия трех микрополей, в основании которых находятся бинарные пары, формирующие фрагмент терминологического аппарата: ЯЛ — ЯС; Языковая картина мира — Языковой образ мира; менталитет — менталь-

³ Об этом см. работы Ю. Д. Апресяна, Е. Э. Бабаевой, О. Ю. Богуславской, Б. Л. Иомдина, Т. В. Крыловой, И. Б. Левонтиной, А. В. Санникова, Е. В. Урысон [Русская языковая картина мира и системная лексикография, 2006], А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева [Ключевые идеи русской языковой картины мира, 2005]; [Шмелев, 2002]; [Арутюнова, 1999]; [Караулов, 2003; 2009], [Корнилов, 2003], [Яковлева, 1994] и др.

⁴ См. об этом: [Колесов, 1999].

ность. В микрополе ЯЛ/ЯС данные единицы являются терминами, вокруг которых формируются группы производных понятий: добавочные компоненты, квалифицирующие ЯЛ по национальной, социальной, профессиональной принадлежности, по материальным источникам анализа. Все образованные таким образом элементы терминосистемы являются понятиями. Производным от ЯЛ становится понятие РЛ, от которого, в свою очередь, произошло понятие Коммуникативная личность. Таким же образом формируются понятия вокруг ЯС: при помощи уточнения национальной принадлежности ЯС (русское, турецкое, немецкое ЯС и др.) и Метаязыковое сознание (обозначающее в большинстве трактовок способность лингвистически грамотного носителя языка корректировать и исправлять свои и чужие речевые ошибки). Производным понятием является также Коммуникативное сознание, которое формируется без опосредующего звена с компонентом «речевое» и зачастую используется в значении, идентичном значению понятия «Коммуникативная личность» (рис. 1).

Установление причинно-следственной зависимости внутри данного фрагмента позволяет говорить о существовании двух «вертикальных» терминологических цепочек:

- 1) Образ мира — Языковое сознание — менталитет;
- 2) Картина мира — Языковая личность — ментальность.

Полидисциплинарность современных исследований является основной причиной неизбежности появления разночтений в трактовке значения терминологических единиц, поэтому учет процессов, сопровождающих терминологизацию понятий, а также понимание взаимосвязи единиц в пределах указанного фрагмента системы представляется необходимым как при использовании уже существующих категорий, так и в процессе созидания новых.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Гарагуля С. И. Языковая личность: индивид и его имя в иноязычной среде. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2012. 160 с.
- Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативность интерпретации речевого произведения и особенности русского языкового мышления (холизм vs. элементаризм) // Система языка и языковое мышление / отв. ред. Е. Ф. Киров; ред.-сост. Г. М. Богомазов. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2009. С. 51–65.
- Залевская А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. 195 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 554 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 4-е изд. М.: Наука, 2004. 264 с.
- Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 336 с.

- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 282 с.
- Клобукова Л. П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова: Тезисы докладов. М., 1995. С. 321–323.
- Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
- Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- Любимова Н. А., Бузальская Е. В. Картина мира: бытие и научный потенциал термина // Русский язык за рубежом. 2012. № 6 (235). С. 40–49.
- Любимова Н. А., Бузальская Е. В. Система координат глобальной картины мира // ХLI Международная филологическая конференция. Вып. 24. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. СПб., 2013. С. 54–60.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
- Привалова И. В. Языковое сознание как этнокультурный феномен // Система языка и языковое мышление / отв. ред. Е. Ф. Киров, ред.-сост. Г. М. Богомазов. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2009. С. 113–115.
- Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. М.: Педагогика-пресс, 1996. 224 с.
- Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
- Тарасов Е. Ф. Языковое сознание — перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. М., 2000. С. 3.
- Халева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М.: Высшая школа, 1989. 236 с.
- Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки русской культуры, 2002. 224 с.
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) М.: Гнозис, 1994. 344 с.

REFERENCES

- Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the world of humans]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1999, 896 s.
- Garagulya S.I. *Yazykovaya lichnost: individ i ego imya v inoyazychnoy srede* [The linguistic identity: a person and his/her name in the foreign language environment]. Moscow, URSS LIBROKOM Publ., 2012, 160 s.
- Golev N.D., Kim L.G. *Variativnost interpretatsii rechevogo proizvedeniya i osobennosti russkogo yazykovogo myshleniya (kholizm vs. elementarizm)* [Variability of interpretation of the speech and Russian language and cognition: holism vs. elementarism]. Sistema yazyka i yazykovoe myshlenie, отв. ред. E.F. Kirov, red.-sost. G.M. Bogomazov [eds. E.F. Kirov, G.M. Bogomazov]. Moscow, URSS LIBROKOM Publ., 2009, s. 51–65.

- Zalevskaya A.A. *Voprosy teorii ovladeniya vtorym yazykom v psikholingvisticheskom aspekte* [Theoretical issues of the second language acquisition from the psycholinguistic perspective]. Tver, Tver gos. Univ. Publ., 1996, 195 s.
- Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [The key ideas of the Russian linguistic worldview]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2005, 554 s.
- Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [The language circle: a person, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 s.
- Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [The Russian language and Russian identity]. 4-e izd. Moscow, Nauka Publ., 2004, 264 s.
- Karaulov Yu.N., Filippovich Yu.N. *Lingvokulturnoe soznanie russkoy yazykovoy lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funkcionirovanie* [Language and cultural mind of the Russian linguistic identity. Modelling of the state and functions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009, 336 s.
- Kasevish V.B. *Buddizm. Kartina mira. Yazyk* [Buddhism. Worldview. Language]. 2-e izd. Saint Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2004, 282 s.
- Klobukova L.P. *Fenomen yazykovoy lichnosti v svete lingvodidaktiki* [The phenomenon of the linguistic identity from the linguodidactics perspective]. Mezhdunarodnaya yubileynaya sessiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dney rozhdeniya akademika V.V. Vinogradova: Tezisy dokladov. Moscow, 1995, s. 321–323.
- Kolesov V.V. «*Zhizn proiskhodit ot slova...*» [The life originates from the word...]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 1999, 368 s.
- Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov* [Language worldviews as a creation of national mentalities]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, CheRo Publ., 2003, 349 s.
- Krasnykh V.V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii. Kurs lektsiy* [Fundamentals of psycho-linguistics and theory of communication. The course of lectures]. Moscow, Gnosis Publ., 2001, 270 s.
- Krasnykh V.V. *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya)* [The virtual reality or real virtuality? Person. Mind. Communication]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1998, 352 s.
- Lubimova N.A., Buzalskaya E.V. *Kartina mira: bytie i nauchny potentsial termina* [The worldview: objective reality and academic potential of the term]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2012, № 6 (235), s. 40–49.
- Lubimova N.A., Buzalskaya E.V. *Sistema koordinat globalnoy kartiny mira* [The frame of references of the global worldview]. XLI Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya. Vyp. 24 [Vol. 24]. *Russkiy yazyk kak inostranny i metodika ego prepodavaniya*. Saint Petersburg, 2013, s. 54–60.
- Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, 2007, 314 s.
- Privalova I.V. *Yazykovoe soznanie kak etnokulturny fenomen* [The language and cognition as ethno-cultural phenomenon]. *Sistema yazyka i yazykoe myshlenie*, otv. red. E.F. Kirov, red. sost. G.M. Bogomazov [eds. E.F. Kirov, G.M. Bogomazov]. Moscow, URSS LIBROKOM Publ., 2009, s. 113–115.
- Prokhorov Yu.E. *Natsionalnye sotsiokulturnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol pri obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [The national socio-cultural stereotypes of the oral communication and their role in teaching the Russian language to the foreigners]. Moscow, Pedagogika-press Publ., 1996, 224 s.
- Russkaya yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [The Russian language worldview and systemic lexicography]. V.Yu. Apresyan, Yu.D. Apresyan, E.E. Babeva, O.Yu. Boguslavskaya, B.L. Iomdin, T.V. Krylova, I.V. Levontina, A.V. Sannikov,

- E.V. Uryson, *otv. red.* Yu.D. Apresyan [ed. Yu.D. Apresyan]. Moscow, Yazyji slavyanskikh kultur Publ., 2006, 912 s.
- Tarasov E.F. *Yazykovoie soznanie — perspektivy issledovaniya* [Language and cognition — prospects for research]. *Yazykovoie soznanie: sodержanie i funktsionirovanie. XIII Mezhdunarodniy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Tezisy dokladov.* Moscow, 2000, s. 3.
- Khaleeva I.I. *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi (podgotovka perevodchika)* [Fundamentals of the theory of teaching of understanding speech in the foreign language: translator professional training]. Moscow, Vusshaya shkola Publ., 1989, 236 s.
- Shmelev A.D. *Russkaya yazykovaya model mira: materialy k slovaryu* [The Russian linguistic model of the world: materials for dictionary compilation]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 2002, 224 s.
- Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [The fragments of the Russian linguistic worldview]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, 344 s.

Нина Александровна Любимова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет

Nina Liubimova

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia
E-mail: nina-lubimova@yandex.ru

Елена Валериановна Бузальская

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Buzalskaya

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University, Russia
E-mail: helve@yandex.ru

А. Л. Мальчуков

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
Университет г. Майнц, Германия

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И КОНКУРИРУЮЩИЕ МОТИВАЦИИ

Ключевые слова: синтаксические иерархии, эргативность, субъект, конкурирующие мотивации, императивы, номинализации.

В статье обсуждаются предпочтения кодирования аргументов по аккузативному или эргативному принципу для ряда синтаксических конструкций, таких как императивы и номинализации. Показано, что как типологические тенденции, так и исключения можно объяснить на основании двух общих функциональных принципов – HARMONY («Гармония», аналогичное влияние кодировки на синтаксическое поведение) и BIAS («Уклон», воплощающий функциональные предпочтения). Типологические тенденции (статистические универсалии) возникают тогда, когда оба ограничения предпочитают одну и ту же стратегию (аккузативную или эргативную), а типологическая вариативность наблюдается там, где оба принципа вступают в противоречие.

Andrej L. Malchukov

Institute for Linguistic Studies, St-Petersburg, Russian Academy of Sciences;
University of Mainz, Germany

PREDICTING SYNTACTIC ALIGNMENT

Keywords: syntactic hierarchies, ergativity, subject, competing motivations, imperatives, nominalizations.

The article discusses alignment preferences (for ergative vs. accusative alignment) in different syntactic constructions such as imperatives and nominalizations. It is shown that few general constraints (Bias and Harmony) can account for both typologically recurrent patterns, as well as for cross-linguistic variation. Typological trends arise when the two motivations (functional constraints) converge on the same pattern, while typological variation is observed when the two constraints are in conflict.

1. Синтаксическая типология и иерархии кодирования: вводные замечания

Как известно, проблематика стратегии кодирования (номинативный vs. эргативный тип конструкции) широко освещается в современных типологических исследованиях. Стратегия кодирования обычно понимается как кодирование аргументов в транзитивной конструкции: транзитивного субъекта / Агенса (A) и транзитивного объекта / Паци-

енса (P) в сопоставлении с кодированием непереходного субъекта (S) (см. рис. 1, где схематически представлены аккузативная, эргативная и нейтральная стратегии). На раннем этапе исследования данной проблематики во главу угла ставилось деление языков *in toto* на аккузативные, эргативные и т. д., однако уже в начале 70-х гг. XX в. лингвисты признали такую классификацию достаточно условной, поскольку в конкретном языке эргативное, равно как и аккузативное кодирование зачастую наблюдается лишь в ограниченных пределах. В одной из ранних основополагающих работ [Anderson, 1976] подчеркивается, что морфологическая эргативность не обязательно (и даже, по сути, редко) коррелирует с эргативностью синтаксической. Кроме того, ряд исследователей [Heath, 1976; Dixon, 1979; Comrie, 1978; Moravcsik, 1978] пришли к выводу, что синтаксические конструкции также функционируют не единообразно, демонстрируя определенную избирательность в плане кодирования. Так, например, Диксон [Dixon, 1979; 1994] показал, что универсальной характеристикой императивов является аккузативное кодирование, Комри [Comrie, 1981] и Недялков [Недялков, 1988] отметили, что результаты предпочитают эргативное кодирование, а Моравчик [Moravcsik, 1978] отметила то же самое в отношении глагольной множественности. Одним из следствий данного подхода является признание того факта, что каждая конструкция может проявлять определенную избирательность в плане кодирования. Это положение хорошо согласуется с подходом, принятым в Грамматике Конструкций [Goldberg, 1995], а также в Референциально-ролевой Грамматике [Van Valin, 2005 *passim*], где вводится понятие привилегированного синтаксического аргумента (PSA). Привилегированный синтаксический аргумент может быть одним и тем же для целого ряда конструкций (и в этом случае традиционно отождествляется с субъектом-подлежащим), но в принципе каждая конструкция может иметь свой собственный PSA. Тогда возникает вопрос: возможно ли прогнозирование PSA для различных конструкций в различных языках. Поскольку в Референциально-ролевой Грамматике PSA рассматривается с позиций нейтрализации (макро)роли, поставленный вопрос смыкается с вопросом об избирательности ориентации кодирования (*alignment*) в различных конструкциях. Эта проблема активно разрабатывается в типологической литературе, но результаты до настоящего времени не получили однозначного решения.

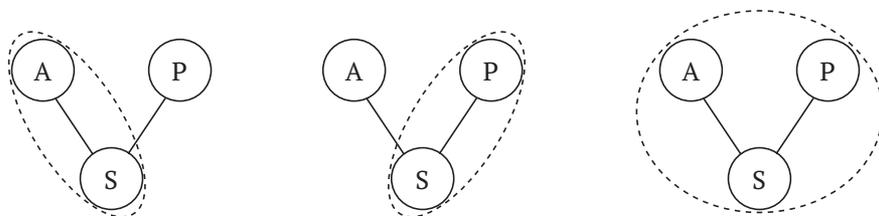

Рис. 1. Основные типы (стратегии) кодирования: аккузативный, эргативный и нейтральный

Действительно, с одной стороны, прослеживаются определенные закономерности в плане предпочтения отдельных конструкций к номинативному или эргативному поведению (т. е. предпочтения к отождествлению S с A (аккузативная ориентация) или S с P (эргативная ориентация)). Так, можно показать, что глагольное согласование обнаруживает аккузативные предпочтения по сравнению с падежным кодированием. Действительно, мы находим языки (например, варлпири) с маркированным эргативным падежом (A vs. S=P), в которых присутствует согласование аккузативного типа (A=S vs. P), но отсутствует обратная модель с падежным оформлением по аккузативному принципу, но с глагольным согласованием по эргативному принципу (см. [Haspelmath, 2005; Siewierska, 2004]). Эта закономерность естественна с функциональной точки зрения, поскольку падежное кодирование в большей степени чувствительно к ролевым свойствам именных групп, а согласование более чувствительно к таким факторам, как одушевленность, определенность и дискурсивная выделенность, а потому согласование обычно контролируется субъектом (A или S), который занимает наивысший ранг в иерархиях одушевленности.

Обнадеженные подобными результатами, некоторые типологи разрабатывают более полные иерархии кодирования, которые позволили бы распространить вышеуказанные наблюдения (далее именуемые **предпочтениями кодирования**) на более широкий диапазон синтаксических конструкций. Так, в работах Крофта и Казенина [Croft, 2001. P. 15; ср. Croft, 1991; Kazenin, 1994] предлагается иерархия субъектных конструкций (считается, что конструкции, представленные в правой части, обнаруживают более явное аккузативное предпочтение (A=S).

Рис. 2. Иерархия субъектных конструкций Крофта-Казенина

Эта иерархия, помимо падежа и согласования, включает такие синтаксические конструкции, как релятивизация (образование относительных конструкций) (ср. *Студент, читающий книгу*), контроль за зависимого инфинитива (ср. *Он решил уйти*) и сочинительного сокращения (ср. *Он отвернулся и промолчал*). Эта иерархия предсказывает, что если какая-либо конструкция в левой части иерархии (например, падеж) оформляется в конкретном языке по аккузативной модели, то конструкция в правой части иерархии (например, конструкция с относительным придаточным) также должна оформляться по аккузативной модели (например, когда для A- и S-аргументов используется одна и та же стратегия релятивизации). Сходные положения высказываются и другими авторами, хотя среди них нет единодушия в плане диапазона рассматриваемых конструкций, как нет и единого мнения по

поводу конкретного вида расширенной версии иерархии кодирования (см. [Bickel, 2011]). Как отмечает Bickel (2011), для большинства подобных иерархий обнаруживаются контрпримеры. В настоящей статье мы покажем, как типологические закономерности, а также исключения из этих закономерностей могут получить удовлетворительное объяснение в рамках теории конкурирующих мотиваций.

2. Стратегии кодирования и метод конкурирующих мотиваций

В настоящей статье используется метод конкурирующих мотиваций, который был разработан в 80-х гг. XX в. в функциональной типологии в работах DuBois (1985), Haiman (1985), Croft (1990) и др., сходный подход был разработан в психолингвистике под названием Competition Model (Bates and MacWhinney, 1987), а также в генеративной грамматике в виде так называемой Теории Оптимальности (например, [Aissen, 2003]).

Здесь я сосредоточусь на выработке общей модели конкурирующих мотиваций, которая позволяет объяснить межъязыковое варьирование синтаксического кодирования и делает это без дополнительных допущений. В частности, я предлагаю трактовать и типологически доминантные модели, и исключения с учетом взаимодействия двух факторов (функциональных ограничений). Для наших целей будет достаточным принять следующие два общих принципа (функциональных ограничения в терминах Теории Оптимальности):

- **Harmony (Гармонизация):** синтаксическое поведение является следствием кодирования;
- **Bias (Уклон):** синтаксическое поведение обусловлено функциональными (семантическими и прагматическими) свойствами рассматриваемой конструкции.

Существенно, что оба типа ограничений не постулируются, а получают независимую мотивировку. Гармония работает прежде всего по аналогии: аргументы, демонстрирующие одинаковое кодирование, будут обнаруживать и одинаковое синтаксическое поведение. Ограничения Уклона являются функционально мотивированными и в конечном счете должны выводиться из семантического анализа отдельных конструкций. В рамках метода конкурирующих мотиваций Гармония и Уклон рассматриваются как (потенциально) противодействующие ограничения, взаимодействием которых обуславливаются межъязыковые различия в моделях кодирования. Следует отметить, что с позиций метода конкурирующих мотиваций Гармония и Уклон способны как усиливать друг друга (иметь тождественные предпочтения), так и вступать в конфликт. В первом случае можно прогнозировать, что данная модель окажется более устойчивой в типологическом аспекте; во втором случае можно ожидать более высокую степень межъязыкового варьирования. Далее мы покажем, как метод конкурирующих

мотиваций может быть использован для прогнозирования вероятных моделей кодирования (по эргативному или аккумулятивному типу) применительно к таким структурам, как императивы и номинализации. Теоретическую основу наших рассуждений составит предложенный в § 2 краткий обзор предложенных типов Уклона при кодировании.

Как отмечалось выше, в типологической литературе обычно признается, что конструкции могут различаться в плане предпочтений выравнивания. Приведем неполный перечень конструкций, которые, по мнению типологов, демонстрируют аккумулятивную или эргативную ориентацию [Comrie, 1978, 1981; Moravcsik, 1978; Croft, 1990; Dixon, 1979, 1994; Van Valin, 1981; Kibrik, 1985; Keenan, 1984; Givón, 1984; Lazard, 1998; Manning, 1996].

Таблица 1

**Предпочтения ориентации (alignment preferences)
у некоторых синтаксических конструкций**

Ориентация	Аккумулятивное	Эргативное
Предпочитается операциями	императивы дезидеративы (контроль целевого оборота) контроль рефлексивов контроль переключения референции	номинализация результативы глагольная множественность повышение посессора

В порядке иллюстрации применим метод конкурирующих мотиваций к некоторым конструкциям, которые привлекают значительное внимание исследователей, а именно, к императивам и номинализациям (см. также: [Malchukov, Haspelmath, Comrie, 2010], где рассматриваются виды Уклона в области дитранзитивов). Анализ не претендует на исчерпывающую полноту, т. к. настоящая работа преследует прежде всего методологическую цель: продемонстрировать типологическую возможность приложения рассматриваемого метода конкурирующих мотиваций. В частности, мы покажем, что степень межъязыкового варьирования повышается в случае конфликта ограничений Гармонии и Уклона.

3. Стратегия кодирования в императивных структурах

Начнем с того положения, которое получило наибольшую известность благодаря работам Dixon (1979, 1994), а именно: императивы универсально демонстрируют аккумулятивную ориентацию, что обусловлено их семантикой: адресат императива с необходимостью должен быть агентом действия (A или S) [Dixon, 1994. Pp. 131–133; ср. Manning, 1996]. При том, что мой подход не отрицает наличия аккумулятивного Уклона при образовании императива, он прогнозирует, что модель кодирования будет также зависеть от синтаксического типа, характер-

ного для данного языка в целом. В частности, предлагаемый подход предсказывает, что императивная структура будет демонстрировать аккузативную модель в языках аккузативного типа, поскольку и Гармония, и Уклон предпочитают именно эту модель, тогда как в эргативных языках кодирование в императивных конструкциях будет более многообразным вследствие конфликта этих двух факторов.

Таким образом, общий прогноз, диктуемый нашим подходом для **аккузативных языков**, заключается в том, что правила образования императивной конструкции трактуют аргументы А и S одинаково. Естественно, эти правила могут меняться от языка к языку, но это не влияет на стратегии кодирования, если А и S одинаково трактуются данным синтаксическим правилом. Одно синтаксическое правило, наблюдаемое в ряде языков, гласит: и адресат А, и адресат S могут элиминироваться (ср. *Come in! Read the book aloud! Войди! Читай книгу вслух!*). Феномен пропуска А/S в императивах широко распространен в различных языках и подробно описан в типологической литературе [Храковский, 2001; Aikhenvald, 2010]. В некоторых языках, где проявляется согласование и субъекта, и объекта, маркеры согласования субъекта также могут опускаться, тогда как согласование объекта не затрагивается. Таково положение в языке айну, где опускаются аффиксы согласования А/S, тогда как маркеры О-согласования предсказуемо сохраняются:

(1) Айну [Tamura, 2000. P. 54, 241]

- a. *E-ni.*
2SG-слышать
‘Ты слышишь (его).’
- b. *Nu yan!*
hear IMP.PTCL.PL
‘Послушайте!’
- c. *En-erampokiwēn wa en-kore!*
1SG.O-жалость CON 1SG.O-давать
‘Пожалей меня!’

Для **аккузативных языков** последовательность в образовании императивных структур предсказуема, поскольку здесь аккузативный Уклон не вступает в конфликт с Гармонией (свойства кодирования).

В свою очередь, **эргативные языки** обнаруживают более высокую степень вариативности в образовании императивных структур. Некоторые эргативные языки (например, дирбал и йидини [Dixon, 1994]) трактуют А и S одинаково в том плане, что агенс (S/A) — адресат императивного акта — опускается (аккузативное поведение). Поскольку дирбал проявляет «глубинную» (синтаксическую) эргативность на других участках синтаксической системы, Диксон считает, что в образовании императива все языки, в том числе и эргативные, следуют аккузативному принципу. Однако это утверждение требует уточнения. Так, некоторые эргативные языки, в том числе и многие кавказские,

явно сохраняют эргативную модель как в сфере падежа (если субъект выражен), так и в сфере согласования. Проиллюстрируем это положение на материале хваршинского языка, относящегося к нахско-дагестанской семье:

(2) Хваршинский [Khalilova, 2009, и устные сообщения]

- a. (*Mižo*) *m-ok'-o!*
2.PL.ABS HPL-go-IMP
'Ты (множ.) иди!'
- b. (*Miže*) *l-i-yo!*
2PL.ERG IV-do-IMP
'Ты делай (это)!'

Хваршинский язык относится к эргативным, что проявляется как в падежном маркировании, так и в глагольном согласовании, которое контролируется именной группой в абсолютиве (S или P). Как видно из вышеприведенных примеров, эргативность в плане падежного оформления и согласования сохраняется и в императиве (согласование проявляется в выборе префиксальных маркеров рода/класса, которые традиционно получают числовое обозначение).

Аналогичным образом в прибрежном цимшиане [Mulder, 1994] кодирование в императивной конструкции сохраняет эргативную ориентацию, что проявляется в глагольном согласовании: в примере (3a) с переходным глаголом отсутствует А-согласование, при сохранении S-согласования в (3b) с непереходным глаголом:

(3) цимшиан [Mulder, 1994. Pp. 117–118]

- a. *Liimoot-i!*
помогать-1SG
'Помоги мне!'
- b. *Liimi-sm!*
петь-2PL
'(Ты) пой!'

Таким образом, если в дирбале эргативная модель императива перестраивается на аккумулятивную под действием фактора Уклон, то в иных случаях, рассмотренных выше, (5)–(7), преобладающее влияние оказывает фактор Гармония. В некоторых других языках изменение стратегии в образовании императива является частичным. В языке шипибо-конибо [Valenzuela, 2003] переходный субъект (A) вообще не может выражаться в императивной конструкции, тогда как непереходный субъект S (в абсолютиве) является факультативным (при регулярном сохранении абсолютивного объекта P):

(4) Шипибо-конибо [Valenzuela, 2003. P. 398]

- a. (**Mi-n*) *piti* *pe-wé!*
(2-ERG) рыба поедать-IMP
'Ешь рыбу!'

- b. (Mi-a) *katan-we!*
 (2-ABS) идти.делать-IMP
 ‘(Ты) иди!’

Иной способ разрешения конфликта между двумя функциональными принципами наблюдается в языке куикуро. В куикуро [Franchetto, 1990] переходный глагол в императивной форме детранзитивизируется (посредством использования маркера «деэргативизации») и обуславливает абсолютное согласование (ср. императивную конструкцию в примере (5b) с индикативной конструкцией в (5a)):

(5) Куикуро [Franchetto, 1990. P. 414]

- a. *Kága egé-lá kurehé-ni.*
 рыба поесть-PNCT 1INC.ERG-PL
 ‘Мы все едим рыбу.’
- b. *E-g-egé-ke kága!*
 2ABS-DEERG-поесть-IMP рыба
 ‘Ешь рыбу!’

Два последних случая представляются компромиссом между двумя конфликтующими факторами: в одном случае конфликт приводит к **варьированию** в кодировании непереходного субъекта (который отождествляется то с А, то с Р), во втором случае конфликт между двумя факторами приводит к **блокировке** переходных глаголов в императивной конструкции.

Таким образом, языки с эргативным кодированием варьируют в плане образования императива. Одни языки сохраняют черты эргативности (как, например, хваршинский) под влиянием фактора Гармония, другие, вопреки своим эргативным характеристикам, демонстрируют перестройку в императивной конструкции по аккузативной модели под влиянием фактора Уклон. Некоторые результаты конфликта между конкурирующими мотивациями оказываются более сложными и могут рассматриваться как компромисс между двумя конфликтующими ограничениями.

4. Стратегии кодирования в номинализациях

Как было показано выше, императивные конструкции демонстрируют аккузативную преференцию (Bias). Одной из конструкций, где выявлен эргативный Bias, является номинализация. Известно, что в языках различных типов широко распространена модель с генитивизацией S/P, при том что А либо элиминируется, либо выражается в косвенном падеже [Comrie, 1976]. В типологической литературе такие случаи получают название пассивных номинализаций [Comrie, Thompson, 1985], или эргативно-посессивных номинализаций [Koptjevskaja-Tamm, 1993]. В качестве иллюстрации приведем известные примеры из рус-

ского и английского, где непереходный субъект и переходный объект получают посессивное оформление, а А выражается так же, как агент в пассивной конструкции:

- (6) русский
 а. *приход отца*
 а'. *the arrival of the father*
 б. *чтение книг-и учениками*
 б'. *the reading of the book by schoolchildren*

Копчевская-Тамм [Koptjevskaja-Tamm, 1993] противопоставляет эргативно-посессивные (ERG-POS) номинализации вышеприведенного типа другим типам номинализаций: «сентенциальному» (SENT, где и А, и Р оформляются так же, как в предложении), «двойному посессивному» (POS-POS, где и А, и Р выступают в форме генитива/посессива) и «посессивно-аккузативному» (POS-ACC, где А представлен как посессор, а Р сохраняет свою аккузативную маркированность). Как показано выше, номинализации эргативно-посессивного типа встречаются и в аккузативных языках, где, в целом, принципом Гармония прогнозируется аккузативная модель. Неудивительно, что эргативно-посессивные номинализации широко распространены и в эргативных языках, где подобное оформление не противоречит принципу Гармония. Например, в языке ниуэ в номинализированных структурах S и P представлены посессивной формой, тогда как А сохраняет эргативное оформление:

- (7) Ниуэ [Seiter, 1980. P. 120]

<i>e</i>	<i>[katofa</i>	<i>haaku</i>	<i>e</i>	<i>lautolu]</i>
ABS	[выбирать	мой	ERG	они]
'выбор меня ими'				

Та же модель отмечается во многих других эргативных языках, включая тонганский и самоанский (дополнительные библиографические отсылки см. в [Koptjevskaja-Tamm, 1993]). Особенно показательны данные из таких эргативных языков, как эскимосский, в которых генитивизация ограничена аргументами S/P, а для генитивизации А требуется антипассивизация [Fortescue, 1984; Manning, 1996]:

- (8) Гренландский эскимосский [Fortescue, 1984. P. 46]
 а. *anguti-p* *tuqun-nir-a*
 мужчина-REL убивать-NMLZ-ergo
 'убийство мужчины (кем-либо)'
 б. *Ikinngum-mi-nik* *tuqut-si-nir-a* *tusar-para.*
 друг-REFL.POS-INSTR убивать-APASS-NMLZ-ergo слышать-IND.1SG->3SG
 'Я слышал об убийстве им своего друга.'

В номинализациях, образованных от непереходного глагола, посессивное оформление получает непереходный субъект, а от переходного глагола — объект (см. посессивное согласование в (8a)). Генитивизация переходного субъекта в такой конструкции невозможна, для этого требуется антипосессивное оформление глагола (в (8b)), превращающее переходный глагол в непереходный.

С другой стороны, в аккумулятивных языках эргативно-посессивная модель конкурирует с посессивно-аккумулятивной моделью, где аргументы A и S генитивизируются, а аргумент P сохраняет сентенциальное оформление. Как показано в литературе [Koptjevskaja-Tamm, 1993; Malchukov, 2004], эта модель типична для многих языков и, в частности, является преобладающей стратегией в алтайских языках. Приведем пример из эвенского языка:

- (9) Эвенский [Malchukov, 2004]
[Hin buju-m ma-ča-vu-s] ehem har.
 твой олень-ACC убивать-NMLZ-ACC-2SG.POS NEG.NFUT.1SG знать
 ‘Я не знал, что ты убил (дикого) оленя.’

В примере (9) объект сохраняет аккумулятивное оформление, тогда как зависимый субъект выступает в посессивной форме, если выражен местоимением (у существительных соответствующая форма генитива в эвенском отсутствует) и контролирует посессивное согласование на причастии.

Существенно, что в эргативных языках подобная модель с субъектом (A, S) в посессивном оформлении или объектом (P) сохраняет абсолютное оформление. (A/S>POS, P=Abs) практически не встречается [Koptjevskaja-Tamm, 1993]. Такая дистрибуция, представленная ниже, в табл. 2, предсказывается взаимодействием принципов Уклон и Гармония.

Таблица 2

Предпочтения кодирования аргументов номинализаций

	Harmony	Bias
Аккумулятивные языки	POS-ACC	ERG-POS
Эргативные языки	ERG-POS	ERG-POS

При том, что причины эргативной преференции номинализации не до конца выяснены (см. обсуждение в: [Levin, Rapoport Novav, 2005. Pp. 97–98]), понятно, что два вышеназванных принципа (Гармония и Уклон) способны без дополнительных допущений объяснить сходства и различия между номинативными и эргативными языками в стратегиях номинализации.

5. Выводы

Выше были рассмотрены результаты конфликтов кодирования на примере двух синтаксических конструкций (императивы, номинализации). Мы показали, что и регулярные модели, и контрпримеры могут трактоваться с учетом взаимодействия двух общих факторов: Гармония, который отражает аналогичные тенденции в уподоблении кодирования/поведения, и Уклон, который отражает внутриязыковые предпочтения кодирования, обусловленные функциональными свойствами рассматриваемых конструкций. Если под воздействием этих двух факторов оптимальной оказывается одна и та же конструкция, возникает устойчивая межъязыковая модель, но при конфликте этих двух ограничений наблюдается межъязыковое варьирование. В случае конфликта между двумя принципами возможны два различных сценария. Во-первых, существуют сценарии асимметричные, когда доминирующее ограничение одерживает верх (в терминах Теории Оптимальности, в условиях конкуренции побеждает ограничение более высокого ранга). Существуют и более сложные сценарии разрешения конфликта, связанные с варьированием и блокировкой. Эти «компромиссные» сценарии труднее описать при помощи аппарата Теории Оптимальности, но они хорошо вписываются в типологию синтаксических конфликтов, разработанную Моравчик (2010), а также в типологию морфологических конфликтов, описанную Мальчуковым (2011).

Перевод с английского Е. С. Петровой

ЛИТЕРАТУРА

- Aikhenvald A. Y. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010. XX, 500 p.
- Aissen J. 'Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy' // *Natural Language and Linguistic Theory*. 21. 2003. Pp. 435–483.
- Anderson S. 'On the notion of subject in ergative languages' / Ed. C. Li. // *Subject and topic*. New York: Academic Press. 1976. Pp. 1–24.
- Bickel B. 'Grammatical relations typology' // *The Oxford Handbook of linguistic typology* / Ed. Jae Jung Song. Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 399–444.
- Comrie B. 'Ergativity' // *Syntactic typology: studies in the phenomenology of language* / Ed. Winfred P. Lehmann. Austin: University of Texas Press, 1978. Pp. 329–394.
- Comrie B. *Language universals and linguistic typology: syntax and morphology*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. XI, 252 p.
- Comrie B. 'The syntax of action nominals: a cross-linguistic study' // *Lingua*. 40. 1976. Pp. 177–201.
- Comrie B., Thompson S. 'Lexical nominalizations' // *Language typology and syntactic description* / Ed. T. Shopen. Vol. III. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 349–398.
- Croft W. *Radical Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2001. XXVII, 416 p.

- Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1991. XIII, 331 p.
- Croft W. Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. XIV, 311 p.
- Dixon R. M. W. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. XXII, 271 p.
- Du Bois J. 'Competing motivations' // *Iconicity in syntax* / Ed. J. Haiman. Amsterdam: Benjamins, 1985. Pp. 343–366.
- Fortescue M. D. West Greenlandic. London: Croom Helm, 1984. 381 p.
- Franchetto B. 'Ergativity and nominativity in Kuikúro and other Carib languages' // *Amazonian linguistics: studies in Lowland South American languages* / Ed. D. Payne. Austin: University of Texas Press, 1990. Pp. 407–427.
- Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. I. Amsterdam: Benjamins, 1984.
- Goldberg A. E. *Constructions: a Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. XI, 265 p.
- Haiman J. *Natural syntax: Iconicity and erosion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. VIII, 285 p.
- Haspelmath M. 'Argument marking in ditransitive alignment types' // *Linguistic Discovery*. 3.1. 2005. Pp. 1–21.
- Heath J. 'Ergative/accusative typologies in morphology and syntax' // *Grammatical categories in Australian languages* / Ed. R. M. W. Dixon. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 599–611.
- Kazenin K. I. 'Split syntactic ergativity: toward an implicational hierarchy' // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 47. 1994. Pp. 78–98.
- Keenan E. L. 'Semantic correlates of the ergative/absolutive distinction' // *Linguistics*. 1984. 22. Pp. 197–223.
- Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. PhD. Utrecht: University of Leiden, 2009. IV, 499 p.
- Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. London: Routledge, 1993. XVIII, 333 p.
- Lazard G. *Actancy*. Berlin: M. de Gruyter, 1998. XV, 286 p.
- Levin B., Rappaport Hovav M. *Argument realization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. VIII, 278 p.
- Malchukov A. 'Interaction of verbal categories: resolution of infelicitous grammeme combinations' // *Linguistics*. 49–1. 2011. Pp. 229–282.
- Malchukov A. *Nominalization/verbalization: constraining a typology of transcategorial operations*. München: Lincom, 2004. 143 p.
- Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. 'Ditransitive construction: a typological overview' // *Studies in ditransitive constructions: a comparative handbook* / Eds. A. L. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie. Berlin: M. de Gruyter, 2010. Pp. 1–64.
- Manning Ch. D. *Ergativity: argument structure and grammatical relations*. Stanford: CSLI, 1996. XIII, 222 p.
- Moravcsik E. 'Conflict resolution in syntactic theory' // *Studies in Language*. 2010. 34 (3). Pp. 636–669.
- Moravcsik E. 'On the distribution of ergative and accusative patterns' // *Lingua*. 45. 1978. Pp. 233–279.
- Mulder J. G. *Ergativity in Coast Tsimshian (Sm'algyax)*. Berkeley: University of California Press, 1994. XII, 259 p.

- Seiter W. J. *Studies in Niuean syntax*. New York: Garland, 1980. XIX, 348 p.
- Siewierska A. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. XX, 327 p.
- Silverstein M. 'Hierarchy of features and ergativity' // *Grammatical categories in Australian languages* / Ed. R. M. W. Dixon. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112–171.
- Tamura S. *The Ainu language*. Tokyo: Sanseido, 2000. X, 292 p.
- Typology of imperative constructions / Ed. V. S. Xrakovskij. Munich: Lincom, 2001. XII, 543 p.
- Typology of resultative constructions / Ed. V. P. Nedyalkov. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988. XIX, 573 p.
- Valenzuela P. *Basic verb types and argument structures in Shipibo-Conibo*. PhD. University of Oregon, 1997/2003. XI, 275 p.
- Van Valin R. D. Jr. *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XXI, 310 p.

REFERENCES

- Aikhenvald A.Y. *Imperatives and commands*. Oxford, Oxford University Press, 2010, XX, 500 p.
- Aissen J. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy. *Natural Language and Linguistic Theory*. 21, 2003, pp. 435–483.
- Anderson S. On the notion of subject in ergative languages, in C. Li. (ed.). *Subject and topic*. New York, Academic Press, 1976, pp. 1–24.
- Bickel B. Grammatical relations typology, ed. Jae Jung Song. *The Oxford Handbook of linguistic typology*. Oxford, Oxford University Press, 2011, pp. 399–444.
- Comrie B. Ergativity, ed. Winfred P. Lehmann. *Syntactic typology: studies in the phenomenology of language*. Austin, University of Texas Press, 1978, pp. 329–394.
- Comrie B. *Language universals and linguistic typology: syntax and morphology*. Chicago, University of Chicago Press, 1981, XI, 252 p.
- Comrie B. The syntax of action nominals: a cross-linguistic study. *Lingua*. 40, 1976, pp. 177–201.
- Comrie B., Thompson S. Lexical nominalizations, ed. T. Shopen. *Language typology and syntactic description*, vol. III. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, pp. 349–398.
- Croft W. *Radical Construction Grammar*. Oxford, Oxford University Press, 2001, XXVII, 416 p.
- Croft W. *Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information*. Chicago; London, The University of Chicago Press, 1991, XIII, 331 p.
- Croft W. *Typology and universals*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, XIV, 311 p.
- Dixon R.M.W. *Ergativity*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
- Du Bois J. Competing motivations, ed. J. Haiman. *Iconicity in syntax*. Amsterdam, Benjamins, 1985, pp. 343–366.
- Fortescue M.D. *West Greenlandic*. London, Croom Helm, 1984, 381 p.
- Franchetto B. Ergativity and nominativity in Kuikúro and other Carib languages, ed. D. Payne. *Amazonian linguistics: studies in Lowland South American languages*. Austin, University of Texas Press, 1990, pp. 407–427.

- Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*, vol. I. Amsterdam, Benjamins, 1984, XX, 464 p.
- Goldberg A.E. *Constructions: a Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago, The University of Chicago Press, 1995, XI, 265 p.
- Haiman J. *Natural syntax: Iconicity and erosion*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, VIII, 285 p.
- Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types. *Linguistic Discovery*, 2005, 3.1, pp. 1–21.
- Heath J. Ergative/accusative typologies in morphology and syntax, ed R.M.W. Dixon. *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976, pp. 599–611.
- Kazenin K.I. Split syntactic ergativity: toward an implicational hierarchy. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 1994, 47, pp. 78–98.
- Keenan E.L. Semantic correlates of the ergative/absolutive distinction, *Linguistics*, 1984, 22, pp. 197–223.
- Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. PhD. Utrecht, University of Leiden, 2009, IV, 499 p.
- Koptjevskaja-Tam M. *Nominalizations*. London, Routledge, 1993, XVIII, 333 p.
- Lazard G. *Actancy*. Berlin, M. de Gruyter, 1998, XV, 286 p.
- Levin B., Rappaport Hovav M. *Argument realization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, VIII, 278 p.
- Malchukov A. Interaction of verbal categories: resolution of infelicitous grammeme combinations. *Linguistics*, 2011, 49–1, pp. 229–282.
- Malchukov A. *Nominalization/verbalization: constraining a typology of transcategorical operations*. München, Lincom, 2004, 143 p.
- Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive construction: a typological overview, eds. Andrej L. Malchukov, Martin Haspelmath, and Bernard Comrie. *Studies in ditransitive constructions: a comparative handbook*. Berlin, M. de Gruyter, 2010, pp. 1–64.
- Manning Ch.D. *Ergativity: argument structure and grammatical relations*. Stanford, CSLI, 1996, XIII, 222 p.
- Moravcsik E. Conflict resolution in syntactic theory. *Studies in Language*, 2010, 34 (3), pp. 636–669.
- Moravcsik E. On the distribution of ergative and accusative patterns. *Lingua*, 1978, 45, pp. 233–279.
- Mulder J.G. *Ergativity in Coast Tsimshian (Sm'algyax)*. Berkeley, University of California Press, 1994, XII, 259 p.
- Seiter W.J. *Studies in Niuean syntax*. New York, Garland, 1980, XIX, 348 p.
- Siewierska A. *Person*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, XX, 327 p.
- Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity, ed. R.M.W. Dixon. *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976, pp. 112–171.
- Tamura S. *The Ainu language*. Tokyo, Sanseido, 2000, X, 292 p.
- Typology of imperative constructions*, ed. V.S. Xrakovskij. Munich, Lincom, 2001, XII, 543 p.
- Typology of resultative constructions*, ed. V.P. Nedyalkov. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1988, XIX, 573 p.

Valenzuela P. *Basic verb types and argument structures in Shipibo-Conibo*. PhD. University of Oregon, 1997/2003.

Van Valin R.D. Jr. *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, XXI, 310 p.

Андрей Львович Мальчуков

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник;
Институт лингвистических исследований РАН
приглашенный профессор; университет г. Майнца, Германия

Andrej L. Malchukov

Doctor of Philology, Institute for Linguistic Studies, St-Petersburg, Russian Academy of Sciences
Invited Professor; University of Mainz, Germany

E-mail: andrej_malchukov@eva.mpg.de

К. В. Манёрова

Санкт-Петербургский государственный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В НЕМЕЦКОМ МЕДИАТЕКСТЕ: ТИПЫ И ДИНАМИКА

Ключевые слова: медиатекст, идиоматика немецкого языка, модификации фразеологизмов, связность текста.

Современный медиатекст как новый коммуникационный продукт публицистического дискурса предоставляет богатый материал для исследования семантико-деривационной динамики лексического состава немецкого языка. Важнейшим компонентом в немецком медиатексте является так называемый заголовочный блок. В медиатексте принято различать два типа заголовков: тематический и лозунговый, именно заголовки последнего типа содержат в себе модифицированные фразеологизмы. Фразеологические модификации являются окказиональными (ситуативными и текстуальными) изменениями формы и значения фразеологизмов. Подобные прагматически обусловленные отклонения устойчивых словосочетаний от системной формы и системного значения нарушают имманентный фразеологическим единицам принцип структурного единства, воспроизводимости в готовом виде, однако отвечают требованиям идиоматичности и так называемой «психолингвистической устойчивости», т. е. закреплённости идиом в ментальном лексиконе в форме отдельной, цельной единицы. Механизмы модификаций (замещение, расширение), с помощью которых изменённые фразеологизмы включаются в текст, имеют различную природу; подобное изменение актуализирует текстообразующий потенциал фразеологизмов.

Kristina Manerova

St. Petersburg State University, Russia

PHRASEOLOGICAL MODIFICATIONS IN GERMAN MEDIATEXT: TYPES AND DYNAMICS

Keywords: mediatext, idiomaticity of the German language, phraseological shifts, coherence.

Modern mediatext as a new communication product of the publicistic discourse opens wide perspectives to research semantic-derivative dynamics of the vocabulary of the German language. The major component of the German mediatext is a headline. Mediatexts may generally feature two types of headlines: thematic headlines and slogans, the latter are more likely to comprise modified phraseological units. Phraseological modification refers to the process of occasional (situational and textual) changes of the form and meaning of the phraseological units. Such pragmatically conditioned variations of set expressions from standard form and meaning result in abnormalities in structural unity regarded as inherent feature of the phraseological units, i.e. ready-to-use principle. However, these variations comply with the principle of idiomaticity and so-called “psychological stability”, in other words, idioms are firmly fixed as a distinctive complex unit in our mental

lexicon. There are various modification mechanisms (substitution, expansion) by which modified phraseological units are incorporated in the text; such variations unlock potential of the idioms as a text construction factor.

В 2014 году исполнилось бы 75 лет известному специалисту по германистике и немецкой фразеологии, профессору кафедры немецкой филологии СПбГУ Светлане Михайловне Панкратовой. Светлана Михайловна в своих работах о сочетаемости и внешней валентности немецких фразеологизмов, об интенционально обусловленных трансформациях идиом в условиях контекста во многом предвосхитила появление научных направлений анализа в современной фразеологии: прагмалингвистического и текстолингвистического анализа фразеологических единиц [Панкратова, 1982, 1986; Pankratowa, 1983]. Данная статья посвящена развитию взглядов на природу и динамику фразеологических трансформаций как особых средств создания связности в современном немецком медиатексте.

Наблюдаемая в начале XXI в. тенденция к полипарадигмальным исследованиям в лингвистике определила новый вектор в изучении фразеологических единиц (ФЕ). Фразеологи рассматривают не только структуру устойчивых словосочетаний или их особенности в компаративном плане, но и другие аспекты этих комплексных единиц, с привлечением методов и терминологического аппарата синтаксиса, лингвистики текста, анализа речевых актов и прагматики. Новая когнитивная парадигма рассмотрения фразеологизмов немецкого языка ориентирована на функционирование идиом в тексте и в высказывании, ее основные аспекты разработаны и представлены в работах фразеологов Д. Добровольского [Dobrovol'skij, 1980], Х. Бургера [Burger, 1987; 2010], Х. Вальтера, Н. Филаткиной [Filatkina, 2007], Б. Зандиг [Sandig, 1989], А. Забан [Sabban, 2007] и др.

Область изучения этих единиц постоянно обогащается: в центре внимания современных исследований «оказываются связи и отношения фразеологических единиц с другими объектами научного познания, такими как *речь, общение, деятельность, психика, культура и этнос*» [Алефиренко, 2008. С. 8]. Таким образом, предмет современных исследований немецкой фразеологии можно определить как раскрытие прагматических свойств фразеологизмов в коммуникативных актах, в условиях воздействия текста и под влиянием контекстуальных связей.

В рамках прагмалингвистических исследований фразеологизмов немецкого языка и их роли в конструировании текста особое внимание уделяется фразеологическим модификациям. Под фразеологическими модификациями понимаются окказиональные, т. е. ситуативные и текстuallyные изменения формы и значения единиц, таких как фраземы, идиомы, крылатые слова, прецедентные афоризмы. Изменения затрагивают план содержания речи как средство выражения личностных смыслов коннотативного и эмотивного наполнения. Фразеологизмы в измененной форме или с измененной семантикой, в комбинации

указанных изменений являются образованиями «ad hoc», продуктом языковой игры в рамках отдельного речевого акта или отдельного высказывания.

Подобные прагматически обусловленные отклонения устойчивых словосочетаний от конвенциональной, зафиксированной в словаре и в узусе говорящего форме, нарушают имманентный фразеологическим единицам принцип структурного единства, воспроизводимости в готовом виде. Однако они отвечают требованиям идиоматичности и так называемой «психолингвистической устойчивости», т. е. закреплённости ФЕ в ментальном лексиконе говорящего в виде отдельной, целостной лексико-семантической единицы. О подобной закреплённости в ментальном лексиконе могут косвенно свидетельствовать «фразеологические оговорки», а именно случаи невольной окказиональной модификации исходной формы устойчивых словосочетаний в речи, не мешающие, тем не менее, правильному пониманию фразеологизмов разного типа, например: русск. «попасть как кур *во щи*» (исходная форма «попасть как кур в ошип»), нем. *da drücken wir Ihnen alles Gute* (смещение исходных форм «*j-m den Daumen drücken*» — *пожелать успеха кому-л.* и «*j-m alles Gute wünschen*» — *желать всего хорошего кому-л.*), нем. *ins Grab beißen* (замещение компонентов *Gras* → *Grab* в исходной форме «*ins Gras beißen*» — *умереть*) [Leuninger, 1993].

Фразеологические единицы с изменённым компонентным составом традиционно исследуются на материале авторской речи в художественных произведениях и в публицистических текстах. Исследователи фразеологических модификаций называют их по-разному: индивидуально-авторскими преобразованиями, денотативными и коннотативными прагматическими вариантами, окказиональными вариантами фразеологизма, контекстуально преобразованными фразеологизмами [Щербань, 1975], фразеологическими модификациями [Ptashnyk, 2009. S. 27], «*kreativ-innovativer Gebrauch*» [Greciano, 1987. S. 43], «*Sprachspiel*» [Koller, 1977]. Терминологическое разнообразие позволяет говорить о новизне подобных исследований и об определенной энтропии в понимании лингвистической природы изменения устойчивых словосочетаний. Фразеологизмы с изменённой конфигурацией структуры широко изучаются как отечественными, так и немецкими лингвистами. Так, исследователи В. Коллер [Koller, 1977], Гертруд Гречиано [Greciano, 1987], Б. Вотьяк [Wotjak, 1992. S. 150–152], Шт. Эльшпас [Elspaß, 1998] посвящают фразеологическим модификациям в своих работах отдельную главу. В работах этого плана различаются как структурные или семантические, так и комплексные структурно-семантические модификации фразеологизмов [Burger, 1987]. Не каждое изменение немецкой ФЕ признается ее модификацией, существует несколько подходов к определению сути модификации.

1. В качестве модификации признается наличие изменения как структуры, так и семантики ФЕ [Щербань, 1975].
2. Наличие модификации признается, если изменяется либо структура, либо семантика ФЕ [Häcki Buhofer, 2004].

3. В рамках современного прагмалингвистического подхода модификацией признается только окказиональное изменение ФЕ в тексте и в высказывании, обусловленное контекстуальным окружением единицы, т. е. прагматическими предпосылками [Burger, 2010. S. 159].

В понимании сути модификаций у авторов, представляющих первый и второй из указанных подходов, не ограничиваются возможные изменения состава и семантики ФЕ, не уточняется, являются ли служебные слова (например, артикли) компонентами, которые могут вызывать модификацию. В рамках третьего подхода рассматривается текстообразующий потенциал фразеологических единиц, анализируются их дискурсивные возможности.

Действительно, модификации вызваны необходимостью включения фразеологизма в контекст. Согласно исследованию Шт. Пташнюк, они представляют собой многочисленные возможности преобразования, такие как замещение, расширение, редукцию, согласование, уточнение, грамматические модификации и другие [Ptashnyk, 2009]. Общим для всех типов модификаций является то, что они прагматически обусловлены и могут быть поняты исключительно с учетом контекстуальных связей.

На наш взгляд, с названной позиции интересным и малоизученным объектом в отношении употребления модифицированных фразеологизмов является современный немецкий медиатекст. Термин «медиатекст» возник в 90-х гг. XX в. в англоязычной научной литературе в работах Т. ван Дейка. Современный медиатекст как новый коммуникационный продукт предоставляет богатый материал для исследования семантико-деривационной динамики лексического состава немецкого языка. Согласно критерию функционально-жанровой принадлежности, к медиатекстам в первую очередь относятся новости, комментарии, публицистика, рекламные тексты, в письменной и устной форме. Полная структура статьи в немецком медиатексте обычно отвечает так называемому «пирамидному принципу» развертывания информации, где воображаемую вершину образует заголовок (*нем.* Titel), центр маркирует подзаголовок (*нем.* Lead-Titel), «основанием» является сам текст статьи с включением статичных и динамических изображений, гиперссылок, различных модулей (т. н. «поликодовый текст»). Обычно краткий и емкий заголовок в формате медиатекста содержит основную тему статьи, в то время как более объемный подзаголовок мотивирует читателя к прочтению. Фразеологизмы неизменно присутствуют как в самом тексте статьи, так и в заголовочном блоке медиатекста. Лозунговые заголовки, сформулированные таким образом, чтобы «бросаться в глаза» читателю и тем самым привлекать его внимание, часто содержат оригинальное высказывание, цитату, запоминающуюся реплика, афоризмы, крылатые слова, идиомы различных структурных типов. В настоящее время нет отдельных работ по исследованию роли фразеологических модификаций в конструировании немецкого медиатекста.

В самом медиатексте, который, как и любой текст, «стремится быть прочитанным», важно действие когезивных связей между текстом статьи и ее заголовочным комплексом. Так, средства, обеспечивающие связность текста, могут влиять на фразеологизм в заголовке таким образом, что появляется особенная, специально для этого случая сформированная, окказиональная модифицированная форма, призванная привлечь внимание читателя. Приведем несколько примеров.

Примером структурной модификации крылатого выражения в виде контекстуально обусловленного **замещения** может служить следующий заголовок статьи.

Заголовок: *Französisches Café erzieht Gäste: Wer sparen will, muss freundlich sein.*

Подзаголовок: *Wer seinen Kaffee im Kommandoton bestellt, muss mehr bezahlen. Weil ihn unfreundliche Gäste störten, hat ein Wirt aus Nizza verschiedene Tarife festgelegt, für harsche und höfliche Kunden. Das war zwar nicht ganz ernst gemeint, hat aber eine erstaunliche Wirkung [Französischen Café erzieht Gäste].*

Вторая часть заголовка содержит модифицированное название и строку из стихотворения немецкого поэта Теодора Фонтане (1819–1898) «*Wer schaffen will, muß fröhlich sein*», ставшее крылатой фразой в немецком языке (*Будь радостен, коль хочешь ты творить*):

Wer schaffen will, muss fröhlich sein.

Du wirst es nie zu Tücht'gem bringen
Bei deines Grames Träumereien,
die Tränen lassen nichts gelingen:

Wer schaffen will, muss fröhlich sein.

Wohl Keime wecken mag der Regen,
der in die Scholle niederbricht,
doch golden Korn und Erntesegen
reift nur heran bei Sonnenlicht.

В модифицированном заголовочном варианте компоненты устойчивого выражения замещаются по принципу одинаковой частеречной принадлежности и аллитерационного чередования: глаголы *schaffen* → *sparen*, прилагательные *fröhlich* → *freundlich*, с сохранением синтаксической структуры исходной формы сложного предложения. Данный пример показателен для выявления текстовых и семантических связей внутри заголовочного комплекса, т. к. смысл модифицированного устойчивого словосочетания раскрывается в подзаголовке: *verschiedene Tarife* (когезивное соотнесение с компонентом *sparen*), *für harsche und höfliche Kunden* (соотнесение с компонентом *freundlich*). Одновременно со структурным изменением наблюдается и семантическое, а именно сдвиг значения, акцентирующий связь заголовка с информативным содержанием последующей статьи. Таким образом, модификация происходит не произвольно, механизм замещения обусловлен контек-

стуально и отвечает уже названному выше принципу развертывания информации от заголовка к тексту статьи.

Медиатекст, размещенный на сайте журнала, по характеру текста является поликодовым, т. к. объединяет в себе вербальные и невербальные компоненты. Невербальные компоненты — изображения, аудио- и видеоматериалы — являются частями медиатекста согласно критерию дигитальности (ср. нем. Text-Bild-Bezüge). В немецкой лингвистике текста подобные типы медиатекста с соединением иконических и символических знаков носят название «мультимодальные визуальные тексты» [Sandig, 2006. S. 407]. Мультимодальные тексты выявляют особый вид связности — когерентность текста и изображения. Невербальные компоненты могут влиять на содержание текста, в частности и на заголовки, быть причиной его особого оформления.

В случае с модификациями фразеологизмов, отношение текста и изображения можно назвать взаимодополняющим (нем. komplementär), т. к. оба компонента — вербальный и невербальный — «дополняют друг друга согласно их потенциалу, специфичному в условиях медийных текстов» («wenn beide sich in ihrem medienspezifischen Potenzial ergänzen») [Nöth, 2000. S. 493] и по отдельности малопонятны для реципиента. Исследовательница мультимодальных текстов и фразеолог Петра Бальслимке замечает, что, с одной стороны, фразеологизм в тексте придает изображению однозначность и оригинальность, т. к. изображение в отрыве от контекста может иметь множество значений и вызывать множество ассоциаций. С другой стороны, изображение наделяет сам фразеологизм в тексте тем значением, которое не обязательно может быть свойственно фразеологизму, тем самым вызывая изменение конфигурации, или же в процессе ремотивации делает эти единицы более понятными и прозрачными для реципиента, что особенно значимо в случае с модифицированными фразеологизмами и идиомами [Balsliemke, 1999. S. 22].

Так, оригинальная модификация фразеологизма, обусловленная включением в текст изображения, представлена в заголовке на следующем примере.

Заголовок: Kleider machen Häuser.

Подзаголовок: *“Kann ich Ihnen helfen? Hallo, ich hätte gern diesen Anzug da. Nein, nein, nein – doch nicht den, sehen Sie nicht den da oben in Reihe sieben. Acht. Ich meine: Reihe acht. Ja, zwölfter von links. Der neben dem braunen. Ja, genau der. Vielen Dank.”* [Augenblick mal!]

В статье рассказывается об оригинальном маркетинговом ходе продавца одежды из Копенгагена Кристиане Трольструпе, устроившим распродажу мужской одежды на фасаде дома, где находился его магазин (1936 г.). Исходным фразеологизмом для заголовка послужила паремия «Kleider machen Leute» (*По одежке встречают*). В модифицированном варианте компонент «Leute» замещен компонентом «Häuser» под влиянием соответствующего изображения — фотографии фасада магазина с развешанными на нем костюмами.

Механизмы **замещения** и **расширения** часто действуют при модификации фразеологизмов совместно. Комбинированная, прагматически обусловленная модификация подразумевает замену и интеграцию дополнительных лексем в структуру базовой единицы, что позволяет включить в механизм модификации дополнительную семантическую информацию, возникающую на основе аргументации. При этом выбор лексем для расширения состава фразеологизма контекстуально обусловлен. Совмещение двух механизмов изменения является новым, сравнительно недавно наблюдаемым в медиатекстах типом конфигурации ФЕ. Это проявление динамики в развитии модификационных моделей. Приведем пример.

Заголовок: Jung-Akademiker im Glück: Ich studiere, also bin ich erfolgreich.

Подзаголовок: *Die beste Versicherung gegen Arbeitslosigkeit: ein Studium. Zehn Jahre nach ihrem Abschluss ist nur ein Prozent der Akademiker ohne Job, zeigt eine aktuelle Studie. Zufriedenheit gibt es obendrauf – und viel Geld für jene, die das richtige Fach studiert haben* [Jung-Akademiker im Glück].

Приведенный заголовок предваряет статью о важной роли качественного высшего образования в современной Германии, о стабильной востребованности молодых специалистов с университетским дипломом на рынке труда. В заголовке модифицируются два известных прецедентных фразеологизма. В первой его части замещается компонент идиомы «Hans im Glück» (*счастливчик*), во второй расширяется немецкая передача афоризма Рене Декарта *Ich denke, also bin ich* (*Cogito ergo sum*). Лексема *denken* (*думать*) заменяется глаголом *studieren* (*учиться*), афоризм расширяется за счет предикатного прилагательного, выраженного прилагательным *erfolgreich* (*успешный*). Именно этот компонент модифицированного фразеологизма — *erfolgreich* — является средством, обеспечивающим когерентную связь с последующим текстом статьи, в которой идет речь об успешной профессиональной карьере и высоких заработках специалистов, окончивших немецкие университеты. Благодаря модификационному расширению лаконичной формы оригинального афоризма *Ich denke, also bin ich* устанавливается семантическая связь между элементами медиатекста, актуализируется дополнительный смысл: учеба в немецком университете является условием для успешной профессиональной карьеры.

Небольшой по объему эмпирический материал, отобранный для статьи из онлайн-версии немецкого журнала *Der Spiegel* (www.spiegel.de), показал, что многие лозунговые заголовки содержат в себе фразеологизмы разного типа в модифицированной форме. Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что частотные, прагматически обусловленные модификации фразеологизмов в заголовках медиатекста выполняют разнообразные функции. Они обладают очевидным текстообразующим потенциалом, являются одним из средств поддержки связности текста, создают определенный эмотивный фон и передают экспрессивную оценку сообщаемой информации. Позволим себе

сделать вывод о нетривиальной языковой природе модификаций в медиатексте, т. к. эти краткие и содержательно емкие компоненты заголовков, на наш взгляд, могут рассматриваться и как средство языковой экономии. Модифицированный фразеологизм позиционно закреплен обычно в конце заголовка. Стилистически нейтральное начало заголовка предваряет фразеологическую часть, содержащую экспрессивную оценку.

Модификации всех типов являют собой сосюрковский феномен уровня речи («la parole») и предоставляют богатый материал для исследования прагматического потенциала фразеологических ресурсов немецкого языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Augenblick mal! [Электронный ресурс] // Spiegel. 23.10.2013. URL: www.spiegel.de/einstages/augenblick-mal-mantelausverkauf-in-kopenhagen-a-951265.html (дата обращения: 01.03.2014).
- Französischen Café erzieht Gäste: Wer sparen will, muss freundlich sein [Электронный ресурс] // Spiegel. 12.12.2012. URL: www.spiegel.de/reise/europa/erziehung-durch-preisnachlass-cafe-in-nizza-gibt-hoeflichen-gaesten-rabatt-a-938702.html (дата обращения: 01.03.2014).
- Jung-Akademiker im Glück: Ich studiere, also bin ich erfolgreich [Электронный ресурс] // Spiegel. 24.07.2013. URL: www.spiegel.de/unispiegel/jobundberuf/studie-zu-jung-akademikern-studium-ist-die-beste-jobgarantie-a-912787.html (дата обращения: 01.03.2014).

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008. 270 с.
- Батурова Н. И. Место окказионального фразеологизма во фразеологической системе языка и его роль в контексте [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Труды МГТА: электронный журнал». URL: www.e-magazine.meli.ru%2FVipusk_22%2F313_v22_Baturova.doc&ei=2aWYUpfLB8GK4AS24ICoBg&usg=AFQjCNGOjjVKH366mOzJ1q6TokmHHfUgmg&bvm=bv.57155469,d.bGE&cad=rjt (дата обращения 23.12.2014).
- Панкратова С. М. О реализации языковых единиц в контексте // Проблемы семантической структуры и функционирования лексических единиц. Иваново: Изд-во Ивановского ун-та, 1982. С. 112–117.
- Панкратова С. М. Текстовые функции семантико-синтаксических связей фразеологических единиц // Вопросы функциональной грамматики немецкого языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 105–110.
- Панкратова С. М. Трансформации фразеологических единиц как стилистическое средство // Задепонировано ИНИОН. № 38913. С. 198–207.
- Щербань Н. П. Об одном из средств контекстуальных преобразований фразеологизмов // Языкознание. 1975. № 4. С. 41–45.
- Balsliemke P. “Der Kunde ist König!” Zur Verwendung der Phraseologismen in der Anzeigenwerbung // Wörter in Bildern – Bilder in Wörtern. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem westfälischen Arbeitskreis / Hrsg. R. S. Baur, C. Chlossta, E. Piiranen. Baltmannsweiler: Schneiderverlag Hohengehren, 1999. S. 19–46.

- Burger H. Funktionen von Phraseologismen in den Massenmedien // Aktuelle Probleme der Phraseologie / Eds. H. Burger, R. Zett. Bern; Frankfurt a.M.; New York; Paris, 1987. S. 20–28.
- Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Grundlagen der Germanistik – 36. 4., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 239 S.
- Dobrovol'skij D. Zur Dialektik des Begriffs der textbildenden Potenzen von Phraseologismen // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1980. S. 697–701.
- Elspaß St. Phraseologie in der politischen Rede: Untersuchungen zur Verwendung von Phraseologismen, phraseologischen Modifikationen und Verstößen gegen die phraseologische Norm in ausgewählten Bundestagsdebatten. Wiesbaden: Opladen, 1998. S. 223–224.
- Filatkina N. Pragmatische Beschreibungsansätze // Phraseologie: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, R. Norrick. Berlin; New York: de Gruyter, 2007. 1. Bd. S.144–148.
- Greciano G. Idiom und Text // Deutsche Sprache. 1987. 196 S.
- Häcki Buhofer A. Spielräume des Sprachverstehens. Psycholinguistische Zugänge zum individuellen Umgang mit Phraseologismen // Wortverbindungen – mehr oder weniger fest / Hrsg. K. Steyer. Berlin; New York: de Gruyter, 2004. S. 144–164.
- Koller W. Redensarten: Linguistische Aspekte, Vorkommensanalysen, Sprachspiel. Tübingen: Niemeyer, 1977. 69 S.
- Leuninger H. Reden ist Schweigen, Silber ist Gold. Gesammelte Versprecher. 6. Aufl. Zürich: Ammann, 1993. 174 S.
- Nöth W. Der Zusammenhang von Text und Bild // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S. F. Sager. 1. Halbbd. Berlin, New York: de Gruyter, 2000. S. 489–496.
- Pankratowa S. M. Die Valenz somatischer Phraseologismen und ihre Bedeutung für den Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache. Leipzig, 1983, H. 5. S. 277–282.
- Ptashnyk St. Phraseologische Modifikationen und ihre Funktionen im Text: Eine Studie am Beispiel der deutschsprachigen Presse. Shtuttgart: Schneider Verlag, 2009. 24 Bd. S. 43–125.
- Sabban A. Textbildende Potenzen von Phrasemen // Phraseologie: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, R. Norrick. 1. Halbbd. Berlin, New York: de Gruyter. 2007. 1. Bd. S. 237–249.
- Sandig B. Stilistische Funktionen verbaler Idiome am Beispiel von Zeitungsglossen und anderen Verwendungen / Hrsg. G. Grèciano. Strasbourg, 1989. S. 375–391.
- Sandig B. Textstilistik des Deutschen. 2., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2006. 584 S.
- Wotjak B. Verbale Phraseolexeme in System und Text. Tübingen: Niemeyer, 1992. 202 S.

REFERENCES

- Alefirenko N.F. *Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradigm: monografija* [Phraseology In Modern Linguistic Paradigms: Monograph]. Moscow, ELPIS Publ., 2008, 270 s.
- Baturova N.I. *Mesto okkazional'nogo frazeologizma vo frazeologicheskoi sisteme iazyka i ego rol' v kontekste* [The occasional phraseological phraseological system of language and its role in the context]. Elektronnoe nauchnoe izdanie «Trudy MGTA: ele-

- ktronnyi zhurnal». Available at: [www.e-magazine.meli.ru%2FVipusk_22%2F313_v22_Baturova.doc&ei=2aWYUpfLB8GK4AS241CoBg&usg=AFQjCNGOjjVKH366mOz\]Iq6TokmHHfUgmg&bvm=bv.57155469,d.bGE&cad=rjt](http://www.e-magazine.meli.ru%2FVipusk_22%2F313_v22_Baturova.doc&ei=2aWYUpfLB8GK4AS241CoBg&usg=AFQjCNGOjjVKH366mOz]Iq6TokmHHfUgmg&bvm=bv.57155469,d.bGE&cad=rjt). (accessed 23.12.2014).
- Pankratova S.M. *O realizacii jazykovyh edinic v kontekste* [About the Realization of the Lexemes in the Context]. *Problemy semanticheskoy struktury i funkcionirovaniya leksicheskikh edinic* [Aspects of Semantic Structure and Functioning Of Lexemes]. Ivanovo, Ivanovo Univ. Publ., 1982, s. 112–117.
- Pankratova S.M. *Tekstovye funkcii semantiko-sintaksicheskikh svyazey frazeologicheskikh edinic* [Text Functions of Set Phrases Semantic-Syntactical Connections]. *Voprosy funkcional'noj grammatiki nemeckogo jazyka* [Aspects of German Functional Grammar]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1986, s. 105–110.
- Pankratova S.M. *Transformacii frazeologicheskikh edinic kak stilisticheskoe sredstvo* [Transformations of Set Phrases as Stylistic Tool]. *Zadeponirovano INION*, Nr. 38913, s. 198–207.
- Shherban' N.P. *Ob odnom iz sredstv kontekstual'nyh preobrazovaniy frazeologizmov* [About One Method for Contextual Modification of Set Phrases]. *Jazykoznanie*, 1975, № 4, s. 41–45.
- Balsliemke P. *“Der Kunde ist König!” Zur Verwendung der Phraseologismen in der Anzeigenwerbung* [The Client ist a King! About the Application of Set Phrases in the Advertising]. *Wörter in Bildern — Bilder in Wörtern. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis* [Words in Images and Images in Words], R.S. Baur, C. Chlosta, E. Piirinen (Hrsg.) [R.S. Baur, C. Chlosta, E. Piirinen (eds.)]. Baltmannsweiler, Schneiderverlag Hohengehren, 1999, S. 19–46.
- Burger H. *Funktionen von Phraseologismen in den Massenmedien* [Functions of Set Phrases in the Media], Burger H., Zett R. (eds.). *Aktuelle Probleme der Phraseologie* [Actual Aspects of Phraseology]. Bern; Frankfurt a.M.; New York; Paris, 1987, S. 20–28.
- Burger H. *Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen* [Phraseology: An Introduction for German] *Grundlagen der Germanistik — 36. 4., neu bearbeitete Auflage*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2010, 239 S.
- Dobrovol'skij D. *Zur Dialektik des Begriffs der textbildenden Potenzen von Phraseologismen* [On the Dialectics of the Notion of Text-forming Powers of Idioms]. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* [Journal of Phonetics, Linguistics and Communication Research], 1980, S. 697–701.
- Elspaß St. *Phraseologie in der politischen Rede: Untersuchungen zur Verwendung von Phraseologismen, phraseologischen Modifikationen und Verstößen gegen die phraseologische Norm in ausgewählten Bundestagsdebatten* [Phraseology in Political Speech: Studies on the Use of Idioms, Phraseological Modifications and Violations of the Phraseological Standard in Selected Parliamentary Debates]. Wiesbaden, Opladen, 1998, S. 223–224.
- Filatkina N. *Pragmatische Beschreibungsansätze* [Pragmatic Description Approaches]. 2 Bd, eds. H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, R. Norrick. *Phraseologie: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*, 2007, 1. Bd. 132, S. 144–148.
- Greciano G. *Idiom und Text* [Idiom and Text]. *Deutsche Sprache* [German Language]. 1987, 196 S.
- Häcki Buhofer A. *Spielräume des Sprachverstehens. Psycholinguistische Zugänge zum individuellen Umgang mit Phraseologismen* [Travels in Speech Understanding. Psycholinguistic Approaches to the Individual Dealing with Idioms], K. Steyer (Hrsg.) [K. Steyer (ed.)]. *Wortverbindungen — mehr oder weniger fest* [Phrases — more or less fixed]. Berlin; New York, de Gruyter, 2004, S. 144–164.

- Koller W. *Redensarten: Linguistische Aspekte, Vorkommensanalysen, Sprachspiel* [Idioms: Linguistic Aspects, Occurrence Analyzes, Language Game]. Tübingen, Niemeyer, 1977, 69 S.
- Leuninger H. *Reden ist Schweigen, Silber ist Gold. Gesammelte Versprecher* [Talking is Silence, Silver is Gold. Accumulated Slip of the Tongue]. 6. Aufl. Zürich, Ammann., 1993, 174 S.
- Nöth, W. *Der Zusammenhang von Text und Bild* [The Relationship Between Text and Image], K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S.F. Sager (Hrsg.). Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbbd., Berlin, New York, de Gruyter, 2000, S. 489–496.
- Pankratowa S.M. Die Valenz somatischer Phraseologismen und ihre Bedeutung für den Fremdsprachenunterricht. *Deutsch als Fremdsprache*. Leipzig, 1983, H. 5, S. 277–282.
- Ptashnyk S. *Phraseologische Modifikationen und ihre Funktionen im Text: Eine Studie am Beispiel der deutschsprachigen Presse* [Phraseological Modifications and Their Functions in the Text: A Case Study of the German Press]. 24 Bd. Stuttgart, Schneider Verlag, 2009, S. 43–125.
- Sabban A. *Textbildende Potenzen von Phrasemen* [Text-forming Powers of Set Phrases]. H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, R. Norrick. *Phraseologie: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. 1. Halbbd. Berlin, New York, de Gruyter, 2007, 1. Bd, S. 237–249.
- Sandig B. *Stilistische Funktionen verbaler Idiome am Beispiel von Zeitungsglossen und anderen Verwendungen* [Stylistic Features of Verbal Idioms Using the Example of Newspaper Commentaries and Other Uses], G. Grèciano (Hrsg.) [ed. G. Grèciano]. Strasbourg, 1989, S. 375–391.
- Sandig B. *Textstilistik des Deutschen* [Text Stylistics of the German]. 2., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin; New York, de Gryter, 2006, 584 S.
- Wotjak B. *Verbale Phraseolexeme in System und Text* [Verbal Set Phrases in System and Text]. Tübingen, Niemeyer, 1992, 202 S.

Манёрова Кристина Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Kristina Manerova

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: martinus2003@mail.ru

И. Г. Милославский

Московский государственный университет

ЛЕКСИКОГРАФИЯ ДЛЯ ПРОДУКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ: СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ, АКТИВНЫЙ, ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ?

Ключевые слова: продуктивная речевая деятельность, различия между синонимами, лексика, фразеология, лакуны, языковая политика.

В статье обсуждается вопрос о лексикографическом источнике, способном обеспечить сознательную продуктивную речевую деятельность на русском языке. Отмечая ограниченную ценность для такой деятельности не только ортологических словарей, но и словаря синонимов, а также словаря антонимов, автор ставит вопрос об экспликации сочетаемости/несочетаемости языковых единиц, что актуально только для продуктивных речевых действий. Особо подчеркивается необходимость четкого определения конкретных семантических и коммуникативных различий в синонимических рядах, объединяющих не только лексические, но и фразеологические и даже словообразовательные возможности выражения четко обозначенных модификаций. Утверждается, что принятие позиции осмысленной комбинаторики базовых концептов с их возможными модификациями позволяет, в частности, обнаружить такие ниши, где необходимые номинации вовсе отсутствуют. Задача обогащения русского языка именно за счет заполнения подобных лагун представляется как важнейший аспект в деятельности соответствующих специалистов и всего российского общества, хотя наличие в настоящий момент необходимых предпосылок для такой целенаправленной работы автор оценивает скептически.

Igor Miloslavskiy

Moscow State University, Russia

LEXICOGRAPHY FOR SUCCESSFUL SPEECH PERFORMANCE: DICTIONARY OF SYNONYMS, ACTOVATOR DICTIONARY, THESAURUS?

Keywords: successful speech performance, distinction between synonyms, vocabulary, phraseology, lexical gaps, language policy.

The article focuses on a lexicographical source to use for successful speech performance in the Russian language. In this respect, orthological dictionaries, dictionaries of synonyms and antonyms seem not to be productive for successful speech performance. Thus, the article poses a question about explicit formulation of collocation/non-collocation principles for language units, which is relevant only for successful speech performance. It is of considerable importance to identify semantic and communicative distinctive features for synonyms, comprising lexical, phraseological and even word-formation means to express clearly-defined modifications. If we adopt an approach of meaningful collocation of basic concepts with their possible modifications, we can reveal some

nominative gaps. To enrich vocabulary by filling in these gaps appears to be a vital aspect for the specialists and society as a whole, although the author tends to express some doubts over sound bases for focused work in this respect.

1. Традиционные словари и справочники по русскому языку не очень заботились о своем конкретном адресате. Примером того могут быть словообразовательный словарь или словарь морфем, которые, будучи лишенными семантизации, оказываются полезными разве что при решении школьных учебных задач, заключающихся в морфном членении слов или подборе слов однокоренных. Оправданием существования таких источников служила мысль о необходимости всестороннего изучения русского языка ради самого языка.

Ощущение небезграничности времени, сил и средств несколько скорректировало эту глобальную и безадресную задачу, расчленив ее на обеспечение рецептивных речевых действий (чтение, аудирование) и на обеспечение продуктивных речевых действий (письмо, говорение). Справедливости ради отмечу, что, например, в толковых словарях содержится обычно некоторая информация, необходимая исключительно для продукции (образование некоторых форм слов, орфоэпические рекомендации).

Четко ориентированными на преодоление трудностей, возникающих именно в процессе продукции, выступают орфографические и орфоэпические словари, пунктуационные справочники и другие нормативные источники, в частности, адресованные работникам печати, радио и телевидения. Обращу внимание на то, что все эти очень полезные материалы дают говорящему (пишущему) ответы на вопросы, касающиеся формальной стороны уже избранного им языкового знака. Однако в действительности главные проблемы говорящего/пишущего состоят в самом выборе именно такого языкового знака, слова, фразеологизма, конструкции, который наилучшим образом выражает замысел и цель производителя речи, его отношение к адресату, учитывает условия общения.

2. Совершенно очевидно, что источником для такого первоначального выбора слова или фразеологизма не может являться толковый словарь, принципиально ориентированный на рецептивные виды речевой деятельности. Таким источником является словарь синонимов. Именно словарь синонимов должен «предоставить возможность выбора нужного слова <...>, когда есть сомнения и колебания в его употреблении или когда память не сразу подсказывает нужное слово», — пишет А. П. Евгеньева, автор предисловия к единственному на сегодняшний день ПОЛНОМУ словарю синонимов русского языка [Словарь синонимов русского языка, 1971. С. 8].

Этот словарь, как и другие словари синонимов русского языка, представляет синонимические ряды, состоящие из нескольких, обычно 3–7, слов, и содержит общий индекс слов с отсылками к соответствующему ряду, что позволяет «войти в словарь» с помощью любого слова, оцениваемого производителем речи на пригодность.

Не ставя под сомнение необходимость упомянутого индекса, не уверен в оптимальности принципа синонимических рядов, а также плодотворности дискуссии о возглавляющем ряд слове (фразеологизме), поскольку именно начальная буква этого слова упорядочивает последовательность внутри рядов. Как кажется, более соответствует задаче выбора не алфавитное расположение, но упорядочивание по семантическим группам (таксонам и подтаксонам) [Словарь-тезаурус современной русской идиоматики, 2007]. Привлечение в состав семантических групп так называемых аналогов, антонимов и даже дериватов, как это сделано в [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2004] и в более позднем [Перспектив активнаго словаря русского языка, 2010], но уже в качестве полноправных членов семантической группы, также способствовало бы эффективности той деятельности, о которой герои А. С. Пушкина и А. Н. Островского говорили «Ужели слово найдено?!»

Например, в зоне «некачественная работа» должны оказаться рядом *халтурить, натаскивать, плагиат, по верхам*, а также *на живую нитку, на скорую руку, с грехом пополам, тяп-ляп, спустя рукава, через пень-колоду, левой ногой, на коленке*. Очевидно, что желательное для пользователя расширение синонимического ряда до семантической группы неизбежно повлечет за собой изменение толкования, в котором, видимо, следует оставить только те внятные признаки, денотативные и стилистические, которые отличают одну единицу от другой. Так, например, ряд слов *бояться, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, дрейфить, робеть, трепетать, дрожать, трястись* можно пополнить, добавив фразеологические единицы (ФЕ) типа *пуганая ворона, отсиживаться в кустах, тварь дрожащая, труса праздновать, держаться за мамину юбку*, а также другие аналоги, конверсивы и дериваты (по Ю. Д. Апресяну). При этом представив признаки, различающие эти единицы, в ясной форме: «отрицательная оценка» — *трусить, дрожать, трястись, дрейфить*; «временно» — *пугаться, трусить, дрейфить*; «рациональность вместо эмоций» — *опасаться*; «в малой степени» — *робеть*; «в высокой степени» — *трепетать, дрожать, страшиться, демобилизоваться*; «в высокой степени» + «в конкретный момент» — *обескуражен, потерять самообладание, поджилки трясутся, душа ушла в пятки*; «слишком» и «без достаточных оснований» — *перестраховываться; пуганая ворона куста боится; обжегшись на молоке, дует на воду*. Или *забыть* в значении 'перестать заниматься чем-либо' может быть модифицировано по следующим условным параметрам: «нанести урон субъекту» — *запустить*, «на некоторое неясное время» — *забросить*, «навсегда» — стилистически сниженное *забыть на*, либо нейтральное соответствующее свободное словосочетание.

Короче говоря, я мечтаю о таком источнике, в котором навигатором среди слов и ФЕ некоторой семантической группы будут выступать те основные дифференциальные признаки, противопоставляющие эти единицы по различным номинативным и стилистическим признакам. В результате производитель речи найдет нужную ему еди-

ницу не путем простого перебора, но в соответствии с определенной установкой. В качестве одного из оснований осуществимости такой работы выступает соображение Ю. Д. Апресяна о том, что количество таких признаков в принципе конечно: «Значительная часть семантических признаков, по которым различаются элементы глагольных синонимических рядов <...> касаются действий, состояний и свойств субъектов (4 многочленных параметра. — И. М.), свойств и состояний объектов (2 многочленных параметра. — И. М.), свойств адресатов, инструментов, средств, мест, времен» (5 объектов для многочленных параметров. — И. М.) [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999. С. VI]. И далее эта же мысль проецируется на семантические ряды существительных, обозначающих природные объекты и артефакты, а также на синонимические ряды глаголов и существительных, обозначающих эмоции.

Полагая семантические группы слов и ФЕ, а также дифференциальные семантические признаки основными объектами, позволяющими производителю речи осуществить выбор номинации, следует быть готовым к тому, что некоторые слова и ФЕ одновременно попадут в несколько групп. Например, *робеть* попадет не только в группу *бояться*, но окажется и среди *стесняться*, *конфузиться*, *смущаться*, а *забить на* попадет не только в группу *забыть*, но и *поставить крест на*, *отказаться*, *отринуть* и т. п. При обсуждении характера правой части синонимического словаря, видимо, не следует забывать соображения А. П. Евгеньевой: «Описание смысловых оттенков не ставит задачи дать полное истолкование значения данного слова, это задача *толкового* (здесь и далее в цитате выделено мною. — И. М.) словаря. Задача синонимического словаря заключается в указании смысловых различий между синонимами, поэтому характеристика значений здесь по содержанию и *форме* значительно отличается от тех полных толкований значений, которые даются в толковых словарях» [Словарь синонимов русского языка, 1971. С. 18].

3. Особый предмет внимания в связи с синонимией — это сочетаемость. Это не только проблемы нормативной правильности, но прежде всего вопросы возможностей и запретов, семантических и лексических, на соположение лексических единиц. Весьма обстоятельно вопросы сочетаемости исследовались в Толково-комбинаторном словаре современного русского языка (1984). Однако, имея в виду конкретного адресата словаря, нельзя не задать вопрос, на какой вид речевой деятельности ориентирован этот замечательный и для своего времени, и на сегодняшний день источник. *Толковый* — означает «направленный на рецепцию». *Комбинаторный* означает «направленный на продукцию». В самом деле, в процессе рецепции вопрос о комбинаторике, т. е. сочетаемости, практически почти никогда не возникает. Зато он является ключевым в процессе обеспечения активной речевой деятельности, в первую очередь, тех, для кого русский язык неродной. Именно на эту группу «пользователей» и был ориентирован Учебный словарь сочетаемости слов русского языка (1978).

Поэтому даже в мечтах необходимо уточнить, ориентирован ли вожделенный источник, обеспечивающий продуктивные речевые действия, на русскоговорящего или на того, для кого русский — неродной. В нашем случае я бы согласился иметь в виду русскоговорящего со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно проблем сочетаемости, в частности. Хочу, однако, заметить, что обсуждаемый вопрос не решен и в двуязычной лексикографии, где, например, иноязычно-русский словарь представляет разную ценность для русскоговорящего и для инофона. Разумеется, первый сумеет распорядиться правой частью такого словаря гораздо эффективнее, используя русский эквивалент с учетом собственного уровня общего владения русским языком, который всегда заведомо ниже у того, для кого русский язык — неродной. Однако мне, по крайней мере, неизвестны факты создания двуязычных словарей, специально ориентированных либо на одного, либо на другого производителя речи.

4. Словарь, ориентированный четко и ясно на обеспечение продуктивных речевых действий, мог бы представлять собою не только прагматическую ценность. Он мог бы явным образом показать то состояние, в котором находится живой русский язык в начале XXI в. Я имею в виду следующие аспекты.

Выявление тех зон, которые перегружены именованиями, и тех, которые бедны именованиями. Так, кажется, что зона, покрываемая словами *собачиться, враждовать, воевать, ругаться, конфликт, склока, скандал, распря*, а также относительно новым *тёрки* и т. п., гораздо богаче наполнена именованиями, чем, например, зона, относящаяся к мирному преодолению конфликта (*уговорить, согласиться, уступить*, ср. новое *договороспособный*). Обращу внимание на наличие в последней зоне единиц с отрицательной оценкой: *соглашатель, беспринципный, двурушник* (вопреки этимологии!), *и нашим и вашим* и т. д. Причем в отличие, например, от слов типа *карьерера, амбиции, успех*, в которых в последние десятилетия «отрицательность» пошла на убыль [Левонтина, 2011, Новиков, 2012], ничего подобного в группе «преодоление конфликта», как кажется, не происходит. С другой стороны, как показывает изучение разговорной речи, наряду с нейтральными обозначениями свойств людей, их поведения, привычек и т. п., появилось и активно употребляется множество слов грубых, вульгарных, оскорбительных, создающих длинные ряды абсолютных синонимов низкого стиля [Химик, 2004].

Выявление отсутствующих конкретных слов (или ФЕ) для обозначения семантически оправданных комбинаций смыслов (см. выше, п. 2) способно обнаружить в русском языке весьма желательные номинации, которых в нем, однако, нет. Например, отсутствие в группе слов со значением 'лишение жизни' на фоне обозначения самых разнообразных способов такого лишения (*повесить, утопить, задушить, колесовать* и т. п.) обозначения с модификацией 'по закону'. Или отсутствие в группе слов со значением 'осуждать' модификатора со значением 'не предпринимая реальных действий' («только на словах»).

Отсутствие словного именованя для комбинации «предосудительное поведение» + «в условиях громкого словесного обличения» предлагалось заполнить словом *васькизм*, апеллирующим к басне И. А. Крылова «Кот и повар». Слово не прижилось, хотя его авторами почти одновременно были и академик Л. И. Абалкин, и поэт Е. А. Евтушенко, и писатель Б. И. Есин.

Объективное выявление тех участков и ниш, где русский язык (как, впрочем, часто и другие языки) обнаруживает слабость, представляется мне исключительно полезным для будущего русского языка и представляет, на мой взгляд, самое важное поле деятельности, в частности, для журналистов, пишущих о русском языке.

5. Итак, я мечтаю о словаре, который представил бы богатство нашего великого и могучего языка не в алфавитном порядке, а в такой форме, которая помогала бы этим языком активно пользоваться. Однако, трезво оценивая действительность, надеюсь на осуществление своей мечты в лучшем случае в среднесрочной перспективе. В настоящем нет запроса на сознательное соотнесение слов, произносимых и пишущихся, слышимых и читаемых, с той реальностью, которая за ними стоит. А весьма часто вовсе не стоит, и обмен словесными произведениями превращается либо в ритуал, либо в стеб и хохмачество [Милославский, 2013]. Власть это обстоятельство ничуть не беспокоит. Многочисленные советы и фонды, ассоциации и объединения, связанные с русским языком, занимаются проблемами РКИ и русского языка в диаспорах, что похвально, и не хотят даже помыслить о проблемах **качества** русского языка в самой России. А здесь эти проблемы в лучшем случае сводятся к *звОнит — звонИт, класть — ложить* или родовой принадлежности слова *кофе*.

Нет запроса на совершенствование русского языка и сознательное владение им не только в ортологическом аспекте и снизу. Почти все задания частей А и Б в ЕГЭ по русскому языку не имеют никакого отношения к тому аспекту части С, который требует умения не только соблюсти орфографические и пунктуационные нормы, но умения создать текст, в соответствии с целями и жанром выбирая наиболее подходящие слова и синтаксические конструкции, вуалируя одно и подчеркивая другое, акцентируя оценку или стремясь к абсолютной объективности. Об уровне культуры владения русскими одноязычными словарями в нашем обществе красноречиво говорит следующий факт. Большинство родителей, озабоченных успехами и неудачами своих чад в школьном изучении русского языка, на вопрос о том, какие словари нужны их детям, отвечали готовностью приобрести словарь В. И. Даля. А значительная часть учителей-словесников не могла ответить на вопрос, для какого вида речевой деятельности полезен словарь антонимов.

Разумеется, наше профессиональное сообщество несет свою долю ответственности за те представления о русском языке, которые царят у нас в стране внизу и наверху. Однако наша слабость не только в том. Почти век тому назад Л. В. Щерба говорил о необходимости

иметь грамматики двух типов, пассивную и активную. И если с первой дело обстоит для русского языка более или менее благополучно, то вторая остается лишь на уровне первых подходов [Милославский, 1987, 2002; Норман, 2011] или просто подменена бесчисленными публикациями в рамках так называемых функционально-семантических исследований, вовсе не ставящих на первое место интересы производителя речи.

Разумеется, словарь, о котором мечтаю, невозможно, а в наше время и не нужно, делать вручную. Необходимы так называемые информационные технологии (ИТ). Однако наше профессиональное сообщество часто понимает под этим лишь сам факт обращения к корпусу русского языка. Ничуть не сомневаясь в ценности такого корпуса, даже при известных его недостатках, полагаю, что обсуждаемая мною задача, как, впрочем, и многие другие, упирается все не в недостаток материала, обычно восполняемый корпусом. Дело в создании соответствующих программ, которые могли бы осуществлять необходимые классификации и объединение конкретного материала, координируя как отдельные части обсуждаемого словаря, так и толковый словарь русского языка (например: [Караулов, 2001]).

* * *

В заключение осмелюсь, несколько огрубляя дело, сказать, что наше вчера — это более или менее сознательное и глубокое обеспечение рецептивных речевых действий, а наше завтра — это обеспечение действий продуктивных. Главным героем, адресатом и целью исследований должен стать человек не только читающий и слушающий, но пишущий и говорящий. Он объективно нуждается в четких конкретных инструкциях, которые представляют собой в снятом виде соответствующие наши научные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Денисов П. Н., Морковкин В. В. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1978. 688 с.
- Жолковский А. К., Мельчук И. А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1984. 992 с.
- Караулов Ю. Н. Словарь языка Достоевского. Вып. 1 / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. 596 с.
- Левонтина И. Б. Русский со словарем. М.: Азбуковник, 2011. 335 с.
- Милославский И. Г. Говорим правильно по форме или по смыслу. М.: АСТ, 2013. 320 с.
- Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1987. 287 с.
- Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика. М.: Ступени; Инфра-М, 2002. 160 с.
- Новиков В. И. Словарь модных слов. М.: АСТ, 2012. 256 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. 2-е изд., испр. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Язык славянских культур, 1999. 552 с.

- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Язык славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
- Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. От замысла к высказыванию. М.: Librokom, 2011. 230 с.
- Перспект активного словаря русского языка / под ред. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2010. 784 с.
- Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 1. Л.: Наука, 1971. 680 с.
- Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 2. Л.: Наука, 1971. 856 с.
- Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий. Аванта+, 2007. 1135 с.
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

REFERENCES

- Denisov P.N., Morkovkin V.V. *Uchebnyj slovar' sochetaemosti slov russkogo jazyka* [Training dictionary of combination of words in Russian]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1978, 688 s.
- Zholkovskij A.K., Mel'chuk U.A. *Tolkovo-kombinatornyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory-combinative dictionary of Russian]. Wien, Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1984, 992 s.
- Karaulov Ju.N. *Slovar' jazyka Dostojevskogo* [Dictionary of Dostojevskij's works], vyp. 1 [vol. 1], main editor Ju.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, 596 s.
- Levontina J.B. *Russkij so slovarjom* [Russian with a dictionary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011, 335 s.
- Miloslavskij I.G. *Govorim pravil'no po forme ili po smyslu* [Let us speak correctly by form or by meaning]. Moscow, AST Publ., 2013, 320 c.
- Miloslavskij I.G. *Kratkaja praktičeskaja grammatika russkogo jazyka* [Short practical Russian grammar]. Moscow, Russkiy jazyk Publ., 1987, 287 s.
- Miloslavskij I.G. *Kul'tura reči i russkaja grammatika* [Cultural speech and grammar of Russian] Moscow, Stupeni Publ.; Infra-M Publ., 2002, 160 s.
- Novikov V.I. *Slovar' modnykh slov* [Dictionary of fashionable words]. Moscow, AST Publ., 2012, 356 s.
- Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New explanatory dictionary of Russian Synonyms], volume 1, edition 2, corrected, by supervision of academician Yu.D. Apres'jan. Moscow, Jazyki slavyanskih kultur Publ., 1999, 552 s.
- Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New explanatory dictionary of Russian Synonyms], pod obshhim rukovodstvom akademika Yu.D. Apres'jana [under general supervision of academician Yu.D. Apres'jan]. Moscow; Wien, Jazyki slavyanskih kultur Publ., 2004, 1488 s.
- Norman B.Ju. *Grammatika govor'jashhego* [Speaker's grammar]. Moscow, Librokom Publ., 2011, 230 s.
- Prospect aktivnogo slovar'a russkogo jazyka* [Prospectus of active Russian dictionary], pod redakcij'ej akademika Yu.D. Apres'jana [ed. by academician Yu.D. Apres'jan]. Moscow, Jazyki slavyanskih kultur Publ., 2010, 784 s.
- Slovar' sinonimov russkogo jazyka* [Dictionary of Russian synonyms], v dvukh tomakh [in two volumes], gl. red. A.P. Jevgen'jeva [main ed. A.P. Jevgen'jeva]. Т. 1 [Vol. 1]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 680 s.

Slovar' sinonimov russkogo jazyka [Dictionary of Russian synonyms], v dvukh tomakh [in 2 vol.], gl. red. A.P. Jevgen'jeva [main ed. A.P. Jevgen'jeva]. T. 2 [Vol. 2]. Lenin-grad, Nauka Publ., 1971, 856 s.

Slovar' — tezaurus sovremennoj russkoj idiomatiki [Dictionary — thesaurus of modern Russian idiomatic expressions], ed. by A.N. Baranov and D.O. Dorovol'skij. Moscow, Mir entsiklopedij-Avanta+ Publ., 2007, 1135 s.

Khimik V.V. *Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj expressivnoj rechi* [Big dictionary of colloquial expressive Russian]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2004, 768 s.

Игорь Григорьевич Милославский

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой сопоставительного изучения языков
Московский государственный университет

Igor Miloslavskiy

Doctor of Philology, Professor
Moscow State University, Russia

E-mail: igormil@hotmail.com

*Антоанета Стоянова Михайлова,
Калинка Вълчева Минкова*

Юго-западный университет им. Неофита Рильского, Благоевград, Болгария

БОЛГАРИЯ ПЕРИОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДВУХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЬНИЦ

Ключевые слова: Болгария, период общественно-политических перемен, немецкоязычная литература, Ангелика Шробсдорф, Сибиле Левичаров.

Две писательницы с болгарскими корнями, но разного социального происхождения, проживавшие в Болгарии в разное время и в разных условиях, возвращаются обратно в страну своего детства, чтобы своими глазами увидеть перемены, наступившие после падения «тоталитарного коммунистического режима». По воспоминаниям о прошлом, по историям родных и знакомых, с помощью рассказов третьих лиц (случайных, незнакомых людей) они представляют, показывают Болгарию периода общественно-политических перемен: страну нового времени и новых надежд; Болгарию новых партий и безработицы; Болгарию недостатка и бедности. Имидж маленькой страны за рубежом не соответствует реальной жизни ее населения. Ошибочно созданный имидж не находит подтверждения в реальной жизни.

Статья прослеживает отражение жизни обыкновенного человека в Болгарии последней четверти XX в. в романах Сибиле Левичаров «Apostolov» и Ангелики Шробсдорф «Grandhotel Bulgaria». Наша цель: показать литературную рефлексию о приобретениях и потерях страны, вступившей на путь демократического развития в надежде на перемены и приобщение к нормальному образу жизни по европейскому образцу.

*Antoaneta Mikhailova,
Kalinka Minkova*

South-West University "Neofit Rilski", Bulgaria

BULGARIA OF THE PERIOD OF SOCIAL-POLITICAL CHANGES AS REFLECTED IN THE WORKS BY TWO GERMAN WRITERS

Keywords: Bulgaria, period of social-political changes, German literature, Angelika Schrobsdorff, Sibylle Lewitscharoff.

Two writers, both originally from Bulgaria, yet with different social background, living in Bulgaria in different times and conditions, return to the country of their childhood to see with their own eyes what changes were introduced by the collapse of "totalitarian communist regime". Based on their relatives and friends' recollections and stories, accounts of third persons (occasional strangers) they unfold the story of Bulgaria of the period of social-political changes: a country of a new time

and new hopes; Bulgaria of new parties and unemployment; Bulgaria of deprivation and poverty. The image of a small country fails to conform to the life its inhabitants lead. False image does not comply with the real life.

The article traces changes in life of ordinary Bulgarian people in the last quarter of the XX century as reflected in the novel *Apostolov* by Sibylle Lewitscharoff and novel *Grandhotel Bulgaria* Angelika Schrobsdorff. The article aims at showing reflection in literature on gains and losses the country is experiencing on its way to the democracy with the hope for changes to adopt an adequate lifestyle conforming to standards of European countries.

Годами общественно-политических перемен в Болгарии принято называть время после падения коммунистического режима, т. е. с начала 90-х гг. XX в. Падение Берлинской стены спровоцировало само по себе подобные действия во всех бывших социалистических странах в Европе. Такая долгожданная и в то же время неожиданная «свобода» привела к непредвиденным последствиям, которых не ожидали ни политики, ни оппозиция, ни даже ждущие каких-либо перемен обыкновенные граждане. Архитекторы реформ были удивлены неожиданными событиями и впали в ступор.

В Болгарии и сегодня продолжается период бесконечной трансформации. К сожалению, кроме долгожданной свободы слова, свободного выбора местожительства, и места работы, кроме свободного передвижения и т. д., перемены принесли с собой и многочисленные отрицательные явления, которые все еще не могут быть преодолены. Вот как выглядят некоторые из более важных:

- безработица. По последним статистическим данным наиболее пострадали молодые люди в возрасте до 30 лет. Некоторые из них вообще не могут найти работу после окончания среднего и даже высшего образования. Важным условием становится наличие практического опыта, владение иностранными языками, компьютерные навыки, способность работать в коллективе, а также способность принимать на себя ответственность, креативность и инициативность. Все эти незнакомые старому поколению предварительные условия для поступления на работу сегодня являются огромным препятствием и на пути молодых людей, начинающих свою трудовую карьеру;
- коррупция. Это фактор, без которого, наверное, ни одно государство не может функционировать. Она, однако, внезапно развилась в невероятно больших масштабах, охватила много сторон общественной и политической жизни страны и создала чувство безнаказанности и ощущение отсутствия правил и законности;
- произвол монополий. Долгожданная приватизация привела в кратчайшие сроки к разорению кооперативных хозяйств, государственных фабрик и заводов и создала вместо них частные предприятия, которые погнались исключительно за быстрыми деньгами. Часть из них превратились в монополистов на рынке труда и сегодня диктуют условия большинству трудящихся, у которых из-за отсутствия перспективы возникает чувство безнадежности и отчаяния,

из-за чего увеличивается число самоубийств. Отсутствие какой-либо надежды на перемены, о которых мечтали и которые искали годами, породило абсолютную апатию в широких слоях населения. Некоторые, более активные, нашли свой путь, уехав из страны за рубеж. Остальные или изображают патриотов, или на самом деле являются таковыми: высоко поднимают национальное знамя, не перестают считать себя оптимистами, не перестают верить в идеалы своих родителей. Процветают и националистические группировки;

- экономическая эмиграция. Многим пришлось покинуть родину по экономическим причинам. Ограниченный рынок труда и невозможность обеспечить жизнь семьи вынудили многих родителей вместе с детьми уехать из страны в Западную Европу или в США. Сегодня больше одного миллиона болгар, искавших лучшей доли, разбросано по всему земному шару. К сожалению, не существует статистики о том, какое количество этих людей и в каких сферах общественной жизни смогли реализовать себя;
- увеличилось расслоение общества. Появилась пропасть между богатыми и бедными, уменьшился процент богатых людей и увеличился процент бедных граждан. Не редки случаи, когда бывшие ученые, архитекторы, инженеры или члены их семей роются на помойках в поисках хлеба, в поисках съедобного, чтобы хоть как-то прокормиться;
- не без помощи людей, входивших в прежние власти, развернулась преступность, которая становится все более организованной и все более безнаказанной. Она все более расширяется, находит своих главарей, организует группы, которые прогивостоят одна другой в борьбе за влияние и власть — иногда это борьба в буквальном смысле слова, с оружием в руках, посреди бела дня на центральной улице города;
- тотальный обвал банковской системы в 1996 г. из-за задолженности коммунистических правительств;
- глубочайшая перемена в ценностной системе, как результат усилий средств массовой информации, стремящихся внедрить модель поведения, отрицающую традиционные идеалы демократического общества.

Перемену в Болгарии не смогли направить в правильное русло. Она продолжает разливаться как река по своим бесконечным, постоянно изменяющимся правилам и создает чувство утраты перспектив, сменившее первоначальную эйфорию, вызванную падением коммунистического режима. Щедрый, честный, гостеприимный, доброжелательный и интеллигентный, хотя и немного подозрительный вследствие долголетней лжи строителей социализма, болгарин развил такие качества, как лень, негативизм, недоверие; чувство безнадежности не покидает его.

Большая часть этих явлений описаны в произведениях двух немецкоязычных писательниц, которые по-разному связаны с Болгарией.

Тема двух романов, рассматриваемая в настоящей статье: возвращение в Болгарию.

Для Ангелики Шробсдорф это возвращение, с одной стороны, является радостным ожиданием новой встречи со страной своей молодости, в которой она прожила в тяжелые годы Второй мировой войны. Альтернативой жизни в Болгарии мог быть страшный концентрационный лагерь, где она, ребенок из еврейской семьи, наверное, нашла бы свою смерть, как это произошло с ее бабушкой в лагере Терезиенштадт. Ее возвращение связано, с другой стороны, с беспокойством за семью племянника и племянницы, за семьи своих одноклассниц и подруг, которым все труднее справляться с новой, неожиданно сложной ситуацией, которых не оставляет ощущение страха перед завтрашним днем.

В 1939 г. двенадцатилетняя Ангелика Шробсдорф вместе с матерью и сестрой эмигрирует в Болгарию, чтобы спастись от преследования евреев гитлеровским режимом. В болгарской столице и в ее окрестностях проходят следующие восемь лет жизни молодой девушки, в бегстве от войны и Холокоста. После войны в 1947 г. Ангелика Шробсдорф возвращается в Германию. В последующие годы она ездит по Европе и по миру, переезжает из Германии во Францию, оттуда в Израиль, а в 2006 г., возвращается в Берлин.

В одном из своих интервью писательница говорит, что она чувствует себя «дома там, где свобода и одиночество незаметно переливаются из одного в другое» [Нусек, 2007].

Лота Груен выражает свою симпатию к Ангелике Шробсдорф следующими словами:

Sie vereint in sich eben jene Eigenschaften, aus Menschenverdruss und Mitgefühl, Weltliebe und Pessimismus, Ironie und Ernsthaftigkeit, Aufmerksamkeit und Reflektion, die ich bei Künstlern und Intellektuellen sehr schätze und von denen es leider immer zu wenig gibt [Gruen, 2010]. (Она объединяет в себе именно те качества, как мизантропию и чувство сопричастности, любовь ко всему миру и пессимизм, иронию и серьезность, внимание и размышление, которые я высоко ценю у людей искусства и у интеллектуалов, и которых, к сожалению, всегда слишком мало.)

Другие читательницы буквально «проглатывают» все ее творчество и ищут встречи с ней, чтобы самим сделать выводы:

Sie ist wie sie schreibt: unbarmherzig und gnadenlos — auch sich selbst gegenüber! Sie hat viel erlebt und ist am Leben verbittert [Tresse-Wildenhain, 2010]. (Она такая, как и пишет: беспощадная, безжалостная — даже по отношению к себе! Она многое пережила и переполнена горечью от жизни.)

Среди книг Ангелики Шробсдорф бестселлером стала «Ты не такая как другие мамы», разошедшаяся тиражом более полумиллиона экземпляров и использованная в качестве основы для фильма с Катериной Риман в главной роли. Поклонники Ангелики Шробсдорф постоянно восхищаются ее талантом и ожидают ее новые книги. В 2007 г. Союз

гражданок Германии выбирает Ангелику Шробсдорф Женщиной года. Жюри мотивирует свой выбор словами:

Wir ehren Frau Angelika Schrobsdorff für ihr schriftstellerisches Gesamtwerk, in dem sie den Zeitgeist verschiedener Abschnitte der jüngeren Geschichte lebensnah gradlinig darstellt und uns damit und besonders mit ihrem Buch »Du bist nicht so wie andre Mütter« zeitgeschichtliche Dokumentationen und eine tiefgreifende, berührende Beschreibung ihrer Familiengeschichte und ihres persönlichen Lebensweges präsentiert [http://www.dtv.de/autoren/angelika_schrobsdorff_215.html]. (Мы почитаем госпожу Ангелику Шробсдорф за все ее литературное творчество, в котором она живо реалистически и прямолинейно представляет дух времени на разных отрезках современной истории и, таким образом, особенно в своей книге «Ты не такая как другие мамы», представляет нам современный исторический документ и проникновенное, трогательное описание своей семейной истории и своего личного жизненного пути.)

История семьи Ангелики Шробсдорф — центральная тема в ее произведениях. По ней можно проследить всю драматическую историю Германии во время Второй мировой войны и после нее. На своей временной родине, в Болгарии, Ангелика Шробсдорф проводит восемь лет — может быть, лучшие годы в жизни человека: школьные годы и годы юности. Сравнительно безопасная для этнических евреев, Болгария принимает Ангелику, ее маму и ее сестру, но наносит им обиду, называя их «немцами» и «фашистами». Ее сестра Бетина находит силы и смелость остаться и создать семью, жить и растить детей на своей новой родине, Ангелика же, почти сразу после окончания войны, уезжает из Болгарии. Она до сих пор не нашла себе идеального места, оставшись навсегда без родины, без корней. Дружелюбные, сердечные, доброжелательные болгары из ее детства остаются в ее памяти, в неразрывной связи с травмой от пережитого в эмиграции.

И когда в начале декабря 1996 г. в Иерусалиме у Ангелики Шробсдорф раздается телефонный звонок от племянницы с просьбой о помощи, она импульсивно покупает билет, садится в самолет и прилетает в холодную болгарскую столицу — в Софию, чтобы увидеть своими глазами то, чем обернулась так и не сбывшаяся мечта всего болгарского народа. Этой литературной рамкой оформлено начало биографического романа «Грандотель „Болгария“. Возвращение в прошлое». Разговоры со старыми и новыми друзьями, увиденное на софийских и пловдивских улицах составляют основное содержание книги, написанной почти как дневник.

Ситуацию в Болгарии племянница Ангелики описывает одним словом: «провал». Сюда следует отнести хаос, нищету, безденежье, холод, голод, безработицу, коррупцию, преступность, безнадёжность, страх перед неизвестностью завтрашнего дня, агонию целого народа. Страна, обреченная на смерть (ein moribundes Land — с. 17). Шансов на выживание не много. Сопровождающий писательницу водитель, ее давнишний знакомый и друг, на плохом немецком с чувством юмора,

заявляет: «Wer überlebt diese Winter, wird es bereuen» («Кто переживет эту зиму, будет жалеть», с. 31).

Ангелика Шробсдорф, однако, видит общую картину таким образом.

Вопреки трудностям и опасностям, назло нищете, несмотря на почти постоянный голод пенсионеров, несмотря на невозможность купить подарок ребенку на Рождество, болгары умеют ценить дружбу и любовь, умеют веселиться, особенно по праздникам, потому что в их философии заложено правило, что «в этом беспокойном мире нет ничего важнее прочной взаимосвязи и поддержки» (с. 71). В стране, где экономика не функционирует, потому что люди уже не хотят работать, особенно в сельском хозяйстве (с. 68), а процветают только пункты обмена валюты (с. 29), в стране, где во время воскресной прогулки собаки выглядят счастливее, чем дети (с. 205 — «Hunde und Kinder waren auf den Straßen, die Hunde fröhlicher als die Kinder»), где социальные институты не работают (с. 52), где люди пьют, чтобы забыться (с. 270), где лучше не думать, чтобы не сойти с ума (с. 189, 209), где никто не видит луча света в конце тоннеля (с. 194), где люди думают о себе, как о последних среди последних (с. 189) и живут как в ужасающих картинах Оруэлла (с. 53), все-таки существует какая-то надежда, упование на новосформированный Союз демократических сил и надежда на то, что вернется царь и возьмет в свои руки функции руководителя народа (с. 179). Ностальгия о прошлом, о времени до начала социализма, кажется, охватила всех людей, с которыми Ангелика Шробсдорф встречается и разговаривает. Это заставляет ее сделать вывод, что, в сущности, буржуазия старого времени, у которой коммунисты забрали частную собственность, является движущей силой на демонстрациях и движущей силой перемен в стране.

In anderen Worten: Was sich hier in beeindruckender Zahl durch die Straße wälzte, war das bulgarische Bürgertum, das man enteignet und vierzig Jahre unterdrückt und gedemütigt hatte. <...> Die untere Bevölkerungsschicht, die nie Besitz gehabt, unter dem Kommunismus nicht gelitten und keine Ansprüche auf Rückerstattung hatte, sah keinen Grund, sich an der Demonstration zu beteiligen. Ganz zu schweigen von den Ärmsten der Armen, die ihre Not mehr den Demokraten als den Kommunisten zuschrieben. So war es im Grunde eine Revolution der Bourgeoisie, die für ihre persönlichen materiellen und ideellen Ziele auf die Barrikade ging (с. 186). (Иначе говоря, поток, катившийся впечатляющей массой по улице, был болгарской буржуазией, у которой когда-то отобрали собственность и которую сорок лет подавляли и унижали. <...> Низшие слои населения, никогда ничего не имевшие, не пострадали от коммунистического режима и не имеют никаких претензий чтобы им что-то вернули обратно, не видели никакой причины для участия в демонстрации. Не говоря уже о самых бедных, которые приписывали свои беды и невзгоды демократам, а не коммунистам. Так что в своей основе это была революция буржуазии, которая шла на баррикады из-за своих личных материальных и идеальных целей.)

Почему, в сущности, богатая тетя с Запада сразу же отзывается на зов о помощи, пришедший из бедной Болгарии? Что смогла бы сделать она для голодных и мерзнущих, для бездомных и утративших веру? В течение некоторого времени она ищет дом для престарелых или детский дом, которому она могла бы подарить определенную сумму денег или купить для них вещи на эту сумму. И в то же время у нее в голове крутится мысль, что коррумпированные чиновники заберут большую часть денег и что нуждающиеся опять будут страдать. Писательнице ясно, что усилия одной иностранки, хотя и по-своему, давно, а может быть навсегда неразрывно связанной с Болгарией, не могут ничего сделать в неясной обстановке отчаяния, безутешности, муки и страданий. Но своей книгой Ангелика Шробсдорф ищет способ пробудить западное общество, рассказав о нуждах людей в Восточной Европе в так называемые годы общественно-политических перемен, годы демократии. Недостаточно сказать: убираем тоталитарный коммунистический режим и заменяем его демократическим. Недостаточно просто дать людям право на свободное передвижение и на свободу слова. Нужно убедить этих людей, что за демократию надо бороться и для демократии надо работать. Демократию надо выстрадать, чтобы подготовить следующее поколение для нее. Ангелика Шробсдорф протестует и обвиняет. Картины ограбленной Болгарии 90-х гг. XX в. резко контрастируют с воспоминаниями ее молодости, с воспоминаниями о друзьях и соседях, которые поддерживали друг друга в самые тяжелые минуты. Нищета обманутого народа — вот что волнует писательницу и читателей.

Название, которое Ангелика Шробсдорф выбрала для своего романа («Гранд-отель „Болгария“») — это большая удачная метафора о состоянии Болгарии во времена трансформации. Еще со времен социализма этот отель возвышается в центре Софии, и предназначен для обеспеченных иностранцев, в основном из капиталистической заграницы. Все в этом отеле было на мировом уровне, все, что было связано с обслуживанием иностранных гостей: встреча и прощание на иностранном языке, сверкающие полы, двери, изысканная еда и напитки — все, о чем только можно мечтать.

В этом отеле Ангелика Шробсдорф бывала и прежде, во время предыдущего своего посещения Болгарии (см. роман «Die Reise nach Sofia» — «Путешествие в Софию»). От сверкающего отеля теперь почти ничего не осталось. Но из окон можно было видеть множество людей, собравшихся перед болгарским парламентом.

Вся Болгария превратилась в отель, в котором можно остановиться на день-два, не обращая внимания на неподходящие условия для жизни, зная, что это время пройдет и снова можно будет вернуться к обычному житейскому распорядку дня — но не здесь, а где-нибудь в другом месте, где жизнь не такая трудная, где нет голода и нищеты, где можешь почувствовать себя человеком. Потому что

Das Hotel Bulgaria ist an die *Multi Group* verkauft worden. Es bleibt wohl ein Hotel, aber es wird umgebaut, renoviert und ganz neu ausgestattet. Es wird nicht mehr das Hotel Bulgaria sein, unser schönes Hotel Bulgaria, das

schönste Hotel Sofias (с. 273). (Отель «Болгария» продали компании *Multi Group*. Он, скорее всего, останется отелем, но будет реконструирован, отремонтирован и заново оборудован. Он уже не будет прежним отелем «Болгария», нашим прекрасным отелем «Болгария», самым лучшим в Софии.)

Это написанная по непосредственным впечатлениям книга о никому не известной Болгарии. Кто интересуется тем, что случилось в одной маленькой балканской стране, которая не представляет интереса для великих сил? О Болгарии не пишут, о ней не сообщают в новостях, потому что здесь не случается ничего сенсационного. Может, кое-кто и слышал о дешевых курортах на Черном море, слышал рассказы о конокрадах в прошлом и о современных автомобильных ворах. Болгария — забытый кусочек земли, в котором все еще кто-то пытается жить, потому что этот кусочек земли завещан ему предками, и он пытается его сохранить для своих детей, вопреки неокрепшей демократии, назло трудностям и лишениям.

Что знала Ангелика Шробсдорф о последних событиях в Болгарии до того, как услышала голос племянницы по телефону? Знала о перебоях в электроснабжении, о пустых прилавках в магазинах, о том, что люди стоят в больших очередях за хлебом, что цены многократно превышают дневной заработок рабочего (с. 10).

По приезде в Софию, самое сильное впечатление на нее производят люди на улице.

Ich sah mir die Leute auf der Straße an. Sie machten keinen gefährlichen Eindruck, waren ärmlich und farblos gekleidet, hatten müde Gesichter und einen abwesenden Blick, der erkennen ließ, daß sie in keine angenehmen Gedanken verstrickt waren. Kein Mensch lachte, keiner schien einem Ziel entgegenzugehen, auf das er sich freute. An einer Haltestelle wartete ein nasses, frierendes Menschenknäuel auf den Bus. Kinder fehlten im Straßenbild, Jugendliche scheinbar auch, jedenfalls stachen sie nicht durch lebhaftes Kleidungsstück und fröhliches Verhalten aus der Menge hervor (с. 30). (Я наблюдала за людьми на улицах. Не создавалось впечатления, что они опасны; они были одеты бедно и бесцветно, на их усталых лицах был отсутствующий взгляд, который давал понять, что мысли их не совсем приятны. Никто не смеялся, никто не выглядел так, как будто стремится к какой-то цели, которая его обрадует. На одной остановке клубок мокрых, мерзнувших людей ожидал автобуса. Бросалось в глаза отсутствие детей на улицах и, кажется, молодежи тоже, во всяком случае они не выделялись в толпе яркой одеждой и жизнерадостным поведением.)

Часть этой грустной картины писательница списывает на плохую пасмурную погоду. Она полагает, что когда будет солнце, люди улыбнутся жизни. Наблюдая и переживая, вспоминая и направляя взгляд вперед, Шробсдорф обобщает:

Gegenwart und Vergangenheit, die sich in Angst und Schrecken, Entbehrungen und Not berührten, waren bald nicht mehr zu trennen gewesen, und aus mir, der Beobachterin, war eine Beteiligte geworden, die zwischen

dem Jetzt und Damals hin- und herpendelnd keine Versuche mehr machte, das angestrebte Ziel zu erreichen. Diese Erkenntnis, die mich anfangs belastet hatte, wurde jetzt zur Erlösung. Der Beobachterin hatte sich Bulgarien verweigert, der Beteiligten hatte es sich geöffnet. Bulgarien wollte nicht erfaßt, sondern umarmt werden. Bulgarien war keine Statistik, sondern eine menschliche Geschichte, die Jahrzehnte des Glücks und des Unglücks, Generationen von Verzweifelten und Hoffenden umfaßte, eine Geschichte, in der dieser Winter am Rande des Abgrunds nur eine kleine Etappe war (с. 225 сл.). (Настоящее и прошлое, соприкасающиеся друг с другом в страхе и в ужасе, в лишениях и в бедах, скоро уже были неразделимы, а я, наблюдательница, превратилась в участницу, колеблющуюся между старым и новым, и уже не пыталась достичь цели, к которой стремилась. Это понимание, которое в начале легло на меня как бремя, сейчас превратилось в спасение. Болгария отказывалась принять наблюдательницу, но раскрылась перед участницей. Болгария не хотела быть понятой, а просто обнятой. Болгария не статистика, а человеческая история, которая охватывает десятилетия счастья и несчастья, поколения обездоленных и надеющихся людей, это история, в которой минувшая зима на краю пропасти была всего лишь коротким этапом.)

Описывая хозяйственную разруху страны, Ангелика Шробсдорф сохраняет теплое чувство заботы и уважения к ее прошлому. О ней можно сказать одно — нигде и никогда она не позволяет себе ругать болгар, болгарское общество и болгарское государство. Наоборот — везде чувствуется любовь к стране детства и молодости, к людям, которые умеют веселиться, которые принимают гостя как друга, несмотря на то, что ты незнакомец. Пластично и живо Ангелика Шробсдорф представляет свое путешествие через «славное прошлое, мрачное настоящее и обремененное болью будущее Болгарии» [Rezzori, 2007].

Несколькими годами позднее в своем романе «Апостолов» ту же самую действительность описывает Сибиле Левичаров.

Злость, обида, издевательство, недоброжелательная, точнее сказать — уничтожающая критика, в сущности, самое настоящее сведение счетов с Болгарией и с болгарами заложены в основу романа, все это направлено против ее чужого и чужестранного, сентиментального и эмоционально неустойчивого отца, образ которого она хочет стереть, вырвать с корнем вместе с его маленькой, ничтожной и тоже столь же ужасной родиной — Болгарией. За свой роман «Апостолов» Сибиле Левичаров получает Награду книгоиздателей на Лейпцигской ярмарке в 2009 г.

Darin erzählt die Autorin von einem Exil-Bulgaren, der sich, wie Levitscharoffs eigener Vater, als Arzt in Stuttgart das Leben genommen hatte, als die Tochter, im Roman Ich-Erzählerin, gerade neun Jahre alt war. Nun überführt sie zusammen mit ihrer Schwester die exhumierten Überreste des Toten nach Bulgarien, das sich als erbärmliches, verheertes Land darstellt [Preis der Leipziger Buchmesse]. (В нем писательница рассказывает о бол-

гарине-иммигранте, который, как и отец Левичаровой, покончил жизнь самоубийством в Штутгарте, где работал врачом, в то время, когда дочке, выступающей в романе как рассказчица, от лица которой ведется повествование, было всего девять лет. Сейчас она вместе со своей сестрой сопровождает эксгумированные останки покойного в Болгарию, которая представлена как несчастная, опустошенная страна.)

В 2013 г. Сибиле Левичаров получает самую престижную для немецкой литературы награду «Георг Бюхнер».

Ihre Texte, so die Büchner-Jury <...>, vertiefen und erweitern die genaue Wahrnehmung der deutschen Gegenwart in Bereiche des Satirischen, Legendenhaften und Phantastischen. Philosophische und religiöse Grundfragen der Existenz entfaltet die Schriftstellerin in einer subtilen Auseinandersetzung mit großen literarischen Traditionen und mit erfrischend unfeierlichem Spielwitz [Dotzauer, 2013]. (Ее тексты, по мнению жюри премии Бюхнера, «углубляют и расширяют точное восприятие немецкой действительности средствами сатирического, мифического и фантастического. Писательница раскрывает, разворачивает основные философские и религиозные вопросы бытия в тонком соотношении с большими литературными традициями, сопровождая все освежающе неторжественной игровой находчивостью.)

Это, наверное, справедливо в отношении большей части творчества Сибиле Левичаров, но не относится к роману «Апостолов», вышедшему в свет в 2009 г.

«Апостолов» представляет собой, по сути, жестокое сведение счетов и итог всей жизни рассказчицы, он пропитан отчуждением, мизантропией и одиночеством. Действие романа развивается предположительно в наши дни, но не связано точными датами, вероятнее всего, в последние годы перемен в Болгарии. Формально, центр фабулы — перезахоронение. Богатый болгарский иммигрант Табаков решил собрать прах двадцати кремнированных болгарских эмигрантов, с которыми он был знаком в Штутгарте, и захоронить их согласно православной традиции в Софии. Он приглашает всех их родственников участвовать в этих необычных похоронах, обеспечивает роскошный транспорт (11 лимузинов), через всю Европу до Болгарии, оплачивает отели по дороге, договаривается со священниками, выбирает кладбище, заказывает надгробные камни и оплачивает все остальные расходы. Как дальше видно из текста, часть родственников, в том числе рассказчица, получают серьезные суммы, чтобы принять участие в этом событии. Мотивы Табакова тоже небескорыстны. В Болгарии близкие имеют в своем распоряжении несколько свободных дней, чтобы побывать у родных или поездить по стране. (В романе содержатся многочисленные автобиографические ссылки на жизнь писательницы, которые по многим критериям совпадают с жизнью рассказчицы: то же место рождения, происхождение и профессия родителей, связи с родней в Болгарии и многое другое.) Эта странная история стала для рассказ-

чицы поводом для того, чтобы вместе со своей сестрой путешествовать по Болгарии на машине близкого закомого семьи, чья фамилия стала названием романа.

Уже на первых двух страницах выделяются два основных тематических центра романа — отец и Болгария.

Ein Vater, der ein Ende macht, bevor er die ganze Familie zermürbt, ist eher zu loben als zu verdammen (с. 7). (Отец, который кончает с собой, чтобы не изнурить, не измотать всю семью, заслуживает скорее похвалы, чем проклятья.)

И на следующей странице:

Als uns ergebener Nervösling fährt er durch sein verzweifelter Land, das bei Nacht noch viel verzweifelter ist (с. 8). (Как верный нам комок нервов, он ведет нас через свою отчаявшуюся страну, которая ночью выглядит еще отчаяннее.)

Эти две темы пронизывают весь роман, все события, лица или факты, связанные с ними. В романе нет нейтральных событий, картин природы или даже беглых замечаний, которые рассказчица многочисленными и разнообразными способами не связала бы со своим отношением к Болгарии как к родине своего отца или с отцом, останки которого она приехала сопроводить. Роман похож на калейдоскоп, состоит из отдельных зарисовок, иногда разбросанных и несвязанных, часто разнородных по художественному значению (что, однако, не раздражает!), которые читатель должен собрать и внимательно расставить на правильные места, чтобы получить законченную картину. И если кусочки, посвященные отцу, пестрые, впечатления варьируют, несмотря на то, что преобладает гнев и пренебрежение, то моменты, посвященные Болгарии — почти однородные, с одинаковым негативным предубеждением, наполненные отвращением и пренебрежением, полным отрицанием. Рожденная в Германии в 1954 г., Левичаров заявляет в одном интервью, что «Болгария — это самоуничтожение» («Bulgarien, das ist die Selbstzerstörung») [Lewitscharoff, 2009 а].

Чувства рассказчицы в обеих сюжетных темах — это прежде всего старый скрытый гнев, смешанный с амбивалентной любовью-ненавистью к отцу, которые, направленные к его родине, трансформируются в уничижительную и бескомпромиссную критичность, основанную, к сожалению, в большинстве случаев и на объективно существующих обстоятельствах и явлениях. Наряду с этим в романе имеются и многочисленные примеры необъективности, предвзятого отношения. Они выражаются в сознательной недооценке и насмешке над историей Болгарии — от самой ранней до современной (над фракийцами и Орфеем, над Ботевым, над победой царя Калояна над крестоносцами, над памятниками героям в войне за Освобождение Болгарии, над самими героями Освобождения). Часть своей враждебности автор объясняет принципиальным несогласием с определенными действиями

(«Burgbesichtigungen zählen nicht zu unseren liebsten Beschäftigungen» (с. 41) — «Осмотр крепостей не является моим любимым занятием»), с атеизмом или привередливостью. В процессе повествования Левицаров показывает глубокие знания в области истории Болгарии от ее возникновения и вплоть до первого десятилетия XXI в. Она знакома как с периодом болгарских ханов, князей и царей, так и с периодом болгарского Возрождения, значение которого она тоже ставит под вопрос. Вероятно, чтобы быть убедительней в своей критике, рассказчица вспоминает на первых пяти страницах романа три периода болгарской истории, начиная от фракийцев и заканчивая периодом социализма, который она помечает выражением «металлургический завод „Кремиковци” — дитя болгаро-советской дружбы» (с. 9). В то же время она проявляет удивительную информированность о концентрационных лагерях во времена социализма и отмечает, что там были загублены и немногочисленные оставшиеся инакомыслящие, что как раз и является отчасти причиной того, что люди в Болгарии такие глупые и плохие.

[Rumänen] waren nicht samt uns sondern solche sowjetischen Kriechlinge, wie die Bulgaren es waren. Die wenigen, die es nicht waren, hat man im Steinbruch von Lowetsch oder im Lager Belene erledigt (с. 14). ([румыны] не были советскими подлизями, как болгары. С теми немногими, которые ими не были, было покончено в карьерах возле Ловеча или в лагере Белене.)

По отношению к масштабам, продолжительности и результатам освободительных действий или восстаний болгарского народа во времена турецкого ига или в новейшей истории, писательница считает, что:

Wild sind die Bulgaren in ihrer Phantasie. Jahrhundertlang wollen sie wilder gekämpft haben als alle Balkanvölker zusammen. <...>

Es fehlen: die deutsche Wehrmacht und die SS.

Es fehlt: die russische Armee.

Es fehlt: die Zerstörung des Landes, der Städte und der Dörfer durch das Sowjetsystem. (с. 134) (Фантазия болгар особенно дика. Они твердят, что на протяжении столетий они боролись более ожесточенно за свою свободу, чем все остальные балканские народы, вместе взятые <...>

Отсутствуют: немецкий вермахт и СС.

Отсутствует: русская армия.

Отсутствует: разрушение страны, городов и сел советской системой.)

В отношении смерти царя Бориса III она тоже делает общий вывод:

Wie so häufig bauen die Bulgaren auf einem Detail eine riesige Theorie auf, in diesem Fall eine verzwickte Mordtheorie... (с. 86) (Как часто бывает, и тут болгары выстроили на основе одной незначительной подробности гигантскую теорию, в данном случае — бесконечно запутанную теорию об убийстве [своего царя]...)

Наряду с комментариями об исторических личностях и событиях, Левичаров делает обобщения об умственном развитии и природе болгар, которые поверхностны, обидны и несерьезны.

Wir besannen uns auf die bulgarische Neigung, Gerüchten Glauben zu schenken — todsicheren Wettsystemen, Diätwundern, Verschwörungen, Ufos, astrologischen Abrakadabra — und solches Zeug mit steifem Zeigefinger und hochgeschürzten Augenbrauen zu verbreiten (с. 96). (Я вспомнила, что болгары склонны верить слухам — в абсолютно выигрышные системы лотереи, в чудодейственные диеты, в заговоры, в НЛЮ, в астрологический бред — и распространять их с поднятым указательным пальцем и высоко поднятыми бровями.)

Говоря о культуре Болгарии, Левичаров доходит до полного отрицания дела Кирилла и Мефодия, славы известных болгарских исполнителей, народной культуры (высказывает пренебрежительное мнение о болгарской бытовой керамике), современных болгарских нравов и архитектуры.

Obwohl ich mich vorgenommen hatte, Veliko Tarnovo übel zu finden, ist es nicht so übel wie gedacht. In Kurven und Kehren geht es den Hügel hinauf, und ja, das hat was, zumindest bei Nacht, wenn die Verkommenheit in ein gnädiges Ungefähr zurückweicht (с. 39 сл.). (Несмотря на то, что я перед этим и решила выразить свое неодобрение к Велико Тырново, на самом деле этот город не так уж и отвратителен, как я думала. По кривым и запутанным улицам поднимаемся на холм — и вот, в этом что-т. е., по крайней мере ночью, когда разруха отступает в милостивую приближительность.)

В нескольких местах в романе писательница уточняет, что многие архитектурные несуразницы имеют свое объяснение в периоде социализма.

Die üblichen verwehrten Kästen mit schiefgerosteten Balkonen, <...> mit Röhren, die als krumme Haken von den Wänden wegragen. <...> Schönheit? Wozu? Die kommunistische Amtsmaschine nimmt alle Menschen gleichermaßen für blindes Geziefer (с. 117). (Обычные обшарпанные панельные дома с кривыми балконами, <...> с трубами, которые торчат из стен, как кривые крюки. <...> Эстетика? Кого это интересует? Машина коммунистической бюрократии считает всех людей, без исключения, слепыми тварями.)

Левичаров подчеркивает эту позицию и в цитированном выше интервью в газете «Тагесшпигель». Глубочайшее возмущение и отвращение источают строки романа, посвященные памятнику «1300 лет Болгарии» под городом Шуменом. Рассказчица с трудом находит подходящие слова, доходит до того, что сравнивает этот памятник с гигантскими произведениями любимого скульптора Гитлера — Арно Брекета. По мнению автора, Болгарии нужны радикальные перемены, такие, чтобы начать свой путь с нуля.

Только в отношении архитектуры можно найти несколько положительных отзывов рассказчицы. В частности, яркими красками отражено пережитое в женском монастыре в Арбанаси:

<...> ein Wundergehäus ist das, kein Kunstraum. Niemals, nicht im besten Museum der Welt, können Ikonen, und seien sie noch so gut, solche Wirkung haben wie hier. Ikonen sind gesellig, aneinandergeklammert wollen sie von den wichtigen Stationen der Testamente erzählen, flankiert von lokalen Heiligen, die beim Zeigen helfen, Pergamente entrollen und Schutz versprechen (с. 63 сл.). (<...> чудотворные покои, а не выставочный зал. Нигде и никогда, даже в лучших мировых музеях, иконы — даже если они и не хуже этих — не воздействуют так, как местные. Иконы общительные, вцепившиеся одна в другую, они хотят представить важные моменты из Ветхого и Нового завета в сопровождении местных святых, которые помогают показывать, разворачивают пергаменты и обещают защиту.)

Но тут же следует карикатурное описание старинной иконы архангела Михаила, которого Левичаров сравнивает с богатым иммигрантом Табаковым.

Восторженные строки посвящены красивым старинным домам в Старом Пловдиве. Эти дома типичны для архитектуры болгарского Возрождения. Перед этим, однако, писательница в присутствии ей нигилистическом стиле клеймит черноморское побережье и называет Черное море «абсолютно невзрачным, и даже скучным» (с. 196).

Не обойдены вниманием болгарский образ жизни, внешний вид, стиль одежды (*Zierliche Mädchen schlendern vorüber, manche hübsch, alle erbärmlich angezogen* (с. 129) — Грациозные девушки прогуливаются мимо нас, некоторые из них хорошенькие, все — ужасно одеты), а также гигиена и болгарская национальная кухня, и тоже в уничижительном и безжалостном стиле, хотя вкус — это явление во многом субъективное.

Wir rücken wieder aus, laufen über marodes Pflaster, vorbei an überquellenden Mülltonnen, auf der hoffnungslosen Suche nach einem Wirtshaus, das mit weniger schlechtem Öl brät als üblich. <...> Es schmeckt alles abscheulich, salzlos, gewürzlos, verölt (с. 32, 34). (Снова выходим, идем по разбитому тротуару, мимо переполненных мусорных баков в безнадежном поиске какого-нибудь ресторана, в котором готовили бы на не таком плохом масле, как здесь принято готовить. <...> Здесь все отвратительно на вкус — недосолено, без специй, утоплено в масле.)

Кульминацией образа Болгарии в глазах писательницы становится следующее обобщение:

Denkt euch hoch hinauf, sehr hoch, wo eure Augen nicht hinreichend, genügend weit weg vom Elend des Landes, wo Bulgarien nicht mehr nach Bulgarien riecht, wo nichts mehr an den nassen Fuchsmief erinnert, gemixt mit dem Stank von WC-Steinen und billigen Rasierwassern... (с. 126) (Представьте себе, что вы высоко, очень высоко, куда не достягает ваш взгляд,

достаточно далеко от нищеты в стране, где Болгария уже не пахнет Болгарией, где ничего уже не напоминает о сырой вони, перемешанной с запахом туалета и дешевого одеколona...)

Прежде чем сделать попытку найти объяснение, почему Сибиле Левичаров так относится к Болгарии, мы не можем не отметить хорошую информированность и обширные познания автора в области болгарской истории. Создается впечатление, что автор, в данном случае немецкоговорящая писательница, проявляет подчеркнутый интерес к Сталину. Несколько коротких абзацев, посвященных его личности, дают основание считать, что Левичаров имеет представление о его роли тирана в мировой истории, не уступающего Гитлеру, а также и о миллионах уничтоженных и разбитых жизнью. Рассказчица взяла в дорогу книгу о Сталине «Коба Грозный».

Verzweifelte Lichter einzelner Lampen in der stockdunklen bulgarischen Nacht, die früher mit den langen Nächten Stalins zusammengeflossen war, in denen Stalins ebenbildliche Häsher und Folterer an die Türen geklopft hatten (с. 87 сл.). (Отчаянный, безнадежный свет редких фонарей, в непроглядной болгарской ночи, слившихся когда-то с длинными сталинскими ночами, в которые сталиноподобные агенты и инквизиторы стучали в двери домов.)

В другом месте встречаем обычное карикатурное изображение обоих диктаторов:

Was, wenn es hüben und drüben zum Tausch der Schnurrbärte gekommen wäre, Mütterchen Hitler über Rußland geherrscht hätte, Väterchen Stalin über ganz Deutschland — pfui Teufel, ich gluckste vor Lachen... (с. 81) (Что бы случилось, если бы эти усы поменялись местами, так, что мамочка Гитлер правил бы Россией, а папочка Сталин — всей Германией? Черт поberi, я просто икакю от смеха...)

Между развенчанием болгарской истории и всего болгарского и критикой социалистического управления (с абзацами, посвященными Тодору Живкову, а особенно Людмиле Живковой), Левичаров обращает особое внимание на переход к демократии с типичными фигурами бандитов и нуворишей. Огромный дом одного из них изумляет обеих сестер и Апостолова — в нем нет ни одной книги, но имеется оригинальное произведение Энди Уорхола.

Следует отметить и ее отношение к титульной фигуре, чьим именем названо и само произведение — к Апостолову, который добровольно взялся за роль гида и выполнял все желания гостей. Этот обыкновенный, но хорошо информированный и воспитанный мужчина, идеалист по убеждению и умеренный патриот, тоже становится объектом ее пренебрежительного отношения и вызывающего поведения.

По словам рассказчицы, Болгария — разоренная, грязная страна, со страшными домами и без истории. Народ в Болгарии — бедный, несчастный, плохо одевающийся, склонный к выдумкам, наивно верящий в сверхъестественное, ленивый, невоспитанный, не умеющий вкусно

готовить и т. д. Причину она видит отчасти в социализме, но больше всего в самом народе. Не существует такой страны, которая бы имела все эти качества одновременно, и при том только эти качества, если, конечно, не быть ослепленным ненавистью. И вот здесь появляется вопрос: откуда эта ненависть к стране, которая на самом деле является исторической родиной и для рассказчицы, и для писательницы? И хотя нам этого не хочется, но если мы углубимся в теорию Фрейда и в его описания комплексов, то единственное объяснение обнаружится само собой. Первопричина скрыта в красивом, сентиментальном и безответственном самоубийце — в отце-болгарине. Его противоречивая, очаровательная и ранимая личность оставила после себя чувства гнева и неудовлетворенности, подозрительности и враждебности, отрицания всех и вся (потому что только так можно не дать другим тебя обидеть и бросить). Рассказчица критична и бескомпромиссна и к своему родному городу, и к детям своей сестры, и к своей матери. Испорченное детство привело к этому генеральному отчуждению и к враждебности, которыми пропитан весь роман. А Апостолов не имеет ничего общего с этим. Болгария тоже.

Мы представили взгляды двух, связанных с Болгарией, пишущих на немецком языке авторов, которые показывают одну и ту же страну в почти одно и то же время, но с абсолютно противоположным отношением и убеждением. Интересно, что они показывают почти одинаковые, близкие обстоятельства, быт, культуру и людей. Может показаться странным, что Ангелика Шробсдорф, которую Болгария просто приютила, испытывает большую благодарность и симпатию к стране и к людям. Еще более странно то, что полуболгарка, каковой является Сибиле Левичаров, может написать такую, лишенную всякой теплоты по отношению к Болгарии и к болгарам книгу, преднамеренно обижаящую и дискредитирующую их. Сформулированная в заголовке тема не позволяет нам углубиться в образ отца — первопричину этого отношения, но все равно — мы думаем, что нет такой цены, которая оправдала бы очернение целой страны. Добротно написанный роман только усиливает тяжесть вынесенного приговора.

ЛИТЕРАТУРА

- Angelika Schrobsdorff [Электронный ресурс]. URL: http://www.dtv.de/autoren/angelika_schrobsdorff_215.html (дата доступа 23.01.2014).
- Büchner-Preis — Wichtigste deutsche Literaturauszeichnung: Büchner-Preis für Sybille Lewitscharoff [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/sibylle-lewitscharoff-bekommt-den-georg-buechner-preis-2013-a-903618.html> (дата доступа 14.02.2014).
- Dotzauer G. Sibylle Lewitscharoff erhält den Georg-Büchner-Preis 2013 // Der Tagesspiegel. 04.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tagesspiegel.de/kultur/berliner-schriftstellerin-ausgezeichnet-sibylle-lewitscharoff-erhaelt-den-georg-buechner-preis-2013/8295982.html> (дата доступа 15. 02.2014).

- Gruen L. Angelika Schrobsdorf, die Katzen und ich [Электронный ресурс]. URL: <http://paduppel.wordpress.com/2010/06/04/angelika-schrobsdorff-die-katzen-und-ich/> 4.6.2010 (дата доступа 14.01.2014).
- Hueck C. Angelika Schrobsdorf. Bei mir ist Essig [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fronline.de/literatur/angelika-schrobsdorff-bei-mir-ist-essig-472266,3128944,item,1.html> 08.01.2008 (дата доступа 24.01.2014).
- Hueck C. Angelika Schrobsdorf. Einsamkeit war immer in mir [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juedische-allgemeine.de/article/view/id/4751> vom 20.12.2007 (дата доступа 24.01.2014).
- Lewitscharoff S. Apostoloff. Frankfurt a.Main: Suhrkamp, 2009.
- Lewitscharoff S. Bulgarien, das ist die Selbsterstörung // Der Tagesspiegel. 25.02.2009a. Preis der Leipziger Buchmesse [Электронный ресурс]. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Preis_der_Leipziger_Buchmesse (дата доступа 17.01.2014).
- Rezzori G., von. Damenhafte Launigkeit // Spiegel, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-7183709.html> (дата доступа 14.02.2014).
- Schrobsdorf A. Die Reise nach Sofia. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2008.
- Schrobsdorf A. Grandhotel Bulgaria. Heimkehr in die Vergangenheit. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2010.
- Tresse-Wildenhain R. Angelika Schrobsdorf, die Katzen und ich [Электронный ресурс]. Schreibt: 18. Oktober 2010 um 18:38 (дата доступа 15.02.2014). URL: <http://paduppel.wordpress.com>.

REFERENCES

- Angelika Schrobsdorff. Available at: http://www.dtv.de/autoren/angelika_schrobsdorff_215.html (accessed 23.01.2014).
- Büchner-Preis — Wichtigste deutsche Literaturauszeichnung: Büchner-Preis für Sybille Lewitscharoff [Büchner Prize — the most important German literature prize: Büchner Prize for Sybille Lewitscharoff]. Available at: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/sibylle-lewitscharoff-bekommt-den-georg-buechner-preis-2013-a-903618.html> (accessed 14.02.2014).
- Dotzauer G. Sibylle Lewitscharoff erhält den Georg-Büchner-Preis 2013 [Sybille Lewitscharoff awarded the Georg Büchner Prize 2013]. *Der Tagesspiegel*. 04.06.2013. Available at: <http://www.tagesspiegel.de/kultur/berliner-schriftstellerin-ausgezeichnet-sibylle-lewitscharoff-erhaelt-den-georg-buechner-preis-2013/8295982.html> (accessed 15. 02.2014).
- Gruen L. *Angelika Schrobsdorf, die Katzen und ich* [Angelika Schrobsdorf, the cats and I]. Available at: <http://paduppel.wordpress.com/2010/06/04/angelika-schrobsdorff-die-katzen-und-ich/> 4.6.2010 (accessed 14.01.2014).
- Hueck C. *Angelika Schrobsdorf. Bei mir ist Essig* [Angelika Schrobsdorf. With me is vinegar]. Available at: <http://www.fronline.de/literatur/angelika-schrobsdorff-bei-mir-ist-essig-472266,3128944,item,1.html> 08.01.2008 (accessed 24.01.2014).
- Hueck C. *Angelika Schrobsdorf. Einsamkeit war immer in mir* [Angelika Schrobsdorf. Loneliness has always been in me]. Available at: <http://www.juedische-allgemeine.de/article/view/id/4751> vom 20.12.2007 (accessed 24.01.2014).
- Lewitscharoff S. *Apostoloff*. Frankfurt a.Main, Suhrkamp, 2009.
- Lewitscharoff S. Bulgarien, das ist die Selbsterstörung [Bulgaria, which is the self-destruction]. *Der Tagesspiegel*. 25.02.2009a.
- Preis der Leipziger Buchmesse [Leipzig Book Fair Prize]. Available at: http://de.wikipedia.org/wiki/Preis_der_Leipziger_Buchmesse (accessed 17.01.2014).

Rezzori G., von. Damenhafte Launigkeit [Ladylike moodiness]. *Spiegel*, 2007. Available at: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-7183709.html> (accessed 14.02.2014).

Schrobsdorf A. *Die Reise nach Sofia* [The trip to Sofia]. München, Deutscher Taschenbuchverlag, 2008.

Schrobsdorf A. *Grandhotel Bulgaria* [Grand Hotel Bulgaria]. Heimkehr in die Vergangenheit. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2010.

Tresse-Wildenhain R. Angelika Schrobsdorf, die Katzen und ich. Schreibt: 18. Oktober 2010 um 18:38 (accessed 15. 02. 2014). Available at: <http://paduppel.wordpress.com>.

Антоанета Стоянова Михайлова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и романистики Юго-западный университет им. Неофита Рильского

Antoaneta Mikhailova

Candidate of Philology, Associate Professor
South-West University "Neofit Rilski", Bulgaria

E-mail: amihailovabg@yahoo.de

Калинка Вълчева Минкова,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и романистики Юго-западный университет им. Неофита Рильского

Kalinka Minkova

Candidate of Philology, Associate Professor
South-West University "Neofit Rilski", Bulgaria

E-mail: kalinaminkova@abv.bg

Л. П. Михайлова

Петрозаводский государственный университет

ЭКСТЕНЦИАЛЬНЫЕ И ИСКОННЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ¹

Ключевые слова: русские говоры, языковые контакты, диалектная лексика, формальное варьирование.

Анализируются лексические единицы экстенциального характера, появление которых обусловлено влиянием иноструктурных языков в зонах активных этнических контактов. Делается попытка выделить критерии разграничения экстенциальных и исконных фонетических диалектизм, учитывая формальный, семантический, ареальный и этноисторический аспекты.

В качестве примера избрана группа семантически однородных слов с исходной основой *рукотер(т)*-, обозначающих полотенце в разных русских диалектах. Анализируемые междиалектные варианты экстенциального происхождения позволяют определить путь изменений начала слова от исходного с р-анлаутом до варианта с отсутствующим первым слогом.

Наблюдается внутригрупповое варьирование разного характера:

- 1) мена звонких и глухих согласных, мена твердых и мягких согласных в позиции перед гласным звуком, что трудно объяснить исконными регулярными историческими процессами в русском языке;
- 2) мена звуков л' ~ j, гласных о ~ у, переход е > о, закономерно возникшие на русской почве. Делается попытка объяснить отмеченные явления результатом разнородных процессов исконного и экстенциального характера.

Lyubov Mikhailova

Petrozavodsk State University, Russia

EXTENTIONAL AND ORIGINAL PHONETIC DIALEKTISMS IN THE RUSSIAN DIALECTS

Keywords: russian dialects, language contacts, dialect vocabulary, formal variation.

The lexical units of the extencial nature are analyzed, whose appearance is due to the influence of the languages of the other structure in the areas of the active ethnic contacts. An attempt to select the criterions to distinguish between the extencial and original phonetic dialectisms is made, taking into account the formal, semantic, areal and ethnohistorical aspects.

As an example the group of semantically similar words with the original basis *рукотер(t)*- meaning a towel in the different Russian dialects is elected. This group includes, first, the words *рукотерник*,

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

rukoternik, rukotirnik, etc., in which the original regular phonetic phenomena are reflected, secondly, the modified units with the transformation of the beginning of a word (lukoternik, ukorternik, koternik), with the modifications of the consonants (rukodel'nik, ukotel'nik, ukot'orok, ukotorok). The analyzed interdialect variants of the extencial origin allow you to define the way of the changes of the word from a source with r-anlaut up to the version with the missing first syllable: ruk- > luk- > uk- > uk- > k-. The last option is supported by the following syllables of the original word rukoternik.

There is an intra-group variation of different nature:

- 1) an exchange of voiced and devoiced consonants, and an exchange of hard and soft consonants in the position before the vowel sound, it is difficult to explain such a phenomenon by the original regular historical processes in the Russian language;
- 2) an exchange of the sounds l' ~ j (rukotel'nik ~ rukotejnik), an exchange of the vowels o ~ u (kotel'nik ~ kutel'nik), a transition e > o (rukoternik ~ rukot'ornik), naturally occurring on the Russian soil. An attempt to explain the observed phenomena by the result of the heterogeneous processes of the origin and extencial nature is made.

Лексическая вариантность, модификация фонематического состава диалектного слова, непосредственно связанная с теорией тождества и различия слова, продолжает находиться в поле внимания многих исследователей [Филин, 1966; Блинова, 1973; Кузнецова, 1985; Богословская, 2006 и др.]. Среди ориентиров идентификации формального варианта слова признанными являются одинаковая семантика, «незначительность формальных различий, сохранение материальной общности корневой морфемы, наличие в составе колеблющихся форм слова иерархически старшей, эмической единицы — исходной формы слова» [Богословская, 2006. С. 11].

Переход формального варианта в самостоятельное слово связывается с наличием в диалектных системах регулярных и нерегулярных особенностей [Кузнецова, 1982. С. 3; Толкачева, 2012]. В говорах проходят разнородные процессы, вызванные как внутренними системными изменениями, так и внешними факторами. Источники внешнего воздействия также неоднородны: это влияние внутриязыковых систем — литературной или соседней диалектной, с одной стороны, и иноязычных — с другой. Превращение появившегося фонетического варианта в отдельное, самостоятельное слово часто связано «с фактами изменения материального облика слов, не поддающимися объяснению, если исходить из закономерностей говоров» [Кузнецова, 1982. С. 4]. Среди факторов, способствующих появлению вариантов диалектного слова, помимо устной формы словоупотребления, взаимодействия с литературным языком и интеграцией диалектов, отмечают «влияние на говор иноязычной стихии и вариантность заимствованного слова как результат его адаптации русским говором» [Блинова, 1972. С. 99; см. также: Сердюкова, 1977; Филин, 1982. С. 323]. При соприкосновении разных языков друг с другом «изменениям подвергается сама „заимствующая“ система, в ней появляются новые единицы, развиваются новые типы отношений между структурными элементами» [Баранникова, 1972. С. 90].

Вариантность не только субстратной и заимствованной, но и русской лексики в говорах Северо-Запада наглядно продемонстрирована в работах С. А. Мызникова при картографировании отдельных семантических групп [Мызников, 2003. С. 106, 148, 188].

Длительное сосуществование народов в новых условиях общения, при новой внешней детерминанте для каждого языка [Мельников, 2003. С. 74] приводит к возникновению общих языковых признаков, которыми ранее не обладала адаптирующаяся система, т. е. происходит обмен сильными (интенциональными) признаками передающей системы и превращение их в экстенциальные в принимающей системе. Каждый из контактирующих языков имеет «исходное» внутреннее состояние, характеризующее интенциями к изменению» [Мельников, 2003. С. 47]. Одновременно система того и другого языка, со своей особой структурой, действует как «причастное» внешнее состояние, содействующее превращению этих интенций в экстенции и, следовательно, протеканию этих изменений» [Мельников, 2003. С. 47].

При решении вопросов этимологии некоторых территориально ограниченных слов необходимо учитывать наличие в составе диалектной макросистемы лексических единиц экстенциального характера, т. е. слов и их вариантов, обладающих нерегулярными фонетическими признаками, появление которых обусловлено влиянием иноструктурных языков в зонах активных этнических контактов.

Экстенциальные лексические единицы существенно отличаются от исконных фонетических диалектизмов типа *шелóник*, *шелóнник*, *шелóйник* и *шелóдник*, *шнурóк* и *шнырóк*, *скородéл* и *скородил*, *земляни́ца* и *земяни́ца*, *досéльный* и *досéльный*, *горóд* и *огорóд* и др.

При определении экстенциального характера лексических единиц существенными являются такие факторы, как «1) отклонение от обычного фонемного состава слова в каком-либо звене; несистемный характер явления; 2) совпадение семантики сопоставляемых слов — полное или частичное; наличие общих ядерных сем в структуре значения слова при этимологическом отрыве; 3) обусловленность указанных фонетических аномалий явлениями, характеризующими соседнюю языковую систему, с которой длительно контактирует язык» [Михайлова, 2013. С. 6]. Контрастивные признаки систем — важнейший фактор в языковой интерференции.

В плане соотношения исконных и видоизмененных лексем интерес представляют слова, начинающиеся с сонорного звука р-. Изменение внешнего облика слова, начинающегося с сонорного р-, иногда весьма существенно. Отсутствие начального р- может быть объяснено такой особенностью звукового строя агглютинативных языков, оказывающих влияние на русский язык в контактных зонах, как противоположность использования сонантов в начале корня: «слог, начинающийся с согласного R, не может быть началом корня» [Мельников, 2003. С. 347]. Среди общих черт, характеризующих консонантную систему тюркских языков, исследователи отмечают следующие: «Обычны огра-

Исходные лексемы с основой *рукотер-* и их экстенциальные варианты

РУКОТЕР(НИК), РУКОТЁР(КА), (ОК)			
I	II	III	IV
1. Рукотельник Рукотельничек Рукотельница 1а. Рукотейник	1. Лукотёрник 1а. Лукотёрник 1б. Локутёрник	1. Укотёрник 1а. Укотёрник 1б. Укутёрник 1в. Окутёрник <hr/> Укотельник	1. Котёрник
2. Рукодельник	2. Лукотёрок	2. Окотёрок <hr/> 3. Укотóрок	2. Котельник 2а. Кутельник
3. [Раскутёрник]		4. Укотёрка	
		5. Укотёрт Укутерат	

Данная парадигма демонстрирует разные этапы преобразования внешнего облика слова. Условно можно выделить четыре группы слов с вариантами первого корня.

1. Слова с неизменным корнем *рук-*:

Рукотельник 1) 'полотенце' Крестец. Новг., Волог., Свердл., Башк. АССР, Новосиб., Вост-Казах., Кемер., Том., Забайкалье, Бурят. АССР, 'полотенце для рук' Яросл., Тогуч. Новосиб. [СРНГ, 35. С. 255], 'тряпка из грубой ткани для вытирания рук' Сямж. Волог., 'любое полотенце, в том числе и из тонкого холста' Вож., Сок. Волог. [СВГ, 9. С. 71], 2) 'кухонное полотенце, которым вытирают посуду' К.-Г. Волог. [СВГ, 9. С. 71], ср. **рукотёрник** 'полотенце' Вят., Киров., Ярослав., Волог., Олон., Арх., Сев.-Двин., Ленингр., Новг., Перм., Свердл., Ср. Урал, Курган., Тобол., Оренб., Нарым., Новосиб., Алт., Том., Кемер., Енис., Хакас., Краснояр., Иркут., Забайкалье, Бурят. АССР, Сиб., 'тряпка из грубой ткани для вытирания рук' Ярен. Волог., Волог., Север., Новг., Яросл., Костром., Вят., Киров., Перм., Новосиб., Иркут. [СРНГ, 35. С. 255], Баб., Верх., Волог., Вож., В.-У., Кир., К.-Г., Межд., Ник., Ньюкс., Сок., Сямж., Тарн., Тот., У.-К., Хар. Волог. [СВГ, 9. С. 71]. **Рукотельничек** ум.-ласк. к рукотельник К.-Г., Ньюкс., Тарн. Волог. [СВГ, 9. С. 71]. **Рукотельница** 'полотенце для рук' Любим. Яросл. [СРНГ, 35. С. 255], ср. *рукотёрница* 'берестяной короб, в который складывали использованные кухонные полотенца, тряпки для вытирания рук и др.' У.-К. Волог. [СВГ, 9. С. 71].

Здесь наблюдается использование звука **-л'** на месте **-р** во втором корне, причем мягкий **-л'** возник в результате ассимиляции с последующим согласным. Указанная замена звуков может возникать на русской основе, в частности, вполне возможно допустить влияние слов на **-льник**, широко распространенных в говорах, типа **постельник** 'покрывало на постель' Онеж. Арх., Свердл. [СРНГ, 30. С. 222] и др. Не стоит исключать и косвенного иностранно-языкового влияния: мена **р ~ л** происходит, например, при адаптации прибалтийско-финских слов в русских говорах как в начале, так и в середине слова [Мызников, 2004. С. 364]. В любом случае, как бы ни рассматривать характер фонетического варианта **рукотельник** в отношении к лексеме **рукотёрник** — исконный (нерегулярный) или экстенциальный, он входит в анализируемую экстенциальную парадигму, т. к. имеет свои собственно экстенциальные варианты (**укотельник**, **котельник**). Вариант **рукотейник** 'полотенце' Павлодар [СРНГ, 35. С. 255], по всей вероятности, отражает известную русским говорам мена **л' ~ j**.

Слово **рукодельник** 'тряпка из грубого холста для вытирания рук' В.-У. Волог. [СВГ, 9. С. 70], как вариант к **рукотельник**, отражает такое явление, как мена глухих и звонких согласных в сильной позиции, которое относится к экстенциальным. Данное явление могло возникнуть в результате опосредованного влияния, например, такой особенности, как отсутствие звонких взрывных согласных в начале слова в финно-угорских языках [Лыткин, 1974. С. 125], а «переход глухих в звонкие был не фронтальным, а спорадическим явлением: некоторые слова переживали этот звуковой процесс, других же он не коснулся» [Лыткин, 1974. С. 126]. Данный процесс мог быть перенесен и на русскую лексику в зоне активных этнических контактов.

2. Слова с вариантом **лук-** (< **рук-**):

Лукотёрник 'полотенце (обычно для рук)' Енис. Енис., Краснояр., Иркут [СРНГ, 17. С. 191], **лукотёрник** 'то же, что лукотерник' Том., Кемер., Свердл, Кабан. Бурят АССР [СРНГ 17: 191], **локутёрник** 'полотенце' Черемх. Иркут. [СРНГ 17: 114], **лукотёрок** 'холщовое) полотенце для рук' Таборин. Свердл. [СРНГ, 17. С. 191], ср. **рукотёрт** 'полотенце' Арх., Волог., Ряз., Челябин., Оренб., Прикамье, Ср. Урал, Перм., Свердл., Курган., Тобол., Омск., Новосиб., Том., Кемер. [СРНГ, 35. С. 256]. Переход **е > о**, межслоговая метатеза гласных **о** и **у** происходит на русской почве. Мена **р ~ л** в начале слова может быть вызвана влиянием соседних языков агглютинативного строя [Мельников, 2003. С. 347]. Следует подчеркнуть, что отмеченная замена согласных происходит в сильной позиции и в самом начале слова, в начале корневой морфемы. Известные исследования по вопросу варьирования плавных в диалектной лексике оперируют материалом, в частности по псковским говорам, не отражающим такую позицию [Большакова, 1989. С. 10–11].

3. Слова с вариантом без начального согласного: **ук-** (< **рук-**, **лук-**):

Укутёрник 'полотенце, тряпка для рук, посуды' Амур., **укотёрник** Кемер., **укотёрник** 'полотенце' Алт. [Карт. СРНГ]. **Окутёрник** 'полотен-

це' Шенк. Арх., Слобод. Вят., Перм. [СРНГ, 23. С. 178] представляет собой фонетический вариант первого слова из данной группы. **Укотёрка** 'полотенце' Уст. Волог. [СРГК, 6. С. 599], ср. *рукотёрка* 'полотенце или тряпка для вытирания рук' Медв., Кондоп., Кем., Пуд. Карел., Карг. Арх., Уст., Чаг. Волог. [СРГК, 5. С. 581]. **Окотёрок** 'полотенце для рук' Углич. Яросл. [ЯОС, 7. С. 42]. **Укотóрок** 'то же, что **укотёрка**' Чаг. Волог. [СРГК, 6. С. 599]. В слове **укотóрок** отражается замена мягкого согласного твердым в сильной позиции, что незакономерно для русского языка Видимо, сюда относится и **укотельник** [ИИСРНГ, 2000. С. 270].

В русских говорах Среднего Урала отмечены два слова, близкие географически: **укотёрт** Богд. Свердл. и **укутерáт** Пышм. Свердл. [СРГСУ — Доп. С. 540]. Последняя лексема, выступающая как вариант предшествующей, содержит дополнительный экстенциальный признак, а именно: появление вставного гласного в конечном сочетании согласных, обусловленное, возможно, влиянием особой типологии слогов тюркских языков — отсутствием в исконно тюркских словах сочетаний нескольких согласных не только в начале слова и на стыке морфем, но и в абсолютном исходе слова [Гаджиева, 1990. С. 528]. Соотношение **укотёрт** — **укутерáт** показывает возможность дальнейшего преобразования экстенциального варианта по причине иноструктурного влияния.

4. Слова с усеченным первым слогом корня: **рук-** > **к-** (надо полагать, что возможность такого сокращения корня — до одного согласного — поддерживается наличием последующих трех слогов. Подобное слово в микросистеме говора воспринимается как обычное):

Котёрник 'полотенце' Нгр. Вят., **котельник** 'полотенце' Урж. Вят. [ОСВГ, 5. С. 107], **кутельник** 'полотенце' Богуч. Краснояр. [СРГС, 2. С. 181]. Усечение первого слога прошло, видимо, через промежуточную стадию преобразований: **рукотёрник (лукотёрник)** > **укотёрник** > **котёрник**, в которой начальный компонент **у-** мог восприниматься как «несистемный», равный префиксу, необычность которого в данном слове очевидна. Русская система в условиях тесных контактов с языками иной структуры освобождается от такого необычного начала слова: «В финно-угорском (а также уральском) префиксальный и инфиксальный способы словообразования не были представлены» [Майтинская, 1974. С. 330].

5. Особое положение занимает лексема **раскутёрник** 'полотенце для рук' Волог. Волог., 'тряпка для рук (обычно из старой мужской домашней сорочки)' Вохом. Костром. [СРНГ, 34. С. 149], которую можно рассматривать как вариант к исходному слову **рукотёрник**, о чем говорит устойчивость семантики. Возможное влияние словообразовательной модели поддерживается «игрой слов»: **кутёрник** > **раскутёрник** (по аналогии с *красáвец* > *раскрасáвец*); соответствующих производящих глаголов в СРНГ и СВГ не зафиксировано. Лексема **раскутёрник** может рассматриваться как вариант или самостоятельная единица, возникшая на русской почве, но вопрос о ее возникновении остается открытым.

Итак, в обширной группе диалектных слов с исходной основой **рукотер(т)**- наблюдается внутригрупповое варьирование, отражающее явления разного характера: 1) экстенциальные — мена плавных в начальной позиции, поэтапное усечение первого корня, мена звонких и глухих согласных, мена твердых и мягких согласных; 2) исконные — мена звуков л' ~ j, гласных о ~ у, переход е > о. На основе исходного слова образуется экстенциальная единица, которая подвергается изменениям то исконного, то экстенциального характера. Отмечается «переплетение» тех и других элементов.

Представленные данные показывают, что при определении экстенциального характера лексемы, помимо своеобразной модификации, существенным признаком является ограниченная территория бытования слова, аналогично тому, как «при выявлении <...> субстрата в русском языке самым надежным критерием следует признать географию слова» [Востриков, 1990. С. 75]. Многие из проанализированных слов (особенно 3 и 4 групп), имея точечный ареал, как правило, единичны и почти не способны к словопроизводству, системно изолированы.

Со временем, при забвении связи исходного слова и экстенциальной единицы, первоначально возникший лексико-фонетический вариант может восприниматься в качестве необъяснимого с этимологической точки зрения и приобретать статус обычного диалектного слова. Установление исконных словарных связей становится задачей лексиколога. В большинстве случаев слова с экстенциальными признаками остаются системно изолированными, т. к. репрезентируют нехарактерные для русской языковой системы явления. Однако в течение веков некоторые варианты, первоначально возникшие как экстенциальные, несистемные, обнаруживают способность к словопроизводству, выступая в качестве производящего звена в цепи однокорневых лексических единиц, становятся равноправными элементами системы.

ИСТОЧНИКИ

- ИИСРНГ — Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / под ред. Ф. Гледни. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 574 с.
- Карг. СРНГ — Картоoteca Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / под ред. В. Г. Долгушева и З. В. Сметаниной. Вып. 1–7. Киров: Кировская областная типография, 1996–2012.
- СВГ — Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская; Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда: Русь, 1983–2007.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.
- СРГСиб. — Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Т. 1–5. Новосибирск: Наука, 2001–2006.
- СРГСУ–Доп. — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–46. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова Л. И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 88–97.
- Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 258 с.
- Блинова О. И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 1. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1972. С. 99–108.
- Богословская З. М. Диалектная вариантология: Лексикологический и лексикографический аспекты. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2006. 39 с.
- Большакова Н. В. О варьировании плавных согласных в народных говорах // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып. 5 / отв. ред. А. С. Герд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 9–14.
- Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск: УрГУ, 1990. 100 с.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярэева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 527–529.
- Кузнецова О. Д. Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л.: Наука, 1985. 182 с.
- Кузнецова О. Д. Слово в современных говорах русского языка (Лексикализация фонетических явлений) // Диалектная лексика 1979 / отв. ред. Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1982. С. 3–11.
- Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. С. 108–213.
- Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. С. 214–382.
- Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л. Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. 395 с.
- Михайлова Л. П. Тип словаря и его задачи // Л. П. Михайлова. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КППА; М.: ООО «Вариант», 2013. С. 5–6.
- Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2003. 360 с.
- Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
- Сердюкова О. К. К вопросу о взаимодействии русских говоров с языками других систем // Говоры территорий позднего заселения: межвуз. сб. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. С. 119–127.
- Тенишев Э. Р., Поцелуевский Е. А., Дыбо А. В. Тюркские языки // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия в 3 т. / Ин-т языкознания. Т. 3. М.: Наука, 2005. С. 154–168.
- Толкачева И. В. Нерегулярные фонетические явления как основа лексикализации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 24 с.
- Филин Ф. П. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования) / ред. Ф. П. Филин. М.; Л.: Наука, 1966. С. 27–34.
- Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 335 с.

REFERENCES

- Barannikova L.I. *Sushhnost' interferencii i specifika ejo projavlenija* [The essence of the interference and the specificity of its manifestations]. *Problemy dvujazychija i mnogojazychija*. Moscow, Nauka Publ., 1972, s. 88–97.
- Blinova O.I. *Vvedenie v sovremennuju regional'nuju leksikologiju* [Introduction to modern regional lexicology]. Tomsk, TomskGU Publ., 1973, 258 s.
- Blinova O.I. *K voprosu o predele formal'nogo var'irovanija dialektного слова* [To the question of the limits of formal variation in the dialectal words]. *Aktual'nyje problemy leksikologii i slovoobrazovanija*, vyp. 1 [vol. 1]. Novosibirsk, 1972, s. 99–108.
- Bogoslovskaja Z.M. *Dialektnaja variantologija: Leksikologicheskij i leksikograficheskij aspekty: Aftoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Variantologia: dialect lexicological and lexicographic aspects: PhD Thesis]. Tomsk, 2006, 39 s.
- Bol'shakova N.V. *O var'irovanii plavnykh soglasnykh v narodnykh govorakh* [About how smooth the consonants in the folk dialects]. *Severnorusskie govory: mezhvuz. sb.*, vyp. 5 [vol. 5], otv. red. A.S. Gerd [ed. A.S. Gerd]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1989, s. 9–14.
- Vostrikov O.V. *Finno-ugorskij substrat v russkom jazyke* [Finno-Ugric substrate in Russian]. Sverdlovsk, UrGU Publ., 1990, 100 s.
- Gadzhijeva N.Z. *Tjurkskije jazyki* [Turkic languages]. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'*, gl. red. V.N. Iarceva [main. ed. V.N. Iarceva]. Moscow, Sovetskaja ehnciklopedija Publ., 1990, s. 527–529.
- Kuznecova O.D. *Aktual'nyje process v govorakh russkogo jazyka (leksikalizacija fonetichaskikh javlenij)* [Current processes in the dialects of the Russian language (lexicalization phonetic phenomena)]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 182 s.
- Kuznecova O.D. *Slovo v sovremennykh govorakh russkogo jazyka (Leksikalizacija fonetichaskikh javlenij)* [The word in modern dialects of the Russian language (Lexicalization phonetic phenomena)]. *Dialektnaja leksika 1979*, otv. red. F.P. Sorokoletov, F.P. Filin [eds. F.P. Sorokoletov, F.P. Filin]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, s. 3–11.
- Lytkin V.I. *Sravnitel'naja fonetika finno-ugorskikh jazykov* [Comparative phonetics of the Finno-Ugric languages]. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija (voprosy proiskhozhdenija i razvitija finno-ugorskikh jazykov)*. Moscow, Nauka Publ., 1974, s. 108–213.
- Majtinskaja K.E. *Sravnitel'naja morfologija finno-ugorskikh jazykov* [Comparative morphology of Finno-Ugric languages]. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija (voprosy proiskhozhdenija i razvitija finno-ugorskikh jazykov)*. Moscow, Nauka Publ., 1974, s. 214–382.
- Mel'nikov G.P. *Sistemnaja tipologija jazykov: Principy, metody, modeli* [System typology of languages: principles, methods, models], otv. red. L.G. Zubkova [ed. L.G. Zubkova]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 395 s.
- Mikhailova L.P. *Tip slovarja i ego zadachi* [Dictionary type and tasks]. Mikhailova L.P. *Slovar' ehkstencijal'nykh leksicheskikh edinic v russkikh govorakh*. Petrozavodsk, KGPA Publ.; Moscow, "Variant Ltd" Publ., 2013, s. 5–6.
- Myznikov S.A. *Atlas substratnoj i zaimstvovannoj leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [Atlas of the substrate and the loanwords of Russian dialects of North-West]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003, 360 s.
- Myznikov S.A. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdenija v russkikh govorakh Severo-Zapada: Ehtimologicheskij i lingvogeograficheskij analiz* [Vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of North-West: Etymological and linguistic geographical analysis]. Institut lingvisticheskikh issledovanii. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004, 492 s.

- Serdjukova O.K. *K voprosu o vzaimodejstvii russkikh govorov s jazykami drugikh sistem* [To the issue of cooperation of Russian dialects from languages of other systems]. Govory territorij pozdnego zaselenija: mezhvuz. sb. Vyp. I. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1977, s. 119–127.
- Tenishev Eh.R., Poceluevskij E.A., Dybo A.V. *Tjurkskie jazyki* [Turkic languages]. Jazyki narodov Rossijskoj Federacii sosejdnikh gosudarstv: ehnciklopedija v 3 t. T. 3 [vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 2005, s. 154–168.
- Tolkachjova I.V. *Nereguljarnye foneticheskie javlenija kak osnova leksikalizacii: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Irregular phonetic phenomenon as a basis for lexicalization: PhD Thesis]. Nizhnij Novgorod, 2012, 24 s.
- Filin F.P. *O leksikakizirovannykh fonetiko-morfologicheskikh variantakh slov v russkikh govorakh* [The lexicalized phonetic-morphological variants of words in Russian dialects]. *Leksika rosskikh narodnykh govorov (Opyt issledovanija)*, red. F.P. Filin [ed. F.P. Filin]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, s. 27–34.
- Filin F.P. *Ocherki po teorii jazykoznanija* [Essays on the theory of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 335 s.

Любовь Петровна Михайлова

Кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка
Петрозаводский государственный университет

Lyubov Mikhailova

Candidate of Philology, Professor
Petrozavodsk State University, Russia

E-mail: posnm87@bk.ru

Л. В. Московкин

Санкт-Петербургский государственный университет

ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, инновационные технологии обучения, не-прямое обучение языку.

В статье осуществляется систематизация знаний об инновационных технологиях обучения русскому языку как иностранному. Инновационное обучение рассматривается как не прямое обучение языку, обладающее своими специфическими особенностями. Его можно рассматривать как обучение языку в процессе выполнения какой-либо деятельности: исследовательской, игровой, учебно-профессиональной, экскурсионной и т. д. Автор выделяет ряд общих черт различных форм инновационного обучения русскому языку как иностранному: деятельностный характер, обеспечение произвольного овладения русским языком, включение элементов прямого обучения языку, целесообразность использования инновационных технологий на продвинутом этапе обучения, их обусловленность психологической спецификой речевого общения, зависимость успешности овладения языком а) от успешности той инновационной продуктивной деятельности, на фоне которой осуществляется обучение языку, б) от мотивации учащихся, в) от степени использования языка в выбранной студентами продуктивной деятельности, признание специфики отбора, расположения, введения, организации усвоения и контроля учебного материала в условиях применения инновационных технологий обучения.

Leonid Moskovkin

St. Petersburg State University, Russia

OVERVIEW OF INNOVATION TECHNOLOGIES IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: the Russian language as a foreign language, innovation technologies in teaching, implicit language teaching.

The article provides an overview of innovation technologies in teaching the Russian language as a foreign language. Innovative teaching is approached as implicit language teaching with its own specific features. It should be regarded as language teaching through other activities: research, game, educational and professional activities, excursions and so on. The article reveals several features common to various forms of teaching the Russian language as a foreign language: its activity approach, unconscious acquisition of the Russian language, incorporation of the elements of implicit language teaching, justification of innovation technologies to use at advanced level, determination by psychological factors of oral communication and, finally, the successful acquisition

of the language being determined by: a) the innovative productive activity to teach the language, b) students' motivation, c) students using the language in the productive activities chosen by the students, specifics of selection, disposition, introduction, acquisition and control of teaching material by innovation technologies of teaching.

В педагогической литературе термин «инновация» употребляется уже несколько десятилетий, обозначая педагогическое новшество, внедряемое в учебный процесс и способствующее его эффективности. В последние двадцать пять лет оформилось новое научное направление — педагогическая инноватика, под которой понимается учение о создании педагогических новшеств, их оценке и освоении педагогическим сообществом, использовании и применении на практике [Юсуфбекова, 1991. С. 10]. В этот же период в России было защищено множество диссертаций по педагогической инноватике, опубликовано немалое количество статей и монографий, что свидетельствует о бурном развитии этого научного направления. Большой интерес, на наш взгляд, представляют монографии Н. Р. Юсуфбековой, С. Д. Полякова, О. Г. Хомерики, М. М. Поташника и А. В. Лоренсова, М. В. Кларина, В. А. Слостенина и Л. С. Подымовой, А. В. Хуторского [Юсуфбекова, 1991; Поляков, 1993; Хомерики, Поташник, Лоренсов, 1994; Кларин, 1995; Слостенин, Подымова, 1997; Хуторской, 2005].

Современная педагогическая инноватика развивается в контексте идей личностно ориентированного обучения, что обуславливает специфику ее объекта и предмета. А. В. Хуторской отмечает, что объектом педагогической инноватики является процесс возникновения, развития и освоения инноваций в образовании, предмет педагогической инноватики — система отношений, возникающих в инновационной образовательной деятельности, направленной на становление личности ученика и учителя [Хуторской, 2005. С. 16].

Инновационным преобразованиям могут быть подвержены «целевой и концептуальный блоки образования, организационная структура системы образования, образовательных учреждений, органов управления образованием, педагогические технологии (формы, методы и технологические средства), структура и содержание образования, учебные программы, учебники, научно-методическое обеспечение учебного процесса, принципы управления образованием, качеством образования, система мониторинга, диагностики, контроля и оценки результатов образования» [Хуторской, 2005. С. 18].

Специалисты по обучению русскому языку как иностранному чаще всего разрабатывают и исследуют инновационные технологии обучения. При этом следует отметить, что термин «инновационная технология» во многих случаях обозначает не столько педагогическое новшество, обеспечивающее эффективность процесса обучения, сколько совокупность приемов работы, традиционно не используемых или редко используемых в массовой практике преподавания. Так, в методике обучения иностранным языкам инновационными считали интенсивные технологии (релаксопедию, гипнопедию, ритмопедию, суггесто-

педию), деятельностные технологии, созданные на основе теории поэтапного усвоения умственных действий и понятий П. Я. Гальперина, игровые, проблемные и проектные технологии обучения [Капитонова, Московкин, Шукин, 2008; Шукин, 2010]. К инновационным также относят технологии работы с компьютером и языковым портфелем, тандем-метод и кейс-метод [Шукин, 2005].

В последние годы интерес методистов вызывают продуктивные инновационные технологии, связанные с такими формами работы, как ученический (или студенческий) театр, литературный кружок, рекламное агентство, турбюро, киностудия, музыкальная группа, исследовательская группа и т. д. Это театральная, экскурсионная, исследовательская и другие технологии обучения русскому языку как иностранному. Некоторые из них подробно описаны в недавно изданной в Болгарии обзорной работе «Инновации в обучении русскому языку как иностранному» [Московкин, Шамонина, 2013].

В целях систематизации знаний в области продуктивных инновационных технологий обучения русскому языку как иностранному автором были проведены анализ и обобщение основных черт этих технологий. Материалом для анализа явились не только указанные выше работы в области педагогической инноватики, но, главным образом, работы, в которых описываются инновационные технологии обучения иностранным языкам [Ливингстоун, 1988; Деркач, Щербак, 1991; Ковалевская, 1999; Полат, Бухаркина, Моисеева, Петров, 2000; Соосар, Замковая, 2004; Замковая, Моисеенко, 2006; Шамонина, 2008; Арнаулов, 2013; Любенова-Бирова, Деянова-Атанасова, 2013 и др.]. Кроме того, на протяжении последних шести лет автором проводилось обобщение материалов инновационных разработок слушателей и преподавателей Международной летней квалификационной школы «Современные педагогические технологии в обучении русскому языку как иностранному» (Болгария, Варненский свободный университет им. Черноризца Храбра, 2009–2014 гг.). Эти данные также использовались в исследовании.

Анализ продуктивных инновационных технологий обучения русскому языку как иностранному показал, что все они обладают рядом общих черт, на основе которых можно сформулировать следующие системно связанные педагогические положения.

Авторы инновационных технологий предполагают, что овладение иностранным языком будет успешно осуществляться в процессе выполнения учащимися какой-либо продуктивной деятельности.

Каждая из инновационных технологий предусматривает овладение языком в процессе выполнения какой-либо продуктивной деятельности: исследовательской (проектная и проблемная технологии), экскурсионной (экскурсионная технология), игровой (театральная технология) и т. д.

Эта особенность сближает инновационные технологии с коммуникативной, которая также предусматривают овладение иностранным языком в процессе деятельности — коммуникативной деятельности

или деятельности общения [Пассов, 1977]. Можно считать, что коммуникативное обучение по своей сути также инновационное. Впрочем, все инновационные технологии так или иначе связаны с общением. Например, экскурсионная технология, вовлекающая учащихся в деятельность по разработке и проведению экскурсий или в деятельность по созданию экскурсионных экспозиций, предусматривает моделирование ситуаций общения, требующих специфических языковых средств.

Сразу же отметим, что учебный процесс с применением инновационных технологий нельзя путать с какой-либо реально существующей продуктивной деятельностью. Так, применение проектной технологии — это не научно-исследовательская работа, а некая учебная модель научно-исследовательской работы, сконструированная в целях обучения иностранному языку (хотя она готовит учащихся и к исследовательской деятельности). Применение театральной технологии — это не актерская деятельность, а ее учебная модель, воспроизводящая основные ее черты также в целях обучения иностранному языку (она, конечно же, готовит учащихся и к актерской деятельности).

Применение инновационных технологий обеспечивает непроизвольное овладение иностранным языком.

Овладение иностранным языком в условиях применения инновационных технологий является побочным продуктом выполнения предлагаемой учащемуся продуктивной деятельности. Некоторые ученые полагают, что иностранный язык в этом случае усваивается непроизвольно, и не предлагают каких-либо приемов работы над ним. Признание этого положения в 1970-е гг. привело Е. И. Пассова к мысли о ненужности и даже вредности языковых упражнений в контексте коммуникативного обучения иностранному языку [Пассов, 1977]. Идея о ненужности какой-либо аналитической работы над единицами языка получила распространение в конце XX в. Во многом это было реакцией на излишнюю теоретизацию обучения иностранным языкам, на использование аналитических приемов обучения, сопоставления родного и изучаемого языков, перевода как приема обучения.

Практика преподавания русского языка как иностранного в 1980–1990-е гг. на подготовительных факультетах вузов СССР и на краткосрочных курсах не подтвердила правильности этой идеи [Линчук, 1985; Мартынова, 1986; Московкин, 1989; Бунеев, 1990 и др.]. Оказалось, что непроизвольное овладение иностранным языком во многих случаях малоэффективно. Аспектные речевые навыки, сформированные непроизвольно, оказываются непрочными и часто разрушаются. Полученные учащимися фрагментарные знания о языке утрачиваются вследствие бессистемности их запоминания. Иначе говоря, обучения какой-либо продуктивной деятельности на иностранном языке еще недостаточно для обеспечения овладения этим языком.

Организацию непроизвольного овладения языком в условиях применения инновационных технологий можно назвать **непрямым обучением языку**.

Инновационные технологии могут включать элементы прямого обучения языку.

В определенных формах организации учебного процесса произвольное овладение иностранным языком вполне устраивает и преподавателя, и учащихся (к таким формам организации учебного процесса относятся, в частности, разного рода краткосрочные курсы). При организации же длительного по протяженности учебного процесса (в школе, вузе, на двухгодичных языковых курсах) в условиях применения инновационных технологий обучения нужна дополнительная работа над языком, прежде всего над лексикой и грамматикой, а в некоторых случаях также над произношением и письмом. Для этого окажутся полезными не только коммуникативные упражнения, но и языковые. Применение инновационных технологий не противоречит работе над языком, обсуждению правил употребления слов, составлению предложений и текстов и может включать разнообразные элементы обучения языку. В свою очередь работа над языком не только не мешает инновационной деятельности студентов, но и способствует ее более эффективному исполнению.

Все инновационные технологии в обучении иностранному языку — это не технологии формирования речевых умений, а технологии их развития.

Чтобы организовать процесс обучения иностранному языку с применением инновационных технологий, необходимо опираться на какую-то сформированную у учащихся языковую базу. Иначе говоря, нужно иметь учеников, уже немного владеющих иностранным языком. Это значит, что инновационные технологии предназначены не столько для начального, сколько для продвинутого этапа обучения. Конечно, можно их использовать и на начальном этапе обучения языку, когда у учащегося нет достаточной языковой базы, но в этом случае эффект такого обучения не будет столь очевидным.

На начальном этапе обучения на первый план обычно выходит формирование языковой компетенции (прямое обучение языку, создание языковой базы). Оно может иметь самостоятельное значение или включаться в контекст коммуникативного обучения в качестве его компонента — все современные концепции формирования коммуникативной компетенции предусматривают и формирование языковой компетенции. При этом формирование языковой компетенции опирается на предыдущий экстралингвистический опыт учащихся, т. к. предметная сторона общения учащимся знакома. Впрочем, на начальном этапе обучения традиционно используются и элементы инновационных технологий: чтение и обсуждение проблемных текстов (элементы проблемной технологии), разыгрывание диалогов (элементы театральной технологии), участие в учебных экскурсиях (элементы экскурсионной технологии), написание домашних сочинений (элементы проблемной технологии) и т. д.

На продвинутом этапе обучения в большей степени значимо формирование предметной компетенции, развитие языковой компетен-

ции идет за ним (преобладает не прямое обучение языку). Вот почему на начальном этапе чаще всего имеет место грамматическая организация учебного материала, а на продвинутом — лексико-тематическая. Попытки построить начальное обучение языку по тематическому принципу, как правило, не имели успеха. Построение же обучения по грамматическому принципу на продвинутом этапе встречается редко, как правило, только у студентов-филологов.

Таким образом, на начальном этапе обучения формируются речевые умения и закладываются основы для дальнейшего применения инновационных технологий. На продвинутом этапе уже созданы предпосылки для использования этих технологий, и именно их использование будет способствовать развитию речевых умений.

Возможность использования инновационных технологий в обучении иностранному языку обусловлена психологической спецификой речевого общения.

В любом речевом действии выделяются две стороны: содержательная (что сказать) и процессуальная (как сказать). Главной является содержательная сторона, т. к. основная цель общения — это обмен мыслями. Французский методист Ж. Ласера писал: «Незачем учиться говорить, если нечего сказать» [Ласера, 1974], стремясь показать, что люди учатся языку не ради самого языка, а ради той деятельности, которую они могут осуществлять при помощи этого языка.

Инновационные технологии как раз и предоставляют учащимся возможность заниматься какой-либо продуктивной деятельностью на изучаемом языке, т. е. их применение соответствует специфике речевого общения и способствует удовлетворению познавательных и творческих потребностей учащихся.

Успешность инновационных технологий во многом зависит от успешности той продуктивной деятельности, на фоне которой осуществляется не прямое обучение языку, и от мотивации учащихся — их интереса к этой деятельности или понимания ее полезности.

Продуктивная деятельность, предлагаемая учащимся, должна вызывать у них интерес. В крайнем случае, учащиеся должны понимать, что она полезна для их дальнейшего обучения, для будущей работы или для применения в жизни. Эти два фактора (интерес к предлагаемой преподавателем продуктивной деятельности и осознание ее полезности) являются мощными источниками учебной мотивации учащихся, в том числе и мотивации изучения языка. Кроме того, выполняемая учащимся продуктивная деятельность должна быть успешной, и учащийся должен осознавать, что она успешна в том числе и благодаря его усилиям, т. е. должен понимать и реально оценивать свой собственный вклад в ее осуществление. Это значит, что преподаватель должен стремиться а) сделать эту деятельность интересной или полезной для учеников, б) продемонстрировать ее результативность.

Центральным компонентом этой деятельности должно быть кульминационное событие, являющееся результатом целенаправленной подготовительной работы учащихся. В условиях применения проек-

ных технологий это может быть презентация проекта, экскурсионных — экскурсия, театральных — спектакль и т. д. Преподаватель должен стремиться, чтобы именно это событие было результативным и получало высокую оценку со стороны тех, кому оно адресовано.

Чем больше степень использования языка в той или иной продуктивной деятельности (т. е. чем в большей степени она требует использования речи), тем более эффективным средством обучения языку она является.

Разные по своему характеру виды продуктивной деятельности требуют разного привлечения речевых средств. Для некоторых из них характерен сугубо речевой характер. Это деятельность актера, диктора, телеведущего, журналиста, экскурсовода, писателя, ученого, преподавателя. Именно эти виды деятельности моделируются на занятиях с применением инновационных технологий обучения. Чем больше удельный вес общения, тем эффективнее усваиваются языковые средства общения. В этом реализуется основная закономерность обучения любой деятельности, которую можно сформулировать таким образом: обучить какой-либо деятельности можно только в процессе этой деятельности.

Существует определенная специфика отбора, расположения, введения, организации усвоения и контроля учебного материала в условиях применения инновационных технологий обучения.

Отбор и расположение учебного материала в условиях применения инновационных технологий осуществляются на ситуативно-тематической основе. Тематика продуктивной деятельности отбирается в соответствии с интересами учащихся. Отбираемые коммуникативные ситуации соответствуют наиболее типичным ситуациям моделируемого процесса. В процессе обучения они располагаются в соответствии с основными стадиями этого процесса. Лексико-грамматический учебный материал соответствует отобраным ситуациям и тематике деятельности.

Специфика коммуникативных упражнений также будет основана на особенностях этого вида продуктивной деятельности. Кроме того, в нее могут включаться и языковые упражнения для отработки наиболее сложного лексико-грамматического материала.

Контроль усвоения учебного материала в условиях применения инновационных технологий становится двусторонним: с одной стороны, проверяется правильность и креативность выполнения продуктивной деятельности, с другой стороны, — правильность языкового оформления этой деятельности.

Таким образом, можно выделить следующие общие черты инновационных технологий обучения русскому языку как иностранному: деятельностный характер, обеспечение непроизвольного овладения русским языком, возможность включения элементов прямого обучения языку, целесообразность использования инновационных технологий на продвинутом этапе обучения, их обусловленность психологической спецификой речевого общения, зависимость успешности овладения

языком а) от успешности той инновационной продуктивной деятельности, на фоне которой осуществляется обучение языку, б) от мотивации учащихся, в) от степени использования языка в выбранной студентами продуктивной деятельности, признание специфики отбора, расположения, введения, организации усвоения и контроля учебного материала в условиях применения инновационных технологий обучения. Все эти общие черты системно связаны, т. к. отражают основные компоненты системы обучения иностранному языку (цели, условия, мотивы, закономерности, содержание и методы обучения).

ЛИТЕРАТУРА

- Бунеев Р. Н. Формирование у студентов-иностранцев навыков анализа языковых явлений в процессе обучения русскому языку: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1990. 16 с.
- Деркач А. А., Щербак С. Ф. Педагогическая эвристика: Искусство овладения иностранным языком. М.: Педагогика, 1991. 224 с.
- Замковая Н., Моисеенко И. Инновационные формы работы на уроке русского языка как иностранного. Таллинн: Kirjastus Koolibri, 2006. 128 с.
- Искусство в обучении русскому языку / сост. Е. Арnaudов. Бургас: АртЦентр «Компас», 2013. 82 с.
- История преподавания русского языка как иностранного в очерках и извлечениях / ред. А. Н. Щукин. М.: Филоматис, 2005. 176 с.
- Капитонова Т. И., Московкин Л. В., Щукин А. Н. Современные методы и технологии обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 308 с.
- Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игр, дискуссии (Анализ зарубежного опыта). Рига, 1995. 176 с.
- Ковалевская Е. В. Проблемность в преподавании иностранных языков. М.: Высшая школа, 1999. 118 с.
- Ласера Ж. Реалии французской культуры на уроке французского языка // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 217–224.
- Ливингстоун К. Ролевая игра в обучении иностранным языкам. М.: Высшая школа, 1988. 126 с.
- Линчук Т. И. Совершенствование грамматических навыков русской речи у монгольских учащихся подготовительного факультета (на материале глагольных словосочетаний с объектным значением): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1985. 16 с.
- Любенова-Бирова И., Деянова-Атанасова А. Русский язык как иностранный в детском саду. София, 2013. 195 с.
- Мартынова М. А. Грамматические обобщения в коммуникативно ориентированном курсе русского языка для студентов-нефилологов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1986. 25 с.
- Московкин Л. В. Пути формирования у иностранных студентов умений самоконтроля русской речи: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1989. 16 с.
- Московкин Л. В., Шамонина Г. Н. Инновации в обучении русскому языку как иностранному. Варна: Университетско издательство «ВСУ Черноризец Храбр», 2013. 208 с.

- Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Русский язык, 1977. 214 с.
- Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. М.: Академия, 2000. 272 с.
- Поляков С. Д. В поисках педагогической инновации. М.: Б.и., 1993. 318 с.
- Сластенин В. А., Подымова Л. С. Педагогика: Инновационная деятельность. М.: Магистр, 1997. 223 с.
- Соосар Н., Замковая Н. Интерактивные методы преподавания. Настольная книга преподавателя. СПб.: Златоуст, 2004. 188 с.
- Хомерики О. Г., Поташиник М. М., Лоренсов А. В. Развитие школы как инновационный процесс. М.: Новая школа, 1994. 64 с.
- Хуторской А. В. Педагогическая инноватика: методология, теория, практика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 222 с.
- Шамонина Г. Н. Методът на проектиране в чуждоезиковото обучение. Варна: Университетско издателство «ВСУ Черноризец Храбр», 2008. 148 с.
- Шукин А. Н. Современные методы и технологии обучения иностранным языкам. М.: Филоматис, 2010. 188 с.
- Юсуфбекова Н. Р. Общие основы педагогической инноватики: опыт разработки теории инновационных процессов в образовании. М.: ЦСПО РСФСР, 1991. 143 с.

REFERENCES

- Buneev R.N. *Formirovanie u studentov-inostrancev navykov analiza jazykovykh javlenij v processe obuchenija russkomu jazyku: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The formation of analytic skills of linguistic phenomena in the process of teaching Russian for foreign students: PhD Thesis]. Moscow, 1990, 16 s.
- Derkach A.A., Shherbak S.F. *Pedagogicheskaja evristika: Iskusstvo ovladenija inostrannym jazykom* [Pedagogical heuristics. Art of foreign language acquisition]. Moscow, Pedagogika Publ., 1991, 224 s.
- Zamkova N., Moiseenko I. *Innovacionnye formy raboty na uroke russkogo jazyka kak inostrannogo* [Innovative forms of teaching Russian as a foreign language]. Tallinn: Kirjastus Koolibri, 2006, 128 s.
- Iskusstvo v obuchenii russkomu jazyku* [Arts in teaching Russian language], sostavitel E. Arnaudov [compiler E. Arnaudov]. Burgas, ArtCentr "Kompas", 2013, 82 s.
- Istorija prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo v ocherkah i izvlechenijah* [History of teaching Russian as a foreign language in the essays and extracts], red. A.N. Shhukin [ed. A.N. Shhukin]. Moscow, Filomatis Publ., 2005, 176 s.
- Kapitonova T.I., Moskovkin L.V., Shhukin A.N. *Sovremennye metody i tehnologii obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu* [Modern methods and technologies of teaching Russian as a foreign language]. Moscow, Russkij jazyk. Kursy Publ., 2008, 308 s.
- Klarin M.V. *Innovacii v mirovoj pedagogike: obuchenie na osnove issledovanija, igr, diskussii (Analiz zarubezhnogo opyta)* [Innovation in global education: a study based on the research, games and discussions. (The analysis of foreign experience)]. Riga, 1995, 176 s.
- Kovalevskaja E.V. *Problemnost' v prepodavanii inostrannykh jazykov* [Problem teaching foreign languages]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1999, 118 s.

- Lasera Zh. *Realii francuzskoj kul'tury na uroke francuzskogo jazyka* [Phenomena of French culture at the French language lesson]. Lingvostranovedcheskij aspekt prepodavanija russkogo jazyka inostrancam, pod red. E.M. Vereshhagina, V.G. Kostomarov [eds. E.M. Vereshhagin, V.G. Kostomarov]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1974, s. 217–224.
- Livingstone C. *Rolevaja igra v obuchenii inostrannym jazykam* [Role play in language learning]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1988, 126 s.
- Linchuk T.I. *Sovershenstvovanie grammaticheskikh navykov russkoj rechi u mongol'skih uchashhihsja podgotovitel'nogo fakul'teta (na materiale glagol'nyh slovosochetanii s ob'ektnym znacheniem): Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Improving grammar skills of the Russian language for Mongolian students in the preparatory faculty (on the material of verb phrases with object value): PhD Thesis]. Leningrad, 1985, 16 s.
- Ljubenova-Birova I., Dejanova-Atanasova A. *Russkij jazyk kak inostrannyj v detskom sadu* [Russian as a foreign language in kindergarten]. Sofia, 2013, 195 s.
- Martynova M.A. *Grammaticheskie obobshhenija v kommunikativno orientirovannom kurse russkogo jazyka dlja studentov-nefilologov: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Grammatical generalizations in communicative Russian language course for not philologist students: PhD Thesis]. Moscow, 1986, 25 s.
- Moskovkin L.V. *Puti formirovanija u inostrannyh studentov umenij samokontrolja russkoj rechi: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Ways of formation of the foreign students' skills of self-control Russian speech: PhD Thesis]. Leningrad, 1989, 16 s.
- Moskovkin L.V., Shamonina G.N. *Innovacii v obuchenii russkomu jazyku kak inostrannomu* [Innovations in teaching Russian as a foreign language]. Varna, Universitetsko izdatelstvo «VSU Chernorizec Hrabr», 2013, 208 s.
- Passov E.I. *Osnovy metodiki obuchenija inostrannym jazykam* [The fundamentals of theory of teaching foreign languages]. Moscow, Russkij jazyk, 1977, 224 s.
- Polat E.S., Buharkina M.Ju., Moiseeva M.V., Petrov A.E. *Novye pedagogicheskie i informacionnye tehnologii v sisteme obrazovanija* [New pedagogical and information technology in the education system], red. E.S. Polat [ed. E.S. Polat]. Moscow, Akademija Publ., 2000, 272 s.
- Poljakov S.D. *V poiskah pedagogicheskoj innovacii* [In search of pedagogical innovation]. Moscow, B.i. Publ., 1993, 318 s.
- Slastenin V.A., Podymova L.S. *Pedagogika: Innovacionnaja dejatel'nost'* [Pedagogy: Innovative activity]. Moscow, Magistr Publ., 1997.
- Soosar N., Zamkovaja N. *Interaktivnye metody prepodavanija: Nastol'naja kniga prepodavatelja* [Interactive teaching methods: Handbook of teacher]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2004, 188 s.
- Homeriki O.G., Potashnik M.M., Lorensov A.V. *Razvitie shkoly kak innovacionnyj process* [The development of the school as an innovative process]. Moscow, Novaja shkola Publ., 1994, 64 s.
- Hutorskoj A.V. *Pedagogicheskaja innovatika: Metodologija, teorija, praktika* [Pedagogical innovations: Methodology, theory, practice]. Moscow, Izdatel'skij centr «Akademija» [Akademija Publ.], 2005, 222 s.
- Shamonina G.N. *Metod na proektite v chuzhdoezikovoto obuchenie* [Project-based in Foreign Languages]. Varna, Universitetsko izdatelstvo «VSU Chernorizec Hrabr», 2008, 148 s.
- Shhukin A.N. *Sovremennye metody i tehnologii obuchenija inostrannym jazykam* [Modern Methods and Technologies of teaching Foreign Languages]. Moscow, Filomatis Publ., 2010, 188 s.

Jusufbekova N.R. *Obshhie osnovy pedagogicheskoy innovatiki: opyt razrabotki teorii innovacionnyh processov v obrazovanii* [The general framework for pedagogical innovation: the experience of development of the theory of innovative processes in education]. Moscow, CSPO RSFSR, 1991, 143 s.

Леонид Викторович Московкин

Доктор педагогических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного
и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет

Leonid Moskovkin

Doctor of Pedagogy, Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: moskovkin@roprya.ru

Л. Э. Найдич

Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль

Н. Д. Светозарова

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИАЛЕКТНАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТОТЕКА Л. Р. ЗИНДЕРА¹

Ключевые слова: немецкие островные диалекты, лексика, фонетика.

Тема статьи связана с изучением диалектологического наследия В. М. Жирмунского, хранящегося в архивах Санкт-Петербурга. В 1920-е гг. он организовал исследовательскую группу, которая занималась изучением немецких «островных» диалектов на территории СССР. Среди материалов, собранных в проведенных этой группой экспедициях, находится картотека диалектных названий домашних животных, составленная одним из учеников Жирмунского – Львом Рафаиловичем Зиндером. В статье обсуждается история создания картотеки и фонетические и орфографические особенности входящих в нее лексем.

Larissa Naiditch

The Hebrew University of Jerusalem, Israel

Natalia Svetozarova

St.-Petersburg State University, Russia

CARD INDEX OF DIALECT WORDS BY L. R. ZINDER

Keywords: “insular” German dialects, lexics, phonetics.

The paper is a part of a project dealing with the dialectological archive of Victor Maximovich Zhirmunsky at the Academy of Sciences in St. Petersburg. This famous philologist was engaged in 1920s in the studies of the “insular” German dialects, organizing a research group. Among the documents reflecting the records of the dialects of Germans in Russia a card index of the words meaning domestic animals and insects compiled by his pupil, later an outstanding phonetician and germanist Lev Zinder, has been found. This card index is compared with other archive records in the paper, its phonetic and orthographic peculiarities are discussed. Besides of this, the role of L.R. Zinder in the research of German-Russian dialects is demonstrated.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ проекта проведения научных исследований («Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН»), проект № 13-04-00369.

*К 110-летию со дня рождения нашего учителя,
Льва Рафаиловича Зиндера*

Фонетисты знают Льва Рафаиловича Зиндера как фонетиста, фONOлога, любимого ученика Л. В. Щербы, одного из создателей Ленинградской (Петербургской) фонологической школы. Германисты знают Льва Рафаиловича как автора, вместе с Татьяной Викторовной Строевой, одной из лучших теоретических грамматик современного немецкого языка и учебников по исторической фонетике и морфологии немецкого языка. Сам Лев Рафаилович считал себя прежде всего общим языковедом. Но есть еще одна сторона научного творчества нашего учителя — немецкая островная диалектология, которой он занимался в молодые годы под руководством своего учителя — Виктора Максимовича Жирмунского. В научном наследии самого Л. Р. Зиндера остались лишь некоторые следы этого направления его деятельности: совместная с Татьяной Сокольской (Татьяной Викторовной Строевой) статья 1930 г. в немецком научном журнале [Sokolskaja, Sinder, 1930]; две более поздние статьи о полевых исследованиях в немецких колониях [Зиндер, Строева, 1978; Зиндер, 1998] и найденная в домашнем архиве и опубликованная посмертно дипломная работа ученого, посвященная фонетике и грамматике одного из немецких островных диалектов [Зиндер, 2006]. В научном архиве В. М. Жирмунского сохранились и другие материалы, собранные в экспедициях его учеником [Пузейкина, Светозарова, 2012], в том числе и составленная им в начале 30-х годов картотека диалектных названий домашних животных и птиц, которую сам Л. Р. Зиндер считал утерянной, вернее, уничтоженной под страхом ареста и обвинения в шпионаже. Эта картотека, еще не введенная в научный оборот, и является темой данной статьи.

Хронологически работа Л. Р. Зиндера (1904–1995) над диалектами российских немцев была связана с самым началом его научной деятельности. Уроженец Киева, он начал работать библиотекарем Киевской центральной детской библиотеки уже после окончания шести классов 3-й Киевской гимназии. Своей профессией библиотекаря Лев Рафаилович всегда гордился, в юные годы он стремился усовершенствоваться в ней. В 1923 году он был командирован в Петроград, в Институт политпросветработы [Вербицкая, 2004]. Здесь его преподавателем немецкого языка стала Элеонора Генриховна Иогансон (Ellinor Johansson), замечательный германист, фольклорист, этнограф, автор учебников по немецкому языку, расстрелянная как немецкая шпионка в роковом 1938 г. [Светозарова, 2010]. Именно она заметила выдающиеся способности ученика и настоятельно советовала ему поступать в университет.

В 1924 г. Л. Р. Зиндер был переведен на романо-германское отделение факультета языка и материальной культуры Ленинградского университета, будущий филологический факультет. Здесь на первом собрании студентов-германистов, которое вел Виктор Максимович Жирмунский, Лев Зиндер познакомился с юной Татьяной Сокольской

(она родилась в 1907 г.), в замужестве Строевой, вскоре ставшей его другом, коллегой, а затем и соавтором большинства его германистических работ.

В университете Лев Зиндер и Татьяна Сокольская активно включились в работу семинаров, объединявших студентов всех курсов. Один из них, которым руководил В. М. Жирмунский, был посвящен исследованию фольклора и диалектов российских немцев-колонистов. На его основе в 1924 г. был создан «Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России» [Najdič, 1991; Berend, Jedig, 1991; Зиндер, 1998; Смирницкая, 2000; Светозарова, 2006; 2013]. Официально семинар входил в лингвистическую секцию Ленинградского института языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете, который в конце 20-х гг. был преобразован в Институт речевой культуры (ИРК). Приступая к этой работе, В. М. Жирмунский тщательно изучил методiku диалектологических исследований с точки зрения диалектной фонетики и грамматики, а кроме того, лингвогеографии по методике Марбургской школы.

Начиная с лета 1926 г., два раза в год, в период летних и зимних каникул Жирмунский вместе со своими учениками и коллегами выезжал в экспедиции в немецкие колонии Украины, Молдавии, Крыма, Закавказья, Ленинградской и Новгородской областей. Таким образом, были охвачены почти все важнейшие районы немецких поселений на территории СССР, за исключением Поволжья, где работали саратовские исследователи.

Участие Л. Р. Зиндера в экспедициях было очень активным. Только по записанным им на восковые валики немецким народным песням (на вкладыше к валикам всегда указывался собиратель) можно с уверенностью сказать, что он участвовал почти в трети экспедиций, проведенных В. М. Жирмунским, и записал 57 из сохранившихся 82 восковых валиков. Кроме этого, в экспедиционной работе песни писали и на восковые пластинки, полные тексты песен записывали от руки, «ручными» были и записи диалектов. Летом 1927 г. В. М. Жирмунский направил в украинскую немецкую колонию Белые Вежи (Конотопского округа УССР) трех студентов-германистов, окончивших четвертый курс, для полного обследования этой колонии, сбора материала и последующего написания дипломных работ. Валентина Погорельская занималась лексикой говора, в частности, «словарем крестьянского хозяйства», Татьяна Сокольская — историей говора и его происхождением, Лев Зиндер описывал фонетику и грамматику современного состояния говора колонии. В зимние каникулы в январе 1928 г. студенты еще раз съездили в украинскую колонию для пополнения материала, поскольку летом из-за сельскохозяйственных забот у них были сложности с записью диалектов и песен. Дипломные работы были успешно защищены весной 1928 г., после чего все трое стали работать в университете, а также в Институте истории искусств.

Во время двух поездок в колонию Белые Вежи, а также и в других экспедициях, которые, по замыслу В. М. Жирмунского, носили ком-

плексный характер, записывались немецкие народные песни и диалектный материал. Огромный массив записей, только малая часть которого была описана в публикациях В. М. Жирмунского и его коллег и учеников, к счастью, сохранился в архивах Санкт-Петербурга, где долгие годы после вынужденного прекращения экспедиций в 1930 г. пролежал практически невостребованным. Песенная часть этого собрания в значительной степени уже описана в работах, ведущихся с 1995 г., последнего года жизни Льва Рафаиловича. Работа над диалектными материалами началась еще позже.

Кроме полевых исследований, в работе по описанию диалектов немцев-колонистов была использована и методика рассылки анкет, заимствованная у составителей Немецкого Лингвистического Атласа (Deutscher Sprachatlas). Основу изучения диалектов группой В. М. Жирмунского составляла большая анкета, содержавшая три части:

- 1) 40 предложений немецкого диалектолога Георга Венкера (Wenkers Sätze);
- 2) 200 слов, добавленные Жирмунским с целью более систематического исследования фонетических и грамматических особенностей диалекта;
- 3) сведения о колонии и информанте, который заполнял анкету.

Фразы и слова, напечатанные на литературном немецком языке, надо было перевести на диалект.

Большое количество анкет было разослано учителям немецких сельских школ, которые являлись помощниками ленинградских исследователей «на местах». По мере заполнения анкеты отсылались В. М. Жирмунскому. Благодаря этому ему удалось охватить анкетным опросом огромное количество немецких колоний на Украине, в Крыму и в Закавказье. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранилось более 1000 заполненных анкет, которые в настоящее время сканируются и изучаются.

Хотя та же методика использовалась и в колониях, в которых работали сам В. М. Жирмунский и его коллеги и ученики, была ясна недостаточность такого метода, и ученые стремились записать живую диалектную речь. Об этом пишет Л. Р. Зиндер в своей дипломной работе: «Желая изучить структуру языка колонистов такую, какова она есть, не привнося несвойственных ей категорий, мы должны были бы пользоваться в своей работе, главным образом, методом пассивного изучения — „подслушивания“. Мы и пользовались им, поскольку это было возможно, присутствуя на сходах, собраниях и просиживая довольно много времени в кооперативе. Однако нам пришлось очень широко пользоваться также методом расспрашивания, ввиду краткости времени, бывшего в нашем распоряжении. Для того чтобы убедиться в правильности даваемых нам ответов, мы постоянно проверяли наши записи на реальных объектах» [Зиндер, 2006. С. 419].

Кроме 40 фраз Венкера и списка из 200 слов, В. М. Жирмунский упоминает еще один вид опросника, который относится к работе над

«Словарем крестьянского хозяйства». Сбор материала для этого словаря ученый считал важной составной частью экспедиционной деятельности. В Отчете об экспедициях 1926 г. он пишет: «Ближайшей задачей является собирание материала для словаря крестьянского хозяйства, включающего предметы крестьянского быта и трудовых процессов, крестьянского хозяйства, также имена местных растений (в особенности земледельческих), животных (в особенности домашних). Ввиду разноязычности диалектического материала, словарь должен быть дифференцирован по районам. Он будет также включать общеупотребительные заимствования из русского и украинского языков как свидетельства совершающегося культурного обмена»². Через два года, в Отчете о поездках в Крым и Закавказье за 1928 г., В. М. Жирмунский сообщает: «Собран материал для географического словаря соответствующих говоров по анкетам немецких диалектологических словарей, преимущественно из области, соприкасающейся с этнографией / „словарь крестьянского хозяйства“/. Колебания в обозначениях разных предметов будут служить дополнительным признаком при локализации говоров»³.

Более конкретные сведения об анкете для сбора данных можно найти в статье В. М. Жирмунского «Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР». В ней он пишет: «Большое значение при изучении процессов смешения имеет географическая лексикография, т. е. вопросы, связанные с территориальной дифференциацией словарных синонимов. Наиболее дифференцированы в географическом отношении названия, входящие в состав так называемого „этнографического словаря“, поскольку они часто не имеют соответствий в словарном составе общенационального языка: производственная терминология крестьянского хозяйства, с примыкающей к ней культурно-бытовой сферой. Словарная анкета, разосланная мною весной 1930 г., с помощью инспектуры немецких школ, по всем украинским колониям, состояла из 50 слов, относящихся к географически дифференцированной терминологии крестьянского хозяйства: названия домашних и полевых животных, жилища и его частей, утвари, земледельческих орудий и процессов. Две аналогичные анкеты были разосланы несколько ранее по волжским колониям Этнографическим музеем в г. Энгельсе» [Жирмунский, 1933. С. 98–99].

В уже упомянутом месте хранения диалектных материалов В. М. Жирмунского, СПФ АРАН в деле № 400, 1928, сохранилось большое количество анкет лексикологического характера (Mundartliche Fragebogen), заполненных преподавателями немецких национальных школ на Украине.

В анкете представлены 50 вопросов, относящихся к диалектным названиям домашних и иных животных и птиц, предметов быта, крестьянского жилища, орудий труда, 4 глагола, обозначающие виды крестьян-

² С.-Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 1001, опись 2, дело 112.

³ Там же.

янских работ (*пахать, рыхлить* и др.); для некоторых понятий даны и русские соответствия. Во второй части анкеты содержатся общие вопросы: название деревни, адрес, имя учителя, степень владения диалектом, дата основания колонии и др. Анкета напечатана в типографии в Харькове тиражом 1000 экземпляров. Можно предположить, что именно о ней (или об одном из ее вариантов) В. М. Жирмунский писал в своей статье 1933 г. В подготовке лексического материала, очевидно, активно участвовал и Л. Р. Зиндер. Об этом свидетельствует хранящаяся в СПФ АРАН в деле А403 «Словарная картотека названий домашних животных и птиц в немецких диалектах. Автографы Л. Р. Зиндера и др.⁴ (1930–1932)». Это 142 небольшие карточки, разложенные по алфавиту, по начальным буквам заглавного слова. На каждой карточке дается диалектное соответствие указанному слову и перечислены те колонии, в которых оно было зафиксировано. Например:

1. Ameise
Hemsächer Mariental O⁵. Selz O.
2. Ameise
Imins [-e] Worms N⁶.
3. Ameise
Imenz München N. [-se] Speyer N. [-ze]
Kathariental N. [-ns] Karlsruhe N.
4. Ameise
Imes Mannheim O. Kassel O.
Landau N. Sulz N. Rohrbach N.
5. Ameise
Emenz Rastatt N.

Количество зафиксированных в картотеке диалектных вариантов колеблется от 1 (слово *Ochs*) до 14 (слово *Ameise*), в среднем — 4,7. В отдельных случаях вместо названия колоний дается обобщенное название более крупного региона: Tr, Sukr, Nukr, что означает распространение данного диалектного варианта, соответственно, в Закавказье, Северной или Южной Украине. Например:

41. Fledermaus
Speckmaus Sukr Tr Nukr
77. Kalb
Kalb Sukr Nukr

Диалектные варианты немецких слов в основном даны в орфографии, поскольку правила немецкой графики в целом неплохо передают состав фонем. Транскрипция встречается лишь в немногих случаях. Очевидно, орфографическая запись была вызвана также тем, что гото-

⁴ Это и др. вызывает вопросы, т. к. почерк всюду явно один и тот же.

⁵ O. = Odessaer Kreis, т. е. Одесский округ.

⁶ N. = Nikolaever Kreis, т. е. Николаевский округ

вился словарь, где слова должны были быть записаны именно в таком виде, и, как обычно в подобных словарях, часть записей отражала фонетический облик слова. Например, написание w в *Liewerhergotts Käferle* несомненно отражает спондизацию смычного в интервокальном положении. Но иногда записанная орфографическая форма вряд ли соответствует диалектному произношению. Например, *Vögele* едва ли произносилось в соответствии с литературной нормой, т. к. в данных диалектах фонема g, как и b, также подверглась спондизации и произошла делабиализация.

Названия колоний даются без разделения знаками препинания и в строчку, с указанием региона (района, округа) при помощи сокращенных обозначений (например, O. = *Odessaer Kreis*), в нескольких случаях встречается разделяющий знак (точка с запятой). В каждом районе колонии в картотеке чаще всего даются в определенном порядке (не алфавитном); в одном случае (O. = *Odessaer Kreis*) эта последовательность предположительно соответствует маршруту экспедиции, поскольку она совпадает с последовательностью записей песен, собранных в тех же колониях.

К сожалению, никаких разъяснений того, на какой основе составлялась картотека, не найдено. Однако ее анализ позволяет сделать два важных вывода.

1. Список слов несомненно связан с проектом «Словаря крестьянского хозяйства» и упомянутой выше анкетой по данному проекту. Об этом говорит простое сопоставление: из 30 заглавных слов картотеки 21 полностью совпадает с первыми 29 вопросами анкеты (вопросника). Чем объясняются расхождения, точно сказать пока нельзя. Можно предположить, что имелось несколько вариантов вопросника или, скорее, что существовал большой список, возможно, представленный в дипломной работе В. Погорельской, и на его основе составлялись разные опросники. И уже после завершения экспедиций, в 1930–1932 гг. Л. Р. Зиндер (или группа исследователей) обобщил результаты.
2. Список колоний убеждает нас в том, что данная картотека отражает диалекты именно тех немецких поселений Украины, Крыма и Закавказья, в которых работал сам Л. Р. Зиндер или другие участники экспедиций В. М. Жирмунского.

Всего в картотеке представлены названия 50 колоний из восьми выделяемых исследователями регионов⁷:

Одесский округ (15):

Alexanderhilf O. Baden O. Elsaß O. Franzfeld O. Freudental O. Gross-Liebental O. Güldendorf O. Kandel O. Kassel O. Klein-Liebental O. Mannheim O. Mariental O. Neuburg O. Selz O. Straßburg O.

⁷ Используемые обозначения отражают не только административное деление 1920-х гг., но и группы колоний, так, две херсонские колонии относятся к так называемому «шведскому» типу, а конотопские — к «беловежскому» типу.

Николаевский округ(11):

Johannestal N. Katharimental N. Karlsruhe N. Landau N. München N. Rastatt N. Rohrbach N. Speyer N. Sulz N. Waterloo N. Worms N.

Молдавская Республика (3):

Bergdorf MR Glückstal MR Neudorf MR

Крым (8):

Friedental Kr. Heilbrunn Kr. Herzenberg Kr. Kronental Kr. Neusatz Kr. Rosental Kr. Sudak Kr. Zürichthal Kr.

Закавказье (7):

Alexandersdorf T. Alexanderhilf Tr. Annenfeld T. Elisabeththal Tr. Helennendorf Tr. Katharinrnfeld Tr. Marienfeld Tr.

Херсонский округ (2):

Klosterdorf Cher Mühlhausendorf Cher

Конотопский район (2):

Belowjesch Kon. Gorodok Kon.

Днепропетровский округ (2):

Jamburg Dnj. Rybalsk Dnj.

В пяти регионах (О., Kr., Tr., Cher., Kon.) в экспедициях был Л. Р. Зиндер, в N. и Dnj. диалектные записи проводил сам В. М. Жирмунский, что следует из сегодня практически завершённой на основе архивных материалов обобщённой реконструкции всех экспедиций. Так, например, достоверно известно, что летом 1929 г. Л. Р. Зиндер один работал в так называемых «шведских колониях» Херсонского округа, в то время, когда В. М. Жирмунский записывал диалектный и фольклорный материал в колонии Ямбург на Днестре.

Тот факт, что некоторые слова даны в транскрипции, говорит в пользу предположения, что анкетирование проводили не учителя немецких школ, а сами участники экспедиций, в том числе и Л. Р. Зиндер.

В картотеке Л. Р. Зиндера представлена в основном лексика западносреднегерманского, т. е. рейнскофранкского, точнее южнорейнскофальцского типа с некоторыми элементами южнонемецкого (эльзасского) и швабского. Известно, что многие обследованные села были основаны выходцами из Бадена, Пфальца, северного Эльзаса, а кроме того, из Вюртемберга. Именно эти области были центрами эмиграции колонистов в XVIII–XIX вв. В колониях Закавказья в наиболее чистом виде представлены швабские диалекты, а в Ямбурге на Днестре — баварские. Во многих колониях франкские диалекты смешивались со швабскими, в результате чего наиболее выпуклые отличительные черты швабского, названные Жирмунским первичными признаками, отпадали. В любом случае большинство из представленных диалектов — смешанные. В. М. Жирмунский приводит свидетельство одного из участников переселения Э. Вальтера (1849), утверждавшего, что при образовании колоний вместе селились не земляки, а случайно познакомившиеся в пути люди [Жирмунский, 1976. С. 509]. Впоследствии происходила унификация диалекта в той или иной колонии. Имен-

но этот процесс смешений и выравнивания особенно интересовал В. М. Жирмунского, разрабатывавшего теорию первичных и вторичных признаков. В его статьях, посвященных закономерностям диалектных смешений [Жирмунский, 1929, 1931], использован материал колоний районов Крыма, Одессы, отчасти и Закавказья. Не случайно, что именно в них Л. Р. Зиндером была собрана лексика, представленная в картотеке. Очевидно, поручив своему ученику собрать соответствующий материал, В. М. Жирмунский хотел расширить изучение диалектных смешений, включив в него лексику. Особенно его интересовало смешение швабских и франкских говоров с образованием диалектов, названных им новшвабским или крымско-швабским. Наблюдения над собранным материалом действительно позволили сделать важные научные выводы.

Наименование домашних животных и насекомых — одна из сфер лексики, важных для диалектологии, т. к. именно здесь наблюдается большое диалектное варьирование. Диалектные варианты одного и того же понятия могут выражаться как в фонетико-фонологических различиях, так и в использовании разных корней, включая вытеснение исконного слова заимствованием. Кроме того, эта сфера лексики является важной и относительно стабильной частью крестьянского словаря.

Как отмечалось выше, теоретические проблемы, ставившиеся В. М. Жирмунским при изучении немецких островных диалектов, касались закономерностей диалектных смешений. При этом наибольшее внимание уделялось фонетике, хотя изучались и морфологические явления. Но, как полагал В. М. Жирмунский, лексика должна в такой работе также приниматься во внимание. При вытеснении грамматических признаков побежденного говора нередко сохраняются отдельные словарные реликты. Такие реликтовые слова были найдены в колонии Рыбальск Днепропетровского округа, где сначала жили меннониты, говорившие на нижненемецком, а затем поселились колонисты из западной Германии, говорившие на одном из рейнско-франкских диалектов. Так, слово *Kojel* 'Zuchtschwein' (номер 108 в картотеке Зиндера), по-видимому, происходит из древнепрусского языка — *cuylis* [Жирмунский, 1931. С. 106]. Аналогичные реликты записаны Л. Р. Зиндером в колониях Бериславского района (Schwedengebiet), например, *gendr* 'гусак' и др. [Жирмунский, 1931. С. 106; 1933. С. 98–99]. В результате швабско-пфальцских диалектных смешений, подробно изучавшихся Жирмунским, типичные швабские признаки часто отпадают. Так, первые поселенцы в колониях Александерхильф и Нойбург (1805 г.) происходили из Вюртемберга и говорили на швабском диалекте, но многие из них погибли из-за эпидемий. Затем туда же приехали говорившие на пфальцском диалекте так называемые «венгры». Как показал В. М. Жирмунский [Жирмунский, 1976. С. 503], при смешении победили пфальцские диалектные черты, хотя некоторые фонетические особенности швабского в диалектах этих колоний сохранились. Что касается лексики, то многие слова здесь пфальцкого, а не швабского происхождения: *Ganeser* 'Gänserich' (швабск. *Gänsker*) (картотека 48, 53;

[Жирмунский, 1931. С. 107]). Рассматривая диалектные смешения, В. М. Жирмунский [Там же. С. 107–109] обнаруживает, что и в лексике верх одерживают пфальцские формы, что объясняется не количеством носителей этого типа диалектов, а их более высоким социальным статусом в колониях.

Анализ заимствований из языка окружения влечет за собой ряд трудно разрешимых вопросов. В какой степени колонисты общались со своими славянскими соседями? Было ли заимствование вызвано отсутствием соответствующего слова, часто обозначающего новое для носителей диалекта понятие, в их диалекте? Существовали ли лексические дублиеты *исконное / заимствованное слово*? Прежде всего, заимствований в представленном материале немного, поэтому речь не идет о вытеснении диалекта в результате двуязычия. В данной сфере лексики едва ли перед нами новые понятия, поэтому, если слово заимствовалось, то, скорее всего, оно вытесняло исконное. Слова 'утка' и 'селезень' (номера 21, 24–29 в картотеке) в некоторых диалектах соответственно отражены как *Katsch*, *Katsche* и *Katscherich*, *Kätscherich*, *Katschkerich*, *Katscher*, *Kätkscher*, *Katschker*. Их источник — украинское *качка* ('утка'). Слово подверглось морфологической адаптации — в большинстве приведенных слов суффикс *к* в слове *качка* был отброшен, а в конце произошла апокопа или редукция гласного. Слово 'селезень' также образовано от украинского *качка* с использованием немецкого суффикса, по аналогии с *Ente* — *Enterich*, либо с помощью суффикса *-er*. Умлаут, встречающийся в некоторых примерах, наглядно показывает, что не только сам суффикс, но и чередование гласного стало морфологическим средством. Перед нами случаи гибридного словообразования — украинский корень слова и немецкие суффиксы. Что касается форм *Katschene*, *Kätschene*, то, по-видимому, это множественное число от *Katsche*. Заимствованием из украинского являются также слова *Buhai* 'Zuchtstier' (Jamburg Dnj., Belowjesch Kon.) и *Kumar* 'Mücke' (Jamburg Dnj., Rybalsk Dnj.), как и *Sucke* 'weiblicher Hund' (Gross-Liebental O., Neuburg O., Freudental O.). Список славянских заимствований этим исчерпывается; таким образом, рассматриваемая сфера лексики была относительно устойчивой.

Из картотеки видно, что даже в соседних колониях одно и то же понятие часто обозначается разными словами. Пестрота лексических вариантов отражает их разнообразие на немецкой диалектологической карте. При этом во многих случаях трудно сказать, из какого точно населенного пункта колонистами «было привезено» то или иное слово. Четко выделяются среди прочих закавказские колонии, основанные вюртембергскими сепаратистами, сохранившими швабский диалект. Так, форма *Heale* 'цыпленок' (*Hühnlein*), встречающаяся в закавказских колониях, содержит типично швабский дифтонг. Характерны для закавказских колоний слова *Hammel* 'Kalb', *Relling* 'Kater', *Kriks* 'Heuschrecke', *Zudel* 'weiblicher Hund'. Можно обнаружить некоторое, правда, весьма относительное, единство лексики и в других районах. Например, слова *Katsch* 'Ente', *Katscherich* 'Enterich', *Mallert*

‘Kater’, Hetsch ‘männliches Schwein’ характерны для одесских колоний. Но принцип изоглоссы, естественно, не применим к островным диалектам, где распространенность того или иного явления подчиняется особым закономерностям.

Таким образом, картотека Л. Р. Зиндера представляет собой важный для диалектной лексикографии материал, который может быть включен в фундаментальные диалектные словари. Он демонстрирует, кроме того, пути развития лексики с точки зрения принципов номинации и сдвигов во внутренней форме слова, а также морфологической и фонетической интеграции заимствований. Лексический материал, собранный Л. Р. Зиндером, был широко использован В. М. Жирмунским для изучения смешения диалектов. К сожалению, работу над островными диалектами пришлось прервать, и огромный собранный материал остался необработанным.

ЛИТЕРАТУРА

- Вербицкая Л. А.* Л. Р. Зиндер — профессор Петербургского университета // Фonetические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера / науч. ред. Л. В. Бондарко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 8–14.
- Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 84–112.
- Жирмунский В. М.* Проблемы переселенческой диалектологии // В. М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976 (первая публикация 1929 г.). С. 491–516.
- Жирмунский В. М.* Процессы языкового смешения в франко-швабских говорах южной Украины // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931. С. 93–109.
- Зиндер Л. Р.* В. М. Жирмунский и островная диалектология // Язык и речевая деятельность. Т. 1. СПб., 1998. С. 187–193.
- Зиндер Л. Р.* Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи (Дипломная работа. Май 1928) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. II, ч. I. СПб.: Наука, 2006. С. 419–446.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л.: Наука, 1978. С. 57–162.
- Пузейкина Л. Н., Светозарова Н. Д.* Белые Вежи (первая научная работа Л. Р. Зиндера) // Немецкая филология в Санкт-Петербурге в Санкт-Петербургском государственном университете. Памяти учителей — Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум: сб. статей. СПб., 2012. С. 74–98.
- Светозарова Н. Д.* Забытое имя — фольклорист Эллинон Иогансон // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: сб. научных статей, посвященный 70-летию И. И. Земцовского. Ч. 1. СПб.: РИИИ, 2010. С. 223–231.
- Светозарова Н. Д.* Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского) // «Magister Dixit», научно-педагогический журнал Восточной Сибири. № 3 (09). 2013. С. 117–123. (URL: <http://md.islu.ru/>).
- Светозарова Н. Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 2. М., 2006. С. 137–147.

- Смирницкая С. В. В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 61–70.
- Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie ("Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.V.", Bd. 53). Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1991. S. 113–150.
- Najdič L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte — Brauchtum — Folklore // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik-Beihefte 94. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997.
- Najdič L. Viktor Maksimovič Žirmunskij als Dialektologe // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1991. H. 2. S. 131–146.
- Sokolskaja T., Sinder L. Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1930. 54. S. 334–355.

REFERENCES

- Verbitskaya L.A. L.R. Zinder — professor *Peterburgskogo universiteta* [Zinder — a professor of Leningrad University]. Foneticheskie chteniya v chest 100-letiya so dnya rozhdeniya L.R. Zindera, nauchny redaktor L.V. Bondarko [sc. ed. L.V. Bondarko]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2004, s. 8–14.
- Zhirmunskiy V.M. Itogi i zadachi dialektograficheskogo issledovaniya nemetskikh poseleniy SSSR [Results and purposes of the dialect and graphical research of the German settlements of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya*, 1933, № 2, s. 84–112.
- Zhirmunskiy V.M. *Problemy pereselencheskoy dialektologii* [The issues of the emigrant dialectology]. V.M. Zhirmunskiy. Obshchee i germanskoe yazykoznanie. Leningrad, Nauka Publ., 1976 (pervaya publikatsiya 1929 g. [First Publ. in 1929]), s. 491–516.
- Zhirmunskiy V.M. *Protsey yazykovogo smesheniya v franko-shvabskikh govorakh yuzhnoy Ukrainy* [The processes of the language mixing in the Franco-Swabian dialects]. Yazyk i literatura. T. VII [Vol. 7]. Leningrad, 1931, s. 93–109.
- Zinder L.R. V.M. *Zhirmunskiy i ostrovnaya dialektologiya* [V.M. Zhirmunsky and island dialectology]. Yazyk i rechevaya deatelnost. T. 1 [vol. 1]. Saint Petersburg, 1998, s. 187–193.
- Zinder L.R. *Opisatel'naya grammatika sovremennogo govora nemetskoj kolonii Belye Vezhi (Diplomnaya rabota. May 1928)* [Descriptive grammar of the modern dialect of the German colony Belye Vezhi (Thesis. May 1928)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. Tom II, chast I [Vol. II, part 1]. Sankt-Petersburg, Nauka Publ., 2006, s. 419–446.
- Zinder L.R., Stroeva T.V. V.M. *Zhirmunskiy kak polevoy dialektolog* [V.M. Zhirmunsky as a field dialectologist]. Problemy arealnykh kontaktov i sotsiolingvistiki. Leningrad, Nauka Publ., 1978, s. 57–162.
- Puzeykina L.N., Svetozarova N.D. *Belye Vezhi (pervaya nauchnaya rabota L.R. Zindera)* [Belwy Vezhi (the first scholarly work by L.R. Zinder)]. Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. Pamyati uchitiley — L.R. Zindera, T.V. Stroevoy, G.N. Eikhbaum: sb. statey. Saint Petersburg, 2012, S. 74–98.
- Svetozarova N.D. *Zabytoe imya — folklorist Ellinor Ioganson* [The forgotten name — a folklorist Ellinor Iogansen]. Folklor i my: Traditsionnaya kultura v zerkale ee vospriyatiy: sb. Nauchnykh statey, posvyashchenny 70-letiyu I.I. Zemtsovskogo. Ch. 1 [Vol. 1]. Saint Petersburg, RIII Publ., 2010, s. 223–231.

- Svetozarova N.D. *Otchety ob ekspeditsiyakh kak unikalny istochnik informatsii (na materiale folklorno-dialektologicheskikh ekspeditsiy V.M. Zhirmunskogo)* [The reports on the expeditions as a inoque source of information: a case study of folklore and dialect expeditions of V.M. Zhirmunsky]. «*Magister Dixit*», *nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoy Sibiri*, 2013, № 3 (09), s. 117–123. (URL: <http://md.islu.ru/>)
- Svetozarova N.D. *Folklorno-dialektologicheskie ekspeditsii V.M. Zhirmunskogo i ego «Arkhiv nemetskoy narodnoy pesni»* [Folklore and dialect expeditions of V.M. Zhirmunsky and his archive “The archive of the German folk songs”]. *Russkaya germanistika. Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov. Tom 2. Moscow, 2006, s. 137–147.*
- Smirnitckaya S.V. *V.M. Zhirmunskiy i leningradskiy tsentr po izucheniu nemetskikh poseleniy v Rossii* [V.M. Zhirmunsky and Leningrad centre of studying the German settlements in Russia]. *Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskie nauchnye i kulturnye svyazi. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000, s. 61–70.*
- Berend N., Jedig H. *Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie* [German dialects in the Soviet Union. The history of research and bibliography]. (“Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.V.”, Bd. 53). Marburg, N.G. Elwert Verlag, 1991, S. 113–150.
- Najdič L. *Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad: Dialekte — Brauchtum — Folklore* [German peasants in St. Petersburg—Leningrad: Dialects — Customs — Folklore]. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik-Beihefte. 94. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1997.*
- Najdič L. *Viktor Maksimovič Žirmunskij als Dialektologe* [Viktor Maksimovich Zhirmunsky as a dialectologist]. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 1991, H. 2, S. 131–146.
- Sokolskaja T., Sinder L. *Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine* [High Hessian areal in North Ukrain]. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 1930, 54, S. 334–355.

Лариса Эриковна Найдич

Научный сотрудник

Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль

Larissa Naiditch

Scientific Researcher

The Hebrew University of Jerusalem, Israel

E-mail: larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Наталья Дмитриевна Светозарова

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник кафедры фонетики

Санкт-Петербургский государственный университет

Natalia Svetozarova

Doctor of Philology

St.-Petersburg State University, Russia

E-mail: ndsvetozar@gmail.com

С. Т. Нефёдов

Санкт-Петербургский государственный университет

АВТОРЕФЕРЕНЦИЯ В НАУЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: профессиональные языки коммуникации, авторизация, лингвистический дискурс, общенаучные максимы общения, «запрет на авторизацию», научный текст.

В статье обсуждаются прагматические основания применения в научных текстах автореферентных обозначений, посредством которых автор маркирует свое собственное участие в коммуникативно-познавательном процессе. На материале немецкоязычных научных статей и монографий уточняется функциональность одной из общенаучных максим общения (так называемого «запрета на авторизацию») применительно к профессиональной сфере теоретической лингвистики. Количественные подсчеты частотности авторизованных предикаций показывают, что их доля в общей сумме текстовых предикаций довольно высока и доходит в научных статьях до 7–8 %, а в научных монографиях – до 10 %. Это ставит под сомнение общепринятое мнение о «запрете на авторизацию» в научном общении, которая якобы противоречит научному стилю изложения объективных и общезначимых закономерностей. Применительно к теоретической лингвистике деагентивированная стратегия текстопорождения носит рекомендательный характер и основывается на общепринятых в лингвистическом сообществе конвенциях эффективного ведения профессиональной коммуникации. Применение эксплицитных автореферентных предикаций оказывается текстово-семантически обусловленным и прагматически мотивированным и характерно для речевых контекстов планирования проспективно-ориентированных действий, метакоммуникативного комментирования и авторизованного рассказа о подготовительных этапах к представлению научных результатов.

Sergey Nefedov

St. Petersburg State University, Russia

AUTOREFERENCE IN SCIENTIFIC LINGUISTIC DISCOURSE

Keywords: professional languages of communication, authorisation, linguistic discourse, scientific maxima of communication, “authorisation prohibition”, scientific text.

The article discusses pragmatic bases of using self-referential marks in the scientific texts to identify the author’s own participation in communicative and educational process. Based on the German scientific texts, the article specifies how functional is a scientific maxima of communication (so-called “authorisation prohibition”) in terms of theoretical linguistics. The qualitative analysis of authorised predications shows that they account for 7–8 % of all the predications in the scientific articles and for up to 10 % in the scientific monographs. Thus, it undermines a universally acknowledged opinion on “authorisation prohibition” in scientific communication, which may seem to contradict to the scientific style of formulation of objective and universal laws. In regard

of theoretical linguistics, the de-agentation strategy in creating the texts is but advisory and based on conventions of successful professional communication adopted in linguistic society. The use of explicit self-referential predications is determined by the text and semantics and motivated pragmatically; they are common to speech contexts to the planning of prospective and oriented actions, metacommunicative commenting and authorised account on preliminary scientific results.

В обыденном сознании людей и среди самих ученых глубоко укоренилось представление о том, что в научном тексте следует избегать самообозначений. Тот, кто пишет научный труд или делает доклад о результатах проведенного исследования, должен абстрагироваться от всего личного и индивидуального ради беспристрастности и объективности представления полученного знания. Такая социально закрепленная прескрипция вступает в явное противоречие с совершенно очевидным фактом: тексты научной коммуникации, как и все прочие тексты, создаются людьми и не могут не нести на себе печать субъективности и присутствия в тексте самого автора как индивидуальной психофизической личности и как участника коммуникативного процесса. Конечно, авторизация в научном тексте носит совершенно особый характер, т. к. неизбежно подчинена глобальной коммуникативно-прагматической цели научного общения — представлению выявленных закономерностей как общезначимых в надындивидуальном и вневременном модусе, в отвлечении от коммуникативной ситуации и ее участников [Graefen, 1997. S. 200–203]. В силу данной специфики научной коммуникации существенная доля авторизирующих смыслов не находит отдельного эксплицитного выражения во внешней структуре текста, но запрятана в семантику модально-эпистемических и рационально-оценочных элементов, в антропонимические значения предикатов безличных и пассивных конструкций, в метафорические и окказиональные словоупотребления. Эти и многие другие имплицитные средства формируют особый скрытый план авторизации, параллельный доминирующей надсубъектной линии научного изложения [Нефедов, 2013]. На общем безличном фоне научного текста эксплицитные автореферентные обозначения немногочисленны, но несут в себе высокий прагматический потенциал, находясь, если воспользоваться словами И. В. Арнольд, в «позиции выдвигания» [Арнольд, 1999. С. 202–211].

В общетеоретическом плане затрагиваемые в настоящей статье проблемы автореференции в научном тексте относятся к компетенции прагмалингвистики, которая занимается в общем и целом главным вопросом: как люди пользуются языком, его ресурсами в различных социальных контекстах? Если говорить точнее, то обсуждаемая здесь проблематика относится к сфере профессиональной коммуникации, изучения так называемых языков для специальных целей (*нем. Fachsprachen, англ. languages for specific purposes*).

Исходно принимается теоретическое положение о том, что только через анализ языковой структуры текстов, их лексического состава и грамматического оформления можно адекватно и эмпирически обо-

снованно судить, как протекает коммуникация в той или иной профессиональной сфере, например, в лингвистике. Иначе говоря: понимание того, как устроен лингвистический дискурс на поверхности речевых высказываний, дает возможность понять, как общаются лингвисты в своей профессиональной сфере.

Задача выявить, описать, а главное — объяснить характеристики профессионального дискурса через частотные/нечастотные элементы языковой структуры требует четко определить единицу членения в таком лингводискурсивном анализе. Вслед за У. Чейфом [Chafe, 1982], Х. Вайнрихом [Weinrich, 2007. S. 112–122] и А. А. Кибриком [Кибрик, 2009], в качестве такой единицы принимается «предикация». Под «предикацией» понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание пропозиционального содержания текста и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта, характеризуемого, предикандума) и предизируемого признака (предиката, характеристики). В каждом из этих компонентов «закодирована» и прочитывается информация о контрагенте. Каждый из них прогнозирует наиболее важные признаки противочлена и обнаруживает семантическую конгруэнтность по отношению друг к другу, что обеспечивает их взаимное смысловое «тяготение» [Эйхбаум, 1974. С. 68; 1996. С. 258–259] и, в конечном итоге, устойчивость предикации.

Проведенный анализ учитывает 3500 коммуникативно и по смыслу первичных предикаций, т. е. предикаций с личной формой глагола, без их деления на синтаксически ядерные и зависимые. Проще говоря, количество финитных форм предикатов, обнаруженных в текстах, соответствует количеству проанализированных предикаций. Грамматические, семантические и прагматические характеристики составляющих предикаций, а также статистическая оценка частотности предикаций с соответствующими свойствами компонентов позволяют сделать вывод о том, как построен текст, и, далее, объяснить, почему он построен так, а не иначе.

Интеллектуальным «триггером» для данной статьи стала работа Харальда Вайнриха «Язык, это значит языки» [Weinrich, 2006]. Уже в самом названии здесь заложена идея дифференцированности национальных языков по разным аспектам, в том числе в соответствии с задачами многообразных социальных практик. Для каждой социально значимой функции всегда имеется особый язык со своей лексикой, грамматикой, идиоматикой, принципами текстопостроения. Следует сказать, что Х. Вайнрих специально не занимался языком гуманитарных наук, а тем более языком теоретической лингвистики. Все его обобщения касаются языка науки в целом, научного дискурса (Wissenschaftssprache, scientific / academic writing) и учитывают эмпирические исследования лингвистов на базе, главным образом, естественнонаучных дисциплин.

Деятельность ученых, как и любая другая институциональная деятельность, имеет, согласно Х. Вайнриху, общие черты в коммуникативном и речевом поведении, поскольку опирается на общие, а потому

конвенциональные нормы и стандарты в соответствующей социальной группе. Эти черты проявляются, среди прочего, и в том, как представляются результаты научно-исследовательской деятельности в текстах. По сути, в научных текстах запечатлены модели коммуникативно-речевой деятельности и сам образ ученого-исследователя в контексте эпистемической ситуации познания. Представляется, что это довольно простая и понятная вещь, о которой говорят многие лингвисты и философы языка начиная с Людвиг Витгенштейна: язык «встроен» в жизнь, в социальные структуры; его власть незаметна, но огромна.

Примеров, подтверждающих данное положение, можно найти достаточно в каждой из социальных сфер коммуникации: 1) слово за слово — и нет семьи (бытовая сфера); 2) принял резкое, кардинальное решение или покритиковал начальство в авторитарном коллективе — и лишился должности (официально-деловые отношения); 3) заговорил в политике на языке эмоций, высокомерия и протекционализма определенных социальных групп («Россия дорого заплатит за свою позицию») — и обнаружил свое истинное лицо «партнера» (политика); 4) некорректно воспользовался «языком другого» как хранилищем чужих мыслей — и лишился ученых степеней и званий (научная сфера). *Summa summarum*: жизнь отражается в языке, а язык отражает жизнь.

Принципы общения в сфере науки Х. Вайнрих формулирует в заостренной, экстремально категоричной форме в виде известной триады общенаучных максим: «запрет на авторизацию» / «das Ich-Verbot»; «нарративный запрет» / «das Erzähl-Verbot»; «запрет на метафору» / «das Metaphern-Verbot».

В связи с данными максимами общения в науке возникает ряд вопросов: 1) Насколько данные тенденции в употреблении языка, выделенные на материале естественных наук (биологии, химии, физики, математики), приложимы к прототипическим гуманитарным дисциплинам, таким как философия, история, литературоведение и лингвистика? 2) Существуют ли другие максимы в научной коммуникации или этот список закрытый? 3) Можно ли говорить о специфических «профессиональных максимах научного общения», учитывая особенности получения и передачи знания в гуманитарных науках вообще и в лингвистике в частности?

Обсудим один из так называемых «запретов» в научном творчестве — «запрет на авторизацию» («das Ich-Verbot») — применительно к текстово-речевой коммуникации в теоретической лингвистике на примере научных статей и монографий.

Как показывает обследованный текстовый материал, эксплицитные автореферентные обозначения в указанных прототипических для теоретической лингвистики типах текста подчинены особо строгим правилам применения. Они используются в тексте не хаотично, а преимущественно в «коммуникативно-смысловых блоках» (о понятии «коммуникативно-смыслового блока» см., например: [Крижановская, 2006. С. 163–167]), в которых автор представляет композицию своего научного сочинения, делает адресатно-ориентированные метакомму-

никативные комментарии по поводу совершаемых речемыслительных операций, вспоминает о проделанной подготовительной исследовательской работе и т. д. Следует отметить, что вопросы тексто-семантической обусловленности автореферентных выражений в научном тексте, факторы, влияющие на их употребление, почти не интересовали лингвистов. В большей степени лингвистов привлекали общие когнитивно-прагматические и социально-психологические основания «присутствия» автора в научном тексте и способы экспликации этого присутствия. Вспомнить хотя бы исследования, проведенные под руководством профессора А. И. Варшавской [Барляева, 1993; Баракина, 1997; Архипова, 2002; Кованова, 2005]. Да и в зарубежной лингвистике, в частности в германистике, был период увлечения этой проблематикой в конце 1990-х гг. и начале 2000-х гг., когда проводились корпусные исследования больших массивов специальных научных текстов, правда, опять-таки главным образом текстов естественно-научных.

Низкий уровень эксплицитной авторизации научных текстов, показателем которого является нечастотность прямого обозначения автора через личные местоимения 1-го лица ед. и мн. числа, а также через функционально подобные им грамматические показатели 1-го лица в личных формах глагола, объясняется обычно, как уже отмечалось выше, установкой научной коммуникации на предельно объективное изложение результатов исследований, при котором нет места субъективности. В научной коммуникации все нацелено на включение полученных результатов в общий процесс обмена информацией, поэтому на первом плане оказывается надьиндивидуальная значимость научных результатов, а не участие и роль автора в их получении. Действительный агент научно-познавательной деятельности является лишь приходящим звеном, этапом в общем направлении научных исследований. Роль автора затушевывается и демонтируется. Доминирующим принципом изложения становится абстрагирование от коммуникативной ситуации смысло- и текстопорождения и от субъекта познавательной деятельности. Вся активность как бы вкладывается и делегируется самим научным сущностям и объектам. Они становятся формальными агентами научно-познавательного процесса; ср.: *Лингвистика изучает, Принцип требует экспликации, Вопрос стоит ребром, Анализ стремится охватить* и т. д. Поэтому формально субъектами выступают абстрактные понятия, свойства, процессы, а не лица.

Деконструкция агента в научном тексте хорошо изучена в традиционной грамматике, в которой отмечается высокий, до 40%, удельный вес пассива и его аналогов, а также частотность классифицирующих и экспликативных структур с копулятивными глаголами и прочих языковых маркеров [Кожина, 2006].

Внешняя деконструкция агента познавательного процесса в научном тексте имеет рациональное объяснение: хотя каждое исследование, безусловно, проводит конкретный автор или группа авторов, но они сами не являются объектом изучения и темой изложения. Поэтому

эксплицитное обозначение агенса научного исследования нарушило бы максимум релевантности в смысле П. Грайса [Grice, 1975].

Несмотря на то, что деагентивная стратегия научного изложения в целом доминирует в лингвистических текстах, все же процент предикаций с эксплицитными маркерами авторизации здесь гораздо выше, чем в научных текстах вообще (ср. 0,2% у Фр. Данеша, на которого ссылаются Х. Вайнрих и Г. Грефен). В обследованных текстах научных статей этот процент доходит до 7–8%, а в научных монографиях и того выше — 10%. Понятно, что в силу ограниченного объема рассмотренного языкового материала эти цифры не могут считаться абсолютными и окончательными. В значительной степени доля автореферентных самообозначений обусловлена также индивидуальной авторской манерой изложения, которая, в свою очередь, напрямую зависит от типа личности ученого и социального опыта ведения научно-исследовательской работы.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что хотя формально, на поверхности научный текст бессубъектен и действительный носитель познавательной активности отодвинут далеко на задний план, научный текст всегда воспринимается как текст конкретного автора. В процессе понимания научного текста фигура автора, указанная в начале статьи или на титуле монографии, в постоянном режиме присутствует, инферируется, домысливается и со-понимается, потому что научное общение является именно общением, интеракцией, обменом мнениями и направлено на получение ответной реакции.

Таким образом, максимы научного общения в целом и «запрет на авторизацию» в частности применительно к теоретической лингвистике не носят характер прескрипций, обязательных требований к исполнению. Они имеют рекомендательный характер и основываются на общепринятых в лингвистическом сообществе конвенциях эффективного ведения профессиональной коммуникации. Эти конвенции согласованы со спецификой передачи научного знания в лингвистике и формами его текстовой фиксации. Выявление типичных и нетипичных для лингвистического дискурса языковых форм, контекстуализирующих научно-познавательные ситуации, позволяет моделировать текстообразование в этой сфере социальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. статей / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 444 с.
- Архипова Л. В. Риторический прием автоинтерпретации как средство организации дискурса (на материале английской научной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 23 с.
- Баракина И. В. Семантико-прагматические характеристики эгоцентрических высказываний: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 16 с.
- Барляева Е. А. Средства актуализации автора научного текста (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 16 с.
- Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.

- Кованова Е. А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и культуры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с.
- Крижановская Е. М. Коммуникативный блок // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 163–167.
- Нефедов С. Т. ИмPLICITная авторизованность научного текста // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. СПб., 2013. № 10. С. 51–57.
- Эйхбаум Г. Н. Обособление в современном немецком языке. Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974. 210 с.
- Эйхбаум Г. Н. Теоретическая грамматика немецкого языка / под ред. проф. Л. Р. Зиндера. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 275 с.
- Chafe W. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Spoken and written language: Exploring orality and literacy / Ed. D. Tannen. Norwood, 1982. 267 p.
- Graefen G. Der wissenschaftlich Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997.
- Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics / Eds. P. Cole, J. Morgan. Vol. 3. New York: Seminar Press, 1975. Pp. 41–58.
- Steinhoff T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. Vol. 35. 2007. S. 1–26.
- Weinrich H. Sprache, das heißt Sprachen. 3., ergänz. Auflage. Tübingen: Narr, 2006.
- Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. 4., revidierte Auflage. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2007.

REFERENCES

- Arnol'd I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'*: sb. statej [Semantics. Stylistics. Intertextuality], науч. ред. P.E. Buharkin [sc. ed. P.E. Buharkin]. Saint Petersburg, St. Petersburg. Univ. Publ., 1999.
- Arhipova L.V. *Ritoricheskij priem avtointerpretacii kak sredstvo organizacii diskursa (na materiale anglijskoj nauchnoj prozy): Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [Rhetorical device of self-interpreting as means of discourse organization (based on the British science fiction prose): PhD Thesis]. Saint Petersburg, 2002, 23 s.
- Barakina I.V. *Semantiko-pragmaticheskie harakteristiki egocentricheskijh vyskazyvanij: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic and pragmatic characteristics of egocentric statements: PhD Thesis]. Saint Petersburg, 1997, 16 s.
- Barljaeva E.A. *Sredstva aktualizacii avtora nauchnogo teksta (na material anglijskogo jazyka): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Means of author's actualization of scientific text (based on the English language): PhD Thesis]. Saint Petersburg, 1993, 16 s.
- Kibrik A.A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikacii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy jazykoznanija*, 2009, № 2, s. 3–21.
- Kovanova E.A. *Ritorika avtobiograficheskogo diskursa (na material avtobiografij amerikanskijh dejatelej politiki i kul'tury): Avtoref. dis. ... kandidata filol. nauk* [Rhetoric of autobiographical discourse (based on autobiographies of American politicians and workers in culture): PhD Thesis]. Saint Petersburg, 2005, 19 s.
- Krizhanovskaja E.M. *Kommunikativnyj blok* [Communicative Blocks]. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka*, pod red. M.N. Kozhinoj [ed. M.N. Kozhinoj]

- zhina]. 2-e izd., ispr. i dop. [2nd ed., revisited and amend.]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2006, s. 163–167.
- Nefedov S.T. Implicitnaja avtorizovannost' nauchnogo teksta [Implicit authorisation of scientific text]. *Nauchnoe mnenie: nauchnyj zhurnal*. Sankt-Peterburgskij universitetskij konsorcium. Saint Petersburg, 2013, № 10, s. 51–57.
- Jejhbaum G.N. *Obosoblenie v sovremenom nemeckom jazyke*: Diss. ... d-ra filol. nauk. [Syntactic isolated structures in modern German: PhD Thesis]. Leningrad, 1974, 210 s.
- Jejhbaum G.N. *Teoreticheskaja grammatika nemeckogo jazyka* [Theoretical Grammar of German], pod red. prof. L.R. Zindera [ed. prof. L.R. Zinder]. Saint Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 1996, 275 s.
- Chafe W. *Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature*. Spoken and written language: Exploring orality and literacy, ed. D. Tannen. Norwood, 1982, 267 p.
- Graefen G. *Der wissenschaftlich Artikel – Textart und Textorganisation* [The scientific articles – text style and text organization]. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, Peter Lang, 1997.
- Grice H.P. *Logic and Conversation*. Syntax and Semantics, eds. P. Cole, J. Morgan. Vol. 3. New York, Seminar Press, 1975, Pp. 41–58.
- Steinhoff T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten [On the use of I in Scholarly Text]. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, vol. 35, 2007, s. 1–26.
- Weinrich H. *Sprache, das heißt Sprachen* [Language, it means Languages]. 3., ergänz. Auflage. Tübingen, Narr, 2006.
- Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache* [Text grammar of German]. 4., revidierte Auflage. Hildesheim; Zürich; New York, Georg Olms Verlag, 2007.

Сергей Трофимович Нефёдов

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Sergey Nefedov

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: nefedovst@gmail.com

Л. А. Пиотровская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург

ЭМОТИВНОСТЬ И ДЕЙКСИС

Ключевые слова: эмотивность, эмотивные высказывания, эмотивный синтаксис, местоименно-вопросительные слова, местоименно-указательные слова, эмотивно-дейктические слова, партикуляризация.

Объектом исследования являются эмотивные высказывания, т. е. высказывания, в коммуникативной характеристике которых доминирует намерение субъекта речи выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к кому-либо или чему-либо. Синтаксические модели, по которым создаются такие высказывания, образуют особую подсистему, называемую эмотивным синтаксисом. Обобщение данных, полученных на материале разных языков, позволило выявить активную тенденцию эмотивного синтаксиса – партикуляризацию слов различной морфологической природы, в первую очередь – слов с местоименно-вопросительной и местоименно-указательной семантикой. В статье предлагается когнитивная и грамматическая трактовка процесса партикуляризации местоимений, наречий и числительных с вопросительной семантикой. Одни дейктические слова полностью переходят в разряд частиц; другие, сохраняя ряд грамматических признаков слов, с которыми они связаны генетически, занимают промежуточное положение между частицами и местоимениями/наречиями/числительными. Для обозначения компонентов эмотивных высказываний с местоименно-вопросительным или местоименно-указательным значением предлагается термин «партикуляризованные эмотивно-дейктические слова», который может объединить слова, характеризующиеся разной степенью партикуляризации.

Larisa Piotrovskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia

EMOTIVITY AND DEIXIS

Keywords: emotivity, emotive utterances, emotive syntax, interrogative pronouns, indexical pronouns, emotive-deixis words, particularisation.

The main concern of the research is emotive utterances, i.e. utterances which are communicatively prevailed by the intention of the subject of the speech to express his/her emotional state or disposition to someone or something. Syntactical models of the utterances constitute a subsystem of the linguistics, called emotive syntax. The analysis of various languages reveals a current tendency in the emotive syntax – particularisation of the words of various morphology, primarily, words with semantics of interrogative pronouns and indexical pronouns. The article favoured a cognitive and grammatical approach to particularisation of pronouns, adverbs and numerals with the semantics of interrogative words. Some deixis words completely move into the category of particles, while others fall in between particles and pronouns/adverbs/numerals, yet preserving some

grammatical features of the words, they are genetically linked with. We denote the components of emotive utterances with the meaning of interrogative pronouns and indexical pronouns by the term "particularised emotive-deixis words", which may cover the words with different degree of particularisation.

Языковые средства выражения эмоций как самостоятельный объект лингвистических исследований оказались в центре внимания лингвистов лишь в конце прошлого века. Одной из первых работ, в которой ставилась задача выявления разнообразных средств выражения эмоций — просодических, лексических, морфологических, синтаксических, графических, — было монографическое исследование Б. М. Чарльстон, выполненное на материале английского языка [Charleston, 1960].

В отечественной лингвистике при изучении проблем «эмоции и язык», «эмоции и речевая деятельность» наметилась тенденция к разграничению терминов «эмотивность», «эмотивный» vs. «эмоциональность», «эмоциональный». В. И. Шаховский предложил рассматривать две группы терминов в рамках понятийного аппарата различных научных дисциплин — лингвистики, с одной стороны, психологии, нейропсихологии и философии — с другой: «*Эмотивный* — то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. *Эмотивность* — имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции...» [Шаховский, 2009. С. 24] (курсив автора. — Л. П.). Разделяя необходимость разграничения понятий «эмотивность» и «эмоциональность» в составе категориального аппарата различных отраслей научного знания, считаем целесообразным несколько иное понимание термина «эмотивность». Принимая за основу функциональный подход к языку, мы определяем эмотивность как функцию языковых единиц, связанную с выражением либо эмоционального состояния субъекта речи, либо его эмоционального отношения к объективной действительности, к содержанию высказывания адресата, к самому адресату. Соответственно языковые единицы, выполняющие эмотивную функцию, квалифицируются нами как эмотивные, а значение языковых единиц, предназначенных для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения адресанта, — как эмотивное.

Еще Ш. Балли в начале XX в., поставив вопрос о том, «есть ли такие синтаксические факты, в которых выражение чувства *преобладает* над выражением чисто логической мысли» (y a-t-il des faits de syntax où l'expression du sentiment *prédomine* sur l'expression d'un fait de pensée purement intellectuel) [Bally, 1909. P. 261] (курсив автора. — Л. П.), дал на него утвердительный ответ и предложил термин «аффективный синтаксис».

В настоящее время имеются убедительные свидетельства того, что в синтаксическом строе различных языков существуют закрепленные модели построения высказываний, в коммуникативной характеристике которых доминирует намерение субъекта речи выразить свои

эмоции. Их описанию посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных лингвистов, выполненные на материале русского, чешского, английского, немецкого, французского, португальского и ряда других языков, хотя авторы этих работ по-разному называют такие высказывания и по-разному определяют соотношение эмоциональной и рациональной оценки в их содержании. Для обозначения соответствующих высказываний нами был предложен термин «эмотивные высказывания», а для выделения синтаксической подсистемы, включающей модели построения эмотивных высказываний, — термин «эмотивный синтаксис» [Пиотровская, 1994].

Выбор термина «эмотивный синтаксис» обусловлен необходимостью разграничить понятийно-терминологический аппарат лингвистики и других научных дисциплин, прежде всего — психологии. Поскольку термины «аффективный» и «эмоциональный» характеризуют психическое явление (соответственно аффекты и эмоции), то считаем не вполне корректными термины «аффективный синтаксис» (Ш. Балли) и «эмоционально-экспрессивный синтаксис» (см., например: [Малинович, 1989]).

Таким образом, к области эмотивного синтаксиса, в нашем понимании, относятся модели построения эмотивных высказываний, т. е. высказываний, в коммуникативной задаче которых доминирует намерение субъекта речи не сообщить что-либо, не побудить к чему-либо, не запросить информацию, а выразить эмоциональную оценку по отношению к чему-либо (ситуации общения, собеседнику, содержанию его высказывания, положению дел во внеязыковой действительности) или общее эмоциональное состояние.

Анализ структурно-семантических моделей построения эмотивных высказываний позволил нам выделить три класса таких высказываний, различающихся по доминантному средству формирования эмотивного значения всего высказывания [Пиотровская, 1993]:

- 1) эмотивные высказывания, построенные по типизированным эмотивным синтаксическим моделям, например: *Поговори еще у меня!*; *Тоже мне, умник нашелся!*; *Вот так история!*; *Ну и люди!*; *Нет чтобы подождать!*; *А еще друг называется!*; *Подумаешь, герой!*; *Вот тебе и разогрела!*; *Вот так силач!*;
- 2) эмотивные высказывания со специализированными (лексическими) маркерами эмотивности, например: *Это я-то испугался?*; *Неужели и здесь небезопасно?*; *Вы что — незнакомы?*; *Вот не думал никогда об этом!*;
- 3) эмотивные высказывания, омонимичные высказываниям других коммуникативных типов и отличающиеся от них интонационным оформлением (ср.: обращение *Костя!* и эмотивное высказывание *Как уехал!*; выражающее упрек; вопросительное высказывание *Как уехал?* и эмотивное *Как уехал?!* с типовым эмотивным компонентом значением 'выражение удивления' (подробнее о роли интонации в разграничении омонимичных вопросительных и эмотивных высказываний [Пиотровская, 2000]).

Высказывания первого класса создаются по синтаксическим моделям, обладающим высокой степенью фразеологизации. Суть фразеологизации таких синтаксических моделей заключается в том, что преобладание эмотивного компонента в их типовом значении, коррелирующее с основной коммуникативной задачей говорящего, обусловлено не отдельными компонентами, а всей моделью в целом. Именно в силу фразеологизации они в принципе не могут быть описаны как модификации каких-либо «основных» синтаксических моделей, на что впервые обратила внимание Н. Ю. Шведова. Сравнивая, в частности, предложения *Вот так дом!* и *Дом!*, Н. Ю. Шведова подчеркивала, что они представляют собой «разные синтаксические типы предложений» [Шведова, 1960. С. 238]. Развивая идею Н. Ю. Шведовой о разной степени фразеологизации синтаксических моделей, мы предложили применить классификацию лексических фразеологизмов, разработанную В. В. Виноградовым, к характеристике типизированных эмотивных синтаксических моделей [Пиотровская, 1998].

Специализированными маркерами эмотивности называются такие компоненты, изъятие которых не приводит к образованию грамматически неправильного предложения, однако принципиально меняет его коммуникативную характеристику; ср.: *Это я-то испугался?! и Я испугался?*; *Неужели и здесь небезопасно? и Здесь небезопасно?*; *Вы что — незнакомы? и Вы незнакомы?*; *Вот не думал никогда об этом! и Не думал никогда об этом*. Высказывания без данных маркеров, будучи повествовательными или вопросительными, в зависимости от интонационного оформления являются либо эмоционально нейтральными, либо эмоционально окрашенными.

Анализ структурных особенностей эмотивных высказываний всех трех классов свидетельствует о широком употреблении в их составе различных частиц, значительная часть которых этимологически восходит к местоименным словам с вопросительным или указательным значением.

На эмотивные высказывания, содержащие в глубинной структуре вопрос, обращали внимание многие лингвисты [McCawley, 1973. P. 377; Elliot, 1974; Wierzbicka, 1980. P. 331 et.]; ср. эмотивные высказывания с местоименно-вопросительными словами русского языка: *Какая красота!*; *Как я устала!*; *До чего она похожа на мать!*; *Куда же ты в дверь лезешь?*; *Как это ужасно!*; *Что я видела!*; *Что творится!* и др. Д. Эллиот, приводя высказывания типа *Какая красивая девочка!* из английского, французского, немецкого, русского, румынского, турецкого, китайского и японского языков, заключает, что речь идет об определенной семантической универсалии [Elliot, 1974. P. 244–245].

Грамматическая характеристика компонентов, входящих в состав эмотивных высказываний и имеющих местоименно-вопросительное значение, которая содержится в грамматических исследованиях и словарях, позволяет говорить о том, что квалификация их как частиц вызывает определенные трудности, обусловленные, с одной стороны, особенностями их значения, а с другой — спецификой граммати-

ческой формы. Примером единиц с неоднозначной грамматической квалификацией являются слова *как*, *какой*, *сколько*, *это* и некоторые другие.

Так, А. М. Пешковский, определяя категориальный статус слов *как*, *какой*, *сколько* в составе эмотивных, в нашем понимании, высказываний, называл их «восклицательными членами», отмечая, что они являются «полными словами с самостоятельным значением» [Пешковский, 1956. С. 358]. Позднее более распространенной стала квалификация их как эмоционально-усилительных частиц [Грамматика русского языка, 1960. С. 366]. Однако И. П. Распопов использует данный термин при характеристике слов *как*, *какой*, *сколько* в составе только тех эмотивных высказываний (в терминологии И. П. Распопова — «собственно восклицательных предложений»), в которых «выражение вопроса о признаках или обстоятельствах с помощью соответствующих местоимений и наречий невозможно в предложении уже потому, что данные признаки (обстоятельства) обозначены полнозначительными словами» [Распопов, 1960. С. 14], т. е. в высказываниях типа *Какой чудесный голос!*; *Как громко он кричит!*. Термин «аксиологические моделирующие частицы», предложенный В. П. Проничевым [Проничев, 1991. С. 51], позволяет подчеркнуть, с одной стороны, их структурную функцию («моделирующие»), а с другой — содержание высказываний («аксиологические»), соотносимое с их доминирующей коммуникативной задачей. Однако этот термин представляется не вполне точным, поскольку он не учитывает существенного различия между эмоциональной и рациональной оценкой (см., например: [Вольф, 1980. С. 40–42 и др.]).

Квалификация данного класса слов, на наш взгляд, должна быть одинаковой во всех эмотивных высказываниях, независимо от того, называется соответствующий признак полнозначным словом или нет; ср.: *Какой чудесный голос!* и *Какой голос!*; *Как громко он кричит!* и *Как он кричит!*; *Сколько времени тебя можно ждать!* и *Сколько тебя можно ждать!*. Однако безусловному отнесению слов *как*, *какой*, *сколько* к классу частиц препятствует разнообразие их морфологических и синтаксических признаков. *Какой*, изменяясь по родам и числам, так же, как прилагательное, образует словосочетание с существительным; ср.: *Какой ливень!*; *Какая прелесть!*; *Какое безобразие!*; *Какие люди!*. *Как*, будучи неизменяемым словом, может сочетаться с наречием или глаголом, сохраняя, таким образом, признаки наречия, например: *Как быстро ты растешь!*, *Как сжалось мое сердце!*. *Сколько*, образуя словосочетания с существительным в форме родительного падежа множественного числа, обладает признаками числительного, например: *Сколько раз тебе повторять об этом!*, и лишь в сочетании с глаголом утрачивает их, например: *Сколько я бродил здесь!* Следовательно, этимологическая связь данных слов с различными частями речи проявляется в словах *как*, *какой*, *сколько* достаточно ярко.

Разные синтагматические характеристики данного типа слов отмечаются и при анализе аналогичных эмотивных высказываний в дру-

гих языках. В то же время подчеркивается общность семантической и структурной функций всех местоименных по происхождению слов — формирование эмотивного компонента содержания высказываний и формализация всей конструкции в целом [Малинович, 1989. С. 96 и сл.]. Некоторые лингвисты, объектом изучения которых были высказывания, называемые нами эмотивными, предлагали и общее терминологическое обозначение этих слов, например «восклицательные прилагательные, местоимения и наречия» [Шигаревская, 1969], «экс-кламаторы» [Писарев, 1985].

Прежде чем предложить другой термин для этого класса слов, приведем семантическую характеристику аналогичных высказываний английского языка с местоименными словами *how* и *what*, которую дает А. Вежбицкая. Назвав отдельный класс речевых актов термином «восклицания» (exclamations), она так объясняет связь эмотивных высказываний с вопросительными: «Когда я говорю “How thin she is!”, я даю понять, что считаю слово “thin” слабым и неадекватным и что на самом деле я хочу сказать больше, чем выражает это слабое слово; в то же время я невольно признаю, что не могу найти подходящего способа выразить то, что я хочу сказать» [Wierzbicka, 1980. P. 330]. Таким образом, заключает автор, «все „вопросительные“ восклицания содержат в глубинной структуре компонент формы „Я не знаю, как это сказать“ или „Я не знаю, каким словом это назвать“ (или <...> „Я не знаю, что сказать“»)» [Wierzbicka, 1980. Pp. 330–331].

Несмотря на то, что вывод А. Вежбицкой основывается на анализе высказываний, в которых имеется знаменательное слово с оценочным значением (такие же высказывания учитывал и И. П. Распопов — см. выше), их общая семантическая характеристика может быть, на наш взгляд, распространена и на те эмотивные высказывания со словами *как*, *какой*, *сколько*, в которых оцениваемый признак не называется, например: *Какие люди!*; *Сколько можно повторять!*; *Как он поет!*. Более того, в таких высказываниях семантический компонент ‘я не знаю, как это сказать’ выявляется особенно ярко: семантическая функция знаменательных слов типа *люди*, *повторять*, *поет* сводится лишь к называнию объекта эмоциональной оценки без выделения признака, вызвавшего эмоциональную реакцию субъекта речи.

Таким образом, общей характеристикой всех высказываний с местоименно-вопросительными по происхождению словами является неадекватность обозначения какого-либо признака в широком его понимании. Причиной этого является эмоциональное состояние говорящего, определяющее способ восприятия чего-либо.

Отсутствие во многих эмотивных высказываниях слов, называющих признак предмета, который является объектом эмоциональной оценки, свидетельствует о недифференцированном отражении объективной действительности. Этот факт можно объяснить, если обратиться к результатам экспериментального исследования процесса восприятия в работе московского психолога Е. Ю. Артемьевой, которая предложила выделять в процессе восприятия любого объекта

«по крайней мере две принципиально различные по механизмам стадии: „первовидение“ — когда объект оценивается нерасчленимо-целостно, и „второвидение“ — когда он (объект) отдается на поаспектное анализирование классифицирующим системам типа систем сенсорных эталонов» [Артемьева, 1980. С. 32]. Раскрывая сущность «первовидения», Е. Ю. Артемьева подчеркивает, что на этом этапе восприятия «вопросы к объекту» «формулируются на языке эмоционально-оценочных координат» [Там же. С. 27], при этом актуализируются «структуры, характеризующие отношение к объекту, а не сами его свойства» [Там же. С. 33]. Таким образом, в эмотивных высказываниях отражается в значительной степени этап «первовидения» объекта, в силу чего говорящий не может выбрать адекватное номинативное языковое средство.

Это не только свидетельствует о преобладании эмотивного компонента значения в общем содержании высказывания, но и объясняет наличие в их составе слов с местоименным значением, т. е. слов, не называющих, а лишь указывающих на признак, вызвавший эмоциональную реакцию субъекта речи ввиду максимальной степени его выраженности. Учитывая сказанное, предлагаем для обозначения класса слов, формализующих синтаксическую модель и несущих на себе основную нагрузку в выражении эмоционального отношения говорящего, термин **«партикуляризованные эмотивно-дейктические слова»**.

Различие грамматических признаков эмотивно-дейктических слов создает широкие возможности образования и употребления высказываний, являющихся реализацией соответствующих синтаксических моделей в целом. Партикуляризация местоименно-вопросительных слов выявляется и при сопоставлении синонимичных эмотивных высказываний, создаваемых по разным синтаксическим моделям. Большинство высказываний с «бесспорными» частицами *что за* и *ну (о)* и может быть заменено высказываниями с эмотивно-дейктическими словами, например: *Какой голос! — Что за голос! — Ну и голос!; Какая нищета кругом! — Что за нищета кругом! — Ну и нищета кругом!*

Таким образом, в эмотивных высказываниях с эмотивно-дейктическими словами *как, какой, сколько* проявляется общая тенденция эмотивного синтаксиса, состоящая в партикуляризации местоименных слов. Об активности названной тенденции в эмотивном синтаксисе свидетельствует наличие и других структурных типов эмотивных высказываний, в частности, высказываний со специализированным маркером эмотивности *как*, которые образуют второй по частоте класс эмотивных высказываний русского языка, например: *Как не думал?; Как что за экзамен?; Как же пять?* и др. Данный тип эмотивных высказываний употребляется только в диалогической речи в составе ответной реплики с доминирующим эмотивным или эмотивно-оценочным компонентом значения ‘выражение изумления по отношению к содержанию высказывания собеседника’, иногда в сочетании с компонентом ‘выражение несогласия, возражения’. Такие

эмотивные высказывания в синтаксическом плане представляют собой неполные предложения: они обязательно включают в свой состав слово (или группу слов) предшествующего высказывания собеседника, характеризующее его пропозицию и вызывающее у говорящего эмоциональную реакцию, например: *А как это все осуществить на практике? Кто и где, например, будет заниматься продажей банкнот, золотых монет? Или о таких деталях вы еще не думали?* — *Послушайте, как не думал! Банкноты — во всех сберкассах, как облигации, чтобы никаких очередей. Монеты — в районных отделениях Госбанка* (Известия. 1991. 10 июня).

В толковых словарях русского языка отмечается, что частица *как* может употребляться только в составе высказываний, представляющих собой ответную реплику на вопросительное высказывание. Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал свидетельствует о том, что данный тип эмотивных высказываний может быть мотивирован и утвердительным высказыванием собеседника, что подтверждает широкую экспансию синтаксической модели эмотивных высказываний с частицей *как*, например: *Я ничего не понимаю.* — *Как не понимаешь?*; *Дело вовсе не в подарке.* — *Как не в подарке?* и под. Изменение коммуникативного типа мотивирующего высказывания не отражается на значении эмотивного высказывания с частицей *как*. Принципиально важным остается одно — сам факт выражения собеседником своего представления о чем-либо, абсолютно несовместимого с точкой зрения говорящего. Этим объясняется и возможное осложнение эмотивного компонента значения высказывания с частицей *как* компонентом 'выражение категорического возражения'.

Частица *как*, подобно эмотивно-дейктическим словам *какой*, *сколько*, генетически связана с местоименно-вопросительным словом. Сходство это не случайно. Поскольку в данном случае речь идет об эмотивных высказываниях, в которых выражается высшая степень удивления, считаем необходимым подчеркнуть связь между семантикой вопроса и названным эмотивным значением. Объяснение природы данного феномена оказалось возможным благодаря обращению к изучению прагматической функции языковых единиц: «Удивление и вопрос прагматически однонаправлены. Удивление сигнализирует сомнение, незнание, т. е. те значения, которые включает в себя вопрос» [Галочкина, 1983. С. 146].

Таким образом, универсальный характер семантической связи вопросительных и эмотивных высказываний обусловлен прагматическим сходством незнания и удивления.

Анализ эмотивных высказываний с частицей *как* позволяет привести еще одно доказательство активности процесса партикуляризации местоименных слов.

В качестве маркера эмотивности *как* свободно сочетается с другими частицами, образуя сложный комплекс, например: — *По-моему, я не сдам сегодня экзамен.* — *Как это не сдашь?*; — *Но мы с Вами не знакомы.* — *Как это не знакомы!*. Возможны сложные комплексы ча-

стиц, в состав которых входят производные частицы и неместоименного происхождения, например сочетания *то есть как*, *то есть как это*: — *Пустяки!* — *То есть как пустяки?*; — *Отойди.* — *То есть как это отойди?*

К семантическим универсалиям эмотивного синтаксиса относится и употребление в качестве структурообразующих компонентов эмотивных высказываний частиц, генетически связанных с местоименно-указательными словами, например: *Это я-то не понимаю?!*; *Это в восемнадцатом-то веке?*; *Вот безобразие!*; *Вот беда-то!*; *Вот так встреча!*; *Вот это концерт!*; *Вот тебе и разогрела!*; *Вот они, их изобретения!*; *Вот вам и цивилизация!* и др.

Прагматическая однонаправленность местоименно-указательных слов и выражения эмоций неоднократно отмечалась в специальной литературе. Т. М. Ушакова, описавшая это явление во французском языке (ср., например: *Cette question!*), предложила выделять «дейксис оценки», специфика которого состоит в том, что указательные детерминативы употребляются не для установления связи между названным предметом (явлением) и перцептивно воспринимаемым референтом, а для выражения субъективного (эмоционального) отношения к соответствующему предмету [Ушакова, 1978. С. 78]. Таким образом, взаимосвязь указательного значения и выражения эмоций, на наш взгляд, обусловлена тем, что указание на предмет осуществляется с целью выделения его из класса подобных.

В отличие от слов с местоименно-вопросительной семантикой, компоненты эмотивных высказываний, связанные по происхождению с местоименно-указательными словами, не вызывают трудностей в грамматической квалификации: и в грамматиках, и в специальных исследованиях они относятся к частицам. Но поскольку общим у двух категорий слов — с местоименно-вопросительным и местоименно-указательным значением — является, во-первых, дейктическая семантика, во-вторых, широкое их употребление в составе эмотивных высказываний, их сравнение лишь подтверждает положение о когнитивной связи эмотивности и дейксиса.

Обобщая анализ эмотивных высказываний с партикуляризованными эмотивно-дейктическими словами, можно сделать следующие выводы.

Одним из типичных структурообразующих компонентов эмотивных высказываний являются частицы, что обусловлено их категориальным значением. Местоименные слова, оказываясь в составе эмотивных высказываний, утрачивают свое лексическое значение, что является следствием их партикуляризации. Одни местоименные слова полностью переходят в разряд частиц; другие, при сохранении ряда морфологических признаков, занимают промежуточное положение между частицами, с одной стороны, и местоимениями, наречиями или числительными — с другой. Однако и в этом случае в соответствии с активной тенденцией в эмотивном синтаксисе они, несомненно, в большей степени выполняют функцию частиц, чем тех частей речи, с которыми они связаны генетически.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемяева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 128 с.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1980. 228 с.
- Галочкина И. Е. О соотношении понятий эмоционально-модальной и коммуникативной функций интонации // Сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1983. Вып. 216: Фонология и интонация. С. 130–152.
- Грамматика русского языка / ред. В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. Т. 2. Ч. 1: Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 702 с.
- Малинович Ю. М. Экспрессия и смысл предложения. Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 213 с.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
- Пиотровская Л. А. К вопросу о синтаксической фразеологии // Славистический сборник: в честь 70-летия профессора Петра Андреевича Дмитриева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. С. 111–118.
- Пиотровская Л. А. Роль интонации в противопоставлении эмотивных и вопросительных высказываний // Язык. Функции. Жизнь: сб. ст. в честь профессора Александра Владимировича Бондарко. СПб.: Русский текст, 2000. С. 115–124.
- Пиотровская Л. А. Эмотивность как языковая категория // Вестник Санкт-Петербур. ун-та. Сер. 2: История. Языкознание. Литературоведение. 1993. Вып. 2 (№ 9). С. 41–47.
- Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования: (на материале русского и чешского языков). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994. 147 с.
- Писарев Д. С. Прагматическая структура и коммуникативная функция восклицательных предложений в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 702 с.
- Проничев В. П. Функционирование именных односоставных конструкций в тексте: (предметно-ситуативные номинации). Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та, 1991. 97 с.
- Распопов И. Восклицательные предложения в современном русском языке // Русский язык в национальной школе. 1960. № 6. С. 11–16.
- Ушакова Т. М. Дейксис в аффективном синтаксисе: (на примере французских эмотивных предложений) // Грамматическая семантика. Горький: Изд-во Горьков. пед. ун-та, 1978. С. 75–82.
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 208 с.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 378 с.
- Шигаревская Н. А. О восклицательных предложениях: (на материале фр. яз.) // Вестник Ленингр. ун-та. Вып. 2: История. Язык. Литература. 1969. № 8. С. 139–144.
- Bally Ch. Traité de stylistique française. Vol. 1. Heidelberg: C. Winter, 1909. 331 p.
- Charleston B. M. Studies on the Emotional and Affective Means of Expression in Modern English. Bern: Francke, 1960. 357 p.
- Elliot D. E. Towards a Grammar of Exclamations // Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy. 1974. Vol. 11, № 2. Pp. 231–246.

- McCawley N. Boy! Is Syntax Easy! // Papers from the Ninth Regional Meeting Chicago Linguistic Society. April 13–15, 1973. Chicago, 1973. Pp. 369–377.
- Wierzbicka A. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*. Sydney; New York: Academic Press, 1980. 367 p.

REFERENCES

- Artem'eva E.Ju. *Psichologija sub'ektivnoj semantiki* [The Psychology of Subjective Semantics]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1980, 128 s.
- Vol'f E.M. *Funkcional'naja semantika ocenki* [The Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 280 s.
- Galochkina I.E. O sootnoshenii ponjatij jemocional'no-modal'noj i kommunikativnoj funkcij intonacii [Towards a Correlation between Emotional-Modal and Communicative Function of Intonation]. *Sb. nauch. tr. Mosk. ped. in-t inost. jaz. im. M. Toreza*. Moscow, 1983, vyp. 216: Fonologija i intonacija, s. 130–152.
- Grammatika russkogo jazyka* [Russian Grammar], redkol. (eds.) V.V. Vinogradov, E.S. Istrina, S.G. Barhudarov. Vol. 2. Ch. 1: Syntaxes. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1960, 702 s.
- Malinovich Ju.M. *Jekspressija i smysl predlozhenija. Problemy jemocional'no-jekspressivnogo sintaksisa* [Expression and Sense of Sentence. The Problems of Emotional-Expressive Syntax]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1989, 213 s.
- Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian Syntax in Scientific Light]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, 512 s.
- Piotrovskaja L.A. *K voprosu o sintaksicheskoj frazeologii* [Towards a Syntactic Phraseology]. Slavisticheskij sbornik: v chest' 70-letija professora Petra Andreevicha Dmitrieva. Saint Petersburg, Saint Petersburg Univ. Publ., 1998, s. 111–118.
- Piotrovskaja L.A. *Rol' intonacii v protivopostavlenii jemotivnyh i voprositel'nyh vyskazyvanij* [The Role of Intonation in Contrasting the Emotive and Interrogative Utterances]. *Jazyk. Funkcii. Zhizn': sb. st. v chest' professora Aleksandra Vladimirovicha Bondarko*. Saint Petersburg, Russkij tekst Publ., 2000, s. 115–124.
- Piotrovskaja L.A. Jemotivnost' kak jazykovaja kategorija [Emotiveness as the Linguistic Category]. *Vestnik Sankt-Peterb. un-ta*. Ser. 2: Istorija. Jazykoznanie. Literaturovedenie, 1993, vyp. 2 (№ 9), s. 41–47.
- Piotrovskaja L.A. *Jemotivnye vyskazyvanija kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya: (na materiale russkogo i cheshskogo jazykov)* [Emotive Utterances as the Object of Linguistic Research: Evidence from Russian and Czech]. Saint Petersburg, Saint Petersburg Univ. Publ., 1994, 147 s.
- Pisarev D.S. *Pragmaticheskaja struktura i komunikativnaja funkcija vosklicatel'nyh predlozhenij v sovremennom francuzskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Pragmatic Structure and Communicative Function of Exclamative sentences in French: PhD Thesis]. Moscow, 1985.
- Pronichev V.P. *Funkcionirovanie imennyh odnosostavnyh konstrukcij v tekste: (predmetno-situativnye nominacii)* [Nominal Mononuclear Constructions Functioning in Text]. Leningrad, Izd-vo Leningr. ped. in-ta, 1991.
- Raspopov I. Vosklicatel'nye predlozhenija v sovremennom russkom jazyke [Exclamative Sentences in Modern Russian]. *Russkij jazyk v nacional'noj shkole*, 1960, № 6, s. 11–16.
- Ushakova T.M. Dejksis v affektivnom sintaksise: (na primere francuzskih jemotivnyh predlozhenij) [Deixis in Affective Syntax: (French Emotive Sentences)]. *Grammaticheskaja semantika*. Gor'kij, Izd-vo Gor'kov. ped. un-ta, 1978, s. 75–82.

- Shahovskij V.I. *Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka* [Categorization of Emotions in Lexical-Semantic System of Language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 208 s.
- Shvedova N.Ju. *Očerki po sintaksisu russkoj razgovornoj reči* [Essays on Russian Colloquial Syntax]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1960, 378 s.
- Shigarevskaja N.A. O vosklicatel'nyh predlozhenijah: (na materiale francuzskogo jazyka) [Towards the Exclamative Sentences (Evidence from French)]. *Vestnik Leningr. un-ta*. Vyp. 2: Istorija. Jazyk. Literatura, 1969, № 8, s. 139–144.
- Bally Ch. *Traité de stylistique française* [French Stylistics]. Vol. 1. Heidelberg, C. Winter, 1909, 331 p.
- Charleston B.M. *Studies on the Emotional and Affective Means of Expression in Modern English*. Bern, Francke, 1960, 357 p.
- Elliot D.E. Towards a Grammar of Exclamations. *Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy*, 1974, vol. 11, № 2, pp. 231–246.
- McCawley N. 'Boy! Is Syntax Easy!'. *Papers from the Ninth Regional Meeting Chicago Linguistic Society*. April 13–15, 1973. Chicago, 1973, pp. 369–377.
- Wierzbicka A. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*. Sydney; New York, Academic Press, 1980, 367 p.

Пиотровская Лариса Александровна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Larisa Piotrovskaya

Doctor of Philology, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia

E-mail: larisa11799@yandex.ru

И. Л. Плужник

Тюменский государственный университет

БАЗОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОДЕРЖАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ГУМАНИТАРИЕВ

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция, поликультурность, межкультурное образование, иноязычная коммуникативная компетенция, педагогические технологии. В статье рассматриваются основные компоненты содержания иноязычной межкультурной коммуникативной компетенции в гуманитарной профессиональной сфере и ее концептуальные психолого-педагогические и социокультурные основы. Выявляются специфика знаний, навыков, умений и личностно-поведенческих характеристик, определяющих качество межкультурной коммуникативной компетенции в данной сфере. Анализируются существующие в отечественной и зарубежной педагогической практике педагогические модели и методы обучения межкультурной коммуникации. Предлагаются авторские методы и технологии формирования искомой межкультурной компетенции, интегрирующие лингво-коммуникативную, социокультурную базу и профессиональную направленность обучения с учетом гуманитарных антропоцентрических и национально-специфических ценностей взаимодействующих культур.

Irina Pluzhnik

Tyumen State University, Russia

KEY ELEMENTS OF FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL CROSS-CULTURAL COMMUNICATION COMPETENCE IN HUMANITIES

Keywords: cross-cultural communication competence, multiculturalism, cross-cultural education, foreign language competence, pedagogical methods and technologies.

The article discusses the main components of foreign language cross-cultural communicative competence in humanities and its conceptual psychological and pedagogical socio-cultural bases. It reveals the specifics of knowledge, skills and personal behavioural characteristics, which determine the quality of cross-cultural communication competence in this area. It analyses Russian and foreign pedagogical models and teaching methods in cross-cultural communication. The paper discusses new methods and technologies to form cross-cultural competence. The integration of linguistic, communicative, socio-cultural competence in professional-oriented education with regard to human anthropocentric and culture-specific values are proposed here.

В условиях динамично развивающихся в мировом сообществе глобализационных процессов возникает необходимость формирования у выпускников вузов личностно-поведенческих качеств и способности

реализовать широкий спектр коммуникативных стратегий и тактик на уровне компетенций, позволяющих осуществлять эффективную профессиональную деятельность в поликультурных профессиональных сообществах. В связи с этим перед высшим образованием встает комплекс проблем и задач, которые включают: развитие аксиологических установок личности выпускника посредством ее обогащения универсальными и национально-специфическими ценностями своей и иных культур; усиление гуманитарности — общекультурного содержания образования, связанного с широтой понимания феноменов человеческой жизни, полифоничным мировидением, предполагающим гармонию знаний, чувств, творческих действий. Необходимо расширение коммуникативного диапазона выпускника вуза за счет взаимодействия с представителями других культур и повышения качества образования, интеграции собственно иноязычных коммуникативных компетенций и компетенций в профессиональной области. Компетентностный подход является одним из оснований обновления современного языкового образования.

Целью данной статьи является анализ концептуальной базы, лежащей в основе формирования профессионально-значимой межкультурной коммуникативной компетенции (далее — МКК) будущего выпускника гуманитарного профиля. МКК понимается нами, вслед за признанными исследователями в этой области, как наличие функциональных умений понимать взгляды и мнения представителей других культур, эффективно взаимодействовать, преодолевая конфликты и корректируя свое поведение в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей и норм, не противоречащих гуманистической природе человека [Adler, 1987; Gudykunst, 1999; Martin, Nakayama, 2000; Тер-Минасова, 2008].

Мы полагаем, что бесконфликтная деятельность студентов-гуманитариев в поликультурном мире, усвоение ими соответствующих знаний и формирование требуемых для этого умений и качеств будут возможны за счет использования разноплановых активизирующих методов и технологий обучения, которые соответствуют самой природе гуманитарного знания и антропоцентрическому характеру гуманистического подхода к познанию.

Проведенное нами исследование содержания профессионально направленной коммуникации гуманитарного профиля и анализ большого корпуса литературы по проблемам межкультурной коммуникации [Harris, 1979; Kim, 1994; Micheline, 1992; Katan, 1999; Гришаева, Цурикова, 2006] позволяет выделить следующие базовые компоненты, которые характеризуют сформированность МКК в гуманитарной сфере:

- 1) позитивное поликультурное мировидение с учетом основных антропоцентричных ценностей;
- 2) ориентирование в национально-специфических профессиональных контекстах родной и инофонной культуры (культур);
- 3) широкий диапазон осуществляемой речевой коммуникации (вариативность выражения мысли посредством разноплановых

- иноязычных стратегий и тактик кооперативного / консенсусного стиля);
- 4) умения правильно понимать смысл высказываний (устных и письменных текстов), в профессиональных ситуациях гуманитарного профиля с опорой на вербальные и невербальные культурные коды;
 - 5) толерантность (эмпатия, избегание категоричных суждений, отрицательных стереотипов).

В соответствии с самой природой диалогического характера коммуникации гуманитариев обучающими методами будут являться такие, использование которых позволит развить личностные гуманистические качества студентов — способность к успешному межличностно-общению и интерактивной коммуникации.

Общепризнанным является то, что необходимым условием развития человека служит активная деятельность, мотивируемая потребностями. В системе ведущих потребностей личности, по Маслоу, можно выделить потребности, соотносимые с культурно-маркированной профессиональной деятельностью человека [Маслоу, 1982]. К ним относятся: потребность в усвоении групповых норм, познавательные потребности, например, потребности в повышении уровня профессионального мастерства и компетентности. Для эффективного становления и развития профессиональных компетенций, которые не мыслимы без социокультурного контекста, необходимо определить условия, позволяющие гармонизировать культуротворческие, профессиональные цели гуманитарного образования на основе гуманистической направленности. Последняя предполагает учет и обеспечение условий для: развития межличностных и межкультурных отношений в процессе обучения; создания эмоционально-позитивной психологической атмосферы образовательного процесса; развития профессионально значимых коммуникативных качеств личности, позволяющих осуществлять межкультурное взаимодействие на основе мотивированной коммуникативности, открытости к общению, толерантности (эмпатии, транспекции, гибкости) речевого варьирования коммуникативных стратегий и соответствующих им национально-специфических речевых средств, поведенческой широты взглядов и представлений, избегания догматичных категоричных суждений, предвзятости по отношению к другим культурам.

Полагаем, что для расширения гуманитарного сознания студента необходимо, в первую очередь, преобразование смысла и характера его гуманитарно-направленной деятельности. Сюда относится и осознание поликультурности как основы межкультурной коммуникации и одной из главных целей гуманитарного образования, которая предполагает формирование устойчивых мотивов открытости по отношению к другим культурам и культурного обогащения человека за счет расширения его мировидения в процессе взаимодействия с различными культурами. В этом случае учебная деятельность будет иметь смысл. А. А. Леонтьев отмечает, что «смысл — это отношение мотива к цели»

[Леонтьев, 1969]. Отсюда можно предположить, что ведущим смыслом и целью освоения межкультурной коммуникации (далее — МК) в профессиональном контексте является контекстно-поликультурная направленность обучения, которая осуществляется на основе овладения профессионально значимыми иноязычными средствами, личностными качествами, образцами профессионального поведения. В свете этого подхода гуманитаризация профессионально-направленного обучения средствами иностранного языка в параметрах компетенций также предполагает привлечение такой тематики и содержания текстового материала, которые необходимы для создания информационного фонда представлений о проблемах человечества (ценность человеческой жизни, социальная справедливость, человек и природа, равенство/неравенство, права и свободы, мир, справедливость, гражданские права, международное понимание, общепланетарные ценности).

Межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция состоит из триединства лингвосоциокультурной компетенции (использование лингвистических средств в соответствии с культурными нормами языка в профессиональной сфере деятельности, дискурсивной или поведенческой компетенции (профессиональные знания, представления об особенностях интерактивного поведения в речевых ситуациях другой речевой общности), тезаурусной компетенции (знание понятий, семантики и связей слов). Соответственно нами конкретизировано понятие профессионально направленной иноязычной МКК, которая характеризуется способностью к эффективному коммуникативному взаимодействию в процессе понимания и интерпретации смысла инокультурных ситуативных действий на основе осознаний общих и различных признаков культур, способов их языкового и неязыкового выражения в условиях профессионального дискурса [Плужник, 2003]. На основе учета этих особенностей МКК в гуманитарной сфере мы выделили знания, навыки, умения и личностно-поведенческие качества, которые составляют дидактическое содержание процесса формирования иноязычной МКК.

Знания междисциплинарного характера: социокультурных аспектов морально-этических норм общения в странах изучаемого языка; специфики национальной идентичности, универсальных ценностей и способов преодоления МК конфликтов; сходства и различий профессиональных стилей в родной и иноязычной культурах; норм, поведенческих образцов (паттернов), свойственных профессиональной сфере; различных способов использования иноязычных коммуникативных стратегий и тактик в целях эффективного, бесконфликтного профессионального поведения; особенностей культурно-обусловленной этики профессионального поведения с учетом различия культурных кодов и концептов в иностранном и родном языках, эквивалентной и безэквивалентной лексики; профессионального тезауруса.

Умения и навыки: построения и распознавания культурно-специфических норм высказываний профессионального характера (с учетом лингвострановедческих и социокультурных особенностей); варьиро-

вания речевого высказывания в соответствии с коммуникативными стратегиями; социокультурного и лингвистического комментирования профессиональных понятий, концептов, содержания, лингвистических особенностей текстов профессиональной отнесенности; общения в различных сферах человеческой деятельности; гибкого варьирования и корректировки речевого и неречевого поведения в многоплановых культурно-специфических профессиональных ситуациях, используя для этого соответствующие коммуникативные стратегии и тактики и выбирать адекватные формы профессионального взаимодействия; понимать смысл иноязычного аутентичного текста профессионального профиля с целью обогащения межкультурной профессиональной компетенции.

Профессионально-значимые личностные качества: культурная полицентричность и непредвзятость; толерантность, эмпатия, открытость, доброжелательность, речевая гибкость, отсутствие догматизма, эмоциональная отзывчивость, способность к сопереживанию, стабильность, речевая сензитивность.

Эмоции и чувства: уважение к ценностям другой профессиональной культуры и усиление приверженности к цивилизованным образцам поведения в своей профессиональной области; позитивно окрашенная коммуникация, противостояние ксенофобии, отрицательным стереотипам.

Рассмотренные базовые компоненты содержания МКК предполагают выбор адекватных методов и технологий их формирования у студентов гуманитарного профиля. Синтетико-аналитический тип восприятия и рефлексивный стиль мышления гуманитариев нацеливает на проблемный, диалогический, эвристический метод подачи материала, целостный характер предъявляемой информации [Сенько, 2000]. Проблемный метод воплощается в постановке познавательных задач, анализе способов их решения, сравнении точек зрения, рассуждении, доказательстве. Эвристический метод является высоко активизирующим и позволяет организовывать самостоятельный анализ для осознания инокультурных фактов и явлений. Мы полагаем, что эти методы приемлемы для целенаправленного и эффективного формирования МКК студентов гуманитарного профиля.

Вслед за В. И. Загвязинским, мы понимаем метод обучения как «способ взаимосвязанной и взаимообусловленной деятельности педагога и обучаемых» [Загвязинский, 2001. С. 68]. Проведенный нами анализ существующих в практике специфических методов обучения, отражающих характеристики МК, показал, что искомые методы могут использоваться на различных этапах обучения, поскольку имеют разную степень значимости на каждом из них. В работе ряда отечественных авторов преимущественно выделяются следующие методы, используемые в практике обучения МК: биографической рефлексии, интерактивного моделирования, ролевых игр, самооценки, симуляции [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002]. Рассмотрим содержание указанных методов в трактовке авторов.

Метод биографической рефлексии нацелен на осмысление собственной биографии с целью анализа своей национальной идентичности

и форм ее проявления в повседневной жизни. С помощью этого метода рефлексируется природа ценностных ориентаций, поэтому авторы рекомендуют применять его в условиях любых методологических подходов. Метод интерактивного моделирования направлен на воспроизведение типичных ситуаций межкультурного общения и позволяет осознать способы и виды взаимодействия в них. Данный метод позволяет развить межличностные умения студентов за счет объединения участников для совместной деятельности, обращения к прошлому опыту участников и преломления его в практических ситуациях общения. Метод ролевых игр нацелен на исполнение ролей, воссоздающих типологические ситуации МК и игровое переживание, выявление интересов представителей разных культур, их поведения, развивает чувствительность (сензитивность) к восприятию норм и ценностей другой культуры. Метод самооценки характеризуется анализом участниками своего типа поведения в межкультурном общении на основе обсуждения и комментирования различных точек зрения и особенностей коммуникативного поведения. Метод симуляции заключается в искусственном создании конкретных ситуаций межкультурного общения и прогнозировании возможных вариантов и результатов общения, исходя из различных точек зрения.

В зарубежной практике модель подготовки к МК получила большое распространение в таких поликультурных странах, как США, Канада, Австралия. Структурой модели обучения МК преимущественно являлись просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг. Просвещение строилось на усвоении информации о культурных особенностях страны в виде знаний (обычаи, нормы, исторические личности) и получила название «интеллектуальной классной комнаты» или «университета».

Цель модели обучения МК в формате ориентировки заключалась в быстром знакомстве с новым для человека окружением, основными нормами, ценностями, убеждениями инокультурной группы. При этом использовались пособия, иронично называемые «культурными поваренными книгами», с рецептами типа «делай это и не делай того», что не позволяло самостоятельно выстраивать траекторию межкультурного взаимодействия. Инструктаж обрисовывал возможные проблемы или фокусировался на отдельных аспектах адаптации к новому окружению и являлся узкофункциональным. Практическое, направленное на непосредственное взаимодействие с представителями других культур обучение также обеспечивалось на основе тренинга. Программа тренинга отвечала на вопрос «как?» Как индивид может наладить межличностные контакты в новом для него окружении, как он может овладеть ценностями свойственными другой культуре. Среди многочисленных программ культурно-специфического тренинга особенно широкое распространение получили следующие: программа — адаптация, нацеленная на принятие культурного разнообразия; семинары-мастерские с групповыми дискуссиями, где обсуждаются ситуации, возникающие при личных контактах представителей разных культур

и народов; атрибутивный тренинг, обучающий осознанию интерпретаций одной культуры представителями другой культуры. Посредством тренингов вырабатывается механизм управления личностными реакциями, самоконтроль и умение не избегать источника стресса, а постепенно преодолевать его за счет увеличения эффективного межличностного взаимодействия [Соре, 1995]. Однако применение тренингов и других вышеуказанных методов не позволяло осваивать сложные формы коммуникативного поведения в профессиональных ситуациях в процессе МК и имело лишь общекультурное содержание. Интересно отметить, что, несмотря на имеющуюся широкую практику обучения межкультурной коммуникации в зарубежных странах, она не отличалась системностью и целостностью, ее этапы не были логически структурированы, не соотносились с конкретными компетенциями, не были ориентированы на профили конкретных специальностей. Все представленные выше методы носят ярко выраженную практическую направленность, поскольку возникновение МК как научного направления было предопределено прагматическим интересом общения с представителями других культур. В силу этого теоретические основы МК, рассматривающие типологические особенности разных культур, не входили в систему формирования МК. Более того, содержательное наполнение приведенных выше методов связано с общекультурной тематикой, не рассматривает профессионально-маркированные контексты и не учитывает иноязычный компонент, т. е. необходимость овладения другим семиотическим кодом.

В отечественной практике формирование МКК преимущественно представлено спецкурсами и теоретическими курсами по МК, которые до сих пор являются прерогативой факультетов иностранных языков. Для эффективной организации профессионально-направленного формирования МКК у студентов гуманитарного профиля необходимо применение технологий адекватных содержанию самой природы МК и личностно-поведенческих качеств, необходимых для ее реализации. Учитывая существующий педагогический опыт обучения студентов МК, мы разработали авторские методы и технологии, которые доказали свою эффективность в процессе их внедрения в практику обучения и могут считаться авторскими в области формирования межкультурной коммуникативной компетенции у студентов гуманитарного профиля [Плужник, 2014].

Методы

1. *Анализ профессиональных инцидентов.* Рассматриваются и обсуждаются конфликтные профессиональные МК ситуации, возникающие между представителями взаимодействующих культур. Анализ и обоснование причин конфликта осуществляется с опорой на различия в нормах и ценностях профессионального поведения и культурно-специфических способах речевого оформления, адекватных содержанию профессиональных ситуаций (стратегии и тактики кооперативного стиля). Предлагаются возможные варианты

- коммуникативно-поддерживающего вербального и невербального поведения, способствующие предотвращению конфликта.
2. *Решение профессионально-значимых проблемных ситуаций-кейсов.* Проводится устно на основе групповой рефлексии. Анализируются речь и поведение участников реальных профессионально-направленных МК ситуаций. Объясняется смысл профессиональных действий, выражается мнение относительно мотивов, причин и смысла действий участников.
 3. *Аутокомментирование витагенных МК ситуаций.* Проводится на основе англоязычных аутентичных текстов профессионального характера. Студент сам комментирует/объясняет, раскодирует мотивы поведения и специфику профильной информации на основе особенностей профессионального поведения, профессиональных концептов и понятий гуманистического содержания гуманитарной сферы, которые интерпретируются с учетом ценностных ориентаций родной и осваиваемой иноязычной культуры (гибкости речевых средств на основе эмпатии, некатегоричности суждений, непредвзятости).
 4. *Анализ профессиональной сензитивности.* Развивает чуткость восприятия речевого и неречевого компонентов межкультурной ситуации с позиций понимания ценностей, норм, образцов другой культуры. Формирование сензитивности осуществляется посредством выбора вариантов культурно-специфических норм профессионального речевого поведения в ситуациях гуманитарного профиля. Способствует формированию ожиданий индивида в отношении поведения членов другой культуры.
 5. *Анализ ключевого информанта.* Носитель иностранного языка комментирует и оценивает образцы речи и поведения студентов в МК ситуациях, комментируя корректность/некорректность их иноязычных речевых и неречевых действий.
 6. *Кросс-культурный анализ и комментирование профильных аутентичных текстов.* Осуществляется посредством анализа и сопоставления культурных различий в нормах оформления иноязычной речи, профессионального поведения носителей иностранного языка, их профессионального мировоззрения, профессионально-значимых качеств в условиях МК ситуаций, которые отражены в текстах профессиональной направленности.
 7. *Контекстное наблюдение.* Заключается в анализе, сопоставлении и выявлении специфики профессионального поведения представителей другой культуры, особенностей проявления вербальных и невербальных различий, сопутствующих наблюдаемым профессиональным действиям. Основой наблюдения служат мульти-медиа и видео-наглядность.

Тренинговые технологии

1. *Тренинг рефлексивности.* Нацеливает на размышления, анализ и осмысленное комментирование заданных речевых средств и поведенческих действий в профессиональной сфере как корректных

или некорректных с точки зрения носителей другой культуры. Проигрываются и закрепляются корректные речевые действия до навыков параметров.

2. *Профессионально-поведенческий тренинг*. Предполагает «проигрывание» прототипичных нормативных социокультурно-корректных речевых и неречевых действий в МК ситуациях.
3. *Тренинг эмоционально-речевой сензитивности*. Используется для отработки свойственного гуманитариям механизма коммуникативно-поддерживающего речевого поведения (речевой эмпатии, гибкости, некатегоричности), адекватного выбора речевых средств и анализа соответствующих эмоциональных реакций.

Педагогические условия личностного развития в процессе формирования МКК носят уровневый характер, в котором мы выделяем три основных этапа: 1) эмпирический — становление и когнитивное ориентирование в информационном поле МК. Расширение гуманитарного мировидения за счет осознания поликультурности мира, общего и специфического в культурах разных типов; 2) эмпирико-практический — развитие и активизация профессиональной компетенции на основе овладения деятельностным аспектом когнитивной речеповеденческой базы за счет усвоения знаний и формирования механизмов, обеспечивающих действие навыков и умений использования речевых и неречевых профессиональных норм в процессе межкультурного дискурса с учетом ценностей взаимодействующих культур; 3) творческий — совершенствование и реализация профессиональной компетенции в стандартных и нестандартных ситуациях посредством свободного использования механизмов деятельности — умений корректировать коммуникативные стратегии на основе гибких речевых стратегий и тактик; действия устойчивых гуманитарных мотивов и потребностей общения и их проекция на межкультурную коммуникацию в профессиональной сфере.

В заключение необходимо подчеркнуть, что раскрытое в статье содержание базовых концептуальных основ формирования сложного и многопланового феномена МКК позволит сделать процесс ее формирования у выпускников вузов гуманитарного профиля целенаправленным, интегративным и эффективным, даст возможность сформировать поликультурное мировоззрение, адаптивное вхождение в инокультурное профессиональное пространство и адекватную гуманистическим целям стратегически корректную профессионально-направленную деятельность в нем.

ЛИТЕРАТУРА

- Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2006. 333 с.
- Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2002. 352 с.
- Загвязинский В. И. Теория обучения. Современная интерпретация. М.: Академия, 2001. 192 с.

- Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 316 с.
- Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 288 с.
- Плужник И. Л. Методические технологии формирования межкультурной профессиональной компетенции // Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам. Материалы VII международной научно-практической конференции. Минск, 15–17 мая 2014. С. 123–124.
- Плужник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 46 с.
- Сенько Ю. В. Гуманитарные основы педагогического образования. М.: Академия, 2000. 240 с.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 624 с.
- Adler P. S. Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man // Intercultural Communication: A Reader. Belmont, Calif.: Wadsworth, 1987. Pp. 13–23.
- Cope B. Cultural Understanding as the English Key Competency. Haymarket: The Centre for Workplace Communication and Culture, 1995. 182 p.
- Gudykunst W., Kim Y. Communicating with Strangers. Boston: McGraw-Hill, 1997. 444 p.
- Harris L. M. Communication Competence: An Argument for a Systematic View. Philadelphia, Penns., 1979. 273 p.
- Katan D. Translating Cultures: an introduction for translators, interpreters and mediators. Manchester: St. Jerome. 1999. 271 p.
- Kim M. S. Cross-Cultural Comparisons of the Perceived Importance of Conversational Constraints // Human Communication Research. 1994. № 21. Pp. 128–151.
- Martin J., Nakayama T. Intercultural Communication in Contexts. London; Toronto: Mayfield Publ. Company, 2000. XXVI, 364 p.
- Micheline R. Training Teachers in Intercultural Education. Council of Europe. Strasbourg, 1992. Pp. 27–42.

REFERENCES

- Grishaeva L.I., Curikova L.V. *Vvedenie v teoriju mezhkul'turnoj kommunikacii* [Introduction to the theory of cross-cultural communication]. Moscow, Academia Publ., 2006, 333 s.
- Grushevickaja T.G., Popkov V.D., Sadohin A.P. *Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii. Uchebnik dlja vuzov* [The basics of cross-cultural communication. Textbook]. Moscow, Juniti-Dana Publ., 2002, 352 s.
- Zagvjazinskij V.I. *Teorija obuchenija. Sovremennaja interpretacija* [Theory of education. Contemporary approach]. Moscow, Academia Publ., 2001, 192 s.
- Leont'ev A.A. *Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvanija* [Psychological units and producing an utterance]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 316 s.
- Maslow A. Samoaktualizacija [Self-actualization]. *Psihologija lichnosti. Teksty*. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1982, 288 s.
- Pluzhnik I.L. Metodicheskie tehnologii formirovanija mezhkul'turnoj professional'noj kompetencii [The methodological technologies of formation of cross-cultural professional competence]. *Teorija i praktika professional'no orientirovannogo obuchenija inostrannym jazykam. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Minsk, 15–17 maja 2014, s. 123–124.

- Pluzhnik I.L. *Formirovanie mezhekul'turnoj kommunikativnoj kompetencii studentov gumanitarnogo profilja v processe professional'noj podgotovki. Hab. diss.* [Formation of cross-cultural communicative competence among students of the humanities in the process of professional training]. Tyumen, 2003, 46 s.
- Sen'ko Ju.V. *Gumanitarnye osnovy pedagogicheskogo obrazovanija* [The basics of pedagogical training in the humanities]. Moscow, Akademia Publ., 2000, 240 s.
- Ter-Minasova S.G. *Jazyk i mezhekul'turnaja kommunikacija* [Language and cross-cultural communication]. Moscow, Slovo Publ., 2008, 624 s.
- Adler P.S. *Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man. Intercultural Communication: A Reader.* Belmont, Calif., Wadsworth, 1987, pp. 13–23.
- Cope B. *Cultural Understanding as the English Key Competency.* Haymarket, The Centre for Workplace Communication and Culture, 1995, 182 p.
- Gudykunst W., Kim Y. *Communicating with Strangers: an approach to intercultural communication.* Boston, McGraw-Hill, 1997, 444 p.
- Harris L.M. *Communication Competence: An Argument for a Systematic View.* Philadelphia, Penns., 1979, 273 p.
- Katan D. *Translating Cultures: an introduction for translators, interpreters and mediators.* Manchester, St. Jerome, 1999, 271 p.
- Kim M.S. Cross-Cultural Comparisons of the Perceived Importance of Conversational Constraints. *Human Communication Research*, 1994, № 21, pp. 128–151.
- Martin J., Nakayama T. *Intercultural Communication in Contexts.* London; Toronto, Mayfield Publ. Company, 2000, 364 p.
- Micheline R. *Training Teachers in Intercultural Education. Council of Europe.* Strasbourg, 1992, pp. 27–42.

Плужник Ирина Ленаровна

Доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации экономико-правовых направлений Тюменский государственный университет

Irina Pluzhnik

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication Department for Law and Economics
Tyumen State University, Russia

E-mail: irinapluzhnik@gmail.com

Петр Покорный

Карлов университет, Прага, Чешская республика

ВСЕЛЕНСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ УЧЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАТФЕЯ

Ключевые слова: Евангелие от Матвея, жизнь Иисуса, читательский отклик, Пасхальная весть, литературная стратегия, миссия.

В статье рассмотрены богословская установка и литературная стратегия Евангелия от Матфея. Евангелие от Матфея наследует структуру и богословский замысел Евангелия: история Иисуса изложена здесь с точки зрения Пасхального исповедания и, в отличие от творений апостола Павла, обращена к предполагаемому читателю. В целом рассказ о миссии Иисуса, его культовом почитании в христианском сообществе, универсальном характере его учения, возникнув в первых главах Евангелия, достигает кульминационного завершения в последней, 28-й, главе. Иисус, как воскресший Сын Божий, представлен как гарант наличия положительного смысла истории и эсхатологических оснований жизни человеческого общества, как это представлено в притче о Страшном Суде в главе 25-й.

Petr Pokorný

Charles University in Prague, Czech Republic

UNIVERSAL IMPACT OF THE TEACHING OF JESUS CHRIST ACCORDING TO THE GOSPEL OF MATTHEW

Keywords: The Gospel of Matthew, life of Jesus, reader response, Easter gospel, literary strategy, mission.

The study is a critical investigation of the theological intention and the literary strategy of the Gospel according to Matthew. The literary structure of the Gospel of Matthew is derived from the Gospel of Mark together with its theological presupposition: the life story of Jesus is being narrated from the point of view of the Easter testimony, but unlike in apostle Paul, the earthly life and teaching of Jesus are focused as orientation for the life of the intended (authorial) readers. Most of the individual statements concerning the authority of Jesus, his liturgical adoration in the Christian community and the universal validity of his teaching that appear in the previous chapters of the Gospel – all of that culminates and is being fulfilled in the last (28th) chapter. Jesus as the Risen Lord appears as the guarantee of the positive meaning of history and the eschatological validity of the humanity as it is expressed in the parable of the Last Judgement of all nations in chapter 25.

1. От Евангелия к Евангелиям

Евангелие от Матфея было написано в то время, когда уже было в обращении Евангелие от Марка. Это соответствует гипотезе о двух его источниках, которой сегодня придерживается большинство библеистов; автор данной статьи также разделяет эту позицию. Евангелие от Марка не сразу стало называться Евангелием. Возникновение термина «евангелие» для обозначения некоторых из раннехристианских текстов, которые можно рассматривать как биографии Иисуса Христа, относится лишь ко второй половине II в.¹ В Евангелии от Марка промежуток времени от выхода Христа на проповедь и заканчивая его крестной смертью называется «началом Евангелия» (Мк 1:1). Имеется в виду устно передаваемое благовестие о Воскресении или же Вознесении Иисуса Христа, как об этом событии говорит апостол Павел в 1 Кор 15:1–5, равно как и в других своих посланиях (например, Гал 1:11) [Pokorný, 2013. Pp. 118–128]. Поначалу это Евангелие слышали люди, которые могли знать Иисуса, но уже в следующем поколении вера в Иисуса Христа сделала следующий шаг на пути своего исторического развития, в том числе и за пределами Палестины, поэтому стало необходимо знать «начало Евангелия», т. е. знать, кто есть тот, кого признал сам Господь. С одной стороны, евангелист Марк смотрел на Иисуса через призму знания Пасхального события как на Христа, сына Божия, но вместе с тем он стал первым, кто обосновал и осуществил шаг практической ориентации духовной жизни, приблизив через литературу и литургию к Церкви фигуру исторического Иисуса. Евангелие же от Матфея, возникшее, по-видимому, в среде сирийских евреев, говорящих на греческом языке, осуществило следующий важный этап: оно соединило радость Пасхального события с интересом к учению Иисуса.

После Евангелия от Марка ситуация имела следующий характер. Во-первых, Пасхальный опыт был передан через весть Воскресения (например, 1 Кор 15:3b–5), или Вознесения Иисуса (Флп 2:9), — и применительно к жизненной ориентации представлял собою источник веры. Во-вторых, существовал интерес к земной жизни Иисуса, вызванный опытом Пасхального чуда, на который опиралось практическое формирование веры и ее исторические черты.

Для начала обратимся к отличиям Евангелия от Матфея от текста Евангелия от Марка.

2. Значение слов Иисуса для зарождающейся церкви

Комментаторы Евангелия от Матфея сходятся в том, что его заключительная перикопа (Мф 28:16–20) является ключевой для понимания всего текста, в этом пассаже сходятся нити, вотканные в его основу (текстуру) с самого начала. Речь в нем идет о событиях, про-

¹ Детальную аргументацию см.: [Pokorný, 2013. Pp. 177–194].

изошедших после Воскресения. Ученики Иисуса — круг двенадцати апостолов, но без Иуды Искарота — встречаются с Иисусом, своим распятым учителем, в его новом «воскрешшем» облике. Они падают пред ним ниц (προσεκύνησαν, см. Мф 28:17) как перед властителем или божеством, явившимся в момент эпифании (богоявления), а Иисус напрямую говорит о своей власти (ἐξουσία) — в отличие от скромного служения (διακονέω), ср. Мф 20:28 «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы самому послужить и отдать душу свою для искупления многих». Выбор термина ἐξουσία для обозначения власти не случаен: Иисус не господствует напрямую, не манипулирует людьми извне, но имеет право судить. В этот момент читатель/слушатель может осознать, что отречение Иисуса в самом начале Евангелия от господства над всеми царствами мира, за которые Он должен был заплатить поклонением (падением ниц, признанием божеством, снова προσκυνέω — Мф 4:9) Искусителю (ὁ πειράζων = διάβολος = σατανᾶς, Мф 4:1–11), стало в рамках этого литературно обработанного апокалиптического каркаса всего Евангелия от Матфея правильным выбором. В результате Иисус обрел от Бога, которому единому решил поклоняться (Мф 4:9–10), намного больше: владычество над небом и землей. Его власть, а точнее право на власть, которое в рамках этого образа должно полностью проявить себя до конца века сего², уходит своими корнями глубоко в Его историю.

В заключительном отрывке 28-й главы, который мы рассмотрим, говорится о миссии учеников Христа. Поручение крестить народы является лишь составной его частью. В 19 и 20-м стихах сказано, что ученики должны прежде всего «приобретать учеников, последователей; делать учениками» (μαθητεύω)³ и «учить» (διδάσκω). Наставление в христианской вере должно вести к тому, чтобы все народы соблюдали заповеди Христова учения (Мф 28:20, «что Я повелел вам»). Глагол τηρέω использовался в Септуагинте для обозначения соблюдения закона (в основном в качестве перевода еврейского глагола שמר). В этом поручении не содержится выражений, типичных для обозначения христианской Вести (ἐναγγέλιον, κηρύσσω, λόγος и др.). Хотя содержание Евангелия и может быть передано через «учение», но если учесть, что в Евангелии от Матфея решающую роль играют пять речей Иисуса, каждая из которых заканчивается формулой «И когда Иисус окончил слова/наставления/притчи сии» (Мф 7:28; 11:1; 13:53; 19:1; 26:1), ста-

² Эта тема развивается в Никейском Символе Веры, принятом Первым Вселенским Собором в 325 г.: ἐρχόμενον κρίναι ζώντας καὶ νεκρούς «грядущего судить живых и мертвых».

³ Μαθητεύω можно также перевести как «учить», но и в этом случае следует иметь в виду преемственность, заключенную в отношениях учителя и ученика. Кроме того, μαθητεύω здесь отчетливо отделено от последующего в двадцатом стихе «уча» (διδάσκοντες). В русском синодальном переводе используется в обоих случаях глагол «учить»: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф 28:20).

новится ясно: что Христос заповедал и что должны были проповедовать Его одиннадцать последователей — это содержание этих речей, из которых самая известная — Нагорная проповедь. Евангелисту Матфею было важно, чтобы по делам христиан было видно, что они соответствуют деяниям Христа из Назарета [Luz, 1994. P. 40]: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5:16).

В качестве самой наглядной параллели к этому отрывку, рассказывающему о земном служении Христа, можно привести другую важную речь, в которой собраны Его слова о миссии учеников. Иисус заповедует, тогда еще двенадцати своим последователям, идти и проповедовать (κηρύσσω) близость Царствия Небесного. Это действительно удивительная аналогия. В обоих случаях ученики Иисуса перенимают его миссию и его образ жизни (ср. Деяния Апостолов 13:3). Однако главное отличие между этой речью и заключительным призывом из 28-й главы состоит в том, что в 10-й главе ученики Иисуса призываются проповедовать только «погибшим овцам дома Израилева» (Мф 10:6) и не ходить «на путь к язычникам» (ἐθνῶν 10:5b, подтверждается в Мф 15:24), в то время как в речи, произнесенной Христом после Воскресения, они посылаются «ко всем народам» (πάντα τὰ ἔθνη Мф 28:19). В первом случае число учеников, а именно двенадцать, соответствует числу колен Израилевых, во втором случае учеников уже одиннадцать — отсутствует Иуда Искариот, и круг символически открывается внешнему миру.

Можно предположить, что евангелист воспроизводит заключительную речь под влиянием внутреннего опыта веры и Пасхального переживания, тогда как материал 10-й главы мог отражать интерпретацию слов Иисуса в консервативных кругах христиан из иудеев. Но одного этого объяснения недостаточно. Евангелист должен был отдавать себе отчет в напряжении, возникшем из вышеуказанных различий, и скорее всего он имел определенное представление о взаимосвязи между этими двумя знаменательными высказываниями⁴. Очевидно, что смертью и воскресением Иисуса разделены два сегмента одного и того же текста. Если в 10-й главе ученики Иисуса должны были сосредоточиться на миссии для Израиля, то это не означало исключения язычников из поля зрения Иисуса, а было частью иной, центристической миссии, которая учитывала паломничество языческих народов в Иерусалим, на Сион, как об этом часто говорится в книгах пророков (Исаии 2:2–4; 11:10; Михея 4:1–8; Захарии 8:20–23). Очевидно, что Иисус хотел, чтобы Израиль как единое целое был готов к приходу язычников, которые будут ожидать, что «Бог Иакова» научит их «Своим путям» (Ис 2:3)⁵, а именно — должному пониманию Закона Божия (Мф 5:17–18), который и им открывает путь к спасению. На это опирается образ деяний Христа, отображенный в Евангелии

⁴ О дискуссии см.: [Luz, 2012. S. 451–459].

⁵ О толковании см.: [Childs, 2001. Note 28].

от Матфея, согласно которому, Иисус воплотил собою то, что было прообразовано в Ветхом Завете. Это отображено в так называемых «рефлексивных цитатах» (см., например, Мф 13:35), в одной из которых Иисус опосредованно отождествляется с «рабом Господним» (Ис 42:1–4) и в этом своем качестве он обозначается в своей праведности как «надежда язычников (ἐσθή — Мф 12:21). Вероятно, слова об окончании века до прихода Сына Человеческого (Мф 10:23) представляли проблему для Матфея, поскольку они предполагали эсхатологическую перспективу в непосредственной близости, что несовместимо с поручением 28-й главы. Перенятые Матфеем традиции отражают изменение направления проповеди Иисуса, произошедшее после того, как большинство евреев отвергло проповедь Его учеников и отказалось таким образом от камня, ставшего «главой угла» (Мф 21:42). Согласно ему, Царство Божие обещано народу, «приносящему плоды его» (Мф 21:43). Изменение позиции Христа, вызвавшее противоречие между 10-й и 28-й главами, начало вырисовываться, согласно Матфею, а скорее всего и в действительности, на последнем этапе жизни Иисуса. Намек на это противоречие кроется в высказывании, что многие «с востока и запада» будут пировать с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царствии Небесном, «а сыны Царства извержены будут во тьму внешнюю» (Мф 8:11–12). Это не означает, что Израиль оказался бы лишен Божией заботы, но после того, как тогдашние представители Израиля отвергли Иисуса, меняется перспектива, из центростремительной, направленной вглубь, миссия становится экстенсивной, направленной вширь. Спасение уже необязательно должно придти через евреев и открывается для всех.

Общим целым является, разумеется, созданный Матфеем образ, включающий в себя его понимание миссии и христианского поведения. Внутренним обоснованием напряжения, заключенного в его тексте, является произошедший после Пасхи перелом в сознании учеников, т. к. с исторической точки зрения можно предположить, что ограничение внутриеврейской миссией могло быть программным для некоторых христиан еще и в эпоху евангелиста Матфея.

Ясно одно: согласно евангелисту Матфею, основа христианского учения зиждется на новом, сосредоточенном на заповеди любви, истолковании Иисусом Ветхого Завета. О провозглашении себя Мессией и Сыном Божиим, которое упоминается в уже модифицированном признании Петра (Мф 16:16)⁶, в 28-й главе не говорится. Оно там подразумевается, но евангелист хочет обратить особенное внимание на то, что нельзя упустить из виду: на поведение учеников. Хоть Моисеев закон и находит в его Евангелии свое полное подтверждение (см. Мф 5:15), но уже в следующем отрывке он получает абсолютно новую интерпретацию: его смыслом (включая все разделители между отдельными еврейскими знаками) становятся две Заповеди люб-

⁶ Речь идет об обработке Евангелия от Марка, учитывая после-пасхальное исповедание Церкви.

ви (Мф 22:34–39) — «на сих двух заповедях утверждается весь Закон и Пророки» (Мф 22:40). Только приняв во внимание это толкование, Матфей мог нести дальше слово Иисусово о вечной действенности закона Божия⁷. Новое толкование Иисусом Ветхого Завета касается многих актуальных тогда вопросов в жизни христианских общин, но две Заповеди любви являются, согласно Матфею, основополагающей нормой христианской этики.

3. Универсальная действенность этики Иисуса Христа

В 25-й главе Евангелия от Матфея мы найдем в последней большой речи Иисуса притчу о Судном дне (Мф 25:31–46). Это удивительная притча, потому что в ней судят людей не по исповеданию веры, а по их отношению к нищим, больным и беззащитным. Иржи Мразек пишет в этой связи о «значении незначительных» [Mrázek, 2004, S. 183]. Это может послужить своеобразной иллюстрацией к отрывку из Евангелия от Матфея (7:21–23), в котором говорится, что не каждый, призывающий имя Господне (κύριε, κύριε), сможет войти в Царствие Небесное, а лишь тот, кто выполняет волю Небесного Отца своего. То, как Матфей передает эти слова Иисуса, звучит как полемика с толкованием апостола Павла, в соответствии с которым, каждый, кто признает Иисуса Христа Господом своим и верует, что Бог воскресил Его из мертвых, будет спасен (Рим 10:9). Скорее всего, это толкование апостола Павла было известно уже автору Евангелия от Марка и что из его повествования о сиропфиникиянке явно следует, что она, язычница, уверовала в Иисуса в христианском, «павловском» смысле — она обращается к нему: «Господи», а Иисус выполняет ее просьбу «за это слово» (Мк 7:24–30).

Матфей опустил этот мотив в своем описании этой истории (Мф 15, 21–28) и, похоже, он ставит ортопраксию, правильное поведение, выше ортодоксии, правильной веры. Это в том смысле правда, что практика милосердия всегда является решающей — необходимо «приносить плоды» (Мф 3:10, 13:40), которые сыграют решающую роль в Судный день. Так толкование Матфеем сформулированной Иисусом миссии стало своеобразным противовесом к исповеданию Христа «федерацией» объединенных сторонников Христа, о которых мы уже говорили, уже после Пасхи. Эти его последователи, к которым относился и Павел, были объединены Евангелием (1Кор 15:3b–5), ставшим внутренним стержнем для позже сформировавшейся христианской Церкви.

Поразительно, насколько точно уловил этот аспект Евангелия от Матфея в некоторых своих экзегетических комментариях к это-

⁷ Интересно, что в письме философа-стоика Мары бар Серапиона, современном написанию Евангелия от Матфея (ок. 75 г.), Иисус упоминается как законодатель. Мара бар Серапион понимает служение Иисуса Христа после Его смерти, как жизнь «ради новых, сформулированных Им законов» (Из письма сыну, 153). Ср.: [Pokorný, 2012. Pp. 129–139]. Издание текста: [Schulthess, 1897. S. 365–391].

му тексту [Reuss, 1957] константинопольский патриарх Фотий (около 820–891). Слова Иисуса «вы — соль земли» (комментарий к Мф 5:13), квинтэссенцией которых, согласно Фотию, можно назвать две заповеди любви, заповеди творить добро (*ἀγαθοποιέω*), противоположны отречению от Христа, т. е. равноценны таким образом исповеданию Его (комментарий к Мф 26:34). Так Фотий подчеркивает значение жизни во Христе как пути к спасению. В рамках христианского канона это можно считать оборотной стороной или же необходимым дополнением к ортодоксии в смысле исповедания Христа (*μαρτυρία*). Фотий, однако, не делает различия между ортодоксией и ортопраксией. Акт милосердия — это ортодоксия и инструмент исполнения миссии, а гордыня и зависть — это ересь, так же как и отречение от Христа⁸. Человечность, гуманность вызвана Божией любовью к человеку (*φιλανθρωπία*), которая касается всех: восточные мудрецы, пришедшие к яслям, чтобы поклониться младенцу Христу, и пребывание Иисуса в Египте являются тому подтверждением, — говорится в комментарии к Мф 2:13. Бог посылает дождь на всех — праведных и неправедных (комментарий к Мф 5:45).

Однако этот комментарий нельзя принять безоговорочно. Слова о принесении плода являются у Матфея составной частью образа, в соответствии с которым, плод, который приносит дерево, зависит от того, что это за дерево. Здесь речь не идет о нравственном призыве совершать добрые дела: с репейника не собирается смоква (Мф 7:15–20), по плоду познается дерево (Мф 12:33). Принесение плода является результатом не морального призыва, а основополагающего фундамента человеческой личности и всего общества в целом. Характер такого фундамента Матфей несомненно обуславливает верой (например, Мф 9:2), и Фотий бы с ним согласился. Здесь имелось в виду, что Дух Святой исходит от Отца, но его деяния соответствуют деяниям Иисуса, Сына Божьего, поскольку воля Господня есть только одна⁹.

Таким образом, мы осознали, что Евангелие от Матфея не так далеко от апостола Павла. «Братьев меньших» Иисуса (*ἐλάχιστοι* — Мф 25:40,45) можно отождествить с «малыми сими», т. е. с его последователями (*μικροί* — Мф 10:42, ср. 10:1), с Его посланниками, чьи добрые дела будут вознаграждены на небесах¹⁰. Чтобы понять такое толкование, нам нужно уяснить, что в притче этой говорится о скончании века, т. е. о времени, которое следует после призвания к миссии, о котором говорится в двадцать восьмой главе и после того, как Евангелие было возведено всем народам (*ἔθνη*) во всей Вселенной (Мф 24:14). Поскольку народы (*πάντα τὰ ἔθνη*), собравшиеся, согласно притче о Судном дне, уже слышали Евангелие, притча становится итогом миссии.

⁸ О комментарии Фотия я писал в статье: [Pokorný, 2011. Pp. 29–36].

⁹ Сочинение Фотия *Λόγος περὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος μυσταγωγίας* [Photius, 1900. Pp. 279–400]. См. с. 280, 321, 297.

¹⁰ Это толкование поддерживают многие библеисты: [Cope, 1969. Pp. 32–44; Mánek, 1973. Pp. 15–25; Court, 1985. Pp. 223–233].

Жизнь по примеру Иисуса Христа — это решающий момент, но вера, основанная на учении о Троице, является основным мотивом и опорой правильной жизни.

Прежде чем приступить к критическому разбору этого толкования, важно понять соотношение между учением Христа и Его поручением ученикам относительно языческих народов. В Евангелии от Матфея эта тема затрагивается трижды, причем не в хронологическом порядке, поскольку евангелист, в соответствии со своей литературной стратегией, размещает описываемые события в конце повествуемой истории — когда приходит «Сын Человеческий» — в апокалиптической речи, произнесенной Иисусом до наступления Страстей в 25-й главе. Там же приводятся и три притчи, известные только этому Евангелию, из которых последняя касается Судного дня (Мф 25:31–46). Реальный ход событий читатель/слушатель литургического чтения может себе представить следующим образом.

Мф 10:5–6 На путь к язычникам не ходите (εις ὁδὸν ἐθνῶν μὴ ἀπέλθητε), а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева. Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное, — говорит Иисус во время своего земного служения в Галилее.

Мф 28:18–19 Дана Мне всякая власть (ἐξουσία «право на власть») на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы (πορευθέντες οὖν μαθητεύσατε πάντα τὰ ἔθνη), крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — говорит воскресший Иисус Христос, явившись своим ученикам в Галилее.

Мф 25:31–32 Тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы (συναχθήσονται ἔμπροσθεν αὐτοῦ πάντα τὰ ἔθνη), — говорит Сын Человеческий (тождественный Иисусу, согласно евангелисту) в конце века.

Церковное толкование поддерживает заповедь, сформулированную в 28-й главе: крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа. Очевидно, что это пост-пасхальное церковное исповедание. Однако выясняется, что даже такое толкование¹¹, отвечающее учению апостола Павла, не исключает существования признаков, свидетельствующих в пользу того, что эта притча могла послужить отправным пунктом для диалога с нехристианским окружением. Прежде всего, как отметил уже Ульрих Луц, в вопросе о спасении или отвержении народов решающим являлся не тот факт, приняли ли они учение Христа о «малых сих», а то, как они вели себя по отношению к ним [Luz, 1985–2002, 4. S. 543]. Кстати говоря, то, что должны были проповедовать несущие Иисусово послание, не являлось, как мы видели, пасхальным Евангелием в смысле 1 Кор 15:1–5, а «Евангелием Царствия» (Мф 24:14) — т. е. опять же Иисусовым учением [Luz, 1985–2002, 3. S. 424]. Прежде всего крещение закрепляло их принадлежность к приверженцам Христа,

¹¹ Согласно У. Луцу и, вероятно, согласно старейшим источникам, эта притча относилась к суду над язычниками (христиане уже были на стороне Сына Человеческого), но Матфей распространил ее на всех [Luz, 1993. S. 147].

но само по себе оно не являлось критерием для спасения. Более того, уже в первой речи Иисуса сказано, что ученики его выполняют свою миссию одним тем, что окружающие, видя их добрые дела, станут воздавать хвалу Отцу Небесному. Это тот свет, который светит перед людьми (Мф 5:14–16). При краткости многих других формулировок Матфей подчеркивает выдвинутое в Евангелии от Марка положение о том, что братьями и сестрами Иисуса являются те, кто исполняет волю Божию (Мф 12:50; Мк 3:35). Все перечисленное подводит нас к заключению о том, что Матфей, восприняв притчу о Судном дне из традиции Иисуса, поместил ее в более широкий контекст пасхального исповедания (веры в воскресение), не желая, однако, при этом отказаться от исходного замысла отразить эсхатологическое (сегодня, наверное, можно было бы сказать «глобальное») следствие учения о Царствии Небесном, а вместе с тем и основные признаки последнего горизонта «этого века», горизонта, определяющего смысл человеческой жизни и истории. Таким образом, Евангелие, которое должно быть проповедано всем народам до скончания этого века, — это «Евангелие Царства», т. е. учение Иисуса, которое так называется в Мф 4:23 и 9:35.

Когда мы говорим о том, что Матфей придает глобальный (универсальный, вселенский) характер христианской этике, то это, с одной стороны, чистой воды анахронизм, но, с другой стороны, этот анахронизм можно рассматривать как вспомогательный прием, позволяющий понять, в чем Матфей выходит за рамки традиционного понимания церковью роли Иисуса. Мы видим, что самое древнее свидетельство об Иисусе уже содержит в себе все признаки универсального воздействия Иисусова учения о Царствии Божием, которое Матфей, в чье время уже ослабевало ожидание грядущего Апокалипсиса, понимает и обозначает как «Царствие Небесное». В тексте обоих ключевых отрывков, из 25-й главы (притча о Судном дне) и 28-й главы (Великое поручение апостолам), об этом свидетельствует выражение «все народы» (πάντα τὰ ἔθνη Мф 25:32 и 28:19). В Септуагинте читаем, что еврейское выражение, означающее язычников или же языческие народы (ל'נוכרי), евреи обычно переводили на греческий выражением (ἔθνη) 'народы'; русское слово «язычник», восходит к церковно-славянскому *ǫzъnikъ* 'племя, народ', которое в свою очередь, видимо, как раз является калькой с греческого ἔθνη¹². Поэтому в Чешском экуменическом переводе слово ל' переводится как *pronárod* 'пранарод', чтобы отличить это выражение от еврейского ל' и греческого λαός, которые переводятся как 'народ' и в русском Синодальном переводе. Πάντα τὰ ἔθνη может, следовательно, означать «все язычники», т. е. все народы, кроме евреев, но также может означать и вообще все народы в том случае, если слово ἔθνος было использовано в стандартном греческом значении и если речь идет об обозначении всех обитателей вселенной. Это можно понимать и как сознательное подчеркивание того факта, что теперь евреи не мо-

¹² Ср. этимологический словарь Фасмера.

гут похвалиться перед Богом своей избранностью и являются таким же народом, как и любой другой (ср. Исход 19:6, где евреи обозначены как «святой пранарод»). Пусть текст и не позволяет на грамматическом уровне выбрать одну из этих двух возможностей, но в нем нет и намека на то, что для евреев могли бы быть действительны какие-то другие критерии, отличные от тех, что содержатся в притче о Судном дне¹⁵. Потому можно заключить, что вторая возможность все же более вероятна. Однако задачей этой притчи является не воспроизведение хода Судного дня или попытка спекуляций на эту тему, а прежде всего формирование этической и социальной позиции. Речь идет о проповеди, так чтобы всякий, кто услышит это слово, захотел оказаться «по правую сторону».

«Все народы» (*pánta tà ἔθνη*) — это сопряжение, не сводимое лишь к сообщению о том, что христианская миссия после Воскресения не обязательно относится к евреям, а ее адресатом может быть и язычник. Это выражение указывает на вселенскую задачу — нести всем народам, т. е. всему миру, то, что возвестил, чему учил и что олицетворял собою Иисус. Речь идет о глобализации наследия Иисуса. Некоторые библеисты даже придерживались того мнения, что в этой притче говорится о суде над народами в смысле этнических сообществ в целом, но использование местоимения *αὐτοῦς...* (в мужском, а не среднем роде — *αὐτὰ*) свидетельствует о том, что Матфей имеет в виду конкретных людей. Тем не менее, надо иметь в виду, что нормы, берущие начало в Христовом учении и его деяниях, должны быть перенесены в социальную жизнь и культуру отдельных народов через каждого отдельно взятого крестившегося человека.

Матфей не имел в виду, что должны креститься все народы, в том смысле, что каждый, кто себя относит к тому или иному народу, должен был бы стать христианином. Тем не менее он рассчитывал на широкий охват миссии и одновременно сознавал, что частью Церкви станут люди колеблющиеся или даже опасные. Он понимал Церковь как *corpus mixtum* — смешанное тело. Это понимание основывалось на его собственном опыте (ср. Мф 13:36–43, 22:1–10). В заключительной перикопе это отражено в упоминании о том, что «иные усомнились» (Мф 28:17). Именно такие люди должны были быть приведены к покаянию, изменению хода мысли, посредством притчи о Судном дне. Однако это ничего не меняет в отношении горизонта миссии. Ученики Христовы должны передать всем народам социально-этические поведенческие нормы, основанные на учении Иисуса Христа, т. е. в сущности речь идет о конкретизации Десяти заповедей, сжато выраженных в двух Заповедях Любви. Тот факт, что эти нормы признаны сегодня и включены в Хартию прав человека (солидарность по отношению к бедным, больным, женщинам, детям, меньшинствам —

¹⁵ Д. Й. Харрингтон (Harrington) в своей книге «Евангелие от Матфея» (*Sacra pagina*), утверждает, что и согласно Матфею притча о Судном дне предназначалась только для язычников.

самаритянам), весьма знаменателен. И это несмотря на то, что прямое упоминание учения Иисуса Христа отсутствует. Правда и то, что нередко эти нормы не соблюдаются, часто критикуются и заменяются другими, тем не менее им нет пока никакой реально приемлемой альтернативы.

Вот таким путем библейская экзегетика приобретает актуальные аспекты. Волхвы Евангелия от Матфея (2:1–12) становятся олицетворением всех «народов», которым необходимо познать и проникнуться пониманием того, что является основой космического миропорядка. Формулируется одно из внутренних обоснований для эмансипации израильских последователей Иисуса и возникновения Церкви. После Воскресения как будто рухнуло препятствие, не позволявшее обращаться к язычникам. Рухнуло, потому что, как мы уже говорили, строители отвергли камень, ставший главою угла (Мф 21:42, цитата из псалма 117, 22–23), ибо Иисус не успел завершить преобразования Израиля. Это еще один существенный аргумент в пользу того, что притча о Судном дне является образом Суда над всеми людьми.

Евангелие от Матфея сохранило элементы учения Иисуса, создавшего прежде всего социальную этику. Пост-пасхальное обрамление Евангелия даже организовано таким образом, чтобы Пасхальное исповедание стало непосредственным мотивом для возвращения к наследию Иисуса.

4. Благая весть Евангелия от Матфея

Если мы зададимся вопросом, в чем же заключается пост-пасхальное обрамление Евангелия от Матфея, то прежде всего увидим, что хотя понятие благой вести, евангелия не нашло у Матфея такого полного выражения, как у Марка, тем не менее повествование о предметных признаках Воскресения Иисуса в виде пустой гробницы имело целью отчетливо выделить благую весть, сообщенную Марком в 16:6–7, а Матфеем в 28:5–7. Заключительные слова Евангелия от Матфея звучат следующим образом: «Я с вами во все дни до скончания века. Аминь». Вечно живой Господь пребывает со своими последователями, «учениками», до скончания века, а внимательный читатель (собственно говоря, прежде всего слушатель литургического чтения) уже с самого начала знает, что Эммануил — «С нами Бог» (Мф 1:23).

Здесь уже речь идет не о норме, этических максимах, социальной или индивидуальной этике, а об основе, на которой выстраивается этика, выраженная в притче о Судном дне. Это уверение в том, что Иисус «жив», что его признал своим сыном сам Господь, что его возобновленное присутствие экстраординарно и открывает новый, конечный (эсхатологический) горизонт надежды. Апелляция Матфея к учению Иисуса, которая могла восприниматься как апелляция к иллюзорному представлению о близящемся наступлении Царствия Божьего, подкрепляется пасхальным опытом, отраженным в церковном испове-

дании веры. В выражении «Царствие Небесное» Матфей постарался объединить оба эти измерения (Иисуса и пост-пасхальное), о которых шла речь выше.

И раз уж мы в этом исследовании подчеркнули активное, практическое, «приносящее плоды», почти полемизирующее с апостолом Павлом понимание веры у Матфея, то пришло время обратиться, наконец, к тому, о чем не забыл Матфей: Церковь послана для того, чтобы нести всем людям, прежде всего так называемым «анонимным христианам», совпадающим в практической плоскости с христианами, истинно Благою Весть — она должна убедить их, что у их добрых деяний есть высокое будущее, что они являются стержнем истории и истинным началом Нового Века.

Именно в наше время людям необходимо такое заверение, многие хотели бы его услышать. Сегодня многие люди совершают добрые дела с меланхолическим ощущением, что в эпоху заката цивилизации порядочные люди должны помогать друг другу, чтобы легче переносить абсурдность конца. Это представление исключительно опасно. От такого скепсиса нас не спасет никакая этика, лишь само Евангелие.

Может показаться, что вышесказанное относится лишь к области богословской диалектики, берущей начало в самой ранней христианской литературе, и что в конце концов мы снова возвращаемся к церковному учению. Однако тот, кто внимательно слышал или читал, поймет, что Матфею удалось в свое время заново указать на то, чем является по сути своей Евангелие, а оно есть заверение в том, что нравственное сознание и признанные, хоть и часто не соблюдаемые, нормы человеческой этики коренятся в процессе, который имеет абсолютную основополагающую значимость для всего будущим. Не моральные призывы и критика безнравственности, а опознание этого базового фундамента моральных норм, как свидетельствует история Иисуса Христа, является самым действенным путем к их соблюдению. Поэтому актуальной миссией христиан сегодня является Пасхальное исповедание — свидетельство о том, что Бог воскресил Иисуса, признал Его своим единокровным Сыном, и тем самым подтвердил истинность и верность Его этики.

ЛИТЕРАТУРА

- Childs B. S.* Isaiah. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2001. 576 p.
- Cope B. L.* Mt XXV 31–45 — The Sheep and the Goats Reinterpreted // *Novum Testamentum*. Vol. 11. 1969. Pp. 32–44.
- Court J. M.* Right and Left: The Implication for Matthew 25.31–46 // *New Testament Studies*. Vol. 31. 1985. Pp. 223–233.
- Harrington D. J.* SJ. The Gospel of Matthew. Collegeville, MN: Liturgical Press, 1991. 429 p.
- Luz U.* Das Evangelium nach Matthäus. Bd. 1–4. Zürich; Düsseldorf: Neukirchener-Vlyun, 1985–2002.
- Luz U.* Die Jesusgeschichte des Matthäus. Neukirchen: Neukirchener Verlag, 1993. 181 S.

- Luz U. *Matthew in History*. Minneapolis, MS: Fortress, 1994. X, 108 p.
- Mánek J. *Mit wem identifiziert sich Jesus. Eine exegetische Rekonstruktion ad Matt. 25:31–45 // Christ and Spirit in the New Testament / Ed. by B. Lindars & S. S. Smalley*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. Pp. 15–25.
- Mrázek J. *Podobenství v kontextu Matoušova evangelia*. Jihlava: Mlýn, 2004. IX, 211 s.
- Photius. *Λόγος περὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος μυσταγωγίας // Patrologia Graeca*. Vol. 102. 1900. Pp. 279–400.
- Pokorný P. *From the Gospel to the Gospels*. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2013. 237 p.
- Pokorný P. *Jesus as the Ever-Living Lawgiver in the Letter of Mara bar Serapion // The Letter of Mara bar Serapion in Context / Ed by A. Merz & T. Tieleman*. Leiden; Boston: Brill, 2012. Pp. 129–139.
- Pokorný P. *Photius of Constantinople and His Interpretation of Matthew's Gospel // Eastern Christianity, Judaism and Islam between the Death of Muhammad and Tamerlane (632–1405) / Ed. by M. Gálik & M. Slobodník*. Bratislava: Institute of Oriental Studies. Slovak Academy of Sciences, 2011. Pp. 29–36.
- Reuss J. *Matthäus. Kommentare aus der griechischen Kirche*. Berlin: Akademie Verlag, 1957. XLVII, 463 S.
- Schulthess F. *Der Brief des Mara bar Serapion // Zeitschrift für deutsche morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 51. 1897. S. 365–391.

REFERENCES

- Childs B.S. *Isaiah*. Louisville, KY, Westminster John Knox Press, 2001, 576 p.
- Cope B.L. Mt XXV 31–45 — The Sheep and the Goats Reinterpreted. *Novum Testamentum*, vol. 11, 1969, pp. 32–44.
- Court J.M. Right and Left: The Implication for Matthew 25.31–46. *New Testament Studies*, vol. 31, 1985, pp. 223–233.
- Harrington D.J. *SJ. The Gospel of Matthew*. Collegeville, MN, Liturgical Press, 1991, 429 p.
- Luz U. *Das Evangelium nach Matthäus [The Holy Word of Matthew]*. Bd. 1–4. Zürich; Düsseldorf, Neukirchener-Vlyun, 1985–2002.
- Luz U. *Die Jesusgeschichte des Matthäus [The Jesus story of Matthew]*. Neukirchen, Neukirchener Verlag, 1993, 181 S.
- Luz U. *Matthew in History*. Minneapolis, MS, Fortress, 1994, X, 108 p.
- Mánek J. *Mit wem identifiziert sich Jesus. Eine exegetische Rekonstruktion ad Matt. 25:31–45 [With whom Jesus identified. An exegetical reconstruction ad Matt. 25: 31–45]. Christ and Spirit in the New Testament*. Ed. by B. Lindars & S.S. Smalley. Cambridge, Cambridge University Press, 1973, pp. 15–25.
- Mrázek J. *Podobenství v kontextu Matoušova evangelia [The parable in the context of Matthew's Gospel]*. Jihlava, Mlýn, 2004, IX, 211 s.
- Photius. *Λόγος περὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος μυσταγωγίας [Logos on the Holy Spirit ritual]*. *Patrologia Graeca*, vol. 102, 1900, pp. 279–400.
- Pokorný P. *From the Gospel to the Gospels*. Berlin; Boston, W. de Gruyter, 2013, 237 p.
- Pokorný P. *Jesus as the Ever-Living Lawgiver in the Letter of Mara bar Serapion*. The Letter of Mara bar Serapion in Context, ed. by A. Merz & T. Tieleman. Leiden; Boston, Brill, 2012, pp. 129–139.
- Pokorný P. *Photius of Constantinople and His Interpretation of Matthew's Gospel*. Eastern Christianity, Judaism and Islam between the Death of Muhammad and Tamerlane (632–1405), ed. by M. Gálik & M. Slobodník. Bratislava, Institute of Oriental Studies. Slovak Academy of Sciences, 2011, pp. 29–36.

Reuss J. *Matthäus: Kommentare aus der griechischen Kirche* [Matthew: Comments from the Greek Church]. Berlin, Akademie Verlag, 1957, XLVII, 463 S.

Schulthess F. Der Brief des Mara bar Serapion [The letter of Mara to Serapion]. *Zeitschrift für deutsche morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 51, 1897, S. 365–391.

Петр Покорный

Доктор теологии, доктор исторических наук
Центр исследований по библеистике, Карлов университет

Petr Pokorný

Prof. ThDr.; DrSc
Centre for Biblical Studies of the Academy of Sciences,
Charles University in Prague, Czech Republic

E-mail: pokorny@etf.cuni.cz

К. А. Рогова

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ: ГРАММАТИКА И ТЕКСТ

Ключевые слова: речевая системность, функционально-семантические типы речи, коммуникативно-семантическая устроенность высказываний.

В статье рассматривается вопрос об основаниях речевой системности, которая не может строиться на базе использования принципов представления языковой системы, требуя единиц анализа и описания, соответствующих когнитивно-коммуникативной природе текста как продукта речевой деятельности. В качестве возможной единицы монологической речи выдвигается функционально-семантический тип речи (ФСТР), которому присущи соответствующие закономерности в организации составляющих его высказываний.

Kira Rogova

St. Petersburg State University, Russia

SPEECH CONSISTENCY: GRAMMAR AND TEXT

Keywords: speech consistency, functional and semantic types of speech, communicative and semantic structure of utterances.

The article focuses on the foundations of speech consistency, which fails to be based on the principles of the language but calls for such units of analysis and description that would correspond to cognitive and communicative nature of the text as a product of speech. FSTS are regarded as units of monolog speech with their own organisational principles of the utterances.

Современное состояние теоретической лингвистики оценивается как «мирное сосуществование множества несовместимых теорий языка» [Кошелев, 2013]. Речь идет об отсутствии единства в понимании таких кардинальных проблем, как роль языка в мышлении, описание «семантико-синтаксического интерфейса», отнесение лингвистики к естественным или гуманитарным наукам и связанные с этим проблемы методов исследования и др. Предлагается даже «начать построение теории языка заново» [Кошелев, 2013. С. 19]. Это, по мнению автора цитируемой статьи, должна быть синтетическая теория, которая «не может быть сугубо лингвистической. В нее, наряду с лингвистической, должны входить системно связанные с ней когнитивная (представление знаний) и мыслительная (формирование мыслей) составляющие» [Кошелев, 2013. С. 19].

Можно предположить, что все, о чем говорит автор, связано прежде всего с обращением лингвистики к изучению речевой деятельности, от

чего по-своему предостерегал Ф. де Соссюр. Вспомним, он принципиально различал язык и речь: «язык — одновременно и орудие и продукт речи. Но все это не мешает тому, что это две вещи совершенно различные...» Существует, писал Соссюр, «разветвление путей, на которое наталкиваешься, как только приступаешь к теоретизированию по поводу речевой деятельности человека. Надо избрать одну из двух дорог, следовать по которым одновременно не представляется возможным; надо отдельно идти по каждой из них. Можно в крайнем случае сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи. Но ее нельзя будет смешивать с лингвистикой в собственном смысле, с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык» [Соссюр, 1972. С. 57–58].

И тем не менее именно на путь изучения речи вступила лингвистика, начав этот путь со стилистики как дисциплины, изучающей функционирование языка «в зависимости от природы обслуживаемого им фрагмента действительности» [Костомаров, 2004. С. 12]. Обращение к функциональным стилям (ФС) как явлению речевому поставила проблему *речевой системности*, которая, несмотря на многолетнее изучение, продолжает оставаться актуальной. Об этом, с одной стороны, свидетельствуют продолжающиеся изыскания в этой области самых последних лет (прежде всего стилистические), с другой — не удовлетворенная до сих пор потребность в описании этого явления в педагогических целях при обучении связной речи (ее восприятия и порождения).

Определение *системы* (и, соответственно, речевой системы) как множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность¹, позволяет прежде всего описывать систему любых функциональных образований по традиционному принципу — по языковым уровням, т. е. по наличию в них характерных частотных языковых единиц разных уровней, используемых «для достижения поставленных целей». Собственно это и дискурсивный принцип, отмеченный еще Ю. С. Степановым в его статье на заре изучения дискурса [Степанов, 1995. С. 38–39], где, определив систему как «единое целое, доминирующее над своими частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений», автор с этих позиций определяет и дискурс как особое использование языка, которое «влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном случае, особую грамматику и особые правила лексики», что создает особый «ментальный мир» (или при порождении речи — является его отражением).

Так изначально и описываются особенности ФС — *по языковым уровням* как семантически обусловленная (и достаточно замкнутая) система средств выражения, реализуемая в той или иной области использования языка с учетом статуса общающихся.

Однако так же с самого начала возникла проблема определения принципов «управления употреблением» этих языковых средств, ибо,

¹ См.: [Система].

как только мы оказываемся в области смыслов, встает вопрос о принципах его формирования (по замечанию С. Д. Кацнельсона, Чейф, например, «не довольствуется односторонней таксономической ориентацией структурализма и стремится внести в теорию языка момент динамизма» [Кацнельсон, 2001. С. 413]). Так был провозглашен присущий каждому ФС *конструктивный принцип* (позднее в работах В. Г. Костомарова — «вектор», направляющий использование языковых средств для построения речевых высказываний с определенной целеустановкой — основной фактор жанрообразования), который не столько «руководил», сколько объяснял факт использования определенных языковых средств [Костомаров, 2004. С. 12].

Это положение, однако, до сих пор порождает стремление к уточнению, к поиску большей определенности как в принципах описания языковых средств, так и принципов их организации. Видимо, здесь наметилось два пути: «снизу» — от языковых средств и «сверху» — от интенций.

В последнем по времени создании учебнике Н. А. Купиной и Т. В. Матвеевой «Стилистика современного русского языка» — это путь «снизу». Авторы *принимают за основания концепции речевой системности «представление о системе языка», с учетом того, что элементарной единицей речевой системы в речевом аспекте «является не просто языковая единица, а единица актуализированная, вовлеченная в процесс коммуникации», в зависимости от уровня сложности такие единицы получают название лингема, речема, текста, объединяясь общим названием — коммуникема* [Купина, 2013. С. 45–46]. Этот последний термин, как свидетельствуют авторы, «обозначает „продление в речь“ языковой системы и указывает на то, что стереотип функционирования языковой системы сохраняется языковым сознанием в обобщенном виде и тиражируется в сходных процессах речевой коммуникации». При непосредственном изложении особенностей ФС под названием лингвем представляются особенности лексики в сфере стиля, *речем* — словосочетаний, выразительных средств, функционально-смысловых типов речи (ФСТР) — речетекстовых единиц, объем которых превышает предложение и в которых целеустановка производителя речи становится единым логическим принципом ее организации. Третьим компонентом описания выступает описание стиля *в аспекте текстовых категорий* (хотя термин *текстема* больше не употребляется), где рассматриваются привычные, но, кажется, неоднородные явления: тема текста, его композиция, заглавие, заключение, а также хронотоп и тональность [Купина, 2013. С. 103, 107].

Как видно, описываемый набор единиц — *по языковым уровням* — пополняется ФСТР и текстовыми категориями. Так расширяется состав единиц речевой системы, языковое наполнение которых рассматривается применительно к каждому функциональному стилю.

Очевидна польза предпринятого исследования, внимание к значениям языковых средств, включаемых в семантическое пространство речи/текста. Заметим при этом, что в описании практически *отсутствуют наблюдения над участием в них синтаксических конструкций.*

Так, например, при характеристике ФСТР *описания* указывается типичность для него однородных членов, а также безличных и неопределенно-личных предложений, для *повествования* — его глагольная основа и цепная связь предложений, «организующая смысловую целостность компонентов ФСТР на основе воспроизведения в последующем высказывании тех или иных компонентов предыдущего» [Купина, 2013. С. 107].

Это обстоятельство, возможно, связано с тем, что в представляемой системе отсутствует такое качество динамических систем, как связь между частями. То есть обнаруживается, что при обращении к *речевой системности на базе использования принципов представления языковой системы* (как системы, по словам В. Г. Адмони, внеоперационной) речевая системность приобретает фрагментарный характер, в нее включаются лингвоспецифичные средства, что, в конечном счете, не выводит за рамки того, что понималось под языковыми стилями.

Утрачивается *фактор целостности* — самое сложное во всех аналитических штудиях и ведущий фактор связной речи. На разрешение этой проблемы направлено движение исследования «сверху». Но позволим себе отвлечься на размышления Виноградова по этому поводу.

Беседуя с аспирантами о филологии 20-х гг. XX в., он начинает с того, что теория поэзии, которой активно занимались в это время, была представлением отдельных элементов: «*а как изучать форму произведения в его целом, в соотношении разных факторов, разных его сторон? Как изучать эти средства в каком-то, как тогда было принято выражаться, целостном эстетическом объекте? И к чему же, к пониманию чего приводит изучение этого внутреннего единства... или оно будет все время, так сказать, скользить по поверхности?*» [Виноградов] Один из возможных ответов, по мысли Виноградова, состоял в реализации идеи Г. Г. Шпета о различиях между системой и структурой: этот автор определял систему как «что-то данное в одной плоскости. Система — это рядоположение элементов, находящихся в каких-то соотношениях, а структура представляет собой внутреннее объединение в целое разных оболочек, которые, облекая одна другую, дают возможность проникнуть в глубину, в сущность, и вместе с тем составляют внутреннее единство. Понятие структуры казалось более подходящим при изучении композиции художественного произведения, потому что только таким образом и можно открыть какую-то внутреннюю сущность целого» [Там же].

Направление изучения «от целого» предлагается в ряде исследований. Приведем соображения В. Г. Костомарова, для которого ясна «непродуктивность чисто лингвистического подхода к группировкам текстов („стилям“) как к дискретным явлениям и необходимость обращения при их анализе к континууму, в котором явление определяется вектором направления». Такие векторы, как указывалось выше, «связывают содержательные стороны текста с „языковой оболочкой“, задавая выбору и композиции выразительных средств типизированные направления, но, по большей части, не определяя конкретные единицы и модели (подчеркнуто нами. — К. Р.)...», они «лишь задают установку,

направление отбора и композиции, языковая сторона текстов творчески вольна и, в принципе, обладает способностью обновляться и меняться на службе коммуникативных потребностей» [Костомаров, 2004. С. 73].

Хорошо известный в стилистике автор исследований главным образом научного стиля, М. П. Котюрова тоже полагает, что «функциональный подход к тексту предполагает абстрагирование от языковых единиц (дотекстового уровня), а значит обобщенное, «укрупненное» восприятие и изучение текста», которое позволяет обнаружить диалектическое единство двух сторон — текстовой и экстралингвистической» [Котюрова, 2013. С. 38]. Так, оставаясь в рамках целого научного текста, она исследует поведение термина в текстовой терминосистеме. Эта система включает *определение* исходного понятия, его *основные составляющие*, их *обоснование*, *уточнение*, *сужение*, т. е. речь идет о стоящем за этими процедурами процессе развития научной мысли. Важной категорией научного текста признается и такая категория, как «сгущение» информации, наблюдение за этим процессом на протяжении текста также позволяет выявить динамические структурно-содержательные шаги, которые можно положить в основу модели текста (предлагаемый подход, как видно, можно сравнить с мотивным анализом художественного текста).

Названные два подхода к пониманию и представлению речевой системности оставляют целый ряд вопросов, и прежде всего связанных с их конкретным применением в ходе анализа текста / связной речи. Текст и язык — прежде всего грамматика — плохо стыкуются.

Это дает основание высказать предположение, что между текстом и языковой системой *существует промежуточное звено, собственно речевое образование, в роли которого, вероятно, выступает первичный речевой жанр, которым, как отметил Бахтин, мы пользуемся почти так же, как грамматическими формами*: «Если бы речевых жанров не существовало, и мы не владели бы ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе общения, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно» [Бахтин, 1979. С. 258]. Понятно, что нынешнее обращение к самому термину РЖ ничего не решает — поскольку ему дано множество определений и под него подведено множество разных образований. Однако если предположить ранжированность этой категории и обратиться к одной из стабильных разновидностей первичных речевых жанров — ФСТР, то мы обнаружим, что эти последние по своей семантике *связывают речь с действительностью (описание и повествование — с реальной в параметрах места и времени, рассуждение — с ментальной), поддаются языковому моделированию, располагают сетью трансформаций и так или иначе покрывают поверхность текста, наполняя его композиционные компоненты*.

Мысль о функционально-смысловых типах речи как первичных речевых жанрах монологической речи уже высказывалась [Баранов, 1997. С. 8], однако не была конкретизирована относительно форм их реализации.

Если ФСТР является собственно речевым образованием, носителем определенного смысла, соотнесенного с действительностью и сообщаемого адресату, то оно, вероятно, должно рассматриваться в семантико-коммуникативных категориях, т. е. следует допустить, что типология участвующих в их формировании средств может быть выявлена на уровне *семантико-коммуникативных типов предложения*. Того верхнего уровня языковой системы, на котором интегрируются единицы других уровней и который организует их не только в логическом, но и коммуникативном отношении, позволяя осуществить отбор и организацию языковых средств для выполнения смысло-коммуникативных задач. Приведу пример ФСТР-описания: *Окраины южных городов совпадают с окраинами времени. Здесь до сих пор выпасают гусей и коз, а под легким навесом маленького базарчика высятся горы мясистых помидоров и наполненных слезами огурцов, висят янтарные плахи копченых и серые щепки сушеных рыб, — и все это прохвачено ветром с большой воды. Там жар песка и стон огромного парохода, там голубая глубина с солнечной сетью на дне* [Жуковская, 2013].

Разные структурные типы предложений (двусоставные, в том числе — пассивная конструкция, неопределенно-личное, номинативные) имеют единое коммуникативное устройство: их ремы представляют набор объектов, составляющих картину описываемого, чему предшествует вводящее предложение, которое определяет вектор развития темы. Коммуникативное устройство предложения (Т — Р) формирует данное речевое образование, реализуя его целеустановку, организуя его лексический состав в рамках синтаксических типов предложений, которые позволяют вводить номинации объектов описания.

Изучению предложения в аспекте его композиционно-текстовых характеристик посвящены исследования Г. А. Золотовой и ее соавторов по Коммуникативной грамматике. Авторы отмечают двuasпектность коммуникативной организации предложения как произведения «семантико-синтаксической структуры предложения и текста» [Золотова, Онипенко, 2004. С. 389]. Однако работы Г. А. Золотовой посвящены изучению не текста, а предложения, хотя рассматривая предложение в коммуникативном аспекте, автор приходит к выделению тех типовых форм речи, где оно функционирует, а именно к Коммуникативным регистрам (КР), которые в денотативном аспекте являются теми же описанием, повествованием и, условно, рассуждением. Они представлены с модусным осложнением, т. е. учетом типов контекста — репродуктивного или информативного, — в который их включает говорящий. Привлечение КР к рассмотрению организации текста в перспективе ведет к выявлению типологии текстовых структур, выявлению характерных для них моделей коммуникативной организации (что уже подтвердили наблюдения над ФСТР-описанием) в соотношении с их лексическим наполнением.

Таким образом, *речевая системность* может быть изучена применительно к минимальным речевым образованиям — ФСТР — с их исходной целеустановкой, определяющей структуру, которая склады-

ваются из коммуникативно организованных предложений соответствующих структурно-семантических типов.

Отстаивая идею самостоятельности грамматики как внеоперационной системы, В. Г. Адмони писал о своем желании перефразировать одну из заключительных реплик пьесы Е. Л. Шварца «Тень» и обратиться к глубинным структурам, семантическим моделям предложения и другим генеративистским категориям такого рода с призывом: «Тени, станьте на свое место!» Кажется, что семантика, коммуникативно-когнитивный уровни исследования обретают свое место, подтверждая предложение автора, с которого я начала свое выступление, — о необходимости сведения воедино в наших представлениях о лингвистике когнитивных и коммуникативных начал и о поисках речевой системности вне дублирования основ системности языковой.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Г. Когнитивность текста: К проблеме уровней абстракции речевой деятельности // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Изд-во ГосУНЦ, Колледж, 1997. С. 4–12.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Виноградов В. В. Из истории изучения поэтики (20-е годы) [Электронный ресурс]. URL: http://www.opozaj.ru/vinogradov/vinogradov_iz_istorii.html.
- Жуковская В. Д. Только жалеть, только любить // Знамя. 2013. № 1. С. 174–191.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.
- Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
- Костомаров В. Г. Наш язык в действии. М.: Гардарики, 2004. 287 с.
- Котюрова М. П. Речевая системность (К развитию понятия) // Стереотипность и творчество в тексте / под ред. М. П. Котюровой. Пермь, 2013. Вып. 17. С. 38.
- Кошелев А. Д. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (О «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 72. 2013. № 6. С. 3–22.
- Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 415 с.
- Система [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E8%F1%F2%E5%EC%E0>.
- Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1972. 689 с.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 35–73.

REFERENCES

- Baranov A.G. Kogniotipichnost' teksta: K probleme urovnei abstraktsii rechevoi deiatel'nosti [Cognitive typicality of the text: towards the levels of abstraction of speech production]. *Zhanry rechi*. Vyp. 1 [Vol. 1]. Saratov, Izd-vo GosUNTs, Kolledzh, 1997, s. 4–12.
- Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of the written word]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 424 s.

- Vinogradov V.V. Iz istorii izucheniiia poetiki (20-e gody) [From the history of studying poetics (1920s)]. Available at: www.opojaz.ru/vinogradov/vinogradov_iz_istorii.html.
- Zhukovskaia V.D. Tol'ko zhalet', tol'ko liubit' [Only to have compassion, only to love]. *Znamia*, 2013, № 1, s. 174–191.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Iu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [The communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2004, 544 s.
- Katsnel'son S.D. *Kategorii iazyka i myshleniia. Iz nauchnogo naslediiia* [Categories of language and mind. From the scientific perspective]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001, 864 s.
- Kostomarov V.G. *Nash iazyk v deistvii* [Our language in the making]. Moscow, Gardariki Publ., 2004, 287 s.
- Kotiurova M.P. *Rechevaia sistemnost' (K razvitiuu poniatiiia)* [Speech consistency: towards the developng of the concept]. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste, vyp. 17 [vol. 17], pod red. M.P. Kotiurovoi. Perm', 2013, s. 38.
- Koshelev A.D. *Sovremennaia teoreticheskaia lingvistika kak Vavilonskaia bashnia (O «mirnom» sosushchestvovanii mnozhestva nesovmestimykh teorii iazyka)* [The modern theoretical linguistics as the tower of Babel: on "peaceful" co-existence of the numerous incompatible theories of the language]. *Izvestia RAN. Ser. lit. i iaz.*, t. 72, 2013, № 6, s. 3–22.
- Kupina N.A., Matveeva T.V. *Stilistika sovremennogo russkogo iazyka: uchebnik dlia bakalavrov* [Stylistics of the modern Russian language]. Moscow, Iurait Publ., 2013, 415 s.
- Sistema [System]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E8%F1%F2%E5%EC%E0>.
- Sossjur F., de. *Trudy po iazykoznaniuu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1972, 689 s.
- Stepanov Iu.S. *Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinosti* [The alternative world, discourse, fact and priciple of reason]. Iazyk i nauka kontsa 20 veka. Moscow, Institut iazykoznaniia RAN, 1995, s. 35–73.

Кира Анатольевна Рогова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного (РКИ) и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет

Kira Rogova

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: krogova@mail.spbstu.ru

Н. Ю. Романова

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

ДИСКУРС ДИЗАЙНА

Ключевые слова: дискурс дизайна, узловые концепты, вербально выраженная ментальность, стратегии дискурса.

Текст по специальности рассматривается нами как форма реализации дискурса специальности. Дискурс устроен по определенным правилам, характерным для данного языка. Чтобы учить пониманию русского дискурса дизайна, необходимо знать как особенности, касающиеся языкового материала, из которого строится дискурс, так и способы его структурирования. Формой реализации дискурса является текст, письменный и устный. Опираясь на различные типы текстов – журнальные, газетные, энциклопедические, научные статьи, художественные тексты, справочники, а также интервью и устные рассказы о дизайне, можно выявить универсальные особенности текстов о дизайне, описать общую концептуальную структуру и основные стратегии дискурса дизайна. Для обучения студентов иностранцев интерпретации дискурса дизайна особенно важными представляются стратегии авторитета, оценочности и моделирования ситуации восприятия.

Дискурс дизайна – особый тип дискурса, в котором можно выделить специфические особенности в семантике лексем, содержании концептов и способах их экспликации. Дискурс дизайна нужно рассматривать с точки зрения вербально выраженной ментальности, мировосприятия, создающего особый мир. Узловые концепты, единые для всего искусствоведческого дискурса, составляют пять концептуальных областей: человек, артефакты, бытие, природа, эстетика. Ассоциативный принцип, определяющий появление того или иного концепта в дискурсе дизайна, допускает очень большую степень свободы выбора. Концептуализация знания и стратегии дискурса дизайна непосредственно связаны с глубинными структурами общеязыкового мышления на русском языке. В дизайнерском дискурсе востребованы категории мышления не столько о дизайнерском объекте, сколько обо всем мире в целом.

Natalya Romanova

St. Petersburg State University of Technology and Design, Russia

DESIGN DISCOURSE

Keywords: design discourse, central concepts, verbally expressed mentality, discourse strategies.

Professionally oriented text is regarded as a form of professional discourse, which is structured according to the language laws. In teaching to understand Russian design discourse it is important to be aware of the specifics of the language and discourse structure. The form of discourse is a text, both oral and written. Based on the various types of the texts (magazines, newspapers, encyclopedias, scientific articles, fiction, guides, interviews, oral accounts of design), the article reveals

universal features of the design texts, describes their conceptual structure and main strategies of design discourse. To teach foreign students to interpret design discourse it is vital to form strategy of authority, assessment and modelling of perception.

Design discourse is a specific type of discourse with its own lexical semantics, concepts and their expression forms. Design discourse should be approached as a verbally expressed mentality, world perception. Central concepts, universal for all design discourse, constitute five conceptual spheres: person, artifacts, being, nature and aesthetics. Association principle presupposes a considerable degree of variation to determine a concept in the design discourse. Knowledge conceptualization and strategy of design discourse are directly linked with deep structures of language mind in the Russian language. Design discourse demands for mind categories of the world rather than design object.

Чем больше внимания лингвистика уделяет вопросам изучения дискурса, тем яснее становится, как велика роль дискурсивных факторов в языковой структуре и насколько необходимо учить не только языку как системе знаков, но и дискурсу как способу пользования этой системой. Дискурс — особым образом (с помощью концептов и фреймов) организованная структура знания, пользователь которой неизбежно следует определенной системе правил — дискурсивным стратегиям. Дискурсы определяются и различаются не только набором концептов и фреймами, которые они образуют, но также и частотностью использования этих фреймов и концептов. Набор и реальное заполнение концептуальных узлов индивидуально не только для каждой культуры и языка, но и для каждого отдельно взятого дискурса. С позиции социолингвистики дискурс — общение людей, рассматриваемое с точки зрения их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение. По ван Дейку [Дейк, 2000], термин дискурс может использоваться для обозначения того или иного жанра, например, новостной дискурс, аргументативный дискурс, научный дискурс. В выделении жанров не наблюдается однозначности, например, В. И. Карасик, считая существенным противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса, применительно к современному социуму выделяет политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса, каждому из которых присущи определенные имплицитные категории [Карасик, 2000], И. Б. Авдеева выделяет инженерный дискурс из научного и по многим параметрам противопоставляет ему [Авдеева, 1998], А. П. Булатовой исследовал искусствоведческий дискурс [Булатова, 1999].

Представляется необходимым выделить также дискурс дизайна, т. к. дизайн — это проектная творческая деятельность, совмещающая в себе и художественное и техническое начало. Главной составляющей любого социумного дискурса является сумма профессиональных знаний (профессиональный контекст). Под дискурсом дизайна мы понимаем сумму знаний, необходимую для дизайнерской деятель-

ности, выраженную, зафиксированную человечеством как вербально, так и с помощью других знаковых систем (математических символов, графиков, чертежей и др.). По данным современной психолингвистики, эта сумма знаний представлена в сознании дизайнера в виде особых когнитивных структур, фреймов знаний, упакованных в терминологические оболочки. Информация о дизайне кодируется в общественном сознании в виде системы понятий, идей, теорий, знаний об объектах, поведении объектов, способах их взаимодействия. Можно утверждать, что дипломированные дизайнеры владеют дискурсом дизайна, т. е. определенными алгоритмами решения дизайнерских задач, а также научным стилем речи (в письменной и устной форме, который обслуживает процессы получения и передачи профессиональных знаний), и разговорным стилем, которым пользуются при решении производственных задач.

Формой реализации дискурса является текст, письменный и устный. Текст по специальности рассматривается нами как форма реализации дискурса специальности, под которым мы, вслед за Е. В. Сергеевой, понимаем совокупность текстов одной сферы жизни, имеющих свой тематический репертуар и обладающих общими языковыми характеристиками [Сергеева, 2002]. Опираясь на различные типы текстов — журнальные, газетные, энциклопедические, научные статьи, художественные тексты, справочники, а также интервью и устные рассказы о дизайне, необходимо выявить универсальные особенности текстов о дизайне, описать общую концептуальную структуру и основные стратегии дискурса дизайна. Дискурс дизайна — особый тип дискурса, в котором можно выделить специфические особенности в семантике лексем, содержании концептов и способах их экспликации. Русскоязычный дискурс дизайна представляет собой сумму выраженных вербально и графически знаний, общих для всего человечества. Вместе с тем он имеет свои национальные особенности как в референциональной части (принятые в стране системы измерения, традиции структурирования научного изложения, набор учебных дисциплин для получения той или иной специальности и т. д.), так и на языковом и на речевом уровнях. Овладение русским дискурсом дизайна означает овладение не только суммой знаний определенной специальности, но и способами их выражения на русском языке. В то же время дискурс дизайна нужно рассматривать с точки зрения вербально выраженной ментальности, мировосприятия, создающего особый мир. Концептуализация знания и стратегии дискурса дизайна непосредственно связаны с глубинными структурами общеязыкового мышления на русском языке. На основании анализа текстов статей о дизайне были выделены лексемы, вербализирующие значимые для дизайна концепты. Система этих концептов определяет основные положения дизайнерской деятельности, ее смысл и сущность, взаимосвязь с родственными видами творчества и отличие от них. В систему ключевых, основополагающих понятий дизайна с их дефинициями помимо определения термина «дизайн» входят: предмет и объек-

ты дизайна, основной метод дизайна, основные рабочие категории дизайна, типология дизайн-деятельности, цель, функции и задачи дизайна, основополагающие принципы и закономерности дизайна. Основным методом дизайна — художественно-образное моделирование, которое реализуется посредством понятия «композиционное формообразование в дизайне».

В основных рабочих категориях дизайна («образ», «функция», «морфология», «технологическая форма» и «эстетическая ценность») конкретизируется сущность художественно-образного моделирования утилитарно-технической и социально-культурной сторон содержания объектов дизайн-проектирования. Дизайн — комплексная междисциплинарная проектно-художественная деятельность, интегрирующая естественно-научные, технические и гуманитарные знания, инженерное и художественное мышление, направленная на формирование на промышленной основе предметного мира в чрезвычайно обширной зоне контакта его с человеком во всех без исключения сферах жизнедеятельности.

Существуют различные виды дизайна — специфические формы специализации дизайнерской деятельности, отличающиеся предметом проектирования и областью приложения профессиональных знаний, целями и методами проектной работы и ее конечными результатами. Различают основные виды дизайна — графический, промышленный, средней и их разновидности: в графическом дизайне — работа с визуальными коммуникациями, рекламой, информационной графикой и др., в промышленном — формирование бытовых вещей и приборов, объектов машиностроения, средств транспорта, одежды и т. д., в средовом — дизайн интерьера и открытых пространств различного назначения. В настоящее время наблюдается зарождение и становление новых видов дизайна, отвечающих особенностям отдельных сфер дизайн-проектирования (экологический дизайн, эргодизайн, футурологическое проектирование — футуродизайн, дизайн ландшафтный, экспозиционный, инженерный и т. д.), отличающихся нацеленностью или характером результатов работы (арт-дизайн, шрифтовой дизайн, ленд-арт, дизайн архитектурный, компьютерный и пр.). Но независимо от специфики вида дизайна, все они имеют общую основу — синтез прагматических и художественных идей и решений, направленных на улучшение условий существования человека, в целостной эстетически совершенной форме [Медведев, 2009].

Центральной проблемой дизайна является создание культурно и антропосообразного предметного мира, эстетически оцениваемого как гармоничный, целостный. Отсюда особая важность для дизайна — это использование наряду с инженерно-техническими и естественно-научными знаниями средств гуманитарных дисциплин — философии, культурологии, социологии, психологии, семиотики. Все эти знания интегрируются в акте проектно-художественного моделирования предметного мира, опирающегося на образное, художественное мышление [Медведев, 2005].

Анализ научных статей о природе дизайнерской деятельности, новых парадигмах дизайнерской практики, исследованиях в области дизайна, взаимодействии дизайнера и потребителя показал, что наиболее близок дискурсу дизайнера искусствоведческий дискурс, исследованный А. П. Булатовой. Под искусствоведческим дискурсом А. П. Булатова понимает вербализованный опыт мышления относительно области объектов, бытующих как произведения искусства, организованный в рамках стратегий восприятия, авторитета и других искусствоведческих стратегий. Описываемое этим дискурсом денотативное пространство является пространством артефактов — произведений искусства [Булатова, 1999]. Близость дискурса дизайнера к искусствоведческому дискурсу обусловлена тем, что дизайн сейчас воспринимается прежде всего как особый вид искусства. В научных статьях о природе дизайнерской деятельности, о взаимодействии дизайнера с потребителем отмечается, «сегодня в начале XXI в. стало окончательно ясно, что дизайн, долгое время считавшийся чем-то вроде умения оформлять предметно-пространственное оснащение нашей жизни, — это искусство» [Дегтярева, Петрова, 2011. С. 29]. «Дизайн как новый вид искусства состоялся» [Там же. С. 30]. Однако вопрос о признании дизайна искусством остается дискуссионным, т. к. творческая деятельность в сфере изобразительных искусств направлена на духовно-ценностное отражение всего мира, окружающего человека, духовного мира самого человека, дизайн же не изображает мир и человека во всем многообразии проявлений его бытия, а выражает отношение к человеку и значение, смысл для человека всех тех объектов, которые им проектируются. Кроме того, в дизайне творческий труд придумывания объекта разработки отделен от реализации творческого замысла в материале на основе соответствующих технологий машинного производства.

Дискурс дизайнера принципиально отличается от искусствоведческого дискурса, т. к. дизайн обладает собственным спектром эстетических и социальных задач, своим образно-философским смыслом. Дискурс дизайнера образован специфическими материально-художественными структурами, наделен индивидуальными технологиями реализации своего утилитарно-практического и культурно-эстетического потенциала. В научных статьях подчеркивается, что дизайн — искусство нового этапа развития цивилизации, эры прав человека и рыночных отношений, основанных на приоритете потребительских ценностей в укладе жизни общества. Такой подход означает пересмотр многих ортодоксальных положений эстетики. Главное — новое понимание категории «художественный образ», венчающей работу художника. Вместо привычной «единственности» произведения художественного творчества — преднамеренное тиражирование дизайнерской продукции. Вместо активно выраженной духовности — опосредование «высокого» через внешне непритязательные житейские потребности, синтезирующие «естественные» и нравственные начала. Вместо подчеркивания исключительности, даже недостижимости идеала, — уверенность, что

идеальное есть норма, выражение оптимизма на уровне «смысла бытия». Проповедуется идеология целенаправленного преобразования присущей человеку жажды прекрасного в технологию внедрения прекрасного во все стороны нашей жизни.

Узловые концепты, единые для всего искусствоведческого дискурса, составляют пять концептуальных областей: человек, артефакты, бытие, природа, эстетика. В дискурсе дизайна важнейшие концепты трансформируются: человек превращается в потребителя, заказчика, покупателя, а бытие — в быт. Одновременно подчеркивается значимость профессии: дизайнер предстает всемогущим творцом. «Тотальная оформленность среды обитания человека, ожидающая нас в недалеком будущем, означает, что наша жизнь станет протекать как бы внутри сознания дизайнера, роль которого постоянно возрастает» [Заостровцев, Сухов, 1998. С. 58]. Об этом же свидетельствует использование прецедентных текстов: «И если красота спасет мир, то ей не обойтись без помощи дизайна» [Заостровцев, Сухов, 1998. С. 59]. Считается, что дизайнер в принципе может заниматься всем, что его метод мышления — поиск эстетически осмысленных, оригинальных, остроумных решений на основе минимальных материальных затрат — универсален. Возвеличивая дизайнера, авторы не забывают и об ответственности дизайнера перед будущим [Папанек, 2004; Медведев, 2013]. Даже в отчете о дизайнерском «Оскаре» подчеркивается, что победителями стали проекты, ориентированные в первую очередь на улучшение жизни незащищенных членов общества. «Были отмечены проекты социально значимые, созданные с целью повысить качество жизни людей с ограниченными возможностями... Также дизайнеры многое делают для детей из бедных и развивающихся стран» [Неборачко, 2013. С. 45]. Гуманистически ориентированный дизайн противопоставляется коммерчески ориентированному, целью которого является «создание привлекательных вещей-товаров для увеличения их сбыта, формирования потребительской психологии широких масс населения путем фетишизации мира вещей, обладающих значением престижной ценности, символа социально-статусных отношений в стратифицированном обществе массового потребления» [Медведев, 2009. С. 103]. Мы видим, что в дизайнерском дискурсе востребованы категории мышления не столько о дизайнерском объекте, сколько обо всем мире в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева И. Б. Архитектоника инженерного текста как объект описания подъязыка специальности и как объект обучения ему. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 1998. 27 с.
- Булатова А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 4. С. 34–49.
- Дегтярева К. А., Петрова С. Г. Необходимость исследований в области дизайна // Дизайн. Материалы. Технология. 2011. № 2 (17). С. 26–34.

- Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. 308 с.
- Заостровцев А. П., Сухов В. Н. Современный дизайн и его перспективы в системе эколого-гуманистических детерминант // Материалы конф. «Дизайн России: проблемы теории и практики». СПб.: СПГУТД, 1988. С. 58–59.
- Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
- Медведев В. Ю. Дизайн будущего и будущее дизайна // Вестник СПГУТД. 2013. № 4. С. 8–19.
- Медведев В. Ю. Стиль и мода в дизайне: учеб. пособие. СПб.: СПГУТД, 2005. 256 с.
- Медведев В. Ю. Сущность дизайна: учеб. пособие. 3-е изд. испр. и доп. СПб.: СПГУТД, 2009. 110 с.
- Неборачко О. А. Конкурс «Designs of the year — 2013» // Вестник СПГУТД. 2013. № 4. С. 40–45.
- Папанек В. Дизайн для реального мира / пер. с англ. М.: Издатель Д. Аронов, 2004. 416 с.
- Сергеева Е. В. Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект. Автореф. дис. ... д. филол. наук. СПб., 2002. 34 с.

REFERENCES

- Avdeeva I.B. *Arhitektonika inzhenerenogo teksta kak ob'ekt opisaniya pod'jazyka special'nosti i kak ob'ekt obuchenija emu: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Architectonics engineering text as an object of description sub-language specialty and as an object of learning it: PhD Thesis]. Moscow, Gos. IRJa im. A.S. Pushkina, 1998, 27 s.
- Bulatova A.P. *Konceptualizacija znanija v iskusstvovedcheskom diskurse* [Conceptualization of knowledge in art criticism discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologija, 1999, № 4, s. 34–49.
- Degtjareva, K.A., Petrova S.G. 'Neobhodimost' issledovanij v oblasti dizajna' [The need for research in the field of design]. *Dizajn. Materialy. Tehnologija*, 2011, № 2 (17), s. 26–34.
- Dejk van T.A. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, BGK im. I.A. Baudouin de Courtenay, 2000, 308 s.
- Zaostrovcev A.P., Suhov V.N. *Sovremennyj dizajn i ego perspektivy v sisteme jekologo-gumanisticheskikh determinant* [Modern design and its prospects in the system of ecological and humanistic determinative]. *Materialy konf. "Dizajn Rossii: problemy teorii i praktiki"*. Saint Petersburg, SPGUTD Publ., 1988, s. 58–59.
- Karasik V.I. *Jetnokul'turnye tipy institucional'nogo diskursa* [Ethno-cultural types of institutional discourse]. *Etnokul'turnaja specifika rechevoj dejatel'nosti: Sbornik obzorov*. Moscow, INION RAN, 2000, s. 37–64.
- Medvedev V.Ju. *Dizajn budushhego i budushhee dizajna* [Design of the future and the future of design]. *Vestnik SPGUTD*, 2013, № 4, s. 8–19.
- Medvedev V.Ju. *Stil' i moda v dizajne* [Style and fashion design]. Saint Petersburg, SPGUTD Publ., 2005, 256 s.
- Medvedev V.Ju. *Sushhnost' dizajna* [The essence of the design]. Saint Petersburg, SPGUTD Publ., 2009, 110 s.
- Neborachko O.A. *Konkurs "Designs of the year — 2013"* [Competition "Designs of the year — 2013"]. *Vestnik SPGUTD*, 2013, № 4, s. 40–45.

Papanek V. *Design dlja real'nogo mira* [Design for the Real World]. Moscow, Publisher D. Aronov, 2004, 416 s.

Sergeeva E.V. *Russkij religiozno-filosofskij diskurs «shkoly vseedinstva»: leksicheskij aspekt: avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk.* [Russian religious-philosophical discourse of “unity schools” lexical aspect: Habil. Thesis.]. Saint Petersburg, 2002, 34 s.

Наталья Юрьевна Романова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

Natalya Romanova

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University of Technology and Design, Russia

E-mail: naromanova@mail.ru

Т. В. Романова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ИСПОВЕДАЛЬНОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: диалогическая модальность, исповедь, адресат, мемуарная литература.

В статье рассматривается специфика коммуникации в исповедальном тексте, которая связана с категорией модальности как текстовой, жанрообразующей категорией. Категория текстовой модальности имеет диалогический характер, который раскрывается в отношении говорящего к чужому слову; в способности модальных средств к организации диалогических единств и включению диалога в повествование; во включенности адресата в исповедальный текст. Специфика проявления указанных параметров диалогической модальности в исповедальном тексте и анализируется в публикации. Делается вывод о сюжето-, стиле-, жанро- и композиционной реализующей функции адресата и средств адресации в построении структуры исповедального текста. Личный жизненный опыт, личные переживания, исповедальность несут в себе произведения разных жанров: и автобиографии, и дневники, и автобиографическая художественная литература, и путевые заметки, очерки, психологические зарисовки, и записные книжки, автобиографические портреты, и воспоминания и т. д. Мы остановились на исповедально-мемуарной публицистике (исключили художественные произведения, сущностью которых является моделирование художественного образа, вымысел). В качестве текстовых источников была использована мемуарная проза с коммуникативной интенцией исповеди: проза В. Астафьева, П. Басинского, И. Бродского, В. Войновича, И. Глазунова, М. Козакова, А. Кончаловского, Д. Лихачева, Ю. Нагибина, В. Некрасова, О. Павлова и др. В нашем употреблении термин «исповедальный» характеризует не только жанровые, но и содержательные особенности современной мемуаристики.

Tatyana Romanova

National Research University "Higher School of Economics",
Nizhny Novgorod, Russia

DIALOGUE MODALITY OF THE CONFESSIONS

Keywords: dialogue modality, confession, addressee, memoirs.

The article focuses on the specifics of communication in confessions in regard with modality as a category of text and genre formation. The category of text modality has dialogue character which reveals in relation of a speaker to someone else's words; forming dialogue unities by modality means and incorporating a dialogue into the narrative; involving of the addressee in the confessions. All these aspects are in the focus of the article. Further, it draws a conclusion that the addressee perform a function to unite a plot, style, genre and composition. Besides, it summarises the means of addressing and forming the structure of the confession. Personal experience, feelings and confession nature are reflected in various genres: autobiographies, dairies, autobiographical

fiction, travel essays, sketches, psychological sketches, notes, autobiographical portraits, memoirs and so on. The article delves into confessions and memoirs in publicistic style (except for fiction, which is aimed at modelling an imaginary world). As texts for the analysis we have memoirs in prose with communicative intention of the authors: V. Astafiev, P. Basinsky, J. Brodsky, V. Voinovich, I. Glazunov, M. Kozakov, A. Konchalovsky, D. Likhachev, Yu. Nagibin, V. Nekrasov, O. Pavlov and others. The term "confession" can characterise genre and informative features of the modern memoirs.

«Толковый словарь русского языка конца XX века» дает справку об актуализации употребления слова *исповедь* в современной речи [Толковый словарь, 1998. С. 278]. В «Большом толковом словаре русского языка» [Большой толковый словарь, 1998. С. 401] дано словосочетание *исповедальный жанр* (о художественных произведениях *в духе исповеди автора*) — «такой, как на исповеди; откровенный, искренний». В современном употреблении *исповедальный* не жанровая характеристика, а содержательная. Личный жизненный опыт, личные переживания, исповедальность несут в себе произведения разных жанров: и автобиографии, и дневники, и автобиографическая художественная литература, и путевые заметки, очерки, психологические зарисовки, и записные книжки, автобиографические портреты, и воспоминания и т. д. Мы остановились на *исповедальной публицистике* (исключили художественные произведения, сущностью которых является моделирование художественного образа, вымысел), при этом понимая, что «подлинные автобиографии написаны с разной долей вымысла, а за вымышленными („исповедями“) чаще всего просматривается судьба — именно судьба, а не просто факты жизни — их создателя» [Шрейдер, 1971. С. 23]. Итак, исповедальная проза — это прежде всего проза с обнаженным концептуальным началом, «форма выражения абсолютного в индивидуальном» [Литературные манифесты, 1980. С. 99], где «духовное и нравственное становление человека, а заодно и окружающий его мир передавались в субъективной окраске, в осмыслении индивидуального сознания» [Чавчанидзе, 1983. С. 72]. В исповедальных текстах представлены идеологические и аксиологические ориентиры автора, предполагается большое количество средств выражения субъективной модальности и использование открытых (явных) способов экспликации своей позиции. Термин «исповедальная проза» представляется нам предпочтительным, т. к. не всегда в ней превалируют мемуарные тенденции, главная цель — осмыслить себя в оппозиции к другим.

В качестве текстовых источников была использована художественно-публицистическая проза В. Астафьева, П. Басинского, И. Бродского, В. Войновича, И. Глазунова, М. Козакова, А. Кончаловского, Д. Лихачева, Ю. Нагибина, В. Некрасова, О. Павлова и др.

Специфика коммуникации посредством исповеди связана в первую очередь с категорией модальности, которую мы рассматриваем здесь не как лексико-грамматическую (синтаксическую) категорию, а как текстовую интегративную категорию, как жанрообразующую категорию. Модальность можно отнести к форме произведения, в том

смысле, что форма содержательна. Художественная форма «есть выражение активного ценностного отношения автора-творца и воспринимающего (со-творящего форму) к содержанию» [Бахтин, 1975. С. 59].

Категория текстовой модальности имеет диалогический характер, что определяет специфику коммуникации в исповедальном тексте. Понятие диалогической модальности введено в лингвистический обиход работами Н. Д. Арутюновой (1981), Т. Б. Алисовой (1971). В узком смысле «диалогическая модальность представляет собой отношение говорящего к предыдущей или последующей речи собеседника» [Алисова, 1971. С. 211]; эта модальность раскрывается в «отношении говорящего к «чужому слову», к высказыванию собеседника» [Арутюнова, 1970. С. 46]. Иногда диалогическая квалификация модальности суживается до ответных реплик в диалогических единствах. Например, в работе Л. И. Василенко диалогизм модальности рассматривается как «отношение субъекта речи к другим лицам», «установление диалогического контакта с другими лицами — адресатами речи» [Василенко, 1985. С. 151], т. е. как способность модальных средств к организации диалогических единств и включению диалога в повествование.

Коммуникативное пространство исповеди организуется как особый тип внутренней речи — диалогизированное проговаривание. В современных мемуарах весьма продуктивны риторические вопросы, вопросительные предложения в составе авторской речи. Одним из способов реализации стремления к устной форме повествования являются вопросно-ответные комплексы (ВОК), под которыми понимается расчлененное сложное структурно-семантическое единство, его конструирующими элементами являются разнообразно выраженные вопрос и ответ. Причем ВОК используется здесь не только в функции имитации диалога, но и в функции постановки проблемы, и даже в функции дефиниции:

Как трактовать слово «возвышающий»? Нас идеализирующий. Делящий нас лучше. Дающий некую перспективу, направление движения. Движение, если говорить о развитии, не горизонтально. Оно происходит вверх — по спирали или как-то иначе, но вверх. Мир становится сложнее, мы становимся сложнее (Кончаловский, с. 9).

Эти формы типичны для научно-популярного стиля, они призваны объяснять, в то время как риторические вопросы — убеждать. «... вопросно-ответное построение, равно как реализация принципа „за и против“, по-видимому, не создает двухагентной ситуации, отражая стандартизированную диалектику обдумывания» [Арутюнова, 1981. С. 359], уяснения. См.:

Познай самого себя... Вся жизнь пытаюсь. Всю жизнь задаюсь вопросом — кто я? О тебе думают и говорят разное, ну а ты сам-то, столь строго судящий людей, ты-то кто? Наверное, поэтому я столько графоманил, вел дневники, пытался остановить мгновения и осмыслить их.

<...> Значит, ни деньги, ни секс, ни власть — эти три кита — не про меня. Тогда что же? Искусство? Это было бы слишком красиво. Често-

любие и тщеславие? Вот оно. А бывают ли актеры не честолюбивы? Тщеславие с годами уходит — я имею в виду мелкое тщеславие. Суетное тщеславие, худший его вид, мне вообще не был свойствен. А с годами и не мелкое стало исчезать. Это в молодости, когда тебе 22–23 года, приятно, к примеру, что шепчут твою фамилию вслед, потом к этому привыкаешь, и это делается безразлично. Но вот вопрос: а если бы это ушло совсем и на тебя бы вообще перестали обращать внимание? Не стало бы тревожно? Да, такая уж у нас профессия, древнейшая. Первая, вторая, третья... К чему эти мелочные счеты?

Честолюбие? Тут тоже не все так просто. Все эти звания... Им цена — две копейки — ведро. Пресса? — с этим тоже все ясно. Меня не интересует суждение внухов о любви. О мировом серьезном признании не один наш актер всерьез мечтать не может. Что же остается? Самоиспытание. Эксперимент, мнение друзей, уважение публики. Значит, работа (Козаков, с. 346).

«Лишь тогда, когда дело касается несовместимых нравственных установок, внутренняя речь приобретает характер подлинного диалога, в котором контрагент, а иногда и оба идейных противника могут быть персонифицированы» [Арутюнова, 1981. С. 358]. Ср.:

Записки счастливого человека, страдающего радикулитом... Почему? А потому, что это чистая правда. Писал я исключительно в клиниках, куда попадал трижды с острыми приступами остеохондроза, говоря проще, радикулита.

Придумав такое название, автор дает обильную пищу для критической фантазии друзей и недругов. Например, тон снисходительный: «Что вы хотите от человека, который сам признается в том, что писал свои записки, будучи больным». Ученый тон: «У этих, с позволения сказать, записок, как и у автора, нет хребта. Они бесхребетны».

Тон особый, osobистский: «Дать бы ему по хребту осиной». Ну и так далее (Козаков, с. 8).

Адресат свободен в выборе вектора реагирования, но не реагировать он не может. Это существенно отличает адресата исповеди от адресата художественного произведения, который не склонен принимать на свой счет никаких интенций автора. Через обращение к адресату осуществляется диалогизация авторской речи.

Диалогический характер категории модальности/модусности можно трактовать широко. В центре внимания авторов — вопрос о насаивании на диктум разных планов модальности. В известной концепции Т. В. Шмелёвой модус высказывания трактуется как совокупность субъективных смыслов, которая подразделяется на несколько блоков категорий [Шмелёва, 1995]. С этой точки зрения диалогическая модальность интегрирует актуализацию, социальную семантику и мета-категориальные смыслы высказывания.

С нашей точки зрения диалогическую природу текстовой/жанровой модальности нужно рассматривать широко: каждый автор, по мнению М. М. Бахтина, «находится в состоянии постоянного диалога с другими

авторами, со всей предшествующей и современной культурой» [Бахтин, 1975. С. 73].

Категория модальности является средством самоосознания и осознания другого. Она диалогична, т. к. адресна (иногда имплицитно, в некоторых случаях и эксплицитно, например семантика побуждения). «Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собою без другого: я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотражении, во взаимопрियाии). Оправдание не может быть с а м о о п р а в д а н и е м, признание не может быть с а м о п р и з н а н и е м... Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность. Монолог претендует быть последним словом. Он закрывает (альтернативный — вставка наша. — Т. Р.) <...> мир и <...> людей» [Бахтин, 1997. С. 344, 350]. Отсюда следует вывод: монолог тоже должен быть диалогичен. Залог успеха монолога — правильная модальная стратегия (оценка и для себя, и для других).

Степень диалогичности текста может измеряться степенью включенности адресата в исповедальный текст. «В этом случае, — пишет Т. Г. Винокур, — более показательны... тексты рядовых носителей языка, а не знаменитостей, потому что тексты последних, за редким исключением, несут на себе отпечаток готовности к тому, чтобы стать достоянием общественности, т. е. быть **обращенными к „двойному адресату“**» (выделено нами. — Т. Р.) [Винокур, 1993. С. 28]. «В известном замечании Лермонтова, — писал Г. О. Винокур, — „Исповедь Руссо“ имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям“, — необыкновенный ум поэта сказался с поразительной силой» [Винокур, 1927. С. 51]. Первые же действительно противопоставлены: как текст, обращенный к самому адресату („возвратный“) или предназначенный для другого лица как адресата» [Винокур, 1993. С. 94]. Содержательная (когнитивная) роль адресата в первом случае, по мнению Т. Г. Винокура, сводится к нулю и трансформируется в чисто коммуникативную — намерение вступить в общение. Видимо, из этого исходили К. С. Пигров и Т. В. Радзиевская, объявляя, например, дневник текстом безадресной стратегии, т. к. в нем «субъект и адресат коммуникации предстают в одном лице» [Радзиевская, 1992. С. 30], «общением с самим собой в пространстве тотальной коммуникации» [Пигров, 1998. С. 200]. Об этом же пишет И. М. Вознесенская: дневник — проповедь/исповедь «перед самим собой», «беседа с собой» [Вознесенская, 2000. С. 70]. Учитывая семантически емкий образ субъекта исповеди, мы не согласны с трактовкой когнитивной функции адресата как нулевой (в любом произведении исповедального типа). Во-первых, потому, что автор исповеди моделирует адресата. Ср.:

Хочу вести дневник для оценки, как бы для собеседника, может быть, как пишет о себе Делакруа, — «я стану лучше от этого»... (Глазунов, 1996. № 4. С. 218).

Во-вторых, потому, что исповедь имеет адресата:

Любой самый сокровенный дневник где-то там, подсознательно, за горизонтом души, ждет своего читателя (Гранин, с. 7).

Большинство исповедальных форм предназначено внешнему адресату (с вкраплением внутреннего). Внутреннее проговаривание нередко обращено к реальным лицам, входящим в круг общения субъекта (так, например, в книге Е. Леонова сменяются роли адресата: письма сыну-школьнику, студенту, артисту, солдату). См.:

— В. Войнович — глава «Из письма другу»;

— Трудно смириться и принять новый уклад, если лично ты не можешь доснять фильм, если лично тебе нет места в чернушном или порнографическом кино, если лично ты не умеешь приватизировать и продавать, если не в твоих правилах выступать на митингах, якшаться с политическими лидерами всех мастей, рвущимися к власти. Уехать? Некуда; да и почему ты, актер, должен потерять свою страну, свой язык, свою публику? Отойти в сторону и тихо переждать не удастся. Переждать вообще не в твоих правилах, да и ждать придется долго, а время торопит, время уходит. Возраст у тебя не детский. И вот тогда заносит. Один делит со своим Учителем театр, другой пишет в газету «Сегодня» или «Завтра». Трудно обрести душевную гармонию. И тогда ты обращаешься к прошлому, и на твоём русском поле, твоём грустном поле чудес пестрят портреты недавно ушедших, которых сломали или которые сломались. И твоё положение, и твоё душевное здоровье ничуть не лучше, чем у твоего вчерашнего коллеги, который сидит в Тель-Авиве и водит пером по бумаге, пытается разобраться, что к чему.

Характер у нас с тобой, Леня. *А характер — это что? Правильно! — судьба. И беги не беги, хоть на край света, от характера своего ты никуда не убежишь (Козаков, с. 367–368).*

Исповедь как коммуникативная установка «не требует непосредственной словесной реакции от адресата и рассчитана скорее на определенную психологическую отдачу, источником которой должно быть другое лицо» [Арутюнова, 1981. С. 363], это способствует ее интериоризации и вместе с тем сохраняет обращенность к фиктивному, или, точнее сказать, обобщенному, адресату (например, книга Е. Эткинда: «*читатель*», «*дорогой западный коллега*»). Учитывая классификацию жанров и речевых актов по типу адресованности, предложенную Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1981], можно сказать, что некоторые типы исповедальных текстов (очень часто, к примеру, дневник или другой жанр самооценки) самоадресованы, вследствие чего наблюдается «распад личности на двух неравных собеседников» и адресация к «субъекту внутреннего проговаривания как средоточию пороков и слабостей» [Арутюнова, 1981. С. 362] или идеальных качеств. Например, у М. Козакова один внутренний субъект — носитель таких качеств, как графоманство, честолюбие, тщеславие, другой — работоспособности, вызывающей уважение публики.

В других случаях наблюдается адресация высшему существу или высшей силе:

И я, человек неверующий, повторяю: Боже, вразуми Америку! Дай ей обрести разум, минуя наш кошмарный опыт. Дай ей обрести мудрость, не пережив трагедии социализма! Внуши ей инстинкт самосохранения! Заставь покончить с гибельной беспечностью! Не дай разувериться, отчаться, забыть — в какой прекрасной стране мы живем! (Довлатов, с. 42).

Таким образом, можно утверждать, что любой элемент структуры исповедального текста, как и другого, рассчитан на определенную модель адресата, который, в свою очередь, имеет иерархическое строение: самоадресация, внутритекстовая адресация и т. д. Адресат может рассматриваться как модель определенного типа языковой личности (индивидуальной, социумной, этнической, общечеловеческой). С учетом принципа обратной связи можно говорить о сюжето-, стиле-, жанро- и композиционной реализующей функции адресата и средств адресации в построении структуры текста [Сулименко, 2001. С. 306].

Толкование модального значения тоже зависит от фактора адресата: «только определенный тип адресата не ошибется, приняв „возможно“ за согласие или, наоборот, за отказ» [Арутюнова, 1981. С. 357].

Как замечает М. Бахтин, исповедь-покаяние возможна только перед другим [Бахтин, 2000. С. 162–163]. Самоотчет-исповедь содержит задание для читающего: молитва за автора о прощении и отпущении грехов; назидание [Бахтин, 2000. С. 170]. В этом случае для автора исповеди остается коммуникативная роль «проповедника» [Винокур, 1993]. «Это не диалог автора-повествователя и автора-комментатора, где воплощены разные ипостаси одного автора, разделенные временем, а диалог двух авторов одной книги („я — я“), которые обращаются к читателю» [Милевская, 2000а. С. 68].

Таким образом, происходит некоторое изменение отношения «автор — читатель». Если в традиционных мемуарах автор и читатель это, скорее, собеседники, то в новых — автор «снисходит к читателю» [Милевская, 2000а. С. 69] (от исповеди — к проповеди). Но все это диалог, ибо, как писал А. А. Потебня, «тот конкретный воображаемый объект, коим является всякое произведение человеческого духа, возникает лишь в результате совместного усилия автора и читателя. Искусство существует лишь для другого и с помощью другого. <...> Писать... Это значит прибегать к помощи другого сознания, чтобы получить признание своей **существенности** по отношению к тотальности бытия, значит стремиться к переживанию этой существенности с помощью посредников...» [Потебня, 1990. С. 185]. Таким посредником для писателя является читатель.

Для исповедального текста можно выявить наиболее очевидные параметры коммуникативного согласования. Первый параметр согласования, как и в любом тексте, согласование *автор — читатель* (принцип сотрудничества П. Грайса, без которого невозможна ни одна правильная коммуникация) [Грайс, 1985]. «...Можно предположить,

что автор мемуаров моделирует читателя, исходя из собственных вкусов, интересов, знаний, т. е. пишет практически для такого же, как он сам, можно даже сказать, для самого себя, т. е. перед нами новый поворот в понимании автокоммуникации» [Милевская, 2000б. С. 109].

Т. Е. Милевская, исследуя лингвистические особенности мемуарных текстов, утверждает, что «наиболее типичной формой отношений между автором и читателем в мемуарном тексте является автокоммуникация» [Милевская, 2000б. С. 110]. Через исповедь автор рефлексивирует с целью осознать, объяснить себя себе (автокоммуникация «Я» — «Я» — диалог по Лотману). Ср.:

Я надеюсь, что в числе ее (книги) достоинств будут предельная искренность, откровенность и непредвзятость в описании отдельных событий и личностей. Но при этом она есть не проповедь и не исповедь, а в какой-то степени самопознание, попытка объяснить себя себе, и себя другим, и других себе. В ней я собираюсь выйти на люди со всеми своими воспоминаниями, наблюдениями, переживаниями, замыслами, идеями, сюжетами, соображениями по поводу и без повода, фразами, пришедшими на ум просто так (Войнович. № 10. С. 7).

Второй параметр согласования: субъект высказывания — образ автора. Учитываются составляющие «Я» («Я» и кто? «Я» какой? когда?) и т. д. «...не существует... презумпции цельности личности... <...> каждый из своих текстов Бахтин писал, смоделировав предварительно только-здесь-действительную точку зрения и однократный образ автора, как это делает, например, Пригов, сочиняя стихи от лица священника или лесбиянки, — и делал Бахтин это (каждый раз заново моделировал образ автора) как раз потому, что очень хорошо понял, что никакого содержательно-смыслового единства личности не существует, и даже тот, кто этого не только не признает, но и не может принять такого предположения, — даже такой автор все равно пишет не „от себя“, а от какой-то своей культурной роли» [Курицын, 1996. С. 185]. Это верно и для исповедальной прозы. Эрих Фромм, объясняя природу современного человека, называет его человеком с рыночным характером, ибо в межличностном общении он руководствуется лишь одним принципом — «Я такой, какой я вам нужен» [Фромм, 1990. С. 47]. Таким образом, говоря о субъекте и диалогизме исповедальной прозы, необходимо выяснить: 1) кого «играет» автор; 2) кому адресована эта исповедь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Войнович В. Замысел // Знамя. 1994. № 10. С. 17–46; № 11. С. 6–57.
 Глазунов И. Россия распятая // Наш современник. 1996. №1. С. 3–28; № 2. С. 36–51; № 3. С. 48–76; № 4. С. 12–37; № 5. С. 14–47; № 7. С. 11–42; № 8. С. 17–39; № 9. С. 24–41.
 Гранин Д. Эта странная жизнь // Д. А. Гранин. Река времени. М., 1985. С. 124–160.
 Довлатов С. Малоизвестный Довлатов: сборник. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. 512 с.
 Козаков М. Актерская книга. М.: Вагриус, 1997. 429 с.
 Кончаловский А. Возвышающий обман. М.: Совершенно секретно, 1999. 352 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Алисова Т. Б.* Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 54–64.
- Арутюнова Н. Д.* Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3. С. 44–58.
- Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
- Бахтин М. М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 337 с.
- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 5: Работы 1940–1960. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1997. 752 с.
- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Василенко Л. И.* Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1985. 199 с.
- Винокур Г. О.* Биография и культура. М.: ГАХН, 1927. 86 с. (Тр. Акад. худож. наук. Филос. отд. Вып. 2).
- Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
- Вознесенская И. М.* Импликация в структуре дневниковых текстов // Материалы ХХІХ межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 12: Стилистика художественной речи: Динамика стилей русской литературы ХХ в. СПб., 2000. С. 17–23.
- Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Курицын В.* Событие Бахтина // Октябрь. 1996. № 2. С. 182–187.
- Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 630 с.
- Милевская Т. Е.* Мемуары начала и конца ХХ века: Сходство и различие // Материалы ХХІХ межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 12: Стилистика художественной речи: Динамика стилей русской литературы ХХ века. СПб., 2000а. С. 27–35.
- Милевская Т. Е.* Отношение автор-читатель в тексте мемуаров (К вопросу о расширении понятия автокоммуникации) // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика: межвуз. сб. Вып. III. СПб., 2000б. С. 87–93.
- Пигров К.* Дневник: Общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации: Междунар. чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6. СПб., 1998. С. 200–219.
- Потебня А. А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
- Радзиевская Т. В.* Текст как результат безадресной стратегии // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 102–108.
- Сулименко Н. Е.* Лексическая экспликация внутри-и внетекстового адресата // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. Материалы междунар. науч.-метод. конф. / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Союз, 2001. С. 305–314.

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб.: Российская академия наук, Институт лингвистических исследований, 1998. 700 с.

Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. 330 с.

Чавчанидзе Д. Л. Автобиографический жанр в творчестве Гёте // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1. С. 72–77.

Шмелёва Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. в виде науч. доклада. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 240 с.

Шрейдер Н. С. Специфика автобиографизма в романе Б. Констана «Адольф» // Проблемы взаимодействия прозаических жанров: Зарубежная литература. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1971. С. 7–25.

SOURCES

Voynovich V. *Zamysel* [The Intention]. *Znamya*. 1994. № 10. S. 17–46; № 11. S. 6–57.

Glazunov I. *Rossiia raspyataya* [Crusified Russia]. *Nash sovremennik*. 1996. № 1. S. 3–28; № 2. S. 36–51; № 3. S. 48–76; № 4. S. 12–37; № 5. S. 14–47; № 7. S. 11–42; № 8. S. 17–39; № 9. S. 24–41.

Granin D. *Eta strannaya zhizn* [This strange life]. Granin D.A. *Reka vremeni*. Moscow, 1985. S. 124–160.

Dovlatov S. *Maloizvestny Dovlatov: Sbornik* [Relatively unknown Dovlatov: Collected Stories]. Saint Petersburg, Zhurnal «Zvezda» Publ., 1997. 512 s.

Kozakov M. *Aktyerskaya kniga* [The Artist's book]. Moscow, Vagrius Publ., 1997. 429 s.

Konchalovsky A. *Vozvyshayushchiy obman* [The Uplifting Fraud]. Moscow, Sovershenno sekretno Publ., 1999. 352 s.

REFERENCES

Alisova T.B. Dopolnitel'nye otnosheniya modusa i diktuma [Additional relations between modus and dictum]. *Voprosy jazykoznanija*, 1971, № 1, s. 54–64.

Arutjunova N.D. Nekotorye tipy dialogicheskikh reakcij i "pochemu"-repliki v russkom jazyke [Some types of dialogue reactions and "why"-replicas in the Russian language]. *Filologicheskie nauki*, 1970, № 3, s. 44–58.

Arutjunova N.D. Faktor adresata [Factor of addressee]. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatura i jazyka*, 1981, t. 40 [vol. 40], № 4, s. 356–367.

Bahtin M.M. *Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk* [Author and Hero: To the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 337 s.

Bahtin M.M. *Voprosy literatury i jestetiki: Issledovanija raznyh let* [Questions of Literature and Aesthetics: The study of different years]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, 504 s.

Bahtin M.M. *Sobr. soch.* [Works]: V 7 t. T. 5: *Raboty 1940–1960* [Vol. 5: Works of 1940–1960s]. Moscow, Russkie slovari Publ.; Iazyki slavianskoj kul'tury Publ., 1997, 752 s.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian Dictionary]. Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov [Compil. and ed. S.A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998, 1536 s.

Vasilenko L.I. *Strukturno-semanticheskaja rol' modal'nyh slov v tekste*: Kand. dis. [Structural-semantic role of modal words in the text: PhD Thesis]. Minsk, 1985, 199 s.

- Vinokur G.O. *Biografija i kul'tura* [Biography and Culture]. Moscow, GAHN Publ., 1927, 86 s.
- Vinokur T.G. *Govorjashhij i slushajushhij: Varianty rechevogo povedenija* [Speaker and listener: Variants of verbal behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 172 s.
- Voznesenskaja I.M. *Implikacija v strukture dnevnikovyh tekstov* [The implication in the structure of the diary texts]. Materialy XXIX mezhvuz. nauch.-metod. konf. prepodavatelej i aspirantov. Saint Petersburg, 2000. Vyp. 12: Stilistika hudozhestvennoj rechi: Dinamika stilej russskoj literatury XX v., s. 17–23.
- Grajs G.P. *Logika i rechevoe obshhenie* [Logics and verbal communication]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike, 1985. Vyp. XVI: Lingvisticheskaja pragmatika, s. 217–237.
- Kuricyn V. *Sobytie Bahtina* [Bakhtin's Event]. *Oktjabr'*, 1996, № 2, s. 182–187.
- Literaturnye manifesty romantikov* [Literary manifestos of romantics]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1980, 630 s.
- Milevskaja T.E. *Memuary nachala i konca XX veka: Shodstvo i razlicie* [Memoirs of the beginning and end of the XX century: Similarities and differences]. Materialy XXIX mezhvuz. nauch.-metod. konf. prepodavatelej i aspirantov. Saint Petersburg, 2000 a. Vyp. 12: Stilistika hudozhestvennoj rechi: Dinamika stilej russskoj literatury XX veka, s. 27–35.
- Milevskaja T.E. *Otnoshenie avtor-chitateľ' v tekste memuarov (K voprosu o rasshirenii ponjatija avtokommunikacii)* [The author-reader relations in the text of the memoirs (the question of the extension of the concept autocommunication)]. *Russkij jazyk kak inostrannyj: Teorija. Issledovanija. Praktika: mezhvuz. sb.*, vyp. III [vol. 3]. Saint Petersburg, 2000 b, s. 87–93.
- Pigrov K. *Dnevnik: Obshhenie s samim soboj v prostranstve total'noj kommunikacii* [Self-communication in the space of total communication]. *Problemy obshhenija v prostranstve total'noj kommunikacii: Mezhdunar. chtenija po teorii, istorii i filosofii kul'tury*, vyp. 6 [vol. 6]. Saint Petersburg, 1998, s. 200–219.
- Potebnja A.A. *Teoreticheskaja pojetika* [Theoretical poetics]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1990, 344 s.
- Radzievskaja T.V. *Tekst kak rezul'tat bezadresnoj strategii* [Text as the result of unaddressed strategy]. *Chelovecheskij faktor v jazyke: kommunikacija, modal'nost', dejksis*. Moscow, Nauka Publ., 1992, s. 102–108.
- Sulimenko N.E. *Leksicheskaja jeksplikacija vnutri-i vnetekstovogo adresata* [Lexical explanation of intra- and extra-textual addressee]. *Govorjashhij i slushajushhij: Jazykovaja lichnost', tekst, problemy obuchenija*. Materialy mezhdunar. nauch.-metod. konf., otv. red. V.D. Chernyh [ed. V.D. Chernyh]. Saint Petersburg, Soiuз Publ., 2001, s. 305–314.
- Tolkovyj slovar' russskogo jazyka konca XX veka* [Russian Dictionary of the end of XX century]: *Jazykovye izmenenija*, pod red. G.N. Skljarevskoj [ed. G.N. Skljarevskaja]. Saint Petersburg, Rossiiskaia akademiia nauk, Institut lingvisticheskikh issledovanii, 1998, 700 s.
- Fromm Eh. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. Moscow, Progress Publ., 1990, 330 s.
- Chavchanidze D.L. *Avtobiograficheskij zhanr v tvorcestve Gjote* [Autobiographical genre in the works of Goethe]. *Izvestiia AN SSSR. Serija literatury i iazyka*, 1983, t. 42 [vol. 42], № 1.
- Shmeljova T.V. *Sub'ektivnye aspekty russskogo vyskazyvanija: dis. v vide nauch. doklada ... d-ra filol. nauk* [Subjective aspects of Russian saying: PhD Thesis as a Science report]. Moscow, 1995, 240 s.

Shrejder N.S. *Specifika avtobiografizma v romane B. Konstana «Adol'f»* [The peculiarity of autobiographism in the novel of B. Constant "Adolf"]. *Problemy vzaimodejstviya prozaicheskikh zhanrov: Zarubezhnaja literatura*. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovsk Univ. Publ., 1971, s. 7–25.

Романова Татьяна Владимировна

Доктор филологических наук,
 профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород

Tatyana Romanova

Doctor of Philology, Professor
 National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: tvromanova@mail.ru

Т. Г. Скребцова

Санкт-Петербургский государственный университет

МОРФОАНАЛИЗ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОДА И ОДУШЕВЛЕННОСТИ

Ключевые слова: автоматическая обработка естественного языка, морфологический анализ, сложносоставное существительное, категория рода, категория одушевленности.

Статья посвящена определению грамматических значений рода и одушевленности у сложносоставных существительных при автоматическом морфологическом анализе как важном компоненте систем обработки текстов на естественном языке. Из имеющихся подходов к компьютерному морфоанализу наиболее распространенным на сегодняшний день является метод, опирающийся на словарь готовых словоформ. Наряду с заметными преимуществами, он имеет существенный недостаток, а именно неспособность справляться со словами, которых нет в словаре. К ним, в частности, относятся сложносоставные существительные, поскольку они образуют открытый класс лексических единиц и, следовательно, не могут быть в принципе исчислены и занесены в словарь. В статье принят сугубо формальный подход к выделению объекта исследования и его анализу, что обусловлено специфическим ракурсом рассмотрения, диктуемым потребностями компьютерной обработки текста. В то же время имеющаяся литература по проблеме рода и одушевленности сложносоставных существительных имеет другую направленность — чисто теоретическую или методическую, — что, как показано в статье, не помогает решить задачу. В заключение автор констатирует, что в связи с невозможностью автоматического определения рода и одушевленности сложносоставных существительных, компоненты которых не совпадают по значениям данных морфологических характеристик, приходится допустить возможность альтернативных значений, что в итоге приводит к увеличению общего числа вариантов морфоанализа.

Tatyana Skrebtsova

St. Petersburg State University, Russia

MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN NOUNS: TOWARDS THE PROBLEM OF GENDER AND ANIMACY

Keywords: automatic processing of a natural language, morphological analysis, compound nouns, category of gender, category of animacy.

The article focuses on grammatical meaning of gender and animacy of the compound nouns in automatic morphological analysis regarded as a vital component of processing system of the texts in a natural language. One of the most currently wide-spread approaches to computerised morphological analysis is a ready-to-use word-form method. Along with its obvious advantages it has one serious drawback: it does not manage the words that are not presented in the dictionary,

namely compound nouns as they constitute an open set of lexical units, thus can not be calculated to include in the dictionary. The article adopts a strictly formal approach to identify the object for the analysis, which is determined by the specifics of the computerised text processing. Yet, the literature on the gender and animacy has a different approach to the problem in question, namely purely theoretical or methodical, which, as it is shown in the article, can not facilitate the research. In conclusion, the article states that due to inability to automatically identify gender and animacy of the compound nouns, the meaning of which does not comply with the meanings of their morphological components, it is necessary to admit alternative meanings of the compound nouns, which leads to an increase in variations of morphological analysis.

Настоящая статья посвящена частной проблеме, возникающей при автоматическом морфологическом анализе (далее — *морфоанализе*) особой категории лексических единиц русского языка — сложносоставных существительных. Морфологический анализатор (*морфоанализатор*) — важный компонент систем автоматической обработки естественного языка, предназначенных для решения широкого спектра прикладных задач, среди которых можно упомянуть, к примеру, информационный поиск, машинный перевод, распознавание речи. В данной работе речь идет о морфоанализаторе как составной части лингвистического процессора, конечной целью которого является преобразование текста на естественном языке в информационную структуру данных¹.

В системах автоматической обработки языка морфологический анализ, как правило, является наиболее разработанным компонентом. Несмотря на то что существуют разные подходы к решению этой задачи [Леонтьева, 2006. С. 65–76], самым распространенным в наши дни является метод, опирающийся на словарь словоформ. Сформировать словники готовых словоформ проще, чем, скажем, создавать списки морфем и разрабатывать правила их сочетания, учитывая различные осложняющие факторы, связанные с вариативностью на формальном и содержательном уровнях (чередования, семантические «приращения», явления синонимии и омонимии)². При этом ограничения, связанные с дефицитом памяти компьютеров и их недостаточным быстродействием, столь существенные несколько десятилетий назад, на сегодняшний день утратили актуальность [Там же. С. 65]. Что касается лингвистического обеспечения морфоанализа, оно традиционно строится на основе Грамматического словаря [Зализняк, 1977]; чрезвычайно полезным также является выложенный в открытый доступ Русский морфологический словарь Диалинг [АОТ]. Этот продукт может быть встроен в разрабатываемые модели и при необходимости пополнен новыми словоформами. Именно так и был создан морфоанализатор, о котором идет речь в настоящей статье.

¹ Разработка лингвистического процессора финансировалась из средств гранта «Проведение фундаментальных исследований по приоритетным направлениям Программы развития СПбГУ», шифр проекта 31.37.105.2011.

² Такая задача была сформулирована в [Милославский, 1980], но в полном объеме до сих пор не решена.

Вместе с тем метод, оперирующий готовыми словоформами, имеет хорошо известный недостаток, а именно неспособность справиться со словами, которых нет в словаре, — так называемыми «несловарными словоформами» [Ляшевская, 2007; Клышинский, 2009; Черненьков, 2010]. К этому разряду обычно относят имена собственные, аббревиатуры, а также многие производные слова, в том числе сложносоставные (о том, как этот термин понимается в данной работе, см. ниже). Очевидно, что сложносоставные слова, и в частности сложносоставные существительные, образуют открытую группу, легко пополняемую новыми членами. Невозможно их исчислить и занести все соответствующие словоформы в словник морфоанализатора. В то же время для дальнейших целей синтаксического и семантического анализа лингвистический процессор должен каким-то образом обрабатывать, по возможности приписывая им грамматические характеристики. Здесь-то и может возникнуть проблема, вынесенная в заголовок данной статьи. Как определять род и одушевленность (морфологическую, не семантическую) сложносоставного существительного в условиях, когда его компоненты не совпадают по этим характеристикам?

Во избежание недоразумений следует уточнить, что в данной статье подразумевается под термином «сложносоставное существительное». Сложносоставные существительные — это особый разряд сложносоставных слов. Под сложносоставными словами мы, вслед за орфографическим справочником [Соловьев, 1997. С. 740–741], понимаем сложные слова, которые пишутся через дефис; соответственно, собственно сложные слова — это те, которые имеют слитное написание. Иная точка зрения представлена в [Русская грамматика, 1980. Т. 1. С. 253], где разграничение между сложными и сложносоставными словами проводится исходя из особенностей их склонения: сложные слова содержат несклоняемый первый компонент, в то время как сложносоставные представляют собой словосочетания, в которых склоняются обе части. В то же время сами авторы цитируемого источника признают, что граница между этими двумя типами слов не вполне жесткая [Там же]. В контексте компьютерной лингвистики опора на материальный признак представляется нам более оправданной. Помимо этого, она позволяет нам избежать пространного обзора литературы и обсуждения терминологической путаницы в данном вопросе, что не входит в задачи настоящей работы.

Таким образом, объект исследования выделяется по сугубо формальному критерию, что также обусловлено спецификой автоматического анализа: его образуют сложносоставные слова, построенные по структурной схеме «существительное-существительное». С точки зрения содержательных отношений между компонентами, рассматриваемые слова неоднородны [Черкасова, 2012], ср.: *хлеб-соль*, *ноги-руки*, *купля-продажа* (семантическое сложение), *девица-красавица*, *город-грой*, *телефон-автомат* (аппозитивные сочетания), *горе-рыбак*, *чудосад*, *царь-колокол* (оценочные сочетания с устойчивым, грамматически неизменяемым первым членом).

Уже из приведенных примеров видно, что компоненты сложносоставного существительного могут не совпадать по морфологическим категориям рода и одушевленности. Встает вопрос, по какому компоненту тогда определять соответствующие значения всего композита. Применительно к роду, речь идет о согласовании слов типа *диван-кровать, шкаф-купе, бизнес-сообщество* с определением и сказуемым (когда такое существительное выступает в роли подлежащего), а также выборе анафорического местоимения (*он, она, оно, который(-ая, -ое)* и др.). Определение этой грамматической характеристики важно для автоматического синтаксического анализа предложения. Разумеется, возможно приписывать сложносоставному существительному оба значения (скажем, 'мужской' и 'средний'), но неоднозначность синтаксического разбора³ при этом еще возрастает.

Морфологическая одушевленность или неодушевленность⁴ сложносоставного существительного проявляется, когда оно стоит в позиции прямого дополнения, ср.: *посетить город-герой, но вызвать отель-менеджера*. Соответственно, возможны контексты, где отсутствие соответствующей грамматической характеристики влечет при автоматическом разборе синтаксическую неоднозначность, связанную с субъектом и объектом действия. Например, это будет наблюдаться при обработке предложения *Отель-менеджер посетил город-герой* (ср. *Город-герой посетил отель-менеджер*).

Приведенные примеры, кстати, наглядно демонстрируют сложность задачи: будучи одинаково построены с формальной точки зрения, сложносоставные существительные могут иметь разные грамматические значения рода и одушевленности. Так, и *шкаф-купе*, и *бизнес-сообщество* реализуют модель «существительное мужского рода + существительное среднего рода», однако первое из них мужского рода, а второе — среднего. Модель «неодушевленное существительное + одушевленное существительное» в случае с *городом-героем* дает неодушевленное сложносоставное существительное, а с *отель-менеджером* — одушевленное⁵.

Здесь можно заметить еще одну актуальную для сложносоставных существительных проблему, связанную с изменяемостью компонентов. В принципе возможны следующие варианты: 1) склоняется только первая часть (*суп-пюре, какао-бобы*); 2) склоняется только вторая часть (*пай-мальчик, кофе-автомат, бизнес-план, секс-бомба, штаб-квартира*);

³ Утверждение о том, что синтаксическая омонимия не такое уж редкое явление [Мельчук, 1974. С. 31–32], постоянно подтверждалось в процессе разработки и отладки лингвистического процессора.

⁴ Заметим, что в Морфологическом словаре проекта АОТ, который лег в основу описываемого морфоанализатора, существительным приписаны соответствующие значения.

⁵ Хочется подчеркнуть, что характер нашего изложения диктуется специфическим ракурсом рассмотрения, связанным с автоматической обработкой языка. Поэтому мы не используем понятие *приложение*, к которому, как правило, апеллируют авторы теоретических работ на эту тему.

3) склоняются обе части (*выставка-продажа, летчик-испытатель, дом-музей, изба-читальня, ракета-носитель*); 4) вторая часть склоняется всегда, первая допускает вариации (*бал-маскарад, вагон-ресторан*). Заметим, однако, что мы имеем дело с анализом текста, а не с его синтезом, а значит, задача заключается в грамматической интерпретации наличных словоформ, а не в их порождении. Что касается того, насколько фактор склоняемости влияет на результат (значения рода и одушевленности) сложносоставного слова, дело осложняется тем, что во многих случаях существительное само по себе склоняется, но в составе сложносоставного слова утрачивает эту способность (подробнее см. ниже).

Вернемся к обсуждению проблемы грамматического рода сложносоставных существительных и попытаемся на основе имеющейся литературы по данному вопросу выработать алгоритм их автоматического анализа. Из всего сказанного до сих пор очевидна несостоятельность примитивного подхода, предложенного в статье [Большаков, Большакова, 2012], согласно которому определять род и число такого существительного нужно исходя из соответствующих характеристик первого компонента.

Анализируя проблему согласования сказуемого с подлежащим, выраженным сложносоставным существительным, Д. Э. Розенталь опирается на понятие ведущего слова. Он в частности пишет: «...ведущим (определяющим) является то слово, которое выражает более широкое понятие или конкретно обозначает предмет. <...> Как показывают примеры, обычно в этих случаях на первом месте стоит ведущее слово, с которым и согласуется сказуемое. Если же на первом месте стоит не ведущее слово, то при изменении падежной формы подобных сочетаний первая часть не изменяется» [Розенталь, 1998. С. 239]. В качестве иллюстраций соответственно приводятся существительные *девушка-агроном* vs. *плац-палатка*: ср. *девушки-агронома*, но *плац-палатки*.

В целом соглашаясь со словами автора, заметим, однако, что даже человеку (а тем более компьютеру) не всегда легко определить ведущее слово. Так, в существительных *хлеб-соль, братья-сестры, руки-ноги* компоненты семантически равноправны (объемы соответствующих понятий не пересекаются) и в одинаковой степени конкретны. В существительных типа *бизнес-сообщество, рок-группа, интернет-телевидение*, построенных по заимствованной из английского языка модели, тоже не наблюдается отмеченных смысловых отношений между компонентами. В самом деле, какое понятие более широкое — *рок* (как музыкальное направление) или *группа* (как коллектив)? Какое слово обозначает конкретный предмет — *интернет* или *телевидение*? Вообще, апелляция к семантике в контексте формальной процедуры обработки словоформ, можно сказать, лишена смысла. К тому же сам автор цитированного пособия признает отдельные «колебания в согласовании глагола-сказуемого со сложносоставными существительными, в которых одна часть по функции напоминает приложение, ср. *кафе-столовая открыто/открыта*» [Розенталь, 1998. С. 238–239].

Довольно замысловатые правила определения рода сложносоставного слова содержатся в [Вольнец, 2003. С. 11], ср.:

- 1) если составное существительное обозначает лицо, то его род определяется по слову, указывающему на пол лица — *женщина-скульптор создала, чудо-богатырь поскакал*;
- 2) если составное существительное обозначает неодушевленный предмет, то род определяется по роду первого слова — *музей-квартира открыт, школа-интернат построена, кресло-кровать стояло в углу*;
- 3) если в сложносоставном слове одно существительное несклоняемое, то род определяется по роду склоняемого слова — *пресс-конференция прошла успешно, кафе-столовая открыта*.

Использование этих правил в системах автоматической обработки языка также наталкивается на препятствия. Во-первых, Морфологический словарь из проекта [АОТ] приписывает существительным только признак «одушевленность/неодушевленность», которого недостаточно для выявления того, указывает ли оно на пол лица. Тем более невозможно определить, обозначает ли сложносоставное существительное (которого нет в словнике морфоанализатора) лицо. Таким образом, п. 1 не несет полезной информации, которая могла бы быть использована для наших целей.

Во-вторых, в процитированном методическом пособии ничего не говорится об обозначениях живых существ типа *рыба-меч, бабочка-адмирал* — по-видимому, у них грамматический род определяется в соответствии с п. 2, т. е. так же, как у существительных, обозначающих неодушевленные предметы. Получается, что признак «одушевленность/неодушевленность», которым характеризуются словоформы в словаре, снова нерелевантен.

Наконец, третий пункт при ближайшем рассмотрении оказывается неточным (чтобы не сказать — неверным), т. к. есть много слов, у которых первая часть сама по себе в отдельности склоняется, но в сложносоставном существительном становится неизменяемой, ср. *бизнес-школа, плац-палатка, горе-чиновник, чудо-сад*. Формально они относятся к п. 2, и их грамматический род должен определяться по роду первого компонента, но в действительности дело обстоит ровно наоборот: род сложносоставного слова совпадает с родом второго компонента. Значит, по сути, их следовало бы причислять к третьему типу. Но тогда возникает задача определения класса существительных, которые утрачивают способность склоняться, когда выступают в качестве первого компонента сложносоставных существительных. Непонятно, как она может быть решена.

К фактору изменяемости первого компонента апеллирует и Справочная служба [Культура письменной речи] (ответ на вопрос 4308). Помимо уже высказанных соображений о невозможности формального выделения класса существительных, которые перестают склоняться, становясь частью сложносоставного слова, следует еще отметить опре-

деленную размытость данного класса. В некоторых случаях налицо вариативность, ср. *вагона-ресторана* и *вагон-ресторана*. Кроме того, норма в этом вопросе меняется: так, у Гоголя мы встречаем форму *капитана-исправника*, а в современном русском языке принято не склонять первую часть существительных, обозначающих воинские звания.

Рассуждая о понятии морфосинтаксического локуса — элементе словосочетания, в котором морфологически выражается его связь с более широким контекстом, — Я. Г. Тестелец констатирует, что синтаксической вершиной в аппозитивных конструкциях может быть как первый элемент сочетания (*Мы увидели славный город-герой*), так и второй (*В путь-дорогу дальнюю я тебя отправлю*); более того, оба существительных могут оказаться морфосинтаксическим локусом для разных грамматических явлений, ср. *Черная птица-шофер на лету отвинтил правое переднее колесо* (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»): определение согласуется с одним существительным, а сказуемое — с другим [Тестелец, 2001. С. 84–85]. Примеры последнего рода, по-видимому, чрезвычайно редки, но сам факт их существования показателен.

Вопрос об одушевленности/неодушевленности сложносоставных существительных не получил должного освещения в литературе. Исследователи не видят здесь отдельной проблемы и лишь вскользь упоминают об этих грамматических значениях в контексте определения рода таких слов. Однако, при их автоматическом морфоанализе возникают трудности, аналогичные тем, что были рассмотрены выше, когда речь шла о грамматическом роде. Мы имеем в виду непредсказуемость этой характеристики, ее независимость от значений одушевленности/неодушевленности компонентов (когда эти значения не совпадают). Проиллюстрируем сказанное примерами:

- модель «неодушевленное существительное + одушевленное существительное»: *отель-менеджер*, *бизнес-партнер* — одушевленные существительные, *город-герой*, *страна-поставщик* — неодушевленные;
- модель «одушевленное существительное + неодушевленное существительное»: *муж-тряпка* — одушевленное существительное, *мастер-класс*, *петушок-леденец* — неодушевленные.

Уже цитированный справочник по стилистике русского языка комментирует лишь один из отмеченных нами случаев, ср.: «Наблюдаются колебания в форме винительного падежа одушевленных существительных, выступающих в роли приложения при неодушевленных существительных. <...> Обычно в этих случаях используется первая форма, т. е. одушевленные существительные-приложения, имеющие значение винительного падежа, в целях согласования употребляются в форме именительного падежа» [Розенталь, 1998. С. 263]. В качестве примеров автор приводит такие сочетания, как *горорд-герой*, *самолет-нарушитель*, *предприятие-поставщик*.

Подводя итог, приходится констатировать, что в настоящий момент мы не видим способа в полном объеме решить задачу автоматического определения грамматического рода и одушевленности сложносоставных существительных. В ряде случаев приходится допускать возможность альтернативных значений, что в итоге приводит к увеличению общего числа вариантов морфоанализа.

ЛИТЕРАТУРА

- АОТ — Автоматическая обработка текста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aot.ru/> (дата обращения 05.09.2014).
- Большаков И. А., Большакова Е. И. Автоматический морфоклассификатор русских именных групп [Электронный ресурс] / И. А. Большаков, Е. И. Большакова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии 2012. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/81.pdf> (дата обращения 05.09.2014).
- Волынец Т. Н. Современный русский язык. Категория рода имени существительного (КСР для студентов филологического факультета специальности Д 21.05.02 «Русская филология») [Электронный ресурс]. Минск, 2003. URL: <http://www.bsu.by/Cache/pdf/197613.pdf> (дата обращения 05.09.2014).
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. 880 с.
- Клышинский Э. С. Некоторые сложности автоматизированной лемматизации несловарных словоформ [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии 2007. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/26.htm/> (дата обращения 05.09.2014).
- Культура письменной речи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramma.ru> (дата обращения 05.09.2014).
- Леонтьева Н. Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 304 с.
- Ляшевская О. Н. К проблеме лемматизации несловарных словоформ [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии 2007. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/62.htm/> (дата обращения 05.09.2014).
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974. 314 с.
- Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 296 с.
- Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М.: Издательство АСТ-ЛТД, 1998. 380 с.
- Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
- Соловьев Н. В. Русское правописание. Орфографический справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Норинт, 1997. 848 с.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.
- Черкасова А. А. Структурно-семантическая классификация билексем // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 69–75.
- Чернышков Д. М. Об одном статистическом методе пополнения морфологического словаря [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии 2010. URL: <http://dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/80.htm> (дата обращения 05.09.2014).

REFERENCES

- AOT — *Avtomaticheskaja obrabotka teksta* [Automatic text processing]. URL: <http://www.aot.ru/> (date of access: 05.09.2014).
- Bol'shakov I.A., Bol'shakova E.I. *Avtomaticheskij morfoklassifikator russkikh imennyh grupp* [An automatic morphological classifier of Russian noun phrases]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii 2012*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/81.pdf> (date of access: 05.09.2014).
- Volynec T.N. *Sovremennyj russkij jazyk. Kategorija roda imeni sushhestvitel'nogo* [The modern Russian language. The noun gender category] (KSR dlja studentov filologicheskogo fakul'teta special'nosti D 21.05.02 «Russkaja filologija») [Teaching materials for students of philological faculties specializing in Russian philology]. Minsk, 2005. Available at: <http://www.bsu.by/Cache/pdf/197613.pdf> (accessed 05.09.2014).
- Zalznjak A.A. *Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka. Slovoizmenenie* [A grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1977, 880 s.
- Klyshinskij Je.S. *Nekotorye slozhnosti avtomatizirovannoj lemmatizacii neslovarnyh slovoform* [Some problems of automatic lemmatization of linguistic forms absent in dictionaries]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii 2007*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/26.htm> (accessed 05.09.2014).
- Kul'tura pis'mennoj rechi* [The culture of written language]. Available at: <http://www.gramma.ru> (accessed 05.09.2014).
- Leont'eva N.N. *Avtomaticheskoe ponimanie tekstov: sistemy, modeli, resursy* [Automatic text comprehension: systems, models, resources]. Moscow, Izdatel'skij centr «Akademija» [Akademia Publ.], 2006, 304 s.
- Ljashevskaja O.N. *K probleme lemmatizacii neslovarnyh slovoform* [On the problem of lemmatization of linguistic forms absent in dictionaries]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii 2007*. Available at: <http://dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/62.htm> (accessed 05.09.2014).
- Mel'chuk I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej «Smysl ↔ Tekst»* [An experience of the theory of «Meaning ↔ Text» linguistic models]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 314 s.
- Miloslavskij I.G. *Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza* [Problems of derivational synthesis]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1980, 296 s.
- Rozental' D.Je. *Prakticheskaja stilistika russkogo jazyka* [Practical stylistics of the Russian language]. Moscow, AST-LTD Publ., 1998, 380 s.
- Russkaja grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vol.], gl. red. N.Ju. Shvedova [main ed. N.Ju. Shvedova]. Moscow, Nauka Publ., 1980.
- Solov'ev N.V. *Russkoe pravopisanie: Orfograficheskij spravochnik* [Russian orthography: A reference book]. 2-e izd., ispr. i dop. [2nd edition, corrected and revisited]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1997, 848 s.
- Testelec Ja.G. *Vvedenie v obshhij sintaksis* [An introduction into general syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001, 798 s.
- Cherkasova A.A. *Strukturno-semanticheskaja klassifikacija bileksem* [A structural and semantic classification of billexemes]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, № 1, s. 69–75.

Chernen'kov D.M. *Ob odnom statisticheskom metode popolnenija morfologicheskogo slovarja* [A statistical method of enriching the morphological dictionary]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii* 2010. Available at: <http://dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/80.htm> (accessed 05.09.2014).

Татьяна Георгиевна Скребцова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики
Санкт-Петербургский государственный университет

Tatyana Skrebtsova

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: t.skrebtsova@yandex.ru

Аристотель Спиро
Университет Тираны, Албания

СОВРЕМЕННЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В АЛБАНИИ: ОПИСАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Ключевые слова: современные греческие диалекты, фонолексема, морфолексема, синтаксема, семалексема, система гласных звуков, классификация диалектов.

Данная статья представляет обзор современных греческих диалектов в Албании. Данные диалекты не изолированы друг от друга, а составляют совокупность северо-западных греческих диалектов. В данной статье представлена необходимость создания соответствующего терминологического аппарата, чтобы показать, что диалектология представляет собой отдельную науку. Далее будет представлено описание и классификация этих диалектов. В рамках диалектологии изучаются такие единицы, как (диа)дексема, фонолексема, морфолексема, синтаксема, семалексема, на основе которых можно выделить следующие уровни языка: фонолексема, морфолексема, синтаксема, семалексема.

Сегодня в Албании на греческих диалектах говорят в 110 деревнях, данные диалекты широко распространены в Делвино, Саранде, Верхнем и Нижнем Дропулле, Ризе, предгорных районах, Погоне, деревнях Пермета, в греческих деревнях в области Химара и в одноименном городе, Дхерми, Паласе и в деревне Нарта, где проходит граница распространения греческих диалектов. До конца XX в. эти диалекты не получили должного изучения [Chatzidakis, [1888] 1905, Triantafyllides, [1938] (1993)], и лишь позже стали предметом изучения различных ученых [Bogas, 1966, Vagiakakos, 1983, 1988]. Рукописные тексты, записанные в этом регионе, хранились в Афинской Академии Наук и в Лаборатории фольклора на философском факультете Афинского университета. В конце XX – начале XXI в. было организовано несколько полевых исследований в греческих деревнях на юге Албании (Spiro, Garaliakos, Sobolev, Novik, Joseph, Brown, Kyriazis etc.). В греческих диалектах Албании есть фонолексема [ʃ], [z], [tʃ], [dʒ], [λ], для данных диалектов свойственна необязательная палатализация звука /k/, а также нарушение трисиллабического правила и т. д.

Основной морфолексемой является партикализация вспомогательных глаголов *έχει* / *είχε* в третьем лице, поскольку данная форма не встречается в других современных греческих диалектах.

С точки зрения системной диахронии, на основе данных системы гласных можно говорить, что современные греческие диалекты преимущественно распространены на юге Албании. Однако, для этих целей могут быть использованы и другие доказательства.

Aristotle Spiro

University of Tirana, Albania

THE MODERN GREEK DIALECTS OF ALBANIA — A GENERAL DESCRIPTION AND CLASSIFICATION

Keywords: Modern Greek Dialects of Albania, lecteme, dialecteme, phonolecteme, morpholecteme, syntalecteme, semalecteme, vocalism, dialect classification.

The scope of this paper is a general overview of the Modern Greek Dialects of Albania (MGDA). They are not language islands, but part of the continuum of Northwest Modern Greek Dialects. Before proceeding in the description and classification of these dialects, I explain the necessity of introducing a compatible terminology, which confirms the status of dialectology as an independent discipline [Spiro, 2000–2001]. Dialectology examines units such as (dia)lecteme, phonolecteme, morpholecteme, syntalecteme, semalecteme and language varieties based on different parts of the system: phonolect, morpholect, syntalect, semalect.

MGDA are spoken in 110 villages and spread throughout the regions of Delvino and Saranda (D-S), Upper and Lower Dropull (D), Riza or Foothill Villages (R), Pogon (P), 2 villages of Përmet (Pr), 3 Greek speaking villages in the region of Himara: the homonymous town (H), Dhërmi (Dh), Palasë (Pa), and the village of Narta (N), which marks the northernmost extremity of MGDA.

Up to the end of the 20th century, not much data was available about MGDA [Chatzidakis, [1888] 1905, Triantafyllides, [1938] (1993)]. Later, more interest was shown in these dialects [Bogas, 1966, Vagiakakos, 1983, 1988]. Manuscripts with texts from the region were deposited in the I.L.N.E. of the Academy of Athens, and in the Laboratory of Folklore at the School of Philosophy (University of Athens). In the late 20th century and the early 21st centuries, field research expeditions worked in the Greek villages of Southern Albania (Spiro, Garaliakos, Sobolev, Novik, Joseph, Brown, Kyriazis etc.).

The system of MGDA includes the phonolectemes [ʃ], [ʒ], [tʃ], [dʒ], [λ], optional non-palatalization of /k/, violation of the “Trisyllabic Rule”, etc.

The particlization of the auxiliary verb *έχει* / *είχε* “to have” in the 3rd Person can be characterized as the main morpholecteme, since such a form does not occur in any other Modern Greek Dialect. Diasystematically, taking into account the character of their vocalism, the position of MGDA, in their majority, is characterized as southern. Yet other criteria can be applied.

Introduction: Some preliminary theoretical and practical observations

The scope of this paper is a general view on the Modern Greek Dialects of Albania (MGDA). But I would like to make some clarifications beforehand. These dialects represent a natural geographical continuum of Northwest Modern Greek dialects and share with them the same features. In this respect the compound term “Modern Greek Dialects of Albania” may cause some confusion, since unjustified differentiation may be made about the other side of the Greek-Albanian border. MGDA do not share the same position with the Greek dialects of Mariupol in Ukraine or those in Southern Italy, which are clearly language islands. MGDA are neither linguistic islands, nor enclaves/exclaves. They constitute a part of the continuum beginning in the dialect areas of North Western Greece. This term

is however justified, firstly, since the development of these vernaculars within Albanian territory gave rise to the emergence of some specific features, and, secondly, because the relevant studies until recently have been minimal or insufficient.

I would like in the meantime to make a metalinguistic explanation related to dialectological studies. Their progress is undeniable, yet a relative dependence on similar disciplines like ethnolinguistics and areal linguistics is evident.

The striking lack of clear terminology is an indication of this situation, which has prevented dialectology from emerging as a fully independent discipline. It has permanently remained on the sidelines of linguistics as an inferior branch. Its role has never been questioned, but has always been presented as secondary or marginal, to the extent that helped the argumentation of general or special linguistics. It was degraded by the authoritative place occupied by general and historical-comparative, structural, generative-transformational linguistics. Dialectology was wronged because of the negative social reputation of the dialects. Standard languages occupied a position of prestige, while dialectal variants were “penalised” as socially unacceptable.

Dialectology never managed to obtain the status of a fully independent discipline, and has always retained this marginal position as an information provider, while the par excellence science of linguistics has always played the role of the assessor.

Dialectology has developed by covering mainly the following two research paths:

- a) *Data collection.* Research method of the questionnaire was applied; vernacular speech and lexical units were recorded. In this regard, not only linguists provided their contribution, but also educated, yet linguistically unskilled, people. In each case the collected data have always been useful, despite the fact that researchers’ experience and qualification affected the quality of the collected material. Sometimes the recording systems adopted for phonetical transcription of vernacular texts were inadequate. In Greek dialectology, phonetical transcription with the Greek alphabet has been frequently used, usually by modifying some letters, so that certain phonemes which occur in dialects, but are missing in Standard Greek, like /tš/, /dž/, /š/, /ž/, etc. could be rendered accurately. In some cases of recorded and transcribed texts, morphological types were corrected to conform to a “normal” morphological pattern.
- b) *Evaluation, processing and interpretation of the collected data.* Dialect dictionaries were compiled and dialect systems were described. Linguistic atlases were compiled and published. Dialectometry methods were proposed and applied. Several dialect classifications were developed. In the case of the Modern Greek Dialects their classification always presented serious problems, since comprehensive studies about them have never been conducted.

A discussion on the criteria for resetting the scope and position of dialectology today is far from superfluous, since significant changes that have occurred over time in the geographic linguistic variety should be taken into account. Demographic changes have influenced and shaped this variety — movements of populations speaking the same or different languages, especially in the current globalization era. Moreover, dialect variety should be regarded as a basic linguistic reality, and not as something marginal. Dialectology could occupy a more central place within linguistic studies. For this purpose, the researcher can evaluate additional parameters that characterize the linguistic types occurring in a certain geographical area: the effect of the speech of different social groups, stylistic stratification, contact with other linguistic communities, dialect varieties, and, generally, whatever is known as the ecology of language [Haugen, 1972].

By occupying the central place it deserves within the linguistic studies, dialectology should however use its own representative epistemological means — a complete terminology on which it stands out as an independent discipline, yet not opposed to the existing terminology, which it will instead complement and explain more clearly.

We surely do not step here into virgin soil. The concept of diasystem is widely known and accepted in related bibliography. The same applies to the meaning of 'lect', which refers generally to types of linguistic diversity, mainly from a sociolinguistic perspective.

There is a tendency for linguistic diversity to be treated sociolinguistically, since the formation of linguistic types is largely determined by social factors (division into social groups, policies of economic, social and demographic development, presence of non native speakers close to a dominant language community). The study of linguistic diversity has led to the conceptualization of some sociolinguistic situations such as the concepts of basilect, mesolect and acrolect [Crystal, 2008. P. 8, 51, 272, 302]. However, the definition of a linguistic type is often vague. Very important in this respect is the lack of the processed conceptual units of study that would allow a more accurate description of linguistic diversity and the relationship of a dialect or sociolinguistic type to other varieties and to the whole diasystem. Some attempts have been made to introduce a terminology which could help a more adequate description of dialects. In addition to diasystem, such terms as diaphone, diatype or diamorph were proposed and used, to identify equivalences between the sound/grammatical system of different dialects respectively [Crystal, 2000. P. 141–142]. These terms are useful, since isoglosses can be formalized and a general view can be created about the entire set of the dialects or part of them. But dialectology needs more than this. It needs to describe not only the relation between certain parts, but also its own object with special concepts and terms, different from those of other disciplines. It needs, finally, its own terminology. This has not been done so far. About 13-14 years ago [Spiro, 2000–2001], I pointed out and demonstrated that

dialectology can acquire the status of an independent discipline. I posed as the main argument the relative deficiency of a specific terminology [Spiro, 2000–2001; Spiro, 2011]; hence I proposed and adopted the use of an easily understandable term *dialecteme* as the basic unit of dialectology, as well as the corresponding terms *phonolecteme*, *morpholecteme*, *syntalecteme*, and *semalecteme*, which represent the study of dialects (and sociolects) at the levels of phonetics, morphology, syntax, and semantics. So, *dialecteme* represents any speech element that marks a dialect. According to the study levels (phonetics, morphology, syntax, and semantics), the corresponding sub-units are identified as follows:

- a) phonolecteme: a dialect phonetic element or marker;
- b) morpholecteme: a dialect morphological element or marker;
- c) syntalecteme: a dialect syntactic element or marker;
- d) semalecteme: a dialect semantic element or marker.

Since linguistic variation follows different directions (social, professional, national etc.), a more general unit of study exists: the *lecteme*.

The use of these terms is necessary to better describe the position of dialects in the whole diasystem of Modern Greek (MG). It permits easier deduction for separate levels of dialects and idioms. Thus, elements of a dialect (dialectemes) may be identified in another dialect or in the standard language in the form of phonolectemes (realization of certain phonemes, intonation, and musicality). The adoption of this terminology works in a unifying way for a wide variety of divergent national traditions that exist in the relevant bibliography, as in the case of the “hidden” languages, i.e. *semalects*, which use modified lexical units from a dialect, the *semalectemes*, within a closed social or professional group in order to obscure the understanding and to constrain it. For these reasons and other relevant ones, I find it useful to be allowed to use these terms thereafter.

Geographical extent of Modern Greek Dialects of Albania (MGDA)

MGDA (alias Northern Epirus Dialects) are spoken in 110 villages spanning the regions Delvino and Saranda (DS) (Gr. Δέλβινο, Άγιοι Σαράντα), Upper and Lower Dropull (D) (Gr. Άνω και Κάτω Δρόπολη), Riza or Foothill Villages (R) (Gr. Ριζά), Pogon (P) (Gr. Πωγόνι), two villages of Përmet (Pr) (Gr. Πρεμετή). This category includes also the border-line dialects of Northern Thesprotia, where the same dialect features (dialectemes) in phonetics, grammar and vocabulary are displayed [Bogas, 1964; Kyriazis & Spyrou, 2011].

There are also three other Greek speaking villages in the region of Himara: the homonymous town (H) (Gr. Χιμάρα), Dhërmi (Dh) (Gr. Δρυμάδες), Palasë (Pa) (Gr. Παλιάσα), and one or two northwards to Vlorë, the village of Narta (N) (Gr. Άρτα Αυλώνας) and Zvernec (Z) (Gr. Σβερνέτσι), which marks the northernmost extremity of the MGDA. These latter dialects display

dialectemes that differentiate them from the previous group, whereas the continuum is interrupted by the insertion of Southern Albanian Labërishte and Coastline dialects (Alb. *të folmet labe, të folmet e Bregut*)¹.

Studies on MGDA

Up to the end of the 20th century, little data and just a few general considerations were known about MGDA. There are some general observations from a limited and lacking research, which describe them as southern dialects of Modern Greek [Chatzidakis, [1888] 1905. P. 250; Triantafyllides, [1938] (1993). P. 245]. The first remarkable research is noted by Bogas in the manuscripts of 1951, 1960 [Milingou-Markantoni, 1992], and Bogas 1966, and also in Vagiakakos' manuscript of 1951 [Milingou-Markantoni, 1992], and Vagiakakos 1983. Some uncertain assumptions about a certain relationship between the dialect of Himara and the dialect of Mani are made in Vagiakakos 1983. A vernacular glossary was published by Bogas (1966)², and some manuscripts from the region were deposited in the I.L.N.E. of the Academy of Athens³ and in the Laboratory of Folklore at the School of

¹ There are altogether 99 immiscibly Greek speaking villages, 5 bilingual with Albanian as second language, and 10 mixed settlements. Specifically, there are 52 villages in DS (Kakodhiq, Lefterohor, Finiq, Mavropull (Buronjë), Vrion, Karahaxh, Vromero (Bregas), Livinë, Velahovë, Kostar, Krongj, Sirakat, Upper Dhrovjan, Lower Dhrovjan, Kardhikaq, Brailat, Mesopotam, Ymerefendi (Fitore), Ardhasovë, Krane, Aliko, Çaus, Tremul, Neohori, Rahullë, Jermë, Halo, Pllakë, Qenurjo, Fanar, Malçan, Dhivër, Upper Leshnicë, Lower Leshnicë, Cerkovicë, Rumanxa, Memoraq, Dermish, Janicat, Llupsat, Saint Andrew (Shëndre), Grazhdan, Zminec, Kalcat, Gravë, Karroq, Qesarat, Komat, Llazat, Kodër, Livadhja, Vagalat; 18 in Upper Dropull (Jorgucat, Zervat, Bularat, Bodrishtë, Kërë, Vodhinë, Pepel, Klishar, Selo, Likomil, Llovinë, Krioner, Sotirë, Llongo, Koshovicë, Saint Nicolas (Agios Nikolas or Dritë), Kakavijë, Vrisera), 11 in Lower Dropull (Deriçan, Goranxi, Vanistër, Haskovë, Dhuvjan, Sofratikë, Terihat, Goricë, Frashtan, Lugar, Grapsh); 5 in Foothill Villages or Riza (Glinë, Upper Peshkëpi, Lower Peshkëpi, Vrahogoranxi, Radat), 6 in Pogon (Poliçan, Skore, Sopik, Çatistë, Mavrojer, Hllomo); 2 in Përmet (Vllahopsilloterë, Valovishtë); 3 in Himarë (Himarë, Dhërmi, Palasë) and Nartë in Vlorë. There are 5 bilingual settlements (Delvinë, Muzinë, Pecë, Bistricë, Selckë) and 10 with mixed population where Greek speaking people represent a remarkable number (Sarandë, Gjirokastër, Ksamil, Gjashtë, Çukë, Mursi, Xarrë, Vrinë, SMT (Çlirim), Zvërnec).

² Chatzidakis ([1888] 1905. P. 251), when referring to the Northern vocalism of Epirus, makes an exception of Himara, whose inhabitants "treat the vocals like the Greeks of the South" (250).

³ There are 8 archived manuscripts in I.L.N.E.: a) the oldest one (No. 15), dating back to 1908, is a 128 page notebook by N. Mystakidis, a man of letters from Dhrovjan; b) a 31 page notebook (No. 84) by an anonymous author (<1914) with a glossary from the dialect of Himara; c) two notebooks (No. 655) of 519 pages in total by D. Vagiakakos (1951), with dialect observations from Northern Epirus; d) a 347 page A4 writing book (No. 659) by E. Bogas (1951) with folklore material from all areas of Epirus; e) a 62 A4 page glossary (No. 762) by E. Bogas (1960) with words from the vernaculars of Argyrokastron (Gjirokastër), Dhrovjan, Old Pogon, and Përmet; f) a 49 page notebook glossary (No. 763) by E. Bogas (1960) with words from the vernaculars of Himara, Drymadhes (Dhërmi), and Palasa; g) a 10 page manuscript (No. 781A) by D. Krekoukias (1960) with dialect material collected from refugees established in the village of Perdika, and Margariti (Southern Epirus), originating from the villages of Dhivër, Lukova, and Xarra, and, finally, h) a 271 page A4 manuscript by D. Garaliakos (1998), with dialect material from Finiq (a village near Delvino).

Philosophy (University of Athens), with folklore and dialect material taken mainly from research carried out in Greece, with informants originating from Northern Epirus⁴.

In the late 20th century and the early 21st century, the first field research expeditions are recorded in the villages of Northern Epirus. I carried out a research project in the settlements of the region of Delvino and Saranda in the context of the Ph.D. thesis at the University of Athens. At the same time, the researcher Dimitrios Garaliakos from the Centre of Dialectology at the Academy of Athens carried out fieldwork research by recording and transcribing a total of 271 A4 pages with dialect texts in Finiq (1998) (see Academy of Athens I.L.N.E. CD-ROM).

In 2009, the Russian expedition consisting of professors of the St. Petersburg State University Andrej Sobolev and Alexander Novik conducted research in Dropull [Kisilier, Novik, Sobolev, 2013]. In the recent years, there has been ongoing research carried out by a professor of the Ohio State University Brian D. Joseph and Christopher Brown, who are examining the dialect of the region in a wider context of the ecology of language (language ecosystem).

Doris Kyriazis (from Aristotle University of Thessaloniki) carried out research in the village of Narta (Vlorë), an area for which there was previously complete ignorance.

Nonetheless, there is a lot of work ahead, since a comprehensive study on all MGDA is not yet available. There is a complete study on the dialect of the region of Delvino and Saranda [Spyrou, 2008a] and a general though brief description of the dialect of Arta Vlora [Kyriazis, 2012]. Other dialects are covered asymmetrically by partial investigations and publications. Together with Mouselimis and Bogas, who remain restricted to vocabulary with some general remarks on the grammar and the position of Northern Epirus dialects, one could also mention here Vagiakakos (1983, 1988), Kyriazis (2006, 2011), and Kokavesi (2010).

The most recent activity is fieldwork research initiated by a team of students and teachers from the Department of Slavic and Balkan Languages (Sector of the Greek Language) at the University of Tirana, discovering all Greek speaking areas of Albania, with the final target being the compilation of a linguistic atlas of MGDA.

A general overview of the system of MGDA

I will attempt to give a brief description of the general features of the MGDA system, emphasizing dialectemes that assign their special position in the diasystem of Modern Greek. Because of this specific position, I will mention some aspects of language contact between MGDA and dialects of other languages (mainly Albanian) spoken in the broader area.

⁴ Cf. Milingou-Markantoni, 1992. The author of this paper has deposited in the Laboratory of Folklore a dialect speech corpus of about one hundred hours, recorded in the villages of Delvino and Saranda during the period (1993–1995). A part of this corpus has been transcribed phonetically.

I. Phonetics — Phonology

There are 29 phonemes altogether in the inventory of MGDA and the adjacent dialect across the Greek-Albanian border, i.e.: /a/, /e/, /i/, /o/, /u/, /p/, /b/, /f/, /v/, /t/, /d/, /ts/, /dz/, /tʃ/, /dʒ/, /θ/, /ð/, /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, /k/, /g/, /x/, /ɣ/, /l/, /r/, /m/, /n/. At first glance, it appears that the inventory of the phonemes is not the same as that of Standard Modern Greek (SMG)⁵. The difference consists in the consonant system, where the presence of the following phonolectemes is noted:

- a) the fricative voiceless palatoalveolar consonant /ʃ/ [ʃ];
- b) the fricative voiced palatoalveolar consonant /ʒ/ [ʒ];
- c) the affricate voiceless alveopalatal consonant /tʃ/ [tʃ];
- d) the affricate voiced alveopalatal consonant /dʒ/ [dʒ];
- e) the apical (approximant) voiced lateral consonant /l/ [λ].

The above consonant phonemes occur also in other Modern Greek dialects.

The phoneme /l/ is realized as alveolar ([l]) and as palatal ([λ]). The realization of /l/ as [λ] is recorded also before consonants, mainly in loanwords: *καλντερίμι* [kalde'rimi] < Tr. *kaldırım* 'cobble road', *κλούπι* ['klupi] < Alb. *klub* 'village coffeehouse' < En. *club*.

The phoneme /l/, when before the semivowel [j], which is part of an ascending diphthong, favors the zero realization of the semivowel, which is neutralized by the consonant /l/. The traces of the semivowel [j] can be localized within the consequences undergone by the consonant. E.g. *ελιά* [e'la] 'olive', *φωλιά* [fo'la] 'nest', *γκουλιάστρα* [gu'laʃtra] 'colostrum, first milk', *χατίλια* [xa'tila] 'rafters', *αργαλειός* [arɣa'los] 'loom', *Καλλιόπη* [ka'lori] 'Caliope', *Βαγγέλιο* [va'ɣɛlo] 'Gospel'. The neutralization takes place when in the same phonetic environment the simple affricates (both voiced and voiceless) [ts] and [dz] appear, cf.: *νεραντζιά* /nerandzia/ [neran'dʒa] 'sour orange', *ντρεβενίτσια* [dreve'nitʃa] 'water tun', but also the palatal voiceless fricative [ç] (cf.: *συνέχεια* [si'neça] 'continuity'), or the simple alveolars [s] and [z] (cf.: *εκκλησιά* [ekli'ʃa] 'church', *ίσια* ['iʃa] 'straight', *θαλασσιά* [θala'ʃa] 'sea-coloured, blue', *κομισιόνι* [komi'ʃoni] 'commission', *βουζιά* [vi'za] 'booby'). In these last cases the phones [ʃ], [ʒ], [tʃ], [dʒ] usually represent allophones of the phonemes /s/, /z/, /ts/, /dz/, which coincide phonetically with the phonemes /ʃ/, /ʒ/, /tʃ/, /dʒ/.

A characteristic phonolecteme of MGDA is the optional neutralization of the phoneme /k/, which is realized as part of a consonant cluster before the front vowels /i/, /e/. In that case the contrast between palatals and (dorsal) velars is neutralized. But alongside the neutralized types, non-neutralized ones coexist: e.g. *σκόβαλο* /ʃkivalo/ ['ʃkivalo] and ['ʃcivalo] 'chaff', *σκυλί* /ʃkili/ [ʃki'li] and [ʃci'li] 'dog', *σκαίνω* /ʃkeno/ ['ʃkeno] and ['ʃceno] 'blow up'. The lack of velarization of /k/ becomes the real phonolecteme here.

⁵ The palatoalveolars [ʃ] and [ʒ] occur also in the rest of Epirus and "in Macedonia, in some regions of Thessaly and Continental Greece, as well as in Lesbos" (Contossopoulos, 1994. P. 95). It is understood that the presence of these phonemes implies the existence of affricate alveopalatals [tʃ] and [dʒ].

It is true that the two types of realization are interchangeable; however, a tendency for (dorsal) velar realization of /k/ is obvious.

Lack of palatalization of /k/ also occurs in some words, mostly of Turkish origin, e.g. *μπακίρι* [ba'kiri] 'copper', *τσακίρης* [tʃa'kiris] 'cross-eyed', *φακίρης* [fa'kiris] 'poor', but also in other words, like *Κίτσος* [ˈkitʃos] 'Christos', *τσακίζω* [tʃa'kizo] 'break', *τσάκινο* [ˈtsakino] 'kindling wood'. The same behaviour is manifested by the consonant /g/, which occurs as non-palatal in relevant phonetic environments: *γκέτσι* /getʃi/ [ˈgetʃi] 'pickaback', *γκιζεράω* [gize'rao] 'stroll about', etc.

As for the vocal system, no differences with other MG dialects have been noted. There is only one exception in Narta, where the phone [ə] occurs (e.g. [aðər'fi] 'sister', obviously due to the influence of Albanian phonology, as a phonetic realization of a non-stressed vowel before the consonant /r/). Although seldom, such a realization is noted even in some villages of the DS region (Finiq, Mesopotam etc.), in isolated words like [sangər'sufli] 'bradawl'.

The crasis [u] + [e] → [o] is included among the most important intersegmental phonolectemes; it occurs in some cases of the co-utterance of pronouns with forms of the Imperfect and the Simple Past Tense, e.g.: *μόδωκες* [ˈmoðoces] < μου έδωκες 'you gave me', *σόδωκα* [ˈsoðoka] < σου έδωκα 'I gave you', *τόδωκε* [ˈtoðoce] < του έδωκε '(s)he gave him', *θα σόρθει* [θa'sorθi] < θα σου έρθει '(s)he will come to you', *πόκρενες* [ˈpokrenes] < που έκρενες '(for) which you talk', *πόβγαϊνε* [ˈpovjɛne] < που έβγαϊνε 'which was getting out'.

The appearance of an accompanying sound is one of the main and typical phonolectemes (especially in the region of DS); it is observed in consonant clusters, which cannot be simplified by assimilation or dissimilation. Despite the infix of a vowel, the image of the consonant cluster remains strong and this is confirmed in most cases by the parallel use of models with and without the accompanying sound. The groups affected are /ðr/: *Δερόπολη* [ðe'ropoli] and *Δρόπολη* [ˈðropoli] 'Dropull region'; /kl/ *κονλιούπι* [ku'lupi] and *κλιούπι* [ˈklupi] 'coffee house' < Alb. *klub* < En. *club*; /km/: *τσακουμάκι* [tʃaku'maci] and *τσακμάκι* [tʃak'maci] 'lighter' < Tr. *çakmak*; /kn/: *τσουκουνίδα* [tsuku'niða] or *τσικουνίδα* [tsiku'niða] and *τσουκνίδα* [tsu'kniða] 'smartweed'; /lm/: *φίλιμι* [ˈfilimi] and *φίλμι* [ˈfilmi] 'movie'; /pl/ *πιλιό* [pi'lo] and *πλιο* [plo] (DS, D, P) or *πλια* [pla] (A) 'anymore'; /rn/: *αρνί* [ari'ni] and *αρνί* [a'rni] 'lamb', *όρνιο* [ˈorɲo] and *όρνιο* [ˈorɲo] 'bird of prey'; /rm/ *σύριμα* [ˈsirima] and *σύρμα* [ˈsirma] 'wire'; /ɣl/ *σγαλιστράω* [zɡali'strao] and *σγλιστράω* [zɣli'strao] 'glide'; /sn/: *εσινάφης* [esi'nafis] and *εσνάφης* [es'nafis] 'handcraftman'; /ʃn/ *Λεσνίτσα* [leʃi'nitsa] and *Λεσνίτσα* [leʃ'nitsa] 'Leshnitsa village'; /tʃk/ *μπότσικο* [ˈbotʃiko] and *μπότσκο* [ˈbotʃko] 'unripe'; /fn/ *τσάφινη* [ˈtʃafini] and *τσάφνη* [ˈtʃafni] 'white frost', etc.

According to the "Trisyllabic Rule" in Greek, the stress cannot be put beyond the antepenultimate syllable. But this rule is violated in the dialects of DS, Dr, P, H, being the main phonolecteme of suprasegmental phonetics.

It is obviously linked to a tendency for stress stability; its immobility leads to lexical types stressed beyond the antepenult syllable, e.g.:

έπλεναμε [ˈeplename]	‘we were washing’
έπλενατε [ˈeplenate]	‘you were washing’
έπλενανε [ˈeplename]	‘they were washing’
έπλυναμε [ˈepliname]	‘we washed’
έπλυνατε [ˈeplinate]	‘you washed’
έπλυνανε [ˈeplinane]	‘they washed’

This rule is not violated in the dialect of Narta, where a lot of verbs are stressed in the last syllable in the 1st and also in the 2nd person of the non-sigmatic Imperfect and the Simple Past Tense of the Indicative Mood (e.g. *ερχουντάν* [erxunˈdan] ‘they were coming’, *εγραφάν* [eɣraˈfan] ‘they were writing’, *εβανάν* [evaˈnan] ‘they were putting’, *εβαλάν* [evaˈlan] ‘they put’, *ηγλεπάν* [iɣleˈpan] ‘they were seeing’, *εξεράμ* [ekseˈram] ‘we knew’).

Other phonolectemes, such as prosthetic [a], the alternation [e] / [a] in initial position, the deletion of unstressed initial vowels [a], [e], [i], [o], assimilation, dissimilation, the deletion of unstressed vowels or consonants within the word, metathesis of phones, simplification of consonant clusters or the development of consonants, occur also in other Modern Greek dialects. What constitutes a feature of MGDA is the list of the recorded cases where these phenomena occur, which may not necessarily coincide with other MG dialects.

Although no phonometric studies on the duration of vowels are available, from a simple observation it is clear that vowels are generally isochronous. The stress, however, can become a pretext (as it occurs in the dialect of H and N) for realization of long vowels, in which the stressed ones are quantitatively longer than the unstressed ones. This is seen especially in the dialects of H and N, due to the pressure of pronunciation habits in the albanophone communication environment.

II. Grammar: Morphology and Syntax

A. Delvino, Saranda, Dropull and Pogon.

The main morpholectemes in the dialects of the regions of Delvino, Saranda, Dropull and Pogon are as follows:

- a) There is a general tendency for congruency of the grammatical gender with the natural one [Spyrou, 2008a. P. 135]. Thus, for example, the neuter form, which is the more habitual, in the linguistic intuition of the speakers is perceived as male. In the opposition *παιδί* : *κοπέλα* (‘boy’ : ‘girl’), *παιδί* (in SMGr. ‘child’) denotes the natural male gender. The oppositional pairs [-male natural gender] : [+male natural gender] correspond grammatically to the opposition [-neuter natural gender] : [+neuter natural gender]. E.g. *η γρούνα* : *το γρούνα* (‘sow’ : ‘pig’), *η σκύλα* : *το σκλί* (‘bitch’ : ‘dog’), *η γελάδα* : *το βόι* (‘she-cow’ : ‘ox’), *η φοράδα* : *το άλογο* (‘filly’ : ‘horse’), *η γομάρα* : *το γομάρι* (‘jenny’ : ‘donkey’), *η αίγα* : *το τραί* (‘she-goat’ : ‘billy goat’), *η προβατίνα* : *το πρόβατο* (‘ewe’ : ‘sheep’). The neuter substantives also seem to serve as generic.

- b) Some substantives or nouns change their grammatical gender, either because of attraction (*ο άμμος* < *η άμμος* ‘the sand’, *ο ψήφος* < *η ψήφος* ‘the vote’), or because of the marginal place they possess within the diasystem (*το βάθο* ‘depth’, *το λάθο* ‘mistake’, *το ύγο* ‘height’, *το γεγονός* ‘event’, *το κράτο* ‘state’, etc.), or even because of the pressure of the dominating declension paradigms (*ο γόνας* < *το γόνατο* ‘knee’, *ο δέντρος* < *το δέντρο* ‘tree’, *ο ελέησος* < *το ελέησον* ‘prayer’, *ο κατώφλιος* < *το κατώφλιον* ‘threshold’, *το λαιμαδέτι* < *ο λαιμοδέτης* ‘scarf’, *το στρατό* < *ο στρατός* «army», *το δειλινό* < *ο δειλινός* ‘afternoon’, *ο πλάτης* < *η πλάτη* ‘back’, *η σογιά* < *ο σογιάς* ‘pocketknife’).
- c) The prevailing inflective forms give rise to simplification and specialization of the indicators of the plural. Thus, for example, the ending *-οι* has a tendency to be used rather for male names, whereas the ending *-ες* mainly the female ones (cf. *άντρας* ‘man’ : *άντροι* ‘men’, *Βουργάρης* ‘Vurg inhabitant’: *Βουργάροι* ‘Vurg inhabitants’, *στρατιώτης* ‘soldier’: *στρατιώτοι* ‘soldiers’, *Φοινικιώτης* ‘Finiq inhabitant’: *Φοινικιώτοι* ‘Vurg inhabitants’, *(ε)ρώτηση* ‘question’ : *(ε)ρώτησες* «questions», *κρέμαση* ‘water hanger’ : *κρέμασες* ‘water hangers’, *κυβέρνηση* ‘government’: *κυβέρησες* ‘governments’, *λέξη* ‘word’ : *λέξεις* ‘words’, *μέθοδο* ‘method’ : *μέθοδες* ‘methods’, *τάξη* ‘class’ : *τάξεις* ‘classes’, etc.). Undoubtedly other types and morphemes of the plural are used, featured less as dialectemes.
- d) In the case system, there is a tendency for stable stress. However, some female and male nouns, designating mainly animated beings (humans, animals) or names of saints, functioning as adjectival or adverbial determinators, form the Genitive Sg. after the ancient pattern, by moving the stress to the last syllable [Spyrou, 2008a. P. 146] (cf. *αντρός* ‘of the man’, *γυναικός* ‘of the woman’, *κοπελός* ‘of the girl’, *πατερός* ‘of the father’, *φοραδός* ‘of the filly’, *προβατινός* ‘of the sheep’, *Αβασιλίου* ‘of Saint Basil’, *Αθανασίου* ‘of Saint Athanasios’, *Αντριγιός* ‘of Saint Andrew’, etc.). In the Genitive Pl., which is formed mainly with the ending *-ώνε*, i.e. by adding an ending vowel [e], there is a confrontation between two main realizations of the article: from one side *των* ([ton] or [tom]) and from the other *του(μ)* ([tu] or [tun]/[tum]), the latter prevailing [Spyrou, 2008a. P. 149]. Thus, peculiar types come into light, such as *τον γερόντουνε* ‘of/to the old men’, *τον προφήτουνε* ‘of/to the prophets’, *τον Κολιάτουνε* «of/to the Kola clan», *τον κοπελώνε* «of/to the girls», *τον πατεράδων(ε)* ‘of/to the fathers’, *τουμ παιδιώνε* ‘of/to the boys’, *φτουνώνε* ‘of/to them’, *τον αγάδωνε* ‘of/to the agas’, *τον βουλιώνε* ‘of/to the dogs’, *τον ιδιώνε* ‘of/to the goats’, *των νυφάδωνε* ‘of/to the brides’. In the dialect of Narta the article in Genitive Pl. is realized reduced as [t]: *τ’ γαμπρών* ‘of/to the bridegrooms’ [Vido, 2000. P. 108].
- e) In the verbs of the 1st conjugation the rule of the uncontracted Present Tense applies [Spyrou, 2008a. P. 161] (e.g. *γίεράω* ‘stroll about’, *ζάω* ‘live’, *αβγατάω* ‘increase’, *αναβκυράω* ‘tidy up’, *απηδάω* ‘jump’, *αψηχάω* ‘disregard’, *βαράω* ‘hit; strike; slap’, *βουλτάω* ‘sink’, *γκλαμανάω* ‘jabber’, *δουράω* ‘resist’, *καίτεράω* ‘wait’, *καλλάω* [kal’tao] ‘get tired’, *καμπεράω* (also *καμπερίζω*) ‘lay aside’, *καρκαλάω* ‘cackle’, *καρτάω* (also *κρατάω*) ‘hold’,

καταντάω ‘degenerate (into)’, κλειάω ‘close’, κοιτά(ζ)ω ‘see’, κουβαλάω ‘carry’, κουναράω ‘nurture; raise’, κριτσάω ‘clank’, ντιάω [ˈndiao] ‘wear’, ντραγκανάω ‘din’, περάω ‘pass’, πολεμάω ‘combat’, ρουγκουλάω ‘roll’, ρουφάω ‘suck’, σγκαλιστράω ‘glide; slide’, σκαπετάω ‘stride; pass over’, στραγκουλάω (also στραγκουλίζω) ‘strangle’, τιμυτάω ‘show up’, τσοκανάω (also τσοκανίζω) ‘hammer’, τεκνάω ‘give birth to’, τζινάω ‘peeve’, τηράω ‘watch’, τσιμπάω ‘sting’, τσιτάω ‘stretch’, χαφουμεράω ‘stretch’, etc.). A different distribution of the entire inventory of the suffixed morphemes of the verbs is noted [Spyrou, 2008a. P. 135]. The ending -άω represents the most common choice. The endings -άζω [azo], -ίζω [izo] and -ένω [evo] are also used very frequently (cf. αράζω ‘stay inert and astonished’, γκοριλιάζω ‘starve’, γουριάζω ‘scream’, ζουζουλιάζω ‘shiver’, καλαφατιάζω ‘calk’, λαγιάζω ‘mollify’, μάζω ‘gather’, μπαϊλιάζω ‘faint’, ξεκοιλιάζω ‘eviscerate’, ξεχάζω ‘divert’, πεικάζω ‘realize; detect’, ρουχάζω ‘snore’, τακιάζω ‘wrap’, τράζω ‘pestle’, γριντίζω ‘exterminate; wipe out’, βαϊζώ ‘incline’, γκλακακίζω ‘drink swallowing’, γρωνίζω ‘know’, καθερίζω ‘clean’, καπουνίζω ‘smoke’, κερολιζώ ‘revile’, λοναρίζω ‘hackle (wool)», πουρτφαλίζω ‘knock up (animal)’, σαλτίζω ‘throw’, σφογγίζω ‘sweep’, τζαλτίζω ‘distract; embarrass’, φασουλίζω ‘slander’, αρχεύω ‘begin’, γκαραμουνεύω ‘watch for’, γκοζαρεύω ‘knock around’, κιοτεύω ‘dismay’, κοκεύω ‘hit on’, κουτφουρέω (και τφακουρέω) ‘truncate’, κρουφκεύω ‘relate by marriage’, μοντεύω ‘pick feathers’, σκεντζεύω ‘torment’, etc.). Other endings can also be chosen; these can be either simple or mixed, whereas a verb can be realized with two or more endings. In the latter case it is a situation of allomorphization of the morphemes, e.g.: αρχίζω, αρχινάω and αρχεύω ‘begin’, αστράβω and αστράφτω ‘shine’, μάζω, μαζώνω and μαξεύω ‘gather’, ντραγκανάω and ντραγκανίζω ‘clang’, ράβω and ράφτω ‘sew’, στραγκουλάω and στραγκουλίζω ‘strangle’, etc.

- f) The vowel η- [i] is used as augment in the formation of the Imperfect (cf. ήλεγα ‘I was saying’, ήβριγκα ‘I was finding’, ήγλεπα ‘I was seeing’, ήκουα ‘I was listening’, etc.), while the pseudoaugment ε- [e] is also used [Spyrou, 2008a. Pp. 163–164] (εφώναζα ‘I was shouting’, επήγαινα ‘I was going’, εγνώριζα ‘I was knowing = I knew’, εκαλούσα ‘I was inviting’). In some cases parallel to the non-sigmatic types of the Imperfect, the sigmatic are also used (cf. (η)δούσα ‘I was giving’, καθερούσα ‘I was cleaning’, κοιτούσα ‘I was looking’).
- g) In the Imperfect and the Simple Past Tenses, parallel to the endings of 1st and 2nd Pl. person (-αμε, -ατε), the more ‘dialectal’ endings (-αμαν, -αταν) are used. The first group of endings is used mainly in Vourkos (Alb. Vurg), in the villages of Delvino, whereas the second group is used in Theologo, Dropull, Pogon and Thesprotia (Greece)⁶ (cf. έλεγαμε or ήλεγαμε and λέγαμαν ‘we were saying’ / είπαμε and είπαμαν ‘we said’, τραγουδούσαμε and τραγουδούσαμεν ‘we were singing’ / τραγούδησαμε and τραγούδησαμεν ‘we sang’, έπαιραμε and παίραμαν ‘we were taking’ / πήραμε

⁶ It is also used in other villages and settlements of Epirus, as well as in some regions of Thessaly and Western Macedonia [Newton, 1973. P. 212, 217; Contossopoulos, 1994. P. 100].

- and *πήραμαν* ‘we took’, *έφενγαμε* and *φεύγαμαν* ‘we were leaving’ / *έφονγαμε* and *φύγαμαν* ‘we left’, etc.).
- h) The two types of the Imperative (affirmative and negative) are typically formed by alternating the stem of the Simple Perfect and the Present Tense. The former affirmative type uses the stem of the Simple Perfect, and the aspect is presented as summarized, and the latter negative uses the stem of the Present, so the verbal aspect is presented as continuous. The reasons are evidently pragmatological, since the affirmative type is related to a specific action having a direct relationship with the communicative act, while the negative one requires infinite potential actions or an action that can be performed on an indefinite period of the immediate or ulterior future. E.g.: *Φάε!* ‘Eat!’ (affirmative type). *Μη τρωσ!* ‘Do not eat!’ (negative type).
- i) The compound tenses of the verbs are ruled by a strong tendency of grammaticalization, its last evolution being the fixation of the auxiliary verb and turning into a fixed morpheme [Spyrou, 2008a. Pp. 177–182, 187]. The Perfect, Past Perfect and similar verbal tenses are formed with the particleized auxiliary *έχει/είχε* (in the 3rd person Sg.), while the endings are added to the second component of the compound tense form, e.g.: *έχει πάρω* ‘I have taken’, *έχει πάρεις* ‘You have taken’, *έχει πάρει* ‘(S)he has taken’, *έχει πάρομε* ‘We have taken’, *έχει πάρετε* ‘You have taken’, *έχει πάρουνε* ‘They have taken’ *είχε πάρω* ‘I have had taken’, *είχε πάρεις* ‘You have had taken’, *είχε πάρει* ‘(S)he has had taken’, *είχε πάρομε* ‘We have had taken’, *είχε πάρετε* ‘You have had taken’, *είχε πάρουνε* ‘They have had taken’.

This morpholecteme is the main feature of MGDA, which is not encountered in other Modern Greek dialects. In this sense, MGDA could be described as *the dialects of the particleized / fixed auxiliary verb*.

It is worth mentioning that the relationship between these two elements of the periphrastic morphological structure is strong, yet structurally loose, since a clitic could be inserted between them⁷. Thus, the fixed auxiliary behaves in the same way the particles *να*, *(θ)α* etc. behave, π.χ.: *είχε το(ν)/τη(ν)/τους/τις/τα πάρω* ‘(I) has him/her/it/them taken’, *είχε το(ν)/τη(ν)/τους/τις/τα πάρεις* ‘(You) have him/her/it/them taken’, *είχε το(ν)/τη(ν)/τους/τις/τα πάρει* ‘((S)he) has him/her/it/them taken’, *είχε το(ν)/τη(ν)/τους/τις/τα πάρομε* ‘(We) have him/her/it/them taken’, *είχε το(ν)/τη(ν)/τους/τις/τα πάρετε* ‘(You) have him/her/it/them taken’, *είχε το(ν)/τη(ν)/τους/τις/τα πάρουν(ε)* ‘(They) have him/her/it/them taken’.

- j) Finally, I mention as a syntalecteme (syntactic feature) the trend of simplification of phrase structure and of the discourse in general. Parataxis prevails versus hypotaxis, simple sentences versus compound ones, specific versus abstract words, while the phenomenon of reduplication of grammatical words (especially prepositions) as a means of

⁷ The insertion of a clitic between the constitutive elements of the compound tenses is a known phenomenon also in other MG dialects, such as e.g. in Kozani [Contossopoulos, 1994. P. 101].

specialization of the message is frequent. Within this framework the repetition of the definite article and pronominal clitics are included, a syntactic balkanism occurring even in non-Balkan languages. E.g. *πίσω πο δεκαπέντε μέρες* ('after 15 days') *μπροστά πο 'κατόν πενήντα χρόνια* ('150 years ahead'), *στην άκρη στο χωριό του Φοινικιού* 'at the edge of Finiq village', *στο έβγα απέδω πο την Πόβλα* 'at the exit, this way, from Povla', *κάτω στον κάμπο· στην άκρη στη Μπίστρισα* 'down to the fields, along in Bistrica'.

Η νόφη η δική μου 'the bride the mine own', *η ράτσα η δική μου* 'the parentage the mine own', *τα παιδιά τα δυο* 'the boys the both', *η δουλειά η πολλή* 'the work the hard (one)', *τα φορέματα τα χρυσά* 'the clothes the gold (ones)', *το σοκάκι το μεγάλο* 'the street the big (one)', *τον κόκορα το δικό μας* 'the rooster the our (own)', *το μάτι το καλό* 'the eye the good (one)', *τα δυο τα χέρια* 'the both the hands', *τη μια την κοπέλα* 'the one the girl';

Τον λέω γω του Κίτφου 'I tell to him to Christos'. *Να τσι φωνάξεις τσι γειτόνισσες* 'You should call them, the neighbour women'. *Τά δωκαν τα δανεικά του γείτονα* 'They gave them back the money to the neighbour'.

The position of MGDA within the diasystem of MG

In order to describe the position of MGDA diasystematically, one must count, along with the presence of above mentioned basic dialectemes, also other dialectemes with categorical value not found in MGDA, or those found in other dialects, and allow their inclusion in isoglosses (isolectemes, isomorphemes, isosememes, and isosyntactemes).

Thus, we could mention as dialectemes:

- a) lack of development of [γ] in the verbal ending -εύω (-βω),
- b) nasal pronunciation of the consonant clusters [ng], [mb], [nd],
- c) presence of the syneresis types in P, D, DS, H, Thesprotia, contrary to the absence of the syneresis types in Drymadhes (Alb. Dhërmi) and Palasa,
- d) use of the threefold system of demonstrative pronouns, Narta excluded,
- e) use of the mediopassive Simple Past Tense in -ηκα (*διάβηκα, ψάχτηκα*),
- f) use of the sigmatic Imperfect Tense in the oxytone verbs of the 1st class (*φιλούσα, προβατούσα, καΐτερούσα*),
- g) lack of the final -ν in neuter nouns and in the 3rd Sg. Active Imperfect and Simple Past Tenses,
- h) proclitic place of the pronominal clitics.

The vocalism of the unstressed middle and front vowels helps to determine the place of the MGDA within the general diasystem of MG. A disproportion is noted here. In the dialect of the regions of DS, D, P and Thesprotia, as well as in H the southern vocalism prevails [Kyriazis & Spyrou, 2011. P. 179]. The realization of the vowels is identified both qualitatively and quantitatively with the phonetic idol of the corresponding phonemes. The 'deafness' phenomenon is not found, whereas some cases of phonetic changes [e]: [i], [o]: [u] have an occasional character; since they are mani-

fested as phenomena of speech, they do not upset the general picture of the southern vocalism.

Two villages of Himara, namely Drymadhes (Alb. Dhërmi) and Palasa, give evidence both of southern and northern vocalism. This justifies their classification as seminorthern. In Narta the northern vocalism prevails [Kyriazis & Spyrou, 2011. P. 179].

MGDA are a variety with the quantitative predominance of the southern vocalism. They form a visible continuum between the dialect of Ioannina, on the one side, and Corfu and the other Ionian Islands, on the other. The dialect of northern Thesprotia is included in the same category, as it displays the same dialect features.

The Greek dialect of Himara, Drymadhes (Dhërmi) and Palasa represents the extension of this continuum, by manifesting systematic cases of seminorthern vocalism in the two last settlements, whereas in the northernmost point of the hellenophony, the dialect of Narta, the northern vocalism prevails.

It seems that the criterion of the vocalism is very important. Yet, if we take into consideration other classification criteria as well, other isoglosses will be highlighted which enhance this dialect division of MGDA, offering at the same time opportunities for extra flexible groupings and specific conclusions.

Thus, on the basis of the formation of 1st and 2nd Pers. Pl. of Active Imperfect and Simple Past Tenses, three isophorm areas can be noted:

- a) The settlements of DS, where the endings *-αμε/-ατε* are used;
- b) The settlements of Theologos, Dropull, Pogon, Thesprotia (Greece), and the Zagorochoria (Greece), where the endings *-αμαν / -αταν* are used [Anagnostopoulos, 1925. P. 67; Kyriazis & Spyrou, 2011. P. 182];
- c) The settlements of Himara, Drymadhes (Dhërmi), Palasa, and Narta (Vlora), where endings *-εμε / -ετε* (in Narta even with the paroxytone stress).

If based on the formation of the Present Tense of the verbs of the 1st class, then MGDA can be divided into two groups:

- a) Dialects where the uncontracted Present Tense prevails (DS, D, P, H),
- b) Dialects where the contracted Present Tense prevails (Narta).

ΛΙΤΕΡΑΤΥΡΑ

Academy of Athens, I.L.N.E. The Modern Greek Dialectical Varieties and their Study at the Research Center for Modern Greek Dialects. CD-ROM. Athens, 2008.

Anagnostopoulos G. "Περὶ τοῦ ῥήματος ἐν τῇ ἐν Ἠπειρῷ λαλουμένη. Βραχεῖα ἐπισκόπησις τῶν ἡπειρωτικῶν ιδιωμάτων." Ἀθηνᾶ. 1925. Vol. 36. Pp. 61–98.

Aravantinos P. Ἠπειρωτικὸν γλωσσάριον. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τοῦ τυπογραφείου Π. Α. Πετράκου, 1909.

Bogas E. Β' τόμος (Γλωσσάρια Βορ. Ἠπειροῦ, Θεσπρωτίας, Κόνιτσας κ.ἄ.). Ἰωάννινα: ΕΕΗΜ, 1966.

Bogas E. Τὰ γλωσσικά ἰδιώματα τῆς Ἠπειροῦ (Βορείου, Κεντρικῆς καὶ Νοτίου), Α' τόμος (Γιαννιώτικο καὶ ἄλλα λεξιλόγια). Ἰωάννινα: ΕΕΗΜ, 1964.

- Brown C. G. & Joseph B. D.* “The Texture of a Linguistic Environment: New Perspectives on the Greek of Southern Albania.” *Albanohellenica*. 2013. Vol. 5. Pp. 145–152.
- Chadzidakis G. N.* “Περὶ τῶν φωνηέντων τῆς νεωτέρας ἑλληνικῆς.” *Μεσαιωνικά καὶ Νέα Ἑλληνικά*. Τόμος Α΄. Ἐν Αθήναις: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, [1888] 1905. Pp. 202–265. (Αναστατική ανατύπωση: Εκδόσεις Πελεκάνος).
- Contossopoulos N.* Διάλεκτοι καὶ ιδιώματα τῆς Νέας Ἑλληνικῆς, ἀνανεωμένη ἔκδοσις. Αθήνα, 1994.
- Crystal D.* *Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Oxford: Blackwell, 2008.
- Haugen E.* *The Ecology of Language*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1972.
- Kisilier M. L., Novik A. A., Sobolev A. N.* “Studime etnolinguistike dhe dialektologjike në terren në Dropull, Shqipëri: Materialet e ekspeditës ruse të vitit 2009.” *Albanohellenica*. 2013. Vol. 5. Pp. 153–165.
- Kokavesi E.-E.* “Η επιβίωση της χιμαραίας διαλέκτου στον 21^ο αιώνα.” Βορειοηπειρωτικά. Επιστημονική επιτηρίδα Ιδρύματος Βορειοηπειρωτικών Ερευνών. Ιωάννινα. Α΄, 2010. Pp. 95–130.
- Kyriazis D. K.* “Η σχέση του ελληνικού γλωσσικού ιδιώματος της Χιμάρας με τα άλλα νεοελληνικά γλωσσικά ιδιώματα.” *Μελέτες για την ελληνική γλώσσα* 27. (Πρακτικά της Ετήσιας Συνάντησης του Τομέα Γλωσσολογίας του Τμήματος Φιλολογίας της Φιλοσοφικής Σχολής Α.Π.Θ., 6–7 Μαΐου 2006). Θεσσαλονίκη, 2007. Pp. 198–209.
- Kyriazis D. K., Spyrou A.* “Τα ελληνικά γλωσσικά ιδιώματα της Αλβανίας.” *Νεοελληνική Διαλεκτολογία*. Τ. 6. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο Ερεύνης των Νεοελληνικών Διαλέκτων και Ιδιωμάτων — Ι.Λ.Ν.Ε., 2011.
- Milingou-Markantoni M.* “Βόρειος Ἠπειρος, πρωτογενές λαογραφικό υλικό ἐναποκείμενο στο Σπουδαστήριο Λαογραφίας τοῦ Πανεπιστημίου Ἀθηνῶν (κριτική θεώρηση).” *Ανάπτυξη ἀπὸ τὰ Πρακτικά τοῦ Ἐπιστημονικοῦ Συνεδρίου “Τὸ Βορειοηπειρωτικὸν ζήτημα” (Κόνιτσα, 23–26 Αὐγούστου 1990)*. Αθήνα, 1992.
- Newton B. E.* “The Dialect Geography of Modern Greek Active Inflections.” *Glossa*. 1973. Vol. 7:2. 212.
- Qirjazi Dh. Q.* “Rreth marrëdhënive të së folmes greke të Himarës me të folmet e tjera të greqishtes së re.” *Albanohellenica*. 2011. Vol. 4. Pp. 39–52.
- Spiro A.* “Is Dialectology an independent discipline?” *Albanohellenica*. 2000–2001. Vol. 2. Pp. 153–160.
- Spyrou A.* “Ξενόγλωσσα δάνεια στο ιδίωμα της περιοχής Δελβίνου και Αγίων Σαράντα.” *Albanohellenica*. 2008b. Vol. 3. Pp. 85–103.
- Spyrou A.* Το ελληνικό γλωσσικό ιδίωμα της περιοχής Δελβίνου και Αγίων Σαράντα. Αθήνα: Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών, Φιλοσοφική Σχολή — Βιβλιοθήκη Σοφίας Σαριτόλου (109). 2008a.
- Triantafyllides M.* “Νεοελληνική Γραμματική. Ἱστορική Εἰσαγωγή.” Ἄπαντα Μανόλη Τριανταφυλλίδη. Γ΄ Τόμος. Ανατύπωση με διορθώσεις. Θεσσαλονίκη: ΑΠΘ, ΙΝΣ (ΙΜΤ), [1938] 1993.
- Vagiakakos D.* “Γλωσσικά καὶ λαογραφικά Χιμάρας Β. Ἠπειροῦ καὶ Μάνης.” Πρακτικά Β΄ Συμποσίου Γλωσσολογίας Βορειοελλαδικοῦ Χώρου. Θεσσαλονίκη: ΙΜΧΑ, 1983. Pp. 9–26.
- Vagiakakos D.* “Συμβολή εἰς τὴν μελέτην τοῦ γλωσσικοῦ ιδιώματος τῆς Χιμάρας Βορείου Ἠπειροῦ.” Πρακτικά Α΄ Πανελληνίου Ἐπιστημονικοῦ Συνεδρίου «Βόρειος Ἠπειρος — Ἅγιος Κοσμάς ὁ Αἰτωλός». Κόνιτσα, 1987. Αθήνα: Ι. Μ. Δρυϊνουπόλεως — Πωγωνιανῆς καὶ Κονίτισης — Πανελληνίου Συνδέσμου Β/Ἠπειρωτικοῦ Ἀγώνος. 1988. Pp. 303–337.
- Vido V.* *Helenizëm që nuk u shua. Narta e Vlorës — Një essë në fushën e etnografisë*. Athinë, 2000.

REFERENCES

- Academy of Athens, I.L.N.E. *The Modern Greek Dialectal Varieties and their Study at the Research Center for Modern Greek Dialects*. CD-ROM. Athens, 2008.
- Anagnostopoulos G. “Περὶ τοῦ ῥήματος ἐν τῇ ἐν Ἠπειρῷ λαλούμενῃ. Βραχεῖα ἐπισκόπησις τῶν ἠπειρωτικῶν ιδιωμάτων.” *Ἀθηνᾶ*, 1925, vol. 36, pp. 61–98.
- Aravantinos P. *Ἠπειρωτικὸν γλωσσάριον*. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τοῦ τυπογραφείου Π.Α. Πετράκου, 1909.
- Bogas E. Β΄ τόμος (*Γλωσσάρια Βορ. Ἠπειροῦ, Θεσπρωτίας, Κόνιτσας κ.ἄ.*). Ἰωάννινα: ΕΕΗΜ, 1966.
- Bogas E. *Τὰ γλωσσικὰ ιδιώματα τῆς Ἠπειροῦ (Βορείου, Κεντρικῆς καὶ Νοτίου)*, Α΄ τόμος (*Γιαννιώτικο καὶ ἄλλα λεξιλόγια*). Ἰωάννινα: ΕΕΗΜ, 1964.
- Brown C.G., Joseph B.D. “The Texture of a Linguistic Environment: New Perspectives on the Greek of Southern Albania.” *Albanohellenica*, 2013, vol. 5, pp. 145–152.
- Chadzidakis G.N. “Περὶ τῶν φωνηέντων τῆς νεωτέρας ἐλληνικῆς.” *Μεσαιωνικά καὶ Νέα Ἑλληνικά*. Τόμος Α΄. Ἐν Ἀθήναις: Τύποις Π.Δ. Σακελλαρίου, [1888] 1905, pp. 202–265. (Αναστατική ανατύπωση: Εκδόσεις Πελεκάνος).
- Contosopoulos N. *Διάλεκτοι καὶ ιδιώματα τῆς Νέας Ἑλληνικῆς*, ἀνανεωμένη ἔκδοσις. Ἀθήνα, 1994.
- Crystal D. *Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Oxford, Blackwell, 2008.
- Haugen E. *The Ecology of Language*. Stanford, CA, Stanford University Press, 1972.
- Kisilier M.L., Novik A.A., Sobolev A.N. “Studime etnolinguistike dhe dialektologjike në terren në Dropull, Shqipëri: Materialet e ekspeditës ruse të vitit 2009.” *Albanohellenica*, 2013, vol. 5, pp. 153–165.
- Kokavesi E.-E. “Ἡ επιβίωση τῆς χιμαραίας διαλέκτου στον 21^ο αἰώνα.” *Βορειοηπειρωτικά*. Επιστημονικὴ ἐπετηρίδα Ἰδρύματος Βορειοηπειρωτικῶν Ἐρευνῶν. Ἰωάννινα. Α΄, 2010, pp. 95–130.
- Kyriazis D.K. 2006. “Ἡ σχέση τοῦ ἐλληνικοῦ γλωσσικοῦ ιδιώματος τῆς Χιμάρας με τὰ ἄλλα νεοελληνικά γλωσσικὰ ιδιώματα.” *Μελέτες για τὴν ἐλληνικὴ γλῶσσα 27*. (Πρακτικὰ τῆς Ετήσιας Συνάντησης τοῦ Τομέα Γλωσσολογίας τοῦ Τμήματος Φιλολογίας τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς Α.Π.Θ., 6–7 Μαΐου 2006). Θεσσαλονίκη, 2007, pp. 198–209.
- Kyriazis D.K., Spyrou A. “Τὰ ἐλληνικά γλωσσικὰ ιδιώματα τῆς Ἀλβανίας.” *Νεοελληνικὴ Διαλεκτολογία*. Τ. 6. Ἀθήνα: Ἀκαδημία Ἀθηνῶν, Κέντρο Ἐρεύνης τῶν Νεοελληνικῶν Διαλέκτων καὶ Ἰδιωμάτων — Ι.Λ.Ν.Ε., 2011.
- Milingou-Markantoni M. “Βόρειος Ἠπειρος, πρωτογενὲς λαογραφικὸ ὕλικό ἐναποκείμενο στὸ Σπουδαστήριό Λαογραφίας τοῦ Πανεπιστημίου Ἀθηνῶν (κριτικὴ θεώρηση).” Ἀνάπτυπον ἀπὸ τὰ *Πρακτικὰ τοῦ Ἐπιστημονικοῦ Συνεδρίου “Τὸ Βορειοηπειρωτικὸν ζήτημα”* (Κόνιτσα, 23–26 Αὐγούστου 1990). Ἀθήνα, 1992.
- Newton B.E. “The Dialect Geography of Modern Greek Active Inflections.” *Glossa*, 1973, vol. 7:2, p. 212.
- Qirjazi Dh.Q. “Rreth marrëdhënieve të së folmes greke të Himarës me të folmet e tjera të greqishtes së re.” *Albanohellenica*, 2011, vol. 4, pp. 39–52.
- Spiro A. “Is Dialectology an independent discipline?” *Albanohellenica*, 2000–2001, vol. 2, pp. 153–160.
- Spyrou A. “Ξενόγλωσσα δάνεια στο ἰδίωμα τῆς περιοχῆς Δελβίνου καὶ Ἀγίων Σαράντα.” *Albanohellenica*, 2008b, vol. 3, pp. 85–103.
- Spyrou A. *Τὸ ἐλληνικὸ γλωσσικὸ ἰδίωμα τῆς περιοχῆς Δελβίνου καὶ Ἀγίων Σαράντα*. Ἀθήνα: Ἐθνικὸ καὶ Καποδιστριακὸ Πανεπιστήμιο Ἀθηνῶν, Φιλοσοφικὴ Σχολή — Βιβλιοθήκη Σοφίας Σαριπόλου (109), 2008a.
- Triantafyllides M. “Νεοελληνικὴ Γραμματικὴ. Ἱστορικὴ Εἰσαγωγή.” *Ἀπαντα Μανόλη Τριανταφυλλίδη*. Γ΄ Τόμος. Ανατύπωση με διορθώσεις. Θεσσαλονίκη: ΑΠΘ, ΙΝΣ (ΙΜΤ), [1938] 1993.

- Vagiakakos D. “Γλωσσικά και λαογραφικά Χιμάρας Β. Ήπειρου και Μάνης.” *Πρακτικά Β΄ Συμποσίου Γλωσσολογίας Βορειοελλαδικού Χώρου*. Θεσσαλονίκη: ΙΜΧΑ, 1983, pp. 9–26.
- Vagiakakos D. “Συμβολή εις τὴν μελέτην τοῦ γλωσσικοῦ ιδιώματος τῆς Χιμάρας Βορείου Ἠπείρου.” *Πρακτικά Α΄ Πανελληνίου Ἐπιστημονικοῦ Συνεδρίου «Βόρειος Ἠπειρος — Ἅγιος Κοσμάς ὁ Αἰτωλός»*. Κόνιτσα, 1987. Αθήνα: Ι.Μ. Δρυϊνουπόλεως — Πωγωνιανῆς καὶ Κονίτισης — Πανελληνίου Σύνδεσμος Β/Ἠπειρωτικοῦ Ἀγώνος, 1988, pp. 303–337.
- Vido V. *Helenizëm që nuk u shua. Narta e Vlorës — Një essë në fushën e etnografisë*. Athinë, 2000.

ABBREVIATIONS:

Alb. = Albanian

ΑΠΘ, ΙΝΣ (ΙΜΤ) = Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Ινστιτούτο Νεοελληνικών Μελετών [Ίδρυμα Μανόλης Τριανταφυλλίδης] (Aristotle University of Thessaloniki, Institute of Modern Greek Studies [Manolis Triantafyllidis Foundation])

DH = Dhërmi

Dr = Dropull

DS = Delvino and Saranda

ΕΕΗΜ = Ἐκδόσεις Ἐταιρίας Ἠπειρωτικῶν Μελετῶν (Publications of the Epirus Studies Association)

En. = English

Gr. = Greek

H = Himara

I.L.N.E. / I.A.N.E. = Ιστορικό Λεξικό της Νέας Ελληνικής (Historical Dictionary of Modern Greek)

ΙΜΧΑ = Ινστιτούτο Μελετῶν Χερσονήσου του Αίμου (Institute for Studies of Haemus Peninsula)

MG = Modern Greek

MGDA = Modern Greek Dialects of Albania

N = Narta

P = Pogon

PA = Palasë

PR = Përmet

R = Riza

SMG = Standard Modern Greek

Tr. = Turkish

Z = Zvërnec

APPENDIX

TRANSCRIBED TEXTS FROM MGDA

Hrisanthi Ngjelo (Χρυσάνθη Νγκέλιου)

Year of birth: 1940

Kalogoranxi, Dropull

Main zone of southern vocalism

Date of interview: 17 Jan. 2014

to xo'rjo mas 'ine san arceoloji'ko || ta 'spitja 'exun 'ena i'djetero 'tetjo|| sto xo'rjo mas 'exume 'eksi e'fta 'spitja pu'ine ku'les ton a'yaðone|| a'fta 'ine a'po 'xrona ja na sas 'ðikso e'yo 'tora i ku'les || 'ala ta 'exune 'fcaci 'spitja 'cala 'ine|| san xo'rjo 'kaena xo'rjo ðen 'eçi a'ftes tis ku'les pu 'exome 'mis ||

san maxa'laðes 'totes 'cinda 'xrona e'no 'tora ðen ta 'lene|| 'itane 'platanas 'itane 'godzano | 'itane bu'zała | me o'nomata to xo'rjo|| 't'fara 'titane a'fti i 't'fara | bu'zała | 'kati o'nomata san 'turtika 'exune 'mici a'fta a'po tin isto'ria ||

'exo to patri'ko mu e'ci a'pano to patri'ko mu|| pu 'naxate 'ora na 'pijename 'ine 'spiti pa'lo 'pambalo|| to 'çila oxta'koša eksinda'tesera || 'ena... san ka'liva ti na su'po ena 'spiti pa'lo || ce 'ðendus 'eçi ðo'ði ja na 'toftjanane o pa'teras mu 'efije ce i 'ali|| ce 'exo fotoyra'fies e'ci 'pera a'po to 'çila epa'koša 'endeka || 'pujne sto mana'stiri to xo'rjo 'olo || sto mana'stiri me 'lojon 'lojis fore'jes pu ðen 'ine 'tora a'ftes i fore'jes|| na 'taperate fotoyra'fia 'ine 'kati 'praymata || 'ama 'thelete e'late na 'pame na sas 'ðikso tin ku'zina mu sto patri'ko|| e'ci thapo'resete e'ci tha a'raksete a'po ta mo'biła ce a'po ta ka'ła pu 'exo e'ci 'pano||

ta ko'ritja 'prin pandre'ftune ðen 'ðulevane || voj'θusane tis ma'naðes 'otan 'pijanan ton'gambo|| 'protu tin kopera'tiva 'itane iðjoti'ka 'erça sto xo'rjo 'pijenane ma'zevane ta'staca ja to 'stari|| ma'zevame 'vulta me sixo'ris a'fta ta 'bajkat e 'lopave|| ce ta ko'lusame ston 'tixo ce 'taxame, a'fta na 'yrapsete ja 'ksiła|| pirono'mastane, 'exo 'siðero e'ci a'pano pu si'ðerone me a'fta ta 'bajka ..|| to 'steynoname | 'eperame a'po ti 'dzaci 'evaname sto 'siðero ce si'ðerone || 'toxo to 'sidero a'pano ðen 'ixame 'karvuno me 'bajka|| ce ja na mi mas tsala'konondan i po'ðjes ce i fusta'neles | ta kre'musame sto 'juci | to 'juci 'itane ja ta fo'remata|| ðen 'ixame du'lapes pu na 'tavaname|| e'ci 'vaname pa'plomata ku'vertes pro'fcefala | to 'fcepazame me 'ena se'ndoni me'yało|| 'itane po'li 'ftoça ce po'li, a'ła a'fta ta 'pramata ||

ja ne'ro i 'proti pro'tu te'mena 'pijenane stin skoti'ni|| 'ine mja spi'la ce e'ci 'pijenane i ji'neces 'eperane ne'ro|| eee 'tora | to çi'mona 'içe | e'no to kało'ceri 'epefte || 'pijename me 'stamnes zało'menes || ce 'ðiðen 'içe pni'ji mja 'nifi | 'toخان san miði'storima ce 'vice sto vi'ro|| 'ðiðen 'eçi 'sinðesi a'fto me ti spi'la 'roxome a'ftu || ka'topi 'ixame sto vu'no | 'ixame pi'yaðja|| 'taxune 'fcaci i xorja'ni pu 'mavevan to ne'ro a'po to 'lako | 'embene sto pi'yadi to ne'ro ce 'içe 'kanuła || ce 'pijename ci 'otan ðen 'içe to kało'ceri kaθo'mastane 'pijename zało'menes ||

'pijename i ðjo ðjo i ce mo'naçes mas ðen 'ixame 'fovo || 'oçi ton ce'ro ton ði'ko mu ce pro'titera ðen θi'mame i 'mana mu na mu pi kana 'tetjo|| ta fo'remata pu 'iθelan 'naplenen po'ła fo'remata ja'ti 'itane 'liyo e'cino to ne'ro|| 'pijename sto po'tami i e'ci sto vu'no 'itane mja 'itane 'enas san 'lakos mi'kros|| pu 'toleyame

ba'nitʃa e'cino mja ʒura me'çali me fu'pela pu kr'atuse to ne'ro || ce 'eplename
 ci ta fo'remata ve'lendzes pa'plomata 'ola ta kuva'lusame e'ci || 'taplōname sta
 li'tharja 'lazundane ce kajte'rusame e'ci 'oli 'mera ce 'ta perame || ðen 'pijename
 'oles mja fo'ra || 'simera 'pijena e'ço 'afina si'maði 'topjana tin 'epjana e'ço ti
 ʒura || 'epjana a'fti tin ʒura 'ixa e'ço tin a'raða mu || 'piso po te'mena 'erxondan
 'ali me tin a'raða ||

Vasillo Zafiri (Βασίλω Ζαφείρη)

Year of birth: 1926

Karahaxh, Finiq

(Main zone of southern vocalism)

Date of interview: 18 Jan. 2014

to çli'çori 'tçavo ton'çzeris apo'ðo || fri'kasu 'tora | ða sto po 'tuto || a to po || ðen
 to leo 'cino 'tało | ða to po 'tuto ||

'erthe o si'mbetheros o 'protos || na tin 'ðokome e'ci | na tin 'ðokome e'ci | ðen
 sifo'nusane || o 'vaso de'rvenis tu 'barba 'lambi a'po ti 'ðrovjani | ton 'çzeris
 || 'bravo | o 'vaso de'rvenis | o 'papo 'tçavos a'po ço'pano tu çli'çori 'tçavo |
 o 'papo 'kolas | o 'papo 'kolas 'iðele na me i'ðuse 'sena fto'xone | pu 'epjane
 'tçimes 'manaxa | 'tçimes sto fi'nici || 'leo ja e'cinone | ða tu po tu 'teli 'otan
 'ðane monaxos tu || ma'zeftikane 'oli || tu 'lei o 'papo 'kolas || ton 'evale 'cinos
 || simbe'ðeril ja te'mena || tu 'lei tu pa'tera mu || ða aravo'çasome | tu lei | ti
 ðe'ftera tis paska'las | tim baska'la ti me'çali || 'pjone | tu 'lei | 'tolea 'tato ço
 tomba'tera mu | 'tato || e'çis ko'pela | tu 'ipe o pa'teraz mu || 'ðos ti ði'ci su
 | ðen di 'ðeli ti ði'ci mu | 'ðeli ti ði'ci su || ka'la | a to 'fikume na maze'ftume
 na kuvé'ndjasome || o 'vaso de'rvenis | o 'papo 'tçavos ce i ba'rbadez mu | ta
 a'ðerfja tu pa'tera mu ma'zeftikan | aku'vendjasane || o 'papo 'kolas 'okso 'tora
 | o 'papo 'kolas a'po cindi me'rja tu 'tçelu mo | tu 'tçelu mo | tu va'nçeli 'kola
 || itan c i 'mitçena | tin 'çzeris ti 'mitçena | i mitço'kolena || tu 'papo 'kola mo
 || i 'mitçena mo || 'mesa 'ekanane jero'ndja 'tuti || o 'papo 'kolas 'erthe 'okso
 sti 'skała || e'ço 'eyneða 'çolas | mi'kri me ton 'çlostri | ce i 'mitçena i 'nifi tu ||
 mu 'lei e'mena | e'ço ða su 'ðoko mu 'lei 'ðjo e'les ce mja ða'mała 'mujpe || ða
 pas e'ci || mi mu 'çejis ta mu'staca 'mujpe || 'tujpa 'ço | poz 'mokopse to fte'ro
 c e'mena || e'ci pu ða pi o 'papo 'tçavos | 'tujpa ço | c o 'vaso de'rvenis ða 'pano
 'tujpa || pu ! na 'jinis 'mujpe | tinga'tara mu 'naçis 'mujpe || pa'tera 'tujpe fti |
 mi 'peris sto le'mo su tingo'pela ||

Thanasis Dupis (Θανάσης Ντούπης)

Year of birth: 1950

Place of origin: Narta, Vlorë

(A single village where northern vocalism prevails)

Place of interview: Tirana, Albania

Date of interview: 11 Jan. 2014

i 'arta in a'fti pu çli'kothe 'proti sto sotsjalisti'ko 'sistema || pu 'mbikan | ska'pet'se
 ton 'vraxo ce 'mbice stin pre'çzia tin elini'ca stonç'e'ro tu 'xodça || a'po tin 'arta
 'itane 'cirjos to pe'ði 'neo | to pe'ði || 'itane me e'piðeto 'çteto || 'itan 'ali 'prota
 po tin 'arta | pe'ðja || 'nea pe'ðja | to 'ksinda'pende ksafa'nistikan apo tin alva'nia

|| 'pende 'atoma 'efyan ska'pet'san ta si'norata ce 'piyan stin e'laða || a'po ti ftu'yara | a'po ti so'tira mu 'fenete, 'kapu e'ci, 'piyane stin ameri'ci ce 'simera 'zune 'ekstra || c ap a'fti ti sti'yumi mas eva'tan 'senan 'kocino 'ciklo || ðila'ði i arti'ni 'ine ðen 'ine ði'ci mas 'ine 'kseni sto xo'rjo den mas iyle'pan me ka'la 'matja | me ka'lo 'mati || ne a'la | 'pale i politi'ci || prospa'þuse o 'xodzas na mas 'ziyone po'li kon'da || o pa'teraz 'niko 'dupi mu to e'ksinda 'pende 'itan 'proeðros t xo'rju || a'ftos a'fikose tingopera'tiva sto xo'rjo to pe'nindae'fta 'ceçi pe'þani to ene'ninda o'xto | 'peþane || itan patri'otis || itan ti na su po | komuni'stis | ka'talaves | a'la iya'puse to la'o 'itan patri'ot's ja to xo'rjo || i xorja'ni tone'þelan po'li ja'ti a'ftos 'itane 'protos pu 'fikose ti fo'ni ce 'ipe || ðen 'eçi, a'fu pos na su po | ðe 'ftei i aðər'fi ce a'ksaðerfos c 'alos c 'alos co 'alos na 'pai s kseni'tja | ja'ti 'efje o 'enas a'po iko'jenia, ksara'tistice 'pai stin e'laða | ðila'ði || ka'talaves | ja'ti o 'nomos tu 'xodza 'itane | 'opjos 'efevje a'po mja iko'jenia aðər'fos aðər'fi i 'mana pa'tera, 'taperne 'oli ti iko'jenia tine 'fortune sta'maks ce ne 'pijen 'opu 'najtan makri'a || ca'fti ðe 'jirzan pla sto xo'rjo || persi'kan eci || ce 'fikoþce 'lei | ti ftej o 'xristos || e'yo su 'ðixno tin isto'ria tis 'artas | ap tis pa'rees i 'protes pu 'efyan stonje'ro tu 'xodza to e'ksinda'pende || ce 'ksero a'fton tonje'ro || erxu'ndan apo tin astino'mia tis a'vlonas ce'ra'fan s ta'beles | 'kanan ta'beles mesto'ndixo || 'poft par'tia e 'punəs || 'poft komu'nistət || poft enver 'odza || sama 'tokane o þa'nasis || o þa'najs 'itan e'ndaksi || a'fta 'takanan 'moni tis || 'cixan pike'tari 'kana ðjo'tris 'pende pu trayu'ðusan eleni'ka | eva'nan ta 'raðja sta eleni'ka || ka'talaves || 'etsi paj i 'arta || e'mis se xa'res | se 'yamo ce 'tetja 'pramata trayu'ðusame eleni'ka || 'tuto en to pjo o'reo 'prama tu xo'rju mas || 'jira 'jira me þoma'ni c e'mis i'mnam 'mesa to 'mono xo'rjo pu 'kseram eleni'ka || me fore'jes di'meni me 'ruxa pu ðen 'içe stin a'lvania 'tetja 'ruxa pu n'içe se kat 'merja tis e'laðas || ta tra'yudja ce to 'klapsimo 'otan 'peþe'fje 'kapjos 'itan 'ola sta eleni'ka || ekle'yan i ji'neces || sta eleni'ka || i 'arta 'içe 'opos 'lei 'kapji | 'opos 'lei 'kapjos me'dis ce 'ali ce 'ali pu 'lene | ja na yno'rijs | pis | ja 'ena 'meros 'ena xo'rjo 'ine a'lvani'ko | 'ine eleni'ko | in 'turciko | prep na 'kseris tra'ditat za'konet ||

Аристотель Спиро

Профессор

Университет Тираны, Албания

Aristotle Spiro

Professor

University of Tirana, Albania

E-mail: aristotelSpiro@gmail.com

Ю. В. Стулов

Минский государственный лингвистический университет, Белоруссия

ТРАГЕДИЯ ДЕТЕЙ В АТЛАНТЕ В ФАКТАХ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Ключевые слова: афроамериканская литература, расизм, убийства детей в Атланте, художественная публицистика, документальная проза.

В статье рассматриваются трагические события в Атланте в 1979–1981 гг., в результате которых жертвами стало несколько десятков черных детей, и их отражение в произведениях американской литературы и искусства. В центре внимания – публицистическая книга Джеймса Болдуина «Очевидность невидимого», написанная непосредственно по следам событий в 1985 г., и роман Тони Кейд Бамбара «Этот мешок с костями – не мой ребенок», изданный посмертно в 1999 г. Болдуин затрагивает целый ряд проблем, которые коренятся в системе расизма и нашли свое выражение в трагедии детей в Атланте. 15 лет спустя Бамбара вновь обращается к этим событиям и по-своему повторяет наблюдения Болдуина относительно трагедии, избрав форму документальной прозы, которая определила особенности книги.

Yuri Stulov

Minsk State Linguistic University, Belarus

THE TRAGEDY OF THE CHILDREN IN ATLANTA IN FACTS AND FICTION

Keywords: Afro-American literature, racism, the Atlanta Child Murders, the non-fiction, documentary prose.

The main concern of the article is the Atlanta Child Murders of 1979–1981 claiming the lives of several dozens of children and how they are reflected in American fiction and art. It primarily focuses on the non-fiction book “The Evidence of Things Not Seen” by James Baldwin, written shortly after the events in 1985, and the posthumous novel “Those Bones Are Not My Child” by Toni Cade Bambara, published in 1999. Baldwin touches upon the racist issues and how they influenced the tragedy in Atlanta. 15 years later, Bambara returns to the events and traces back Baldwin’s observations of the tragedy in the form of documentary prose, which determines the specifics of the book.

Ушли в прошлое бурные 1950–1960 гг. в США, когда миллионы черных американцев и сочувствовавших им белых вышли на улицы американских городов с требованием положить конец расовой дискриминации и несправедливости, включившись в движение за гражданские права. Борьба была трудной. Их жертвами стали не только взрослые, но и дети. В 1955 г. был похищен и зверски убит четырнадцатилетний черный подросток Эмметт Тилл, якобы пристававший к белой женщи-

не. Его убийцы были оправданы белым судом присяжных, что вызвало мощные демонстрации протеста по всей стране и стало одним из важнейших моментов в набравшем силу движении. В 1957 г. девять черных мальчиков и девочек попробовали осуществить гарантированное конституцией право на совместное обучение с белыми детьми. Для их защиты потребовалось вмешательство президента США, отправившего в город федеральные войска, которые охраняли детей по дороге в школу и из школы. Маленькие граждане оказались один на один с огромной системой расовой сегрегации, но это не прошло бесследно для их физического и нравственного здоровья. В 1963 г. в результате организованного расистами взрыва бомбы в баптистской церкви на 16-й улице в Бирмингеме, штат Алабама, погибли четыре маленьких девочки, заставив потрясенных американцев осознать трагизм расовой ситуации в стране и решиться на активные действия в защиту гражданских прав. В 1964 г. президент был вынужден подписать Закон о гражданских правах, а год спустя — Закон об избирательных правах, что, казалось, гарантировало истинное равноправие. Но накал борьбы сбить не удалось, и конец 1960-х гг. ознаменовался стихийными бунтами и насилием, особенно после череды политических убийств черных лидеров, включая Мартина Лютера Кинга. Под давлением обстоятельств администрация США вынуждена была принять целую серию мер, направленных на изменение ситуации.

Конец 1970-х — начало 1980-х гг. были периодом роста прослойки среднего класса среди афроамериканцев, черного бизнеса, улучшения образовательных возможностей для представителей меньшинств, появления черных американцев на высших ступенях административной лестницы. Создалась иллюзия, что наступил коренной перелом во взаимоотношениях рас. Юг, на протяжении столетий бывший оплотом расизма, начал стремительно развиваться, а столица Джорджии Атланта, превратилась в символ процветания, «черную Мекку США». И вдруг с 1979 г. в городе начинают происходить похищения и убийства черных детей, которые будут продолжаться на протяжении двух лет. По официальным данным, погибло 28 человек. В 1981 г. полиция арестовывает афроамериканца Уэйна Уильямса, который обвиняется в убийствах двух мужчин и приговаривается к пожизненному заключению при отсутствии достаточной доказательной базы, в связи с чем назначается новый суд, оставивший приговор без изменения, но не развеявший сомнений в справедливости приговора, поскольку данные генетической экспертизы не позволили полностью подтвердить его вину. Спецгент ФБР Джон Дуглас, разработавший «метод психопрофиля» для поимки серийных убийц и участвовавший в аресте Уильямса, позднее признал: «...я не вижу достаточных свидетельств его связи со всеми другими или большинством других смертей и исчезновений детей, которые случились в городе в период между 1979 и 1981 годом. <...> И сколь бы ни горька была правда, это дело не одного преступника» [Джон Дуглас, 2014]. В тот драматический момент арест и суд Уильямса были призваны показать обществу эффективность работы

спецслужб и снизить накал напряженности в обществе. Однако, и сегодня большое число американцев (более 27 %, согласно опросу канала CNN) считают его вину не доказанной.

События в Атланте, получившие название «Убийства детей в Атланте» (*Atlanta Child Murders*), вновь приковали внимание общества к проблемам расизма. «Город слишком занятый работой, чтобы ненавидеть» (*too busy to hate*)¹, как его называли в туристических буклетах, стал местом, где среди взрослых и детей царил паника; родители не могли быть уверены в безопасности своих детей, а те оказались замкнутыми в своеобразном гетто, за пределами которого их ждала смертельная опасность. Средства массовой информации расистского толка использовали события в Атланте, чтобы вновь и вновь заявить о второсортности черных американцев, стремясь убедить общественность, что исчезновение и гибель черных детей — это результат моральной нечистоплотности, развращенности самих черных, которые организуют подпольные бордели с участием детей, связаны с распространением детской порнографии, наркотиков и т. д. Ответом со стороны черного населения было обвинение властей города, полиции и ФБР в неспособности контролировать ситуацию и стремлении исказить истинный масштаб происходящего. Многие были убеждены, что полиция стремится покрыть истинных организаторов убийств, в которых вполне реально могли быть замешаны Ку-клукс-клан, другие расистские организации, агенты ФБР, воротилы порноиндустрии. Несмотря на полицейские патрули, родительское сопровождение детей, помощь многочисленных волонтеров, пытавшихся вести собственное расследование с тем, чтобы выйти на вдохновителей чудовищных преступлений, подлинный масштаб которых не вполне ясен и сегодня, ситуация в городе продолжала оставаться напряженной и взрывоопасной.

При этом в стране крепнут консервативные настроения. К власти приходит Рональд Рейган с его жесткой экономической политикой, сокращением социальных расходов, что немедленно сказалось на положении беднейших слоев, в первую очередь черного населения, и агрессивной внешней политикой. События в Атланте взорвали американское общество. Новости из охваченного тревогой города занимают первые страницы газет. Сюда приезжают телевизионные бригады, известные журналисты, политики, деятели искусства. По свежим следам видный английский писатель Мартин Эмис публикует в газете «Обсервер» статью «Убийства в Атланте» (*The Killings in Atlanta*, 1981), впоследствии вошедшую в его публицистический сборник «Дурацкий ад и другие поездки в Америку» (*The Moronic Inferno: and Other Visits to America*, 1986). В это же время в Атланте работает Джеймс Болдуин, самый знаменитый афроамериканский писатель в те годы, получивший заказ от журнала «Плейбой» написать статью об этих событиях. На основании увиденного и материалов судебного процесса он пишет публицистическую книгу «Очевидность невидимого» (*Evidence of Things*

¹ Здесь и далее перевод автора. — Ю. С.

Not Seen, 1985), в которой в очередной раз подвергает резкой критике всю систему расовых отношений в США и высказывает серьезные сомнения в объективности судебной машины. Создается специальный благотворительный фонд помощи жертвам трагедии. Большой концерт для сбора пожертвований дает самый популярный американский певец Фрэнк Синатра.

Тема эта остается в центре внимания и годы спустя. В 1985 г. снимается телевизионный сериал «Убийства детей в Атланте» (*Atlanta Child Murders*), сочетавший реальные факты и вымысел и вызвавший нервную реакцию городских властей. Участие в нем приняли известные голливудские актеры Кэлвин Левенс, Мартин Шин, Морган Фримен. Пятнадцатью годами спустя выходит еще один фильм — «Эхо убийства» (*Echo of Murder*), получивший название «Кто убил детей в Атланте» при выпуске в форме диска (2000). Через тридцать лет после трагических событий телекомпания CNN выпускает документальный фильм «Убийства детей в Атланте» (*Atlanta Child Murders*, 1985), вновь остро поставивший вопрос: могли ли все эти дети быть жертвами серийного маньяка, или это было результатом действий Ку-клукс-клана и ему подобных организаций. Дискуссия продолжается по сей день, о чем свидетельствуют соответствующие интернет-сайты. Один из интернет-пользователей под ником *btvsalon*, который был ребенком и жил в Атланте в те годы, пишет: «Я помню ужас, который парализовал наш город. Именно парализовал. Наши силовые структуры не сразу и не должным образом следовали наводкам и сообщениям — пока не стало слишком поздно. Когда же обвиняемого убийцу арестовали и осудили, страхи в нашей общине не уменьшились. Хотя я и не понимал, что приговор мог быть всего лишь „прикрытием“, я был убежден, что были совершены ошибки. Даже как ребенок я это знал» [*btvsalon*, 2014].

Из наиболее значительных книг, посвященных теме убийства детей в Атланте, следует отметить публицистику Джеймса Болдуина и по-смертно изданный роман видной афроамериканской писательницы Тони Кейд Бамбара «Этот мешок с костями — не мой ребенок» (*Those Bones Are Not My Child*, 1999). Книга Болдуина, вышедшая по следам кровавых событий, немедленно привлекла общественное внимание, поскольку это было свидетельство очевидца, который на основании анализа внутренней и внешней политики американской администрации пришел к печальным выводам о том, что расизм определяется всей историей экономических отношений в стране. Анализируя трагическое прошлое афроамериканцев, он обвиняет в проблемах Америки сложившийся «социально-политический аппарат, который <...> не может служить человеческим нуждам» [Baldwin, 1985. P. 124]. Сама реакция на происходящее была для него дикой. В момент, когда требовались консолидирующие профессиональные действия всех ветвей власти и общества, «Атланта стала на время своего рода гротескным Диснейлендом» [Baldwin, 1985. P. 11], поскольку в город устремились все, кто хотел получить дивиденды из трагедии черных мальчиков и девочек.

Здесь оказались и люди, искренне старавшиеся помочь жителям, включая деятелей литературы и искусства, и рвущиеся к власти политики, и миссионеры, и религиозные фанатики, и медиумы, и политические проходимцы. Опасней всего, однако, было то, что в атмосфере паники и хаоса упускалось из вида важнейшее заключение: происходящее на Юге было, по его мнению, логическим результатом всей системы расизма, которая отказывает человеку другой расы в праве не только на достоинство, но и на жизнь. Не случайно все погибшие дети были из черных семей, из них только две девочки: «Нет ничего нового в том, что дети сбегают из дома, как не новость и убитый черный мальчик» [Baldwin, 1985. P. 5]. И писатель гневно осуждает общество, в котором в черном ребенке с детства воспитывается ощущение второсортности, униженности; это результат столетий расовой дискриминации.

Казалось бы, перемены в обществе после событий «негритянской революции» 1960-х — начала 1970-х гг. должны были сделать невозможными акты насилия в отношении людей другого цвета кожи. Росла прослойка черного среднего класса, открылся более широкий доступ к образованию, усилилось присутствие меньшинств в общественной жизни. Атланта являла собой едва ли не самый яркий пример преодоления расовых противоречий, что неустанно подчеркивали СМИ особенно в период президентской гонки. И в это время 28 или 29 детей (возможно, и больше — до сих пор точных цифр погибших детей не установлено) зверски убиты в «черной Мекке»! Болдуин проводит четкую линию между смертью детей и условиями черного гетто, в котором они растут, будучи черными. Он пишет: «Принимая во внимание важнейшие реалии жизни в этих столь неоднозначных Соединенных Штатах угрозой для пропавших, запуганных, убитых детей были цвет кожи и место проживания: они были — визуально — черными, что в этой республике является своего рода роком, и действительно бедными, а это в стране возможностей и трудовой этики вызывает оценку столь же жестокую, сколь и защитительную» [Baldwin, 1985. P. 6]. Когда выявилась география убийств, стало ясно, что жертвы происходили из самых бедных черных районов Атланты, где дети зачастую не знали заботы родителей и были предоставлены сами себе. Нередко это была неполная семья, где бремя ухода за детьми ложилось на мать, которая стремилась сберечь прежде всего сыновей, поскольку система расизма была нацелена на то, чтобы не дать им возможности вырасти в мужчин, способных постоять за себя, свою семью и свое человеческое достоинство. Писатель цитирует известный блюз, где впавший в депрессию под ударами судьбы черный мужчина «садится на поезд и уезжает», в то время как женщина должна думать о детях.

Ситуация, однако, не столь проста. В своей статье, провокационно озаглавленной «Черные отцы: В семье с чувством ответственности», журналист Морис Бергер подвергает критике стереотип черного отца как человека «недееспособного и безответственного», настаивая на том, что зачастую это «маска, которую многие черные мужчины надевают, чтобы скрыть свою уязвимость от мира; это буфер между ними

и обществом, которое слишком часто использовало их как источник злодейства и карикатуры» [Berger, 2014]. Внешний мир несет с собой опасность, и самоощущение ребенка, сталкивающегося с реалиями и стереотипами разделенного по расовому признаку общества, определяется многими факторами, включая гендерный. Для мальчика это в особенной степени травматический опыт, характеризующийся «положением черного мужчины в американском аду», как называет реальность родной страны Болдуин [Baldwin, 1985. P. 20], прямо констатируя, что рекламируемый прессой «белый южный романс» превратился в «не поддающийся прочтению кошмар, а результаты этой тревоги со зловещей силой можно увидеть, например, в Атланте, или в Бирмингеме» [Baldwin, 1985. P. 37], где жертвами расизма стали дети.

Писатель прямо связывает резкий поворот вправо в американском обществе с приходом к власти Рональда Рейгана, при котором на передний план выступили консервативные (а часто и реакционные) принципы не только в расовом вопросе. Причина — в том, что писатель называет проблемой белого человека (Whiteness), которая зиждется на политико-экономической структуре общества, где рычаги власти находятся в руках белых, установивших свой контроль над всеми сферами деятельности уже при зарождении страны. Став сверхдержавой, США распространили свою гегемонию на всем мировом пространстве, и это чрезвычайно беспокоит Болдуина, поскольку он видит воспроизводство той же модели отношений, что и между белыми и черными в Америке. Он утверждает, что ситуация черного меньшинства в Америке увязывается с ситуацией народов так называемых «развивающихся» стран или стран «Третьего мира» [Ibid. P. 27]. Все это вызвало рост конфликтов как в самой Америке, так и во всем мире, что проявилось едва ли не с первых дней Рейгана в Белом доме, поскольку демонстрировало нежелание признать многообразие мира и искать точки соприкосновения как с остальным миром, с подозрением глядящим на действия США, так и с интересами различных социальных и этнических групп внутри страны. Это и привело к трагедии детей Атланты.

Роман Тони Кейд Бамбара во многом перекликается с книгой ее великого предшественника. Публикация его стала возможной благодаря помощи Тони Моррисон, которая после смерти писательницы подготовила рукопись к печати, сократив ее до шестисот страниц. Естественно, не в ее компетенции было отредактировать текст в отсутствие автора. Он перенасыщен персонажами, отдельные фрагменты чересчур публицистичны, ему не хватает цельности в силу формальной усложненности книги, но все эти шероховатости не заслоняют главного — художественной реакции на события в Атланте крупнейшей современной афроамериканской писательницы, которая множеством нитей была связана с городом. Здесь жила ее мать; в Атланте она занималась преподавательской деятельностью; город стал свидетелем создания Южной группы афроамериканских писателей, где она играла ключевую роль. Незадолго до кончины, зная, что она смертельно

больна, Бамбара вновь возвращается в Атланту, чтобы собрать материалы для романа о событиях, которые продолжали оставаться в центре общественного внимания и оставили глубокий шрам в ее душе, как и в сердцах многих афроамериканцев. В своей книге Бамбара исследует психологические последствия столетий расизма, наследия «проблемы белого человека», разобщенности американцев по расовому, классовому и гендерному принципу, попытку женщины выйти за пределы четко очерченной для нее роли. Несмотря на явную идеологическую составляющую ее творчества, она в определенной степени следует за Болдуином, о котором выдающийся советский американист А. М. Зверев писал: «Его проза ломает стереотип, в отношении негритянской литературы непоколебимый: на проверку она предстает вовсе не той идеологизированной и обличающей беллетристической, какой, по формуле, ей надлежало бы быть, а экзистенциальной притчей, где расовое противостояние прежде всего знак человеческой отчужденности в мире, каждого обрекающем на пребывание за незримыми стенами духовного и психологического гетто» [Зверев, 2014. С. 411].

Эти стены гетто в романе четко прочерчены. Книга открывается картой Атланты, которая дублируется картой, где были обнаружены тела убитых детей, и это места в пределах самых бедных черных кварталов, безрадостных и мрачных, где, кажется, навсегда поселилась безнадежность. Ко времени публикации книги вскрылись новые факты, связанные с трагедией, и Бамбара вплетает их в ткань романа, сделав главными героями вымышленных персонажей, которые пытаются найти следы внезапно пропавшего подростка. Писательница воссоздает быт города в осаде, нервную атмосферу, в которой пребывают жители, вводя в текст материалы реальных выступлений мэра, представителей полиции, прессы, участников волонтерского движения «Прекратите убийства наших детей». Она показывает, что город по-прежнему разделен по расовому признаку, и этот раздел является питательной средой для расистов. И потому, как и Болдуин, Бамбара уверена в том, что Уэйн Уильямс стал всего лишь козлом отпущения во взрывоопасной ситуации, о чем она прямо пишет в эпилоге. Ее волнует тот же вопрос: как сложилась бы его судьба, если бы судебный процесс был организован иначе и его защитники имели бы возможность досконально выяснить роль ФБР, полиции в расследовании событий, деятельность Ку-клукс-клана в Атланте и т. д. События, последовавшие за вынесением приговора, вызывают серьезные сомнения в официальной версии убийств детей серийным убийцей, которым сделали Уильямса.

Внимание сосредоточено на семье Спенсеров, где пропал старший сын Сонни. В процессе поисков Зала, мать мальчика, и его отец Спенс вовлекаются в активное расследование, знакомятся с десятками родителей пропавших детей, волонтеров, журналистов и приходят к пониманию необходимости объединения усилий всего общества для предотвращения подобных трагедий. Пройдя через нервный срыв, тяжелый душевный кризис и депрессию, они становятся гражданами с четкой жизненной позицией, готовыми бороться против расизма

и любых форм неравенства и угнетения. К счастью, их похищенный сын, прошедший через насилие и суровые испытания, о которых читатель может только догадываться, бежит от похитителей и, теряя последние силы, возвращается в родной дом. Его физическое и душевное излечение потребовало огромных усилий со стороны всей семьи, но именно эта драма резко изменила родителей мальчика. Кульминацией трансформации Залы стало ее выступление во время воскресной службы в церкви, где вспоминали пропавших детей, где она призвала сограждан не взирать безмолвно на происходящее, а потребовать от властей решительных действий в защиту прав человека, из которых самое главное — право на жизнь. Ведь «молчание под принуждением — это терроризм» [Bambara, 1999. P. 661]. Общество должно осознать свою ответственность перед детьми, которые олицетворяют будущее. Зала цитирует строки из произведений известных поэтов, где они подчеркивают мысль о том, сколь важно преодолеть страх и поднять голос в защиту правды. Она особо выделяет слова известной американской писательницы Майи Энджеллоу, автора необыкновенно страстного поэтического сборника «Я знаю, отчего птица поет в клетке», всю жизнь борющейся с расизмом: «Из всех добродетелей, — говорит Майя Энджеллоу, — самая важная — смелость, потому что без мужества невозможно последовательно и страстно материализовать все другие качества» [Bambara, 1999. P. 658].

Эффект романа усиливается тем, что читатель постоянно видит Залу и Спенса глазами их детей — маленькой Кенти, которая еще только начинает познавать мир, и ее быстро взрослеющего в этой драматической ситуации брата Кофи, чьи оценки иногда удивительно точны, поскольку это оценки невинного ребенка, еще не знающего, что такое ложь и лицемерие. Своими искренними поступками и по-детски наивными размышлениями несмышленная Кенти вносит умиротворение в разлаженный семейный быт, заставляя взрослых помнить об их обязанностях перед детьми:

«„Все успокойтесь. — Кенти поставила коробку хлопьев на стол. — В этом доме все только говорят, говорят все время, и никто даже не приласкает и не поздоровается. Почему бы всем не успокоиться?“

Кенти взглянула на мать, глаза которой по-прежнему блестели. Потом она повернулась и надорвала бело-голубую коробку» [Bambara, 1999. P. 629].

Эта спонтанная мудрость объединяет семью и помогает выстоять перед лицом обрушившегося на них несчастья.

В этом обширном романе, где вымышленная семья Спенсеров вплетена в контекст жизни Атланты на протяжении трех лет, перед читателем возникает огромный город, преимущественно населенный черными, где избран черный мэр, а большинство членов городского совета — тоже черные, но где власть правит белый капитал. Бамбара создает из фактов и вымысла необычный роман, в котором традиционные повествовательные приемы сочетаются с литературными техниками, присущими жанру документальной прозы. Элементы бытовых

зарисовок, психологическая глубина в обрисовке состояния героев и их семейных проблем, взаимоотношения отцов и детей позволяют почувствовать бичение сложной жизни огромного города, ставшего местом одной из страшных трагедий Америки XX в.

Казалось бы, события в Атланте уже стали историей. В 2008 г. впервые в истории избран первый черный президент США. Энтузиазм, вызванный его избранием, породил надежду на то, что под тяжелым прошлым расовых отношений в стране подведена черта, и будущее сулит гармоничное развитие взаимоотношений людей, отличающихся в расовом, этническом, гендерном отношении. Однако настоящее оказалось намного более сложным и драматичным. В феврале 2012 г. был убит семнадцатилетний чернокожий юноша Трэйвон Мартин; его белый убийца Джордж Циммерман был оправдан судом присяжных, что вызвало в памяти ассоциации с событиями пятидесятилетней давности в Миссисипи, когда белым убийцам сошло с рук похищение и последующее убийство. Президент США Обама отреагировал на оправдательный приговор, заявив: «Я думаю, важно признать, что афроамериканцы смотрят на это с точки зрения их опыта и истории, которая не уходит в прошлое» [Obama, 2013].

Трагедия черного подростка повторилась два года спустя в маленьком городе Фергюсоне, вызвав массовые волнения, которые вновь заставляют вспомнить о прошлом. Как пишет блоггер weserhag, «линчевание черных в 2014 г. является возрождением рабства; это массированное агрессивное возвращение к борьбе с движением за гражданские права; это согласованная и организованная расистская политика, которая соответствует другим системным моделям обеспечить смерть в социальном плане. События в Фергюсоне, да и в других местах, поэтому можно трактовать как отчаяние по поводу неисполненной американской мечты, а не как ярость и воинственный настрой против убийств черных, которые продолжают иметь место» [weserhag, 2014].

Движение за гражданские права достигло в США значительных результатов, которые очевидны в различных сферах жизни. И при этом столь же очевидным остается и тот факт, что столетия расовой ненависти еще живучи, и требуются огромные усилия для искоренения страшного наследия прошлого. Афроамериканская литература в лице ее виднейших представителей делает все, чтобы разрушить расовые стереотипы и предрассудки, которые продолжают отравлять взаимоотношения между расами. Усилия Дж. Болдуина, Тони Кейд Бамбара и многих других деятелей искусства не пройдут бесследно для новых поколений, вступающих в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

Джон Дуглас о расследовании убийств чернокожих детей в Атланте. [Электронный ресурс] URL: http://murders.ru/Atl_1_DD.html (дата обращения: 14.07.2014).

Зверев А. М. Лекции. Статьи / отв. ред. Н. Д. Старосельская; сост. И. А. Зверева, Н. Д. Старосельская; предисл. Н. Д. Старосельской. М.: РГГУ, 2013. 499 с.

- Baldwin J.* *The Evidence of Things Not Seen.* New York: Holt, Rinehart and Winston, 1985. XIV, 125 p.
- Bambara T. C.* *Those Bones Are Not My Child.* New York: Vintage Books, 1999. 676 p.
- Berger M.* *Black Fathers, Present and Accountable* // *The New York Times*. September 19, 2014.
- btvsalon.* *An Eye-Opener* [Электронный ресурс]: *Who Killed Atlanta's Children? Reviews and ratings.* URL: <http://www.imdb.com/title/tt0221673/reviews> (Дата обращения: 09.09.2014).
- Obama: "Trayvon Martin could have been me" // *The Washington Post*. July 19, 2013.
- weserhag.* *HANDS UP! DON'T SHOOT.* [Электронный ресурс]. URL: <http://weserhag.tumblr.com> (Дата обращения: 24.08.2014).

REFERENCES

- John Douglas o rassledovanii ubijstv chernokozhih detej v Atlante* [John Douglas on investigation the Atlanta murders]. Available at: http://murders.ru/Atl_1_DD.html (accessed 14.07.2014).
- Zverev A.M. *Lekcii. Stat'i* [Lectures. Articles]. Moscow: RGGU Publ., 2013, 499 s.
- Baldwin J.* *The Evidence of Things Not Seen.* New York, Holt, Rinehart and Winston, 1985, XIV, 125 p.
- Bambara T.C.* *Those Bones Are Not My Child.* New York, Vintage Books, 1999, 676 p.
- Berger M.* 'Black Fathers, Present and Accountable'. *The New York Times*. September 19, 2014.
- btvsalon.* *An Eye-Opener: Who Killed Atlanta's Children? Reviews and ratings.* Available at: <http://www.imdb.com/title/tt0221673/reviews> (accessed 09.09.2014).
- Obama B. 'Trayvon Martin could have been me'. *The Washington Post*, July 19, 2013.
- weserhag.* *HANDS UP! DON'T SHOOT.* Available at: <http://weserhag.tumblr.com> (accessed 24.08.2014).

Юрий Викторович Стулов

Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы
Минский государственный лингвистический университет, Белоруссия

Yuri Stulov

Candidate of Philology
Minsk State Linguistic University, Belarus

E-mail: yustulov@mail.ru

Ханну Томмола

Университет Тампере, Финляндия

ТЕНЬ СЛАВИСТИКИ В АСПЕКТОЛОГИИ? НАБЛЮДЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ ТИПОЛОГА

Ключевые слова: аспектуальность (*Aspekt*), глагольный вид, перфект, прогрессив, славянские языки, способ действия (*Aktionsart*), лингвистическая типология.

В статье рассматривается, в первую очередь, ситуация в неславянской аспектологии в ранний период исследований в этой области лингвистики. Обсуждается двоякая роль учения о глагольном виде в славистике и его влияние на становление «западной аспектологии»: обрадовавшись появлению нового грамматического явления, многие ученые увлеклись вновь найденными категориями и в «своих» языках. Прежде эти явления называли либо *Aspekt* (нем.), либо *Aktionsart* (нем.), не различая при этом сущность вопроса и свойства той и другой категории различные особенности и принципиально разный статус. Механически применявшиеся сравнения морфологических и грамматико-семантических функций показателей вида создали путаницу в понимании фактов, в первую очередь, германских и романских языков и препятствовали правильному осознанию индивидуальных аспектуальных систем, а в некоторых случаях – и тотального отсутствия грамматикализации данной категории в явном виде. В настоящее время разброд и шатания далеко позади: сегодня аспектуальные значения и категории изучаются широко в разных языках мира. Теперь острее поднимается вопрос о том, почему славянские виды так идиосинкратичны среди аспектуальных категорий языков мира, и насколько они вообще поддаются сравнению с ними.

Hannu Tammola

University of Tampere, Finland

SHADOW OF SLAVIC STUDIES IN ASPECTOLOGY? OBSERVATIONS AND INTERPRETATIONS BY A TYPOLOGIST

Keywords: aspect, verbal aspect, perfect, progressive, Slavic languages, aktionsart, linguistic typology.

The article primarily discusses the early period of aspect studies, especially the dubious role that the influence of descriptions of verbal aspect in Slavic studies played on Western aspectology. Inspired by the newly defined grammatical category many scholars were fascinated by the new phenomena they discovered in “their own” languages. In 19th century these phenomena were also in non-Slavic languages called either *Aspekt* or *Aktionsart* without taking into account the fundamentally different status they had in these languages. Mechanical comparison of similar morphological means led to a confusion in explaining their grammatical and semantic functions in German and Romance languages and to misinterpretation of language-specific aspectual fea-

tures. Moreover, evidence of a grammaticalized aspect category in those languages was lacking. At present, the period of confusion and disorder is largely overcome: the category of aspect is in the focus of attention in research to various languages. The question asked now is rather why the Slavic aspect is so idiosyncratic among the aspect categories cross-linguistically that they hardly can be compared with other languages at all.

В настоящее время не будет преувеличением сказать, что исследование аспектуальности (в широком смысле — семантики и функционирования видо-временных категорий)¹ является одной из наиболее интенсивно изучаемых областей лингвистической типологии и грамматики многих отдельных языков. К середине XX в. «аспектология» постепенно выделилась в качестве специальной области грамматики [Маслов, 1962. С. 7]. В конце 1970-х гг. Ю. С. Маслов [Маслов, 1978. С. 4] писал, что «в наши дни относительно наиболее разработанной» может считаться славянская аспектология. С тех пор картина существенно изменилась. Несмотря на то, что в абсолютном количестве аспектологических исследований славянские языки наверное еще лидируют, исследованию этой (в грамматике многих других языков практически отсутствующей) функционально-семантической категории в последнее время уделяли внимание как в общей типологии, так и в отдельных языках не меньше, чем славянским видам; правда, нередко в сопоставлении с материалом славянских языков.

В конце позапрошлого столетия Лудвиг Павлович Размусен, лектор немецкого языка (потом и библиотекарь) Петербургской Духовной Академии, написал первое серьезное **сопоставительное** исследование по видо-временной семантике, в котором он дал тонкое изложение глагольных видов русского языка и описал аспектуально и темпорально релевантные особенности французского и немецкого языков под углом зрения сравнительного анализа. Эта работа, опубликованная в четырех номерах «Журнала Министерства народного просвещения», заложила, можно сказать, краеугольный камень современной русской аспектологии. В своем определении совершенного вида (СВ) Л. П. Размусен [Размусен, 1891. С. 379] пользовался понятиями **предельность** и **целостность**, ставшими классическими в аспектологической литературе. Кому-то из исследователей до сих пор больше нравится предельность, другому — целостность, но друг друга оба понятия в описании видов не исключают [Бондарко, 1971. С. 18]. Один из признаков помогает объяснить одни случаи употребления СВ, в других уместным оказывается второй [Ломов, 1977. С. 27].

Вид — Aspekt, Aktionsart...?

Еще во второй половине позапрошлого века многих видных лингвистов, в т. ч. индоевропеистов, германистов и романистов, интересовали вопросы глагольного вида славянских языков и сходных явлений

¹ Понятие функционально-семантической категории «аспектуальности» и соответствующий термин были введены А. В. Бондарко (1967).

в других языках. Были ученые, которые сравнительно рано правильно интерпретировали и излагали в своих работах аспектуально и акционально любопытные факты (например: [Diez, 1844, Noreen, 1904–1912]). Но некоторые авторитетные авторы [Streitberg, 1891], даже слависты [Leskien, 1909], игнорировали границы сопоставимости и принципиально отличный от славянских языков характер и функции иноязычных словообразовательных средств.

К середине прошлого века недоразумения в аспектологии, по крайней мере в более или менее дилетантских средах, все еще не были преодолены. Об этом свидетельствует, к примеру, южноафриканский ученый Й. Броос [Broos, 1964. S. 8], который упрекал коллег за банализацию проблем этой области, сущность которых, как ему показалось, рассматривали, так сказать, «через славянские очки». Влияние славянской аспектологии Броос сравнивает с доминирующей ролью латыни в западных странах, когда грамматику всех языков пытались втиснуть в прокрустово ложе латинской грамматики. Это влияние он называл «тенью Рима» («skaduwee van Rome»), а в сходной ситуации аспектологии он усматривал «тень славян» («skaduwee van Slawies»).

Хотя Броос не предлагал какой-либо революционной концепции, но для своего времени автор, тем не менее, заслуживает внимания за разработку теории аспекта на материале языка африкаанс. Однако, пропагандируя освобождение от оков славянской видовой системы, он в то же время дает неверное свидетельство об одной:

«In Afrikaans het ons *sit* en *gaan sit*. In Slawies kan die handeling 'sit' deur morfologiese middele imperfektief en perfektief [*sic!*] voorkom. In Afrikaans het ons twee semanties verskillende begrippe; in Slawies is daar net 'n verskil wat op imperfektiwiteit en perfektiwiteit berus. Vir die uitdrukking van aspek het Slawies 'n grammatiese kategorie wat onafhanklik is van betekenis [*sic!*] en tyd» [Broos, 1964. S. 7].

‘В языке африкаанс мы имеем *sit* (‘сидеть’) и *gaan sit* (‘сесть, садиться’). В славянских языках действие ‘сидеть’ благодаря морфологическим средствам может выступать и как имперфективное, и как перфективное [*sic!*]. В африкаансе у нас есть два семантически различных понятия; в славянских языках из-за имперфективности и перфективности нет различия. Для выражения аспекта в славянских языках имеется независимая от значения [*sic!*] и времени грамматическая категория.’

Мнение южноафриканского лингвиста Брооса о том, что изучение других (европейских) языков в области аспектологии оказалось каким-то образом «в тени» глагольного вида, известного по опыту славянских языков, можно понять в том контексте, что многие западноевропейские лингвисты, младограмматики и др. индоевропейцы, пытались найти «аспект», в частности, в германских языках, там, где усмотрели семантико-синтаксическое ядро славянского вида, а именно в перфективации. С одной стороны, попытались установить видовые пары из исходного бесприставочного глагола и соответствующего глагола с приставкой (например нем. *greifen/ergreifen*; *spielen/verspielen*),

правда, часто называя приставочные образования *Aktionsart*². С другой стороны, умудрялись просто отождествлять совершенный вид перфекту³. В частности, влиятельной работой конца XIX в. была уже упомянутая статья В. Штрайтберга [Streitberg, 1891].

Классическая статья Размусена и оказавшаяся в своих сопоставлениях ошибочной статья Штрайтберга вышли в одном и том же году (1891), но последняя пользовалась на Западе большей популярностью, что не удивительно: Размусен публиковался в России, в журнале, недоступном языковедам, не знающим русский язык. Надо сказать, что путаница с подвидами и способами действия царила долго и в славянской аспектологической теории. Решающим образом его преодолению содействовала только знаменитая работа Сигурда Агрелля о польских глаголах [Agrell, 1908].

Вид = Aspekt?

Непохож — похож — совсем не похож!

Глагольный вид славянских языков — достаточно идиосинкратичная грамматическая категория среди аспектуальных категорий языков мира (см., например: [Dahl, 1985. Pp. 184–189; Bertinetto & Delfitto, 1992, P. 2; Dickey, 2000. P. X]). Этот факт, собственно говоря, был причиной смутного периода в западной аспектологии. Хотя «трехмерная» концепция Брооса («Аспект — это совокупность полярных признаков действия по длительности, объему и качеству»)⁴ нас больше не интересует, тем не менее, имеет, в самом деле, смысл принципиально различать универсально-семантическую аспектуальность и идиоэтнические значения, особенно славянского вида, и, следовательно, стоит подчеркнуть важность терминологического размежевания, в частности, **аспектуальных** и **видовых** значений.

² В современной аспектологии под этим термином, используемым кроме немецкого, также в других языках (в т. ч. в английском), подразумеваются *способы действия*. — К вопросу о перфективирующей функции германских приставок примыкают интересные заметки шведского лингвиста Бенгта Сигурда. Он рассматривал вопрос, почему по-шведски можно сказать и *brinna upp* 'гореть' + 'вверх' и *brinna ned* 'гореть' + 'вниз' в значении 'сгореть/сгорать' [Sigurd, 1981]. Я обсуждал шведский материал Сигурда в сопоставлении с финским языком, и пришел к заключению, что «фразовые» глаголы шведского языка одни не способны перфективировать простой глагол [Tommola, 1983]. Другой интересный вопрос заключается в том, что в разных германских языках предлоги-наречия придают глаголу разные значения. Так, в английском языке *burn up* и *burn down* синонимичны, как и в шведском, тогда как в немецком языке *aufbrennen* vs. *niederbrennen* получают различное толкование: 'загореться/загораться' vs. 'сгореть/сгорать'.

³ В распространении дезинформации в части смешения перфекта с перфективностью отличалась, например, грамматика русского языка Таушера и Киршбаума [Tauscher & Kirschbaum, 1968].

⁴ «Langs inductieve weg kom ons daarom tot die volgende omskrywing van aspek: Aspek is die geheel van die polêre duur-, volume- en kwaliteitskenmerke van 'n handelingskern» [Broos, 1964. S. 13].

Своеобразие славянской категории глагольного вида была после периода увлечения открытием универсальной аспектуальной семантики только с задержкой признана как факт. В известном смысле можно сказать, что кольцо сомкнулось. Сначала считали, что глагольный вид в славянских языках представляет из себя некую аномалию, никакого соответствия которой в других языках нет. На следующем этапе стало постепенно общепризнанным, что аспектуальные показатели встречаются почти в каждом языке, и что перфективные и имперфективные граммы (или просто конструкции) других языков, если не соответствуют совершенному и несовершенному виду славянских языков, то напоминают их. Теперь же в условиях достаточно развитой исследовательской деятельности в области лингвистической типологии снова осознаются коренные различия между славянским видом и другими аспектуальными типами граммем.

С. Дики [Dickey, 2000. P. X] обращал внимание на то, что в русскоязычной лингвистической литературе наиболее существенная видо-временная оппозиция так и называется *вид*, тогда как термин для (соответствующего?) универсального понятия — *аспектуальность*. Далее Дики отмечает, что при переводе это различие стирается (например, по-английски термином *aspect* указывают как на универсальную категорию, так и на вид славянских языков), что «вероятно, вызывает некоторую путаницу среди общих лингвистов, читающих описания славянских языков»⁵. Меня всегда интриговал тот факт, что русский термин *вид* предлагает больше трактовок, чем *аспект* (визуальный → когнитивный вид [на протекание действия]): его можно также воспринимать как «сорт» (т. е. *вид глагола* в принципе «непрозрачный» термин, не мотивированный свойством деления глаголов на совершенные и несовершенные именно по тому или другому характеру протекания его действия. Впрочем, как интернационализм, и *аспект* страдает от более широкого значения в качестве слова общенаучной лексики).

В том, что аспектуальные системы в славянских и неславянских европейских языках имеют коренным образом различную структуру, можно в огрубленном виде убедиться, посмотрев на таблицу на с. 433, где представлены их наиболее существенные видо-временные (аспектуальные) категории.

Сразу следует оговориться, что изображение аспектуально-темпоральных оппозиций в виде таблиц вроде приведенной не имеет серьезных оснований, поскольку мы при этом встречаем одно противоречие за другим: во-первых, термин «(им)перфективность» оказывается практически неприменимым в ином значении, чем в значении славянского вида. Если считать оппозицию простых прошедших времен «аорист/имперфект» проявлением данной категории, то приходилось бы обозначить знаком «плюс» и французский язык, в то же время параметр «аорист/имперфект» сам появляется в таблице дважды: сначала

⁵ "..., likely leading to some confusion among general linguists reading descriptions about Slavic."

Таблица

Видо-временные категории некоторых европейских языков

	Славянские языки		Германские языки			Романские языки	Финно-угорские языки		
	Северно-слав.яз.	Болгарский	Английский	Немецкий	Шведский	Французский	Эстонский	Финский	Венгерский
Перфективный / Имперфективный	+	+	-	-	-		(+)	-	(+)
Аорист / Имперфект	-	+	-	-	-	+	-	-	-
Будущее вр./ Настоящее вр.	+	++	++	(+)	(+)	++	(+)	(+)	(+)
Перфект / Не-перфект	-	+	++	(+)	++	(+)	+	++	-
Прогрессив / Не-прогрессив	-	-	++	+	+	+	+	+	-

ла — как параметр, потом — как значение («величина») индивидуального показателя по этому же параметру. Во-вторых, в такой гипотетической таблице можно прочитать, что кроме славянских языков только в прибалтийско-финском имеются средства выражения по параметру «(им)перфективности». Впрочем, и это неверно, т. к. данная оппозиция (выраженная падежами объекта) может и теоретически найти реализацию только в предложениях с переходным глаголом (поэтому *плюсы* в таблице даны в скобках), да и тогда речь, собственно, идет не об «(им)перфективности», но об «(ир)результативности» (см. [Томмолла, 1986. С. 60–181]). Грамматического глагольного вида (или аспекта) в этих языках нет. В-третьих, т. к. таблица предлагает только огрубленную картину лингвистической действительности, в ней не хватает информации о том, что кроме славянского вида, для ряда славянских языков (в первую очередь в чешском и словацком), может быть, было бы разумно говорить еще об одном формально выраженном аспектуальном (грамматическом) значении, а именно итеративности. Теперь мы читаем в таблице, что в восточно- и западнославянских языках лишь вид выражает аспектуальные значения. Наконец, наша таблица не дает никакого намека на типологическую инновацию С. Дики. Он обнаружил (см., например: [Dickey, 2000. Pp. 259–260, 287–288]), что по аспектуальному поведению славянские языки разделяются, сначала, на два типа: восточные (восточнославянские и восточные южнославянские) языки, а затем выделяется еще одна промежуточная группа, которую составляют польский и сербско-хорватский языки.

Если просмотреть таблицу менее категорично, то можно все-таки сделать некоторые выводы. Во-первых, за исключением болгарского и македонского языков славянские языки в аспектуальном отношении весьма прямолинейны, придерживаются одной оппозиции СВ и НСВ. Во-вторых, в славянских языках традиционно есть только одна грамматикализованная перифрастическая конструкция для передачи видо-временных значений, а именно аналитическая форма сложного будущего НСВ. Кстати, и в этом отношении болгарский и македонский языки выделяются своими формами перфекта и плюсквамперфекта; moreover, здесь можно упомянуть и о формах будущего времени, которые в этих языках оформляются аналитически в обоих видах. Далее, в славянских языках отсутствуют специальные прогрессивные конструкции, тогда как они встречаются, например, в романских языках, несмотря на наличие в них и имперфекта. В-третьих, показатели наличия будущего времени иллюстрируют северно-европейскую или приморскую «бесфутурную зону» [Dahl, 2000. Pp. 325–326], где будущее время не грамматикализовалось. К этой группе тяготеет с юга и венгерский язык, в чем можно увидеть особенность, восходящую к общим уральским корням финно-угорских языков.

Очевидно, что в европейских языках трудно найти соответствующую категорию, с которой имело бы смысл провести сопоставительный анализ глагольного **вида**. При межъязыковом сравнении категорий

целесообразно использовать понятие граммемы, причем, например, в русском языке приходится различать пять индикативных граммем: две прошедшего (СВ и НСВ), одну настоящего (НСВ) и две граммемы будущего времени (простое настоящее-будущее СВ и сложное будущее НСВ). Из-за сложности задачи изображения корреляций между граммемами большого количества языков придется пока отказаться от попытки соответствующей демонстрации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В.* К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // Вопросы языкознания. № 2. 1967. С. 18–31.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). Л.: Просвещение, 1971. 238 с.
- Вопросы глагольного вида / ред. Ю. С. Маслов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 438 с.
- Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании / ред. Ю. С. Маслов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 7–32.
- Вопросы сопоставительной аспектологии. Вопросы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания / отв. ред. Ю. С. Маслов. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
- К основаниям сопоставительной аспектологии / отв. ред. Ю. С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 4–44.
- Ломов А. М.* Очерки по русской аспектологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. 140 с.
- Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Т. 6. С. 376–417; Т. 7. С. 1–56; Т. 9. С. 1–39; Т. 11. С. 185–190.
- Томмела Ханну.* Аспектуальность в финском и русском языках. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, 1986. 344 с.
- Agrell S.* Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte: ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen. Lunds universitets årsskrift, N. F., Afd. I, IV: 2. Lund, 1908.
- Bertinetto P. M., Delfitto D.* Aspect vs. actionality. Some reasons for keeping them apart // EUROTYPE Working Papers. Series VI. 1992. № 1. Pp. 1–28.
- Broos J. A. R.* Aspek, 'n Driedimensionale Interpretasie. Medelings van die Universiteit van Suid-Afrika (Communications of the University of South Africa). Pretoria, 1964. 52 s. [Résumé: "Aspect — une interprétation tridimensionnelle"].
- Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985. X, 213 p.
- Dickey S. M.* Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach. Stanford., Calif.: CSLI Publications, 2000. XII, 316 p.
- Diez F.* Grammatik der romanischen Sprachen. Teil 3. Bonn: E. Weber, 1844.
- Leskien A.* Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik — Texte — Glossar. (9 Aufl. — 1969). Heidelberg: Carl Winter, 1909. LII, 260 p.
- Noreen A.* Vårt språk. Nysvensk grammatik i utförlig framställning. V. Tredje delen: Betydelselära. Semologi. Lund: C. W. K. Gleerup, 1904.
- Sigurd B.* Varför ett hus kan brinna både upp och ned // Språkvård, Tidskrift utgiven av Svenska språknämnden, 3. 1981. S. 3–8.

- Streitberg, W.* 1891. Perfective und imperfective Actionsart im Germanischen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 15. Halle. S. 70–177.
- Tauscher E., Kirschbaum E. G.* Grammatik der russischen Sprache. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener, 1968. XVI, 560 S.
- Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology. EURO TYP 20-6 / Ö. Dahl (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. XIII, 846 p.
- The grammar of future time reference in European languages / Ö. Dahl (ed.). 2000. Pp. 309–328.
- Tommola H.* Iakttagelser om verbkomplement // Fackspråk och översättningsteori. VAKKI-seminarium III. Vörå 29–30.1.1983. Papers from a seminar. Vaasa, 1983. Pp. 115–134.

REFERENCES

- Bondarko A.V. K problematike funktsional'no-semanticheskikh kategorii (glagol'nyi vid i «aspektual'nost'» v russkom iazyke) [Towards the problematics of the functional and semantic categories: aspect and aspectuality in Russian verbs]. *Voprosy iazykoznanii*, № 2, 1967, s. 18–31.
- Bondarko A.V. *Vid i vremia russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [Aspect and tense of the Russian verbs: meaning and usage]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1971, 238 s.
- Voprosy glagol'nogo vida [Issues of verbal aspect], red. Iu.S. Maslov. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury, 1962, 438 s.
- Voprosy glagol'nogo vida v sovremennom zarubezhnom iazykoznanii* [Issues of the verbal aspect in the modern foreign linguistics], red. Iu.S. Maslov. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury, 1962, s. 7–32.
- Voprosy sopostavitel'noi aspektologii. Voprosy sovremennogo teoreticheskogo i sinkhronno-opisatel'nogo iazykoznanii* [Issues of the contrastive aspectology. Issues of the modern theoretical and synchronic-descriptive linguistics], otv. red. Iu.S. Maslov. Vyp. 1 [Issue 1]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1978.
- K osnovaniyam sopostavitel'noi aspektologii* [Towards the basics of contrastive aspectology] *Voprosy sopostavitel'noi aspektologii*, otv. red. Iu.S. Maslov. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1978, s. 4–44.
- Lomov A.M. *Ocherki po russkoi aspektologii* [Essays on the Russian aspectology]. Voronezh, Voronezh Univ. Publ., 1977, 140 s.
- Razmusen L.P. O glagol'nykh vremenakh i ob otnoshenii ikh k vidam v russkom, nemetskom i frantsuzskom iazykakh [On the verbal tenses and their relation to the aspects in the Russian, German and French languages]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1891, t. 6, s. 376–417; t. 7, s. 1–56; t. 9, s. 1–39; t. 11, s. 185–190.
- Tommola H. *Aspektual'nost' v finskom i russkom iazykakh* [Aspectuality in the Finnish and Russian languages]. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja. Helsinki, Neuvostoliittoinstituutti, 1986, 344 p.
- Agrell S. *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte: ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen*. Lunds universitets årsskrift, N. F., Afd. I, IV: 2. Lund, 1908.
- Bertinetto P.M., Delfitto D. Aspect vs. actionality. Some reasons for keeping them apart. *EUROTYP Working Papers*, series VI, 1992, № 1, pp. 1–28.
- Broos J.A.R. *Aspek, 'n Driedimensionale Interpretasie* [Aspect, a three-dimensional interpretation]. Medelings van die Universiteit van Suid Afrika (Communications of the University of South Africa). Pretoria, 1964, 52 s. [Résumé: “Aspect — une interprétation tridimensionnelle”].

- Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. Oxford, Blackwell, 1985, X, 213 p.
- Dickey S.M. *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford., Calif., CSLI Publications, 2000, XII, 316 p.
- Diez F. *Grammatik der romanischen Sprachen* [Grammar of the Romance languages]. Teil 3. Bonn, E. Weber, 1844.
- Leskien A. *Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik – Texte – Glossar* [Grammar of the ancient Bulgarian (Old Church Slavonic) language. Grammar – Texts – Glossary]. (9 Aufl. – 1969). Heidelberg, Winter, 1909, LII, 260 p.
- Noreen A. *Vårt språk. Nysvensk grammatik i utförlig framställning* [Our language. A comprehensive grammar of modern Swedish]. V. Tredje delen: Betydelselära. Semologi. Lund, C.W.K. Gleerup, 1904.
- Sigurd B. Varför ett hus kan brinna både upp och ned [Why can a house burn both up and down]. *Språkvård, Tidskrift utgiven av Svenska språknämnden*, 3, 1981, S. 3–8.
- Streitberg W. 1891. Perfective and imperfective Actionsart im Germanischen [Perfective and imperfective Actions art in Germanic]. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, Bd. 15, Halle, S. 70–177.
- Tauscher E., Kirschbaum E.G. *Grammatik der russischen Sprache* [Russian Grammar]. Berlin, Volk und Wissen Volkseigener, 1968, XVI, 560 S.
- Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology. *EUROTYP 20-6*, ed. Ö. Dahl. Berlin; New York, M. de Gruyter, 2000, XIII, 846 p.
- The grammar of future time reference in European languages*, ed. Ö. Dahl. 2000, pp. 309–328.
- Tommola H. *Iakttagelser om verbkomplement* [Observations on the verb complement]. Fackspråk och översättningsteori. VAKKI seminarium III. Våra 29–30.1.1983. Papers from a seminar. Vaasa, 1983, pp. 115–134.

Ханну Томмола

Доктор философии (D. Sc),
профессор эмеритус (Prof. emer.) русского языка (теория и практика перевода)
Тамперский университет, Финляндия

Hannu Tommola

D. Sc., Prof. emer.
University of Tampere, Finland
E-mail: Hannu.Tommola@uta.fi

Виктория Ушинскиене
Вильнюсский университет, Литва

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (в свете нового проекта Библиотеки Вильнюсского университета)

Ключевые слова: судебные книги, рукописные документы ВКЛ, цифровые коллекции Вильнюсского университета, славянские языки ВКЛ.

В докладе рассматриваются некоторые особенности функционирования славянских (так называемых западнорусского и польского) языков в правовом делопроизводстве Великого княжества Литовского (ВКЛ) на фоне исторической полиэтничности и поликонфессиональности этого государственного образования. В качестве источников послужили старейшие правовые акты ВКЛ, а также судебные книги XVI–XVIII вв. из коллекции Библиотеки Вильнюсского университета. Исследования правовых документов ВКЛ показывают, что в XIV–XVI вв. делопроизводство велось преимущественно на западнорусском (*lingua ruthenica*) языке, долгое время исполнявшем функции интердиалекта. Дипломатическая коммуникация с Западом осуществлялась на латыни, иногда на немецком.

Уния с Польшей способствовала проникновению польского языка в деловую коммуникацию ВКЛ. Этому сопротивлялась социальная верхушка, подтвердившая исключительный статус *lingua ruthenica* особыми положениями Литовских Статутов (1566, 1588). Однако к концу XVII в. польский язык вытеснил *lingua ruthenica* из делопроизводства. Материалы актовых книг из коллекции ВУ позволяют считать, что во II половине XVII в. выбор языка делопроизводства был непосредственно связан с культурно-историческими особенностями конкретного региона ВКЛ.

Viktoriya Ushinskiene
Vilnius University, Lithuania

SLAVONIC LANGUAGES IN LEGAL COMMUNICATION IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA: A NEW PROJECT OF THE VILNIUS UNIVERSITY LIBRARY

Keywords: judgement book, manuscripts of GDL, digital collections of Vilnius University, the Slavonic languages in GDL.

The article describes how the Slavonic languages (so-called West-Russian and Polish) were used in legal recordkeeping in the Grand Duchy of Lithuania (GDL), a historically polyethnic and poly-confessional state. The article examines the ancient legal acts of the GDL and judgment books of 16–18th centuries stored in the Vilnius University Library. The research of legal acts of the GDL shows that recordkeeping was performed in West-Russian (*lingua ruthenica*), that functioned as an inter-dialect. Diplomatic communication was in Latin, at times in German. The Union with Poland furthered the Polish language in business communication in the GDL. Social elite did not favour the

Polish language and instituted lingua ruthennica as an administrative language by the Statutes of Lithuania (1566, 1588). Nevertheless, by the end of 17th century the Polish language had replaced lingua ruthenica in recordkeeping. According to the analysis of the registers collected in the Vilnius University, the choice of the language for recordkeeping directly depended on cultural-historical background of the region in the GDL.

Тема данной статьи непосредственно связана с работой в новом научном проекте Библиотеки Вильнюсского университета (далее — БВУ), целью которого является создание цифровой базы данных рукописных судебных книг Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) из коллекции БВУ. В настоящее время в библиотеке хранятся 543 актовые книги, составленные в судебных канцеляриях ВКЛ в 1540–1845 гг. В рамках отмеченного проекта оцифровано уже более пятидесяти томов документов из разных регионов ВКЛ: 3 ковенские книги (1544, 1555–1565, 1581–1583), 1 упитская (1568–1685), 7 вилкомирских (1595–1688, 1603, 1605–1607, 1626–1628, 1633–1655, 1655, 1682), 4 троцких (1579–1607, 1642–1704, 1660–1661, 1677–1678) и 36 жмудских, из них 15, составленных в XVI–XVII вв. (1568, 1584, 1589, 1592, 1595/1, 1595/2, 1595/3, 1595–1599, 1596, 1597/1, 1597/2, 1599, 1604, 1646–1647, 1672), и 21 — в XVIII в. (1791–1803, 1792/1, 1792/2, 1792–1798, 1793/1, 1793/2, 1793–1794, 1794/1, 1794/2, 1794/3, 1794–1795/1, 1794–1795/2, 1794–1795/3, 1794–1797, 1795, 1795–1797, 1795–1798, 1797–1801/1, 1797–1801/2, 1797–1802, 1798–1803). Все цифровые копии памятников доступны на интернет-сайте проекта¹.

В актовых книгах представлены уникальные материалы по истории Литвы, Польши и Беларуси, поскольку обстоятельства создания документов непосредственно связаны с особенностями культурно-языковой ситуации ВКЛ, издревле отличавшегося своей полиэтничностью. Наряду с балтоязычными народами (аукштайтами, жемайтскими, ятвягами, латгалами, земгалами, пруссами) Великое княжество Литовское населяли славяноязычные русины и поляки, немцы, евреи, татары, караимы. По мнению многих ученых, языковая ситуация ВКЛ на протяжении нескольких столетий была одним из наиболее интересных примеров взаимодействия разных языков, систем письма и вероисповеданий, оставаясь моделью как для теории языковых контактов, так и для обсуждения проблем общения внутри интегрируемой Европы [Иванов, 2003; Miakiszew, 2000]. Одной из причин столь специфичной этнокультурной ситуации ВКЛ, несомненно, послужили особенности его географического положения, обусловившие долговременные активные контакты восточных балтов как с восточными, так и с западными славянами.

В середине XIII в. литовский князь Миндаугас (Миндовг) подчинил себе земли литовских и славянских племен и создал мощное госу-

¹ Проект под названием *Court Books of the Grand Duchy of Lithuania (GDL): digitization and database / LDK Teismų knygos, saugomų VUB, skaitmeninimas ir raštų duomenų bazės sudarymas*, 2012–2015 (Nr. LIT-5-19) финансируется Ученым советом Академии наук Литвы. Интернет-сайт проекта: www.teismuknygos.mb.vu.lt/islandora/object/ldk-tk%3Aroot.

дарственное образование. Акт коронации 6 июля 1253 г. увенчал его деятельность как создателя первого литовского государства, формирование которого проходило очень динамично, причем именно соседние славянские земли становились опорой литовского князя в борьбе за расширение границ, поскольку правящая элита литовских и русских удельных княжеств зачастую находилась в близком родстве благодаря традиционным династическим бракам. Примером может послужить успешная деятельность женившегося на русской княжне Гедиминаса (с 1316 г.), а также его сыновей — Альгирдаса (Ольгерда) и Кястутиса (Кейстута), собравших под свою власть практически всю Южную и Западную Русь. Таким образом сформировалось своеобразное, федеративное по сути, Литовско-Русское государство, способное противостоять агрессии как с запада (немецкой), так и с востока (татарской) [Любавский, 1915. С. 11–41].

В конце XIV в. начала меняться как политическая, так и культурная (в том числе языковая) ситуация: Великий князь Ягайло (Ягелло) заключил династический брак с польской королевой Ядвигой, принял католичество и заключил в 1385–1386 гг. Кревскую унию, предусматривавшую включение ВКЛ в состав Польского королевства. Однако литовская знать во главе с сыном Кястутиса Витаутасом (Витовтом) решительно воспротивилась потере самостоятельности: Кревская уния была временно расторгнута и возобновлена только в 1401 г. на условиях равноправия сторон, подтвержденного также Городельской унией 1413 г. Витаутасу удалось подчинить себе всех удельных литовских князей. При нем ВКЛ, границы которого простирались от Балтийского до Черного моря, переживало вершину своего могущества.

Именно при дворе Витаутаса появились первые в ВКЛ архивы и канцелярии, отвечавшие за внутреннюю и внешнюю корреспонденцию князя. Актовые книги, созданные в конце XIV — начале XV в. в великокняжеской канцелярии, заложили основу большого исторического архива, известного под названием *Литовская метрика*², в состав которого входят разнообразные по форме и содержанию документы, имеющие отношение как ко внутренней, так и к внешней политике. Внутреннее делопроизводство велось преимущественно на так называемом *западнорусском письменном языке* (по терминологии белорусских ученых — *старобелорусский язык*; оригинальное название в памятниках — рус(ь)ка мова, *польск.* język ruski, *лат.* lingua ruthenica), сохранявшем доминирующие позиции до середины XVII в. Не имея возможности и необходимости в рамках данного сообщения останавливаться на подробной характеристике *lingua ruthenica*, отмечу, что изучению этого письменного языка был посвящен целый ряд серьезных исследований, начиная со ставших классическими работ Карского [Карский,

² В общей сложности метрика насчитывает свыше 550 томов материалов XIV–XVIII вв., написанных преимущественно на западнорусском, латинском, немецком и польском языках. О наиболее старых памятниках Метрики см., например: [Пташицкий, 1887; Бережков, 1946].

1955] и Станга [Stang, 1935]. Этот письменный язык, представленный в нескольких вариантах, развился на базе диалектов Западной Руси, с относительно небольшим влиянием церковнославянского, а также с элементами ряда других языковых систем (прежде всего польского языка, в некоторой степени — чешского). Практически все исследователи подчеркивают его смешанный характер [Журавский, 1978; Иванов, 2003; Miakiszew, 2000; Verkholantsev, 2003].

Известно, что великокняжеская канцелярия первоначально состояла из двух отделов — *русского*, представленного местными жителями, и латинского, в котором, предположительно, работали выходцы из Польши [Kosman, 1969. S. 91–119; Petrauskas, 2006. S. 5–38]. Русским отделом заведовал *литвин* (т. е. местный) Федька Григорьевич (в латинской версии — Teodoras Grigalaitis), латинским — поляк Еразма Циолек (Erazma Ciołek) [Dubonis, 2001. S. 515–521]. Внешнеполитическая коммуникация осуществлялась на латыни, немецком (в основном в сфере магдебургского права), иногда на татарском. На собственно литовском языке делопроизводство не велось (за исключением записи в некоторых памятниках отдельных литовских слов, транслитерированных кириллицей).

После смерти Витаутаса в 1430 г. распри между его преемниками привели к новому расколу внутривосточных сил и усилению униатской политики. В 1569 г. была подписана Люблинская уния, окончательно объединившая Польское королевство и Великое княжество Литовское в единое государство — Речь Посполитую. В результате была создана польско-литовская конфедерация, в которой установился строй дворянской республики — уникальная для того времени форма управления государством, закрепившая власть дворянства (шляхты) и даже его право на выбор короля [Любавский, 1915. С. 42–64]. Органы шляхетского управления — сеймы и сеймики, созданные по образцу польских, решали важнейшие вопросы как на общегосударственном, так и на местном уровне. **Польский язык начал активно вытеснять западнорусский из деловой коммуникации ВКЛ.** Уже в первой половине XVI в. в некоторых документах, написанных на *русской мове*, появляются комментарии и записи на польском языке. В качестве иллюстрации приведу отрывок из *Актов ковенского магистрата 1544 г.* — одного из исследуемых нами памятников из коллекции БВУ (рис. 1).

В XVI в. всевластие шляхты, составлявшей 8–10% населения, получило четкое юридическое оформление: в 1529, 1566 и 1588 гг. были приняты *Литовские статуты* — передовые для своего времени своды законов, сочетавшие в себе положения древнерусской судебной практики³ с привнесенными из Польши элементами римского права.

³ Источниками права в ВКЛ до XVI в. были древнерусское право (*Русская Правда*), местные обычаи и судебная феодальная практика. Первая попытка кодификации закона была предпринята в 1468 г., когда по приказу великого князя Казимира был составлен судебник, определивший некоторые нормы уголовного и процессуального права [Максименко, 1894; Bardach, 1988, S. 9–71].

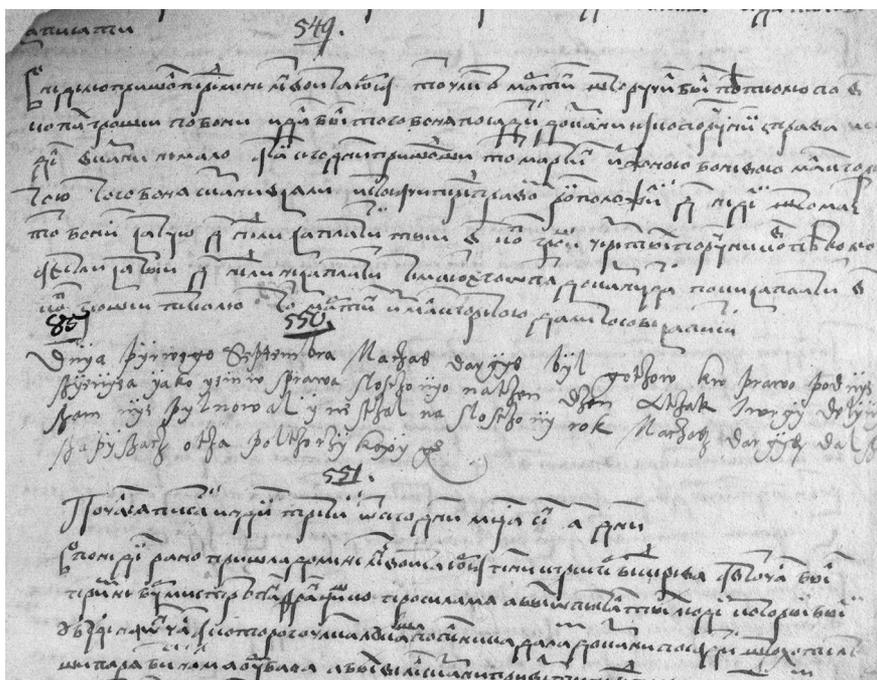

Рис. 1. Пример двуязычного документа из Актов Ковенского магистрата 1544 г.: основной текст на русской мове с комментариями на польском языке

Написанные на *руском* языке оригиналы статуты были переведены на польский и латынь. В соответствии с положениями второй редакции статута (1566 г.) в 22 поветах ВКЛ, а также в Жмудском (Жемайтском) старостве были созданы *земские, замковые (городские) и подкоморские* суды, членов которых избирала шляхта⁴. Жалобы на их решения рассматривались в Трибунале ВКЛ. Каждый суд имел свою канцелярию, в обязанности которой, кроме прочего, входило составление и хранение актовых книг: *поточных* — для записей жалоб, протестов и донесений судебных *возных* (приставов); *декретовых* — для записи судебных постановлений; *записовых* — для записи актов, удостоверяемых государственными органами (завещаний, договоров аренды и купли-продажи, сделок и др.).

Показательно, что в борьбе за сохранение культурных традиций ВКЛ авторы II и III Статуты (1566 и 1588 гг.) подчеркнули исключительное положение *русской мовы* в качестве канцелярского языка, тео-

⁴ *Земский суд* рассматривал уголовные и гражданские дела, исполнял нотариальные акты, записывал жалобы на незаконные действия должностных лиц повета; *подкоморский* рассматривал дела о земельных спорах; *замковый* — о наиболее тяжких преступлениях, кроме того, свидетельствовал сделки и обеспечивал решения других судов.

ретически запретив использование польского языка в деловой коммуникации княжества. Было также определено, что писарем замкового суда мог быть избран исключительно шляхтич (дворянин), знающий *по руску*: *А писарь земский маеть по Руску литерами и словы Рускими вси листы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы* [Статут, 1566; Статут, 1588. IV р., 1 арт.]. Постепенно, однако, польский язык вытеснял *lingua ruthenica* из судебной практики, а в 1697 г. его правовой статус был определен законодательно решением сейма. По мнению ряда ученых, нарастающее доминирование польского языка в судах и других ведомствах ВКЛ было связано с постепенной полонизацией социальной верхушки, а декреты, определившие его правовой статус, на деле всего лишь отражали уже сложившуюся ситуацию [Szczepankowska, 2010. S. 121–133].

Материалы исследуемых нами судебных книг из коллекции БВУ позволяют уточнить некоторые особенности функционирования польского и западнорусского языков в период их наиболее острого соперничества в деловой коммуникации ВКЛ, т. е. на протяжении XVI–XVII вв. Показательно, что большая часть оцифрованных памятников XVI — начала XVII в. написаны на *русской мове* независимо от региона их создания: 1 ковенская книга (1581–1583), 1 упитская (1590–1592), 1 троцкая (1579–1607), 4 вилкомирские (1595–1688, 1603, 1605–1607, 1625–1628) и 13 жмудских (1568, 1584, 1589, 1592, 1595/1, 1595/2, 1595/3, 1595–1599, 1596, 1597/1, 1597/2 1599, 1604). Начиная с 20–30-х гг. XVII в. записи имеют преимущественно смешанный характер — часть текста написана *по руску*, часть по-польски, причем выбор языка делопроизводства, по всей видимости, связан с культурно-историческими особенностями региона, на котором функционировала судебная канцелярия, в частности — с его конфессиональной структурой. Создается впечатление, что на территориях, подвергшихся сильному влиянию протестантизма, *lingua ruthenica* удерживалась дольше. Так, в актах, написанных на территории Жмудского (Жемойтского) староства, относительно длинные записи по-польски появляются лишь на рубеже 40–50-х гг. XVII в., в то время как традиция составления целостных документов на *русском* сохраняется почти до самого конца этого столетия. Приведу ниже отрывок такого документа из *Актов Жмудского замкового суда 1672 г.* (рис. 2).

Подобные факты подтверждают мнение ряда историков о том, что склонность православной шляхты ВКЛ к протестантизму объясняется инстинктом сопротивления католичеству, как орудию полонизации и латинизации — «опротестантимся, чтобы не облатиниться и не оплячиться» [Карташев, 1992. С. 582–609].

В других регионах ВКЛ выбор языка судебных записей во второй половине XVII в. непосредственно связан с типом документа: так, донесения *возных* (судебных приставов) написаны преимущественно по-польски, в то время как при составлении жалоб, завещаний, купчих писарь обычно использует оба языка: *русский* — в начале и конце, польский — в основной части документа. В качестве иллюстрации при-

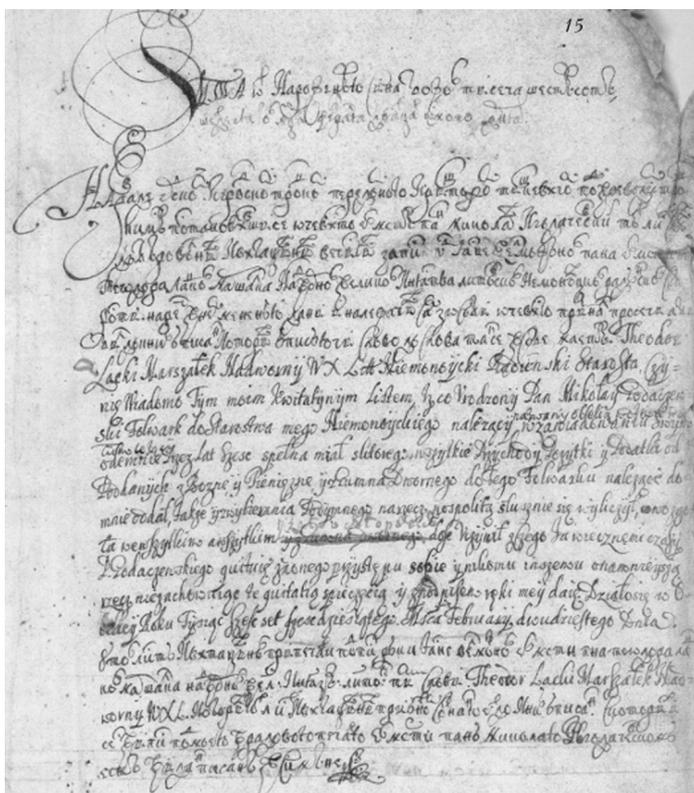

Рис. 3. Отрывок жалобы из Актов Троцкого замкового суда 1660–1661 г., составленной на двух языках — польском и западнорусском

веду отрывок жалобы из Актов Троцкого замкового суда 1660–1661 гг. (рис. 3).

Реже встречаются жалобы, написанные только на западнорусском: до 80-х гг. XVII в. они составляют около 20% общего количества. Иногда попадаются две языковые версии одного и того же документа, когда одна его копия составлена по-польски, вторая — по-руску. Проиллюстрировать такую ситуацию можно примерами из той же Троцкой книги. Польская версия документа представлена на рис. 4, а этот же текст на западнорусском см. на рис. 5.

Можно предположить, что писарь при выборе языка руководствовался, кроме прочего, языковыми предпочтениями и компетенцией клиента.

Анализ почерков показывает, что в одной судебной канцелярии работало от 6 до 10 писарей, причем каждый из них ежедневно использовал в работе оба языка, зачастую при написании одного и того же документа. Постоянное пересечение *русского* и польского в делопроиз-

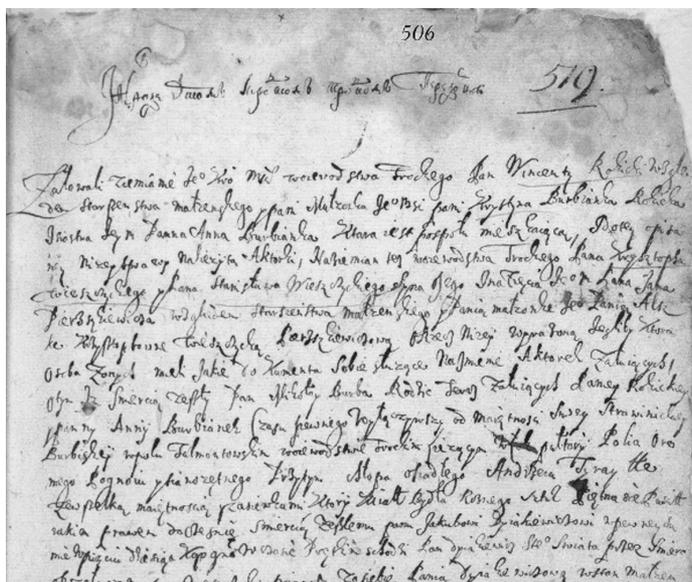

Рис. 4. Польскоязычная версия жалобы из Актов Троцкого замкового суда 1660–1661 г. (ср. рис. 5)

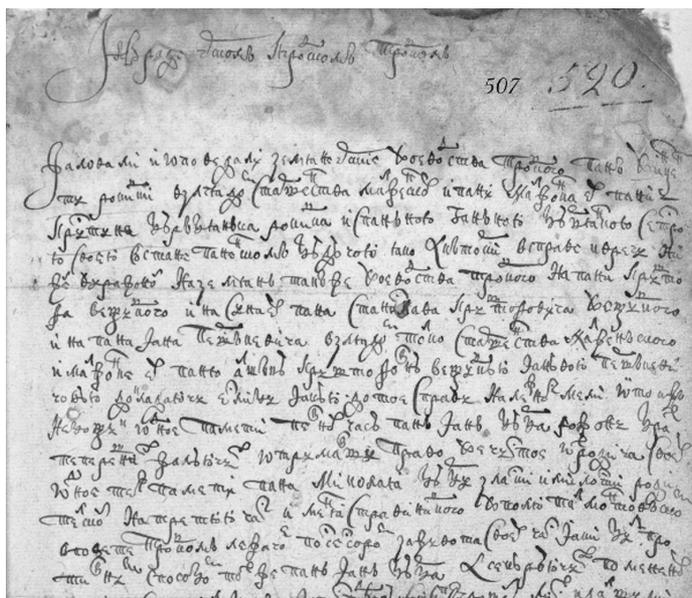

Рис. 5. Западнорусская версия той же жалобы из Актов Троцкого замкового суда 1660–1661 г. (ср. рис. 4)

водстве ВКЛ приводило, как верно отмечает Ежи Гордзеев, к взаимной трансмиссии понятий и названий [Gordziejew, 2004. S. 281–294]. К примеру, писарь выслушивал донесение или жалобу *по руску*, но записывал их по-польски, сохраняя в тексте восточнославянские лексические и фонетические особенности, что значительно ускоряло формирование особого местного диалекта — так называемой *польщизны кресовой* (*польск. polszczyzna kresowa*). В свою очередь, *руска мова* подвергалась все большему влиянию польского, перенимая из него огромное количество грамматических и (особенно) лексических заимствований. Ко второй половине XVII в. проявления польского влияния становятся настолько значимыми, что некоторые исследователи ставят под сомнение рациональность причисления *lingua ruthenica* к восточнославянской группе [Иванов, 2003].

Согласно вышеупомянутому декрету сейма от 1697 г., все делопроизводство ВКЛ на рубеже XVII–XVIII вв. законодательным образом было переведено на польский язык. Не стали исключением и правовые акты: все судебные книги XVIII в. из коллекции БВУ написаны по-польски. После потери государственной независимости в результате трех разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII в. бывшая территория ВКЛ вошла в состав Российской Империи, однако акты в судах и других учреждениях велись на польском языке до 1845 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Бережков Н. Г. Литовская Метрика как исторический источник. Часть первая. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год. М.: АН СССР, 1946. 182 с.
- Журавский А. И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка // Восточнославянское и общее языкознание. М.: Наука, 1978. С. 185–191.
- Иванов Вяч. В. Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского [Электронный ресурс] // Славянское языкознание. XIII международ. съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. URL: <http://kogni.narod.ru/gediminas.htm> (дата обращения: 05.07.2014).
- Карский Е. Ф. Белоруссы. Язык белорусского народа. Вып. 1. М.: АН СССР, 1955. 476 с.
- Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2-х тт. М.: Терра, 1992. Т. 1. С. 582–609.
- Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных княжеству Литовскому и его областям. 2-е изд. М.: Моск. худож. печ., 1915. 409 с.
- Максименко Н. Источники уголовных законов Литовского Статута. Киев, 1894. 190 с.
- Пташицкий С. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1887. 290 с.
- Статут ВКЛ 1588 года [Электронный ресурс] // История Беларуси IX–XVIII. Первоисточники. URL: http://starbel.narod.ru/statut1588_4.htm (дата обращения: 10.07.2014).

- Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. За виданням 1855 року [Электронный ресурс]. Мінск, 2003. URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения: 10.07.2014).
- Bardach J. Statuty litewskie w ich kręgu prawno-kulturowym // Idem. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. С. 9–71.
- Dubonis A. Raštininkas // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai. Vilnius, 2001. С. 574–587.
- Gordziejew J. Uwagi o białorusko-polskich kontaktach językowych w miastach Wielkiego Księstwa Litewskiego // Studia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 49. № 3–4. 2004. С. 281–294.
- Ivanov V. V., Dini P. Languages – Writings – Religions – Cultures in the Great Duchy of Lithuania and Neighbouring Areas in 14–17th Centuries (Sociological Situation/ Polyglossia) // Res Baltica. Pisa, 2001. С. 199–203.
- Kosman M. Kancelaria wielkiego księcia Witolda // Studia Źródloznawcze. 1969. № 14. С. 91–119.
- Krzyżaniakowa J. Kancelaria królewska Władysława Jagiełły. Studium z dziejów kultury politycznej Polski w XV wieku. Poznań, 1972.
- LDK Teismų knygų, saugomų VUB, skaitmeninimas ir raštų duomenų bazės sudarymas [Электронный ресурс] // Court Books of the Grand Duchy of Lithuania (GDL): digitization and database. 2012–2015 m. №. LIT-5-19. URL: www.teismuknygos.mb.vu.lt/islandora/object/ldk-tk%3Aroot (дата обращения: 30.08.2014).
- Miakiszew W. “Мовы” Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей // Studia Russica XVIII. Budapest, 2000. С. 165–172.
- Miakiszew W. Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008.
- Petrauskas R. Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. Pabaigoje – XV a. viduryje) // Lietuvos istorijos metraštis 2005/1. Vilnius, 2006. С. 5–38.
- Stang Chr. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, I Kommissjon hos Jacob Dybwad, 1935. 166 S.
- Szczepankowska I. Języki prawa w państwie polsko-litewskim (od XVI do XVIII wieku) z perspektywy komunikacji kulturowej i praktyk translatorskich // Legilingwistyka Porównawcza. T. 3. 2010. S. 121–133.
- Verkholantsev Ju. Towards the Definition of Ruthenian as a Written Language of the Grand Duchy of Lithuania // UCLA Indo-European Studies, 2003. Vol. 2.

REFERENCES

- Berezhkov N.G. *Litovskaia Metrika kak istoricheskii istochnik. Chast' pervaja. O pervonachal'nom sostave knig Litovskoi Metriki po 1522 god* [Lithuanian metrics as a historical source. Part 1. On the initial content of the books Lithuanian Metrics till 1522]. Moscow, AN SSSR Publ., 1946, 182 s.
- Zhuravskii A.I. *Delovaia pis'mennost' v sisteme starobeloruskogo literaturnogo iazyka* [Trade written language in the system the Old Belorussian literary language]. Vostochnoslavianskoe i obshchee iazykoznanie. Moscow, Nauka Publ., 1978, s. 185–191.
- Ivanov Viach.V. *Slavianskie dialekty v sootnoshenii s drugimi iazykami Velikogo kniazhestva Litovskogo* [Slavonic dialects in relation to other languages of the Grand Duchy of Lithuania]. Slavianskoe iazykoznanie. XIII mezhdunarod. s'ezd slavistov. Liubliana, 2003. Doklady rossiiskoi delegatsii. Moscow, Indrik Publ., 2003. Available at: <http://kogni.narod.ru/gediminas.htm> (accessed 05.07.2014).
- Karskii E.F. *Belorussyy. Iazyk beloruskogo naroda* [Belorussian. The language of the Belorussian people], vyp. 1. Moscow, AN SSSR Publ., 1955, 476 s.

- Kartashev A.V. *Oчерki po istorii russkoi tserkvi*: v 2-kh tt. [Essays on the history of the Russian church. In 2 volumes]. Moscow, Terra Publ., 1992, t. 1, s. 582–609.
- Liubavskii M.K. *Oчерk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Liublińskiej unii vključitel'no. S prilozheniem teksta khartii, vydannykh kniazhestvu Litovskomu i ego oblastiam* [An overview of the history of Lithuanian-Russian state till the Union of Lublin. Accompanied by the text of the charters issued to the Grand Duchy of Lithuania and its regions]. 2-e izd. Moscow, Mosk. khudozh. pech., 1915, 409 s.
- Maksimenko H. *Istochniki ugovolnykh zakonov Litovskogo Statuta* [Sources of criminal laws of the Statutes of Lithuania]. Kiev, 1894, 190 s.
- Ptshitskii S. *Opisanie knig i aktov Litovskoi metriki* [Description of the books and acts of Lithuanian Metrics]. Saint Petersburg, Tipografia Pravitel'stviuushchego Senata, 1887, 290 s.
- Statut VKL 1588 goda* [The Statute of Lithuania 1588]. Istorii Belarusi IX–XVIII. Pervoistochniki. Available at: http://starbel.narod.ru/statut1588_4.htm (accessed 10.07.2014).
- Statut Vialikaga kniastva Litoŭskaga 1566 goda* [The Statute of Lithuania 1566]. Za vidanniam 1855 roku. Minsk, 2003. Available at: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (accessed 10.07.2014).
- Bardach J. *Statuty litewskie w ich kręgu prawno-kulturowym* [Lithuanian Statutes in their circle of legal and cultural]. Idem. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988, s. 9–71.
- Dubonis A. *Raštinkininkas* [Scribe]. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai. Vilnius, 2001, s. 574–587.
- Gordziejew J. Uwagi o białorusko-polskich kontaktach językowych w miastach Wielkiego Księstwa Litewskiego [Notes on the Belarusian-Polish relations language in the cities of the Grand Duchy of Lithuania]. *Studia Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 49, № 3–4, 2004, s. 281–294.
- Ivanov V.V., Dini P. *Languages—Writings—Religions—Cultures in the Great Duchy of Lithuania and Neighbouring Areas in 14–17th Centuries (Sociological Situation/Polyglossia)*. Res Baltica. Pisa, 2001, s. 199–203.
- Kosman M. Kancelaria wielkiego księcia Witolda [Firm Grand Duke Vytautas]. *Studia Źródłoznawcze*, 1969, № 14, s. 91–119.
- Krzyżaniakowa J. *Kancelaria królewska Władysława Jagiełły. Studium z dziejów kultury politycznej Polski w XV wieku* [Firm king Władysław Jagiello. Study the history of Polish political culture in the fifteenth century]. Poznań, 1972.
- LDK Teismų knyga, saugomų VUB, skaitmeninimas ir raštų duomenų bazės sudarymas* [Court Books of the Grand Duchy of Lithuania (GDL): digitization and database]. 2012–2015 m. №. LIT-5-19. Available at: <http://www.teismuknygos.mb.vu.lt/islandora/object/ldk-tk%3Aroot> (accessed 30.08.2014).
- Miakiszew W. “Movi” Velikogo kniazhestva Litovskogo v edinstve svoikh protivopolozhnoŭstei [“Movas” in the Grand Duchy of Lithuania as united in their diversity]. *Studia Russica*. XVIII. Budapest, 2000, s. 165–172.
- Miakiszew W. *Yazyk Litovskogo Statuta 1588 goda* [The language of the Statute of Lithuania 1588]. Kraków, 2008.
- Petrauskas R. Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. Pabaigoje — XV a. viduryje) [Grand Duke of Lithuania institutional formation Manor (the end of XIV century — the Middle of fifteenth century)]. *Lietuvos istorijos metraštis*. 2005/1. Vilnius, 2006, s. 5–38.
- Stang Chr.S. *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen* [The West Russian firm language of the Grand Duchy of Lithuania]. Oslo, I Kommissjon hos Jacob Dybwad, 1935, 166 S.

Szczepankowska I. Języki prawa w państwie polsko-litewskim (od XVI do XVIII wieku) z perspektywy komunikacji kulturowej i praktyk translatorskich [Languages of law in the State of Polish-Lithuanian (from the sixteenth to the eighteenth century) from the perspective of cultural communication and practice of translation]. *Legilingwistyka Porównawcza*, t. 3, 2010, s. 121–133.

Verkholantsev Ju. Towards the Definition of Ruthenian as a Written Language of the Grand Duchy of Lithuania. *UCLA Indo-European Studies*, 2003, vol. 2.

Виктория Ушинскиене

Доктор гуманитарных наук, доцент

Центр полонистики Вильнюсского университета

Viktorija Ushinskiene

Doctor of Humanities, Associate Professor

Vilnius University, Lithuania

E-mail: viktorija.usinskiene@gmail.com

К. А. Филиппов,

В. Б. Ребиков

Санкт-Петербургский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО СЕМИНАРА СТУДЕНТОВ В РЕЖИМЕ ONLINE И OFFLINE: КОМПЛЕМЕНТАРНЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: семинар, семинар online, выпускная квалификационная работа, компьютерные технологии, платформа Moodle, тесты, электронные ресурсы.

Семинар как основная форма учебных занятий в университете может затрагивать самые разные дисциплины учебного плана. Особого упоминания заслуживают такие формы обучения навыкам самостоятельной научной работы, как учебные семинары по подготовке семестровых курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавров, семинары по подготовке магистерских и аспирантских диссертаций. Учебный семинар проводится, как правило, в виде аудиторных занятий, что позволяет преподавателю в удобной для студентов форме обеспечить овладение учебным материалом согласно учебному плану. Современная преподавательская практика характеризуется интенсификацией учебного процесса, что влечет за собой внедрение новых методик усвоения материала, основанных на применении в учебном процессе новейших достижений компьютерных технологий. В качестве убедительного примера плодотворного сочетания традиционного способа проведения семинарских занятий в аудитории (семинар offline) и самостоятельного овладения материалом вне аудитории (семинар online) можно привести специальный семинар по выпускным квалификационным работам бакалавров, введенный в практику на кафедре немецкой филологии с 2012 г. Использование традиционных приемов обучения навыкам научной работы в аудитории в присутствии преподавателя удачно дополняется выполнением заданий студентами в режиме удаленного доступа.

Konstantin Filippov,

Valeriy Rebikov

St. Petersburg State University, Russia

EDUCATIONAL SEMINAR FOR STUDENTS IN ONLINE AND OFFLINE MODES: A COMPLEMENTARY ANALYSIS

Keywords: seminar, online seminar, thesis, computer technologies, Moodle, tests, digital recourses.

Seminars as the main form of classes at university can apply to various disciplines of the curriculum. We should specially mention those forms of education which develop the skills of independent work, i.e. seminars on Bachelor's term papers and thesis, seminars on Master thesis and Doctoral thesis. Seminars, as a rule, are classroom-based teaching sessions that can help teachers to present teaching and learning materials to the students in such a way that is convenient for students and in accordance with the curriculum. In teaching we are currently witnessing a series of enhance-

ments in regard to education process, that presupposes incorporating new teaching methods in the education process based on the latest advancements in computer technologies. The article presents a convincing example of a successful incorporation of traditional seminars inside the rooms (offline seminars) with students' independent work outside the rooms (online seminars) in regard to the seminars on Bachelor's thesis, which was introduced in the Department of German Philology in 2012. Traditional teaching and learning techniques for developing scientific research skills are successfully supplemented by student independent work in online mode.

Как известно, семинар представляет собой основную форму учебных занятий в университете. Такой способ проведения учебных занятий может затрагивать самые разные дисциплины учебного плана. Применительно к учебному плану кафедры немецкой филологии эта форма проведения занятий затрагивает практически все без исключения учебные профили: преподавание немецкого языка как основного иностранного языка, обучение немецкому языку как второй и третьей специальности, проведение специальных семинаров в рамках основных и вспомогательных лекционных курсов и т. п. Особого упоминания заслуживают такие формы обучения навыкам самостоятельной научной работы, как учебные семинары по подготовке семестровых курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавров, спецсеминары по подготовке магистерских и аспирантских диссертаций.

Учебный семинар проводится, как правило, в виде аудиторных занятий, что позволяет преподавателю в удобной для студентов форме обеспечить овладение учебным материалом согласно учебному плану. Преподаватели вуза хорошо знакомы с преимуществами и недостатками этого традиционного вида учебной деятельности. Интенсификация учебного процесса требует внедрения также новых методик усвоения материала, тем более что современная преподавательская практика диктует применение в учебном процессе новейших достижений компьютерных технологий.

В качестве убедительного примера плодотворного сочетания традиционного проведения семинарских занятий в аудитории (семинар offline) и самостоятельного овладения материалом вне аудитории (семинар online) можно привести специальный семинар по выпускным квалификационным работам бакалавров, введенный в практику на кафедре немецкой филологии с 2012 г. При этом использование традиционных приемов обучения навыкам научной работы в аудитории в присутствии преподавателя удачно дополняется выполнением заданий студентами в режиме удаленного доступа, также под контролем преподавателя. Таким образом, два представленных вида семинарских занятий находятся не в альтернативных, а в комплементарных отношениях.

Успешное выполнение лингвистического исследования зависит, прежде всего, от конкретной постановки задач, внимательного изучения современного состояния проблемы, тщательного анализа речевого материала и правильной интерпретации полученных результатов. Соответственно, выпускная квалификационная работа (ВКР) бакалавра лингвистики, как и любое научное исследование, предполагает про-

ведение нескольких обязательных методологических процедур, необходимых для достижения объективных результатов.

На кафедре немецкой филологии сохраняется традиция, согласно которой тему ВКР предлагает научный руководитель, затем, после обсуждения и утверждения на заседании кафедры, список возможных тем доводится до сведения студентов. Далее студенты сами выбирают ту тему, которая в наибольшей степени отвечает их научным интересам. Тем самым кафедра благотворно влияет на студенческое творчество, потому что только увлеченность темой может обеспечить успешное завершение работы.

Успешное проведение научного исследования предполагает выполнение студентами следующих операций. Студент должен:

- обосновать тему и корректно сформулировать цель научного исследования;
- правильно определить конкретный материал, на основе которого можно провести необходимый анализ;
- провести тщательный отбор и последующий анализ теоретической литературы по исследуемому вопросу;
- тщательно и обстоятельно провести анализ конкретного материала исследования;
- представить полученные результаты в виде кратких выводов по главам;
- обобщить содержание теоретических изысканий и результатов анализа практического материала в виде заключения;
- оформить работу в соответствии с принятыми правилами (включая оформление библиографического списка).

Все представленные выше этапы работы являются предметом обсуждения на семинарах по ВКР согласно учебному плану кафедры немецкой филологии. Студенты предлагают свое видение того, каким образом можно достичь успешного выполнения научного поиска. Всестороннее последовательное обсуждение студентами необходимых практических шагов в рамках учебного семинара, помощь руководителя семинара в выборе правильного подхода к описанию теоретической литературы и анализу практического материала служат предпосылкой успешного выполнения работы.

Важнейшим средством оптимизации работы студентов над выпускным квалификационным исследованием выступает параллельная организация онлайн семинара. В целях электронного обеспечения учебного процесса на кафедре немецкой филологии используется хорошо опробованная учебная система Moodle. На платформу Moodle были установлены определенные справочные, тестовые и ресурсные элементы, необходимые для успешного выполнения задач студенческого семинара. С одной стороны, обучающиеся получают возможность заранее подготовиться и выполнить определенные задания offline (т. е. создать требуемые тексты в течение определенного времени без подключения к сети Интернет), а затем опубликовать их в самой си-

стеме. С другой стороны, они могут создавать или редактировать материалы непосредственно в ходе онлайн семинара. К тому же применяемую учебную платформу можно использовать многократно, а все справочные, тестовые и ресурсные материалы сохранять и при необходимости оперативно их изменять. (Перечень интернет-ссылок, используемых в ходе семинара по ВКР кафедры немецкой филологии, приведен в конце статьи.)

Первый опыт использования учебной платформы Moodle при проведении семинара по ВКР был предпринят весной 2013 г. В семинаре участвовали 11 студентов выпускного курса бакалавриата. Всего было создано три темы: *Представление темы исследования, Определение материала исследования, Теоретическая основа анализа*. Для каждого студента и на каждую тему были открыты задания в форме эссе. Надо заметить, что каждый студент выполнял задания отдельно от других, все задания были защищены паролями, т. е. они были недоступны для других. Каждый ответ — это небольшой текст, который можно было редактировать или даже давать несколько редакций. В свою очередь, руководитель семинара мог эти работы читать, комментировать, возвращать на доработку и оценивать.

В этом году в работе семинара участвуют также 11 студентов. Но в интерфейсе онлайн семинара произошли некоторые изменения: тем стало на одну больше, к перечисленным выше темам добавилась еще одна — *Изложение одного из теоретических разделов работы*. Кроме того, в курс были добавлены некоторые справочные материалы, которые должны были облегчить работу студентов над выпускной квалификационной работой, а именно: *Правила оформления ссылок, Портал для аспирантов, Библиографическое описание. Библиографическая запись*. В дальнейшем предполагается еще больше расширить раздел справочных материалов, учитывая как потребности преподавателя, так и пожелания самих студентов. Ниже приводится список интернет-ссылок, размещенных на сайте онлайн-семинара в помощь студентам (рис. 1).

¹ Справочные материалы

- Библиографические записи и библиографическое описание
- Словари и энциклопедии на Академике
- Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm.
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache
- Duden online
- Köbler, Gerhard, Deutsches Etymologisches Wörterbuch, 1995
- Elektronische Zeitschriftenbibliothek Staatsbibliothek zu Berlin Preußischer Kulturbesitz.
- Pons online Wörterbuch
- elexiko, ein Online-Wörterbuch zur deutschen Gegenwartssprache
- Linguistik, Portal für Sprachwissenschaft
- Humboldt-Universität zu Berlin. Institut für deutsche Sprache und Linguistik.
- Портал для аспирантов
- Institut für Deutscher Sprache (IDS)

Рис. 1. Перечень интернет-ссылок на справочные материалы в помощь студентам-германистам

Применение платформы Moodle позволяет преподавателю оперативно контролировать и оценивать выполнение студентами соответствующих заданий. При этом последовательное размещение заданий позволяет синхронизировать практическую работу студентов над выпускным исследованием с параметрами учебного плана. Как правило, студенты стараются выполнить задание в установленный срок, таким образом, онлайн система «дисциплинирует» участников семинара. В качестве дополнительной опции в нынешнем году на сайте семинара предусматривается также возможность контроля над посещаемостью учебного семинара в аудитории. Эта мера также оказывает дисциплинирующее воздействие на участников семинара.

Еще одной особенностью использования учебной платформы стала возможность подключения к работе семинара студентов, не имеющих возможности посещать семинар офлайн по каким-либо причинам (болезнь, командировка, стажировка в зарубежном университете и т. п.). Занятие онлайн позволяет студенту оперативно подключиться к работе семинара, ознакомиться с заданиями и выполненными работами, с комментариями к этим работам и легко включиться в работу на любом этапе.

Сочетание двух форм учебного семинара налагает дополнительные трудности на преподавателя. Это касается, прежде всего, точности формулировок заданий, которые должны выполнять обучающиеся. При выполнении первого этапа работы, затрагивающего самое начало исследования, задание было сформулировано следующим образом: *Прошу Вас дать окончательную формулировку темы исследования, согласованную с научным руководителем, и развернутое обоснование проблемы.* Выполнение этого задания должно стимулировать активные консультации студента со своим научным руководителем для согласования возможно разных точек зрения на поставленную проблему. Уточнение темы и развернутое обоснование проблемы призваны правильно определить основные направления лингвистического анализа.

На втором этапе работы студенты должны представить характеристику материала исследования. При этом формулировка задания вбирает в себя как общие подходы к выбору материала, так и частные моменты самого речевого материала: *Прошу Вас дать краткую характеристику материала исследования, дополнив ее 2–3 конкретными примерами.* Необходимость дополнения материала исследования конкретными примерами позволяет руководителю семинара оценить соответствие речевых фактов теме и выбранной стратегии анализа и при необходимости дать рекомендации по корректировке этого выбора.

Третий этап работы связан с проведением библиографического поиска. Для успешного выполнения этого задания студент должен не только ознакомиться с историей вопроса, но и оценить современное научное состояние проблемы. Формулировка задания, на наш взгляд, способствует успешному проведению первоначального библиографического поиска: *Прошу Вас привести наименования 10–15 работ, образующих теоретическую основу исследования. Список литературы*

оформить в соответствии с существующими правилами библиографического описания. Важным условием успешного выполнения данного задания выступает предварительное знакомство студентов с правилами библиографического описания источников, представленными на сайте в разделе соответствующих электронных ресурсов.

Следующее задание обращено непосредственно к работе над текстом дипломного сочинения: *Подготовить связное изложение одного из теоретических разделов работы.* Умение правильно и логично представить свое видение проблемы, составляющее основное содержание исследования, формируется постепенно в ходе изучения специальной литературы и лингвистического анализа речевых фактов. Комментарий и оценка руководителем фрагментов работы, выложенных на сайте, помогает студентам правильно выстроить изложение материала и представить его в виде доклада по одному из отдельных разделов дипломного сочинения в ходе открытого обсуждения на учебном семинаре в аудитории.

Ниже приводятся скриншоты фрагментов текста, представленного одной из участниц семинара при выполнении задания *Представление темы исследования*, а также комментариев и оценка руководителя. Тема выпускной квалификационной работы: «Глагольная метафора в структуре средневекового поэтического текста (на материале книги Мехтильды Магдебургской „Струющийся Свет Божества“ (*Das fließende Licht der Gottheit*))».

В приведенном примере (см. рис. 2) обращает на себя внимание краткость, логичность и — одновременно — содержательность предлагаемой информации. В качестве первого шага научного исследования этот фрагмент свидетельствует о вдумчивом и внимательном подходе студентки к работе над дипломным сочинением. *Aller Anfang ist schwer* (лиха беда начало), говорит немецкая пословица. В данном

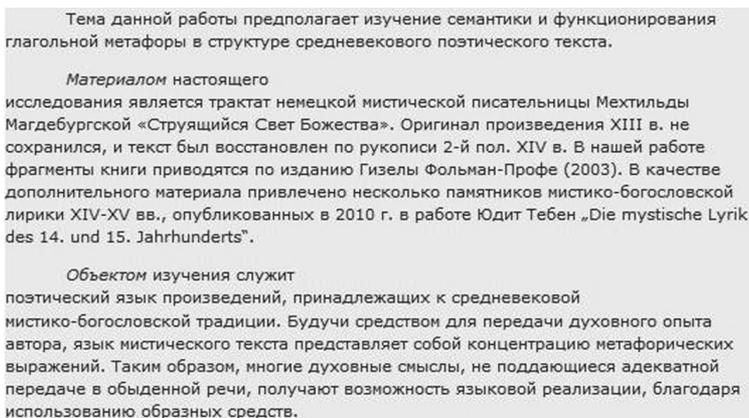

Рис. 2. Характеристика темы, материала и объекта изучения, выполненная одной из участниц семинара

случае хорошее начало — залог будущей успешной работы над всем исследованием.

В следующем фрагменте (см. рис. 3) та же самая студентка пытается сформулировать такой сложный пункт введения, как «актуальность исследования». Конечно, трудно было ожидать от участников семинара объективного и точного представления актуальных проблем, связанных с изучаемым объектом. В данном случае комментарий преподавателя может послужить отправной точкой для осмысления сложного характера возникающих вопросов (см. рис. 4).

Актуальность настоящего

исследования заключается в разработанности теории метафоры и активном изучении этого явления в таких научных областях, как стилистика и риторика, герменевтика и лингвистика текста, когнитивная лингвистика и философия. Развитие метафорологии начинается уже в античности с трудов Аристотеля и продолжается по настоящее время. Теория метафоры разрабатывалась многими учеными, придерживающимися самых разных лингвистических воззрений – достаточно назвать такие имена, как Р. О. Якобсон, Е. И. Шендельс, А. Вежбицкая, Э. Кассирер, Х. Вайнрих, А. А. Ричардс, М. Блэк, Дж. Р. Сёрль, Дж. А. Миллер, Дж. Лакофф, П. Рикёр, Н.О. Гучинская.

Рис. 3. Определение актуальности исследования, выполненное одной из участниц семинара

Комментарий: Уважаемая М. Самойленко! Ваше представление темы полностью отвечает всем требованиям задания. Должен заметить, что актуальность исследования не находится в прямой зависимости от степени разработанности той или иной темы (например, теории метафоры). Подумайте над этим. К.А. Филиппов. Оставить комментарий или переопределить оценку

Частично верно

Баллов за ответ: 9/10. Данный ответ не повлек штрафа.

Рис. 4. Комментарий и оценка выполнения задания руководителем семинара

Эпистолярный

жанр: к истории возникновения и основным определениям.

«Письмо – средство общения людей на протяжении тысячелетий»[1], сказано в учебно-методическом пособии, посвящённом характеристике эпистолярного жанра. С подобным утверждением нельзя не согласиться. Ведь действительно, письмо – средство коммуникации людей на расстоянии, придуманное в те далёкие времена, которые невозможно достоверно изучить в силу их древности. Если обратиться к истории возникновения эпистолярного жанра и самой переписки, как средства общения, то неминуемо придётся столкнуться с вопросами возникновения письменности и самой устной речи, как необходимой составляющей коммуникации между людьми. И чем глубже пытаться заглянуть за завесу прошлого, тем больше появится вопросов, ответы на которые до сих пор не найдены и встречаются нам лишь в образе интереснейших гипотез, не нашедших себе достаточное количество существенных доказательств, тем не менее, имеющих полное право на самостоятельное существование.

Рис. 5. Фрагмент одного из теоретических разделов студентки П. Ф.

В заключение приведем скриншот фрагмента связного текста из задания *Изложение одного из теоретических разделов работы* студентки П. Ф., выполнявшей ВКР на тему «Языковые средства речевого этикета в немецком эпистолярном жанре 18 в.» (см. рис. 5). Конечно, этот текст представляет собой всего лишь изложение позиции, представленной в учебно-методическом пособии, посвященном эпистолярному жанру, но даже по этому небольшому фрагменту можно судить о серьезном подходе студентки к выполнению задания.

Последовательное выполнение заданий, отражающих необходимые этапы проведения лингвистического анализа, дает представление о динамике работы студентов над дипломным сочинением. При необходимости преподаватель может предложить обучающимся вернуться к выполнению того или иного задания, программа Moodle допускает корректировку студентом своего текста. Наличие необходимых электронных ресурсов обеспечивает справочную и информативную поддержку семинаров online и offline.

Таким образом, интенсификация учебного процесса влечет за собой разработку новых методик преподавания, основанных на применении новейших достижений компьютерных технологий. Современная преподавательская практика характеризуется внедрением эффективных приемов освоения учебного материала не только в практику преподавания иностранных языков, но и в процесс обучения студентов навыкам самостоятельной научной работы. Использование традиционных способов проведения семинарских занятий в аудитории целесообразно дополнить как информационной поддержкой с использованием ресурсов сети Интернет, так и возможностями оперативного обмена информацией с преподавателем и другими участниками семинара в рамках онлайн семинара.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ:

- Доступные интернет-ресурсы онлайн семинара в 2014–2015 учебном году [Электронный ресурс]. URL: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/mod/resource/index.php?id=35> (дата обращения: 19.12.2014).
- Сайт кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://nemphil.spbu.ru/> (дата обращения: 19.12.2014).
- Семинар по ВКР в 2012–2013 учебном году [Электронный ресурс]. URL: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/course/view.php?id=16> (дата обращения: 19.12.2014).
- Семинар по ВКР в 2013–2014 учебном году [Электронный ресурс]. URL: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/course/view.php?id=23> (дата обращения: 19.12.2014).
- Семинар по ВКР в 2014–2015 учебном году [Электронный ресурс]. URL: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/course/view.php?id=35> (дата обращения: 19.12.2014).
- Электронный учебный комплекс (Moodle) [Электронный ресурс]. URL: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/> (дата обращения: 19.12.2014).

INTERNET REFERENCES

- Dostupnye internet resursy onlayn seminar v 2014–2015 uchebnom godu [Available Internet resources for online seminar in 2014–2015 academic year]. Available at: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/mod/resource/index.php?id=35> (accessed 19.12.2014).

- Sajt kafedry nemetskoj filologii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Website of the Department of German philology, St. Petersburg State University]. Available at: <http://nemphil.spbu.ru/> (accessed 19.12.2014).
- Seminar po VKR v 2012–2013 uchebnom godu [Seminars of thesis in 2013–2014 academic year]. Available at: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/course/view.php?id=16> (accessed 19.12.2014).
- Seminar po VKR v 2013–2014 uchebnom godu [Seminars of thesis in 2013–2014 academic year]. Available at: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/course/view.php?id=23> (accessed 19.12.2014).
- Seminar po BKR v 2014–2015 uchebnom godu [Seminars on thesis in 2014–2015 academic year]. Available at: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/course/view.php?id=35> (accessed 19.12.2014).
- Elektronny uchebny kompleks (Moodle) [Digital syllabus (Moodle)]. Available at: <http://moodle.nemphil.spbu.ru/> (accessed 19.12.2014).

Константин Анатольевич Филиппов

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Konstantin Filippov

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: k-fili@mail.ru

Валерий Борисович Ребиков

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Valeriy Rebikov

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: dtsch.lesson@gmail.com

В. В. Химик

Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ, ОБУЧЕНИЕ И ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ключевые слова: разговорная речь, тип и стиль языка, литературность, сниженность, экспрессивность, диффузность, неоднородность, обиходная речь, риторическая категория.

Приоритетная цель изучения иностранного языка – овладение устной разговорной речью. Преподаватель должен обладать четкими представлениями о сущности разговорной речи, о ее месте в системе национального языка, об основных ее разновидностях, свойствах и функциях. Базовые составляющие сущности разговорной речи: спонтанность, устность, нормативность. Однако необходимо различать разговорную речь как тип национального языка, в широком смысле, и разговорную речь как функциональный стиль литературного языка, в узком смысле. Основные разновидности разговорной речи: публичная и обиходная (бытовая или деловая). Публичная разговорная речь направлена на широкий, часто неопределенный круг участников общения и носит официальный характер, обиходная речь ориентируется на определенный и обычно узкий круг, чем и определяется различное их отношение к языковой норме. Разговорную речь как коммуникативное действие не следует смешивать с разговорностью. Разговорность – признак языковой единицы, речевого действия или текста, который конкретизируется свойствами сниженности, экспрессивности и преобладающей диффузности. Сниженность разграничивается четырьмя градуальными уровнями: минимальная, умеренная, грубая, предельная (маргинальная). Выражения сниженности, экспрессивности и диффузности отличаются социокультурной неоднородностью представления: коллоквиализмы, сниженные экспрессивы, просторечия, фамильяризмы, жаргонизмы, вульгаризмы, обсценизмы.

Vasily Khimik

St. Petersburg State University, Russia

RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH: ITS CONCEPT, TEACHING AND TERMINOLOGY

Keywords: colloquial speech, type and style of language, literariness, pejorativeness, expressivity, infiniteness, inhomogeneity, everyday language, rethorical category.

Acquisition of colloquial speech is a high priority in learning a foreign language. The teacher should be well aware of what the colloquial speech is, what place it takes in the system of the national language, its main variations, features and functions. Basic components of the colloquial speech

are: it is spontaneous, oral and normative. We should differentiate between a colloquial speech as a type of the national language and a colloquial speech as a functional style of the language. The main types of the colloquial speech are: public and everyday (vernacular and business language). Public speech aims at reaching a large audience and sounds rather official; everyday speech aims at a more close audience, which presupposes the different relations to the language norms. Colloquial speech as a communication act should be differentiated from the category of colloquiality. Colloquiality is a feature of the language unit, communication act or text, which is characterized by pejorativeness, expressivity, indefiniteness. We can scale pejorativeness at four levels: low, medium, high and marginal. There are different homogeneous ways to express pejorativeness, expressivity and indefiniteness: colloquialisms, pejorative expressive units, slang, unceremonious language, jargon, vulgar language, obscene language.

Никто не будет отрицать, что наиболее популярная и актуальная цель изучения иностранного языка, в нашем случае русского языка как иностранного, — это овладение устной разговорной речью, умение вести устный диалог. Сначала в ситуациях бытового общения, а затем и в профессиональном общении на русском языке. Но в любом случае навыки разговорной речи, говорения и свободного аудирования, т. е. «разговора» как аспекта обучения, являются востребованными на всех этапах обучения русскому языку как иностранному.

Однако для всего этого и сам преподаватель должен обладать четкими представлениями о сущности разговорной речи, о ее месте в системе национального языка, об основных ее разновидностях, свойствах и функциях.

Между тем разговорная речь относится к числу понятий и, соответственно, терминов отечественной русистики, которые остаются неоднозначными, неточными, не до конца проявленными: у лингвистов нет общепризнанного представления о разговорной речи, как нет ясного понимания терминов «разговорность», «просторечие», «жаргон», в которые нередко вкладывается разный смысл.

I. Что такое разговорная речь? Как соотносятся разговорная речь и функциональный стиль литературной разговорной речи?

Некоторые ответы на эти вопросы можно найти в работах известных ученых. Так, Т. Г. Винокур в 1968 г. писала: разговорная речь — это «один из двух возможных <...> типов реального языкового проявления» [Винокур, 1968. С. 13]. О. Б. Сиротина в 1969 г. дает следующее определение: разговорная речь — «устная литературная форма непосредственного общения» [Сиротина, 1969. С. 373]. У Е. А. Земской читаем: «Одна из двух разновидностей литературного языка», «непринужденная речь носителей литературного языка» [Русская разговорная речь, 1973. С. 5] (об этом же: [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981. С. 5–6]). Свой особый взгляд на разговорную речь предлагает О. А. Лаптева: «разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение» [Лаптева, 1990. С. 407].

Если обобщить перечисленные формулировки, то можно выделить ключевые понятия, составляющие сущность разговорной речи:

- **спонтанность** — ее отмечают все исследователи, но разными словами: «реальное», «непосредственное», «непринужденное» общение;
- **устность**, или устная форма общения (О. Б. Сиротинина, О. А. Лаптева, Б. М. Гаспаров);
- **литературность**, или нормативность, на которую указывают все специалисты по разговорной речи.

Однако, несмотря на относительное единство взглядов исследователей на разговорную речь, возникают некоторые принципиальные вопросы. А если это нелитературная речь, т. е. наполненная ненормативными экспрессивами, как у героев Юза Алешковского, у персонажей писателя Вл. Козлова, у действующих лиц В. Богомолова? А если это жаргонизированная речь, как в замечательных текстах Эд. Кочергина или, например, в некоторых выступлениях известных политиков и журналистов? А если это не устная, а письменная форма живой речи, например, в виде «ЖЖ» («Живых журналов») или вольных комментариев к каким-либо блогам интернета? Не противоречит ли всё это классическому пониманию разговорной речи как спонтанной, устной, литературной?

Очевидно, не противоречит. Дело в том, что необходимо различать, с одной стороны, разговорную речь как **разновидность**, или **тип** национального языка, т. е. в широком смысле, а с другой стороны, разговорную речь как **функциональный стиль** литературного языка, т. е. в узком смысле.

Возможно, именно это имела в виду Т. Г. Винокур, когда писала следующее: дифференциация речи по **типам** «основана на различии в общественных условиях и материальных средствах общения», а дифференциация по **стилям** — «на целеустремленном отборе форм, слов и конструкций» [Винокур, 1968. С. 13].

При таком понимании разговорная речь как тип (разновидность) национального языка и разговорная речь как стиль языка литературного находятся в отношениях общего и частного: разговорная речь — это спонтанный поток устной речевой коммуникации, а разговорный стиль — это осознанный выбор говорящего, риторический прием, который применяется говорящим по необходимости.

И в этом случае становится ясно, что имела в виду Е. А. Земская, когда выдвигала социокультурный критерий ограничения разговорной речи (на самом деле, думается, функционального стиля) — ограничения исключительно «носителями кодифицированного литературного языка» — горожанами, имеющими высшее или среднее образование [Русская разговорная речь, 1973. С. 6–7]. Действительно, чтобы осознанно выбирать, использовать риторический прием, нужно владеть стилем, быть хотя бы элементарно образованным человеком.

Сделаем предварительный вывод: **разговорная речь** как тип (разновидность) национального языка — это устное, спонтанное, диалогич-

ческое действие, коммуникативный процесс, который может включать любые единицы: нейтральные, книжные, разговорно-литературные, а также и разные нелитературные, вплоть до обценных.

II. О разновидностях разговорной речи.

Как известно, разговорная речь может быть публичной и обиходной.

Публичная разговорная речь направлена на широкий, часто неопределенный круг участников общения и носит в той или иной мере официальный характер, поэтому она и требует обязательной ориентации на языковую норму, но все же допускает слабосниженные, как их назвал В. Д. Девкин [Девкин, 1979. С. 155], разговорно-литературные стилистические средства.

Иное дело **обиходная** разговорная речь, которая всегда направлена на определенный и обычно узкий круг адресатов, и поэтому допускает более или менее свободный выбор языковых средств — нормативных или ненормативных, стандартных или субстандартных, профессиональных или жаргонных — в зависимости от тематики общения, от жанровых условий, от личных отношений и языкового вкуса коммуникантов. Вот пример бытового диалога из художественного фильма (по данным Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru)):

[Наталья] *Одевайся и уходи.* [берет ружье] [Сергей] *Ты... Ты чё? Сдурела / что ль / совсем? А? Мужа-то / небось / своего того? И меня завалить хочешь?* (х/ф «Путешествие с домашними животными», 2007).

Налицо весь спектр живой коллоквиальности: нейтральные слова и формы, без которых коммуникация невозможна (*одевайся, уходи, совсем*), слабосниженные разговорные (*небось*), сниженные фамильярные образования (*сдурела*), экспрессив (*завалить*), а также характерные для бытовой коммуникации обороты со свернутым в местоимение, конденсированным смыслом (намеком): *мужа своего — того...*

Обиходно-разговорная речь может быть не только **бытовой**, но и **профессиональной**. В. В. Виноградов называл эту последнюю «обиходно-деловым» стилем [Виноградов, 1963. С. 3], который определяется особыми жанрами общения и включением в речь профессиональных жаргонизмов. Назову современные, вполне актуальные образования, которые характеризуют профессиональную обиходную речь: *включёнка, двухчастёвка, информационник, быть в плюсе, проплатить, борт на взлетке* ('самолет на взлетной полосе'), *затаможить, термичка, лучишечка, цветняк* и т. п.

III. И, наконец, самое важное и принципиальное: **понятие разговорности**. Разговорную речь как устное, спонтанное коммуникативное действие не следует смешивать с разговорностью.

Разговорность — определяющий признак языковой единицы, речевого действия или текста, устного или, нередко, письменного. Элементы или признаки разговорности встречаются не только в спон-

танных речевых актах, которые мы называем разговорной речью, они возможны также и в любом функциональном типе текста: разговорном и научном, устном и письменном, бытовом и официальном. Разговорность обычно представлена специальными средствами языка: интонационно-фонетическими, грамматическими, лексическими, которые находятся на периферии языковой нормы или за ее пределами [Девкин, 2005. С. 104]. Большинство таких — разговорно-литературных — средств описано в известных трудах Е. А. Земской, О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой и других авторов.

Но как обнаруживать и квалифицировать проявления разговорности в составе текста?

Разговорность конкретизируется такими ее категориальными, имманентными свойствами, как **сниженность**, **экспрессивность** и преобладающая **диффузность**.

1. Сниженность — регулярное и последовательно выражаемое качество разговорной речи относительно стилистической нормы. Разговорность всегда сопровождается снижением [Винокур, 1968. С. 12], т. е. отходом, отклонением от нейтрального стиля. При этом сниженность бывает разной глубины, степени (см.: [Девкин, 1979. С. 152]) и может быть представлена четырьмя градуальными уровнями снижения:

1) **минимальная сниженность** — разговорно-литературные слабо-сниженные [Девкин, 2005. С. 105]) слова, значения, формы относительно свободного коллоквиального употребления, т. е. допустимого и в публичной коммуникации, типа *картошка*, *вечерник*, *короткометражка*, *толкотня*, *упаси бог* — это лексические и фразеологические единицы, которые в словарях обозначаются пометой *разг.* («разговорное»). Например:

Вот давеча покупали сосиски. Милая девушка сосиски **хватъ**, на электронные весы **швырь** и **ну** своими шустрыми пальчиками набирать **циферки**. (Час пик. 22–28.05.2002);

- 2) следующий уровень — **умеренная сниженность** — всё то, что в современных словарях обозначается пометой *разг.-сниж.* или *сниж.*: фамильярные, грубоватые слова и обороты ограниченного употребления — на границе литературной нормы или за ее пределами, неуместные в официальной публичной коммуникации (*батьа*, *братуха*, *биологичка*, *валяй*), сниженные экспрессивы (*морда*, *дрыгнуть*, *балдеж*), популярные жаргоноиды (*тусовка*, *крутой*, *мент*, *кемарить*);
- 3) еще ниже уровень **грубой сниженности** — слова и обороты за пределами языковой и этической нормы: некоторые жаргонизмы, бранная лексика, вульгаризмы;
- 4) и, наконец, максимальный уровень коллоквиальности, **предельная сниженность** — категорически недопустимые в публичной коммуникации маргинальные, табуированные слова и выражения, так называемое сквернословие, которое, будем объективными, в обиходной речи реально присутствует.

Таковы четыре градуальных уровня сниженности разговорной речи: от минимальной, слабой — до максимальной, ярко выраженной.

Заметим, что аналогичную градацию можно провести и на функциональных основаниях, разграничивая разговорно-обиходный лексикон на группировки по отношению к языковому стандарту, литературности: 1) слова относительно свободного употребления (разговорно-литературные), 2) лексика ограниченного употребления (фамильяризмы, гробианизмы — крайне грубые, неприличные слова), 3) единицы резко ограниченного использования (вульгаризмы, просторечия, жаргонизмы), 4) слова и выражения, запретные для употребления, особенно публичного (табуированное сквернословие, или матизмы).

2. Второй типизированный признак разговорности — **экспрессивность**. Разговорность всегда в той или иной мере сопровождается экспрессивностью [Химик, 2004. С. 6]. При этом данное утверждение не имеет обратной силы: экспрессивная единица не обязательно окрашена коллоквиальностью. Экспрессивность разговорных единиц может принимать разное выражение (см. об этом: [Лукиянова, 1986]): слова и/или значения с прагматическими наращениями особой образности (*вшивый*, *горбатиться*), эмоциональности (*гаишник*, *дядечка*, *мультик*), оценочности (*девка*, *нахапать*). Всякое разговорное новообразование неизбежно становится и популярным экспрессивом: *гурманить* ('есть вкусную, экзотическую еду'), *шенгенка* ('шенгенская виза'), *опузывать* ('растолстеть'). Каждое из подобных экспрессивных образований содержит помимо сигнификативного значения, передающего базовый смысл номинации, еще и коннотативные семы образности, эмоциональности, оценочности, поэтому разговорные (в широком смысле, т. е. разговорно-литературные, сниженные, просторечные, жаргонные, вульгарные, обценные и другие) экспрессивы, как правило, оказываются синонимами (или квазисинонимами) нейтральных (лишенных выразительности) общезыковых номинаций, ср.: *вправить мозги* — *отчитать*, *врезать* — *ударить*, *кореш* — *друг*, *слямзить* — *украсть*, *тёлка* — *девушка*, *клава* — *клавиатура*, *пахан* — *вожак*, *зафигарить* — *забросить* и т. п., см.: [Химик, 2000. С. 111–112; 2004. С. 17].

3. И, наконец, третий признак разговорности — **диффузность**, а именно разные выражения неустойчивости, неопределенности, размытости, вариативности [Винокур, 1968. С. 4] разговорных единиц — сниженных, выразительных, жаргонных, вульгарных.

Анализируя различные проявления разговорности в устных или письменных текстах, мы постоянно сталкиваемся с неопределенностью, неясностью, вариативностью, или, иначе, диффузностью коллоквиальных единиц. И это не только характерное, но и типичное свойство разговорности.

При этом диффузность может быть формальной, например, неустойчивость написания и произношения некоторых коллоквиальных

слов, ср.: *шебаршить* / *шебуришить* / *шубуришить*; *каменюга* и *каменюка*; *башка* / *бшкка*.

Но особенно часто, если не регулярно, наблюдается диффузность содержательная, т. е. размытость, неопределенность лексических значений [Девкин, 1979. С. 155], структура которых кажется многозначной, но на самом деле оказывается полиреферентной, т. е. реально или потенциально способной выражать разные означаемые. Так, экспрессив *бабахнуть* может означать: 'ударить', 'выстрелить', 'бросить', 'резко высказать', 'лихо выпить' и многое другое, далеко не всегда фиксируемое в словарях. Сниженный универб *ювелирка* в зависимости от ситуации употребления — это 'ювелирные украшения', 'магазин ювелирных изделий', 'ювелирное производство', 'ювелирное дело' и, вполне возможно, что-то другое. Или ключевое слово обиходной коммуникации *ничего* (*ничё*), которое может означать разные оценки разных обстоятельств: 'хорошо', 'нормально', 'замечательно', 'посредственно', а также 'полное отсутствие чего-л.'. Тем более многофункциональными и поэтому неопределенными, диффузными по значению являются так называемые хезитативы: *как бы*, *типа*, *короче*, *на самом деле* и многие другие. Интересно отметить, что чем ниже по стилю и степени снижения коллоквиальная единица, тем более диффузной и полиреферентной она является: достаточно вспомнить образования типа *фигануть*, *фиговый*, *фигня*, *офигеть* (не говоря уже об обценных единицах), которые обладают самым широким и одновременно диффузным потенциалом.

Добавим к сказанному, что лексические, семантические, фразеологические выражения сниженности, экспрессивности и диффузности как имманентные свойства разговорности отличаются еще и социокультурной пестротой, или **неоднородностью** представления разговорности.

С. И. Ожегов в связи с этим писал: «разговорно-обиходная речь неоднородна по своим функциям <...> и по составу, отражая в разной степени и диалектную почву, и профессиональную речь, и жаргонную речь, и традиции старого дореволюционного городского просторечия» [Ожегов, 1974. С. 285]. Разумеется, это наблюдения первой половины XX столетия. Однако в плане неоднородности, отмеченной С. И. Ожеговым, в современном русском языке ничего не изменилось. Изменился лишь состав коллоквиализмов и, возможно, интенсивность их использования в некоторых сферах современной коммуникации: разговорная речь по-прежнему включает не только слабосниженные разговорно-литературные языковые средства (это лишь ее литературно-стилистическое ядро), но и разного рода нелитературные, субстандартные единицы разной социальной окраски: *аварийка*, *вторичка*, *грудник*; *гужеваться*, *деваха*, *дерябнуть*; *балдэж*, *тусоваться*, *беспредел* и далее по нарастающей грубой экспрессии и вульгарности.

Среди таких неоднородных по составу слов, форм, значений и устойчивых оборотов живой разговорно-обиходной речи можно вы-

делить сниженные экспрессивы, просторечия, жаргонизмы, жаргоноиды, гробианизмы, вульгаризмы и обсценизмы.

Наибольшие недоразумения вызывает термин *просторечие*. Наш практикующий преподаватель привык называть этим словом любые единицы, если они находятся за пределами языковой нормы. Но это, по меньшей мере, неточно.

И, надо признать, ситуацию усложнили сами лингвисты, предложившие разграничивать «просторечие I» — традиционный городской полудиалект малообразованных (слова и формы типа *выпимши, завсегда, маманя* и т. п.); и «просторечие II» — так называемое «литературное», или функциональное (*жрать, дрыхнуть, морда* и т. п.) (подробно об этом см.: [Городское просторечие..., 1984]). Иные и как будто бы более актуальные социальные критерии выдвинул Л. П. Крысин, предложив дополнительные возрастные параметры разграничения рассматриваемого подъязыка по возрасту: «просторечие I» пожилых малообразованных горожан и «просторечие II» малообразованной молодежи (*балдеть, закладывать, катить телегу, втихаря, по-быстрому* и т. п.) [Крысин, 2004. С. 357–358].

Между тем, современные толковые словари оставляют за термином «просторечие» только традиционное его понимание: полудиалект в условиях города: *папаня, дедуля, малой, незнамо куда, поврозь* и прочее — своеобразные единицы из «языка» героев М. А. Зощенко, которые, впрочем, встречаются и в речи вполне образованных горожан как средство намеренного снижения, языковой игры, т. е. в качестве речевой стилизации. Именно такого подхода следует, очевидно, придерживаться в практической работе с разговорной речью в студенческой аудитории.

Что же касается экспрессивов типа *дрыхнуть, шуровать, рыло, слязнуть* и пр., то их удобнее и целесообразнее квалифицировать как **сниженные** единицы. Обычно подобные сниженные экспрессивы характеризуются в словарях еще и как грубые или вульгарные номинации (например, *жрать* со всеми производными, *морда, ни уха ни рыла* и т. п.), см.: [Большой толковый словарь..., 1998] и другие современные лексикографические источники.

Очень важно, характеризуя разговорность как свойство текста и/или качество единиц в его составе, различать **жаргонизмы** и **жаргоноиды**. Жаргонизмы сохраняют определенную групповую отнесенность, профессиональную или социально-корпоративную окрашенность. Например: *крайняк, завернуть поганку, прикид* — откровенно молодежные образования; *мотик, училка, здоровско* — подростковые; *дербанить, фильтруй базар* — уголовные, *документалка* и *новостняк* — журналистские, *погранец* и *зелёнка* — военные.

И совсем другое дело — жаргоноиды, или так называемый «общий жаргон» («интержаргон», «полужаргон»), или сленг, который уже лишен групповой и/или конкретной профессиональной отнесенности, но сохраняет общую жаргонную окрашенность, например: *бабки, обла-*

жаться, с пóнтом, крутой, тусоваться и т. п. (см. об этом подробно: [Химик, 2000. С. 14–15]). Разговорные тексты, фразы, высказывания с использованием подобных жаргонизмов и жаргоноидов приобретают жаргонизированный характер — делают разговорную речь и любой текст жаргонизированными. Так же как наличие фамильяризов, вульгаризмов делает разговорную речь фамильярной или вульгарной (фамильяризованной или вульгаризованной).

Разумеется, проявления разговорности и разных уровней сниженности могут быть не осознаваемыми говорящими, спонтанными, «натуральными», и тогда они характеризуют речь людей «просторечной культуры», как ее определяет О. Б. Сиротинина [Сиротинина, 1995. С. 17–27]. Например:

— *А я правду завсегда напрямки говорю, я люблю правду.* (Б. Екимов. Сосед)

В город меня, слышишь, звал... Приехал надьсь опять меня угаваривать, дак я ему велела почистить в коровнике, чё руки-то зря пропадать будут. (И. Шаманаева. Улица Пирамидальных тополей)

Но не менее интересны для исследователя и особенно важны для преподавателя-практика случаи, которые относятся к выражениям **преднамеренной** разговорной экспрессии, в том числе жаргонизированной и вульгаризованной, когда коллоквиальные единицы используются говорящим осознанно, с заданными коммуникативными целями. В таком случае разговорность — это уже особая **риторическая категория** [Иванчук, 2004. С. 5–6], которая может присутствовать в любых текстах — устных и письменных, в обиходно-разговорной и книжной речи, деловой или научной. М. А. Кормилицына справедливо определяет намеренное включение коллоквиальных единиц в текст, и особенно в устную публичную речь, как выражение «стратегии близости к адресату» [Кормилицына, 2007. С. 268–276]. А это уже сфера культуры речи: в ситуациях публичного общения такие включения, как правило, означают недопустимое и неоправданное выражение фамильярности говорящего, направленной на адресата.

Итак, в качестве итога, сформулируем три принципиальные дефиниции:

- разговорная речь в широком ее понимании — это разновидность национального языка, которая характеризуется разными уровнями градуального снижения и социальной разнородностью;
- разговорный стиль — это один из функциональных вариантов литературного языка, общепринятая манера, риторический способ коммуникации в пределах языковой нормы, окрашенный слабой сниженностью;
- разговорность — риторическая категория, которая конкретизируется в речи как стилевая сниженность, экспрессивность, номинативная диффузность, коммуникативная фамильярность языковых единиц или речи в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, ОЛЯ, 1963. 256 с.
- Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка / Ред. Т. Г. Винокур, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1968. С. 12–101.
- Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Семиотика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика. 1. Вып. 442. Тарту, 1978. С. 63–112.
- Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. 189 с.
- Девкин В. Д. Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2005. 670 с.
- Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 256 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Иванчук И. А. Риторическая категория *разговорность* в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры: ее специфика и функции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 1. С. 5–11.
- Кормилицына М. А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 268–276.
- Крысин Л. П. Русское слово: свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Лаптева О. А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 407–408.
- Лукиянова А. Н. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: СО АН СССР, 1986. 230 с.
- Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.
- Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Сиротинина О. Б. Разговорная речь. (Определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. С. 373–391.
- Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 17–27.
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
- Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

REFERENCES

- Bolshoy tolkovy slovar russkogo yazyka* [The big dictionary of the Russian language], gl. red. S.A. Kuznetsov [main ed. S.A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998, 1536 s.
- Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of the poetic speech. Poetics]. Moscow, AN SSSR Publ., OLYa, 1963, 256 s.

- Vinokur T.G. *Stilisticheskoy razvitie sovremennoy russkoy razgovornoy rechi* [Stylistic development of the modern Russian colloquial speech]. *Razvitie funktsionalnykh stiley sovremennogo russkogo yazyka*, red. T.G. Vinokur, D.N. Shmelyev [eds. T.G. Vinokur, D.N. Shmelyev]. Moscow, Nauka Publ., 1968, s. 12–101.
- Gasparov B.M. *Ustnaya rech kak semioticheskiy obyekt* [Oral speech as a semiotic object]. *Semiotika nominatsii i semiotika ustnoy rechi*. *Lingvisticheckaya semantika i semiotika*. 1. Vyp. 442. Tartu, 1978, s. 63–112.
- Gorodskoe prostorechie: problemi izucheniya* [The urban colloquial speech: the research problems], otv. red. E.A. Zemskaya, D.N. Shmelev [eds. E.A. Zemskaya, D.N. Shmelev]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 189 s.
- Devkin V.D. *Nemetskaya leksikografiya* [The German lexicography]: Ucheb. Posobie dlya vuzov. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005, 670 s.
- Devkin V.D. *Nemetskaya razgovornaya rech: Sintaksis i leksika* [German colloquial speech: syntax and words]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1979, 256 s.
- Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Shiryaev E.N. *Russkaya razgovornaya rech: Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech: General issues. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 276 s.
- Ivanchuk I.A. Ritoricheskaya kategoriya *razgovornost* v publichnoy rechi nositeley elitarnogo tipa rechevoy kultury: ee spetsifika i funktsii [Rhetoric category *colloquiality* in publicistic speech of the speakers of elite standards of speech: its specifics and functions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2004, № 1, s. 5–11.
- Kormilitsyna M.A. *Razgovornost kak realizatsiya strategii blizosti k adresatu v sovremennoy presse* [Colloquiality as realization of the strategy of closeness with an addressee in the modern press]. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysin*, otv. red. E.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk [eds. E.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2007, s. 268–276.
- Krysin L.P. *Russkoe slovo: svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word: ours and theirs: research on the modern Russian language and social-linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004, 888 s.
- Lapteva O.A. *Razgovornaya rech* [Colloquial speech]. *Lingvistichesky entsiklopedicheskiy slovar*, gl. red. V.N. Yartseva [main ed. V.N. Yartseva]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, s. 407–408.
- Lukyanova A.N. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problem semantiki* [Expressive colloquial words]. Novosibirsk, SO AN SSSR Publ., 1986, 230 s.
- Ozhegov S.I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kultura rechi* [Lexicology. Lexicography. Standards of speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974, 352 s.
- Russkaya razgovornaya rech* [Russian colloquial speech], otv. red. E.A. Zemskaya [ed. E.A. Zemskaya]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 485 s.
- Sirotnina O.B. *Razgovornaya rech (Opredelenie ponyatiya, osnovnye problemy)* [Colloquial speech: definition of the concept, main issues]. *Voprosy sotsialnoy lingvistiki*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, s. 373–391.
- Sirotnina O.B. *Ustnaya rech i tipy rechevykh kultur* [Oral speech and types of standards of speech]. *Rusistika segodnya*, 1995, № 4, s. 17–27.
- Khimik V.V. *Bolshoy slovar russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [The big dictionary of the Russian colloquial expressive speech]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2004, 768 s.

Khimik V.V. *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kulturny fenomen* [The poetics of the low, or vernacular as a cultural phenomenon]. Saint Petersburg, Filologichaskiy fakultet SPbGU Publ., 2000, 272 s.

Василий Васильевич Химик

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов
Санкт-Петербургский государственный университет

Vasiliy Khimik

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia

E-mail: russforeign@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Алексеев</i> ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ ТЕКСТ И АРХЕОЛОГИЯ	5
<i>Сари Ахола, Маргарита Пиетариен, Рийкка Уллаконоя</i> УСПЕХ НА ЯЗЫКОВОМ ЭКЗАМЕНЕ И ГРАЖДАНСТВО (некоторые результаты экзаменов на знание финского языка русскоязычных тестируемых в Финляндии)	37
<i>В. Б. Браун</i> «ИСТОРИЗМ» ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА: ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ ВО «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ»	49
<i>Харри Вальтер</i> НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ В НИДЕРЛАНДСКИХ ПОСЛОВИЦАХ ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ	59
<i>Е. В. Генералова</i> ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII вв. (к вопросу о возможности реконструкции разговорного языка по письменным источникам)	73
<i>Л. С. Гуцян, В. В. Федченко</i> О ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ СТРОИТЕЛЬСТВА В КОНТАКТНЫХ ЗОНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ, ЮЖНОГО КАВКАЗА И ЮЖНЫХ БАЛКАН	89
<i>Ю. В. Доманский</i> РОК-КИНОТЕКСТ: РУССКАЯ ВЕРСИЯ	100
<i>И. Дулебова</i> РУССКИЕ АВТОРЫ НА СЛОВАЦКОЙ СЦЕНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	117
<i>И. Ж. Едиханов</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАРСКОГО ДИСКУРСА МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ	128
<i>А. К. Звагольская</i> «БУКОЛИКИ» КАЛЬПУРНИЯ: КОНЦЕПТ «МОЛОДОСТЬ» КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА АВТОРА	139

<i>М. В. Зеликов</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАК ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА	148
<i>Е. В. Иванова</i> КАРТИНА МИРА В АНГЛИЙСКИХ АНТИПОСЛОВИЦАХ	161
<i>И. С. Иванова</i> РЕЦЕПЦИЯ ТЕОРИИ ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА СОВЕТСКИМИ ЛИНГВИСТАМИ (1920–1930-е гг.)	170
<i>М. Д. Карманова</i> МЕТОД КОМПЬЮТЕРНОГО АНАЛИЗА ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО С ПОМОЩЬЮ КОНЦЕПТ-КАРТ	184
<i>Герман Корте</i> ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВАНГАРД И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (1914–1918)	194
<i>В. Г. Костомаров</i> НОРМА – СОЗДАТЕЛЬНИЦА ИЛИ ПОРОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА?	206
<i>Н. А. Любимова, Е. В. Бузальская</i> МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФРАГМЕНТ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	215
<i>А. Л. Мальчуков</i> СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И КОНКУРИРУЮЩИЕ МОТИВАЦИИ	225
<i>К. В. Манёрова</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В НЕМЕЦКОМ МЕДИАТЕКСТЕ: ТИПЫ И ДИНАМИКА	240
<i>И. Г. Милославский</i> ЛЕКСИКОГРАФИЯ ДЛЯ ПРОДУКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ: СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ, АКТИВНЫЙ, ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ?	251
<i>Антоанета Стоянова Михайлова, Калинка Вълчева Минкова</i> БОЛГАРИЯ ПЕРИОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДВУХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЬНИЦ	260
<i>Л. П. Михайлова</i> ЭКСТЕНЦИАЛЬНЫЕ И ИСКОННЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ	278

<i>Л. В. Московкин</i> ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	289
<i>Л. Э. Найдич, Н. Д. Светозарова</i> ДИАЛЕКТНАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТОТЕКА Л. Р. ЗИНДЕРА	300
<i>С. Т. Нефёдов</i> АВТОРЕФЕРЕНЦИЯ В НАУЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	313
<i>Л. А. Пиотровская</i> ЭМОТИВНОСТЬ И ДЕЙКСИС	321
<i>И. Л. Плужник</i> БАЗОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОДЕРЖАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ГУМАНИТАРИЕВ	333
<i>Петр Покорный</i> ВСЕЛЕНСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ УЧЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАТФЕЯ	344
<i>К. А. Рогова</i> ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ: ГРАММАТИКА И ТЕКСТ	358
<i>Н. Ю. Романова</i> ДИСКУРС ДИЗАЙНА	366
<i>Т. В. Романова</i> ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ИСПОВЕДАЛЬНОГО ТЕКСТА	374
<i>Т. Г. Скребцова</i> МОРФОАНАЛИЗ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОДА И ОДУШЕВЛЕННОСТИ	386
<i>Аристотель Спиро</i> СОВРЕМЕННЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В АЛБАНИИ: ОПИСАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ	396
<i>Ю. В. Стулов</i> ТРАГЕДИЯ ДЕТЕЙ В АТЛАНТЕ В ФАКТАХ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ	418
<i>Ханну Томмола</i> ТЕНЬ СЛАВИСТИКИ В АСПЕКТОЛОГИИ? НАБЛЮДЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ ТИПОЛОГА	428

Виктория Ушинскиене

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

(в свете нового проекта Библиотеки Вильнюсского университета)438

К. А. Филиппов, В. Б. Ребиков

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО СЕМИНАРА СТУДЕНТОВ

В РЕЖИМЕ ONLINE И OFFLINE: КОМПЛЕМЕНТАРНЫЙ АНАЛИЗ451

В. В. Химик

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ:

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ, ОБУЧЕНИЕ И ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ460

CONTENTS

<i>Anatoliy Alexeev</i> THE OLD TESTAMENT TEXTS AND ARCHAEOLOGY	5
<i>Sari Ahola, Margarita Pietarien, Riikka Ullakonoja</i> SUCCESS IN THE LANGUAGE TEST AND CITIZENSHIP (Some results of the Russian test takers in the Finnish language test in Finland)	38
<i>Vera Braun</i> “HISTORISM” OF J. R. R. TOLKIEN: HISTORY AND MEMORY IN “THE LORD OF THE RINGS”	49
<i>Harry Walter</i> NATIONAL AND PAN-EUROPEAN BACKGROUND OF THE NETHERLAND PROVERBS BY P. BRUEGEL	59
<i>Elena Generalova</i> LEXICAL AND SEMANTIC SYSTEM OF THE COLLOQUIAL RUSSIAN LANGUAGE IN XVI–XVII CENTURIES: on reconstruction of the colloquial language on the base of written sources	73
<i>Lusine Gushchyan, Valentina Fedchenko</i> ON TRADITIONAL BUILDING IN THE CONTACT AREAS IN CENTRAL ASIA, SOUTH CAUCASUS AND THE BALKANS	89
<i>Yuri Domanskiy</i> ROCK-FILMTEXT: RUSSIAN VERSION	100
<i>Irina Dulebova</i> RUSSIAN AUTHORS ON THE SLOVAK STAGE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY	117
<i>Iskander Edikhanov</i> DISCOURSE IN THE TATAR LANGUAGE IN MOBILE COMMUNICATION	128

Alla Zvagolskaya

- THE «BUCOLICS» OF CALPURNIUS:
THE CONCEPT «YOUTH» AS A CHARACTERISTIC
OF THE AUTHOR'S IMAGE.....139

Mikhail Zelikov

- SYNTACTIC PECULIARITIES OF THE LITERARY MONUMENTS
AS THE BASIS OF THE FUNCTIONING OF THE COLLOQUIAL LANGUAGE148

Elizaveta Ivanova

- THE WORLDVIEW IN ENGLISH ANTI-PROVERBS.....161

Irina Ivanova

- THE THEORY OF F. DE SAUSSURE AS INTERPRETED
BY THE SOVIET LINGUISTS (1920–1930-s)170

Mariya Karmanova

- COMPUTER ANALYSIS OF THE EMBLEM POEMS
BY SYMEON OF POLOTSK BY THE MIND-MAPS184

Hermann Korte

- THE LITERARY AVANT-GARDE AND WORLD WAR I (1914–1918)194

Vitaliy Kostomarov

- NORM: CREATOR OR CREATION OF LANGUAGE?206

Nina Liubimova, Elena Buzalskaya

- METALINGUISTIC UNITS AS FRAGMENTS
OF MODERN LINGUISTIC TERMINOLOGY215

Andrej L. Malchukov

- PREDICTING SYNTACTIC ALIGNMENT225

Kristina Manerova

- PHRASEOLOGICAL MODIFICATIONS IN GERMAN MEDIATEXТ:
TYPES AND DYNAMICS240

Igor Miloslavskiy

- LEXICOGRAPHY FOR SUCCESSFUL SPEECH PERFORMANCE:
DICTIONARY OF SYNONYMS, ACTOVATOR DICTIONARY, THESAURUS?251

Antoaneta Mikhailova, Kalinka Minkova

- BULGARIA OF THE PERIOD OF SOCIAL-POLITICAL CHANGES AS REFLECTED
IN THE WORKS BY TWO GERMAN WRITERS260

<i>Lyubov Mikhailova</i>	
EXTENSIONAL AND ORIGINAL PHONETIC DIALEKTISMS IN THE RUSSIAN DIALECTS	278
<i>Leonid Moskovkin</i>	
OVERVIEW OF INNOVATION TECHNOLOGIES IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE	289
<i>Larissa Naiditch, Natalia Svetozarova</i>	
CARD INDEX OF DIALECT WORDS BY L. R. ZINDER	300
<i>Sergey Nefedov</i>	
AUTOREFERENCE IN SCIENTIFIC LINGUISTIC DISCOURSE	313
<i>Larisa Piotrovskaya</i>	
EMOTIVITY AND DEIXIS	321
<i>Irina Pluzhnik</i>	
KEY ELEMENTS OF FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL CROSS-CULTURAL COMMUNICATION COMPETENCE IN HUMANITIES	333
<i>Petr Pokorný</i>	
UNIVERSAL IMPACT OF THE TEACHING OF JESUS CHRIST ACCORDING TO THE GOSPEL OF MATTHEW	344
<i>Kira Rogova</i>	
SPEECH CONSISTENCY: GRAMMAR AND TEXT	358
<i>Natalya Romanova</i>	
DESIGN DISCOURSE	366
<i>Tatyana Romanova</i>	
DIALOGUE MODALITY OF THE CONFESSIONS	374
<i>Tatyana Skrebtsova</i>	
MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN NOUNS: TOWARDS THE PROBLEM OF GENDER AND ANIMACY	386
<i>Aristotle Spiro</i>	
THE MODERN GREEK DIALECTS OF ALBANIA – A GENERAL DESCRIPTION AND CLASSIFICATION	396
<i>Yuri Stulov</i>	
THE TRAGEDY OF THE CHILDREN IN ATLANTA IN FACTS AND FICTION	418

Hannu Tommola

SHADOW OF SLAVIC STUDIES IN ASPECTOLOGY?
OBSERVATIONS AND INTERPRETATIONS BY A TYPOLOGIST428

Viktoriya Ushinskiene

SLAVONIC LANGUAGES IN LEGAL COMMUNICATION
IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA:
A NEW PROJECT OF THE VILNIUS UNIVERSITY LIBRARY438

Konstantin Filippov, Valeriy Rebikov

EDUCATIONAL SEMINAR FOR STUDENTS IN ONLINE AND OFFLINE MODES:
A COMPLEMENTARY ANALYSIS451

Vasily Khimik

RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH:
ITS CONCEPT, TEACHING AND TERMINOLOGY460

Научное издание
XLIII Международная филологическая конференция
11–16 марта 2014 года
Избранные труды

Оформление обложки
О. В. Рудневой

Подписано к печати 24.09.2015.
Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура PT Serif.
Печать офсетная.
Бумага офсетная.
Тираж 150 экз. Заказ №